

Vadime et Danielle Eliseeff

**LA CIVILISATION
DE LA CHINE
CLASSIQUES**

ARTHAUD
1987

Вадим Елисеєфф, Даниель Елисеєфф

**ЦИВИЛИЗАЦИЯ
КЛАССИЧЕСКОГО
КИТАЯ**

Екатеринбург
У-Фактория

УДК 94
ББК 63.3(5)
Е51

Ouvrage publié avec le concours du Ministère français chargé de la culture —
Centre National du Livre

Издание осуществлено при поддержке Национального центра книги
Министерства культуры Франции

Серия «Великие цивилизации»

Ответственный редактор В. Харитонов

Перевод с французского Д. Лоевского

Елисеєфф, В., Елисеєфф, Д.

Е 51 Цивилизация классического Китая / В. Елисеєфф, Д. Елисеєфф; пер. с франц. Д. Лоевского. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 640 с.: ил. («Великие цивилизации») — Перевод изд.: La civilization de la Chine classiques / Vadime et Danielle Elisseeff. Paris, 1987.

ISBN 978-5-9757-0176-3

Многие уверены, что Великие географические открытия совершали европейцы, потому что первыми вышли в открытое море. Немногие знают, что задолго до этого опасные путешествия по морям предприняли китайцы. Китайцы упорно боролись с варварами, поэтому построили Великую Китайскую стену. Китайцы хотели досыта накормить свой народ, поэтому построили Великий канал.

Благодаря своей письменности китайцы изобрели бумагу, чернила, книгопечатание и документы. Китайцы первыми стали сдавать экзамены, выстраивать вертикаль власти и поголовно сочинять стихи.

«Китай — это мир в миниатюре», — сказал один европеец в XVII веке, попав в этот необыкновенный, полный чудес и разумно устроенный мир.

УДК 94
ББК 63.3(5)

© Arthaud, 1987
© Лоевский Д. О., перевод на русский язык,
2007
© ООО «Агентство прав «У-Фактория», 2007

ISBN 978-5-9757-0176-3

Глава первая

ВВЕДЕНИЕ В КУЛЬТУРУ КИТАЯ

Добро тому врать, кто за морем бывал! Подозрительность и недоверие, которыми встречают прославленных путешественников — от Пифея Фокийца до Марко Поло из Венеции, — часто ожидают и востоковедов. Всегда бывает очень трудно допустить, что ваша цивилизация не уникальна, и в любом случае — что ее первенство, если оно существует, не вечно. Только с недавних пор в большинстве культур начинают ставиться под сомнение когда-то появившиеся идеи о собственном превосходстве. Это происходит как на Западе с его европоцентризмом, так и в Китае с его синоцентризмом.

Однако в случае с историей Китая опасен не только постоянно возрождающийся европоцентризм, но и другие возможные ошибки. Обширные территории страны, продолжительность ее истории делают невозможным для любого из нас описать, без пристрастия и недостатков, развитие Китая, эволюцию дел и поступков тех, кто составляет четверть человечества.

Мы не можем нарушить здесь традиции наших коллег и предшественников, которые любое введение в китайскую историю начинают с предостережения: будь то снисходительное уведомление о невежестве и пробелах, свойственных нашим школьным программам, или жестокое разоблачение искаженных точек зрения и ошибочной информации. Между

тем, совершенно не желая выбирать путь проповедника или памфлетиста, мы просто исправим ложные мнения или влияние излишней чувствительности, которые искажают здоровое понимание идей и событий, так часто толкующихся по воле мало подготовленного воображения, вдохновенного экзотикой.

Кончено, мы хорошо знаем, что выбор той или иной информации, являющийся обязательным для любого краткого изложения, как, впрочем, и для любого исследования, делает субъективным любое стремление к объективности. Кое-кто, шутя, даже предположил, что можно написать десять историй Китая, разных, но тем не менее все-таки точных. И так, заранее соглашаясь с разнообразной критикой, мы предлагаем наше видение вещей и рамки, которыми мы полагаем ограничиться в наших исследованиях.

Мы стремимся создать определенное представление о древней китайской цивилизации и ее развитии вплоть до монгольского завоевания. Чтобы сделать это, мы считаем необходимым сосредоточить свое внимание на трех исторических отрезках, соответствующих трем аспектам, трем высшим точкам развития единого целого: Хань (206 до н. э. — 220 н. э.), Тан (618—907) и Сун (960—1279). Классический Китай, который состоял из этих трех фрагментов, создававшихся на протяжении увлекательных периодов политического и интеллектуального подъема, содержавших многообразие и особенности самых разных характеров, объединялся в эти ключевые моменты в восхождении к единому целому.

Это деление, тяготеющее скорее к общим, нежели тематическим описаниям, также является только средством смягчить те проблемы, которые ставит периодизация истории Китая. Она, если следовать принятым взглядам на значимость политических, экономических или философских факторов, не может быть вписана в единую схему. Самый простой вариант — описание событий в хронологическом порядке, где рубежами становятся даты падения династий, при условии, что

для каждой линии развития сохраняются ее самые важные элементы и этапы развития, — остается единственной возможностью, позволяющей в небольшом обобщении разумно сочетать причины и следствия. В Китае более чем в других странах заметно, что каждая сфера жизни общества развивается в зависимости от других сфер, смешиваясь с ними, поэтому возможность выделить какую-то из них весьма спорна. Вот почему, несмотря на все свои недостатки, старое деление истории на династические циклы сохраняет своих сторонников. Более глубокая причина сохранения этого подхода в том, что смена династий никогда не становилась результатом только внутренних раздоров правящего дома, но всегда являлась следствием общенациональной катастрофы, выход из которой предполагал как раз смену династии.

Чтобы наше исследование не оказалось оторванным от человека, мы старались не забывать о буднях повседневности. Ведь каким бы честолюбивым ни было историческое исследование, и самые длинные линии общественного развития оно всегда вычерчивает на примере событий или даже исторических анекдотов. При этом тот объем материала, который используется в таких исследованиях, все равно не позволяет с достаточной степенью надежности говорить о развитии общества в целом. Конечно, мало-помалу отдельные черты начинают проявляться, но их число еще слишком ограничено, чтобы начинать изучение структур. Эти важные аргументы не могут пробиться через мелкую сетку универсальной истории, корни которой еще слишком глубоко уходят исключительно в историю Европы.

Сегодня мы вынуждены осознавать наличие обратной ситуации: изучение некоторых глобальных проблем обогащается китайскими данными. Существуют также и феномены аккультурации, в которых значительную роль сыграли уроки китайской цивилизации. Однако влияние китайской цивилизации могло быть разным, «китаизация» никогда не шла по единому образцу. «Варвары» могли быть интегрированы

китайским двором, перенять его обычаи, но в целом кочевники ожесточенно сопротивлялись китайскому влиянию. Значительная часть кочевников предпочли индийское влияние или восприняли одну из ближневосточных культур. Напротив, более устойчивые государства, как, например, Корея или Аннам (Северный и Центральный Вьетнам), могли иногда восставать, но никогда не отказывались от культуры завоевателя, старательно пытаясь ее усвоить. Япония, которая вообще никогда не была захвачена Китаем, самостоятельно выбрала его в качестве модели. Даже если не принимать во внимание масштабы этого феномена, простой вывод о том, что Китаю присущи особые свойства аккультурации, более эффективные, чем те, о которых свидетельствует история других великих цивилизаций, будет неуместным.

Роль, которую играла китайская бюрократия, также может быть вкладом в мировую историю. Китайское чиновничество существенно отличается от других привычных для нас сословий, если учесть характерное для Китая социальное деление общества. В этой стране бюрократия занимает господствующую позицию. Произшедшая благодаря отбору по системе экзаменов из весьма обширной категории населения, она часто противостояла родовой аристократии, но ее никогда не тревожили конфликты с местным духовенством, военными кланами и группами торговцев. Это привело к тому, что Вольтер и Лейбниц в XVIII в. поспешно заключили, забывая о преступлениях мандаринов, что Китай — государство философов.

Урбанизация — еще один общий феномен — в Китае происходила благодаря административной децентрализации, которая влекла за собой постоянный контроль над рынками или пересадочными станциями. Более того, аграрный характер городов — поскольку поля, в отсутствие столь необходимого скота, нуждались в удобрении человеческими испражнениями — приводил к тому, что крестьяне жили рядом с собственниками, держащимися в стороне от высоких политических сфер. В связи с этим торговцы не могли созда-

вать бурги (города), которые бы стремились к увеличению привилегий и льгот.

Ремесленники — которые способствовали славе китайской цивилизации, благодаря качеству своей продукции, будь то бронза, нефрит, фарфор, лак или шелк, и своей изобретательности, создавшей тачку, корабельный руль, бумагу, типографию, сейсмограф и компас, — всегда оставались на периферии. Малейший прогресс, такой как водяные мельницы, мог в итоге привести к нарушению равновесия рабочих мест, что отражалось на большом количестве работников, и казался очень опасным. Эта проблема оставалась постоянной для экономической политики Китая.

Наконец, изолированность китайской цивилизации, ее эндогенный характер не снимают вопроса о том, под чьим влиянием находилась ее культура. Китай, безусловно, грешил китаецентризмом, но в более ранние эпохи он пускал в ход свои культурные контакты, одновременно становясь своеобразным перекрестком. Древний Китай знал римлян, парфян и Сасанидов. Императорский двор поддерживал связи с индийцами, иранскими арабами и Византией. Конечно, это проникновение не навязывалось, как в других частях света, под давлением, вызванным соседством. Оно осуществлялось дозированными влияниями, и заимствования никогда не были достаточно объемными, чтобы оказать серьезное влияние культур этих далеких стран на Китай. Следствием этого стало осознание, что все могло бы китаизироваться. Это осознание породило чувство собственного превосходства, выраженного в концепции Срединной империи, к которому следует добавить и ощущение собственной необычности. Как часто одно расхождение с Западом разнообразит всю последовательность событий, которые в то же время сходны в универсальном развитии истории.

Как только общества проходят стадию примитивной экономики, как только начинается увеличение количества произведенных всем населением продуктов, правители ищут возможность присвоить результаты этого экономического роста,

используя налоговую систему для реализации своих широко-масштабных замыслов. Производители же со своей стороны пытаются сохранить большую часть результатов своего труда для того, чтобы распространить свое собственное влияние. Сбор налогов и попытки отказаться от их уплаты — вот две стороны появления прибавочного продукта. Однако и в этом общем для всех процессе можно выделить особенность китайской цивилизации. Суть этого отличия в том, что подобный антагонизм очень быстро завязывался на одной категории населения — чиновничестве. Чиновники часто происходили из того же слоя крупных или мелких собственников, в результате чего они из-за уловок собственных семей всегда оказывались одновременно и судьями, и союзниками собственников. Чиновничество, которое благодаря своим связям объединяло в себе противоположные интересы, никогда не упускало возможности поживиться частью налоговых сборов или обложить дополнительным налогом податное и барщинное население, находившееся в их власти. Однако каждый раз, когда частные интересы слишком отягощали груз эксплуатации, экономическое положение начинало резко ухудшаться, население, заданное повинностями, восставало, какой-нибудь честолюбивый человек захватывал власть, используя надежды толпы. И снова начинал царствовать порядок, иногда довольно долго. Положение бедноты смягчалось, мир восстанавливал как плохое, так и хорошее, и снова начинался период процветания. Потом старый механизм снова начинал работать: истощившая свои силы центральная власть снова противопоставляла себя собственникам, которые поднимали голову. Власть увеличивала давление на население и вновь влекла страну к разорению. Конечно, нельзя говорить, что этот цикл и его конкретные события раз за разом повторялись, так как он каждый раз был ускорен или замедлен конкретным правителем и представителями его окружения. Более того, иногда он подвергался и внешним влияниям, которыми могли быть нападения варваров на границы государства или природные бедствия.

* * *

Решение этих проблем связано с идеей, что актеры этих циклических драм играли роль человека во вселенной. Сознание того, что у каждого из нас есть своя роль в жизни, становится в Китае доминирующим, настолько сильным, что каждый индивид должен был следовать существующему порядку. Наиболее древние ритуалы, связанные с сельским хозяйством, подчеркивают чередование сезонов и те связи, которые существуют между человеком и природой. Но тогда как в некоторых религиях сельскохозяйственных обществ Древнего Востока человек следовал порядку смены сезонов, зависящему от космического миропорядка, в Китае очень рано именно Космос стал следовать ритму человеческой жизни. Человек своей работой и своими поступками способствовал пробуждению или усыплению природы. Природные явления и поведение человека объединялись в соответствии с общим резонансом и многочисленными их совпадениями.

Общая тенденция мировосприятия предоставляла человеку привилегированное положение, помещая его в центр мира: отсюда вытекает изначальный антропоцентризм, присущий и людям, и философским школам. Он повлек за собой и общее отсутствие интереса к службе обществу, и, что реже, бешеный эгоизм, который отвергал любое внешнее вмешательство. Таким образом, и элита и массы испытывали на себе все колебания философов и религий, которые, следуя за мистическими, рационалистическими или диалектическими подходами, объясняли им, что все есть в каждом, что следовать за своими склонностями — это естественный закон; или что общее и есть единое, что все в мире равнозначно; или даже, что единство всего мира требует участия каждого в движении Неба и Земли. Эта солидарность человека и природы передавалась через существование целого ряда космических соответствий, которые усиливали потребность общества в здоровом распределении обязанностей и необходимости иерархии. Организация

пространства и времени выводила на первый план кадастр и календарь. Организация общества — исследование связей между членами общества, между моралью и управлением.

Принципы, которые объединяли эти действия, подчинялись также осознанию, что все способствует упрочнению движения Вселенной, что ничто не должно нарушить существующей гармонии. Такие понятия, как «относительность», «отрицание», получили преимущество перед понятиями «абсолют» и «антагонизм» и, безусловно, смягчали их смысл. На самом деле, такие понятия, как «абсолют», «бесконечность», никогда не существовали в наших абстрактных терминах, они всегда имели отношение к чему-то существующему. Тем не менее, кроме понятия «ничто», всегда существовали и другие понятия, которые относились к миру, расположенному вне человеческого восприятия. Касательно этого «ничто» мы можем сказать, что оно было ограничено тем, что это понятие непостижимо, а значит, не абсолютно. Если идти еще дальше, эта непостижимость, по определению, оправдывает то, что мы не можем размышлять о ней. Вот почему смерть человека минует наше воображение и делает напрасной заботу о конце света. То же решение проблемы «абсолюта» можно отметить в политических речах и назидательных текстах. Моделью в них становятся афоризмы или постулаты. Строгость аристотелевского силлогизма подменяет изменчивость сорита¹ — серии подобий, которые могут привести к единому целому любое из предшествующих понятий. Эта тяга к конкретным данным не тождественна страху перед совершенно абстрактными понятиями, и в менее отвлеченных ситуациях предпочтение будет отдано абстрактному решению. Существуют даже религиозные практики, которые вызовут у китайцев реакцию, очень похожую на ту, которую они вызвали бы у европейцев, если не

¹ Сорит (греч. σωρός — «куча») — цепь силлогизмов, в которых заключение является одной из посылок следующего за ним, а одна из посылок при этом не выражается в явной форме. (Здесь и далее примеч. ред. и пер.)

сказать такую же. Любовь и одиночество, богатство и нищета, рождение и смерть вызывают одинаковые радости и горе. Одни и те же драмы человеческой жизни играют со сходными разочарованиями и надеждами, опасениями и молитвами. Суеверия или верования влекут за собой на протяжении веков создание множества священных пантеонов, местные или чужие божества которых являются в городах и деревнях.

В то же время интерпретация этого поведения осложняется коллективными процессами, связанными с рационализацией. Сельскохозяйственные обряды, например, являются не частью какой-то устоявшейся религии, а частью всей совокупности культов, в которых примитивные божества довольно долго не принимают обличия антропоморфных существ. Напротив, они очень быстро смешиваются с интеллектуальными понятиями, такими как Небо, Порядок или Путь. Если философские построения или религиозные верования объединяются антропоцентрической концепцией Вселенной, этот антропоцентризм имеет своей целью не развитие возможностей отдельной личности, а всего вида в целом. Прагматизм, который в этом проявляется, в свою очередь предназначен для такого же понятия личности.

Таким образом, мифологические сюжеты, обработанные очень поздно, почти не повествуют о сверхъестественных персонажах. Эти рассказы уделяют намного меньшее внимание первым героям, чем их деяниям. Они выводят на первый план достойных личностей, которые создали мир из хаоса, затем его упорядочили, сделали плодородным и пригодным для жизни: Юй — усмиритель вод, Яо и Шунь — изобретатели сельского хозяйства, скотоводства, ткачества, организаторы работ. Этот появившийся очень рано акцент на деяние, а не на человеке уже сообщает очень многое о характере личности в Китае. Ее трудно выделить из коллектива, так как именно принадлежностью к коллективу личность и характеризуется. Причем речь идет не только о самоидентификации в конкретной семье, которую личность ставит выше собственных интересов, но и об

обществе в целом, в котором индивидуум занимает место согласно своим функциям, жертвуя уже собственными родственными связями. Тот же феномен характерен и для социальной иерархии. Она ставит на первое место отношения между правителем и подданным, потом между отцом и сыном, от старшего к младшему, и только потом отношения мужа и жены и отношения между друзьями. Семья первенствует над отношениями дружбы, но уступает Государству.

Примеры, которые мы выбрали, иллюстрируют некоторые особенности Древнего Китая, однако они препятствуют изучению развития китайской мысли. Поэтому мы часто будем возвращаться к этим понятиям космического и жизненного ритма, законов природы, соответствия, относительности и отрицания. Ведь и в религиозном и в идеологическом плане китайцы с древнейших времен и до наших дней никогда не ощущали разрыва со своим прошлым.

Смысл большинства понятий, общих для всех народов, в китайской цивилизации кажется нам несколько иным, потому что иными являются приоритеты. Если этого достаточно для того, чтобы отказаться от границ нашего европоцентризма в пользу лучшего понимания Китая, нам остается только преодолеть несколько особенностей китайской цивилизации для того, чтобы приступить к нашему исследованию, и прежде всего, что может показаться удивительным, — ее язык.

Язык и письменность

Первая характерная черта, которая поражает воображение европейцев, когда они начинают интересоваться Китаем, это оригинальность китайской письменности. Именно письменность, больше, чем сам язык, играет значительную роль в развитии китайского единства, выступая как объединяющий фактор внутри страны и как изолирующий — во внешней политике. Она позволяет китайскому обществу избегать варварских

начал и, благодаря каллиграфии, достигать вершин культуры. И все же путешественники обнаружили это достаточно поздно. Гийом де Рубрук (около 1220 — после 1293), посетив монголов, описал китайскую письменность в нескольких строчках. Марко Поло о ней даже не упомянул. Нужно было дождаться XVI в., когда появилось несколько упоминаний о письменности, например д'Акостой в 1593 г. Два века спустя Лейбниц в поисках универсального языка заинтересовался этими знаками, могущими передать особенности языка, не используя устной речи. При чтении эти знаки понятны, но произносятся по-разному, в зависимости от конкретного языка, как арабские или римские цифры. Они обозначают предметы или понятия и называются пиктографическими или идеографическими знаками, или пиктограммами или идеограммами. Созданные на основе конкретных рисунков — солнце, луна, деревья — с простыми или сложными элементами, эти знаки обрели фонетические коннотации (дополнительные значения): с рисунком, имеющим определенный смысл, появился другой, обозначающий звук. Эти сочетания, становившиеся со временем все более и более многочисленными, позволяют говорить, как это делает Марсель Коэн¹, об «идеофонографической письменности», или, если следовать Эмилю Бенвенисту², подчеркивающему форму этих «элементов-опор», о письменности «морфематической». Вкратце можно сказать, что каждый моносиллабический знак обозначает одно слово и что он неизменен. Это означает, что грамматические категории слова (род, число, грамматическая форма) никак не меняют его написание. Только позиция слова в произношении фразы определяют его грамматические функции.

1 Марсель Коэн (1884—1976) — французский языковед-африканист, семиолог и специалист по общему языкознанию.

2 Эмиль Бенвенист (1902—1976) — французский языковед и культуролог, занимался семантикой и проблемами связи языка и культуры, синтаксической типологией, иранскими языками и т. д.

Очень трудно измерить ту разницу, которая могла изначально существовать между устной и письменной речью, между языком и письменностью. Но вскоре свойства знаков привели к тому, что из письменной речи, все более отличающейся от разговорной, родился литературный язык, который нашел свое выражение в обрядах и поэзии, управлении и политике. Бытовая речь не стала использовать меньше знаков для записи, но она оставалась прежде всего устной речью, использовавшейся для повседневных разговоров. В литературу она вошла только в период правления династии Юань (1280—1368). Разговорный язык, или, точнее, бытовые языки китайского пространства, никогда не способствовали объединению территории. Тем не менее у Китая существовал передатчик информации, наилучший из тех, которыми может располагать цивилизация, — власть графического письма. Именно оно позволило китайской мысли завоевать все умы, которых оно касалось. На протяжении нескольких тысяч лет существует древний, по сравнению с молодыми англо- и франкоговорящими мирами, мир китайской письменности, который обязан своим единством и постоянством в первую очередь особому информационному проводнику.

Пространство, охваченное китайской письменностью, с глубокой древности играло преобладающую, центральную роль. Так для китайцев классического периода цивилизацией всеобщей и универсальной была та, которая основывалась на знаке *вэнь* — сущности познания, источнике истории и архивов, наблюдений за небом и календарем, числовых, иерархических и бюрократических связей, философии и литературы, обрядов и семейных культов, — совокупности такого количества понятий, которые вызывали зависть у правителей соседних государств.

Все, что добавлялось к *вэнь*, было в сознании китайцев всего лишь экзотическими элементами, иногда соблазнительными, иногда полезными, но всегда отдельными и эпизодическими. Проникновение в Китай культурных ценностей, при-

шедших из Сибири, Индии, Ирана или Турции, — это факт. Это проникновение осуществлялось, несмотря на отдаленность источника пустынями Центральной Азии или Гималаями. Но их распространение тем не менее зависело от размеров китайской территории и ее географических особенностей.

География

Китай такой, каким мы его знаем сегодня, состоит из объединения двух больших частей: собственно Китая и китайской периферии.

Наиболее древнее объединение — это сам Китай, природные границы которого были достигнуты собственной цивилизации в начале I тысячелетия н. э. Этими границами на востоке и юге были моря, окаймляющие Тихий океан, на западе барьером стал тибетский массив, на севере — пустыни и степи монгольских и маньчжурских земель. Этот «внутренний» Китай стал колыбелью и территорией формирования классической китайской цивилизации. Это именно его мы имеем в виду каждый раз, когда мы говорим о Китае.

Вторая часть территорий, присоединенная позже, — это китайская периферия, или «внешний» Китай. Она включает в себя Тибет, китайский Туркестан, внутреннюю Монголию и Маньчжурию. До XVIII в. эти регионы ни разу не были надолго подчинены императорской власти. Населенные горскими племенами и кочевниками, которые были пастухами и скотоводами, отсталыми и неграмотными, эти регионы были местом многочисленных столкновений, в результате которых эти племена часто обращались в бегство, но никогда не были уничтожены полностью. Эти территории представляли собой зоны, находящиеся под давлением «варваров», отсюда приходили несчастья, завоевания, грабительские набеги. Именно сюда на протяжении тысячелетий направлялись все усилия китайской дипломатии и армии для того, чтобы неустанно отодвигать от

«внутреннего» Китая границу этих постоянных столкновений. Забота о мире всегда оставалась первостепенной, именно она играет важнейшую роль на протяжении всей истории Китая. К военным удачам и поражениям следует добавить и постоянные природные бедствия. Вместе эти факторы играли определяющую роль в изменении экономической, политической и социальной ситуации в Китае.

Как и в других регионах, в Китае географические условия определяли течение жизни: горы и реки, климат и почва — вот постоянные слагаемые, от которых зависели и растительный мир, и население.

Геологическая структура и тектоническая система Китая сформировались вместе с азиатским континентом. В ранние эпохи это была совокупность разрозненных территорий, омываемых морями или проливами: каждый из островов становился дамбой. Именно из-за этих естественных преград различные горообразующие процессы — от вторичного до четвертичного, от каледонской до альпийской складчатости — либо отклонились в сторону, либо были просто остановлены. На протяжении нескольких эр сдвиги или обрушения горных пород могли привести к возвращению ранее существовавших морских пространств или даже вызвать появление новых, однако этого не произошло. Напротив, во время третичного периода постоянно продолжающийся подъем всего континента создал компактное пространство суши, по форме напоминающее обрезанную пирамиду. Ее вершину называют настоящей «крышей мира», это высокое плато Центральной Азии и Тибета. Растянувшийся на восточном склоне этого строения, Китай из-за этого выглядит как гигантское крыльцо, ступени которого последовательно спускаются от высоких азиатских горных массивов к впадинам Тихого океана.

Первая ступенька Китая располагается примерно на высоте 3000 м над уровнем моря, некоторые ее возвышенности достигают 4000 м, а высота плоскогорий снижается до 2000 м над уровнем моря. Начинаясь у Сычуаньских Альп, которые

окаймляют с востока Тибетское нагорье, она тянется вдоль горных цепей Иньшаня до самых гор Юньнани. Вторая ступенька расположена в среднем на высоте от 1000 до 2000 м над уровнем моря, на ней находятся Шаньси, плато Ордос, западная часть провинции Шэньси, восточный край и центр Сычуани и Гуйчжоуское нагорье. В середине этой ступени — гигантская впадина Красного бассейна, расположенного всего на 1000 м над уровнем моря. Она является плодородным центром Сычуани.

Если представить себе диагональ, соединяющую Пекин с островами Хайнань, то эти две ступени составят западную горную часть Китая, которая благодаря удачному расположению постоянно играет роль защитного бастиона. На севере степные плоскогорья представляют собой откос, который становится для варваров трамплином их непрекращающихся набегов. Непогодородные земли Шэньси были для китайцев убежищем позади тех территорий, через которые проходили частые нападения. В то же время горы Шаньси скрывали в себе добывающие и металлообрабатывающие центры, что делало их обитателей центральными фигурами Китая в период железного века. На юге бассейн Сычуани очень рано стал территорией, на которой правительства, потерпевшие поражение и изгнанные с севера, продолжали оказывать сопротивление своим победителям. Юньнань и Гуйчжоу, находящиеся выше над уровнем моря, оставались территориями, местное население которых всегда стремилось входить в состав Китая, впрочем, эти земли оставались хранителями тысяч местных традиций.

Расположенные ниже 1000 м над уровнем моря, последние ступени составляют восточную, самую низкую часть Китая. Наклон в этой части страны становится менее равномерным. На юге, постепенно переходя в холмы, он совсем пропадает только у края гор провинций Фуцзянь и Чжэцзян, на севере же исчезает почти сразу у западного края Шаньси, уступая место аллювиальной зоне — Великой равнине Северного

Китая¹. Насколько рельеф западной, горной части представляет собой гармоничное сочетание ступеней крыльца, появившихся в процессе формирования континента, и складок, появившихся в процессе горообразования, настолько рельеф восточной части разнообразнее. Структура Северного Китая сформировалась как результат сочетания нескольких боковых толчков либо со стороны Памира, либо — Тихого океана с инертностью естественных дамб Ордоса, самого Северного Китая и Центрального Китая, который простирается от Хуанхэ до юга Янцзы. Горные складки здесь ориентированы с запада на восток или с севера на юг, в зависимости от того, становятся ли естественные дамбы для них помехой или позволяют себя проломить. Результатом сочетания территорий, подвергшихся сдвигам, и зон, в большей или меньшей степени им сопротивлявшихся, стало формирование особого рельефа. Этот рельеф создает, особенно на юге, огромную координатную сетку, о которой можно сказать, что она способствует регионализму и созданию независимых обществ. В некоторые моменты исторического развития это было очевидным, но при этом нужно помнить, что низины и огромные долины создавали систему коммуникаций, которая позволяла китайцам в долгосрочной перспективе преодолевать этот эффект дробления.

На карте рек мы также можем увидеть многочисленные судоходные пути, хоть им и приходилось преодолевать препятствия, вызванные горными преградами. Стоит отметить, что если крупные реки, Хуанхэ и Янцзыцзян, текли с запада на восток, к Тихому океану, то их многочисленные притоки соединяли север и юг.

¹ В Китае географического понятия Великая Китайская равнина не существует. На этой территории (около 325 тыс. км² на 1000 км вдоль берегов Желтого и Восточно-Китайского морей) выделяют Северо-Китайскую равнину (северная, центральная и частично южная часть Великой Китайской равнины) и Равнину среднего и южного течения Янцзы (северная часть которой находится на южной части Великой Китайской равнины).

Структура почвы и рельеф не играли в Восточном Китае той исторической роли, которая четко прослеживается в горной части Китая. Однако неровности почвы создавали определенную климатическую ситуацию, способствуя тому, что эти природные зоны были благоприятны для человека.

Климат в Китае не соответствует тем широтам, на которых расположена территория. Он по всем показателям континентальный, со всеми его ветрами и дождями. Его определяют, прежде всего, соседство крупного водного и материкового пространства, постоянные колебания давления, вызванные близостью и Сибири и Тихого океана. Перепады давления, то высокого, то низкого, также зависят от сезона. На севере в январе ветры дуют с холодных земель и приносят мороз из Северной Азии, особенно на Великую Китайскую равнину. И хотя Пекин стоит на широте Неаполя, это период холодного сухого климата. В июле, напротив, дуют ветры с моря, они приносят с собой жару и влагу. На юге эффект континентального климата несколько смягчается, климат этих регионов намного ближе к тропическому.

Между этими двумя крайностями правит умеренный климат, климат в северной части страны более холодный, в южной — более жаркий. Наиболее характерным для китайского климата является его непрерывность, как подчеркивает Пьер Гуру, «переход от умеренного климата к тропическому происходит благодаря малозаметным изменениям». Это в большей степени характерно для восточной зоны, тогда как в западной части горная цепь Цинлинь четко отделяет суровый климат Сианя и менее ветренный, более мягкий и намного более влажный климат Ханчжуна.

Страна муссонов, Китай получает благодаря дождям достаточно влаги для того, чтобы заниматься сельским хозяйством, не создавая ирригационных систем. Однако нерегулярность осадков часто уменьшает ту пользу, которую они приносят. Она влечет за собой наводнения и засуху — два несчастья, которые на протяжении всей истории очень тяжело сказывались на жизни китайцев.

Существует еще одно огромное различие, вызванное рельефом и климатом, между Северным и Южным Китаем. Для территории к северу от гор Цинлинь и реки Хуайхэ, которые разделяют два Китая, характерны известняковая почва, слабые дожди, интенсивное испарение: известняковые элементы и соли остаются в почве, что вызывает высочайшую плодородность. На юге от этой границы, напротив, дожди очень часты: в почве очень много щелока, из-за чего она теряет свои минеральные элементы, становясь менее плодородной.

Формирование растительного покрова, если основываться на первостепенных данных, позволяет выделить в Китае три естественных региона.

Тропическая зона, зажата между южными берегами и горной цепью Наньлин, включает в себя морские части провинций Юньнань, Гуаньси, Гуандун и Фуцзянь. Это страна обильных дождей, богатой растительности, где цветут деревья и растут тропические фрукты. В почве здесь много щелока, она имеет красноватый оттенок, вызванный наличием оксидов железа и алюминия. Это характерно для латеритных почв.

Вторая зона простирается почти по всей территории Китая, к югу от гор Цинлинь и реки Хуайхэ. Это умеренно теплый регион, покрытый смешанными лесами, в которых вечнозеленые деревья соседствуют с теми, которые теряют свою листву: сосны, кедры, бамбук, тутовые деревья (шелковица).

Третья зона, умеренно холодная, охватывает весь Северный Китай. Осадки здесь слабые и нерегулярные, а амплитуда колебания температуры очень высокая. Растительность представлена в первую очередь лиственными деревьями: вязы, тополя, акации, ивы, дубы, а также фруктовые деревья. Это основной регион китайского земледелия, благодаря весьма плодородной почве в первую очередь.

Эти три естественные, относительно однородные зоны располагаются вокруг трех огромных речных бассейнов.

Великая равнина Северного Китая располагается вокруг нижней части бассейна реки Хуанхэ, продолжаясь в бассейне

реки Вэйхэ. Эти реки несут течением тяжелый ил, обе они омывают желтые лёссовые почвы. Лёсс покрывает толстым слоем весь регион, площадь которого превосходит площадь Франции. Содержащий в себе поташ, магний и фосфат, состоящий из алюминия, оксида железа, извести и прежде всего кремнезема, лёсс возникает благодаря вызванной дождями и ветрами эрозии кристаллических скал плоскогорий Северной Азии. Вертикально прорезанный реками, этот район в высоких частях пересекают обрывистые проломы горных пород, а на равнинах здесь огромное количество воды. Именно на этих землях зародились китайские культуры эпохи неолита, именно Центральная равнина — Чжун-юань — была колыбелью китайской цивилизации. Из этого ядра, расположенного в современной провинции Хэнань, и вышла первая китайская цивилизация. Физическая однородность окружающей территории легко способствовала ее величине и историческому единству, несмотря на лесистый островок Шаньдуна, который был охотничьей территорией. Это была зона смешанного хозяйства, объединяющего земледелие и скотоводство, а также очаг восстаний и бунтов, начиная с восстания «краснобровых», в самом начале нашей эры, до восстания, которое свергло династию Тан в конце IX — начале X вв.

Однако если богатство Северного Китая и обеспечивает великая река, то она же и является источником его самых крупных бедствий.

Мощному течению реки, спускающемуся с неровных склонов тибетских гор примерно на две сотни километров, требуется еще примерно полторы тысячи километров, чтобы успокоиться в своем огромном русле, пересечь впечатляющих размеров ущелья и стать наконец-то полностью судходным на протяжении последних 900 км, спускаясь по склону всего на тридцать сантиметров за километр. На протяжении всей этой прямолинейной дороги груз ее ила постоянно возвышает ее русло и малейшие половодья изменяют его, часто меняя направление течения реки. Иногда она бежит на юг провинции Шаньдун, иногда на север, и тогда необозримые

наводнения, которые из-за непостоянства дождей очень трудно предсказать, влекут за собой так часто повторяющиеся катастрофы.

Судьбой этой исходной территории китайской цивилизации на протяжении веков была борьба на два фронта: против племен варваров, угрожающих с севера, которых нужно было отбивать или непрерывно уменьшать их численность, чтобы выжить, и против ненастья и природных бедствий, которые были такими же непредвиденными.

Развитие Южного Китая зависело от сходных факторов: аллогенных племен, которые нужно было победить, а затем колонизировать и ассимилировать, чтобы выжить; гигантского речного бассейна Янцзыцзян как фактора объединения — больше водного пути, чем источника плодородия. Такая же бурная, как и Желтая река, она берет свое начало в озере Кукунор, примерно в 200 км от своего соседа. Примерно на протяжении половины своей длины Голубая река преодолевает ущелье за ущельем, вплоть до Чунцина в Сычуани. После этого на протяжении почти 2400 км она объединяет благодаря линии склона все соседние реки между горными массивами Цинлинь на севере и Наньлин на юге. Именно это лесистое пространство — землю, на которой выращивают преимущественно рис и которая занимает намного более значительную площадь, чем Великая равнина Северного Китая, — китайские земледельцы постепенно распахали и захватили. Этот захват начался с завоевания государства Чу в Хубэе в III в. до н. э. и шел вплоть до III в. н. э., когда было присоединено располагавшееся на восточном берегу государство Миньюэ.

Первоначальная территория Китая, его северная часть, подвергалась многочисленным нападениям и частым распадам. Этому способствовало противостояние между высоко расположенными землями Шаньдуня на востоке и аллювиальными плоскими территориями на западе.

На юге, напротив, единство климата, растительности и особенно речной системы никогда не благоприятствовало дол-

гому сепаратизму: самый продолжительный эпизод в истории Китая, тот который называют эпохой Пяти династий (X в. н. э.), длился всего около пятидесяти лет.

Привилегированное положение региона, находившегося далеко от варваров, препятствия, которые создавал рельеф на дороге у войск противника, и в первую очередь его естественные богатства часто делали Южный Китай последним бастионом, который занимал императорский двор, когда победившие варвары изгоняли его из Северного Китая. Так было в XII в., когда произошло нападение чжурчженей; история повторилась в XIII в. во время завоевания Китая монголами.

Тропическая зона, находящаяся к югу от гор Наньлинь, простирается вокруг бассейна реки Сицзян. Ее экзотические продукты и ее удачное приморское расположение около моря благоприятствуют торговле и созданию признанных центров международной торговли. Эти территории служили убежищем многочисленных местных племен, которые бежали сюда от китайского продвижения. Они сохраняли большое число самых разнообразных местных диалектов, на которых говорили еще в периоды могущества древних государств Юэ, Миньюэ или Наньюэ.

Доисторический период

Географические условия этого континента создают множество разных регионов, каждый из которых очень мал, если сравнивать его с территорией, которую населяет большая европейская нация. На основании демографических данных некоторые даже утверждают, что Китай никогда не представлял собой монолитного объединения.

Остатки деятельности доисторического человека, которые находят археологи, могут быть крайне разнообразными. Два фактора — случайность находок и алхимия времени, которое сохраняет или изменяет материю, очень часто оставляют

только самые простые исторические вещи и весьма неполные свидетельства. Но современные открытия подтверждают, что территория проживания древнего человека была намного более обширной и густозаселенной, чем относительная редкость остатков позволяла до сих пор предполагать.

На протяжении сорока лет наиболее древними останками первобытного человека считались те, которые были обнаружены в 1921 г. в пещере Чжоукоудянь, недалеко от Пекина. Раскопки, которые там проводились с участием таких ученых, как Й.-Г. Андерсон, Д. Блэк, Пэй Вэньчжун, Э. Лисан и П. Тейяр де Шарден, привели к тому, что были найдены несколько зубов и осколков черепа. В 1927 г. канадский археолог Дэвидсон Блэк высказал предположение, что они принадлежали предку китайского человека, которого он назвал *sinanthropus pekinensis*, «пекинский синантроп», или «пекинский человек». С 1929 по 1937 г. под руководством шведского археолога Йохана-Гуннара Андерсона были найдены части еще примерно сорока тел.

Месторасположение этих останков примерно на глубине 1,5 м, казалось, указывало на существование человекоподобных, которые жили здесь сотни тысяч лет назад. Их внутреннее строение было очень сходно со строением питекантропа яванского, однако «пекинский человек» отличался объемом головного мозга, который колебался между 850 и 1200 см³. Для сравнения — современный объем головного мозга в среднем составляет 1350 см³.

Как свидетельствует исследование геологических слоев, с конца среднего плейстоцена до конца раннего палеолита, т. е. от 500 до 200 тысяч лет назад, образ жизни «пекинского человека» почти не отличался от образа жизни его европейского современника, представителя ашельской культуры¹. Тем не менее разнообразные кремневые и кварцевые орудия, кото-

¹ Ашельская культура — культура раннего палеолита; названа по предместью г. Амьен (Сент-Ашель, Saint-Acheul) во Франции. Основные орудия — каменные ручные рубила, хозяйство — охота и собирательство.

рые лежали рядом с костями, позволяют сделать вывод о некоторых значительных различиях: ручные орудия, такие как скребки или резак, очень похожи на орудия из гальки, которые были найдены в Юго-Восточной Азии. Таким образом, можно выделить общность типа, характерную для всего восточного края Евразии, как для континента, так и для азиатской гирлянды островов Тихого океана.

Люди из Чжоукоудянь, примитивные охотники, питались мясом оленей, баранов, лошадей, даже себе подобных, как можно предположить по тем следам, которые обнаруживают на некоторых человеческих костях. Вооружение состояло из простых деревянных дротиков, которые были снабжены насадками из рогов, обработанными на огне. Уникальность группы из Чжоукоудянь долго удивляла научный мир. В итоге благодаря более поздним открытиям было установлено, что сходные типы людей проживали и в других местах, например в Шаньси, строя себе жилища из ила или в береговых утесах Желтой реки.

То, что в Чжоукоудянь был найден человек, похожий по типу на ашельского человека, привело к созданию многочисленных гипотез о миграционных процессах. Связано это было с тем, что на тот период не было найдено никакого подобия первого звена в цепи эволюции, т. е. более раннего типа, который можно было бы сопоставить с уже известными находками в Европе и на островах Юго-Восточной Азии. Более поздние открытия опровергли эти гипотезы, так как были найдены не только предки синантропа, но и их обезьяноподобные предшественники. Появление человека в Китае было вызвано теми же причинами, что и появление всего человечества: об этом свидетельствуют найденные зубы человекоподобных обезьян, обнаруженные в 1957 г. в Цайюани, в провинции Юньнань, которые датируются периодом раннего плейстоцена, т. е. около 15 млн лет назад. Помимо этого, следует отметить открытие, сделанное в Люцзян (Гуанси), где были найдены гигантские челюсти, датирующиеся примерно одним миллионом лет.

Они были больше похожи на челюсти обезьяноподобных, чем на челюсти собственно обезьян, и получили название «челюсти гигантопитека». Наконец, останки предшественника пекинского человека, *sinanthropus lantianensis*, были найдены в 1963 г. недалеко от Сиани, в провинции Шэньси. Объем его головного мозга не превышал 780 см³. Орудия труда, кварцевые острия и скребки, найденные в тех же слоях, позволяют сблизить эти находки с тем материалом, который был обнаружен в 1960 г., в Кэхэ, в южной части провинции Шаньси.

Поздние научные труды, исследовавшие происхождение гоминид, пользовались результатами многочисленных раскопок, которые проводились и в Европе, и в Азии, и в Африке. Вероятно, гигантопитек — одна из самых поздних форм обезьяны, — который обитал на территории Китая примерно миллион лет назад, существовал на территории Инда и Пакистана в еще более раннюю эпоху, примерно 5 млн лет назад. По сравнению с другими обезьянами, например с рамапитеком, который существовал от 15 до 20 млн лет назад, гигантопитек был слишком поздней формой обезьяны, чтобы быть предком человека. Вероятнее всего, эта ветвь эволюции угасла, не оставив после себя следующих ступеней, и рамапитек на сегодня остается, вероятно, самым возможным предком человека. Если допустить, что этот вид обезьян обитал неподалеку от Южного Китая, то очень вероятно, что на территории Китая могут быть найдены останки рамапитека. Исследования этого вопроса еще не закончены, и поэтому гипотеза о том, что гоминиды появились на территории Китая, не может быть опровергнута. Согласно этой гипотезе, независимо от путей развития миграции и эволюции, предки синантропа пришли в Китай с Индокитайского полуострова.

Самый вероятный сценарий дальнейшего развития событий выглядит так: первобытное население Китая вошло в бассейн Желтой реки, который был достаточно протяженным, там оно постепенно продолжало эволюционировать, затем на протяжении нескольких исторических периодов, от па-

леолита до неолита, медленно монголизировалось под влиянием природных условий Южного Китая. Именно на этих жарких и благоприятных для любых форм жизни территориях впервые были найдены люди, совершенно точно обладавшие специфическими чертами монголоидной расы. Таким образом, сегодня, помимо предшественников синантропа, на территории Китая найдены и останки его потомков. Останки людей неандертальского типа эпохи Мустье¹ (ранний и средний палеолит), т. е. примерно от 200 до 100 тыс. лет до н. э., были найдены в Северном Китае, в Ордосе, в Южном Китае, в Ма-па, в провинции Гуандун и в центральной части страны в Чаньяни, в провинции Хубэй. *Homo sapiens* периода раннего палеолита был найден на территории Китая в 1923 г., в верхнем гроте пещеры Чжоукоудянь, однако уже через 20 лет новые находки доказали, что он не был единственным представителем этого вида. В 1951 г. в Сычуани был найден «цзыянский» человек, в 1954 г. в Шаньси — «динцуньский» человек, в 1956 г. в Гуанси — человек Лайбинь и, наконец, в 1958 г. в той же провинции был найден «люцзянский» человек. Таким образом, благодаря дюжине показательных находок за четверть века была восстановлена последовательность развития человека в Китае. Люди — потомки тех, кто жил в период неолита, умели прекрасно использовать богатства долины Желтой реки.

Но и на современном этапе научного знания в прошлом Китая еще существует множество белых пятен, которые скрывают целые поколения и исторические периоды. Несмотря на завораживающие открытия, такие, как те, о которых мы только что упомянули, механизм некоторых глобальных изменений все еще остается тайной. Так, например, увеличение численности людей, которое происходит в период неолита. Этот

¹ Мустье (по названию стоянки в гроте Ле-Мустье во Франции) — культура и эпоха в палеолите. Средний палеолит (80—32 тыс. лет назад), пережитки встречаются и в эпоху позднего палеолита. В Евразии в эту эпоху обитают неандертальцы. Типичные орудия труда — остроконечники, встречаются также хорошо обработанные ручные рубила.

феномен подтверждает более четырехсот найденных мест обитания человека, датируемых этим периодом. Однако этот процесс не связан с переходом от собирательства к земледелию, от присваивающего хозяйства к производящему. Неолитические поселения у Желтой реки и в долинах, расположенных вдоль ее притока Вэйхэ, возникли совершенно внезапно. Между датировкой появления этих поселений и датировкой последних мест обитания человека каменного века существует значительный разрыв во времени.

Китай, как и другие страны, в эпоху неолита был ареной множества потрясений. Здесь рождаются и развиваются земледельческие культуры, например, поселение Хо-мо-ту свидетельствует, что уже за пять тысяч лет до н. э. рис был основным источником питания людей, живших в дельте реки Янцзы. Население Китая переходит на оседлый образ жизни; люди, объединяясь, создают крупные населенные пункты. При изготовке орудий труда начинает применяться шлифовка камня; был изобретен обжиг глины, который привел к созданию керамики. Начинают формироваться экономические и социальные связи; появляются первые религиозные концепции.

Первые поселения китайского неолита располагались на Великой Китайской равнине. Ее аллювиальная почва, которую орошают воды Желтой реки и ее основного притока Вэйхэ, сравнима с плодородными землями Древнего Египта. На протяжении тысячелетий Вэйхэ подмывала и смещала свои илистые берега. Результатом этого стало формирование ряда участков реки, закрытых высокими естественными стенами, самый крупный из которых называется бассейн Сианя. Эта низина Вэйхэ в какой-то степени представляет собой крупный оазис, окаймленный мрачными пустошами плоскогорий Шэньси и Ганьсу на западе и плоскогорьем Ордоса на севере. Сегодня эта низина остается и малопригодной для распространения промышленности, и относительно богатой. Изучение археологических слоев и доисторических орудий труда позволяет предположить, что почва низины была когда-то намного

менее жесткой и, без сомнения, острия орудий первых земледельцев могли вспахивать землю без особого труда. Более того, на этих землях, покрытых чахлой растительностью, вероятно, не было непроходимых лесных зон, которые могли стать препятствием для развития поселений.

Конечно, сегодня мы с трудом можем представить себе изначальную степень плодородия этих земель, ставших малопомалу неблагоприятными для земледелия. Причинами этого были воздействие ветра, увеличение уровня засушливости и неосмотрительность самого человека, который, не заботясь об экологии, уничтожал без разбора любую естественную растительность, заменяя ее собственными сельскохозяйственными культурами. Но в доисторическую эпоху, без сомнения, пейзажи очень отличались от тех, какие могут видеть современные путешественники. Неудивительно, что эта маленькая аллювиальная долина стала одной из колыбелей китайской цивилизации. Именно там, на краю горной цепи Цинлина, где покоились останки самого древнего китайского человека, в 1953—1957 гг. был найден и раскопан самый крупный китайский неолитический ансамбль, из тех, что известны на сегодняшний день, — Баньпо около Сианя (в провинции Шэньси). Эта находка позволила составить довольно полную картину жизни первого из развитых земледельческих обществ, которые затем получили в Китае широкое распространение, — культуры Яншао (V—III вв. до н. э.), названной так в честь местности, где была в 1923 г. найдена первая стоянка недалеко от слияния рек вдоль Хуанхэ.

Жилища людей представляли собой полуземлянки, крышей которых были положенные сверху листья растений. Это были достаточно крупные хижины, круглые или четырехугольные, диаметр или сторона которых равнялись примерно пяти метрам. Они могли быть и более крупными, как, например, строения шириной в 14 м и длиной в 22 м — общие дома, в которых, без сомнения, обитали большие семьи. Всю эту группу домов окружал широкий ров, глубина которого составляла

примерно 5—6 м. Эта преграда, внутри которой оказывалось пространство 100 × 200 м, служила не только защитой от возможных врагов, но и способствовала орошению соседних земель. По ту сторону рва, вне поселения, находились прямоугольные могилы, которые делились на две разные зоны: в одной хоронили мужчин, в другой — женщин. Это расположение наводит на мысль о существовании некоторых определенных погребальных обычаев. Что касается детей, то их хоронили в земле под самим домом или рядом с ним, помещая в глиняные кувшины. Обычай, смысл которого оставлять умерших детей под крышей дома, встречается также на рубеже эпохи Дзёмон и эпохи Яёй (III в. до н. э. — III в. н. э.) в неолитических захоронениях соседней Японии. Если судить по одной из прямоугольных могил, в которой был найден первый в Китае детский деревянный гробик, то можно предположить, что смерть детей становилась поводом для более серьезной подготовки захоронения.

Рабочие инструменты, орудия труда из шлифованного камня: топоры, резцы, тесла, серповидные ножи — свидетельствуют об усердной работе земледельцев. Причем земледелие стало уже более важной частью хозяйства, чем охота и рыболовство. Действительно, останки лошадей, собак, оленей, свиней и баранов подтверждают использование животных в домашнем хозяйстве, а также употребление людьми мясной пищи. В то же время число и размеры специально подготовленных грушевидных ям — настоящих подземных хлебных амбаров — указывают на огромное значение зерновых культур, особенно проса, которое земледельцы прятали в эти огромные склады. Наконец, найденные ткани, корзины и глиняная посуда прекрасно отражают то разнообразие материалов и предметов, которыми располагали жители Баньпо. Среди всех найденных предметов особо следует отметить глиняную посуду. По качеству материала и по уровню рисунка ее нельзя назвать просто повседневной утварью, это уже искусство.

Исследователи долго недоумевали, где находится источник этих произведений искусства — в Европе, Иране или на Дальнем Востоке? Хронологические данные, которые позволяли выдвигать эти гипотезы, были пересмотрены благодаря появлению научных методов датировки. Полученный результат пока не может считаться окончательным, он только позволяет воссоздать достаточно туманную картину развития гончарного искусства, которая включает в себя все пространство Евразии, от берегов Днепра до берегов Хуанхэ. Причем сложность этой картины будет увеличиваться, когда будут обнаружены более древние неолитические центры на западных границах Китая. Сегодня еще плохо изучены возможные связи, которые могли быть созданы между двумя более или менее родственными культурами. На протяжении долгого времени поиск сходства между этими разными культурами основывался на изучении геометрических мотивов орнамента. Впрочем, после открытий, сделанных в Баньпо и в найденном несколько позже поселении в провинции Ганьсу, к геометрическим узорам добавились зооморфные и антропоморфные орнаменты. В целом, рассмотрев эту картину комплексно, мы утверждаем, что существовало единое китайское ментальное пространство, для которого можно выделить основные узоры орнамента, совпадающие с теми, которые были найдены в других частях света. Основные общие черты китайского орнамента проявляются в расположении и сочетании его элементов, которые благодаря тонкой игре симметрии и согласованности порождают оригинальную гармонию узора. Из всего этого вырисовывается картина развития китайской графической живописи, которая проделала длинный путь через тысячелетия, колеблясь между реализмом и геометрической стилизацией.

Керамика Яншао представляет собой первую фазу этого колебания. В период IV—III тысячелетия до н. э. происходит трансформация реалистичных рисунков в графические символы. Самый древний из найденных сегодня центров этого

периода находится в современной провинции Шэньси, если быть более точным — в бассейне нижней части реки Вэйхэ. Оттуда культура Яншао распространила свое влияние в двух основных направлениях, где она обогатилась местными особенностями: на запад, до провинции Ганьсу, и на восток, где она достигает дельты реки Янцзы.

На месте центрального поселения Баньпо были найдены вазы, чаши, сосуды в форме амфор с ручками, украшенные двумя типами орнамента. Первый — высеченный — создавался оттисками ногтя и покрывал часть сосуда. Второй — рисованный — представлял собой более древний вариант орнамента, который — просто стилизованный или символический — переносился на бронзовые сосуды. Именно этот тип орнамента стал одним из основных узоров, отличающих китайское искусство в целом. Некоторые изображения человека или животных постепенно превратились в простые графические символы, источник которых был забыт: рыбы стали клетчатой сеткой, птицы или жабы превратились в завихрения. Эти рисунки можно обнаружить также и на первых бронзовых сосудах, на которых они стали практически неузнаваемыми. Без сомнения, эти рисунки наделялись магическим значением.

Западные поселения этой культуры располагались почти до провинции Ганьсу, это доказывают осколки красивых кувшинов культуры Баньшань, на которых чаще всего изображались круги или спирали. Степень абстракции этих узоров была очень высокой, впрочем, недавние находки позволили определить ее источник — весьма трогательные рисунки. Эти находки — богатый урожай глиняных сосудов — позволили проследить весь путь от изображений-первоисточников к стилизованному орнаменту. Как и в Баньпо, — правда, речь идет о более позднем периоде, — гончарных мастерских здесь было достаточно много, причем можно говорить о том, что среди ремесленников уже существовала специализация. Их мастерские располагались вокруг поселения. Например, в одном из поселений около Лянчжу так объединились двенадцать гон-

чаров. Они использовали одну ступку, чтобы наносить красящие вещества, этот сосуд состоял из множества отделений, в каждом из которых находился свой цвет. Спираль, зигзаги, клетки, волнистые черточки разной толщины и разных оттенков вместе составляли прекрасное украшение сосудов. Более редкими и, видимо, более архаичными являются сосуды, на которых изображены животные, стилизованные под элементы фигурных композиций.

На востоке культура крашеной керамики встречается вплоть до дельты реки Янцзы. Самые недавние находки — это осколки керамики, обнаруженные в провинции Аньхой или в провинции Цзянсу. Они являются последним шагом в эволюции рисунка, который с этого времени оставался неизменным до начала I тысячелетия до н. э. Основные элементы этого орнамента — ромбы, кресты и звезды. Наконец, самый поздний вариант раскрашенной керамики, рисунок которой состоял из ступеней и квадратной сетки, был найден в Северо-Восточном Китае, в Жэхэ или в Маньчжурии.

На протяжении веков другие ремесленники культуры Яншао, как и гончары, способствовали техническому прогрессу. По мере того как ускорялся процесс перехода людей на оседлый образ жизни, улучшались и средства их защиты. К концу III тысячелетия до н. э. стены из утрамбованной земли окружали те поселения, которые были предназначены для постоянного проживания. В погребальных обрядах появились новые элементы, как, например, диски (*пи*) и нефритовые ножи, похороненные вместе с мертвыми. Прорицатели разрабатывали новые методы гадания, в которых применялись прокаленные кости или палочки тысячелистника, использовались графические знаки, предшествующие письменности. Все это свидетельствовало о том, что, несмотря на внешнюю относительную стабильность, начинали происходить социальные изменения, предвестники великих перемен. Эти изменения становятся очевидными на рубеже III—II тысячелетия до н. э., когда возникает новый вид керамики, тонкостенной и лощеной.

Первые примеры этого утонченного искусства были найдены в 1930 г. в Чэнцзыяй, в провинции Шаньдун. Они получили название «черная керамика Луншаня». В техническом плане методика ее создания является продолжением тех успехов, которых достигла керамика культуры Яншао. В самом сердце этой археологической культуры, в долине реки Вэйхэ, в культурных слоях, находящихся сразу над слоем культуры Яншао, часто находят образцы этой керамики. На смену ранней теории, предполагавшей, что культуры Яншао и Луншаня имеют разную географическую локализацию, пришла новая теория. Согласно этой теории, на всем пространстве Северного Китая распространение культуры провинции Шаньдун, явно превосходящей предшествующую, привело к тому, что господство долины реки Вэйхэ сменилось господством нижнего течения реки Хуанхэ. Неизвестно, чем это было вызвано, смещением экономического центра или политическим подъемом, но этот феномен сохранял свое значение на протяжении тысячелетия. В итоге именно этот регион стал центром китайской цивилизации.

Русло нижнего течения Желтой реки и в ту эпоху, и сегодня остается практически неизменным. Хуанхэ впадает в Бохайский залив, недалеко от Шаньхайгуаня. От разрозненной цепи горных вершин, которые загораживают горизонт современного Пекина, до пологого рельефа низин Янцзы распростерлась огромная аллювиальная равнина желтого цвета, по которой текущие здесь реки несут чистый лёсс. Насколько хватает глаз, всюду земля смешивается с водами рек, порождая зеленую, плодородную, но очень зыбкую почву. Именно здесь разыгрывается бесконечное сражение китайской цивилизации: битва поля и опустошительной воды, земледельца против илистой, не имеющей пологих берегов реки, которая часто меняет свое русло и очень трудна для судоходства. Сердце этой громадной центральной равнины располагается на берегах Хуанхэ, до того как она сворачивает к северу. Именно здесь находится историческая житница Китая, она вытянута вдоль реки,

заканчиваясь у подножия гор Шаньдуна. Это пространство всегда щедро отдавало все имеющиеся богатства своим захватчикам, и с распространением новой техники и образа жизни именно здесь завершился неолит. Признаком этого становится появление технических новинок, вызванных потребностью в надежной посуде. Среди новшеств следует отметить изощренные ручки сосудов, сосуды на ножках, специальные сосуды для воды и сыпучих тел. Сырье гончаров, замазка, достигает вершин качества, в руках мастеров она принимает сложные формы. Самым ярким примером этого являются знаменитые сосуды-триподы с полыми ножками в виде вымени, *дин* или *гуй*, которые были украшены орнаментом из насечек или сработаны с более или менее заметным рельефом. Недавние раскопки обнаружили сосуды из уже известной нам черной керамики, в оформлении стенок которых были использованы серые, красные или белые кусочки, сверкающие ярким блеском, придающим особое очарование черному цвету. Становится заметным прогресс в изготовлении орудий труда, асимметричные формы которых вызваны соображениями функциональности, и в постройке жилищ: дома из хорошо утрамбованной земли составляют целые поселения, окруженные крепкими земляными стенами (*хан-ту*).

Последний этап китайского неолита, переход к бронзовому веку, был представлен серой керамикой, которая была впервые найдена в Сяотуне, в провинции Хэнань. Она датируется примерно 2000 г. до н. э. и очень сходна с керамикой Луншаня. Основные ее отличия — в использовании замазки серого цвета, технике плющения, которая позволяла сделать стенки тоньше, и применении специальных инструментов для нанесения орнамента. Примеры подобной культуры были также найдены в 1973 г. на стоянках Эрлитоу, в провинции Шаньси, и Эрлиган — в Чжэнчжоу. Этот период является предшественником появления металлургии.

Таким образом, развитие сельского хозяйства, приносящего обильные урожаи, успешная охота и рыболовство,

появление сельских ремесленников, характерных для оседлых обществ, способствовали открытию и освоению металла в середине II тысячелетия до н. э., на рассвете нашей истории. Перед тем как перейти к этому периоду, необходимо сделать обзор основных исторических источников и определиться с основными хронологическими рамками.

Китайские источники и первая историография

Если наши общие знания о китайской истории значительно меньше, чем об истории Европы, то, напротив, изобилие китайских исторических источников неизмеримо богаче и, без сомнения, играет для изучения Китая более важную роль. Однако богатство китайской историографии, которая восходит к далекому прошлому, остается практически неиспользованным.

Как отмечает Этьен Балаш, китайская историография может показаться стереотипной, поскольку ее составление очень рано приняло официальный характер, стало оплачиваемым и зависимым, использовало традиционное искусство цитирования и преклонялось перед письменным словом. Основным фактором, отличающим китайскую историографическую традицию от европейского аналога, было существование специальной службы историографов. Они должны были фиксировать все дела и поступки императора, все законы правительства, отмечать события общественной жизни, собирать и сохранять все донесения и документы, наконец, в их функции входила организация архивов. Самый главный упрек, который можно высказать этой службе, это не их пренебрежение объективностью, а «необходимость мыслить об истории в династических понятиях». Эти узы историка были сформулированы в XI в. великим китайским историком Сыма Гуаном (1019—1086). Об их существовании сожалел в начале XIV в. Ма Ду-

аньлинь (1250—1325), именно он первым противопоставил простому описанию взлетов и падений превосходство академической истории, которая единственная позволяет установить непрерывность событий.

Эти историки начала II тысячелетия н. э. были последователями своего учителя и наставника, историографа и астролога императорского двора, Сыма Цяня (145?—90? до н. э.). Его «Исторические записки» («Ши цзи»), которые было бы точнее перевести как «Книга придворного историографа», были частично переведены Эдуардом Шаванном в 1895 г. и стали открытием для европейских исторических исследований. Произведение Сыма Цяня состояло из пяти частей, посвященных соответственно императорским хроникам, хронологическим таблицам, трактатам на различные темы, благородным домам и, наконец, биографиям. Сыма Цянь выходит за пределы существующих хронологических и аналитических рамок, унаследованных от предшественников. Он смотрит на исторический материал намного шире, используя новые методы, обращаясь к самым разным темам, касающимся политики и человека. Его подход к истории позже станет моделью для последующих поколений историков, и уровень его произведения настолько высок, что невозможно не привести цитату из него.

Сам Сыма Цянь так излагал основные принципы и цели своего громадного труда: «Я, как тенетами, весь мир Китая обнял со всеми старинными сказаньями, подверг суждению, набросал историю всех дел, связал с началами концы, вникая в суть вещей и дел, которые то завершались, то разрушались, то процветали, то упали, и вверх веков считал от Сюань Юаня, и вниз дошел до нынешнего года. Составил десять я таблиц, двенадцать основных анналов; трактатов, обозрений — восемь, наследственных родов-фамилий — тридцать, отдельных монографий — семьдесят, а итого сто тридцать глав. И у меня желанье есть: на этом протяжении исследовать все то, что среди неба и земли, проникнуть в сущность перемен,

имевших место как сейчас, так и в дни древности далекой. Дать речь отдельного совсем авторитета...»¹

В целом 300 глав, 526 500 слов — вот состав книги великого историка. «Исторические записки» написаны одним из трех классических стилей китайской литературы и создают живую картину тех событий, которые автор воскрешает в памяти. Вместо того чтобы использовать косвенную речь, Сыма Цянь предпочитает включать в свое произведение оригинальные документы, императорские указы, воспоминания, декреты, которые были ему доступны как чиновнику и архивариусу императорского двора.

Функции главного придворного историографа отличались от задач простого рассказчика или хрониста, подобного Григорию Турскому или Жофруа де Виллардуэну². Скорее они совпадали с задачами историка в современном смысле этого слова. Его произведение было плодом долгой работы, включавшей исследование, выборку и критику документов.

Если впоследствии такая работа уже входила в функции придворных историографов, то от Сыма Цяня подобный подход требовал большой смелости. Из простого астролога, каким он был изначально, Сыма Цянь стал судьей прошлого и проводником в будущее. Тот факт, что он претендовал всего лишь на продолжение труда собственного отца, Сыма Тяня, был всего лишь вымышленным извинением, для того чтобы под предлогом сыновней любви избежать критики и обвинений в оскорблении величества.

¹ Перевод В. Алексеева.

² Григорий Турский (ок. 540—594) — франкский историк, происходил из знатной семьи в Оверни, настоящее имя — Георгий Флоренций. Епископ Турский, почитается как святой и чудотворец. Его главное сочинение «Historia Francorum» — взгляд на историю с религиозной точки зрения.
Жофруа де Виллардуэн (ок. 1150—1218) — знатный сеньор, маршал Шампани, один из предводителей крестоносцев в IV Крестовом походе, участвовавший в захвате Константинополя в 1204 г. Автор исторического труда «Завоевание Константинополя» (изд. 1585).

Отвага, которую он проявлял на протяжении всей своей жизни, имела печальные последствия. Для того чтобы наказать Сыма Цяня за то, что он выступил в защиту генерала Ли Лина, сдавшегося в плен варварам хунну (сюнну), император У приговорил его к кастрации. Вместо того чтобы избежать подобного бесчестия и окончить жизнь самоубийством, Сыма Цянь предпочел покориться воле императора, чтобы иметь возможность, невзирая ни на что, завершить свое произведение. Он сознавал, что передает потомству новый взгляд на жизнь, и не ошибся, последующие поколения писателей не устают высказывать ему благодарность. Даже посреди раздоров и кровавых беспорядков, которые ввергли династию в полный хаос, Сыма Цянь остался незаменимым примером историка.

Его «Исторические записки» состоят из хроник (*цзи*), биографий (*лечжуань*), таблиц (*бяо*) и трактатов (*шу*). Оригинальность «Ши цзи», первой из двадцати четырех официальных историй, которые создавались до династии Мин, основывается именно на научных трудах, которые впоследствии получили название *чжи* — описание, трактат или просто история. Последовательность трактатов определяется степенью их важности: первыми идут труды о ритуалах и музыке. Эти ритуалы объединяют все правила протокола и поведения (обычаи и костюмы, религия и чиновничья иерархия). В эту часть входят трактат о жертвоприношении (*цзяо сы*), о церемониях двора (*ли и*), об ограничении расходов, знаках отличия и придворном костюме (*ю фу* и *чэ фу*). На втором месте стоят научные труды, посвященные земледелию: календарь (*лэй ли*) и астрономия (*тянь вэнь*), которые использовались и в последующие эпохи. Дальше шли исследования и заметки о чрезвычайных явлениях (*у син*), таких как наводнения, засуха, знаки и предзнаменования. В период династии Сун будут созданы разделы, посвященные животным, планетам, лингвистике, в том числе ономастике, картографии, археологии. Значительная часть его трактатов содержит и рассуждения относительно реальных

причин этих событий. Они служили проводником правительственного опыта, становились памяткой для идеального бюрократа. Также в «Ши цзи» есть главы, которые посвящены иерархии чиновников и функциям каждого из них (*бай гуань чжи гуань*), их набору и продвижению по службе (*сюань цзинь*), географии (*ди ли*), гидрографическим системам (*хэ ци*), экономике (*ши хо*), юридическим учреждениям (*син фа*). Наконец, его трактаты содержали библиографический список (*и вань* или *цзин цзи*). Используя разные варианты порядка разделов, учитывая особенности тех эпох, в которые они создавались, двадцать четыре официальные истории полностью соблюдали структуру «Исторических записок», хотя в семи из них, посвященных второстепенным династиям, отсутствуют трактаты.

Ценность трудов Сыма Цяня становится еще значительнее, если учесть, кому были адресованы эти работы. Для бюрократии они были необходимым *vade mecum*¹. Также они имеют неоспоримую ценность для историка. Хотя сведения часто кажутся неполными, научные знания представлены довольно слабо, технические детали редки и лаконичны, а интересные цитаты часто урезаны, все же трактаты Сыма Цяня остаются важнейшим источником информации о государственных учреждениях, и часто именно здесь можно познакомиться с текстами, оригиналы которых до нас не дошли.

Официальная китайская история в форме систематизированных громоздких трактатов произошла от древних хроник, которые писали на бамбуке (IX в. до н. э.). В них отмечались случившиеся события; чтобы сохранить их в памяти, год за годом создавался обширный список достижений правительства. Работа архивариуса мало-помалу доставалась переписчикам и жрецам, хранителям памятных событий каждого правления, они же создавали генеалогические древа, которые обеспечивали законность правительства, поскольку в глазах населения его

¹ *Vade mecum* — букв.: «иди за мной»; путеводитель (лат.).

легитимность оправдывалась продолжительностью нахождения рода у власти.

Самые древние хроники этого типа известны под названием «Вёсна и осени», которые содержат записи об успехах и неудачах царства Лу (722—481 до н. э.). Эти хроники являются частью более древнего свода, который дошел до нас, однако выяснить причины создания этого текста довольно трудно. Хроники «Вёсна и осени» принадлежат к единой литературной письменной и устной традиции, создание единого свода приписывают Конфуцию (551—479 до н. э.). Философ и мыслитель, приверженец принципа идеального правительства, на протяжении всей своей жизни и учительства он собирал различные тексты, сформировавшие в итоге так называемое «Пятикнижие» («У цзин»). В него вошли «Книга перемен» («И цзин»), «Канон истории» («Шу цзин»), «Канон песен» («Ши цзин»), «Записки о ритуале» («Ли цзи») и упомянутые хроники «Вёсна и осени» («Чуньцю»). «Вёсна и осени» — это хроники родины Конфуция, так ее воспринимали в других царствах, что подтверждают археологические исследования. Самый древний текст этого источника известен нам по «Погодным записям на бамбуковых дощечках» («Чу-шу-цзи-нянь»), которые дошли до нас в поздней редакции. Также более поздней эпохой датируются и комментарии к «Хроникам царства Лу». Самые знаменитые из них — это «Цзо Чжуань», «Комментарии Цзо», названные так по имени автора. «Вёсна и осени» вместе с «Цзо Чжуань» создают красочную картину, включающую в себя когда-то существовавших людей и их обычаи. В этот период чувство общественной морали претерпело значительные изменения, мораль была формализована историей, приверженностью к обрядам первых династий. Вот почему личность Конфуция, возможно без особых на то оснований, тесно связывают с редакцией первых исторических текстов.

Тем не менее следует признать, что не стоит связывать развитие историографии в Китае исключительно с конфуцианской школой. Понятие истории уже с IV в. до н. э. витало

в воздухе. Примеры из прошлого использовали для поддержки своих идей те или иные философские школы, часто совершенно разные. Так софисты пытались определить, как эволюция реальности проявлялась в развитии лексики.

Китайское общество, создав свою первую модель классического общества, искало в прошедших веках образ собственной идентичности. Следствием этого стало рождение морализаторского тона его истории, а историки прилагали усилия, чтобы выявить в прошлом цепочки причинно-следственных связей. Подчинить факты заранее заданному, авторитарному, схематичному порядку было большим искушением, и многие авторы ему поддались. Моралистические рассуждения отдельно от простого описания событий, часто помещенные в эпиллоге в заботах об объективности, не должны никого вводить в заблуждение. Части текста были выбраны или опущены так, чтобы изначально вести к единственно возможной формулировке вывода, об этом пишет Анри Марру: «История неотделима от историка. Она всегда отмечена и даже смоделирована теми усилиями, которые он прилагает. История не может не отражать богатство и границы его культуры, качество его мышления. Для начала история появляется как ответ на вопрос, заданный документами и в целом даже самим историком, который может найти только то, что он ищет. Историк допускает достижение только той цели, которую он перед собой поставил».

Однако устройство империи коренным образом изменило цели, которые стояли перед историками: они не должны были больше описывать народ, их задачей стала регистрация деятельности огромной административной машины. Авторы, писавшие о прошлом, должны были демонстрировать критическое мышление по тем правилам, которые официально действовали на протяжении всей истории китайской историографии. Одной из целей было обязательное внушение правящему императору мысли о том, что он не должен повторять ошибки своих предшественников. Такая задача придавала историку моральную силу судьи. Например, в эпоху Поздней Хань тяжелая обязан-

ность по созданию истории прошедших веков возлагалась на старых астрологов. Также эту задачу доверяли тем, кто имел литературный талант. Так, в царстве Восточная Хань задачу составить историю их предшественников — царства Западная Хань — получили Бань Гу и его дети, которые тоже были одаренными писателями. В их очень живом произведении «Хань шу» можно найти проблемы, которые странным образом оказываются для нас близкими: трудности, вызванные изменениями в практике земледелия, нехватка рабочих рук, замораживание цен, манипуляции правительства с чеканкой монеты. Долгая работа над составлением истории Западной Хань длилась до 177 г. н. э. Эта летопись известна под названием «Записки о [Ранней] Хань» («Хань цзи»), из нее до нас дошли только отдельные фрагменты.

Несмотря на беспокойные времена, которые последовали в конце периода Хань и в период Борющихся Царств, территориальные разделы официальной истории продолжали создаваться. Из десяти династий, которые существовали в начале I тысячелетия н. э., а точнее со II до VI в. н. э., при пяти дворах были созданы официальные династийные истории. Остальные пять, как и летопись, касающаяся конца VI в., были написаны уже историками VII в., поскольку первые императоры династии Тан (618—907) были заинтересованы в составлении этих текстов и в создании специального департамента историографии. Именно с периода династии Тан официальные истории предыдущей династии стали составляться ее преемниками. Так, летописи, охватывающие период с VII до XVII в., были составлены авторами, жившими в IX—XVIII вв.

Тем не менее каким бы богатством материала не обладали династийные истории, они составляют только часть всего колоссального массива китайских источников. Прежде всего нужно назвать материалы и документы, которые позволяют создавать учебники и из которых до нас дошли только отрывки или копии. Речь идет об императорских архивах, в которых можно обнаружить самые разные формы источников. Первыми

необходимо упомянуть произведения типа «Записей о деятельности и отдыхе императоров» («Ци цзюй чжу») — обзор повседневной жизни императора, которую записывали секретари-историки. Это произведение, дополненное «Записями о делах правления» («Ши чжэн цзи»), стало источником для составления «Ежедневной хроники» («Жи ли»), которая, в свою очередь, вызвала редакцию «Правдивых записей» («Ши лу»). По этим двум последним источникам, в которых под видом хроник содержались биографии и сборники правил (хуэйяо или хуэйдянь), иногда составляли национальную историю (*го ши*). За исключением сборников правил все эти тексты составляли важнейшую часть императорских архивов, существовали только в одном или двух экземплярах и считались секретными. Такое количество документации часто позволяло новой династии очень быстро составить официальную историю своих предшественников. Так, например, в период династии Юань (1280—1368) китайскому историку монгольского происхождения Тото (Токто) оказалось достаточно двух с половиной лет, чтобы написать не только историю предшествующей династии Сун, но и двух некитайских династий Ляо и Цзинь.

Наконец, слава династийных историй не должна нас заставить забыть о существовании значительного числа компилятивных историй, первая из которых была создана в VII в. Лю Чжицзи (661—721). Его «Общие положения истории» («Ши тун») представляют собой первое произведение, в котором присутствует историческая критика. Самым ярким источником этого направления является появившееся три с половиной века спустя «Зерцало всеобщее, управлению помогающее» («Цзы чжи тун-цзянь») историка Сыма Гуана, который по своему значению не уступает жившему двенадцать веков назад родоначальнику истории Сыма Цяню.

Наряду с этими историческими текстами, многие другие произведения содержат в себе еще более важную информацию, если это вообще возможно. Речь идет об энциклопедиях (*лэй шу*), которые были сборниками знаний и литератур-

ной лексики, политическими учебниками и коллекциями текстов. Предшественниками энциклопедий были списки-классификаторы, например «Эр-я», который был составлен во II в. до н. э. и получил широкое распространение в связи с необходимостью подготовки к экзаменам на должность чиновника. Эти труды больше всего напоминают антологии текстов, сгруппированных по темам, поэтому европейский термин «энциклопедия» не всегда является подходящим. Самые древние произведения, вероятно, были написаны исключительно для того, чтобы их использовал правитель, как, например, составленная в начале III в. энциклопедия «Зерцало императора» («Хуан Лу»). Самым интересным для нас является созданная одновременно с приходом к власти династии Тан энциклопедия «Отрывки из книг Северной беседки» («Бэйтан шучао»), которая состоит из нескольких разделов, посвященных не только политике, экономике, государственному устройству, военному делу, но и продуктам питания, одежде, кораблям и транспорту. Некоторые произведения этого типа могли быть посвящены самым важным проблемам той эпохи, в которую они были созданы. Так обстоит дело с «Государственными учреждениями» («Шен дянь»), написанными около 740 г. сыном великого историка Ли Чжицзи — Ли Чжи. Именно основываясь на этих трудах, Ду Ю (735—812) написал в 801 г. первую обобщающую историю государственных учреждений «Тун дянь» — образец этого жанра.

Таким оставался вплоть до XX в. список основных источников по истории Китая: летописи, хроники, классические авторы, династийные или национальные истории, различные сборники, энциклопедии, критические работы.

Именно с этими источниками всегда работали и работают китайские и зарубежные историки. Первыми синологами были португальские, итальянские, испанские, французские, а позднее и английские миссионеры. Они с терпением

и мужеством разбирали множество текстов, которые иногда переводили *in extenso*¹, но чаще все же составляли их краткое изложение. Привлекательность текстов классических авторов привела к созданию огромного числа трактатов по конфуцианству, которые священники должны были знать, чтобы облегчить свою миссионерскую деятельность. Несмотря на достаточно высокое качество этих работ, первый комментированный перевод «Исторических записок» Сыма Цяня, сделанный Эдуардом Шаванном, появляется только в начале XX в. Рождается то, что следует назвать критической синологией, которая основывается не только на самих текстах, но и на комментариях к ним, как древних, так и современных. Впоследствии европейские и японские синологи сделали огромный вклад в мировое китаеведение, причем французская синология всегда играла главную роль. Стоит только назвать Поля Пеллию, поборника филологической точности в изучении истории Китая, Анри Масперо, который использовал все возможности исторического метода, изучая китайское прошлое, или Марсея Гране, который даже восстановил, пользуясь социологией Дюркгейма, жизнь Древнего Китая.

К этим работам необходимо добавить фундаментальные труды Этьена Балаша, Поля Демьевиля и Робера де Ротура, великих сиологов середины века. Без этих исследований, например, произведение Рене Груссе, который использовал их, не взволновало бы так широкую публику.

Следует также отметить значимость новых данных, которые появились благодаря найденным в 1928 г. гадательным костям. Хотя возможности этих странных источников остаются еще практически неиспользованными, недавние исследования, вызванные этими находками, проливают столько нового на историю Древнего Китая, что нам приходится менять свою точку зрения, а значит, и все те принципы, базируясь на которых мы объясняли историю Китая.

1 *In extenso* — полностью (лат.).

Для того чтобы всегда представлять общую картину, в которую будут вписываться экономические или культурные феномены, описываемые в следующих главах, нам кажется необходимым в конце нашего введения кратко напомнить основные этапы китайской истории.

Исторические ориентиры

Китайская история ведет свое начало с бронзового века — в этот период к власти приходит первая известная нам китайская династия Шан, которая после своего падения получила название Инь. Для того чтобы избежать возможных неясностей, независимо от дат, мы будем пользоваться словом Шан-Инь.

Приход к власти правителей Шан-Инь датируется примерно 1700 г. до н. э. В период наибольшего расцвета их столица находилась в Аньяне, который впервые был раскопан в 1928 г. Город, поражающий своими размерами и своими зданиями, располагался в нижнем течении Хуанхэ. Те районы отличались красотой лощеных керамических изделий, достижение такого результата требовало умения обжигать глину при высокой температуре, что свидетельствует о высокой технике гончарного искусства. Это огромное общество известно нам сегодня только в кривом зеркале собственной смерти. Могилы той эпохи, и прежде всего монументальные погребения правителей, раскопанные после 1934 г., подтверждают существование единого народа.

Современные исследования позволяют предполагать, что мы имеем дело с обществом, полностью подчиненным религиозной и светской власти могущественного правителя. На протяжении всей жизни в своих дворцах и после смерти в своей могиле он собрал самые значимые из накопленных им богатств — людей и вещей — подвластной ему территории. Правитель был очень внимателен к воле Неба, к природе в целом, к предкам и не принимал ни одного решения — даже о больших охотах, которые он особенно любил, — без

совета с «иньским оракулом». Именно из этой гадательной практики, которая вызвала необходимость передавать и сохранять магические формулы и обычаи, приносящие удачу, и родилась письменность. Простые модификации более или менее реалистичных изображений или обычных черточек — эти примитивные пиктограммы быстро, особенно когда приходилось выражать ими абстрактное понятие, превратились в условные обозначения, своего рода стенографию.

* * *

Около 1100 г. до н. э. династия Шан-Инь, которая за четыре века могущества растеряла большую часть своей боеспособности, была свергнута молодым кланом, укрепившимся в верховьях Желтой реки, — Чжоу.

Традиция называет того, кто занял престол последнего представителя Шан-Инь, «воинственный царь» — У-ван. Он начал «революцию» (*кэмин*), гордо сообщают тексты. Этот термин, используемый и в наше время с чувством, которое вызывает в памяти надежды и трудности «восемьдесят девятого года»¹, не должно никого вводить в заблуждение. Все основатели династий, как и правитель У династии Чжоу, торжественно используют его, чтобы обозначить, что они вновь поднимают и возжигают мерцающий факел власти, как в экономическом и социальном, так и в духовном смысле. Вот уже три тысячи лет китайские режимы причисляют себя к «революции».

Политика Чжоу состояла в том, чтобы распределить между всеми членами победившего рода управляемые территории (*фэн цзянь*). Это название чаще всего переводят как «лен»², так

¹ Имеется в виду Великая французская революция — период во Франции с 1789 по 1799 г., в течение которого произошли коренные изменения, затронувшие все сферы жизни.

² Лен — земельное владение (или иной источник дохода), пожалованное какому-либо лицу на условиях выполнения военной или административной службы.

как, по сути, эти земли представляли собой домены, данные правителем своим подданным. Между тем в случае с Чжоу эти «феодалные» связи были в высшей степени обусловлены клановыми кровными узами.

Данные археологии позволяют сделать вывод, что в период Чжоу сельское хозяйство развивалось и становилось более специализированным. Результатом этого, в свою очередь, стал демографический рост, относительное обособление некоторых регионов, в зависимости от того, какой основной продукт там производился, и, как следствие, появление между центрами зачатков торговых связей. Последствием этих факторов стало то, что три века спустя власть династии Чжоу оказалась подорвана автономией регионов, а их правители с каждым поколением теряли преданность своих подданных. Их столица Хао, расположенная на северо-западе государства, — местность, откуда вышел правящий дом, — была достаточно отдаленной, однако находилось под постоянной угрозой со стороны кочевников. В 771 г. до н. э. местные князья восстали и бросили орды варваров на штурм столицы, которую и разграбили. Правители должны были покинуть долину Вэйхэ и переместиться на восток, на Центральную равнину, где когда-то процветала цивилизация Шан-Инь. С того времени ослабление их власти оказалось необратимым.

* * *

С 770 до 473 г. до н. э. протекло три беспокойных века. В истории они остались с тем же названием, что и хроника, окончательную редакцию которой традиционно приписывают Конфуцию: эпоха «Весна и осени».

Далекie потомки древних героев и предков клана Чжоу захватили власть в сферах, касающихся религии, что в эти времена подразумевало и обретение всех остальных сфер власти. Правитель Чжоу постепенно превратился в существо, которому поклонялись, но не подчинялись. Он превратился

в посредника, в объект культа, количество жрецов которого умножалось. Многочисленность религий неизбежно вела и к политической раздробленности. Самые могущественные правители «ленов» — принятый термин «княжество» — подготавливали лестью или угрозами союзы со своими более слабыми соседями. Традиционная история, которая любит простые ситуации, сообщает, что существовало пять «гегемонов», которые пользовались всеобщим уважением.

Тем не менее это равновесие между центробежными и центростремительными силами было очень ненадежным. Через пятьдесят лет после смерти Конфуция использование оружия уже казалось намного более эффективным, чем речи, советы и сделки мудрецов и дипломатов.

* * *

В 403 г. до н. э. три небольших государства родились из осколков древнего княжества, называвшегося Цзинь: Хань располагалась между Желтой и Голубой реками, Вэй и Чжао находились на севере от Хуанхэ. Это стало предвестником окончательного дробления, процесс постоянного объединения и распада государств продлился вплоть до образования империи в 221 г. до н. э. Этот период истории называют периодом Борющихся Царств.

Так, например, стало независимым княжество Ци, превратившись в сильное государство, располагавшееся на большей части современной провинции Шаньдун. Маленькие княжества также объявляли о своей независимости, при этом каждое стремилось расширить свое могущество за счет соседей. Однако эти опасные военные игры мало-помалу разрушали маленькие княжества, благоприятствуя процессу образования относительно крупных царств, силы которых были примерно равны, несмотря на постоянные попытки одних захватить другие.

Традиционная история и народная память, воспитанные на старых концепциях, общих для всех цивилизаций, и при-

вязанные к «благоприятным» цифрам, сохранили воспоминания о семи государствах, которыми управляли семь выдающихся правителей, «семь героев периода Борющихся Царств». Четыре из этих государств располагались на севере от Желтой реки: царство Янь находилось к северу от Чжилейского залива (Бохайвань); Чжао, Вэй и Цинь располагались друг за другом с севера на юго-запад. Ци занимало территорию современного Шаньдуя, а Хань — между Хуанхэ и Янцзыцзян, производя цивилизации Центрального Китая. И наконец, Чу, находившееся на южных берегах Голубой реки, обладало и еще долго хранило признаки особой культуры, свободной от квазиколониального мира плодородных, жарких и влажных земель.

В этот период чжоуский культ правителя, очень тесно связанный со средним течением бассейна Хуанхэ, навсегда теряет то, что осталось от его эмоционального и духовного содержания. Каждый гегемон считал себя единственным, кто способен действительно осуществлять связь между Небом и Землей в своем государстве.

Несмотря на жестокость соперничества между царствами и внутренние раздоры, несмотря на раздробленность страны, каждый осознавал свою принадлежность к единой великой цивилизации. Именно эта цивилизация создала обжиг керамики и металлургию, именно она богата тем могуществом, которое дает письменное слово, она вскормлена тем зерном, которое терпеливо выращивают каждый год, каждый повторяющийся аграрный цикл. Неувядаемый цветок, «Срединное государство» (Чжун-го), окруженное бродячими хищными варварами, — вот как осознавала себя эта цивилизация.

Несмотря на то что обе эти эпохи — «Весна и осени» и Борющиеся Царства — были беспокойными, а подчас даже опустошительными, они стали свидетелями небывалого взлета китайской цивилизации. Этот расцвет продолжался многие века на протяжении нескольких классических эпох и длится до сих пор.

* * *

В материальном плане появление в V в. до н. э. железа привело к смене орудий труда, а следовательно, к значительным изменениям в земледелии и ремеслах. Впрочем, именно эти следствия, вероятно, характерны для всех регионов, где происходит переход к железу. В Китае же обработка железа отличалась большой оригинальностью. Руду пускали на переплавку, как это делали с бронзой и ее легкими сплавами, — этот процесс китайцы освоили за тысячу лет до начала использования железа. Процесс переплавки был таким же, как, например, у хеттов за полторы тысячи лет до нашей эры. После этого расплавленный металл тек в формы из жаростойкой почвы. Это давало значительные преимущества, поскольку позволяло создать практически серийное производство разнообразных орудий труда, которые достаточно было заточить, чтобы начать использовать. Отрицательным следствием использования готовых форм было то, что изготовленные поточным способом предметы не обладали изяществом, металл не был обработан, а на лезвия было невозможно наварить тонкие пластинки из кованого металла — искусство, которым в Китае давно владели. Этот процесс был окончательно освоен намного позже, только благодаря иранскому влиянию.

* * *

В то же самое время, когда началась добыча железа, из древней первобытной религии выкристаллизовались первые элементы философской системы. Первым из этих китайских «философов» был знаменитый Конфуций (551—479 до н. э.), на протяжении своей долгой жизни обошедший всю страну в поисках князя, который захотел бы понять его мудрость и извлечь из нее пользу. Он был первым, кто утверждал, что способность к суждению необходима и ценна, что из всего мно-

жества религиозных обрядов и верований, доставшихся в наследство от древности, нужно выбрать подлинные, пригодные, полезные. По его мнению, только это позволяло стяжать добродетель и удостоиться звания человека (*жэнь*). Во многих аспектах Конфуций выступал как психотерапевт, лечащий умы своих современников, обезумевших в процессе перехода от единства к многообразию — культов, материалов, правил.

Однако для того, чтобы это новое объединяющее учение распространилось, понадобилось около трех веков: кипящая и плодородная эпоха, когда каждый разум, каждая общность, пробуя играть свою роль в объединении государства, поочередно несли свой маленький камень на строительство общего здания.

Примерно через двести лет после Конфуция родился Мэн-цзи (372—289 до н. э.). Но времена уже изменились, мудрость начала говорить прагматичным языком: если князь создает правительство сообразно добродетели человечности (*жэнь*), то он может господствовать над всей Поднебесной (*Тянься*). Мэн-цзи был оптимистом и основывал свое учение на положительных качествах человеческой природы.

Учение еще одного конфуцианского философа, Сюнь-цзи (315—236 до н. э.), не совпадало с концепцией Мэн-цзи. Между тем учение Сюнь-цзи, так же выросшее из конфуцианской философии, смотрело на добродетель человечности достаточно пессимистически, не видя иной возможности управления государством в соответствии с идеалом, кроме принуждения. Так, Сюнь-цзи стал отцом учения, получившего название «легизм», которое ошибочно противопоставляют конфуцианству. Легизм можно определить как радикальное и пессимистическое направление конфуцианства. Окончательно обобщенная знаменитым Хан-фэем (280—233 до н. э.), главным советником правителя маленького государства Цзинь, эта радикальная форма политической философии позволила управлять первой Китайской империей, созданной в 221 г. до н. э.

Эта линия развития философской мысли, за исключением легистов, позднее получила название «школа просвещенных», так как тексты, созданные мыслителями этого направления или, по крайней мере, приписанные им, представляют собой первые литературные и философские тексты Китая. Именно эти тексты создали основу для китайского образования.

Существовали и другие направления философской мысли, искавшие решения труднейших проблем управления обществом, так же достаточно глубокие и древние, но менее систематизированные. Еще одна теория, которую приписывали Сюнь-цзы, посвящалась военному делу. Этот китайский мыслитель составил первый трактат по китайскому военному искусству, сочинение, впрочем, не было признано просвещенными умами.

Помимо конфуцианской философской системы широкое распространение получило в Китае учение даосизма, прославленное сначала легендарной фигурой Лао-цзы (VI—V вв. до н. э.), предполагаемого автора таинственного трактата «Дао дэ цзин», а затем реальным мыслителем Чжуан-цзы (369—286 до н. э.). Даосизм представлял собой набор очень древних верований, в том числе и связанных с земледелием: они восхваляли гармонию человеческого бытия с космическим ритмом, которая своим чередующимся и дополняющим друг друга сочетанием положительного и отрицательного, женского и мужского, темного и светлого (*инь* и *ян*) вечно порождает жизнь. Для того чтобы лучше рассказать о даосизме, без сомнения, стоит обратиться не к учению этой школы, а к даосскому мышлению, которое никогда не прекращает жить в сердце каждого китайца — от смиренного труженика до величественного императора. Даосское мышление находится в стороне от эзотерических культов, многочисленных суеверий, магических и медицинских практик, которые советовали, как быстро достичь бессмертия, и еще дальше — от храмов, жречества и пантеонов, созданных, чтобы состязаться с буддизмом. В контек-

сте существующего политического устройства общества этот тип мышления означал независимость, уважение к жизни, энергию собственного бытия и, в какой-то мере, постоянный протест.

* * *

Нестабильное политическое равновесие посреди интеллектуального, воинственного и общественного волнения не могло длиться бесконечно. Пришел день, когда одна из участвующих в этой схватке личностей затмила другие: это был правитель маленького северо-западного царства Цинь, суровой, но богатой металлоносными месторождениями земли. Население царства Цинь было приучено к боям из-за своего соседства с варварами, против которых приходилось постоянно содержать мощную армию. Наконец, это государство управлялось в соответствии с эффективными принципами легизма. В 221 г. до н. э. правитель царства Цинь распространил свое господство на весь Китай. Он создал империю.

Вместе со сменой политического и экономического режимов сменился и официальный культ. На место правителя, религиозные функции которого исчезли с течением времени, пришел император (*хуанди*), обладающий абсолютной властью. Он являлся стержнем государства, который обеспечивал связь Неба и Земли. Когда правитель государства Цинь принял титул Цинь Шихуанди («Первый император Цинь»), Китай приобрел статус империи, который, несмотря на периоды раздробленности, все же оставался у него как минимум до 1912 г.

Все, что напоминало о власти и независимости древних гегемонов, было уничтожено. Выступавшая против объединения, знать исчезла, лишённая своих привилегий. Двадцать тысяч ее представителей были казнены или высланы, их богатства конфискованы, их дворцы разобраны и перенесены в Сяньян, столицу империи. Все, что относилось к материальным и моральным сторонам жизни всей империи, было

подчинено строгой регламентации и кодификации: уголовные законы, единая система мер и весов, дороги, транспорт, письменность и, прежде всего, мышление. Философы, следовавшие примеру Конфуция и странствующих учителей прошлого, на древний манер продолжали обсуждать и критиковать предпринятые реформы, чем вызвали у Цинь Шихуана только гнев. В 213 г. до н. э. их книги были торжественно сожжены. Некоторые просвещенные люди заплатили за свою смелость жизнью: в хрониках сохранилась запись о том, что 460 мыслителей были зарыты в землю живыми.

Действия Первого императора не ограничивались только приказами и реформами. Он провел большую часть жизни в седле, ведя войну на всех землях империи, с севера до юга, и особенно на северных границах, где основную угрозу представляли многочисленные варвары. В качестве оборонительной меры он приказал соединить и укрепить все пограничные защитные стены, которые местная знать построила за свой счет, чтобы сломить удар страшной кавалерии кочевников. Именно так в конце III в. до н. э. был создан первый план Великой Китайской стены, которая отныне отмечала границы цивилизованного мира — от верхнего течения Хуанхэ на западе до Желтого моря (Бохай) на востоке.

С начала периода, который называют эпохой Борющихся Царств, грозные варвары *сюнну* укрепили свое могущество. Китайцы презирали этих кочевых пастухов, которые, пренебрегая железом, использовали оружие из бронзы, унаследованное от народов, населявших территорию современной южной России, жили в войлочных, из шерсти баранов, которых они пасли, жилищах и пили перебродившее молоко кобылиц — сегодня это обычное питье монголов. Тем не менее эти народы обладали большими богатствами, превосходными породами лошадьми и замечательной военной тактикой, например стрельбой из лука с коня, которая наносила китайцам значительный урон. К тому же нельзя сказать, что *сюнну* оказались совершенно неприступными для китайского влияния. Осно-

вание империи совершенно точно имело для Китая гибельные последствия, в том смысле, что оно заставило кочевников создать свой союз, объединиться по примеру могущественных оседлых народов.

Император, осознавая опасность, одно время успокаивал варваров, отправляя в дар им прекрасные произведения китайских ремесленников, в первую очередь, конечно, шелк, который восхищал варварских вождей. Но это был не самый лучший выход, и Цинь Шихуанди не мог подарками смягчить внешнюю опасность, которая угрожала молодой империи.

* * *

Жесткие и суровые действия правителя, связанные с относительной неудачей перед лицом кочевой опасности, вызвали бурную ответную реакцию, и — несмотря на попытки «второго императора» (Эршихуанди), правившего в 209—208 гг. до н. э., обратиться к народу, — империя Цинь практически не пережила своего создателя.

В кандидатах на роль наследника не было недостатка. Борьба закончилась тем, что их число сократилось до двух человек: Сян Юя и Лю Бана, которые позднее стали легендарными фигурами. Между ними вспыхнула борьба, разделившая Китай на две части — южную, которая поддерживала Сян Юя, и северную, включавшую в себя междуречье Хуанхэ и Янцзы, подчиненную Лю Бану.

Лю Бан вышел из борьбы победителем. В 206 г. до н. э., через четыре года после смерти Цинь Шихуанди, недолговечная империя Цинь распалась, просуществовав всего около 20 лет. Лю Бан, основатель династии Хань, также стал создателем империи, которая, несмотря на значительные потрясения, просуществовала около 400 лет. Он создал первую династию китайских императоров, авторитет которой был настолько велик, что все подданные империи стали именоваться ханьцами, причем это название сохранилось до сих пор. Лю Бан получил

посмертное имя «Великого предка» — Гаоцзу. Отныне это имя в Китае стали получать все основатели династий, а значит, и династийного культа предков. Основной заботой нового императора оставалась борьба против сюнну, но прошло еще 50 лет, прежде чем была создана относительно эффективная и последовательная политика в решении проблем варварских набегов.

На протяжении 60 лет между приходом к власти династии Хань и восшествием на престол императора У (141—87 до н. э.) постепенно создавалась система централизованного государства. Законы, установленные когда-то Цинь Шихуанди, больше никогда не вводились, однако новые правители гибко использовали их, приспособив к населению, связям, обстоятельствам. По повелению императоров Вэнь-ди (179—157 до н. э.) и У-ди (141—87 до н. э.) было возвращено уважение к древним текстам, копии которых были восстановлены. Под влиянием Дун Чжун-шу (умер около 104 до н. э.) У-ди ввел первые звания «ученых обширных знаний» (*бо-ши*) в 135 г. до н. э. и создал императорский университет в 124 г. до н. э. Примерно в 100 г. до н. э. был составлен первый китайский словарь (*Шо вэнь*), включавший в себя примерно 9000 статей. В это же время Сыма Цянь (умер в 90 до н. э.?) создавал китайскую историографию.

* * *

Положительный эффект политики успокоения проявился в увеличении внутренних доходов, что позволило пересмотреть отношения Китайского государства с его соседями. Это было важно сделать именно в тот период, поскольку сюнну, создавшие мощный союз, были опасны для всего Северо-Восточного Китая.

У-ди не питал никаких иллюзий относительно того, что мирные договоры, заключенные с варварами, просуществуют долго, поэтому он проводил последовательную военную политику. Одной из его смелых идей было ударить в тыл сюнну.

Для того чтобы ее осуществить, он отправил посла Чжан Цяня на поиск союзников в Азии. Эта миссия в военном плане потерпела неудачу, так как в степи никто не осмелился противостоять могущественному союзу сюнну.

Однако с полным основанием можно сказать, что история Чжан Цяня, который на десять лет оказался в плену у сюнну, стала легендой. О своих путешествиях и долгом пребывании в Центральной Азии он оставил несметное количество рассказов, которые значительно расширили горизонты китайского знания. Пользуясь его указаниями, армии императора У-ди дошли до бассейна реки Тарим. Во II—I вв. до н. э. посланцы и торговцы Римской империи продвигались все дальше вглубь Востока, чтобы найти там шелк, который был им известен по торговле с варварами. Именно так мало-помалу из множества дорог начал складываться знаменитый Шелковый путь, в поисках чудес объединивший Запад и Дальний Восток.

Полностью занятые войной и внешней политикой, императоры Хань, в частности У-ди, слишком многого требовали от народа: уплаты налогов, выполнения общественных работ. Были созданы прибыльные, но непопулярные монополии на соль, железо, алкоголь, рис. Под давлением общественного мнения эти налоги то упразднялись, то вдруг снова начинали взиматься со всей строгостью. К концу первого века правления этого непостоянного режима экономика империи рухнула и стала неуправляемой.

* * *

В 9 г. н. э. в ходе дворцового переворота власть захватил регент малолетнего императора Ван Ман, который считал, что именно ему предназначено взять в свои руки судьбу империи, находившейся на грани катастрофы. Правители Хань потеряли способность правильно и с пользой для народа осуществлять связь между Небом, Человеком и Землей. Они потеряли «Мандат Неба».

Между тем Ван Ман был еще более неумелым правителем, чем императоры династии Хань. ТERRORИзуя одновременно чиновников, народ и варваров, он вызвал неудовольствие. Голос народа громко требовал возвращения так легко потерянных древних правителей. В это требование, однако, каждый вкладывал надежду о восстановлении государства. Увеличивалось количество восстаний. В 18 г. восставшие Шаньдуна, которые называли себя «краснобровыми», имея в виду свою боевую раскраску, вовлекли в мятеж деревни. Режим Ван Мана пал, просуществовав всего около 10 лет, хотя его создатель верил, что он основывает новую династию.

* * *

Тем не менее страна не успокоилась, пока в 25 г. н. э. на престол не взошел император Гуан У (25—57 н. э.), который восстановил династию Хань. Как и правители династии Чжоу, он перенес столицу на восток, в Лоян, в бассейн реки Хуанхэ, где она была защищена от набегов кочевников. Впрочем, эти вторжения прекратились в правление императора Мин-ди (57—75 н. э.) благодаря военным кампаниям в Ордос полководца Бань Чао, брата знаменитого историка Бань Гу.

Однако этот подъем не был долгим. В окружение правителя входили семьи императорских жен и евнухи, которые благодаря близким отношениям с господином строили и разрушали карьеры чиновников, создавая во дворце нездоровый климат интриг. Все это порождало порочащие двор и страну слухи. Регентство императрицы Лю привело к новым политическим волнениям. В то же время административный хаос и стихийные бедствия сделали жизнь народа невыносимой. Гигантское крестьянское восстание, получившее название восстания «желтых повязок», вспыхнуло в 184 г. Оно быстро охватило практически весь Китай.

Казалось, одновременно рухнул весь мир: народ не выполнял указы правительства, отрезанного от своей социаль-

ной базы, знать была совершенно неспособна ни бороться против варваров, ни эффективно решать сельскохозяйственные проблемы. В первую очередь знать заботилась о собственном богатстве и личных привилегиях. В 220 г. Хань пала.

* * *

Империя распалась на три крупных государства, которые, в свою очередь, полностью зависели от собственных правителей. Царство Вэй располагалось на землях вдоль Желтой реки, царство У занимало среднее и нижнее течение Янцзыцзян и весь юг Китая, и, наконец, территория царства Шу, горной страны, включала в себя земли Сычуани — убежища последнего потомка великого Лю Бана, основателя династии Хань. Каждое из этих царств просуществовало около 60 лет, вплоть до нового объединения империи под властью новой династии, которая получила название Цзинь.

Период китайской истории с 220 по 280 г. получил название Троецарствие. Это эпоха постоянных войн, которая привела к появлениям множества эпических стихотворений и романов «плаща и шпаги». В этих произведениях в образах главных героев, находящихся на первом плане, мы видим три Китая, три разных типа экономики, противостоящих друг другу: огромная илистая равнина Севера; многочисленные озера, холмы и пышная растительность Юга; головокружительные горы, окружающие и охраняющие островки плодородной земли Запада.

Лишенная привилегий, потерявших силу, ханьская знать исчезла. Множество крестьянских общин, бежавших от голода и войны, в приказном порядке оказались превращены в поселения военного типа. Но, хотя постоянные сражения становились причиной разрушений и резни по всей территории империи, удовлетворение потребностей армии одновременно стало причиной важнейших материальных улучшений, как, например, создание превосходных дорожных сетей и мостов

через реки, для того чтобы обеспечить снабжение войск во время военных кампаний.

Несмотря на произошедший в эту весьма беспокойную эпоху расцвет лирики и мысли, главной темой которых стали самые разные идеи объединения страны, несмотря на все усилия династии Цзинь создать единое государство, этот период закончился окончательным распадом страны в результате варварского нашествия, которое не удалось сдержать.

* * *

Шесть китайских династий к югу от Голубой реки и шестнадцать государств с династиями варварского происхождения на севере разделили Китай между собой. Большинство жилищных семей Севера переселились в южные государства, которые стали, как это в китайской истории случалось неоднократно, хранителями национальных традиций.

На севере вплоть до IV в. сменяли друг друга варварские династии, поскольку приходящие с севера новые племена, постоянным источником которых была степь, свергали пришедших раньше. Было бы неправильным оставить без внимания то, что негативный аспект феномена варваризации Северного Китая, который отмечают многие авторы, имел и обратную сторону, выразившуюся в китаизации варваров.

В самом деле, именно правители варварских династий, оказавшиеся между двумя разными моделями общества, способствовали широкому распространению буддизма. Впервые буддизм проник в Китай в I в. н. э., в период правления династии Хань, однако эта религия не вызвала у китайцев большого интереса. Напротив, для людей, пришедших из других мест, восхищавшихся Китаем, стремившихся перенять основные элементы его культуры, практически не понимая их, махаяна, более легкая форма буддизма, представляла собой прекрасную возможность начать знакомство с философией. В то же время это давало варварским правителям надежду на возможное

объединение с находящимся в их власти местным населением, которое было столь же мало знакомо с буддизмом, как и они сами.

В этот период произошел один из самых значительных расцветов китайской мысли и искусства, связанный с правлением так называемой династии Северная Вэй (386—534). Некоторые, впрочем, не считают эти достижения китайскими из-за варварского происхождения самой династии Северная Вэй. Впрочем, если рассматривать вещи под таким углом, то нам следовало бы отказаться от нашего христианского искусства. Нельзя сказать, что буддизм исказил китайскую цивилизацию и ее достижения, напротив, он позволил ей стать более универсальной.

После варварских нашествий Китай оказался раздробленным на множество государств. Этот период истории следующих веков обозначили простым термином «династии Севера и Юга», показав, что Китай, не теряя культурного единства, тем не менее представлял собой конгломерат множества недолговечных государств.

Административное единство империи было восстановлено благодаря двум правителям — отцу Вэнь-ди (590—604) и его сыну и убийце Ян-ди (604—618), которые стали основателями династии Суй. Примерно за сорок лет им удалось прочно объединить Северный и Южный Китай, от Хуанхэ до Янцзы.

История приписывает именно им создание знаменитого Великого канала, который, соединяя две крупнейшие в Китае речные системы, создал прочнейшие экономические основания для восстановления политического единства. Однако жестокость правящего режима и тяжелейшие налоги, собираемые с населения, быстро привели к возмущениям. Эти восстания, искусно использованные авантюристом из Шаньси Ли Шиминем, привели к падению в 618 г. жестокой династии Суй. Власть оказалась в руках у династии, получившей название Тан.

* * *

На протяжении трех веков продолжался расцвет Китая, сравнимый с тем, который когда-то происходил в период династии Хань. Кроме того, это была эпоха самых больших завоеваний на Западе, остановленных только в 751 г. битвой с мусульманами на реке Талас. Все историки, которые так или иначе обращаются к этой блистательной эпохе, обычно выделяют три фазы развития Китая.

Первая фаза — восстановление административных и экономических механизмов управления, предназначенных на всей территории Китая обеспечивать восстановление правосудия, учености и торговых связей, благодаря системе экзаменов государственных чиновников. Этот период практически совпадает с правлением основателя династии Ли Шиминя (626—649), который сам начал управлять завоеванной им территорией, после того как устранил отца и убил братьев.

Второй период совпадает с началом правления Сюань-цзуна (712—756) — утонченного императора, большого любителя искусства и красивых женщин. Без сомнения, это была самая радостная, самая роскошная, самая беспечная эпоха. Каждый жил в относительном материальном достатке, в моральном и духовном покое, благодаря усилившемуся влиянию буддизма, вдали от опасных варваров, которые, казалось, практически исчезли.

Пробуждение было жестоким. Восстание Ань Лушаня — фаворита императора — отправило двор на дороги изгнания. За мятежником, который был тюркского происхождения, следовали его братья-варвары. Китай, несмотря на восстановление императорской власти в 756 г., снова познал страх, пожары, голод. С этого момента история династии превратилась в историю долгого упадка, отмеченного постоянными потрясениями, как, например, запрещение буддизма и других чужеземных религий в 845 г., потому что монастыри захватывали

земли и людей, таким образом подрывая управление государственными финансами.

Торговля с иностранными государствами, развивавшаяся по сухопутным и морским путям, любовь к экзотике, открытость идеям, пришедшим извне, — все это погибло. Города, появившиеся благодаря торговым связям, медленно умирали. Сохраняли свое значение только города — административные центры, главная задача которых была в управлении и соблюдении интересов общества, основы которого уже были расшатаны. Начиная с 780 г. изменилась система налогообложения. Отныне налогом облагались собственность и производство, что привело, несмотря на все усилия правосудия, к увеличению налогового бремени, возложенного на мелких хозяев. Императорское солнце больше не казалось достаточно ярким, чтобы освещать всю империю.

С 907—960 гг., на пятьдесят лет, Китай вновь раскололся на «Пять династий» Севера и «Десять царств» Юга. От Желтого моря на востоке до китайского Запада, к югу от Великой Китайской стены, империя трепетала перед киданьской угрозой (907—1125). Кидани стали основателями династии Ляо. Варварская проблема снова стала кошмаром китайской действительности. Казалось, время повернуло вспять, к далеким эпохам, предшествовавшим расцвету династии Тан.

Однако в 960 г. полководец китайского происхождения Чжао Куанинь, находившийся на службе у одной из местных династий, называвшейся Чжоу, добился нового, довольно непрочного объединения империи. Он стал отцом нового классического периода, на наш взгляд, самого трогательного.

* * *

Чжао Куанинь, получивший после смерти имя Тай-цзун (960—976), стал основателем новой династии — Сун. Ему наследовал его брат Тай-цзун (976—997), которому хватило двадцати лет, чтобы восстановить империю. По правде говоря,

политически объединить удалось только то, что оказалось в зоне досягаемости этого великого завоевателя. Настоящая заслуга этих двух правителей была в осознании того, что в первую очередь для объединения Китаю необходимо прочное интеллектуальное единство. Для достижения этой цели они мобилизовали всех хоть сколько-нибудь грамотных людей. Кроме того, первые императоры династии Сун провели своего рода моральное перевооружение, чтобы избежать покушений на свою власть.

Была восстановлена система проведения экзаменов для отбора государственных чиновников, существовавшая при династии Тан. Таким образом, императоры династии Сун создали механизм, позволявший привлекать к управлению государством людей, обладающих большими знаниями, поскольку экзамены были достаточно трудными. Эта система была позднее перенята династией Мин (1368—1662), а затем и династией Цин (1644—1912), которым, впрочем, не хватило мудрости для того, чтобы одновременно способствовать возрождению философии. В итоге Китай оказался политически и технически ослабленным, но зато социально стабильным — именно таким его помнят наши деды. Новшеством стало то, что в эпоху Сун система экзаменов, ценность которой подтвердилась, стала своего рода «демократическими» гарантиями китайского правительства. Была объявлена война придворным кликам, интригам евнухов и императорской родни. Понятия «знать», «наследственная аристократия» теоретически окончательно потеряли всякое значение. Без сомнения, никогда империя не была так близка к модели, которой восхищался Вольтер.

Между тем для правителей династии Сун, как и для их предшественников, существовала постоянная угроза со стороны усиливающихся варваров, находившихся в опасной близости от границ империи. Династии Сун так и не удалось уничтожить государство Ляо. Впрочем, от этого желания правители Китая достаточно быстро отказались, и, несмотря на небольшие стычки, между ними был установлен относитель-

ный мир, продолжавшийся около ста лет. В 1004 г. по договору, заключенному в Шаньюани, императоры династии Сун согласились считать правителей династии Ляо своими «старшими братьями» и посылать им каждый год дань серебром и шелком. Кроме того, император должен был соблюдать осторожность в отношениях с Кореей, где появилось новое сильное государство Коре, которое могло представлять угрозу для империи. В Центральной Азии продолжало опасно усиливаться государство Ляо, которое к тому же оказывало поддержку появившейся в Тибете новой династии Западная Ся (1038—1227). Несмотря на влияние, оказываемое на варваров ханьской культурой, письменность которой в эту эпоху была использована для создания алфавита киданей, тангутов и чжурчжэней, варварские тиски медленно сжимались. Надеясь избавиться от этих тисков, император Шэнь-цзун (1067—1085) поддержал реформы Ван Аньши (1021—1086). Однако против этих реформ жестко выступили многие влиятельные лица, например государственный чиновник и великий историк Сыма Гуан (1019—1086). Доводы против этих реформ он привел в своем историческом произведении, которое написал после вынужденной отставки. Даже сегодня сторонники и противники этих «демократических» реформ не прекращают споры. Тем не менее этот опыт был крайне ограничен по времени, поскольку в 1076 г. Ван Аньши пришлось покинуть правительство.

Вскоре в Маньчжурии было основано государство чжурчжэней, которое получило название Цзинь (1126—1233). Чжурчжэни начали вести военные действия против государства Ляо, напав на него с фланга. Император Хуэй-цзун (1101—1125) воспользовался этим, казалось бы, благоприятным моментом, для того чтобы начать военную кампанию против неудобных соседей. Оказавшись между двух огней, государство Ляо пало в 1125 г., однако, без сомнения, со стороны империи Сун это было очень большим военным просчетом. Войска победителя, непосредственного соседа китайцев — государства Цзинь, больше не встречали перед собой серьезных препятствий.

В 1126—1127 гг. они захватили Кайфэн, столицу империи Сун. Император и весь его двор бежали, конец династии казался неизбежным. Однако молодой брат императора, получивший позднее имя Гао-цзуна, возглавил «правительство в изгнании» в Линьани (современная провинция Ханчжоу). Началась эпоха, получившая в истории название Южная Сун (1127—1279). Предыдущий период политического единства, закончившийся с падением Кайфэна, благодаря географическому расположению своей столицы, получил название Северная Сун (960—1127).

Страна вновь вернулась к давно знакомому делению: Китай Хуанхэ и Китай Янцзыцзян, объединенные зоной общих интересов, располагавшейся между руслами двух рек.

Как и всегда в таких случаях, «гонимый» Китай питал надежды на завоевание обратно тех территорий, которые были потеряны в период общего упадка. Постепенно установился *modus vivendi*¹, чему благоприятствовали крупные земельные собственники Юга, которые не ждали ничего хорошего от тяжелой войны за «освобождение» Севера. В 1141 г. между государствами Цзинь и Южная Сун был заключен договор, по которому южане должны были платить ежегодную дань своим северным соседям. Такое равновесие существовало примерно столетие, вплоть до того момента, когда оба противника пали под ударами монголов.

Однако до этого варварского нашествия, которое замедлило развитие всех местных культур с Востока до Запада, от Китая до России, Китай династии Сун, и в частности династии Южная Сун, достиг апогея утонченности, основы которой были заложены еще в периоды Тан и Пяти династий.

Города Ханьчжоу, Сучжоу и Янчжоу стали не только важнейшими торговыми центрами, но и колыбелью новой культуры — культуры процветающих торговцев и богатых беженцев, живущих в колониях. Здесь зародились новые фор-

¹ *Modus vivendi* — мирное сосуществование (лат.).

мы театра, а изобретение книгопечатания, которое использовало гравированные пластины, увеличило возможности распространения текстов. Как и в Европе, после распространения изобретения Гуттенберга, первыми в массовом порядке начали печатать древние философские тексты, комментируя их в свете новых знаний. Таким, например, было произведение Чжу Си (1130—1200), отца неоконфуцианства, которое вплоть до XX в. господствовало в китайской философской мысли. В это же время художники стремились в своих картинах выразить абсолютную красоту и свой восторг в той форме, которая была им знакома. Так появились знаменитые пейзажи акварелью.

* * *

Таким образом, на протяжении тех эпох, которые европейцы называют поздней Античностью и Средневековьем, в Китае прошли три великих классических периода, которые, несмотря на все бури и иноземные нашествия, и сотворили из этой цивилизации то, чем она является сегодня. В этом смысле и европейское вторжение всего лишь одно в череде множества таких же вторжений.

Первый классический период, Хань (206 до н. э. — 220 н. э.), был посвящен созданию единой империи. В этот же период окончательно оформились основные идеологии Китая — конфуцианство и «легизм», которые добились сохранения единства китайского государства на протяжении трех веков. По многим признакам империя Хань напоминает своего римского собрата.

Второй период, на который приходится правление династии Суй (581—618) и Тан (618—907), характеризуется ярко выраженной урбанизацией, прочным единством Северного и Южного Китая, значительным подъемом буддизма, который стал основным источником самого долгого открытия Китая для достижений чужеземной науки, знаний и обычаев.

С третьего классического периода, Сун, который включает в себя правление династий Северная Сун (960—1127) и Южная Сун (1127—1279), собственно говоря, начинается «новое время». Происходит «революция» книгопечатания, и государство сразу же оказывается перед проблемой распространения знания. В это же время мощное интеллектуальное течение по возвращению к идеалам древности позволяло людям осознать свое место в истории, а философ Чжу Си создал на этой основе синкретическое философское учение, получившее название неоконфуцианства. С этой точки зрения можно сказать, что классический период Сун представляет собой совокупность первых двух классических периодов, объединившую административную систему Хань и философские размышления Тан. Одновременно научный и технический прогресс, ускорившийся благодаря активному росту городов и относительной легкости передачи информации, создал успешный баланс материального и духовного развития.

Если подсчитать все время, которое ушло на то, чтобы из множества течений китайской философии выкристаллизовался оригинальный философский синтез, то периоды, когда государство оказывалось раздробленным, покажутся весьма короткими. На полторы тысячи рассмотренных нами лет китайской истории приходится всего 470 лет раздробленности, т. е. не более трети. Таковы данные официальной истории.

Однако это соотношение меняется и даже становится обратным, если за критерий целостности взять общую площадь территории, действительно контролируемой этническими китайцами. Так, держава жуань-жуаней V в. и тюркские государства VI в. трижды захватывали северную часть страны. Так же поступали в X в. кидани (Ляо), а в XII в. — чжурчжэни, пока монголы не овладели всей империей. Единственное настоящее национальное объединение произошло в период правления династии Тан. В итоге присутствие варваров — этой вечной угрозы, которой были степные пастухи-кочевники для сель-

скохозяйственных общин северной равнины, — оставалось постоянным на протяжении всей китайской истории. Несмотря на некоторые периоды относительного спокойствия, не было ни одного века, когда Китай не попытался бы, войной или дипломатией, найти решение этой тяжелой проблемы, которая характерна для более развитых цивилизаций, окруженных соседями иной этнической принадлежности и культурного уровня.

Для нас, сторонников идеи «единства», эти постоянные варварские нашествия и неоднократно порождаемые ими волны регионализма очень часто видятся только через призму их пагубных последствий. В какой-то мере обычным положением дел для Китая было наличие сразу нескольких государств, которые, продолжая осознавать свою принадлежность к единому культурному сообществу, позволяли развиваться собственным, дополняющим друг друга весьма сходным культурам. С этой точки зрения каждый распад Китая соответствует элементу дыхания или периоду вынашивания плода, на протяжении которого вся страна делает выдох, находя и комбинируя элементы нового объединения.

Централизация, происходящая одновременно с созданием империи, теоретически является для государства удачным вариантом. Например, римляне создали империю, которая отличалась огромными размерами, в ее границах было создано средиземноморское объединение. Однако в государствах такого типа могли сохраняться только самые общие идеи, которые, впрочем, при удобном случае доходили до абсурда. Таким образом, подобные великие классические периоды порождали огромную мозаику идей, в которой выживали только отдельные, уважаемые всеми принципы, часто насаждавшиеся в обязательном порядке.

Впрочем, никаких глубинных изменений не происходило. На протяжении веков наследовавшие друг другу китайские правительства напрасно бросались из стороны в сторону в поисках самоидентификации. В практическом плане это

выразилось в двух проблемах (таких же неразрешимых, как, например, сохранение равновесия в отношениях между различными регионами или дипломатические контакты с варварами) — содержание мощной армии и распределение земли внутри империи.

Армия всегда была бездонной воронкой, поглощавшей государственные финансы, так как она должна была всегда быть лучше оснащена и обучена, чем армии тех, кто угрожал империи. Династия Хань вторглась в Центральную Азию, чтобы найти хороших лошадей, годных для верховой езды, потому что только кавалерия могла эффективно воевать против варваров. Династия Тан дошла до реки Тарим для того, чтобы защитить свой западный фланг и обеспечить спокойствие на торговых путях, которые соединяли ее с остальным миром. Зато династия Сун никогда не была настолько сильной в военном отношении, чтобы сохранять пастбища китайского Запада, пригодные для разведения лошадей. Эта династия пыталась компенсировать слабость своей армии, привлекая под свои знамена огромные массы людей и развивая наступательную технику, используя, например, взрывчатые вещества. Однако империя все равно оставалась в пределах досягаемости любых ударов со стороны варваров.

Проблемы общей культуры и распределения земли также оставались постоянными источниками трудностей. Можно подробно рассказать, как эти проблемы развивались на протяжении многих веков, но мы остановимся только на некоторых общих моментах.

Тот факт, что некоторые китайские неолитические культуры развивались в бассейнах рек или на равнинах, а также то, что две основные реки Китая, которые, засоряясь собственным илом, текут по весьма пологим склонам к морю, заставляют забыть о том, что поверхность, которую занимают горы, все же составляет больше половины территории страны. Китай разрезан горными цепями, которые скрещиваются, создавая подобие гигантского шахматного поля. При этом вплоть

до XX в. только седьмая часть общей территории могла быть доступна для хозяйственной деятельности человека.

Эта природная особенность объясняет два важнейших феномена китайской цивилизации: любовь просвещенных людей к горам, которые представляли во всей величественной красоте — большая часть западных художников оказалась к этому совершенно не способна, — и ненависть к ним простонародья, поскольку каждая скала, каждое дерево оказывались препятствием для выращивания продовольственных культур. Эта относительная нехватка земли привела к развитию террасного земледелия, которое могло быть даже ирригационным. Особенно оно было распространено на Юге, что позволяло увеличить площадь пахотных земель. К тому же нехватка земель приводила к нарушениям в питании. Хотя пища и была приготовлена весьма искусно, но, за исключением стола богачей, всегда была бедна кальцием и витаминами. Маленькие размеры полей, практика собирать налоги зерновыми приводили к тому, что крестьяне оставляли мало места для выращивания овощей и фруктов.

Аграрный вопрос приводит к появлению вопроса о «перенаселенности» Китая, который невозможно решить, не зная некоторых нюансов. На самом деле эта проблема появляется потому, что в Китае использовались самые древние формы ведения хозяйства, требующие огромного количества рабочих рук. Речь идет о посадках риса, об оборудовании каналов и плотин, необходимых для создания ирригационных систем, о получении шелковой нити из маленьких коконов, а позднее на Юге — о сборе и просушке чайных листьев. Даже на уровне крестьянского производства все эти работы требовали множества непрерывно повторяющихся движений, а значит, тысяч рабочих рук.

Очевидно, что общество, которое одевалось и питалось благодаря сельскому хозяйству, тесно связанному со сложными методиками заливного рисоводства, было еще больше, чем другие, если это возможно, незащищено перед голодом. Как

только отработанный механизм начинал давать сбои, целые деревни вымирали от голода.

При таком типе экономики скотоводство не играло практически никакой роли. В среднем хозяйстве имелось всего лишь нескольких быков, которые были нужны, чтобы тянуть плуг, нескольких баранов, с которых стригли шерсть, свиней или домашнюю птицу, которых разводили на кухонных отбросах.

Необходимость большого количества рабочих рук и их наличие, отсутствие домашних животных объясняет простейший уровень механизации крупных работ в сельском хозяйстве. Конечно, в Китае не было недостатка в бесчисленных изобретениях по подводу к полям воды и подъему тяжелых грузов, однако до недавнего времени работу этих машин все равно выполнял человек — незаменимый элемент производства.

В конце концов для китайских земледельцев и увеличение и уменьшение населения не давали повода для радости. Когда численность населения возрастала, а это, согласно древним принципам, означало, что у власти хорошее правительство, тогда начинался голод, так как обрабатываемые территории были неспособны всех прокормить. Если же, напротив, количество людей уменьшалось, сельское хозяйство и производство испытывали нехватку рабочих рук, что, в свою очередь, приводило к нищете. В этих двух случаях количество собранных налогов и уровень эффективности общественных работ опасно снижались, делая еще более тяжелым для государства содержание армии, — круг замыкался. Кроме того, необходимо было постоянно бороться с захватом земель крупными земельными собственниками, которым были дарованы льготы или даже освобождение от уплаты налогов. Все это заканчивалось тем, что основная тяжесть налогового бремени ложилась на плечи самого бедного населения, которое ни из страха, ни по доброй воле не могло дать больше, чем имело. В итоге, как ни парадоксально это звучит, китайское государство всегда было очень бедным.

Действительно, иногда, глядя на Китай, мы не видим ничего, кроме блеска этой цивилизации: хрупкая архитектура построенных из дерева или самана зданий исчезла под воздействием людей или природных сил. В лучшем случае остались только основания каменных колонн и участки утрамбованной земли, которые служили для домов террасой. С большим терпением, во многом прибегая к помощи воображения, археологам удалось восстановить орнамент. Им пришлось обратиться к текстам, к тем свидетельствам, которые сохранились в могилах и материалах, использовавшихся при погребении, к живописи, к традициям, которые сохранились и стали известными благодаря Японии. Китайская жизнь, существовавшая до монгольского нашествия и восшествия на престол династии Юань (1280—1368), исчезла. От нее остались только искры — произведения искусства, скромно украшенные будничным орнаментом, или созерцательное настроение, которое мы чувствуем в картинах художников.

* * *

Именно этот скрытый мир, этот забытый человеческий род, который, правда, подчас можно обнаружить даже в современном Китае, мы любим и попытаемся воссоздать на страницах нашей книги, став проводниками в глубь времен. У нас даже не возникало вопроса, могут ли страницы одной книги охватить историю целой страны. Впрочем, каждый знает, что Китай, как и все великие цивилизации, совершал завоевания, терпел поражения, создавал произведения искусства и литературы самых разных жанров, которые по прихоти времени повторялись и видоизменялись. Чтобы не потеряться в этом гигантском клубке, мы предпочли затронуть, эпоха за эпохой, те элементы китайской цивилизации, которые развивались действительно особым образом. Сверх того, мы обратимся к темам, которые все же можно надеяться раскрыть, пользуясь относительно удовлетворительным состоянием источников,

архивов, потерявших большую часть своих богатств, а также уже проведенными и опубликованными исследованиями. Вместе с тем слишком широкий и беглый обзор всех тем рискует быть иллюзией знания. Пробелы в наших знаниях по китайской истории еще слишком велики, чтобы стало возможным создание единой логичной ее картины. Мы попытались избежать схематичной истории. Более важной для нас была возможность создать образ человека цивилизации, которая так много дала остальному миру.

Перед тем как начать наш долгий обзор нескольких социальных, художественных, философских или просто бытовых феноменов китайской цивилизации, необходимо вспомнить основные космогонические понятия, которые использовались в Китае с самых древних времен, потому что китайские земледельцы, глядя на звезды, представляли себе совсем другие образы, нежели библейские пастухи.

Для китайца земля была квадратной, а небо — круглым. Вот картина мира земледельца, пропалывающего свое поле. На краях мира находятся четыре колонны, которые держат небесный свод. Каждое стихийное бедствие, наводнение, засуха или землетрясение, является предвестником обрушения мира, поскольку вызвано тем, что колонны начинают шататься. Из всех живых существ самым частым символом мира была черепаха с ее плоским животом, куцыми лапами и круглым панцирем. Поэтому образ черепахи, которая также является символом долголетия, часто присутствует в китайской живописи.

Между двумя элементами, твердым и эфемерным, которые представляют собой Земля и Небо, находится Человек — необходимый стержень для создания прочного единства мира. Для того чтобы лучше исполнить роль связующего звена, Человек должен приложить все усилия: постичь биение окружающего мира, разгадать мистические соответствия между вещами, существами, властью. Вот почему в историческую эпоху правители всегда располагались спиной к северу, откуда дули

гибельные ветра, а лицом к югу, где солнце достигало зенита. Справа, на западе, и слева, на востоке, симметрично располагались соответственно двор и слуги. Наконец, нужно отметить, что китайцы всегда насчитывали пять основных точек пространства: четыре направления розы ветров и центр.

Действительно, все народы на ранних стадиях своего развития помещали именно себя в центр известного им мира. Однако в Китае относительная изолированность равнины Желтой реки в тот момент, когда у власти находилась династия Шан-Инь (1500—1200 до н. э.), и совокупность китайских религиозных концепций придала этому «эгоцентричному» понятию особые размеры. Одновременно этот эгоцентризм сопровождался высокой степенью терпимости, впрочем, иногда весьма снисходительной, по отношению к тому, кто был другим и пытался проникнуть в существующее сообщество и ассимилироваться в нем. Заложное в христианстве миссионерство побуждает нас, европейцев, селиться на самых окраинах мира: ни одно движение в Китае не знало подобной скорости распространения. Дошло до того, что нашим миссионерам удалось обратить в христианство последнего отпрыска династии Мин, чем они заслужили благосклонность великого Канси (1662—1722). В самом же Китае горизонтальных связей с другими народами не существовало: иноземцы всегда были либо вассалами, приносящими дань, либо, как это было в эпоху Сун, «старшими братьями», которым китайцы сами делали подношения. С древности известны имена немногих великих мыслителей, понимавших необходимость вырваться из тесных рамок провинциализма. Без сомнения, жаль, что их почти никто не услышал: «Предположим, что когда-то образованные иноземцы были высланы, им не разрешили служить государству, их не пустили в страну, их просто изгнали. Каков был бы результат для страны? Она сегодня не обладала бы тем богатством и теми преимуществами, которые у нее есть, она не имела бы той известности, которые ей дают ее сила и величина. <...>

Горы не отвергают землю, которая увеличивает их: благодаря ей они так высоки. Крупные реки и моря не пренебрегают ручейками, которые в них впадают: благодаря им они так глубоки. Правитель не отвергает людей, которые пришли к нему: благодаря им его добродетель становится очевидной. Так же как земля не имеет разных сторон, нет стран, которые были бы чужими народу. Все четыре сезона равно хороши, духи распространяют повсюду свое благотворное влияние. Вот почему, следуя этому учению, правители древности не знали себе равных».

Так писал Ли Сы, великий министр
Цинь Шихуанди.

Глава вторая

ДРЕВНИЙ КИТАЙ

Китай открыл металл — медь — в начале II тысячелетия до н. э. Этот резкий рывок в развитии повлек за собой создание первого государства — Ся, которое очень долго считалось мифическим. Сегодня существование династии Ся подтверждено археологическими находками (например, в Эрлитоу и в Эрлигане). Однако, как это ни парадоксально, никаких конкретных данных об этом государстве у нас нет. Появление первых письменных свидетельств китайского происхождения проявляется только в эпоху Шан-Инь одновременно с распространением бронзы.

Шан-Инь

Люди, начертившие богатые смыслом знаки, были прорицателями. Они вопрошали богов и переводили мнемотехническими терминами откровения, которые им были дарованы. Для этого они использовали плоские кости: лопатки оленей или панцири черепах. Начертив на них свой вопрос, они прижигали гадательные кости. Направление и форма образовавшихся трещин сообщали решение богов или волю великих предков, которые продолжали управлять земными событиями с того света. Практика гадания на лопатках, распространенная на

Дальнем Востоке, очень похожа на гадание на внутренностях, характерное для Запада.

Эти забытые в земле исписанные кости, которые люди случайно находили на протяжении веков, с древности использовались в китайской фармакологии под названием «кости дракона». Растолченные в порошок, они считались лекарством от тяжелых болезней, таких как, например, малярия. Довольно долго от цивилизации Шан-Инь до нас доходили только церемониальные бронзовые сосуды со стилизованным орнаментом, изображающим животных, и обработанный нефрит. Причем даже эти находки мы не можем с полной уверенностью отнести именно к описываемому периоду. Однако в конце XIX в. ситуация резко изменилась, сильные паводки размывали почву по берегам Желтой реки, в результате чего исписанные кости, предметы из бронзы и слоновой кости оказались на поверхности. Их купил китайский ученый Ван Ичжун (1845—1900), и эти кусочки привлекли внимание научного мира. Началась долгая работа филологов Ло Чжэньюя, Ван Говэя и Дун Цзобиня. Надписи были постепенно расшифрованы: они несли в себе неисчислимое количество информации об организации государственного управления и о проблемах, которые возникали перед правительством. Огромный авторитет обычаев, значение, которое придавалось предыдущим успехам, и необходимость сохранения информации вызвали создание этих громоздких архивов, вырезанных на костях или панцирях животных. Вопрошая богов, правители прошлого, слишком боязливые или слишком почтительные к естественному ходу вещей, ничего не предпринимали, не пытаясь постичь их волю. Постепенно гадательные надписи позволяют нам восстановить жизнь этой династии.

Хотя качество произведений искусства того времени — бронзовых ваз и нефритовых знаков — создает впечатление единого, богатого и развивающегося общества, надписи, особенно касающиеся предсказаний, позволяют предположить

существование жесткой борьбы между партиями «консерваторов» и «прогрессистов». То есть можно сказать, что в этом обществе в зародыше существовали все проблемы, присущие управлению крупным государством.

Следуя самой древней гадательной системе, какую мы видим при У-дине (1339—1281 до н. э.), 22-м правителе династии Шан-Инь, была установлена дата жертвоприношений — за девять дней до события. Если в последний момент случилось какое-нибудь дурное предзнаменование, например дождь, то церемонию переносили: приходилось выбирать новую дату и ждать девять дней. Постепенно жертвоприношения становились все более и более обильными, а задаваемые вопросы касались всех областей жизни. Каждое препятствие судьбы порождало скучные препирательства между правителем и гадателем: решение всех важных дел сильно замедлялось. Поэтому 24-й правитель Цзу-цзя (1273—1241 до н. э.) изменил эту процедуру: он закрепил за каждым жертвоприношением один конкретный день из десяти, учитывая числовые соответствия, присвоенные каждому предку знатных кланов.

Более того, упрощая и группируя порядок жертвоприношений, этот правитель совершил настоящую религиозную революцию, по сути, создав календарь. С этого момента предсказания использовались только для того, чтобы определить, благоприятной или неблагоприятной является вся декада в целом. В конце концов правитель сам стал верховным жрецом, лично прижигая гадательные кости. Помимо общения с потусторонним миром, это давало ему и значительные практические и политические преимущества. Правитель одновременно освобождался от долгих административных проволочек и ослаблял власть жрецов и гадателей.

Вышеупомянутый календарь также не замедлил подвергнуться дальнейшим изменениям. Разбитые на декады, дни считались по циклической двенадцатеричной системе. Длинные или короткие лунные месяцы состояли из 28 или 30 дней. Опыт подсказывал, что в конце года нужно добавить дополнительный

месяц, чтобы компенсировать разницу между лунным и солнечным годом. Реформаторы решили оставить этот подвижный месяц, потому что это позволяло более точно определять даты сельскохозяйственных работ.

Количество и разнообразие вопросов, которые задавали оракулу, значительно уменьшились. Кажется, что правители Шан-Инь полагали неверным вычислять возможные неудачи своей армии. Исключение составлял только расчет затмений — явления, которое не поддается контролю со стороны человека. Считалось, например, что во время затмений исход любой болезни полностью подчиняется воле духа предка. Кроме того, считалось, что затмение позволяет предсказать пол будущего ребенка.

Реформы Цзу-цзя имели очень большое значение. Они привели к появлению нового политического стиля, который победил, несмотря на сопротивление сторонников старого варианта. Возможно, следует видеть в этом древнем противостоянии, принявшем вид борьбы за власть, прообраз более глубокого антагонизма двух типов правления, который определил ход всей истории Китая. Не исключен вариант, что в истории Китая имело место простая циклическая смена этих двух типов. Одни видели источник власти в уважении к предкам, окружали себя всеми вообразимыми мерами предосторожности и не осмеливались управлять без согласия людей и богов. Другие предпочитали сделать более эффективными административные механизмы, облегчить возможность соглашения между лицами, облеченными властью, и дать большую свободу действиям правителя.

Классические китайские авторы не упоминают эти реформы. Самое большее, о чем они сообщают, это о противоречивых взглядах на «консерваторов» и «новаторов». В этих произведениях У-дин — древний шан-иньский ван — предстает любимым правителем, щедрое и плодотворное правление которого даровало ему восхищение и подданных, и соседних варваров, а у Сыма Цяня, который пользовался древними

источниками, — высокомерным тираном¹: «[приказал] сделать кожаные торбы, наполнял их кровью и, подвесив, стрелял по ним, называя это „стрельбой по Небу“»².

Те же противоречия мы видим в описании другого правителя — реформатора Цзу-цзя. Одни видят в нем деспота, другие — правителя с хорошей репутацией. Только реформатор Ди-синь был единодушно осужден: могильщик династии, жестокий и развратный, он тоже пренебрегал Небом, направляя свои стрелы в бурдюки, наполненные кровью. Это далеко не все нелицеприятные деяния, которые традиционная история приписывает последнему правителю династии.

Падение Шан-Инь, как и падение всех тех династий, которые ей наследовали, всегда объяснялось как результат несчастного случая: китайцы видели в поворотах судьбы справедливое наказание упадка. Древняя династия потеряла свое значение и не обеспечивала больше связи своих подданных с окружающим миром.

Пришел новый клан, более суровый, более сильный, войска которого подтвердили могущество его линии крови, еще никем не униженной. Он назывался Чжоу и происходил из долины реки Вэйхэ, в районе современной Сиани, где когда-то родились первые культуры керамики.

Это событие произошло в середине XI в. до н. э., в 1027 г., если следовать общепринятой дате. Между тем смена династии больше походила на восстановление цивилизации, чем на революцию. Новая династия правила обществом, судьба которого оказалась в его руках, не меняя глубоко его основ. Как это ни парадоксально, можно сказать, что три первых века правления династии Чжоу, по сути, являются вторым блистательным периодом расцвета культуры Шан-Инь.

1 Авторы совершают здесь ошибку, считая, что эта цитата из «Исторических записок» Сыма Цяня посвящена правителю У-дину. На самом деле Сыма Цянь описывает так его правнука — правителя У-и. Описание же У-дина дано в самом хвалебном тоне.

2 Перевод Р. Вяткина, В. Таскина.

* * *

Цивилизация бронзы Шан-Инь, многие элементы которой сохранились до сих пор в ее далеком потомке — китайской цивилизации, располагалась на территориях средней и нижней части Хуанхэ. Именно здесь был самый яркий расцвет культуры Луншань, славившейся своей утонченной керамикой с элегантными формами, которая во времени и в пространстве оказалась близка предметам из металла, датируемым эпохой Шан-Инь.

Происхождение Шан-Инь окружено целым циклом легенд, основные сюжеты которых, как, например, легенда о рождении основателя клана из яйца ласточки, широко распространены по всей Северо-Восточной Азии. Согласно этим легендам место появления этого клана располагалось в западной части Великой равнины. Позднее, когда династия Шан-Инь стала более могущественной, она распространила свое влияние на восток — именно там начался период расцвета этой цивилизации. Эту схему подтверждают и данные археологии, так как известно, что именно в этом регионе культура Луншань достигла пика своего развития, став предвестником эпохи бронзы.

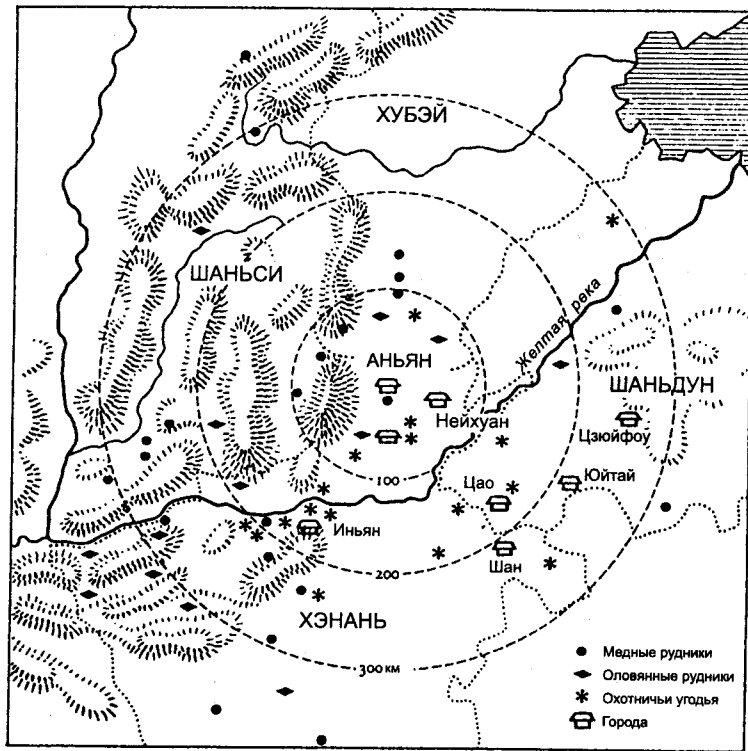
Панцири гадательных черепках, найденные в огромном количестве в нижней части бассейна Желтой реки, где сегодня господствует континентальный климат, можно встретить и на территориях, расположенных намного южнее, например на малайском берегу. Бестиарий изображений на бронзовых сосудах включает в себя тигров, слонов, носорогов. Если принять во внимание изображения человеческих лиц на некоторых котлах, датируемых этим периодом, то можно сделать вывод, что морфологически племена *шан-инь* близки к современным обитателям Южного Китая. Таким образом, есть все основания полагать, что климат нижней части бассейна Хуанхэ того периода был более жарким и влажным. Он был благоприятным для жизни и благосклонным к расцвету великой цивилизации.

На этом обширном пространстве, располагающемся по обе стороны Желтой реки, первые ваны династии Шан-Инь основывали свои столицы: на сегодня историки насчитали уже пять или семь центров, последовательно сменяющих друг друга. Впрочем, значительное количество находок характерно только для двух из них.

Одна из самых древних столиц Чжэнчжоу была открыта в 1950 г. в южной части Хуанхэ, в провинции Хэнань: может быть, именно она была городом Ао, столицей XV в. до н. э., в которой правил десятый шан-иньский ван Чжун Дин. Расположенная в местности, где находят предметы культур Яншэо и Луншань, Чжэнчжоу кажется созданной по образцу крупных поселений позднего неолита, которые отличала прочная стена из спрессованной земли (*хан-ту*). Подобная техника используется в Китае и в наши дни. Пояс укреплений Чжэнчжоу имеет в основании 20 м в ширину, 5 м в высоту и создает квадрат, сторона которого равна примерно двум километрам. В подножии этой земляной стены археологи нашли скелеты 300 собак, принесенных в жертву во время церемонии, посвященной основанию столицы.

Этот весьма хорошо защищенный город охранял множество ремесленников: мастеров, работавших с бронзой, костью, нефритом и глиной. Так прошло несколько этапов развития, свойственных цивилизациям медного века, и наличие крупных поселений это подтверждает.

Столетием позже, в середине XIV в. до н. э., Пань Гэн, девятнадцатый правитель династии, перенес свою столицу на место современной деревни Сяотунь, в уезде Аньян, на севере современной провинции Хэнань. Происходящие год за годом разливы Хуанхэ размывали почву, и в ней были обнаружены ритуальные бронзовые изделия и исписанные гадательные кости. На месте деревни Сяотунь постоянно находят многочисленные удивительные материальные свидетельства о жизни этого общества, так надолго забытого. До сих пор никто не может с абсолютной достоверностью определить точное

Экономическое пространство Аньяна

расположение древних стен, которые защищали это поселение. Без сомнения, они окружали огромное пространство. Эта значительная заселенная территория демонстрировала вкусы и интересы поколений, следовавших друг за другом вплоть до I тысячелетия. Размах новой столицы, расположение в ней зданий правительственного комплекса, религиозных строений и мастерских делали невозможным новое перемещение двора.

Город украшали большие дворцы, которые были построены с применением техники, характерной для культур Дальнего Востока. Строители начинали с того, что выравнивали

поверхность, на которой затем соорудили площадку из спрессованной земли, достигавшую порой гигантских размеров — 30 м в длину и 10 м в ширину. После чего на ней устанавливали колонны из дерева, которые покоились на каменном основании. Затем из этого каркаса, который венчала крепко сколоченная крыша, рождался дом, закрытый снаружи перегородками из самана. Подобные павильоны сменяли друг друга, прочерчивая на земле квадраты жилого пространства, соединенные галереями. Престижная сторона была обращена к солнцу, на юг: вся архитектура, все классическое китайское градостроительство базируется на строительстве квадратами, стороны которых расположены по розе ветров, с учетом советов гадателей по земле.

Вокруг дворца теснились полуземлянки, служащие жилищами. Это были глубокие овальные, круглые или четырехугольные ямы, шириной от 2 до 4 м, глубиной в 3—4 м. На входе в такое строение в грунтовой земле высекали ступени. Стены были обшиты деревянной обивкой, а крыша была покрыта соломой. Так выглядели кварталы, где располагались правительственные здания, резиденции или служебные помещения.

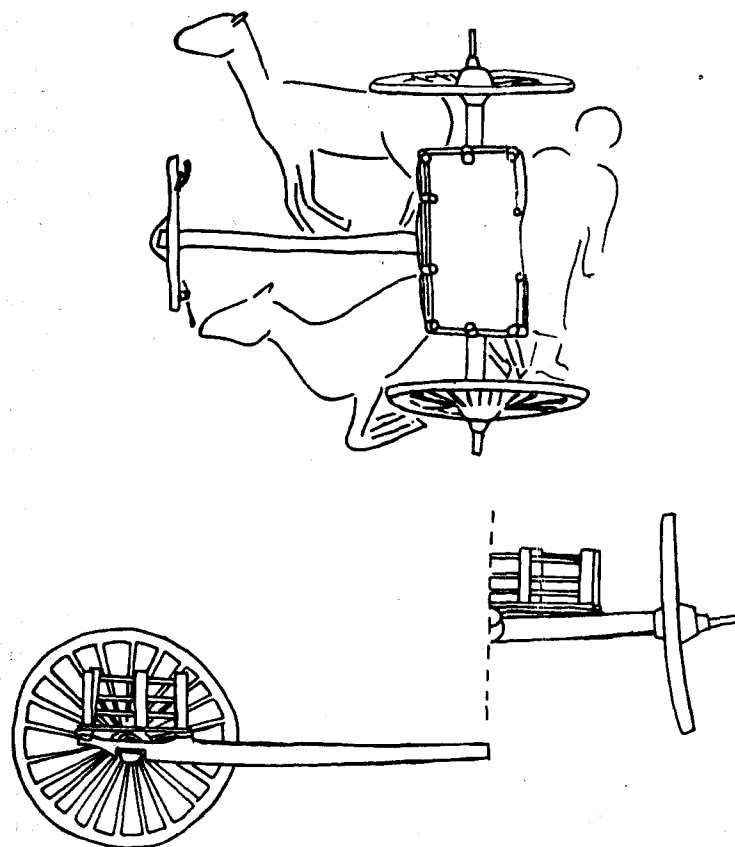
Подобными жилищами, правда меньшего размера, была застроена вся столица, а различные вещи, которые были найдены на их месте, показывают разнообразие использования этих строений: жилища, ремесленные мастерские, склады. Находящиеся рядом многочисленные маленькие ямы служили кладовыми для зерна, хранилищами для гадательных костей или просто мусорными ямами.

Все же достаточно трудно восстановить план города и порядок последовательности археологических слоев, так как позднее люди продолжали жить на том же месте, перекапывая ту же почву. Например, на старых, предварительно засыпанных ямах было построено множество храмов, посвященных предкам. Эти храмы еще больше, чем дворцы правителей, таили под собой останки принесенных во время строительства жестоких жертв: собак, скота, людей, особенно маленьких детей, поскольку считалось, что их жизненная сила перейдет

в новое строение, и они станут духами-защитниками этих храмов. Подобные обряды показывают, что именно в эту историческую эпоху получили развитие те представления, которые мы встречаем в различных течениях китайской философии уже изменившимися и очищенными в более поздние периоды истории страны. Речь идет об универсальной, космической ценности жизненной силы, способной оживить любую материю.

В системе ценностей этой цивилизации потустороннее существование, являющееся частью общей картины мира, обладало особой значимостью, если судить по богатству многочисленных могил. Особенно много могил было найдено в местностях, прилегающих к Хуанхэ, среди которых нужно выделить открытую в 1977 г. удивительную могилу Фу Хао, правительницы-шамана (Инь-Сюй, могила № 5), а также, если говорить о более удаленных регионах, найденное в местности Гуан-Хан в провинции Сычуань в 1986 г. уникальное собрание бронзовых статуй и бюстов. Эти захоронения состояли из прямоугольной погребальной комнаты, обшитой деревом, и выхода наружу. Погребальную комнату с земной поверхностью соединяли достаточно твердые перила и ступени. В центре находился прямоугольный колодец, в который помещали гроб. Под ним находилась еще одна маленькая яма (яо-кэн), в нее помещались собака с бронзовым колокольчиком — проводник в загробный мир — или человек, конечности которого были сложены, а лицо повернуто от земли. Умерший покоился в окружении множества расположенных на земляных возвышениях предметов, а иногда и людей, наличие которых символизировало одиночество и ужас смерти.

Самыми сенсационными могилами культуры Шан-Инь, без сомнения, являются двенадцать могил правителей, открытые в Аньяне. Некоторые из них достигают 10 м в ширину и более 40 м в длину. Могильная обстановка, разграбленная на протяжении веков, включала в себя золотые листья, бронзовую посуду и оружие, скульптуры из нефрита и других кам-

Колесница эпохи Шан-Инь
(найдена в 1972 г. в Аньяне)

ней, керамические изделия, различные предметы, отделанные раковинами, «музыкальные камни», по которым стучали во время церемоний. Здесь же можно было найти и экзотическую фауну: черепах из жарких стран, леопардов, слонов, медведей из Уссури, бобров и антилоп. Могила сама по себе была маленьким государством: например в захоронении У-гуан-цуня, не самом большом из известных, были обнаружены трупы 52 птиц и животных и останки 79 человеческих жертв —

45 полных скелетов и 34 черепа. Наконец, в одной из могил Дасы-кун-цуня лежала целая повозка с двумя лошадьми и возницей.

Строительство этих величественных мавзолеев происходило в строгом согласии с ритуалом, полном торжественности. Попробуем представить себе устройство грандиозного захоронения Хоу-цзя-чжуана, найденного в 1935 г.

Сначала в земле вырыли четырехугольный котлован, сторона которого была равна примерно 20 м. Он был снабжен четырьмя входами, а его глубина была равна 12 или 13 м. Рабы утрамбовали и выровняли дно могилы, а затем выдолбили маленькую нишу: туда спустился воин, который встал на колени. С собой у него была нефритовая алебарда и собака. Их быстро убили, а затем тщательно забросали землей. Сразу после этого слуги медленно спустились в могилу еще пустой саркофаг, используя длинные сходни, по пологому склону с юга. В этот момент охрана, располагавшаяся на трех лестницах с высокими ступеньками, которые спускались с трех других сторон могилы, воздавала прощальные почести. Затем выкопали ямы для восьми охранников, по одному с каждой стороны и по одному на каждом из углов, куда поместили часовых. Только затем в могилу спустили гроб, в котором было тело правителя. Служители запечатали его крышку, а затем обезглавили охрану. Их доспехи, шлемы, кинжалы, мечи и щиты расставили с той же стороны, где лежал их умерший хозяин.

В проходах, украшенных белыми камнями, выложенными в форме тигров и драконов, расположили головы убитых, аккуратными линиями по десять. Затем спустились могильную обстановку, расположив в строгом порядке бронзовые вазы, каменные и нефритовые скульптуры, дорогие предметы и музыкальные инструменты. После этого по спуску в могилу въехала колесница, запряженная четверкой лошадей. В ней сидели возница и три служителя, каждый из которых был вооружен ножом, алебардами, луком и десятью стрелами. Друзья, жрецы, высшие чиновники и сановники, в свою очередь,

заняли свое место, а слуги окружили их дорогими предметами. Возможно, они боялись смерти, однако, по крайней мере, они знали, что их тела не будут обезглавлены. После этого могилу начали засыпать землей, выравнивая ее с поверхностью. Вокруг были вырыты еще несколько сотен маленьких ям, в которые служители также сложили подношения. Кроме того, они продолжали приносить новые жертвы, черепа которых выложили линиями по десять, лицом к могиле правителя. На этом церемония завершилась, и подземный мир принял новых обитателей. Впрочем, скоро в эти захоронения начинают проникать грабители. Ни одна крупная могила не осталась нетронутой, все драгоценные предметы оттуда исчезли, память о них хранится только в текстах. Но если судить по тому, что осталось, мы можем себе представить ту безудержную роскошь, которая окружала правителей этой династии, пока они были живы.

Хотя человеческие жертвы приносились далеко не во всех захоронениях, это все же не было исключительной привилегией правителей. И некоторые представители высшей знати также заставляли следовать за собой своих слуг. Для аппарата управления и для армии этого еще относительно малочисленного общества смерть правителя могла стать катастрофой, которая вызывала заметное снижение численности населения.

Следует также отметить интересную деталь: в середине периода Шан-Инь, в XIV—XIII в. до н. э., начала развиваться практика сожжения тел: пепел собирали в урну и помещали в четырехугольную яму. Впрочем, это ничего не меняло в церемониале.

Впечатляющие размеры этих могил, красота сокровищ и обилие жертв, скрывавшихся в них, чрезмерными усилиями, которые прилагались для их подготовки, придавали таинственное и грозное величие захоронениям этой жестокой цивилизации. Этот феномен характерен для многих обществ бронзового века, в связи с этим небезынтересно выявить его социально-экономические следствия.

Необычайные человеческие жертвы, которые были в обычае у людей той эпохи, показывают существование одной или нескольких форм рабства, что оправдывает использование китайским историком Го Можо термина «рабовладельческий период», который, по меньшей мере, подчеркивает существование принуждения в отношениях между людьми. Но, наверное, следует уточнить, какое место занимали эти «рабы» в экономической деятельности того времени, не торопясь приравнять их положение к тому, которое было характерно для рабов западного мира.

В конце концов, термины, которые мы находим в записях оракулов, такие как Цзян, Ян, Си, — это географические термины. Они означают, что жители именно этих районов были захвачены в плен, а затем избраны в качестве искупительных жертв в разных обрядах. Таким образом, внимательный анализ надписей позволяет обнаружить только существование захваченных на войне пленных, которых именовали по названиям тех племен, к которым они принадлежали, — нельзя сказать, что представители именно этих племен всегда использовались во время жертвоприношения. Итак, военнопленные составляли меньшую часть рабов, отличавшуюся от тех, кого использовали в качестве рабочих рук в домашнем хозяйстве. Именно из них выбирали жертвы, предназначенные для того, чтобы следовать в потустороннем мире за повелителем, его друзьями и слугами.

Тексты периода Шан-Инь вообще не упоминают о рабах, также как о принудительных работах на полях, к которым приговаривали побежденных, и о ремесленниках. Исключение составляют только тексты, посвященные большим охотам и военным экспедициям, т. е. тем операциям, которые были ограничены во времени и могли быть организованы только самим правителем. В них нет ни одного упоминания о том, что человек мог быть продан или куплен. Самое большее, что мы можем точно знать, это что пленные, как и завоеванные земли, полностью переходили в руки правителя, который был представителем кланового божества. Тем не менее сильно преуве-

личное число военнопленных делает мало убедительной гипотезу о том, что их не использовали для жертвоприношений: на протяжении веков численность захваченных в плен увеличивалась с двенадцати до нескольких тысяч и достигала иногда двадцати пяти и даже тридцати тысяч человек. Какова же была их судьба?

В человеческом плане она была жестока, и наша современная чувствительность мешает нам предположить, что социальный статус тех, кого выбирали для жертвоприношения, отличался от статуса рабов. В этом случае маловероятным кажется, что жертвы повиновались так же легко, как стремящиеся к смерти мученики. Порой кажется, что некоторые верования не воспринимают жестокую смерть как нечто ужасное. По другую сторону Тихого океана, в доколумбовой Америке, в племенах, о которых нельзя сказать, что они никак не связаны с населением Дальнего Востока, стать жертвой считалось большой честью.

Эти люди были в каком-то смысле рабами собственных убеждений, но в целом скорее следует охарактеризовать статус Шан-Инь как деспотического, а не рабовладельческого государства. Рабство, неизлечимо больное стремлением к свободе и человеческому достоинству, появится в Китае только спустя тысячелетие.

В свете сравнительных исследований, рассматривающих другие древние цивилизации, кажется, что организация работ и отношения между людьми в правление династии Шан-Инь основывались на распределении разных задач между несколькими основными кланами, которые образовывали пирамиду власти, во главе которой находился правитель (*ван*). Он считался идеалом человека и осуществлял связь между Небом и Землей. От его управления, от того, как он исполнял обязанности властителя и обеспечивал действие основных законов бытия, зависело развитие мира, регулярная смена сезонов, что для земледельческого общества, каким стал Китай, было основным условием существования.

Вокруг правителя располагалась его огромная семья — жены, многочисленные дети, братья (*хоу*). Последние должны были наследовать правителю. Наместники, управляющие отдельными территориями (*банбо*), наставники (*чжи-жэнь*), гадатели (*бу*), писцы (*ши*), знахари (*у*), жрецы (*чу*) и чиновники — все принадлежали к правящему клану. Самыми значимыми должностями в этой иерархии, без сомнения, были гадатели, писцы и жрецы, которые были ответственны за все государственные дела и обеспечивали связь между высшим божеством и его адептами.

Клан Шан-Инь составлял «Большой клан» (*Да цзун*), который получал поддержку и подчинение других, менее могущественных групп, так называемых «Малых кланов» (*Сяо цзун*). Так сформировалось оседлое, цивилизованное, земледельческое общество, которое противопоставляло себя окружавшим его варварским племенам (*и*). Варвары представляли собой постоянно растущую опасность: надписи оракула являются эхом феномена постоянной угрозы, которая не переставала довлеть над судьбой китайской цивилизации.

Остатки ритуальной пищи, которая погребалась при церемонии закладки здания или на похоронах, представляют многочисленные свидетельства того, какие продовольственные ресурсы были характерны для общества Шан-Инь. Судя по количеству принесенных в жертву животных, число которых иногда достигало полутысячи голов, шан-иньцы не испытывали недостатка в самом разном скоте: быки, бараны, олени и даже собаки, мясо которых в Китае еще не так давно употребляли в пищу. Поскольку леса, располагавшиеся вдоль нижнего и среднего течения реки Хуанхэ, еще не были вырублены под давлением демографического роста китайского населения, климат здесь был теплым, с хорошими осадками. Леса вдоль бассейна реки были богаты дичью, что благоприятствовало ведению комплексного хозяйства, сочетавшего земледелие и охоту. Охотились обычно либо севернее, в близлежащей лесистой степи, либо на востоке, в лесах предгорий. Добыча от охоты

составляла значительную прибавку к продуктам земледелия. Охоты, которые проводил правитель, — настоящие военные маневры — были настолько успешными, что только одна из табличек, созданная в правление У-дина, содержит запись об убитом тигре, 40 оленях, 159 самках оленя и 164 лисицах.

Наличие большого количества скота позволяет предположить существование пастухов, которые, без сомнения, перемещались с одного пастбища на другое. Эти пастушеские племена сохраняли свои отличия от земледельцев, всегда презиравших, как это отметил Оуэн Латтимор, тех, кто потреблял молоко и то, что из него производилось. При этом находящиеся в благоприятных экономических и климатических условиях скотоводы все меньше и меньше сопротивлялись господству оседлых способов ведения хозяйства. Таким образом, глубокие этнические и экономические изменения стали неизбежны.

Несмотря на то что люди тех эпох отделены от нас многими веками, их радости и печали не остаются для нас совсем неизвестными. Их отпечаток мы можем найти в одном из первых памятников китайской литературы — «Каноне песен» («Ши цзин»). Он содержит около 300 стихотворений, из которых в эпоху «Весны и осени» Конфуций составил самую древнюю антологию. Впрочем, даже если традиция считать составителем «Ши цзин» самого Конфуция всего лишь легенда, то никакие доводы не позволяют поставить под сомнение достоверность самой поэзии. Самые ранние из этих произведений действительно датируются концом периода Шан-Инь и первыми годами правления династии Чжоу. Самая древняя версия, которая нам на сегодня известна, была найдена в уезде Фуянь, провинции Аньхой (1978 и 1984), в могиле, датируемой началом периода Западная Хань, что вызвало сенсацию в филологическом мире. Сегодня, как и вчера, поэзия обращается к жизни двух групп людей, из которых состоит общество. Если использовать римские термины — это патриции и плебеи. Крестьяне поют о сладости любви, беспокоятся о том, что зима

будет суровой, или жалуются на жестокость тех, на чьей земле они работают. Это очаровательные «нравы царств» (*го фэн*), в которых современный читатель может почувствовать некоторую схожесть с негритянскими спиричуэлс:

Ты, большая мышь, жадна,
Моего не ешь зерна.
Мы трудились третий год —
Нет твоих о нас забот!
Оставайся ты одна —
Есть счастливая страна,
Да, счастливая страна,
Да, счастливая страна!
В той стране, в краю чужом,
Правду мы свою найдем¹.

Так пели когда-то крестьяне царства Вэй, которых облагали тяжелыми налогами.

Крестьянская жизнь, которая в Китае всегда шла в рамках общины, разделяла мужчин и женщин, строго распределяя их обязанности: ткачество, разведение шелковичных червей, производство алкоголя были отданы женщинам, тогда как мужчинам оставались охота, рыболовство и работа в поле:

Целое утро рвала я, рвала тростники,
Но не наполнила ими и обе руки.
Волосы все растрепались и вкось развились;
Я возвращаюсь, омою их — будут мягки.

Целое утро рвала я индиго одна —
Даже подола собрать не сумела сполна.
Он мне сказал, что в разлуке мы будем пять дней,
Вот и шестой! Я не вижу его и грустна.

¹ Перевод А. Штукина.

Если, супруг, на охоту захочется вам,
Все приготовив, в чехол уложу я ваш лук;
Если с удою пойдете вы рыбу ловить,
Нить для уды заплету я вам, милый супруг!

Рыбы какой наловил мой супруг на уду?
Он наловил и лещей, говорят, и линей?
Он наловил и лещей, говорят, и линей,
Я поскорей поглядеть его рыбу иду!¹

Разделение труда, при котором на долю женщины приходится тяжелая домашняя работа, предполагает патриархальную систему отношений, несмотря на ту краткосрочную свободу, которая, согласно обычаям, делала положение девочек во время больших весенних праздников более высоким, чем положение мальчиков. Такая система отношений вызвана существование дуалистической системы *инь* (женское) и *ян* (мужское). Взаимодополняемость и чередование двух элементов этой системы, которые проявляются в их циклическом развитии, послужили источником вдохновения для всех научных и философских теорий Китая.

Молодые люди и девушки встречались в начале нового сезона, во время больших сельскохозяйственных праздников, где обменивались песнями о любви. Эта практика и сегодня в обычае у некоторых народов Юго-Восточной Азии:

Той порой Чжэнь и Вэй
Разольются волнами
И на сбор орхидей
Выйдут девы с дружками.

Молвит дева дружку:
«Мы увидимся ль, милый?»

¹ Перевод А. Штукина.

Он в ответ: «Я с тобой,
Разве ты позабыла?»

«Нет, опять у реки
Мы увидимся ль, милый?
На другом берегу
Знаю место за Вэй я —
На широком лугу
Будет нам веселее!»

С ней он бродит над Вэй,
С ней резвится по склонам
И подруге своей
В дар подносит пионы.

Глубоки Чжэнь и Вэй,
Мчат прозрачные волны,
Берег, в день орхидей
Дев и юношей полный...¹

Знать, возносившая почести предкам, также пела во время церемоний, которые упорядочивали их жизнь. Они возносили хвалу основателю династии, они молили умерших послать им на будущий год обильные дары или благодарили их за плодородность земли, которая позволяла собрать богатый урожай:

В добром порядке участки мои; что ни день —
Просо тучнеет на пашне, тучнеет ячмень.
Правнук — с полей соберу я немало зерна,
Яств наготовлю, сварю молодого вина,
Предкам моим и гостям приготовлю обед, —
Мне долголетье на тысячи, тысячи лет!²

1 Перевод А. Штукина.
2 То же.

Жизнь была еще слишком неясной для того, чтобы самая большая восторженность вылилась во что-то иное, кроме простой радости обладания:

Небо поставило Чжоу на месте почетном, преемственность дав,
И немного мы всех всколыхнули князей —
Так всколыхнули, что каждый затрясся от страха!
Духов же светлых мы всех смягчили, к себе привлекая,
Также и духов рек и священных обрывистых гор.
Истинно стали царем и державным владыкой¹.

Так пели Чжоу после того, как победили династию Шан-Инь.

Чжоу

Чжоу — жители долины реки Вэйхэ, восстановители космического равновесия, защитники цивилизации перед лицом варваров. Как и Шан-Инь, новая династия продолжала вести с ними жестокие сражения, известные нам по длинным надписям, которыми украшались церемониальные бронзовые сосуды.

Чжоу обладали могущественной армией. Помимо пехоты, созданной в основном из крестьян (2у), она включала в себя многочисленные малые подразделения из пяти колесниц и большие подразделения из 25 колесниц, подобные тем, которые существовали в период Шан-Инь. На колеснице, помимо возницы, находились лучник и копыеносец, которые участвовали в бою, не сходя с колесницы, в отличие от гомеровских героев, которые спускались с нее, чтобы вступить в битву.

Начало и окончание войны сопровождалось особыми церемониями, хорошо передающими ранний этап развития

1 Перевод А. Штукина.

земледельческих культов, в которых китайские правители, принося свои жертвы, принимали участие вплоть до самого периода республики. Эти церемонии подчеркивали значение воинской доблести, хотя позднее эта добродетель перестала цениться в китайском обществе так высоко.

Правитель отправлялся в храм предков. Там он, взывая к богу солнца и богу урожая, назначал полководца, призванного спасти государство от военной угрозы. Затем в день, выбранный гадателями, полководец лично являлся в храм предков, для того чтобы получить там топор и алебарду и принести жертвы с просьбами о победе. Служители отправлялись к возвышениям, на которых славили божество солнца, чтобы приступить к приношению жертв. Наконец, военачальник получал бронзовый барабан, который в мирные периоды всегда хранился в храме предков. Для того чтобы придать ему особую ценность, этот барабан предварительно натирали кровью животных, а иногда и кровью людей. На протяжении всей военной кампании войска продолжали славить божество солнца, представленного в виде таблички, которая под охраной перемещалась вместе с армией. Также армия везла с собой табличку, символизирующую отца правителя. Богов всегда извещали о развитии военной кампании: каждый раз, когда правитель переезжал в другое княжество, разводили огромный костер, чтобы известить об этом Небо. По возвращении, если судьба была благоприятна к походу, армия, ведомая «властителем лошадей», который выполнял обязанности военного министра, с триумфом входила в столицу государства. Табличку божества солнца торжественно помещали на место. Часто ей приносили в жертву нескольких заключенных. После этого предкам подносили головы убитых врагов, которые затем сжигали в этих же храмах. Если же армия возвращалась побежденной, то предкам не приносилось никаких жертв. Начиная траур, цель которого была объявить предкам о своем поражении. Затем вместе с самыми простыми дарами таблички возвращались на свое место.

Численность участвующего в таких походах войска крайне важна. Одна из надписей на бронзовом объекте, посвященная экспедиции, отправленной против северозападных варваров, сообщает, что в плен был взят 13 081 человек. Кроме того, эта надпись упоминает об огромной добыче, состоящей из лошадей, быков, баранов и разнообразного оружия. Правители вели себя как великие воины и не гнушались брать с собой войска для того, чтобы расширить свою империю. Так правитель Чжао пересек 26 стран, исполняя каждый раз все ритуалы императорского приема. Он умер во время похода, утонув из-за предательства в бурных водах реки Хань, в Хубее, когда ехал «обозреть свои южные владения»: земли, расположенные между Желтой и Голубой реками. Рассказ об этом событии выглядит так: Чжао специально посадили на корабль, части которого были соединены клеем, в результате чего судно развалилось посреди реки, и правитель утонул. Если детали этого рассказа верны, то цель экспедиции, согласно надписям на бронзе, в действительности была иной — это был военный поход. Проникновение культуры Чжоу в регионы Хубэй, Аньхой, Цзянсу и Чжэцзян, которое подтверждают находки из бронзы, обнаруженные непосредственно в русле реки Хань, тяжело сказалось на культуре этого региона.

Тем не менее Чжоу, какими бы великими ни были их военные таланты и сила духа, не установили свою власть за один день. Без сомнения, в богатом Китае эпохи бронзы они не могли стать кланом, который бы также безраздельно господствовал, как династия Шан-Инь, обладавшая этой властью по праву происхождения. В итоге Чжоу пришлось ждать, пока постепенно не образуются семейные связи между кланом-победителем «князя Чжоу» и родственными группами, члены которых расселились в регионах, еще не контролируемых главенствующим кланом. Эти группы строили там обнесенные оградой поселения, которые включали в себя и сады и пастбища, становясь центром местного правительства и администрации. Постепенно, на протяжении многих лет и правлений, каждый «подданный»

правлящей династии получил от династии Чжоу новую область, которая стала его «доменом». Эти области получили название *фэн* — термин, который изначально применялся к участку земли с четкими границами. Так появилось шесть княжеств, созданных из владений тех кланов, которыми Шан-Инь управляли напрямую: например, Лу — княжество у подножия гор Тянь-Шань, которое доверили князю Чжоу, брату правителя У, или Сун — государство в междуречье Хуанхэ и Янцзы, которое оставалось у потомков Шан-Инь. Вместо того чтобы уничтожить это княжество, правители Чжоу изолировали его в южной части древнего государства. Еще одна часть побежденного клана бежала и, без сомнения, нашла убежище в Южной Сибири, встав у истоков формирования местной культуры Карасук. В других географических регионах, находящихся далеко от Хуанхэ, также развивались этнически разные государства, как, например, Чу, которая позднее обретет огромное историческое и культурное значение. С правящей династией Чжоу эти государства связывало только весьма расплывчатое понятие лояльности, за которым не стояли никакие клановые обязательства.

Представители династии получали власть над своей территорией после церемонии, которая проводилась в столице со всей возможной торжественностью. Так, например, когда Бо Цинь, сын князя Чжоу, отправился в свои владения, в княжество Лу, он воспользовался колесницей правителя, украшенной знаменем, на котором были изображены летящие драконы. На Бо Цине был надет талисман, драгоценный камень князей Ся, сам он потрясал луком Фан-жо Фунь-фаня. Его сопровождала многочисленная свита: профессионалы в искусстве подготавливать поля, прекрасно знающие, как устанавливать межевые знаки и высаживать на полях разные зерновые культуры; земледельцы, умеющие правильно провести сбор урожая; гадатели, являющиеся одновременно мудрыми советниками правителя. Также этот караван вез огромное количество утвари и инструментов, документы и предметы, относящиеся к культуре правителя.

На своей территории такой князь был абсолютным властителем. Он владел луками и стрелами, покрытыми ярко-красным и черным лаком, и управлял с помощью советников землями, населенными достаточным количеством рабочей силы. Простое описание кортежа достаточно четко показывает, что размещению князя в землях, удаленных от территорий, подчиняющихся собственно Чжоу, в приказном порядке часто сопутствовало переселение значительного количества населения. Когда размещение этих переселенцев сопровождалось трудностями, новые хозяева переселяли прежних владельцев земли или, в случае необходимости, просто истребляли их на месте. Впрочем, чаще всего пришельцы осваивали раскорчеванные участки, способствовали распашке целины или использовали обширные пространства, покрытые дикой растительностью. Таким образом они старались избегать недовольства местного населения, которое могло долго относиться к чужакам с недоверием, если не откровенно враждебно. Вся история династии Чжоу состоит из подобных объединений разнородных этнических групп, которых случайные союзы князей заставляли жить вместе. В конечном итоге этот процесс был благом для страны, так как именно он содержал в себе первые ростки культурного единства.

Термин «феодализм», который в марксистском его значении некоторые исследователи применяют к этому периоду истории Китая, является непригодным для характеристики данного типа отношений. Действительно, взаимодействие между правителями династии Чжоу и теми, кому они передавали в управление территории, базировалось на клановых связях, правильнее даже сказать, на кровном родстве. Эти связи нельзя охарактеризовать известным понятием европейской истории, которое подразумевало личное покровительство, испрошенное одним и дарованное другим в обмен на землю или службу. В Китае опорными пунктами центральной власти служили и всегда ими оставались именно города. Эта ситуация отличается от ситуации в Европе, где города были опорой

так называемой «коммунальной революции»: покровительство европейских сеньоров распространялось на отдельные группы людей, на крестьян, рассеянных по деревням, лично или через посредника прикрепленных к земле, которую они обрабатывали, т. е. на тех, для кого свобода была равнозначна смерти.

Разнородное общество Чжоу было достаточно нестабильным, его то и дело беспокоили соседи-варвары, против которых оно постоянно боролось. Из-за форм, которые принял его распад, можно предположить, что в этом обществе развивалась жесткая правовая система, отличавшаяся строгими наказаниями. Работу этой системы обеспечивали либо администрация, занимавшаяся криминальными делами, либо выездной суд, который перемещался от деревни к деревне и разбирал мелкие правонарушения. Одни и те же люди исполняли обязанности управляющих, судей и защитников определенной территории. Правовые нарушения пресекались с жестокостью, которая нам известна и по культовым жертвоприношениям, и по кровной мести. Именно в этом преобладании силовых, хотя и менее жестоких, если сравнивать с кровожадным величием церемоний Шан-Инь, решений проблем, Сыма Цянь видит одну из основных причин ослабления династии, а в самом общем плане — и всего строя в целом.

Западное Чжоу

Пришедшие из Восточного Китая, Чжоу расселились по всей Великой равнине, пренебрегая территориями, которые располагались к востоку от них. Там население, еще находясь на стадии, близкой к неолиту, продолжало жить охотой и рыболовством. Существует множество легенд, которые рассказывают о чудесах и опасностях, которыми воображение людей населяло эти еще дикие территории, например «Четыре белых волка и четыре белых оленя» или «Мать-королева Запада»,

посвященная богине эпидемий, что властвует над демонами чумы. Эти сказки говорят об интересе, смешанном с опаской, испытываемом оседлыми жителями по отношению к странам, от которых зависело спокойствие цивилизованного мира. Экономика этих регионов претерпела некоторые изменения, и именно в западных районах Азии примерно в I тысячелетии до н. э. получило развитие разведение лошадей, что полностью изменило военную тактику и варваров и китайцев, сделав варварские нападения еще более опасными.

Эти варвары представляли собой реальную внешнюю и внутреннюю опасность: благодаря их поддержке князь свергли и убили Ю-вана, последнего из династии Чжоу, владевшего китайским Западом. Одного из его сыновей они возвели на престол в Чжэнчжоу — древнем шан-иньском городе около современного Лояна, который до этого был второй столицей государства. Вторая группа мятежников выбрала правителем другого сына Ю-вана, который разместился в Хуэе около Сианьфу.

Руины Хао, прекрасной столицы Чжоу, и трагическая смерть Ю-вана сразу же стали объектом легенды. Согласно ей, варвары положили конец беспутному поведению Ю-вана, поскольку, влюбившись в женщину, насколько красивую, настолько же и беспокойную, он пренебрегал делами правления и навлек на себя презрение князей. Некоторые говорят о катаклизмах, которые тогда произошли, и не считают их простым совпадением. В это время случилось землетрясение в Шэньси, которое свалило горы и осушило реки. К материальным последствиям этого землетрясения следует добавить невыразимый ужас, который подобные грозные феномены порождали в сознании людей того времени, особенно внимательных к природным знакам. Космический мир наказал за упадок. «Когда горы рушатся, а воды пересыхают — это предзнаменование падения государства», — писал Сыма Цянь.

Значимость этого потрясения оказывается еще большей, если учитывать результаты недавних раскопок, которые

сделали очевидными процветание и богатство городов периода Чжоу. В общем конструкция жилища, по сравнению с периодом Шан-Инь, практически не изменилась, однако крыши теперь стали покрывать черепицей, использовать которую начали именно в правление этой династии. Это новшество достаточно быстро получило широкое распространение. Также стоит отметить появление колодцев с водой, которые, благодаря Чжоу, стали открытием для всего Дальнего Востока.

Китайское общество этого периода меньше зависело от климатических случайностей и плодородности почвы. Заняв всю долину Желтой реки, Китай вступил в период городов. Правители, как позднее делали их преемники в трудные для страны моменты, перенесли столицу на восток, в сердце гостеприимной Великой равнины. Их авторитет резко упал. Скрываясь в своем убежище Лояне от постоянной варварской угрозы, чжоуские ваны правили еще более пятисот лет, позволяя расцвести духовным и материальным богатствам страны, которой они уже не стремились управлять со свойственным им авторитаризмом.

Восточное Чжоу

Моральная и политическая слабость последних правителей Западного Чжоу нанесла необратимый ущерб вообще авторитету верховной власти. Каждая страна, или правильнее сказать каждая земля (го), постепенно совсем избавилась от материальной зависимости от правителя Чжоу. Он смог сохранить свою власть только в духовной сфере, поскольку оставался верховным жрецом. Еще более важным фактом является то, что одновременно со снижением значения культа правителя продолжало увеличиваться число посредников, соединяющих этот и тот миры. В итоге наступил момент, когда каждый глава княжества, убежденный в своем фактическом превосходстве, посчитал вполне естественным присвоить себе

религиозную власть, с которой идея самостоятельности оказалась связана напрямую. Побуждаемый собственным честолюбием и темпами экономического развития, правитель каждой земли пытался навязать остальным свое превосходство. Таким образом, дробление правительственного культа стало причиной бешеной гонки за власть.

Покинув долину реки Вэйхэ, чжоуский правитель, вероятно, рассчитывал укрыться в союзных землях — на Великой равнине, где процветали представители его клана, потомки соратников по оружию первых правителей Чжоу, а может быть, и его собственные дальние родственники. В результате он нашел множество мелких князьков, дорожащих своей независимостью, которые если и вспоминали о своих связях с Чжоу, то только для того, чтобы было проще управлять собственным народом. Дальние родственники превратились в князей, из которых двенадцати самым могущественным удалось разделить между собой нижний бассейн Желтой реки, где и появились эти многочисленные княжества, стремящиеся к независимости.

Каждое подобное государство состояло из города или из большого обнесенного стеной поселка, в котором располагался князь и его аппарат управления. Центр княжества со всех сторон окружали деревни. Эта довольно древняя схема постепенно полностью изменилась. «Город» начал терять свою сельскохозяйственную составляющую, которую он сохранял с неолита, и стал все больше превращаться в административный, а не производительный центр. Вокруг каждого такого центра расстилались обрабатываемые поля, которые обеспечивали его продовольственными запасами. Этого удавалось достичь без особых сложностей, когда была возможность приступить к обработке новых участков земли. Обратная ситуация возникла, когда население, даже при невысокой плотности расселения, занимало имеющиеся в распоряжении у правительства свободные земли. Под угрозой нехватки продовольствия эти поселения вынуждены были пытаться возместить свои потери

за счет соседей, что рано или поздно приводило к использованию силы.

Одновременно изменялись отношения между властью и теми, кем они управляли. Первые должны были доказать способность соблюдать равновесие между миром и войной. Именно оно позволяло сохранить «правильный» путь, так как от населения, задавленного налогами, общественными работами и дурным обхождением, правители не могли ждать ни материального изобилия в мирное время, ни боевого пыла в военные периоды. Одновременно с общностью интересов населения всех княжеств перед лицом любой опасности начал появляться пока еще неотчетливый регионализм. Стоит отметить, что этот регионализм выходил за рамки кланового, по мере того как, благодаря демографическому росту, стал распространяться страх перед возрастающей нехваткой ресурсов.

Однако бронзовый век подходил к концу, а вместе с ним растаяли и тайные опасения цивилизаций, которые видели, как исчезают основные источники их могущества. В IV в. до н. э. широкое внедрение металлургии железа, которое появилось в результате долгого успешного использования бронзы, привело одновременно и к увеличению количества вооружения и орудий труда, и к социальным потрясениям.

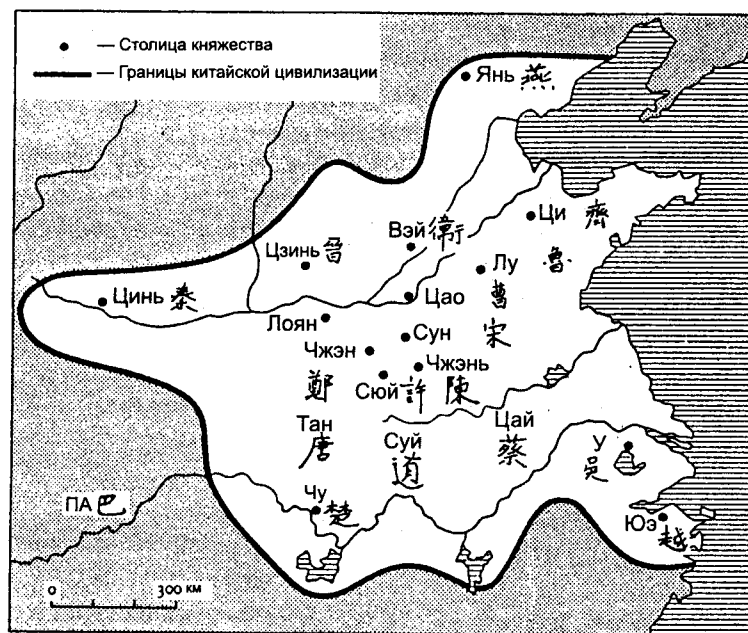
Значительные улучшения произошли в сельском хозяйстве: появились новые острые орудия труда высокого качества, произведенные с помощью готовых форм; были усовершенствованы методы ирригации; изобретен плуг, в который впрягали быков. Таким образом, повышение урожайности позволило временно преодолеть те трудности, которые вызвал демографический рост. Одновременно эти процессы привели к зарождению денежной экономики, которая получила широкое распространение в чжоуском Китае.

Политическая, техническая и экономическая раздробленность Китая той эпохи не препятствовала расцвету цивилизации, а скорее послужила причиной ее интеллектуальной зре-

лости. Самой большой бедой, от которой когда-либо страдал Китай, было то, что он, объединенный, сильный, монолитный, слишком закрывался от любого иностранного влияния, способного помочь его развитию, и стремился обязательно его превзойти. Самые лучшие умы этой цивилизации появились в тот момент, когда каждый регион мог, общаясь со своими близкими и дальними соседями, совершенствовать свои собственные традиции. Таким было движение, которое получило развитие в эпоху «Весна и осени» (770—473 до н. э.), а затем и в эпоху Борющихся Царств (472—221 до н. э.), когда баланс сил всех государств привел к триумфу таланта, а не только жестокости.

Эпоха «Весна и осени» и эпоха Борющихся Царств

Изучать шаг за шагом развитие китайских княжеств в эти эпохи достаточно тяжело. Это исследование является еще более трудным для нас, мало знакомых с китайскими патронимами и топонимами. Согласно Сыма Цяню, государство Ци, расположенное у подножия гор Шаньдуна в устье реки Хуанхэ, было первым среди вышедших из-под влияния Чжоу. Произошло это благодаря правителю княжества Ци — Хуаню (685—643 до н. э.). Тот почет, который был ему воздан после смерти, напоминает нам о щедрости этой личности: в его могиле, помимо обычных материальных и человеческих подношений, было сооружено маленькое ртутное озеро. Точно такое же озерцо будет устроено и в могиле Цинь Шихуанди в конце III в. до н. э. Действительно, могущество Ци вело происхождение с древних эпох и основывалось на прочном экономическом фундаменте: в этой плодородной, омываемой морем стране население, кроме сельского хозяйства, занималось рыбной ловлей и продажей соли, которую они сами и обрабатывали. Скоро разведение шелковичных червей и ткачество

Княжество эпохи «Вёсна и осени»

привели к резкому увеличению доходов, причем настолько сильно, что Ци первым из государств своего времени создало мощную армию — орудие защиты и нападения. В эту армию входило 800 боевых колесниц; если добавить к ним еще пехоту и службу, то всего войско насчитывало примерно 40 тыс. человек.

В противоположной части Китая, на западе, появилось маленькое государство Цзинь, которое расположилось в долине Фэнь. Из-за своего географического положения Цзинь всегда граничило с землями, населенными варварами. Поэтому после тяжелых первых лет становления это государство приобрело важную роль защитника северо-западных путей. Один из его князей Сянь-гун (676—651 до н. э.), чтобы добиться союза с кочевыми вождями, вел дипломатические игры, подобные тем, что позволили Чжоу раскинуться на равнинах

Желтой реки и в Центральном Китае. Это была политика браков, которую китайские императоры никогда не прекращали проводить, поскольку ее основной задачей было усмирить варваров и сделать их союзниками. Еще более известным, чем Сянь-гун, был его сын Вэнь-гун (636—626 до н. э.), который в 633 г. до н. э. отправился на выручку государству Сун.

От княжества Сун, расположенного к югу от реки Хуанхэ, как будто бы исходила аура морального превосходства. Основанное потомками клана Шан-Инь одновременно с появлением государства Чжоу, оно кичилось своим очень древним и очень благородным происхождением. Один из его князей, Сян-гун (650—637 до н. э.), был знаменит тем, что единственный, как пишут китайские историки, обладал добродетелью гуманности (*жэнь*) в эпоху, которая мало располагала к порядочности и чести. Здесь речь идет о воссоздании его образа *a posteriori*¹, для того чтобы извлечь из этого пользу для идеологической системы того времени. Выбор историками именно этого государства в качестве образца, если речь действительно идет о княжестве Сун, состояло в том, что географически это государство располагалось между двумя мирами: Северным Китаем, древней страной бронзы и абсолютных правителей, и Южным Китаем, просыпающимся после долгого периода, за который он начал несколько отставать от своего северного соседа.

От топких берегов Голубой реки до Южного Вьетнама, где недавние археологические открытия доказали наличие самостоятельной древней культуры, раскинулась огромная страна гор и вод. Ее можно сравнить с кузнечным горном, гигантской цивилизационной печью. Здесь можно найти и вооружение, орнаментированное животными мотивами, что свойственно варварскому миру, и оружие, созданное с применением уникальных технических умений из благородных

¹ *A posteriori* — апостериори, на основании опыта, из опыта (*лат.*). Ср. *априори*.

материалов, благодаря которым так долго развивалось китайское ремесло. Более разнообразные, более зеленые, чем обширные северные пространства, несмотря на разделяющие их горы, княжества Южного Китая, вероятно, больше получили от различных цивилизаций Центральной и Южной Азии. Благодаря тому что их территории прилегали к морю, княжества Юга оказались более способными, чем их северные соседи, научить другие государства многочисленным достижениям цивилизации Великой равнины. Когда к югу от устья Голубой реки появились государства У и Юэ, они были еще слишком слабы, чтобы изменить баланс сил в самом Китае. Напротив, они играли важную роль в отношениях с иностранными государствами, так, например, культурные связи этих княжеств с Японией были разнообразнее и богаче, чем у находящейся севернее Кореи.

В среднем течении Голубой реки раскинулось княжество Чу. Один из его центров — современный город Чанша — систематично раскапывали на протяжении 12 лет, благодаря чему он мало-помалу отдал свои сокровища. В отличие от Севера, строгого и интеллектуального даже в декоративных искусствах, в Чу предпочитали богатство, яркие цвета, вызывающее использование золота и нефрита, бирюзы и бронзы, легких материалов и разноцветного сияния, а также отделку лаком, благодаря которым даже самые простые предметы становились необычайно красивыми.

Удачливые и могущественные правители Чу постоянно пытались захватить княжества междуречья Хуанхэ и Янцзы, которые не переставали быть объектом их притязаний и театром бесконечных войн. По сути, существовало два полюса — северный и южный, каждый притягивал к себе или, наоборот, отпугивал маленькие княжества, сегодня сенсационные раскопки уже восстанавливают их давно забытое величие. Эти княжества приносили клятвы о союзе (*мэн*) и разрывали их, что в религиозном плане означало нестабильное состояние дружбы или вражды.

В 473 г. до н. э. княжество Юэ одержало окончательную победу над своим соседом княжеством У: именно в этом событии историки видят *terminus a quo*¹ эпохи, получившей название Борющиеся Царства (473—221 до н. э.), на протяжении которой последние представители династии Чжоу правили исключительно номинально вплоть до самого объединения земель и создания империи. Одновременно с тем, как с политической карты Китая исчезло княжество У, на севере из распавшегося государства Цзинь выделились царства Чжао, Хань и Вэй.

Постоянные и повсеместные сражения этого времени стали мощным стимулом для технической и философской мысли, и наоборот, материальное и психологическое развитие изменило ход самих войн.

Год за годом цивилизованный мир раскалывался, кипел, но, без сомнения, еще помнил о священных котлах — древних символах власти правителя, однако похлебки злых знахарей уже заменили ему жертвенные возлияния жрецов. Наконец, именно этой эпохой, когда огромная территория Китая была раздроблена на множество небольших государств, традиционно датируют легендарное утяжеление и кипение священных котлов, что означало окончательное ослабление династии Чжоу: «Юй создал девять треножников: пять согласно закону Ян, четыре согласно закону Инь. Он приказал мастерам, чтобы треножники Инь были сделаны из женского металла, а треножники Ян — из мужского. Треножники были всегда наполнены, для того чтобы предсказать благоприятные или неблагоприятные обстоятельства. Во времена Цзя и Ся вода в этих треножниках внезапно начала кипеть. Когда падение династии Чжоу было близко, девять треножников начали очень сильно дрожать. Это знамение всегда предшествует гибели».

Государства, возглавляемые умелыми правителями, быстро вытесняли своих менее счастливых соседей, иногда

¹ *Terminus a quo* — отправная точка (лат.).

перед тем, как в свою очередь также исчезнуть. Каждое княжество укрепляло свои жизненно важные экономические и политические центры высокими стенами, которые служили защитой от нападений соседей и от еще более опасных варварских набегов. Эти города становились центрами притяжения для людей и богатств из деревень и соседних государств. Те государства, которые были слишком бедны, чтобы вынести баснословные издержки этой урбанизации, быстро ослабели. В начале правления династии Чжоу в Китае насчитывалось около 800 маленьких княжеств, а к началу эпохи «Вёсна и осени» их уже оставалось не больше 140. К концу этого периода княжеств оставалось около 40, и именно из них выделились основные участники эпохи Борющихся Царств. К уже упоминавшимся трем государствам, образовавшимся после распада Цзинь, нужно добавить новое государство Янь на севере и двух основных соперников, которые стремились властвовать над Китаем: Чу — на юге и Цинь — на западных границах. Все остальные княжества постепенно пришли в упадок.

Государство Цинь, название которого очень похоже, но не идентично названию менее удачливого государства Цзинь, развивалось в долине реки Вэйхэ, откуда когда-то вышли первые Чжоу, а еще раньше — первые земледельческие китайские общины. Расположенное на границе цивилизованных земель, там, где почва была очень богата минералами, царство Цинь снискало себе прочную славу, уничтожив варваров, которые разграбили чжоускую столицу и способствовали смерти Ю-вана. Таким образом, народы равнины были в какой-то степени обязаны Цинь своим существованием.

Достаточно быстро царству Цинь удалось добиться превосходства над всеми остальными северными государствами во многом благодаря искусной игре на нестабильных союзах с периферийными государствами, с целью овладеть теми землями, которые они окружали. Уже исключительно номинально главенство клана Чжоу исчезло в 335 г. до н. э., когда князь

Хуэй из Вэй и князь Сюань из Ци провозгласили друг друга *ванами*: так, даже в центре Великой равнины Чжоу потеряли все, вплоть до своего религиозного положения. В конце IV в. до н. э. царство Цинь распространило свое влияние на варваров, живших в верхней части реки Вэйхэ, а в 316 г. до н. э. завоевало государство Шу, заняв территорию современной Сычуани у подножия высоких гималайских горных массивов, которые поднимаются вплоть до Тибета.

Триумф оружия освятил поступки военной аристократии, которая по своей строгости напоминает наш Лакедемон. Только эта суровая и не изобилующая дарами природы страна могла выработать столь жесткую теорию власти, которая обеспечила ей господство над всеми поработченными государствами. Основанная на пессимистическом взгляде на мир, эта теория имела своим практическим следствием больше тысячи лет размышлений и социальных опытов. Она представляет собой новый, прагматичный способ бытия народа, космические понятия которого начали становиться более рациональными. Именно их мы сейчас и рассмотрим.

Философы древности

Основатели китайской философии

Надписи на костях или на бронзе, постепенно расшифрованные благодаря развитию филологии, доказали существование с самых древних времен тех понятий, которые никогда не исчезали из китайского интеллектуального лексикона.

Без сомнения, у китайцев существовал первобытный тотемизм, взывающий к мистическим силам природы. Его целью была попытка преодолеть те бедствия, которые были свойственны примитивным сообществам, поскольку их единственной надеждой в критических ситуациях оставалось вмешательство потусторонних сил. Изучение некоторых простых

природных явлений показало людям, что знание помогает решить многие проблемы практической стороны жизни. Затем использование накопленного опыта породило уважение к предкам, что стало одной из предпосылок создания культа предков, который дополнил существовавшую до этого картину мира, управляемого божественными силами, четко определив место людей в нем.

Правитель, находящийся «наверху» (*шань-ди*), противопоставлялся находящимся «снизу» (*ся-ди*). Между Небом (*тянь*) и Землей (*ди*) на протяжении веков установилась родственная связь, благодаря которой правитель стал «Сыном Неба» (*тянь-цзы*). В нем сочетались божественные добродетели находящиеся «над» миром высших сил (*шань-шэнь*) и прародительского могущества (*цзу-цзу-шэнь*). Вера в силу предков окончательно сформировалась благодаря одному чувству, глубоко укоренившемуся у династии Шан-Инь — сыновней почтительности (*сяо*).

Знак *сяо*, который часто встречается в надписях на кости и на бронзе, одновременно является омографом *гао* (древний) и *лао* (старый). Кроме того, он входит в состав более сложной идеограммы *цзяо* (изучать). В этом смысле благоговение Шан-Инь перед предками может основываться на должном уважении к полученным знаниям. Этот культ, церемонии которого были связаны с днями рождений, усилил кровнородственные связи внутри клана, заставлял другие более слабые сообщества подчиняться правящему роду или, по крайней мере, отличаться от него.

Именно с этой идеи долга началось формирование первого понятия *дэ* — добродетели, если следовать общепринятому переводу, — которое играло особенно важную роль на всем протяжении развития китайского мышления. На гадательных костях *дэ* часто встречается в виде знака *сюнь* (следовать, подчиняться), который путают со знаком *чжи* (право, справедливость). Таким образом, понятие *дэ* включает в себя ценность «того, что подобает», «того, что хорошо». В эпоху

Шан-Инь понятием *дэ* определялось основное качество, которое регулировало отношения между людьми, сущность того, что находится в человеке. Из него вытекает другое понятие — *ли*, которое, в свою очередь, также является одним из основных в китайской философской мысли. На гадательных костях знак *ли* представлен пиктограммой, которая напоминает нефрит, помещенный в вазу: это жертвоприношение, ритуал, норма действия, «хорошие обычаи». Часто считалось, что нет никакой необходимости в том, чтобы приношение было богатым. Позднее Сыма Цянь напоминал об этом, ясно отмечая: то, как приносится дар, намного важнее того, из чего он состоит.

Исходя из понятий *дэ* и *ли*, шан-иньские правители, стремящиеся найти высшее оправдание своей власти, базировались на двух основных правилах: сущность человека оправдывает существование правил поведения (*дэ-чжи*); правила поведения позволяют реализовать сущность человека (*ли-чжи*). Они не признавали никаких ограничений своей власти, кроме тех, что налагал верховный правитель (*шань-ди*) — божество, хозяин мира и божественный предок клана.

Казалось, что именно в период Шан-Инь завершилось формирование основ единой национальной религии Китая. Однако это было не так. Людям этих эпох были знакомы настоящие религиозные порывы, основанные на анимистических верованиях в самые различные божества. Тем не менее никогда не проявлялась коллективная потребность в религии, поскольку, несмотря на многочисленные перемены, культ предков всегда оставался центром китайского религиозного мышления. Начиная с периода Шан-Инь и до XX в. н. э. именно он неизменно связывал сына с отцом, ученика с учителем, чиновника с императором. Культ предков появился раньше становления классической китайской цивилизации и в итоге пережил ее. Ни одна религия не могла так просто создать одновременно и уважение к собственным корням, и легитимацию верховной власти.

* * *

Основываясь на этих принципах, династия Шан-Инь правила на протяжении примерно половины тысячелетия. Между тем, по мере того как проходило время, а процесс политической деградации правящей династии ускорился, религиозная система все больше и больше оказывалась под угрозой. Когда в XI в. до н. э. клан Шан-Инь был свергнут династией Чжоу, для новых правителей оказалось необходимым пересмотреть основы китайского религиозного мышления, поскольку власти лишилась династия божественного происхождения.

«Правитель, дарованный свыше» потерял свою непогрешимость. Представители правящего клана посчитали, что он не может обладать особыми полномочиями. Однако это могло отпугнуть представителей менее могущественных кланов, которые чтили правителя, отвечающего за кары и награды. Образно выражаясь, падение божественной династии открыло дверь для сомнений. Отражение этого мы можем увидеть в текстах, сохранившихся в «Каноне песен»:

Нам небо ныне беды шлет;
Увы, уж им потерян счет.
Нет праведных людей в стране —
Скорбь раздирает сердце мне¹.

Или, например:

Нет! Разве небо наказание шлет
Тебе, народ, в страданиях и беде?
Оно — вдали, а злоба — за спиной —
Зависят распри только от людей!²

1 Перевод А. Штукина.
2 То же.

Небо не заслужило того, чтобы оно занимало внимание людей слишком долго. И философия и политика в конечном счете вернулись на землю.

Итак, то, чем мог стать абсолют, отошло на второй план, на первое место же выдвинулись основные понятия: добродетель (*дэ*) и ритуал (*ли*). Их значение постоянно росло, и одновременно сами эти понятия переходили из области религии в область морали. Основным смыслом понятия *дэ* стало воспитание, а *ли* — порядок. На протяжении веков философия отставала от политики. Целью добродетели стало поддержание порядка и покоя среди тружеников, а также порабощение побежденных. Ритуал был всего лишь инструментом управления, который поддерживал авторитет власти, обеспечивал выполнение приказов и удерживал от ошибок.

Когда, в свою очередь, ослабла власть Чжоу, распавшись и разделившись на множество княжеств, уже никто не заботился о сохранении высоких моральных качеств. Местные административные кадры, ремесленники, торговцы были сосредоточены на повседневности. Поэт так описал этот упадок:

Доблести духа в себе ниспровергнул давно
И погрузился бездумно в одно лишь вино¹.

Между знатью и простым народом образовался глубокий раскол, который выразился в том, что на первый план вышли разные понятия. Первые стремились найти новые различные значения понятия *ли*: они четко различали древний церемониал (*и*) и этикет (*ли*), свод основных правил поведения, которые в начале V в. до н. э. был приведен к идее закона (*фа*), которая была, в частности, воспринята правителями княжества Цинь.

Напротив, простой народ, или, точнее сказать, те, кто не правили, выдвигали на первое место понятие *дэ*, значение которого они не понимали, заменяя его доброжелательностью и великодушием. Так, в «Каноне песен» можно встретить

1 Перевод А. Штукина.

следующие слова: «Необходимо сохранить вашу добродетель, для того чтобы получить доброе расположение и признание».

Если верить хроникам «Вёсна и осени», один из представителей VIII в. до н. э. дополнил понятие *дэ* такими качествами, как почтение (*жэнь*), преданность (*чжун*), чистосердечие (*синь*), скромность (*би*). В VI в. до н. э. смысл *дэ* был дополнен такими понятиями, как справедливость, польза, честность. В целом можно говорить о том, что понятие *дэ* окончательно оформилось, именно таким его воспринял Конфуций.

Религия правителей ослабела, однако религия подданных медленно развивалась по своему пути. Так началась эпоха философов.

* * *

Знания, накопленные первобытными культурами, вера в тираническое могущество предков, влиявших на плодородие земли, тайны гадания, представления о соматическом участии в поддержании космического равновесия — все эти элементы, унаследованные от предыдущих эпох, перестали играть важную роль в картине мира китайской цивилизации в тот момент, когда каждый князек противопоставил свою магию магии соседей, а собственных предков — их предкам. Если верить Сыма Цяню, последние Чжоу сами создали примеры нелепых и бессодержательных обрядов, которые были вызваны подобным архаичным мышлением: «Незадолго до Конфуция (551—479 до н. э.) Чан Хун, используя искусство магии, служил чжоускому Лин-вану, а когда владетельные князья перестали являться на аудиенцию к чжоускому вану и влияние дома Чжоу уменьшилось, Чан Хун решил продемонстрировать действия добрых и злых духов и устроил стрельбу по головам диких кошек. Головы диких кошек изображали тех князей, которые не прибывали ко двору. Используя животных и такого рода магические действия, он хотел призвать владетельных князей вернуться. Но они не последовали этому призыву, а позднее цзиньцы схватили Чан Хуна и убили его».

Эта характерная история хорошо отражает данную эпоху. Вокруг князя каждой земли (*го*) вился целый рой подобных продавцов рецептов на все случаи жизни, поскольку власть имущие любили собирать вокруг себя людей, которые выполняли самые разные задачи: от управления государством до развлечения и обеспечения комфорта самого князя. Самые искусные и красноречивые из них создавали вокруг себя когорту более или менее корыстных учеников и почитателей. В зависимости от происходящих событий и заключающихся союзов, они предлагали свою службу тому, кто мог оценить или вознаградить их лучше. И все же какими бы странными не казались иногда эти люди, именно они были отцами китайской философии.

Парадоксальным образом эти мнимые и подлинные мудрецы привнесли очень мало нового в китайскую философскую мысль, однако они пытались создать новую иерархию ценностей в обществе, которое было слишком разобщенным и раздробленным, на основе существовавшей национальной традиции. Они тщетно пытались найти смысл существования и законность сложившихся социальных связей. Эти мыслители старались спасти нацию, которая потеряла свои святыни, стремясь упростить повседневное существование людей. В мире, где материальная, военная сила, казалось, занимала первое место, они напоминали о существовании духовной власти, которую невозможно было завоевать никаким оружием.

Конфуций, его наследие, его последователи

Первый из великих китайских мыслителей был учитель Кун, Кун-цзы или Кун-фу-цзы. Однако нам более знаком латинизированный вариант его имени, который использовали европейские миссионеры, излагавшие его труды на латыни, — Конфуций.

Он родился в 551 г. до н. э. в княжестве Лу. Это маленькое государство, зажатое между двумя могущественными соседями — Ци на севере и У на юге, — располагалось у подножия горного массива Шаньдуна. Находящееся около моря, в стороне от основных цивилизационных потоков того времени, это государство гордилось тем, что оно было когда-то основано (X в. до н.э.) Бо-цинем, родным сыном князя Чжоу.

Отец философа, похищенный, когда Кун был еще ребенком, принадлежал к мелкой знати. Он прославился своим мужеством в битвах, в которых принимал участие в качестве младшего офицера. Он кичился своей принадлежностью к роду правителя, однако от этого не чувствовал себя менее разоренным тем временем, в которое он жил.

Оставшись сиротой, будущий философ познал, что такое бедное детство, а жизненные обстоятельства очень рано вовлекли его в сражения той эпохи, в которую он жил. Конфуций познакомился с невероятным хаосом различных философских мыслей, в котором существовали его современники. Достигнув совершеннолетия, он понял свою задачу: из всей массы интеллектуальных богатств, накопленных с древности, он должен был воссоздать единый порядок мира, основанный на мудрости, которую когда-то воплощали правители, впоследствии разрушившие основы цивилизации. Дальнейшая жизнь Конфуция, а он умер в 479 г. до н. э., прошла в напрасных поисках того князя, который согласился бы выслушать и применить на практике его учение. Сыма Цянь так описывает трагикомические поиски Конфуцием того, кто был бы готов его принять, постоянные разочарования от тех политических задач, которые его в итоге заставляли исполнять: «При жизни Конфуция власть чжоуского дома ослабла, а обряды и музыка оказались в небрежении. Князя, как им казалось, вели себя правильно, и управление империей перешло в руки могущественных княжеств. Конфуций был опечален тем, что путь древних правителей был заброшен, тогда как пути зла процветали. Вот почему он собрал и обработал „Канон песен” и

„Канон истории”, он трудился над тем, чтобы возродить обряды и музыку. Но это были смутные и бурные годы, и никто не пожелал воспользоваться идеями Конфуция. Вот почему, несмотря на то, что он обратился более чем к семидесяти князьям, он нигде не был принят. „Если кто-нибудь использует мои идеи, — отмечал он, — я смогу сделать нечто полезное всего за один год”».

После этого некоторое время он помогал управлять своей родной страной, однако его успехи были недолгими. Он должен был сопровождать в государство Ци своего князя, который из-за интриг между кланами вынужден был отправиться в изгнание. В возрасте 55 лет Конфуций покинул своего князя навсегда, отчаявшись когда-нибудь справиться с его слабостями. Он скитался из княжества в княжество, превратившись в бродягу, как и многие философы того времени. Благодаря непостоянству капризной судьбы, его политическая карьера завершилась полным крахом. Слишком строгий для того, чтобы понравиться власть имущим, Конфуций все же собрал вокруг себя несколько учеников, которые были ему глубоко преданы. В личности этого, без сомнения, блестящего учителя сегодня очень трудно отделить истинное от ложного, поскольку века слепого почитания, интерпретаций, комментариев и особенно политический триумф его идей создали вокруг этого человека удушающую завесу чрезмерной добродетели.

Пытаясь освободиться от ошибочных отклонений, вызванных увлечением магией, Конфуций тем не менее с почтением подчинился идеям иерархичности и обрядам, унаследованным с древних времен. Он верил в существование золотого века, тем более что происхождение и вкусы Конфуция связывали его с архаичной средой писцов и хронистов — тех, кто хранил могущество слова и секреты прошлого.

Его целью была не революция в философии, он разделил обряды на хорошие и деградировавшие или полностью выродившиеся. Одновременно это была попытка создания определенного единого словаря понятий, для того чтобы люди

могли общаться между собой, в самом важном смысле этого слова.

Для того чтобы такая критика стала возможной, был необходим какой-то высший эталон: вместо оракула, т. е. того средства, которое использовали предки и которое было дискредитировано шарлатанами, Конфуций выбрал в качестве основного критерия мораль. Эта мораль воплотилась в образе благородного правителя (*цзюнь-цзы*), который был выше законов материальной жизни, что позволяло ему ясно различить правильное положение вещей, хорошее и плохое, установить высшее равновесие. Конфуций был вынужден признать, что должность не всегда делала человека мудрецом и что характер более важен, чем происхождение. По мнению Конфуция, решение этой проблемы было в том, чтобы молодые люди низкого происхождения, но обладающие способностями, могли получать знания, которые бы позволили им формировать правильное мнение и быть способными надлежащим образом управлять общественными и политическими делами. Этот принцип содержал в себе важнейшее новшество, которое имело фундаментальное значение для всей китайской истории: Конфуций верил в прогресс, в возможное улучшение человека благодаря знанию. Личность ученого мужа (*вэнь-жэнь*) становилась все более значимой в иерархии, занимая высшие ступени рядом с князем. Впрочем, не стоит забывать, что для Конфуция любой культурный человек мог быть только представителем знати. Социальная иерархия оставалась строго вертикальной, и Конфуций никогда даже не рассматривал возможность какой бы то ни было борьбы классов. По мнению философа, отношения между различными социальными группами должны быть похожи на отношения в семье между родителями и детьми. Трудящийся народ должен быть подчиненным и работающим. В свою очередь, государство должно заботиться о народе и защищать его. Таким образом, в обществе сохраняется порядок, который соотносится с волей потустороннего мира. Однако о нем Конфуций предпочи-

тал не говорить, так как стремился не замечать его существования.

Свободные мыслители нашего XVIII в. хотели бы увидеть в этом молчании обоснованное выражение религиозного скептицизма. Однако более глубокие причины молчания Конфуция могли быть, напротив, вызваны благоговейным уважением к Высшей Тайне, к Непостижимому. Такое объяснение больше соответствует уровню сознания того времени, его подтверждает отрывок из «Исторических записок» Сыма Цяня, посвященный очень важным жертвоприношениям Небу и Земле: «Когда Конфуций стал толковать о шести искусствах, передавать в кратких словах истории о том, как приходили к власти разные фамилии, и о том, что более семидесяти ванов подносили жертвы фэн на горе Тайшань, а жертвы шань на горе Лянфу. Но какие использовались в этих церемониях жертвенные сосуды, было неясно, и поэтому о них трудно было говорить. Кто-то спросил учителя о значении жертвы ди. Конфуций ответил: „Не знаю. Тот, кто знает суть жертвы ди, тот может управлять Поднебесной так же, как он видит собственную ладонь”».

Конфуций не отрицал существования потустороннего мира, он признавал, что ничего не знает о нем. Для человека, осознающего свое глубокое невежество в вопросах тайн жизни, божества и души предков, странствующих к источникам другого мира, приносили мало пользы. По мере того как улучшалась материальная жизнь, Конфуций терял доверие к шаманам, присутствие которых в повседневной жизни становилось все менее и менее заметным. А когда больше никто не мог говорить с духами, источником высшей морали стала *жэнь* — гуманность, правильное равновесие, «золотая середина» (*чжун-юн*) лучших человеческих качеств. Впрочем, эти качества не имели абсолютного значения, они состояли из добрых чувств, из взаимности (*бао*), они были предпосылками гармоничной жизни общества и проистекали из постоянных личных усилий, направленных на господство над собой.

«Беседы и высказывания» («Лунь-юй»), собранные учениками Конфуция, содержат следующие строки: «Фань Чи спросил о человеколюбии. Учитель ответил: „Любить людей“. Цзычжан задал Конфуцию вопрос о гуманности. Конфуций ответил: „Тот, кто может действовать в Поднебесной, руководствуясь пятью правилами, является гуманным“. Цзычжан сказал: „Разрешите спросить о них“. Конфуций ответил: „Это — достоинство, великодушие, доверие, умение и доброта. [Если вы преисполнены] достоинства, то вас не станут третировать. [Если вы] великодушны, то к вам потянутся многие. [Если вы внушаете] доверие, то на вас полагаются. [Если вы наделены] умением, то достигнете успехов. [Если вы отличаетесь] добротой, то сможете использовать других людей”.

Конфуций сказал: „Не обладая гуманностью, [человек] не может долго жить в стесненных обстоятельствах, [равно как] не может и долго пребывать в радости. Наделенный гуманностью покоится в гуманности, наделенный же мудростью использует гуманность”¹.

Такое образование, несмотря на все свои успехи и неудачи, на протяжении двух тысяч лет определяло основные направления философской мысли, мораль и систему управления Китаем. Его целью было формирование нового типа «общественного человека», появление которого позволило бы для улучшения жизни объединить и организовать те многочисленные силы, которые процветали тогда на обширном пространстве Китая.

* * *

Однако строгое следование ритуалу, чрезмерная прозрачность Конфуция уже принадлежала прошлому. Мо-цзы (470—391 до н. э.), первый из великих последователей, как его

¹ Перевод А. Мартынова.

называли последующие поколения, привнес в философию самого великого китайского наставника чуждые ему понятия, свойственные великим цивилизациям бронзового века: понятие любви, расположения императора к своим подданным, учителя к ученикам, отца к сыновьям. Обращая мало внимания на тот прием, который ему оказывали власть имущие, он проповедовал повсюду свою глубокую любовь к человечеству и свое стремление удовлетворить ее с помощью самых простых радостей. Убежденный в братстве всех людей внутри строгих социальных рамок, Мо-цзы строго осуждал войну: «Люди стремятся обрести блага и избежать невзгод. Но из всех бедствий какие являются наихудшими? Небо не хочет, чтобы большое царство нападало на малое, сильная семья притесняла слабую маленькую семью, чтобы сильный грабил слабого, хитрый обманывал наивного, знатный кичился перед незнатным. Это все то, что противно воле Неба».

Следуя той иерархии, необходимость которой он так непримиримо утверждал и которую он строго применял к своим собственным ученикам, как это ни парадоксально, объединенным в группы военного типа, Мо-цзы утверждал обязательное превосходство «милосердия» над силой: «Если простонародье не может выбрать закон, который его устраивает, то есть образованные люди, чтобы им его дать. Если образованные люди не могут выбрать закон, который их устраивает, то есть чиновники, чтобы им его дать. Если чиновники не могут выбрать закон, который их устраивает, то есть знать, чтобы им его дать. Если знать не может выбрать закон, который ее устраивает, то есть три министра, чтобы им его дать. Если три министра не могут выбрать закон, который их устраивает, то есть Сын Неба, чтобы им его дать. Если Сын Неба не может выбрать закон, который ему нравится, то есть само Небо, чтобы ему его дать... <...>

Какому закону Неба повинемся мы? Закону любить всех людей. Откуда мы знаем, что любить всех людей это закон Неба? Потому что Небо принимает жертвы от любого

человека. Откуда мы знаем, что жертвы любого человека приняты Небом? Потому что с древности и до наших дней нет никого, кому бы оно не выращивало буйволов и коз, не откармливало свиней и диких кабанов, не поило вином, не давало в изобилии зерно, чтобы люди служили Небу, духам рек и гор. Таким образом, мы видим, что Небо принимает жертвы от всех. А принимая жертвы от всех, Небо должно всех любить. <...>

Просвещенные люди, которые верны справедливости, могут только следовать воле Неба. Тот, кто следует воле Неба, питает всеобщую любовь. Тот, кто противостоит воле Неба, питает отдельную любовь. Для первых закон — справедливость, для вторых закон — сила. Что происходит, когда справедливость становится законом управления государством? Тогда большие царства не нападают на малые, сильные не грабят слабых, большинство не притесняет меньшинство, хитрецы не обманывают простаков, знать не презирает простонародье, богатые не смеются над бедняками, молодые не посягают на стариков. И царства не будут творить зло, используя для этого воду, огонь, яд и оружие. Такое положение вещей благосклонно воспринимается Небом, духами срединного мира и народом. Благоприятное для всех трех, оно идет на пользу всем. Это называют расположением Неба. Тот, кто следует такому порядку, — ученый и мудрый, человеческий и справедливый, добродетельный учитель и преданный чиновник, любящий отец и ребенок, полный сыновней почтительности. Почему? Потому что такое положение вещей сообразно с волей Неба».

Впрочем, элементы, которые мы видим в концепции этого философа, благодаря используемому им глоссарию и его мыслительным конструкциям, свойственным периоду раннего феодализма: презрение к условности, безразличие к грубости, глубокая любовь учителя Мо к человеку, — без сомнения, совсем не изменили умы власть имущих того времени.

* * *

Несколько десятилетий спустя в царстве Ци родился философ Мэн-цзы (372—289 до н. э.), который самостоятельно и весьма подробно проанализировал идеальные модели управления государством, идеи и результаты долгих конфуцианских паломничеств, целью которых был поиск князя, способного прислушаться к их советам.

Он постоянно опровергал теории школы Мо-цзы, которые изобличал в догматической косности. Для него «справедливость» была тесно связана с личными качествами, которые менялись в зависимости от конкретного человека, от его морального долга. Воодушевленный тайнами духовности, Мэн-цзы провозглашал, что каждый, отказываясь от жизненной суеТЫ, должен вновь обрести сердце ребенка, которое по природе является добрым: «Стремление природы человека к добру подобно стремлению воды течь вниз. Среди людей нет таких, которые бы не стремились к добру, так же как нет такой воды, которая не могла бы течь вниз. Если ударить по воде и привести ее в движение, можно заставить ее подняться выше лба. Если же устроить преграду и приводить ее в движение, то можно заставить ее подняться на гору. Но разве это зависит от природы воды? Сила привела к этому. Человека можно побудить сделать недоброе...»¹

Действуя как продолжатель великого Конфуция, Мэн-цзы привлек к себе множество учеников. Его воззрения, собранные ими в произведении, обладающем очень высокой литературной ценностью — «Мэн-цзы», — позже стали намного более широко известными, чем труды древних философов, изучавшиеся в обязательном порядке для сдачи экзаменов на звание чиновника.

Впрочем, та эпоха была еще менее благоприятной для расцвета счастливых мечтаний философов. При жизни внимание к идеям Мэн-цзы было еще меньшим, если это вообще возможно, чем к идеям Конфуция.

1 Перевод Л. Думана.

Школа законов

Год за годом, царство Цинь все больше укреплялось, постепенно это привело к установлению нового взгляда на философские проблемы. Процветание этого государства основывалось не только на мимолетных успехах воинственных правителей, любимцев божеств. Оно было результатом сознательной и целенаправленной политики, появившейся, как только идея закона (*фа*) выделилась из древнего понятия ритуала (*ли*). Основателем этой школы был Шан Ян (умер в 330 до н. э.). Основным теоретиком этой идеологии стал Хань Фэйцзи (280—233 до н. э.), ученик великого Сюнь-цзы.

Сюнь-цзы (315—236 до н. э.), как и многие другие великие политики того времени, вел бродячую жизнь. Он служил на высоких должностях сначала в царстве Ци, в Шаньдуне, затем в царстве Чу, на юге Китая. Сюнь-цзы восхищался философией Конфуция, однако не разделял ни идеи любви Мо-цзы, ни энтузиазма Мэн-цзы, ни даже веры Учителя в человеческую гуманность *жэнь* и в возможность сохранения равновесия в человеческой природе. За три века положение дел очень сильно изменилось. Исчезло существовавшее раньше хрупкое равновесие между небольшими княжествами, главы которых испытывали потребность в изучении настоящих принципов и обрядов древней религии. Сюнь-цзы с грустью взирал на нескольких жадных и жестоких государств, которые примерно за один век сумели разрушить древний порядок.

Призрачное государство Чжоу было уничтожено. Время мифических сказок и мечтаний о золотом веке прошло. Развитие мира перестало зависеть от человека, а стало результатом совокупности чисто механических действий и реакций: «Движение Неба обладает постоянством. [Это постоянство] существует не благодаря [мудрости] Яо и не умирает из-за [тирана] Цзе. Когда люди, стремясь соответствовать этому постоянству, соблюдают порядок, они счастливы; когда же в этом стремлении они допускают беспорядок, их постигает

несчастье. Если [человек] старательно занимается сельским хозяйством и бережет добро, то Небо не в силах свергнуть его в нищету. Когда человек обеспечивает себя всем необходимым для своего существования и действует своевременно, Небо не может сделать его больным. Если человек соблюдает [естественное] дао и не совершает ошибок, небо не в состоянии навлечь на него беду. В этих случаях ни наводнение, ни засуха не могут заставить человека страдать от голода; холод и зной не могут принести ему болезни; злые духи не могут принести ему несчастье».

Но еще больше, чем власти сверхъестественного, Сюнь-цзы не доверял человеку: «Только под влиянием учителей и законов, только со строгими правилами поведения в качестве проводников может существовать учтивость, уважаться этикет, быть восстановлен порядок. Из всего этого следует, что человеческая природа дурна, а ее доброта является приобретенной».

Все было сказано. Впрочем, нельзя делать вывод, что философ совсем потерял надежду: он все же верил в возможность прогресса, который тем не менее был трудно достижим, поскольку ему препятствовала человеческая природа.

Когда Хань Фэйцзи применил на практике учение Сюнь-цзы, он представил государство как геометрическую точку в космическом порядке. Поддержание морали, потребность в которой была вызвана необходимостью абсолютной победы государства, в повседневной жизни достигалось системой жестоких наказаний: «В действительности разуму народа можно доверять настолько же, насколько и разуму ребенка... Ребенок не понимает, что страдание от малого наказания — это средство получить большую пользу. <...>

Сегодня, когда правитель заставляет обрабатывать больше земли и пасти больше скота, для того чтобы умножить пропитание своего народа, его называют жестоким. Когда правитель карает преступления, умножая наказания, чтобы пресечь действия преступников, народ называет его суровым. Когда

правитель повышает денежный и продуктовый налоги, чтобы наполнить хранилища зерна и казну на случай голода и для содержания армии, народ называет его алчным. Наконец, когда правитель делает упор на единую военную подготовку, не делая скидок ни для кого, и заставляет свои войска долго воевать, чтобы захватить врага, народ называет его свирепым. Эти четыре средства позволяют достичь порядка и сохранить мир, однако народ слишком невежествен, чтобы их оценить».

Так сложилась «школа законов» (*фа-цзя*), которую еще называют «школой легистов», к которой власть имущие Китая обращались в самых сложных ситуациях. Несмотря на быстро распространившееся мнение, приписывающее этой школе самые вероломные цели, она основывалась на крайне строгой этике. Учение философов этой школы базировалось на понятиях энергии, сущности, именно оно делало представителей этой школы главными противниками существующей системы. Клану и семье они противопоставляли Поднебесную; естественному равновесию — высший порядок, порожденный строгостью и принуждением; радостям всеобщего изобилия, они предпочитали, на их взгляд, более полезную добродетель умеренности; они стремились не к получению жизненных благ, а к достижению результата. Разумеется, в долгосрочной перспективе жизнь народов кажется постоянным колебанием между двумя этими полюсами. Легисты больше стремились развивать идеи конфуцианства, чем противостоять им, целью этого было избавление от кланового эгоизма. Таким образом, необходимо было уничтожить само понятие рода или, если говорить точнее, позволить членам рода выйти за его границы. Эту проблему невозможно было решить без создания новой личности. Между тем в условиях той эпохи решение этой проблемы могло быть только бескомпромиссным, так как люди не обладали требуемыми чертами.

Даже в самом княжестве Цинь современник Хань Фэй-ци могущественный Люй Бу-вэй, бывший ранее одним из самых крупных торговцев, когда стал политиком, стремился

самыми разными способами изменить природу человека. Окруженный целой группой интеллектуалов и странствующих философов, он старался рационально организовать нравственную, политическую и космическую составляющие окружающего мира, поскольку практика точного соблюдения соответствующих обрядов способствовала сохранению мирового равновесия. Записи его окружения, впоследствии объединенные в одно произведение, названное «Весна и осени господина Люя» («Люй-ши Чунь-цю») в честь их энергичного лидера, эмоционально восхваляли возвращение к ранней форме религии: «Во всех вещах не должно ни преступать путь Неба, ни уничтожать принципы Земли, ни вносить смятение в законы людей. <...>

Если в первый месяц весны правитель совершает обряды, приемлемые для лета, ветер и дождь не придут в свой сезон, деревья и цветы не расцветут и засохнут, ужас снизойдет на все народы. Если он совершает обряды, предназначенные для осени, чума поразит народ, придут суровые ветры и проливные дожди и в изобилии будут расти зловредные растения. Если же он совершает обряды зимы, дожди и наводнения принесут огромные разрушения, мороз и снег вызовут опустошения и первые посеянные зерна никогда не прорастут».

Казалось, что Небо снова стало очень обидчивым, как и в те времена, когда господствовало только магическое мышление.

Даосизм

Продолжающееся засилие конфуцианства, которое достаточно серьезно влияло на жизнь человека, стремясь полностью ее регулировать, а также идеи этой философии, согласно которым никто не мог избежать обязанностей своего сословия, не должны затмить нам другое направление китайского мышления, для которого характерно исступление мистического или

оргастического безумия, с древности проявлявшегося во время жертвоприношений или крупных сельскохозяйственных праздников. Стремление к неизведанному, любовь к парадоксам и всему иррациональному, восхищение бесконечным течением жизни, секрет которой в какой-то степени оставался в сознании человека, — все это было началом пути, который вел к осознанию всеобъемлющей относительности вещей. Понятие предмета переходит из категории измеримого в категорию неизмеримого. Эти понятия нашли свое место в мышлении людей того времени. Существовавшие с древности понятия *инь* и *ян*, элементы, из которых состоит все существующее, одновременно и дополняющие друг друга, и являющиеся антагонистами, в равной степени обеспечивали и течение жизни, и биение гигантского космического сердца. В отличие от зороастрийцев, в китайском мышлении не существовало понятия битвы Добра и Зла, напротив, можно говорить о простом процессе творения путем взаимодополнения. Для того чтобы достичь счастья, человек должен следовать пути, *дао*. Именно из термина *дао* в XIX в. было создано название этого учения — даосизм.

Согласно традиции считается, что первым правителем, который следовал даосизму, был Желтый император. По нашему мнению, эта традиция обращается к временам столь же древним, как и времена потопа. Фигура Желтого императора одновременно реальна с точки зрения психологии и исторически безосновательна, как и все древние мифы. На самом деле, существует два текста, которые содержат самые ранние отрывки, созданные мыслителями этого философского течения, которое в то время было просто способом существования.

Самый знаменитый из них «Дао дэ цзин» («Путь и добродетель») приписывается Лао-цзы (буквально «старый учитель»), или учитель Лао, который был современником Конфуция. Кажется, что эта личность также относится к категории вымышленных фигур, которые на протяжении поколений стали казаться реальными. Во многом это произошло благодаря

остроумным рассказам, которые создали портрет Лао-цзы, описывая его жизнь и тот способ, которым он покинул этот мир. Считается, что он сел верхом на буйвола и направился за перевалы, на далекий Запад, стремясь достичьрая бессмертных.

Текст «Дао дэ цзин», который он оставил, покидая Китай, составлен из множества кусочков, написанных прозой и стихами, содержащих комментарии, в которые были включены старые пословицы и даже магические формулы.

Благодаря тому что в 1973—1974 гг. в знаменитом городе Мавандуй (Хубэй) был найден вариант текста, созданный до периода Хань, а единственный существовавший до этого экземпляр «Дао дэ цзин» датировался именно этим периодом, снова поднялись многочисленные споры о личности этого историка и о послании этого таинственного сборника.

Мы процитируем несколько *чжан* из этого произведения.

«XI. Тридцать спиц соединяются в одной ступице, [образуя колесо], но употребление колеса зависит от пустоты между [спицами]. Из глины делают сосуды, но употребление сосудов зависит от пустоты в них. Пробивают двери и окна, чтобы сделать дом, но пользование домом зависит от пустоты в нем. Вот почему полезность [чего-либо] имеющегося зависит от пустоты. <...>

XXXIV. Великое дао растекается повсюду. Оно может находиться и вправо и влево. Благодаря ему все сущее рождается и не прекращает [своего роста]. Оно совершает подвиги, но славы себе не желает, с любовью воспитывая все существа, оно не считает себя их властелином. Оно никогда не имеет собственных желаний, поэтому его можно назвать ничтожным. Все сущее возвращается к нему, но оно не рассматривает себя их властелином. Его можно назвать великим. Оно становится великим, потому что никогда не считает себя таковым. <...>

XLI. Человек высшей учености, узнав о дао, стремится к его осуществлению. Человек средней учености, узнав о дао, то соблюдает его, то его нарушает. Человек низшей учености,

узнав о дао, подвергает его насмешке. Если оно не подвергалось бы насмешке, не являлось бы дао. Поэтому существуют поговорки: „Кто узнает дао, похож на темного”, „Кто проникает в дао, похож на отступающего”, „Кто на высоте дао, похож на заблуждающегося”, „Человек высшей добродетели похож на простого”, „Великий просвещенный похож на презираемого”, „Безграничная добродетельность похожа на ее недостаток”, „Распространение добродетельности похоже на ее расхищение”, „Истинная правда похожа на ее отсутствие”.

Великий квадрат не имеет углов; большой сосуд долго изготавливается; сильный звук нельзя услышать; великий образ не имеет формы.

Дао скрыто [от нас] и не имеет имени. Но только оно способно помочь [всем существам] и привести их к совершенству¹.

На самом деле, существуют все основания полагать, что эта редакция является еще более ранней, чем о том говорит легенда. Между тем, даже если это произведение действительно содержит отрывки, датирующиеся не ранее чем серединой III в. до н. э., в которых понятия *инь* и *ян* уже имели рациональные определения, «Дао дэ цзин» все равно является собранием религиозных концепций, таких же древних, как сама китайская цивилизация.

Совсем иначе дело обстояло с прекрасными текстами Чжуан-цзы (369—286 до н. э.), составление которых свидетельствует о значительном развитии философской мысли. Уже через два века после смерти двух личностей-эталонов, Конфуция и Лао-цзы, китайское мышление создало свои структуры классификации. Количество философских школ резко увеличилось.

Чжуан-цзы родился в царстве Сунн, к юго-востоку от Великой Китайской равнины. Некоторое время он занимал незначительную чиновничью должность, однако предпочел про-

¹ Перевод Ян Хиншуна.

вести большую часть своей жизни вдали от волнений того времени. Он презирал принуждение, которое казалось ему греховным по отношению к гуманности и мирозданию в целом: «Ян Цзыцзюй пришел к Лао Даню и сказал: „Предположим, в мире появится человек чуткий, деятельный, знающий, наделенный ясным умом и не ведающий усталости в деле постижения Пути. Можно ли сравнить такого с просвещенными царями белых времен?»

— Для истинно мудрого все это — оковы и путы царской службы, они изнуряют наше тело и понапрасну волнуют наше сердце, — ответил Лао Дань. — К тому же красивый узор на шкуре тигра и леопарда привлекает охотника, а самую ловкую обезьяну и самого усердного пса первыми сажают на поводок. Разве можно сравнить такого человека с просвещенными царями?

— Могу ли я узнать, как управляет просвещенный царь? — спросил Ян Цзыцзюй.

Лао Дань ответил: „Когда правит просвещенный царь, его деяния распространяются на весь мир, но как бы не от него исходят, его власть передается всем вещам, но люди не ищут в ней опоры. Он правит во славе, но никто не воздает ему хвалу, и каждому он дает жить в свое удовольствие. Он укореняется в Безмерном и пребывает в Отсутствующем”¹.

Понятие «Отсутствующего» или «ничто» у даоистов и его следствие, знаменитый призыв к недеянию (*у-вэй*), не должны расцениваться как простой способ оправдать свою лень. Напротив, этот принцип являлся источником непрерывного труда по адаптации к глубинным течениям мира. Он был гарантией свободы и расцвета индивидуальности. Даже смерть с этой точки зрения становилась дополнением жизни, необходимым изменением бытия, одним из космических превращений: «У Чжуан-цзы умерла жена, и Хуэй-цзы пришел ее оплакивать. Чжуан-цзы сидел на корточках и распевал песню,

¹ Перевод В. Малявина.

ударяя в таз. Хуэй-цзы сказал: „Не оплакивать покойную, которая прожила с тобой до старости и вырастила твоих детей, — это чересчур. Но распевать песни, ударяя в таз, — просто никуда не годится!”

— Ты не прав, — ответил Чжуан-цзы. — Когда она умерла, мог ли я поначалу не опечалиться? Скорбя, я стал думать о том, чем она была вначале, когда еще не родилась. И не только не родилась, но еще не была телом. И не только не была телом, но не была даже дыханием. Я понял, что она была рассеяна в пустоте безбрежного Хаоса. Хаос превратился — и она стала Дыханием. Дыхание превратилось — и стало Телом. Тело превратилось — и она родилась. Теперь настало новое превращение — и она умерла. Все это сменяло друг друга, как чередуются четыре времени года. Человек же схоронен в бездне превращений, словно в покоях огромного дома. Плакать и причитать над ним — значит не понимать судьбы. Вот почему я перестал плакать»¹.

Охватывая всю жизнь в целом, отбрасывая аргументы обычного ума, источника пристрастий, а значит, и всех бед, мудрец успокаивается благодаря своей мечте осознать все творение целиком. Из этого же исходят шаманы в своих «путешествиях», во время которых человек переносится к границам мироздания: «Совершенный человек живет духовным! Даже если загорятся великие болота, он не почувствует жары. Даже если замерзнут великие реки, ему не будет холодно. Даже если молнии расколуют великие горы, а ураганы поднимут на море волны до самого неба, он не поддастся страху. Такой человек странствует с облаками и туманами, ездит верхом на солнце и луне и уносится в своих скитаниях за пределы четырех морей. Ни жизнь, ни смерть ничего в нем не меняют»².

Так выглядит философское учение Чжуан-цзы. Оно написано прекрасным языком и состоит из непрерывного ряда

1 Перевод В. Малявина.
2 То же.

сравнений, аналогий и аллегорий, тем более смелых, поскольку образованные люди никогда не пренебрегали использованием парадоксов, так как при удобном случае их использование казалось эффективным.

Существует традиция, которая слабо подтверждается фактами, но зато кажется очень правдоподобной, она связывает Чжуан-цзы с целой группой философов-диалектиков, таких как Хуэй Ши (380—300 до н. э.) и Гунсунь Лун (320—250 до н. э.). Чжуан-цзы сожалел о том, что они чересчур озабочены мирской славой: «Из числа любителей рассуждать Хуань Туань и Гунсунь Лун внушали людям изощренные мысли и изменяли их представления. Они умели победить людей на словах, но не могли покорить их сердца — в этом заключалась их ограниченность. Хуэй Ши день за днем упражнялся в спорах, но прослыл выдающимся человеком только среди любителей спорить — вот и все, чего он добился. Однако же сам он считал свои рассуждения непревзойденными в целом мире. ...Он принимал за истину все, что противоречило людским мнениям, и хотел приобрести славу непобедимого спорщика. ...Хуэй Ши рассуждал обо всем подряд, а в итоге лишь приобрел известность умелого спорщика. Как жаль, что Хуэй Ши впустую растратил свой талант и гнался за соблазнами света, не умея сдерживать себя. Он презрел свой голос ради пустого эха и свою тень ценил больше собственного тела. Как это при- скорбно!»¹

«Школа имен» («мин цзя»)

Основной проблемой, с которой сталкивались все мыслители плодотворной для них эпохи Борющихся Царств, независимо от того, были ли они конфуцианцами или даоистами, была проблема языка. Вопрос о языке всегда оставался

1 Перевод В. Малявина.

одним из самых сложных в китайской истории. Язык действительно был очень неудобным, иногда представителям разных поколений, профессий и социальных групп было трудно понимать друг друга, а слова могли менять свой смысл. Китайские философы посвящали много времени попытке выразить самые разные понятия посредством сходных слов. Если европейцы могли прибегнуть к использованию греческих или латинских корней, а японцы обращались к бесчисленным китайским терминам, точно определяя их значение, благодаря произношению и тому, в какую эпоху было заимствовано это слово, то Китай, прародитель цивилизаций Дальнего Востока, был лишен подобных средств. Именно этим объясняется существование бесчисленного количества комментариев и постоянная путаница, которая затрудняет понимание многих философских школ. Отсутствие различий между единственным и множественным числом, невозможность точно понять, в каком времени употреблен глагол, отсутствие пунктуации в текстах приводит к тому, что невозможно определить индивидуальные формы слова. Все это способствует двусмысленности языка, в котором понимание значения произнесенной фразы базируется на том, в какой тональности она произнесена, несмотря на то что в большинстве случаев она еще и упрощалась, для того чтобы ее легче было прочесть.

Проблема выражения своих мыслей и общения была поставлена с особой остротой философами IV—III вв. до н. э., когда они заметили, что используют термины, такие же древние, как и сама китайская цивилизация, причем за прошедшие столетия эти понятия обрели множество смыслов, часто противоречащих друг другу.

Диалектическое использование парадоксов было средством, которое позволило постоянно сомневаться во всем, анализировать идеи, которые содержало слово именно как слово: вот почему традиция называет эту группу философов «школой имен» («мин цзя»). Впрочем, более точным переводом этого названия будет «семантическая школа».

Стремясь установить точное значение каждого понятия, философы «мин цзя» были единственными, кто затронул основы этой проблемы. Все остальные стремились присвоить словам разные значения.

Если бы диалектики были бы немного более мудрыми, если бы они чуть меньше увлекались играми красноречия, к которым, впрочем, китайский язык приспособлен меньше, чем к составлению письменных текстов, все интеллектуальное будущее могло поменяться. Если бы развитие теоретических основ логики было подкреплено значитель-

ным материальным развитием Китая той эпохи,

то, без сомнения, эта страна намного раньше

Европы направила бы развитие мира
по пути технологической эволюции.

Глава третья

ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОР И ДИНАСТИЯ ХАНЬ

На протяжении III в. до н. э. экономическое положение разных районов Китая, несмотря на то что их ресурсная база была весьма различной, начало выравниваться. Возможно, это было вызвано распространением железа. В целом каждый из регионов наконец преодолел то случайное отставание, которое отделяло его от более развитых соседей. Население увеличивалось, порождая трудную проблему четкого определения приграничных зон. Властям приходилось предвидеть существование населения и вне границ небольших сельских общин, и вне границ городов. Развитие цивилизации все больше и больше зависело от территории всей страны. В повседневной жизни экономический подъем объяснялся двумя факторами: тем, что новые вещи и идеи распространялись повсеместно, и тем, что люди видели, как меняется мир вокруг них.

Если говорить о верхушке социальной лестницы, то культуры древних великих семей, от которых произошли правящие кланы, давно устарели, и культуры гегемонов также находились в упадке. Начались изменения, которые казались необратимыми.

В народе эти перемены, напротив, казались более заметными и нарушающими естественный ход вещей. Торговцы становились все более влиятельными, причем их значение посто-

янно росло; даже внутри крестьянских общин началось социальное расслоение: мелкие земледельцы постоянно беднели, рядом с ними появлялись богатые землевладельцы. Мелкие земельные собственники не обладали железными орудиями труда и были вынуждены, влезая в долги, брать их взаймы у своих богатых соседей. В качестве оплаты они вынуждены были отдавать часть своего урожая, а постепенно и свою землю. Существовавшая до этого идея о том, что вся земля принадлежит государству, рухнула.

Впрочем, благодаря постоянной угрозе варварской опасности всегда сохранялось ощущение, что более чем очевидное процветание Великой равнины остается лишь игрой случая. Северные государства Цинь, Чжао и Янь с трудом сдерживали давление прототюркских племен сюнну, численность которых все время увеличивалась. Эти племена проживали на территории современной Монголии. Защищенные относительно низким, но хаотичным рельефом, сюнну совершали набеги на богатые китайские деревни, а затем исчезали, прячась в запутанной системе холмов. Именно тогда оседлое население осознало потребность в защите общей цивилизации, которой угрожал хищный безжалостный враг.

Природные бедствия неотступно преследовали Китай. Философы и ученые искали любые возможности, позволяющие предотвратить вред, который в этих условиях наносила стране раздробленность. В то время как война и торговля благоприятствовали развитию государств Древнего Китая, эти катаклизмы наносили ущерб всему континенту. Так родилась идея о том, что изолированное, полагающееся только на свои силы государство никогда не сможет изменить течение таких мощных рек, как Хуанхэ и Янцзы.

Именно в таком психологическом климате, когда постоянно ощущалась угроза цивилизации как таковой, царство Цинь, богатое металлом и зерном, могло стать вестником судьбы. Благодаря тонкой игре на союзах «по долготе» или «по широте», т. е. объединяя страны, располагающиеся на оси север —

юг или запад — восток, а также используя свою военную мощь, это царство стало наследником «Мандата Неба», который не сохранили павшие династии древних правителей.

Его молодому правителю Ин Чжэну (259?—210 до н. э.) удалось воплотить в жизнь свою мечту — распространить власть принадлежащего ему царства на весь китайский континент. Недаром даже на далеком Западе именно название Цинь (европейский термин *Chine* или *China*) стало обозначать мир китайской цивилизации.

Цинь Шихуанди и приход к власти династии Хань

Создатель Китайской империи со временем превратился в легендарного персонажа, в существо, которое несет в себе одновременно и ростки будущего, и то, что могло погубить их. На протяжении веков правители не прекращали соотносить себя с образом Первого императора, находя в нем одновременно то лучшее и то худшее, что было в них самих.

Когда в 221 г. до н. э. молодой правитель царства Цинь принял имя Шихуанди, «первый император»; создав этот неологизм, он поднял важную проблему о философской сущности власти.

Стоит помнить о том, что Ин Чжэн по своему происхождению был всего лишь *ваном* царства Цинь. Следовательно, он носил титул, который другие считали наделенным большей законностью, чем титул главы государства, которым когда-то обладал правитель Чжоу. После того как династия Чжоу потеряла свое политическое и религиозное значение, число носителей этого титула умножилось, поскольку его начали принимать гегемоны. Теперь же объединение княжеств, которые были устроены по единой модели, и появление единого верховного правителя вновь вывело на первый план проблему поддержания главой государства космическо-

го порядка, представление о котором было утрачено. Основываясь на древней мифологии, согласно которой когда-то миром правили пять «высших правителей» (*хуан*) и три «государя» (*ди*), мудрецы составили из этих понятий новый титул — *хуанди*. Мы обычно переводим его как «император», однако его более точным эквивалентом, по нашему мнению, является титул «Цезарь Август» у римлян. В какой-то мере использование в обращении именно титула *хуанди* выражало вездесущность и могущество правителя, хозяина всего цивилизованного мира.

Именно с того времени ради заботы о сохранении мирового равновесия, а границы цивилизованного мира совпадали с границами *раx sinica*¹, были точно определены имперские ритуалы и названия, которыми они обозначались. И те и другие были объявлены запретными, и тайна стала основным принципом управления, чтобы правитель, свободный от любого человеческого влияния, мог полностью отдать себя следованию Пути. Исполняя, как и правители древности, двойственные функции религиозного и светского лидера, правитель находился в одиночестве на верхушке социальной пирамиды, с которой его больше ничто не связывало. Так оригинально Китай воплотил свою идею о божественном праве на власть.

Лишенные своего изначального магического ореола и обласканные в одежды хранителей закона, образы правителей прошлого вновь вышли на первый план. Но если раньше, в период Чжоу, их авторитет использовался для обеспечения существования общин, которые они объединяли и ассимилировали, то теперь их использовали с другими целями: избавиться от конкурентов, запретить возможность существования нескольких государств.

Император, как и его современники, верил в то, что пять простых элементов — вода, дерево, земля, огонь и металл —

¹ *Rax sinica* — китайский мир (лат.).

в своем сочетании порождают все сущее. Вокруг этих концепций, таких же древних, как и сама китайская цивилизация, развилась целая философская система, создание которой приписывают философу из царства Ци — Цзоу Яню (320—270 до н. э.). Император воспользовался этой системой, он отождествил свою династию со знаком воды, поскольку контроль над системами ирригации был задачей всех правителей начиная с самых ранних периодов. В соответствии с традиционным представлением о космических связях между понятиями, со знаком воды также были связаны зима, черный цвет и число шесть. В связи с этим знамена и одежды императора стали черными, для обозначения огромной массы крестьян использовалось слово «черноголовые». Шесть стало сакральным числом, например важным символом было наличие шестого пальца на ноге. Число спиц в колесе и количество лошадей, запряженных в колесницу, тоже всегда было равно шести. Также нужно отметить, что символ воды соответствовал понятию *инь*, т. е. женского начала, которое, в свою очередь, ассоциировалось с темнотой и севером. Холодная строгость закона стала основным принципом управления страной.

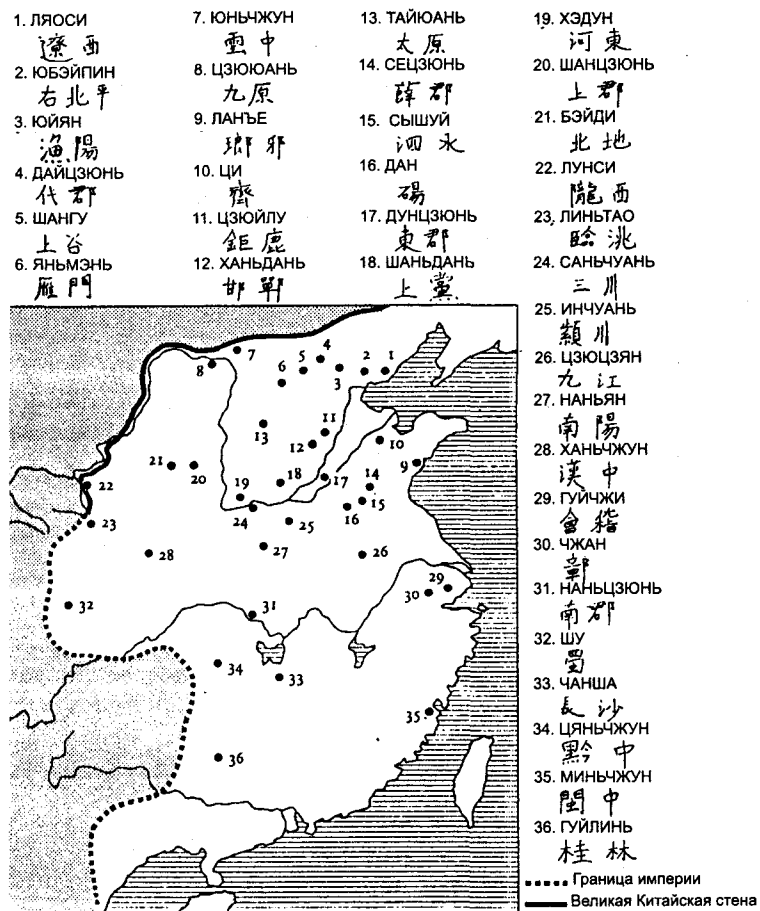
Из значительных личностей этой переходной эпохи, без сомнения, следует отметить Ли Сы, который стал первым министром империи в 214 г., а умер в 208 г. до н. э. Ли Сы происходил из царства Чу, но так как он был преданным слугой Лю Бувэя, то внес огромный вклад в развитие победы своей новой родины Цинь. Именно он добился полной и обязательной отмены не только местных феодальных иерархий, но и упразднения всех привилегий, которые у них существовали. Он провел разоружение всех подданных империи, которые с этих пор находились под полным контролем центрального правительства. Впрочем, подобные меры, примененные к столь обширной территории, рисковали остаться лишь мертвыми буквами. Однако создается впечатление, что ему удалось добиться требуемого эффекта. Так Сыма Цянь сообщает, что, когда народ восстал, чтобы положить конец тирании династии Цинь,

ему приходилось срубать и затачивать ветки деревьев для того, чтобы сделать себе оружие. Все древнее вооружение необходимо было отнести императору, который приказал переплавить его и отлить двенадцать антропоморфных статуй.

Отказавшись от кодексов былых времен, основывавшихся на местном обычном праве, судьи использовали единую систему законов, которая действовала в любом уголке империи. Поднебесная была разделена на 36 (шесть раз по шесть) провинций (*цзюнь*). Они, в свою очередь, делились на префектуры (*сянь*), округа (*сян*), кантоны (*дин*) и деревни (*ли*). Таким образом, на всю Поднебесную была распространена уже опробованная административная система, которую в царстве Цинь использовали с 350 г. до н. э. В действительности, правители Цинь заимствовали ее в царстве Чу, так как менее жесткая, по сравнению с Севером, структура семьи благоприятствовала относительно раннему формированию развитой административной системы.

Первый министр (*сян-сян*) и командующий войсками (*тай-вэй*) подчинялись лично императору, возглавляя соответственно гражданское управление и военное командование. Они командовали огромной массой чиновников, которые входили в иерархию, распространявшуюся на всю территорию империи. Наделенные двойным знаком — символом власти императора, которую они представляли, государственные служащие заботились о высокой производительности труда крестьян и ремесленников. Усердие чиновников, а особенно продуктивность труда, строго контролировалось: писцы императорской канцелярии получали право на отдых только после того, как исписывали около тридцати килограммов, в наших единицах измерения, деревянных или бамбуковых табличек, которые позднее изготовлялись из более удобных и легких материалов, например из шелка.

Такое стремление к производительности принесло свои плоды. Император служил в этом примером, привлекая на свою службу мудрецов и инженеров, которые приходили из

Первое административное деление
империи

самых разных регионов Китая. Например, знаменитый инженер-гидравлик Чжэн Гуо, родившийся в царстве Хань, участвовал в проведении важных работ в Шэньси.

Символом перемен, как материальных — в торговле, так и духовных — в философии, в свою очередь, стало введение единых стандартов. Правительство ввело единую систему мер и весов, создало общую денежную систему. В эпоху Борющихся Царств хождение имели живописные бронзовые деньги, причем формы их в разных царствах очень сильно различались. Это могли быть ножи, лопаты и кругляшки, получившие название «нос муравья». Император запретил хождение этих денег, введя вместо них общие для всей Поднебесной монеты. Они были круглой, как Небо, формы, с квадратным, как Земля, отверстием посередине. Назывались эти монеты *сапек*, их форма осталась неизменной до сих пор. Самые простые монеты делались из железа, двойную стоимость имели монеты из бронзы. Для переноски деньги нанизывались на нить — знаменитые «связки».

Письменность, которой император отводил лишь утилитарное значение, также была приведена законами в единую систему и стандартизирована. Действительно, вплоть до этого времени каждое государство, используя общие идеограммы, очень сильно меняло их начертание в соответствии с частными эстетическими предпочтениями или с местными обычаями. Так, мы можем любоваться красотой «знаков-птиц» (*няочжуань*), которые часто находят на юге, на территории царств Чу и Юэ, и на севере, в царствах Цзинь и Янь. Речь идет о знаках, тонкие и стилизованные линии которых напоминали следы лапок и клювов, оставленных бегущей птицей. Однако с правления хуанди стало обязательным, чтобы все императорские указы и административные документы были написаны однообразно и понятно. Именно поэтому император в 219 г. до н. э. создал в Ланье, в провинции Шаньдун, специальные стелы, надписи на которых были эталоном национальной письменности. В эту эпоху китайский язык, соответствующий

нормам Первого императора, приобрел новую ценность как образец и посредник в общении между подданными всей империи, он впервые возвысился над местными диалектами.

Эти колоссальные усилия могли бы остаться напрасными, если бы не были улучшены коммуникации Поднебесной. Император начал строительство гигантской системы дорог, которые должны были пройти от столицы во все районы страны. Сегодня археологи открывают ее следы там, где она проходила. Большая имперская дорога востока пересекала морские регионы, дорога юга следовала вдоль течения Голубой реки, дорога севера доходила до пограничных областей империи, туда, где кочевали варвары. Дороги прочно покоились на земляных насыпях, по ним проезжали повозки высоких чиновников и торговцев, военные конвои, которые могли принадлежать и внутренним войскам, и направляться в очередной завоевательный поход. Дорожная сеть Первого императора неизбежно вызывает в памяти римские дороги, которые в эту же эпоху прокладывались по контролируемым территориям.

Нужно отметить, что установившийся мир, унификация системы мер и весов, все эти перемены, столь благоприятные для торговли, отнюдь не привели к созданию буржуазного класса торговцев. Легисты относились к торговцам с большой подозрительностью, обвиняя их в присвоении тех благ, которые должны принадлежать государству. С другой стороны, конфуцианцы тоже относились с презрением к людям, стремящимся к прибыли, но не обладающим мышлением труженика. Таким образом, торговцы подвергались резкой критике всеми философскими школами, возможно, именно потому, что они держали в своих руках все нити экономической жизни страны. Вплоть до XX в., несмотря на все свое богатство, этот слой оставался в самом низу социальной лестницы. Насмешки первого из императоров над торговцами так никогда и не были забыты.

Конфликты не меньшей степени важности существовали между интеллектуалами и правительством. Каждый из фи-

лософов сохранил с предыдущих эпох привычку высказывать вслух свое мнение. Ли Сы плохо переносил критику, которую его реформы не замедлили вызвать. Его раздражение вылилось в драконовские меры, продиктованные яростью: «В прошлом Поднебесная пребывала в раздробленности и смутах, никто не мог ее объединить, и поэтому имелись разные чжухоу. Все на словах восхваляли старое, чтобы нанести ущерб современному, приукрашивали [прошлое] пустыми словесами, чтобы привести в беспорядок реальность. Люди нахваливали свои собственные идеи, чтобы тем самым отрицать установленное сверху. Ныне вы, Ваше величество, объединили Поднебесную, отделили белое от черного и установили одно почитаемое людьми учение. Однако частные школы, поддерживая друг друга, отрицают законы и установления; каждый раз, услышав об издании указа, тут же начинают обсуждать его, исходя из своих собственных идей. В душе они его отрицают и занимаются пересудами в переулках. Они делают себе имя, понося начальство, считают заслугой использование других учений. Собирая вокруг себя толпы людей, они сеют клевету. Если подобное не запретить, то наверху ослабнет положение правителя, а внизу будут образованы группировки.

Самое лучшее запретить это. Я предлагаю сжечь все книги, хранящиеся в императорских архивах, кроме „Записок о Цинь“. Я предлагаю изъять тексты „Ши цзина“, „Шу цзина“, книги ста школ и сжечь их без разбора. Надо казнить любого, кто осмелится говорить о „Ши цзине“ и „Шу цзине“, а их тела помещать на торговых площадях. Надо казнить любого вместе со всей семьей, кто будет критиковать настоящее, ссылаясь на прошлое. Надо наказывать таким же образом любого чиновника, который пренебрежет подобным случаем в своем ведомстве. Надо приказывать подвергнуть клеймению и отправить на принудительные работы по постройке крепостных стен тех, кто в течение тридцати дней не сдаст всего этого. Не подлежат изъятию только книги по медицине, лекарства, по гаданию на черепащем панцире и тысячелистнике, по земледелию и

разведению деревьев. Тот же, кто пожелает учиться, пусть берет в наставники чиновников»¹.

Таким образом, образованные люди больше не могли выделиться над другими сословиями, извлекая пользу из своих знаний. Так же, как были снесены стены древних княжеств, уничтожены феодальные привилегии и иерархия, переселены целые общины недовольных крестьян, должны были исчезнуть и образованные люди со всеми своими знаниями. В глазах императора, который в этом следовал легистам, не должно было быть никаких исключений из общего правила единообразия и покорности.

Очень трудно оценить *a posteriori* ту реальную цену, считая и людей, и уничтоженные богатства, которая была заплачена за подобное решение. Без сомнения, общая численность реальных потерь была намного меньшей, чем те данные, на которых позже настаивали в своих работах историки, сторонники конфуцианства. Однако этот выразительный вызов, который император бросил своим противникам, прежде всего стремясь к достижению психологического, а не материального эффекта, вызвал к нему ненависть и стойкое презрение последующих поколений, которые видели в нем скандальную и смешную карикатуру на образ идеального правителя. Впрочем, идея единства на всем протяжении истории Китая торжествовала над многочисленными центробежными тенденциями.

* * *

Идея единства основывалась на величественном восстановлении древних сельскохозяйственных культов: реставрация их значения влекла за собой оправдание всех авторитарных мер, которые, как мы считаем, были всего лишь плодом административной мудрости правительства. Первый император хорошо позаботился о том, чтобы жертвы приносились не

¹ Это обращение Ли Сы к императору авторы цитируют по «Историческим запискам» Сыма Цяня (Гл. 87. Жизнеописание Ли Сы).

только Небу и Земле, но и величественным горам, и могущественным рекам, а если обобщить, то всем божествам, которые почитались в прошлом. Горы и реки, у которых совершались ритуалы, выбирались очень внимательно. Правитель приказал построить сотню храмов, посвященных солнцу, луне, звездам, каждой из известных планет, божествам дорог и полей, владыке ветра, хозяину дождей, четырем морям, которые окружали мир. В каждом из этих храмов со строгой периодичностью проводились службы.

Значение космических культов в эту эпоху позволяет точно определить глубинные основы легизма. На первый взгляд, если обратить внимание на термин «закон» (*фа*) в названии и на строгость уголовных постановлений, легизм кажется юридической школой, однако, на самом деле, под видом исповедования принципа «недеяния» он базировался на уважении к древним пантеонам.

* * *

Герой и основатель новой эпохи Цинь Шихуанди стремился великолепием свиты и двора показать блеск своей славы. В Сяньяне, на северном берегу Вэйхэ, он построил пышную резиденцию, которая, отражаясь в реке, как будто удваивалась магией воды. Знать, придворные дамы, шуты и певички толпились в этих огромных дворцах. Правитель входил в свою резиденцию, используя собственную дорогу, построенную по его замыслу и окаймленную высокими земляными насыпями, чтобы никто не мог видеть, как идет Сын Неба.

Когда в 212 г. до н. э. строений, расположенных на северном берегу реки, стало мало для императорского двора, их начали строить и на южном берегу. Там, посреди парка Шаньлин-юань, раскинулись роскошные дворцы, точно повторяющие резиденции каждого из древних гегемонов. Самым красивым из них был императорский дворец А-фан, длина которого с востока на запад составляла 700 м, а ширина с севера

на юг — около 120 м. В нем могли спокойно жить, не стесняя друг друга, 10 тыс. человек. Его крыши поднимались на головокружительную высоту. В гигантском зале первого этажа в торжественных случаях возвышалось знамя высотой около 18 м. Парк, который окружал галерею дворца, южной частью выходил к окрестным горам.

Последнее пристанище императора также было создано в соответствии с его амбициями и делами. Его громадная гробница и сегодня существует в Линтуне, в провинции Шэньси, к востоку от Сиани. Квадратный курган, сторона которого равна примерно 500 м, окружен двумя прямоугольными поясами укреплений. Длина одного из них достигает двух километров. Кроме тайных разграблений могил, которые когда-то имели место, здесь не проводились никакие раскопки, поэтому до последнего времени невозможно было определить точные параметры захоронения. Находка нескольких обожженных кусочков земли (терракота), которые совершенно точно были частью погребальной ограда, позволяет определить уровень развития мышления и ремесла этого общества, находящегося в процессе коренных перемен. Еще большую роль сыграли найденные в 1974 г. знаменитые терракотовые воины, в натуральную величину и с настоящим оружием. К ним нужно добавить найденные в 1981 г. две бронзовые колесницы, инкрустированные золотом и серебром (уменьшенные модели тех, которые использовал император). Все это позволило по-новому оценить роскошь могилы Первого императора. В свете этих чудесных находок записи Сыма Цяня, казавшиеся столь неправдоподобными, вдруг оказались истиной. Он сообщает, что внутри могилы, под землей, было скрыто целое государство, созданное по образу царства живых. Все это соответствовало погребальной традиции, существовавшей в Китае на протяжении тысячелетий. Здесь были даже солнце, луна и звезды, которые были просто нарисованы на вращающемся подобии небесного свода. На земле, покрытой бронзовыми плитками, реки и ручейки из ртути рисовали плетеные узоры, впадая во

внутреннее море. Здесь постоянно горели лампы, заправленные специальным маслом. Растения, вырезанные из нефрита, золотые и серебряные животные, дворцы, чиновники, глиняные слуги дополняют эту удивительную копию, созданную в подземном мире. Ее, как и египетские пирамиды, удалось сохранить благодаря непрерывному ряду ловушек, автоматически бросавших камни и стрелы в тех, кто отваживался прийти сюда. На самом деле, опыт показывает, что расхитители гробниц использовали специальные уловки, рыли подкопы и колодцы, для того чтобы избежать этих опасностей.

Император не замедлил присоединиться к этому подземному фантастическому миру. В 210 г. до н. э. во время путешествия он тяжело заболел и умер. Любопытные события, следовавшие за его смертью, показали, что на протяжении десяти лет тайная власть была сосредоточена в руках нескольких людей. Ли Сы, с помощью могущественного евнуха Чжао Гао, попытался скрыть смерть императора. Этот альянс мог некоторое время осуществлять правление от его имени. Однако авантюра закончилась одной из грязных дворцовых драм, которые так часто пятнали историю императорского Китая.

Когда уловка была раскрыта, Чжао Гао удалось казнить Ли Сы вместе со всей его семьей. Молодой сын Цинь Шихуанди оказался всего лишь игрушкой в руках одной из дворцовых группировок, которая довела его до самоубийства. Чжао Гао также заплатил жизнью за свои интриги и преступления.

В стране снова начались войны и волнения. Народ все меньше терпел строгие законы режима, который ставил норму выше человека, а безопасность и обустройство огромной территории считал более важным, чем непосредственное существование ее обитателей: «Когда мир был, наконец, объединен под властью Цинь, Первый император начал вести внутри страны гигантские общественные работы, а на границах попытался отгородиться от варваров. Он собирал налоги, которые составляли больше половины дохода, и отправил охранять границы половину населения каждой из деревень. Несмотря

на свое трудолюбие, крестьяне не могли вырастить достаточного зерна, чтобы прокормиться. Хотя крестьяне пряли и ткали, они не могли обеспечить себя одеждой. Император исчерпал ресурсы Поднебесной, чтобы обеспечить свое правительство, и часто им еще не хватало этого для исполнения своих желаний. Вся земля между морями пришла в опустошение, крестьяне были в таком гневе, что либо бежали, либо восставали».

Именно в это время появился Сян Юй (232—202 до н. э.), житель благородного царства Чу, образец военного героя, трагическая фигура которого на протяжении последующих веков приобрела символическое значение.

* * *

Образу Первого императора, которого так хулили и боялись, противостоят личности двух великих мятежников, Сян Юя и Лю Бана. История, при поддержке литературы, превратила их в два архетипа: мужественный, но непоследовательный солдат и бунтовщик с добрым сердцем, находящийся вне закона защитник бедных, настоящий хранитель «Мандата Неба», в то время когда носящий титул правителя предавался заблуждениям тирании или распутству.

Как сообщает легенда, Сян Юй, прекрасно разбирающийся во всех тонкостях стратегии, был очень крупного размера и таким сильным, что мог в одиночку поднять тяжелый бронзовый котел. Когда страны юга, находящиеся далеко от центральной власти, хранители самобытной культуры, которую они не теряли никогда, восстали против тирании императора, Сян Юй служил у их предводителя, своего дяди Сян Ляна. Он талантливо руководил восставшими, вплоть до самого уничтожения войск Цинь. В 207 г. до н. э. он разграбил столицу и осквернил могилу Первого императора. Эти надругательства принесли ему робкое обожание толпы, которая считала, что это указывает на него как на основателя новой династии. Друзья угова-

ривали его взять власть над огромными владениями Первого императора. Однако он отказался, считая, что «стать богатым и знаменитым, но не переделать себя, то же самое, что надеть вышитую одежду, чтобы идти ночью». Советчик дерзнул ответить: «Теперь я понимаю, почему люди говорят, что жители Чу — это всего лишь обезьяны, которые носят головные уборы». Это кончилось для советчика плохо, Сян Юй приказал сварить его живьем для того, чтобы отучить его и ему подобных от непоправимой дерзости.

Сян Юя начали все опасаться, и хотя он богато наградил своих товарищей по оружию, раздав земли и знатные титулы, все же, как и все великие завоеватели, он стал жертвой предательства. Его совершил Лю Бан, которого Сян Юй сделал князем Ханя. Лю Бану удалось настроить против своего лидера его вчерашних друзей. После нескольких героических сражений военная удача покинула Сян Юя. Будучи весьма незаурядной личностью, он перерезал себе горло на глазах у вражеского полководца, которому сказал перед смертью следующие слова: «Я знаю, что Хань назначил цену за мою голову в тысячу золотых монет и селения с десятью тысячами дворов. Я окажу вам эту милость».

Этой могущественной, но жестокой и тиранической личности героя Сыма Цянь противопоставляет его добродетельного победителя Лю Бана, — весьма сомнительная добродетель, основывающаяся на предательстве собственного благодетеля. Однако во все последующие века в Лю Бане (202—195 до н. э.) видели или желали видеть только человека, который восстановил империю и вернул Китаю его величие. После победы, которую больше никто не осмеливался оспаривать, Лю Бан стал основателем новой династии — Хань, названной так в честь того маленького государства, которое обеспечило его триумф. Церемония восшествия на престол была проведена в феврале 202 г. до н. э. в западной части провинции Шаньдун, к северу от реки Хань. Так, императором стал мятежник, когда-то бывший хозяином трактира, о котором говорили, что в молодости он не чурался ни выпивки, ни женщин, и который,

когда стал старостой деревни, принял сторону угнетенных, восстав против тирании династии Цинь.

Получив «Мандат Неба», он основал столицу на западе Китая, в Чанъяни, около современного города Сианьфу. Как и первый император, Лю Бан, без сомнения, опасался грозных замыслов сверхъестественных сил. Ему казалось, что жрецы, находящиеся на службе у государства, не обладают достаточным могуществом, для того чтобы укрепить положение династии. Сыма Цянь сообщает, что новый император созвал всех колдунов, всех женщин-шаманов, магические знания которых позволяли общаться с богами: «Шаманы из провинции Лян почитали Небо и Землю, Небесный Алтарь и Небесную Воду, Дом и Залы. Шаманы из провинции Цинь почитали Пять Императоров, Повелителя Востока, Хозяина Туч, Судью Судьбы, Алтарь Шаманов, Предков Шаманов и того, кто приносит огонь. Кроме того, они почитали Повелителя Алтаря, Защитника Шаманов, Заточенную Семью. Шаманы Цин почитали божеств Нижнего Мира, Предка Шаманов, Судью Судьбы и Дарующего Крупну. Другие шаманы, которые были специально приглашены для проведения обрядов, почитали Девять Небес. ...Все жертвоприношения совершались в предназначенные для них сезоны и месяцы».

Таким образом, каждый регион империи способствовал достижению равновесия мира. Это равновесие было тем более необходимо, когда на границах Поднебесной кочевники становились все более опасными.

Варвары: отторжение или ассимиляция

Безусловно, политика Первого императора, породившая множество потрясений, окончательно направила развитие Китая по новому пути. Однако Цинь Шихуанди не хватило времени для того, чтобы решить действительно важные про-

блемы, самой насущной из которых являлась проблема варваров.

Впрочем, он предпринял весьма зрелищные меры, приказав достроить и объединить отдельные участки крепостных стен, которые начали создавать в царствах Янь, Чжао и в самом царстве Цинь, чтобы отгородиться от степи и обеспечить собственную защиту. Именно так появилась знаменитая Великая Китайская стена (*ваньли чанчэн*), ломаная линия которой почти точно повторяла близлежащие горные цепи. Стена, которая длинной лентой тянулась по огромным пространствам с очень сложным рельефом, выступала, причем довольно эффективно, в роли своеобразной плотины. Но подобное решение не затрагивало корня проблемы варваров, защищая только от ее последствий. Польза, которую приносила эта стена, была оплачена страданиями. Представители низших сословий, насильно пригнанные работники и различные преступники были в массовом порядке отправлены к границам страны. Большинство их умерли во время строительства, некоторые были замурованы в стену. Их принесли в жертву, чтобы, согласно древним верованиям, передать стене их жизненную силу. На протяжении веков хранилась память о страданиях первых строителей и копилась усталость, вызванная тем, что стене требовался постоянный ремонт:

Как велика стена!

Она протянулась на три тысячи ли.

На многочисленные границы пришли молодые и выносливые люди.

Как много вдов осталось по домам.

Не нужно больше растить сыновей, а только дочерей кормить.

Ты видишь там, у подножья Стены, все копятя трупы и кости

мертвецов.

Работы по строительству стены, которые проводила власть, продвигались достаточно быстро. Уже в 214 г. н. э. Великая стена простиралась от Ляодуна, на востоке, до Линьгао

в провинции Ганьсу, на западе, при этом она находилась несколько севернее, чем сегодня. Ее обслуживала сеть военных дорог, а регионы рядом со стеной населяли гарнизоны солдат-земледельцев, поскольку население этих районов в ужасе бежало.

Примерно в эту эпоху сюнну, победив другие, менее сильные варварские племена, создали и возглавили конфедерацию, которая стала страшной угрозой для Китая. После нескольких лет существования и целой серии более или менее быстрых захватов соседних земледельческих сообществ, которые в итоге встали на их сторону, сюнну неожиданно показали себя весьма организованной и опасной силой. Глава этой конфедерации, *шаньюй*, вознесенный на вершины власти по единственному критерию — обладание качествами делового человека, возглавлял пирамиду из 24 военных или гражданских правителей, разделенных на две иерархии. Только представители трех кланов, из которых состояла аристократия сюнну, могли занимать эти высокие должности, со временем ставшие наследственными. Влияние соседнего Китая проявлялось в системе общественного устройства, которое соответствовало космогоническим принципам, характерным для Поднебесной. Резиденция *шаньюя* располагалась в северных регионах, а сам он сидел, повернувшись лицом к югу. Иерархию левой руки, относительно правителя, занимал восточный округ, состоящий из покоренных стран, иерархию правой руки — западный округ.

На рассвете *шаньюй* почитал солнце, а на закате — поклонялся луне. Сюнну очень внимательно следили за движением планет, от положения которых зависело принятие самых важных решений. В первый месяц года все высшие чиновники приезжали ко двору, чтобы там совершить жертвоприношения. В пятом месяце они собирались в Лунчэне, для того чтобы почтить предков, божеств, Небо и Землю. Осенью, когда лошади были откормлены, все население собиралось в лесу Дай, где проводился учет всех людей и животных. Когда

правитель умирал, его министры и наложницы должны были последовать за ним. Их тела клали посреди могилы вместе с предметами из золота и серебра, мехами, одеждами, просто погребая их в отдельных ямах, поскольку у сюнну еще не было обычая ставить надгробные знаки.

Правосудие сюнну было быстрым и эффективным: ни один обвиняемый не ждал приговора больше десяти дней. Наказание, согласно правонарушению, выражалось либо в порке разной степени тяжести, либо в казни.

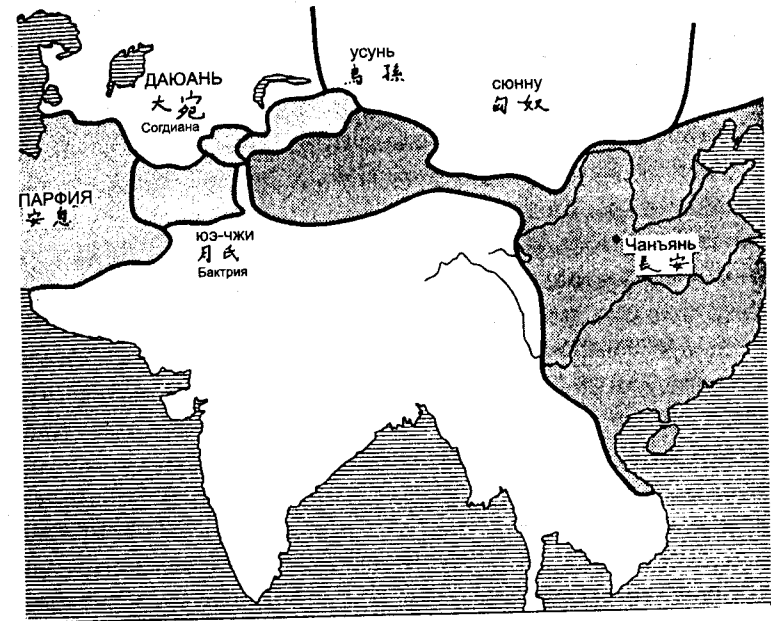
В этом обществе, основанном на материальном успехе, намного более важными были возрастные, а не социальные слои. Молодые и сильные люди брали себе лучшее из питания и одежды. Старым и слабым приходилось довольствоваться тем, что осталось. Однако сила, которая давала определенные преимущества, налагала и определенные обязательства: так сын должен был жить в том же жилище, что и отец, а после его смерти обязан был взять на свое содержание тещу и своячениц, после того как они вдовели.

Таким образом, очевидно, что сюнну были цивилизованными, однако, если они оказались очень восприимчивыми к блеску и роскоши китайских соседей, это не означает, что их культура не поддается восстановлению. Со своей стороны Китай не понимал этих странных людей, никогда не стремившихся к переходу на оседлый образ жизни, не знавших письменности: все понятия, на которых базировалось аграрное общество, например собственность, оказывались для сюнну пустым звуком. Одних приемов ведения военных действий, которыми пользовались сюнну, было достаточно, чтобы повергнуть китайцев в растерянность. Например, у сюнну бегство с поля боя считалось стратегическим уклонением, а не чем-то постыдным. Привыкшие к тяжелым сражениям на колесницах, к тому, что основная нагрузка в бою ложилась на плечи пехоты, к штурму укрепленных городов, китайцы слабо понимали тактику кочевников. У сюнну был обычай начинать атаку в период полной луны и отступать, когда она уменьшалась. Они

уводили с собой пленных, которые становились рабами тех, кто их захватил. Страх перед этим неуловимым врагом был у китайцев постоянным: «Они прекрасно владеют искусством обманывать противника, заманивая его в западню. Как только они замечают врага, они набрасываются на него, как стая птиц, жадных до добычи. Однако, когда они сами разбиты и их преследуют, они рассеиваются и исчезают как туман».

Императору-воину У из династии Хань (141—87 до н. э.) принадлежит создание новой системы отношений между Китаем и варварами. Ему удалось раздвинуть границы известного китайцам мира. В начале его долгого правления китайские войска привели во дворец императора нескольких пленных сюнну, которые безудержно восхваляли могущество своего народа. Они рассказывали, как был побежден правитель юэ-чжи, индоскифского народа, жившего в Центральной Азии. Издеваясь над побежденным правителем, победители сделали из его черепа чашу. Они открыто высмеивали растерянное бегство несчастных проигравших, которые затем начали искать себе союзника, способного отомстить за них. Поиски их оказались тщетными, так как сюнну господствовали над всей степью, и среди кочевников никто не осмеливался восстать против них. Получив подобную информацию, император попытался установить контакт с юэ-чжи, чтобы этот народ, усилившись благодаря китайской поддержке, мог напасть на сюнну с тыла. Для этого нужно было отправить к ним посла, который был бы достаточно ловок, чтобы пересечь без помех территорию, контролируруемую врагом. На эту роль был выбран молодой дворцовый чиновник Чжан Цянь, который отправился в путь в сопровождении охраны и раба-варвара. Однако этому посольству не удалось уехать далеко, кочевники захватили его и привезли его к шаньюю, который не позволил им продолжать свой путь.

Чжан Цянь остался пленником на десять лет. Впрочем, кочевники обращались с ним хорошо, сюнну даже подобрали ему жену, от которой у него родился сын. К концу десятого

Китайская экспансия в правление императора У из династии Хань (141—87 до н. э.)

года своего плена Чжан Цянь воспользовался тем, что надзор за ним и его спутниками ослаб, и они сбежали, чтобы продолжить свой путь к далекой стране юэ-чжи. После двадцати — тридцати дней пути они прибыли к правителю Даюаня (Фергана), который принял их с почестями и предоставил Чжан Цяню проводников и переводчиков, которые провели его в Трансоксиан (Канцзюй), а затем в Бактрию (Дася). Наконец ему удалось найти юэ-чжи. Однако этот народ жил счастливо, в относительной безопасности. Так Чжан Цянь, достигнув своей цели, вынужден был отказаться от выполнения своей миссии. Юэ-чжи совершенно не прельстились мечтой о реванше, ни предложения, которыми соблазнял их китайский посол.

По истечении года Чжан Цянь начал свое возвращение в Китай по южной дороге Наньшаня. Однако на обратном пути он снова попал в руки сюнну. Прошел еще год, и только внезапная смерть *шаньюя* и последовавшие за ней беспорядки позволили ему бежать вторично. Чжан Цяню удалось увести с собой супругу-сюнну и раба, и после примерно двадцати лет отсутствия он вернулся в Китай, где его торжественно встретил сам император.

По возвращении Чжан Цянь составил описание своего удивительного путешествия через горы и высокие плато. Там, за землями варваров-кочевников, он нашел новые страны и процветающие культуры. Дипломат сообщил императору, что Фергана — это сельскохозяйственная страна, в которой выращивают рис и пшеницу, что она богата породистыми лошадьми, которые «потеют кровью». Там он пил вино, которое было выжато из плода, неизвестного в Китае, — из винограда. Население этой страны, численность которой составляла несколько сотен тысяч человек, жило в укрепленных городах. Трансоксиан, маленькая область, населенная кочевниками, по праву гордилась прекрасными лучниками. Бактрия, которая, напротив, была страной полей и поселков, располагалась к югу от Ферганы. Чжан Цянь также рассказывал об усунях, варварах с голубыми глазами и рыжей бородой, которые кочевали в районе реки Или. Они называли себя «спустившиеся с птицами» и разводили великолепных лошадей. Чжан Цяню удалось пригнать нескольких лошадей этой породы, причем император У был настолько ими восхищен, что назвал их «небесными лошадьми» (*тяньма*). Помимо всего прочего китайский дипломат открыл горные цепи Куньлуня, где берут свое начало две основные транспортные артерии Китая — Хуанхэ и Янцзыцзян.

Эти открытия очень сильно изменили представления китайцев о мире. Они узнали, что цивилизация может возрождаться, как это произошло с малыми народами Центральной Азии, которым были известны чудеса ближневосточного мира

и которые одновременно восприняли и некоторые элементы греческой культуры, когда-то привнесенные сюда походами Александра Македонского. Кроме того, Китай мало-помалу открывал для себя новые богатства.

Это были ковры, драгоценные камни, позднее животные, например лошади благородных пород, ослы, распространенные на Западе, которых сюнну ввезли в Китай, и даже верблюды из Бактрии. Была заимствована техника верховой езды и система упряжи, а также использование подгрудного ремня для лошади. Также в Китае появились новые виды растений, такие как люцерна и клевер, которые использовали, чтобы кормить стада, новые виды фруктов — виноград и гранат, орехи. Чжан Цянь — дипломат, солдат, путешественник, именно он впервые вывел Китай к знаменитому Шелковому пути. Более точным было бы называть его «Путь лошадей», так как именно благодаря этой транспортной артерии, добывая драгоценных боевых скакунов, китайское правительство заполнило страну сюнну шелковыми и железными изделиями. В итоге это позволило сюнну лучше вооружиться, а значит, усилило их могущество.

Реформы в китайской армии

Увеличивающееся давление со стороны народов, которые населяли степь, граничащую с Китаем, вызвало глубокие изменения, касавшиеся и материального развития, и психологии. И хотя чувство превосходства Китая над всем остальным миром не могло измениться, все же родилась идея, согласно которой в некоторых случаях было возможным учиться у варваров. Китайские правители оказались поставлены перед неразрешимой проблемой: либо сохранить свою культуру и погибнуть, либо варваризироваться и победить. Дальнейшее сохранение внутреннего мира было невозможно без завершённой

реформы по защите границ государства. В свою очередь, эта реформа предполагала создание армии принципиально нового типа, образцом которой выступала бы организация подразделений у варваров, вызывавшая у китайцев страх. На длинных горных дорогах Азии равнинные боевые колесницы теряли всю свою полезность. С другой стороны, пехота, набранная из крестьян, добиралась до них слишком изнуренной. Напротив, кавалерия, первое робкое использование которой приходится на начало эпохи Борющихся Царств, должна была составить мобильную основу армии.

Одновременно предполагалась и революция в вооружении: алебарды и пики, тяжелое вооружение, приспособленное для пешего боя, следовало заменить мечами и арбалетами. Изобретение этого вида стрелкового оружия начиная с V в. до н. э. оставалось гордостью китайцев, секрет его производства они стремились сохранить в тайне. В конце концов, речь шла об одном из самых смертоносных видов оружия того времени. Известно, например, что на Латеранском соборе в 1179 г. именно по этой причине арбалет был объявлен вне закона в христианском мире.

Строение новой китайской армии также требовало усовершенствования важнейшей экономической инфраструктуры. Нужно было не только разработать систему снабжения огромного количества людей — это не было новым для китайской армии, — было необходимо обеспечить фураж для множества лошадей. Эта задача была тем более сложной, что битвы чаще всего проходили в пустыне. Только император обладал достаточной властью, позволявшей создать обширные пастбища, необходимые для содержания верховых животных. В этом смысле можно сказать, что борьба против кочевников могла способствовать окончательному оформлению национального единства. Весьма разумно в качестве «земель лошадей» был избран северо-запад Китая, самые слабозаселенные и наиболее близкие к районам боевых действий земли страны.

В конце концов модернизация китайской армии повлекла за собой трансформацию социального порядка. Старые военные иерархии, корни которых лежали еще в эпохе Борющихся Царств, и теоретики древней стратегии, применимой к классическим сражением между городами или небольшими государствами, больше не были нужны. Только личность, обладающая особым талантом, способная быстро адаптироваться к обстоятельствам — малознакомому врагу и неизвестной территории, — могла спасти государство.

История борьбы династии Хань против сюнну полностью подтвердила эти доводы. Каждый раз решение императора о продолжении или остановке военных кампаний зависело от таланта конкретных людей. Поэтому подлинными успехами долгой борьбы с варварами приходится только на эпоху блестящих генералов Вэй Цина и Хо Цюйбина.

Военные кампании

Вэй Цин, брат императрицы, всю свою долгую жизнь ездил верхом по дорогам приграничных регионов. В 127 г. до н. э. в своем передвижении он углубился на север, по ту сторону от Ордоса, где находится большая излучина реки Хуанхэ. Этот отдаленный и малоизвестный регион весьма пренебрежительно называли «страной Запада», *Сиюй*. Ему удалось выбить оттуда сюнну, причем Вэй Цин сделал это настолько хорошо, что в 114 г. до н. э. даже стало возможным сформировать в этом регионе систему административного управления. Полководец использовал советы Чжан Цяня, которые тот составил во время своего долгого пленения, и они не раз спасали императорскую армию от голода и жажды.

Слава и талант Вэй Цина нашли свое продолжение в его племяннике Хо Цюйбине, который в 121 и 119 гг. до н. э. нанес сюнну два тяжелейших поражения. Императору казалось, что

эти победы могут надолго обеспечить мир: «Слава о многочисленных военных подвигах [Хо Цюйбина] на наших границах, вдоль реки Хуанхэ, позволяет нам [императору] надеяться, что отныне [эти территории] будут избавлены от опасности и смогут наслаждаться долгим миром».

Можно восхищаться храбростью и упорством Хо Цюйбина, но прежде всего нужно подчеркнуть его прозорливость, благодаря которой он стал главным двигателем экспансионистской политики династии Хань. Он доказал пользу от использования того же оружия, что и враг — легкой мобильной кавалерии. Он подсказал императору, что необходима экспансия далеко в сердце западных земель для того, чтобы добраться до стран, способных поставлять хороших лошадей, обладание которыми могло, в свою очередь, обеспечить защиту империи.

В память о тех бесчисленных обязанностях, которые исполнял Хо Цюйбин, после его смерти в 117 г. до н. э. император приказал привести в столицу несколько отрядов сюнну. Каждый варвар, обладавший железным оружием, встал на краю дороги, по которой шла погребальная процессия, а степные всадники, вытянутые в гигантскую неподвижную цепь, сопровождали великого полководца к его могиле.

В 1914 г. Виктор Сегален нашел одну из скульптур, которая отмечала вход в курган этого национального героя. Благодаря этой находке, он напомнил современному миру о забытой мощи античной каменной скульптуры.

Доходы от военных экспедиций, тщательные записи которых можно найти в «Ши цзин» или в «Хань шу», не перестают удивлять. Трофеи военных кампаний, когда они заканчивались победой, состояли из огромных верениц бредущих рабов, лошадей, скота, энергия и труд которых использовался на благо Китая. В 124 г. до н. э. люди полководца Вэй Цина захватили более миллиона голов домашнего скота и около 15 тыс. сюнну. Еще примерно столько же обитателей степи было убито. В случае же неудачи китайские потери также могли быть катастрофическими. Например, в 99 г. до н. э. генерал Ли Гуанли

потерял две трети своей армии, состоявшей из 30 тыс. всадников. Два других военачальника, Ли Лин и Су У, были при различных обстоятельствах захвачены сюнну вместе со всем своим окружением. От этих новостей император У пришел в ярость и приказал казнить всю семью Ли Лина, которого он обвинил в трусости, а значит, в предательстве. Су У, который, как говорят, пытался покончить с собой, когда его брали в плен, избежал императорского гнева. Он провел 19 лет в плену у варваров. Сюнну предложили свободу обоим пленникам: Су У немедленно уехал, тогда как его товарищ по несчастью, без сомнения, опасаясь репрессий, предпочел остаться у врага. Благодаря археологическим раскопкам были найдены остатки дворца, в котором жил плененный Ли Лин. Эта ссылка, из которой не было возврата, стала легендой и вдохновила на создание множества поучительных меланхолических поэм, посвященных безжалостной разлуке.

Даже если предположить, что эти цифры являются лишь преувеличением, все же нужно отметить, что этот период был периодом демографического подъема, выдержавший подобные кровопускания.

Изучение документов, относящихся к военным кампаниям императора У-ди, представителя династии Хань, позволяет определить, что вопреки устоявшимся представлениям, в эту эпоху в императорской армии служило очень мало варваров. Впрочем, несколько сюнну, находившихся на китайской службе, выполняли обязанности проводников: вот почему Хо Цюйбин никогда не терялся в землях сюнну, даже когда он отходил очень далеко от китайских границ. Можно отметить еще одного сюнну, ставшего военачальником в китайской армии: когда-то побежденный своими соотечественниками, он стремился таким образом вернуть свое положение. Можно отметить еще двух китайских полководцев варварского происхождения, однако оба они выросли в Китае, в котором их семьи проживали уже на протяжении нескольких поколений. Коренное изменение ситуации произошло намного позднее, в IV в. н. э.

В целом можно поставить под сомнение способность Китая легко ассимилировать варваров, как это иногда подчеркивается — без уточнения обстоятельств, эпохи, местности. Китай привлекал варваров как очаг философской мысли и технического умения. Этот процесс характерен для всех крупных центров земледельческих цивилизаций, соседи которых находятся на более ранней стадии развития и для которых понятия постоянства и наследования традиций значат еще весьма мало. Например, в истории Римской империи можно найти весьма убедительные примеры подобного слияния культур.

Мы затрагиваем здесь очень важную проблему поглощения периферийных культур. В случае с Китаем существует обыкновение противопоставлять варварство, непроницаемость дикой культуры народов Севера и Северо-Запада — открытости и взаимному влиянию стран Юга. Это мнение заслуживает уточнения. Прежде всего, следует понять, что же все-таки называют «странами Юга». Взаимовлияние культур совершенно очевидно в южных регионах, вплоть до современного Кантона. Речь идет о древних царствах, которые очень сильно эволюционировали, — У, Юэ, Чу. С самого своего появления они относились к категории, которую по аналогии с западным миром можно было бы назвать *sinicia*¹. Впрочем, эти царства сами привнесли важные элементы в развитие искусства и философской мысли этого региона.

Сам образ оседлой жизни, ведение сельского хозяйства, которое развивалось в южных регионах с древних времен благодаря благоприятному рельефу и климату, способствовали тому, что достижения одной культуры могли заимствоваться культурами соседними. Однако эти «страны Юга», вплоть до периода Хань, обладали меньшей самобытностью в искусстве, которое они создавали, так как его истоки лежали не только в самом Китае, но и во многих регионах Евразии.

¹ Sinicia — здесь: китайский [мир] (лат.).

Уже первый император стремился поставить эти территории под свой контроль. Южнее Голубой реки он бросил свои армии, состоявшие из 500 тыс. человек, против жителей царства Юэ, предков современных вьетнамцев. Война шла в узких ущельях Линаня, заросших густой чащей, и продолжалась около восьми лет, до тех пор пока Сын Неба не смог утвердить свою власть над этим регионом. Впоследствии император разделил его на три округа.

Более хитрый император У окончательно присоединил к империи эти земли, что в итоге привело к появлению в составе его государства культуры, которая очень сильно отличалась от той, что господствовала в остальной части страны. Ее корни напрямую уходили в эпоху Борющихся Царств. В 334 г. до н. э. правитель царства Чу отправил экспедиционный корпус в район озера Дяньчи. Это было вызвано недооценкой могущества царства Цинь, правителю которого удалось отрезать этот корпус от основных сил армии Чу, вынудив их остаться на завоеванных территориях. Окруженный командир корпуса основал там новое государство — царство Дянь и провозгласил себя его правителем. Это событие могло бы остаться незначительным эпизодом в истории эпохи Борющихся Царств, если бы не искусство этого оригинального и эфемерного государства, обнаруженного благодаря археологическим раскопкам в 1955—1960 гг. в провинции Юньнань и открытию могил Шичжайшаня. В искусстве этой труднодоступной горной страны нашло свое отражение удивительное слияние культур. Этот синтез благоприятно сказался на развитии творческого начала царства Дянь.

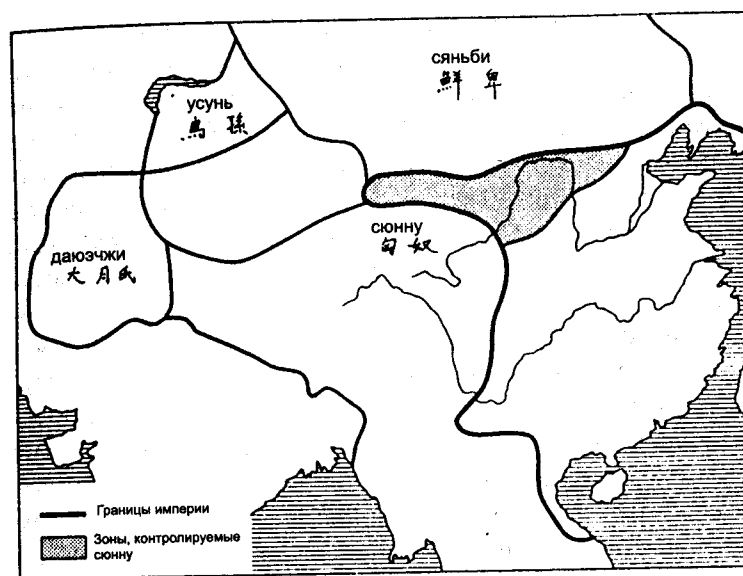
Некоторые детали, современные периоду Хань, позволяют лучше узнать жизнь коренных обитателей китайского Юго-Запада, а в более общем плане и всей Юго-Восточной Азии. Например, бронзовые сундуки, предназначенные для хранения раковин, которые исполняли в этом регионе роль денег, выполнены в форме барабанов, характерной для культур Юго-Восточной Азии. Однако на этих сундуках, кроме простых

линейных рисунков, свойственных предметам, созданным ремесленниками царства Дянь, на верхней крышке находились вылепленные круглые скульптуры, изображающие целый маленький мир, обитатели которого ткут, прядут, занимаются повседневными делами или кого-то чествуют, — часто это женщина, сидящая на троне, по всей видимости правительница.

Еще более удивительными были скульптуры животных, украшающие плиты ограды или верхушки знамен. Они обладают чертами, очень сходными с произведениями так далеко находящихся культур степи. Эти красивые бронзовые предметы, изготовленные грубо, но с фантазией, возрождают взгляд на мир, давно отвергнутый китайскими правилами правительственных и погребальных ритуалов: присущее охотникам внимательное, с симпатией отношение к животному миру, очарованность полетом птиц, возвышенный страх при виде борьбы между лесными хищниками, особое отношение к крупному скоту, занятого на полевых работах.

Население стран Юга настолько заинтересовало императора У, что он отправил к ним своего посла Тан Мэна. В 134 г. или в 133 г. до н. э. он отправился в страну Ба и Шу — современная провинция Сычуань. Богатство этих территорий и пышность церемоний правящих там дворов не была для него неожиданностью: правитель, как и Сын Неба, передвигался в колеснице под желтым балдахином, левый борт которой был украшен плюмажем из перьев.

Местные жители не проявили большого энтузиазма, у них еще сохранялась мучительная память о прошлом. В конце концов, Первый император уже отправлял сюда своих представителей, для которых нужно было открыть «дорогу шириной в пять ступней», т. е. около 1,5 м, тяжелым трудом прорубленную в скалах. Тан Мэна сопровождал огромный, из 10 тыс. человек, кортеж, нагруженный подарками для варварских вождей и провиантом, способным прокормить эту толпу, и этот большой обоз полностью не мог проехать по древней дороге. Жители этих земель, как и их предки, вынуждены были про-

Китай периода Поздняя Хань

бивать для него пути. Так изначально мирная по своим целям миссия превратилась для жителей территорий, которые она пересекала, в тяжелый труд. Результатом этого было быстрое ухудшение ситуации: «Тан Мэн... завербовал в административных резиденциях Ба и Шу около тысячи мелких чиновников и солдат. Там же в связи с этим было поднято еще около десяти тысяч человек, чтобы обеспечить их проезд по суше и воде. Тянь Мэн использовал закон о военных реквизициях, чтобы наказать вождей племен. Население Ба и Шу было в большом страхе».

Положение дел намного ухудшилось благодаря пылкому вмешательству поэта Сыма Сянжу (179?—117 до н. э.), сына этого далекого края. Его знания и литературный талант возвысили его при дворе императора до уровня одной из важнейших личностей. Его защитная речь в пользу соотечественников только усугубила ситуацию. Чтобы доказать благородство

своих намерений, в 109 г. до н. э. император У передал печать «правителя Дянь» лидеру маленького государства, существование которого он признал. Сохранив собственное звание единственного политического и религиозного лидера империи, в рамках огромного китайского союза он создал для себя другой титул, при этом подтвердив существование и законность местных культов правителя. Этот новый титул — *хуанди* был призван выделить императора из множества носителей титула *ван*.

Продвижение государства на юг привело к очень тяжелым культурным и экономическим последствиям. Между двумя частями империи, объединяя ее, циркулировало все большее количество вещей и технических приспособлений. В этих регионах, богатых речными системами, на первое место вышел водный путь сообщения, который предвосхитил в своем появлении будущий Великий канал. От верхнего течения Сянцзяна (Хунань) на севере до верхнего течения Гуйцзяна (Гуанси) на юге постепенно сложился маршрут, который и сегодня соединяет бассейн Голубой реки и бассейн Жемчужной реки, Китай равнин и Китай ущелий, пересеченных оврагами холмов и запутанных, но судоходных речных потоков.

Вторжение императора У на северо-восток, за пределы установившихся границ, было более жестоким. В том же году, когда он даровал свою инвеституру¹ государству Дянь, император морем бросил свои войска на завоевание Кореи, которая была разделена тогда на четыре части. Это было завершением неторопливого продвижения Китая в этот регион, которое было начато еще в эпоху Борющихся Царств. Вторжение принесло свои плоды, поскольку западный берег Кореи оставался китайским вплоть до IV в. н. э., что весьма способствовало тому, что молодая и далекая Япония заимствовала немалое количество культурных достижений континента.

¹ Инвеститура (от *лат.* *investio* — облачаю) — здесь: передача властных полномочий от имени китайского императора местному правителю.

Все эти постоянно повторяющиеся войны, долгие путешествия, более или менее эффективные подтверждения собственного могущества обнаруживают одну постоянную величину: отношение китайской власти к другим, к варварам и менее цивилизованным народам, к иностранцам никогда не подчинялись какой-то строгой догме. Император использовал то крайне жестокие меры, то простые угрозы, то, наоборот, лесть и искушение. Впрочем, несмотря на это, всегда сохранялось неискоренимое чувство превосходства династии Хань и ее цивилизации.

Социальная иерархия и экономика

На территории собственно Китая благодаря устройству и стабилизации империи произошла глубокая трансформация связей, которые соединяли различные социальные группы.

Согласно общему мнению, после поздней Античности можно говорить о том, что в Китае сложилась определенная бинарность. Народу, который управлял, противопоставлялся народ, которым управляли. На самом деле, в подобных условиях это довольно неточное понятие, поскольку члены первой группы происходили из второй группы, в которую они могли и вернуться при неблагоприятных обстоятельствах, например уход на покой или разжалование. Вообще, положение любого человека на иерархической лестнице было относительно. Тем не менее среди правящей элиты бесспорно можно выделить несколько категорий: феодальных князей (*цзюнь*), хотя в I в. до н. э. они и потеряли власть над своими территориями, министров государства (*цзюцин*), высших государственных сановников (*дафу*), ученых людей (*ши*), знания и гражданские добродетели которых затмевали достоинства военачальников, которых понятие *ши* обозначало в начале I тысячелетия до н. э.

Вся эта масса людей, управляющих государством, делилась на огромное количество ступеней. Она представляла собой настолько разнородное и неустойчивое сообщество, что философские школы прилагали большие усилия, для того чтобы хоть как-то объединить и классифицировать все эти чины и звания. В отличие от Конфуция, который выделял три управляемых сословия: крестьян, ремесленников и торговцев, — в этот период появились термины, обобщающие все подвластное чиновникам население: «многочисленный народ» (*ли-мин*) или «черноголовые», выражение, которое было придумано в эпоху правления Первого императора. Именно эти два самых распространенных понятия объединяли все социальные группы. В продолжение развития этой идеи появилось понятие *жэнь-жэнь* со значением «все люди» — народ становился группой индивидуальностей. Другие, реже используемые обозначения низших слоев населения выводили на первый план кланы — «сто имен» (*бо син*) или «бесчисленные дети одного предка» (*юань юань*).

Однако не стоит самообольщаться: главным фактором деления общества служила производительность различных категорий, так как именно равновесие между ними обуславливало выживание нации.

Ремесленники

В древности все виды работ, которые выполняло население, были разделены на множество разных категорий. «Ритуалы Чжоу» («Чжоу-ли») — литературное произведение, содержащее факты и цитаты из более ранних сочинений, называет девять видов работников. Это земледельцы, садовники, лесничие и хранители гор, рек и болот, скотоводы, ремесленники, оптовые и розничные торговцы, ткачихи, ткущие из шелка или пеньки, сборщики листьев, корней и фруктов

и, наконец, бродяги, не имеющие постоянных занятий и блуждающие в поисках работы, которой они лишились из-за смены сезона или из-за собственного нрава. Эта последняя категория могла состоять как из богатых, так и из бедняков. Сытые оригиналы или действительно обеспеченные люди, порвавшие с обществом, оказывались на одной дороге с изголодавшимися бродягами. К этим девяти группам добавляются две категории рабов: те, кто был наказан за какое-то преступление, и те, кто вынужден был продать себя из-за голода.

Одним из самых выдающихся событий в истории династии Хань было создание особого устава для ремесленников, работавших в государственных мастерских. В столице существовали три государственных фабрики, производство в которых было поставлено на службу исключительно императорской фамилии. *Као гун-ши* производила мебель; задачей *Дун-юань-цзян* было создание и обработка *мин-ци* — знаменитых погребальных статуэток, которые сравнивают с танигра; и наконец, *Шан-фан* выпускала предметы быта совершенно исключительного качества. К концу правления династии Шан-фан была разделена на три секции: первая производила зеркала, две другие — ткань. Впрочем, некоторые социальные группы, особенно имеющие отношение к религии, обладали, как и государство, своими собственными группами ремесленников.

Похожая ситуация имела место и в каждой из провинций. Шесть центров производства, один в провинции Хубэй, два в провинции Хэнань, два в провинции Шаньдун и один в провинции Аньхой, были ориентированы на снабжение армии. Две ткацкие фабрики существовали в Шаньдуне и Хэнань. В Сычуани были две мастерские, специализировавшиеся на работах с золотыми и серебряными предметами, и государство особо поддерживало это производство, высокое качество продукции которого составляло славу южных регионов страны.

Монополии

Несмотря на некоторое процветание, о котором свидетельствует одновременно количество и качество товаров, производившихся в период Хань, перед властью имущими стояли очень большие проблемы, которые они пытались решить путем использования различных политических методов, как поочередно, так и одновременно.

На протяжении 30 лет, которые последовали за восшествием династии на престол, император самостоятельно восстановил те суровые принципы легистов, которые существовали в период Цинь: перемещение населения — чтобы избежать сговора или соперничества между кланами; жесткие сословные рамки — для крестьян; контроль — за доходами крупных торговцев, которые стремились монополизировать денежную систему и власть. Лозунгами этого периода были простота и умеренность. Но когда пришел мир, а варварская угроза была отражена (175—154 до н. э.), настало время всеобщей либерализации. Этот процесс начал развиваться с такой скоростью и силой, что одним из самых ярких его проявлений стал мятеж «семи стран» Юга, которым династия Хань предоставила определенную феодальную автономию, так как именно оттуда и происходили новые правители Китая.

Впрочем, эти мятежи были довольно быстро подавлены, и правление императора У стало апогеем развития этого общества, стремившегося к централизации, развитию торговли и производства, которое шло полным ходом.

Самой большой проблемой императора У в экономической сфере оказалось именно процветание, которое было столь большим, что благоприятствовало расцвету могущества частных промышленных компаний, выросших из добычи соли и железа. Добыча и обработка этого сырья требовали множества рабочих рук и хорошей координации выполнения различных операций. Торговая деятельность, которая сопровождала это производство, способствовала развитию денежной экономики.

Однако правительство заметило, что денежная экономика ведет к обогащению частных лиц, а не государства, вредит его престижу и может привести к банкротству. Император У сумел на время исправить эту ситуацию, проведя массовую национализацию крупных предприятий: по всей стране вместо 66 предприятий, которые поодиночке бесконтрольно добывали и продавали соль и железо, не принося никакой прибыли в казну, была введена государственная монополия на эти виды продукции. Проводила реформу администрация Кун Цзиня и Дунго Сяняня, они же добавили в список монополий производство и продажу алкоголя. С точки зрения легизма, которому сочувствовали власть имущие, эти принудительные меры были абсолютно оправданными. Но именно они, представленные различными налоговыми репрессиями, в долгосрочной перспективе и привели к медленной экономической деградации, которая, несмотря на временное процветание, три века спустя привела к падению династии Хань.

Первой причиной экономического спада послужило то, что замыслы императора не способствовали общему подъему морали. Как продажа должностей и титулов повлекла за собой уничтожение системы административных кадров, так и противопоставление столицы всему остальному государству, вместо того чтобы обеспечивать его могущество, привело к тому, что доходы, которые изымались у крупных торговцев и производителей, просто скапливались в сундуках. В конце концов, и экспансия в варварские страны стоила очень и очень дорого.

Тем не менее создание государственных монополий базировалось на прекрасных доводах о необходимости всеобщего экономического оздоровления. В первую очередь особую важность имела металлургия, игравшая огромную роль в материальной жизни нации, потому что именно эта сфера производства отвечала за выплавку монеты. С 120 по 81 г. до н. э. государство стремилось обложить налогами, сократить долю или даже конфисковать частные предприятия, работающие в этой отрасли. Результаты этих мер не замедлили себя ждать, и уже

с 115 г. начинается прогрессирующее с каждым годом ослабление деятельности частных собственников. Три года спустя, в 112 г. до н. э., государство уже могло гордиться тем, что вся чеканка монеты была эффективно поставлена под его контроль.

Любопытно отметить, что в связи с этими обстоятельствами император У, выступавший как приверженец и восстановитель конфуцианства, глубоко оптимистичный и либеральный, на самом деле следовал политической линии династии Цин, а на государственной службе оказалось множество людей очевидно придерживающихся идей легизма. Это хороший пример того дуализма, который в различных пропорциях, часто не подлежащих точному измерению, всегда присутствовал в решениях китайских властителей.

Для борьбы со спекулянтами император по совету сановника Сан Хуняна поддержал создание отдельного управления, которое можно было бы назвать «отделом уравнивания и стандартизации». На самом деле это был «Трактат о равновесии» («Пин чжунь»), а его главной идеей было увеличение натуральных налогов, скупка по низким ценам товаров, которые император мог перепродавать в другие регионы или возвращать на рынок, когда цена на товар была самой благоприятной для продавца. Официальной задачей, которая стояла перед этим государственным органом, была защита мелких производителей от лихоимства спекулянтов. На самом деле, и в этом случае государственная политика не была продиктована соображениями о чистом человеколюбии, и конфуцианцы не упустили случая сказать об этом.

Через несколько лет после смерти императора У, в 81 г. до н. э., при дворе состоялся важнейший «спор о соли и железе», который дошел до нас в письменном виде («Янь те лунь»). Эта была полемика легистов, которые руководили Большой государственной канцелярией, и группы конфуцианских ученых. Воспевая хвалу миру и добродетелям древнего китайского общества, эти ученые провозглашали: «Никогда материальная

выгода не должна служить основным мотивом управления. [Это значит] управлять должна мораль, цель этого — изменение нравов народа. Но сегодня в провинциях монополии на соль, железо и алкоголь и система справедливой торговли установлены, чтобы соперничать с доходами народа, обесценивая значение сельского великодушия и воспитывая в народе скупость. Вот почему людей, которые занимаются [сельским хозяйством], имеющих первостепенное значение, становится все меньше, а людей, которые занимаются [торговлей], имеющей второстепенное значение, все больше. ...Шан Ян сделал жестокие кары и строгие законы основанием государства Цин, и оно рухнуло вместе со Вторым императором (Эршихуанди). Но удовлетвовавшись строгостью законов, он создал систему взаимной ответственности и круговой поруки, объявил преступлением любую критику правительства и умножил количество телесных наказаний до таких масштабов, что народ был устрашен настолько, что не знал, куда деть свои руки и ноги. Недовольный обильными налогами и выплатами, он запретил народу использовать ресурсы рек и лесов и добыл огромные средства на заготовке запасов, не давая народу возможности привести даже самые малые возражения. Подобное почитание богатства и отсутствие внимания к тому, что правильно, такое неистовство власти и стремление к успеху действительно привели к расширению государства и приобретению новых территорий. Но это было подобно тому, как наливают еще воды людям, которые страдают от наводнения, и это только умножило несчастья».

Проблемы сельского хозяйства и рабство

Когда возражения и насмешки легистов были направлены против конфуцианцев, то эти последние часто добивались полной победы в спорах между ними.

Действительно, император У чаще внимательно прислушивался именно к конфуцианцам и старался изо всех сил исправить ситуацию в сельском хозяйстве, которая характеризовалась уменьшением количества рабочих рук в этой сфере деятельности. Крестьяне меняли свою профессию на более доходные, и, чтобы остановить этот процесс и вернуть в сельское хозяйство требуемые рабочие руки, император У ратифицировал целую серию реформ. Однако новое вмешательство конфуцианцев в процесс переустройства, который последовал за этими реформами, привело к обратной катастрофе. В 62 г. до н. э. крестьяне произвели слишком много продуктов и не смогли их продать. Именно после этого кризиса государство взяло под свой контроль все риски, связанные с урожаем, а также частично решало и проблему транспорта. Около Чанъяни, столицы, построенной во II в. до н. э., начали поощрять разведение зерновых, предназначенных для снабжения правительства. Кроме того, у границ были созданы зерновые хранилища (55—44 до н. э.). Их задачей было снабжение гарнизонов, которые охраняли империю. Это было возвращение к политике протекционизма легистов.

В конце концов эти значительные изменения коснулись даже самой концепции сельского хозяйства. Намного большее внимание стало уделяться сфере дополнительных занятий, таких как шелководство и ткачество. Итогом этих изменений стало объединение среди крестьян (*нун*) всех, для кого работа на земле была самым важным видом деятельности. И не случайно, что министр сельского хозяйства одновременно наблюдал за торговлей и финансовой системой государства.

* * *

Значение, которое придавалось земле, стало общим знаменателем для обширной категории населения, и, поскольку богатые присваивали себе больше, чем остальные, оно привело к тяжелым последствиям: рабство стало намного более рас-

пространенным явлением, чем в любой из периодов, предшествующих правлению династии Хань. Великий философ Дун Чжун-шу (179? — 104? до н. э.) так проанализировал механизм порабощения: «Древние установили, что дома и колодецы восьми семей должны находиться в одной общине [один колодец и девятьсот му земли]. Муж и жена обрабатывали сто му земли, передавая в качестве налога одну десятую часть, выращенного ими урожая [государству или его представителям]. Однако правители Цин не имели никакого закона и увеличили подати и налоги для своих собственных нужд, изматывая народ ради своих необузданных прихотей. Они упразднили систему *цзин-тянь* [колодезные поля], и людям было разрешено покупать и продавать землю. Богатые покупали столько земли, что их поля тянулись вдоль всех дорог с севера на юг и с запада на восток, а в это время бедные не имели земли даже для того, чтобы посадить туда палку. Более того, были организованы рынки рабов, на которые людей загоняли, как скот или лошадей. Правители Цин узурпировали право карать людей из общины и слуг, вплоть до применения смертной казни. Подлые люди, тираны, движимые одной жадной наживы, они снимали с насиженного места людей, их жен и детей и продавали их, нарушая волю Неба, разрушая отношения между людьми, искажая принцип, гласящий, что человек есть самое благородное создание Земли и Неба».

Так как не существовало никакой системы государственного вмешательства, позволявшей уменьшить число крепостных у частных домов, как это было в древности, когда их численность, без сомнения, была меньше, то борьба императора У против частных монополий как раз и выразилась в конфискации рабов, которых правительство, впрочем, заставляло работать на своих собственных предприятиях. Тот факт, что рабы в основном использовались на домашних работах, тогда как на сельских работах, как полагают, не хватало рабочих рук, провоцировал возмущенные выступления экономистов и благородных людей.

Таким образом, торговля землей создала огромное количество бедняков, с потерей своего надела выпавших из сословия крестьян, которые окончательно потеряли всякую надежду на улучшение условий существования и даже на сохранение чувства собственного достоинства. Проблема обезземеливания крестьян, приводившая к отчуждению работников от результатов собственного труда, очень напоминает ситуацию, которая сложилась в Китае в начале XX в.

Усугубляли ситуацию и военные кампании, которые подрывали государственную систему финансов. В 127 г. до н. э. нехватка денег в казне оказалась настолько большой, что у государства не хватало средств на то, чтобы платить своим работникам. Тогда правительство решило заменить их мужчинами и женщинами, которым оно обещало значительные льготы и привилегии при условии, что они согласятся стать рабами, что, естественно, исключало всякую оплату. Как и в случае с финансами, эти меры государства только усугубили ту проблему, с которой правительство боролось.

* * *

Сельскохозяйственная продукция в основном состояла из «пяти зерен» (*у гу*), которые можно объединить в три основные группы зерновых: пшеница, просо и бобовые. К ним необходимо добавить рис, по крайней мере для Южного Китая, кроме того, он был известен в районе современной провинции Ганьсу с древнейших времен. Эти «пять зерен» были основным стержнем всей экономики государства.

Известные или, по крайней мере, используемые документы слишком отрывочны, они не позволяют полностью понять тот механизм обращения зерна, который существовал в этот период. Нам известно о существовании системы зернохранилищ, которая действовала всегда, какими бы ни были цели и убеждения находящихся у власти людей.

В 200 г. до н. э. в Чанъяни было построен гигантский хлебный амбар (*тай-цан*), предназначенный для хранения запасов зерна на случай голода. Кроме того, его задачей было сохранение стабильности цен на зерно, в урожайные годы излишки скупались, а в неурожайные годы — напротив, выбрасывались на рынок. Это позволяло сохранить равновесие рынка. Зерновые склады строились и в провинциях. По примеру Янь Ши-гу (581—645) существовали и своего рода общественные хранилища (*цан* или *лин*), где помещалось уже упакованное зерно, предназначенное для оплаты чиновников префектур и правительства. Кроме того, эти запасы использовались для помощи в случае бедствий или несчастных случаев, когда не было другого зерна. Были еще открытые хранилища (*юй*), где складывалось зерно, предназначенное к транспортировке к месту назначения водным путем.

* * *

Ситуация с землей, как, впрочем, и с людьми, на протяжении всего периода Хань оставалась неопределенной, оба этих вопроса неизбежно оказывались связаны между собой. Конфуцианцы время от времени сетовали на то, что произошел отход от системы колодезных полей (*цзин тянь*), повторяя, что во времена существования этой системы семьи жили на земле, которая, как и часть их доходов, принадлежала государству. Однако до 48 г. до н. э. ничего не менялось, но в этом году разрушительные наводнения опустошили страну. Начался голод, и конфуцианцы решили, что именно в этот момент нужно провести глубокие реформы, а не пытаться просто поддержать равновесие в обществе. Возможно, именно эти реформы спровоцировали, хотя определить точные причины и невозможно, смену нескольких периодов, то благоприятных, то очень тяжелых. Они чередовались вплоть до самого мятежа Ван Мана (родился в 33 до н. э., умер в 27 н. э.), который в 9 г. до н. э. попытался основать новую династию. Он едва не добился успеха без боя.

Политическая и социальная программа Ван Мана предполагала возврат к уже известной системе равных полей и упразднение частной собственности на земельные хозяйства. В то же время он восстановил все имперские монополии, которые когда-то установил император У и которые были подорваны после столетия экономического непостоянства. Казалось, что это восстание проходило согласно воле Неба и тому, что следование морали должно было, наконец, принести материальные выгоды.

Однако цены поднялись, а качество товара ухудшилось. Тяжелые налоги, которые должны были платить ремесленники, снижение государством жалованья чиновников в трудные годы, выпуск новой монеты, несмотря на благие намерения, которыми были вызваны эти меры, — все это стало причиной глобального хаоса. Просвещенные люди, служившие чиновниками, которые когда-то поддерживали Ван Мана, потеряли к нему всякое доверие и покинули его. Дело дошло до путаницы в такой степени, что «любое движение рукой сразу нарушало несколько запретов... У богатых не было никакой возможности защититься, а бедные вообще не могли найти средств к существованию. Они восставали и становились ворами и бандитами, наводняя холмы и болота. И власти, неспособные схватить их, напротив, стремились скрыть их существование, делая это настолько хорошо, что их количество увеличивалось день ото дня. По всей стране свирепствовали голод и эпидемии, они уничтожили такое количество людей, что, когда Ван Ман был окончательно побежден, половина населения империи погибла».

В 17 г. н. э. банда «краснобровых» (*цзи мэи*), названная так из-за краски, которую они использовали, пересекла долину Шаньдуна. Банду возглавляла женщина, которую считали колдуньей и называли «матушка Лю». Разливы Желтой реки только усилили всеобщую нищету. Итогом стало всеобщее восстание жителей Центральной равнины. Страной овладел страх:

Великий город весь во тьме —
его разграбили бандиты, как звери дикие.
Прощай, Чангъянь, теперь одна дорога —
Иду я к сюнну под ярмо.
В слезах родители, в отчаянье друзья.
Мой дом — среди равнины, усеянной костями.
Прощай, мой дом! Осталась в нем душа моя...

Ван Ман исчез сам, неспособный решить насущные проблемы. Начало правления Гуан У-ди (25—57) означало восстановление династии Хань — именно этого громко требовал народ. Все было восстановлено, как раньше, однако столицу перенесли в Лоян, подальше от варваров, у которых воинственные намерения Ван Мана вызывали глубокое недовольство, что делало их очень опасными. Для счастливых судьбы жизнь снова стала яркой и радостной:

Я повозку погнал, —
свою клячу кнутом подстегнул.
И поехал гулять
там, где Вань, на просторах, где Ло.

Стольный город Лоян, —
до чего он роскошен и горд.
«Шапки и пояса»
в нем не смешиваются с толпой.
<...>

Два огромных дворца
издалека друг в друга глядят
Парой башен, взнесенных
на сто или более чи¹.

Однако династия Хань, пользуясь своей властью, вновь исчерпала запасы Китая, и на протяжении 150 лет страна

1 Перевод Л. Эйлина.

испытала множество превратностей судьбы. Общественный хаос внутри страны, скопление варваров на границах, концентрация всех богатств в руках небольшой группы населения, искусно эксплуатирующей всех остальных, — все это в конце концов вызвало крестьянские восстания и мятежи.

Очень драматичным был 184 г. н. э., именно тогда сложились сразу два центра вооруженных восстаний, чьи участники, вдохновленные и объединенные идеями даосизма, выступали против официальной власти Китая. На востоке Великой Китайской равнины повстанцы объединения «Великое равенство» («Тайпин») носили повязки желтого цвета: это цвет элемента «земля», который согласно циклическим представлениям должен был сменить элемент «огонь» — символ династии Хань. Таким образом, естественный цикл сохранялся и в историческом развитии страны: Вода — Цинь Шихуанди, Огонь — династия Хань, Земля — «Великое равенство».

Несмотря на раннюю смерть своего лидера Чжан Цзяо в 184 г., «желтые повязки», как они себя называли, оставались очень опасными. Одновременно с ними в Сычуани процветала революционная секта, называвшаяся «Пять мер риса». Обширные пространства Центрального Китая были опустошены:

Я вышел на дорогу:
ни всадника, ни колесницы не видать
на этой пустынной дороге.
Я взобрался на холм:
перед взором моим раскинулись
девять провинций одиночества и отчаяния.

Власти больше не существовало. Полководцы быстро поняли ту выгоду, которую они могли извлечь из этой ситуации. В 189 г. генерал Дун Чжо разграбил столицу. По сути, мир Хань исчез. Экономическая неразбериха, колебания правительства между поддержанием собственного авторитета и либеральностью, глубокий кризис в сельском хозяйстве, восстания

крестьян на периферии, быстро создавших хорошую организацию и снабженных политической программой и системой управления, передача «Мандата Неба» посредством народного вмешательства, переустройство империи, воспринятое как восстановление несправедливо нарушенного древнего порядка, — вот краткая характеристика этого периода. На протяжении двух тысяч лет, от династии Хань до наших дней, история Китая больше, чем история любой другой страны, казалась, повторяла один и тот же цикл, в котором периоды величия сменялись драматическими периодами ослабления страны.

Жизнь Китая в первые века империи

Трансформация хрупкой экономической системы показывает, что на протяжении четырех веков правления династии Хань императоры могли сохранять равновесие между различными методами управления государством так, что ни один из них никогда не получал абсолютного превосходства. На протяжении многих лет даже казалось, что все тенденции развития философии — речь идет о легизме или конфуцианстве — отходят на второй план, когда воскресают существовавшие в самом раннем Китае космогонические верования. Их особый характер воспринимался с большим или меньшим оптимизмом, с большей или меньшей строгостью или даже вполне терпимо.

Единственным оригинальным новшеством, действительно появившимся в период Хань, была забота о создании строгой иерархии и делении на группы любого сообщества, поиск такой системы, которая не оставляла за своими границами ни одной точки зрения, ни одного элемента существования.

Именно с этой точки зрения можно объяснить политический успех конфуцианцев. Противостоя крайнему догматизму, они обладали определенным родом гибкостью, которая позволяла им заполнять эту пустоту. Либо потому, что

отчуждение собственности, предпринятое легистами, не вызвало доверия, либо потому, что феодалы потеряли все свое влияние и лишились тех обязанностей, которые они когда-то исполняли согласно традиции, конфуцианцы по праву сохраняли за собой посты, по разным причинам не занятые другими. Далекие от того, чтобы быть строителями, они проникали в систему, позаимствованную легистами из древнего учения *сюнь-цзы*, корни которого, в свою очередь, лежали в доктрине учителя Куна: если посмотреть на это со стороны, кажется, что круг замкнулся, произошло объединение положительного и отрицательного.

Распространение влияния конфуцианства

Возвращение расположения к просвещенным людям, опозоренным Цинь Шихуанди, и благоволение, которым император У вознаграждал конфуцианцев, помимо влияния на систему управления, привело к глубоким интеллектуальным и социальным последствиям.

По наущению Дун Чжун-шу, того, кто поднял скандал, связанный с рабством, император в 124 г. до н. э. учредил университет, целью которого была подготовка хороших администраторов за один год обучения. Это новшество имело блестящие результаты: к концу I в. до н. э. в нем учились около трех тысяч студентов, а в эпоху правления династии Поздняя Хань — в десять раз больше. На две тысячи лет система управления империей оказалась в руках людей, которые одновременно были воспитаны и для чистой науки, и для управления, причем последнее, теоретически, было тесно связано с первым. Личность конфуцианского философа, человека знания, «просвещенного мужа», обрела четкие очертания и определение, в то же время бесспорно поднялась над массой тех, кем управляла, над огромной массой людей, занятых сельским

хозяйством или ремеслом. Сложилась иерархия, которая не вызвала никаких споров, потому что она была основана не на силе или родовитости человека, а на его талантах. Дун Чжун-шу советовал, чтобы «знать, правители провинций и чиновники с жалованием в две тысячи мер [риса] выбирали достойных людей среди служащих и простого народа. Каждый отправлял в столицу двух человек в год, которым там представляли жилище и принимали на службу... В связи с этим все должны делать все возможное, чтобы найти достойных людей и чтобы образованные люди со всей империи могли бы получить официальные должности и оказаться в правительстве».

Невозможно было лучше выразить ни принцип равенства всех перед знанием, также нельзя было лучше определить основание для продвижения по социальной лестнице. Однако была одна немаловажная проблема: речь идет о выборе критериев, по которым должно было вестись продвижение по службе. Понадобилось еще несколько веков, для того чтобы разработать логичную систему испытаний и экзаменов, которые теоретически должны были отдавать первенство только по достоинствам. Более того, относительно внезапное появление постоянно возрастающей массы выпускников императорского университета поставило перед властью имущими очень тяжелую проблему использования этих специалистов. Подобный вопрос впервые в столь крайних формах возник именно в период правления династии Хань.

Тем не менее нельзя объяснить подобное возвышение конфуцианцев ни простым механизмом занятия властных должностей, ни даже тем, что в эти годы существовал определенный философский вакуум, который и был ими заполнен.

Из всех существовавших тогда теоретических школ самое большое влияние на императора У оказало учение одного человека. Речь идет о Дун Чжун-шу, авторе трактата «Обильная роса летописи „Чуньцю“» («Чуньцю фанлу»), в котором он высказывал свою точку зрения, объединявшую сразу несколько уже существующих теорий, на связь политических механизмов

с движением мира. Разработанная им модель опиралась на таинства и всемогущество главы государства, который воплощает Деяние, не компрометируя себя тем, что становится его исполнителем, так как особенностью лидера является умение делегировать свою власть: «Небо находится высоко, оно раздает свои благословения. Оно скрывает свое устройство, но далеко распространяет свой свет. Тот, кто становится главой над людьми, подражает пути Неба, скрываясь от мира, чтобы быть святым, и рассматривает все издалека, чтобы быть просвещенным. Он использует толпы людей, чтобы достичь успеха, но не вмешивается сам в ведение дел, чтобы его продолжали восхвалять. ...Он сидит на троне Недеяния, используя достоинства своих чиновников. Его ноги не двигаются, их ведут его министры. Его рот не произносит никаких слов, но его прислужники выражают его мнение. Его разум не постижим, но его министры делают то, что должно. Именно такой правитель идет путем Неба».

Правитель ведет народ к цели, так же как Небо даровало Путь, который питает Землю. Но только человек может привести мир к процветанию, так как он объединяет эти три элемента. Именно так пишется иероглиф *ван* (правитель) — вертикальная черта, символизирующая человека, пересекает три горизонтальные черты, символизирующие Небо, Путь и Землю.

Подобное обобщение вновь вывело на первый план и систематизировало принципы, принятые Цинь Шихуанди, а также очарование космосом, пронизывающее всю китайскую философию начиная с древних идеологов, сторонников государственного единства, вплоть до работ Цзоу Яня (около 350—270 до н. э.), труды которого с основания империи пользовались значительным уважением. Это обобщение основывалось на предположении, что существуют странные соответствия между числами и пятью элементами, слияние которых, соответствуя чередующимся и взаимодополняющим циклам *инь* и *ян*, находилось у истока всех тайн жизни.

Поиск этих тайн напоминал стремление раскрыть все секреты при помощи магии и астрологии. Значение, которое при-

давалось природным явлениям, стало настолько важным, что, например, внезапное появление на небе кометы могло привести к глубокой реформе всей системы управления. Дун Чжуншу в своем трактате так убедительно раскрыл механизм этого поведения, что подобный ход событий кажется разумным: «Создания Неба и Земли иногда сталкиваются с необычными изменениями, которые они называют чудесами. Наименее значительными из них являются зловещие предзнаменования. Эти предзнаменования всегда появляются раньше чудес, которые следуют за ними. Предзнаменования — это предостережение Неба, тогда как чудо — это угроза Неба. Сначала Небо посылает предостережения, а если люди их не понимают, тогда появляются чудеса, предназначенные Небом, чтобы напугать людей. Именно об этом написано в „Ши цзин“: „Мы трепещем перед страхом и ужасом Неба“. Происхождение этих предзнаменований и чудес — прямое следствие ошибок государства. Когда в государстве начинают проявляться первые следы этих ошибок, Небо посылает дурные предзнаменования и бедствия, чтобы предупредить людей и возвестить об этом. Если, несмотря на эти предзнаменования и предупреждения, люди еще не понимают, насколько они ошибаются, Небо посылает им чудеса, чтобы их напугать. Если и после того как начали случаться чудеса, люди еще не испугались, приходят стихийные бедствия и невзгоды. В связи с этим мы можем видеть, что воля Неба благосклонна к людям, поскольку оно никогда не устраивает для людей неожиданных ловушек и не предаст их».

Исследования даосизма

Подобный тонкий подход к понятиям трансформировался в народном сознании в достаточно простые схемы. Даже если, ссылаясь на эзотерический словарь даоистов, говорить о том, что Путь (*дао*) порождает Жизнь, а Добродетель (*дэ*) ее поддерживает, то для большей части смертных все равно

существовало только пугающее осознание того факта, что их судьба неизвестна. И люди находили утешение только в отчаянных поисках миража бессмертия. Именно эти поиски стали общим местом для всех философских школ, тем перекрестком, где сходились самые разные точки зрения на бытие человека, полагавшие, что человек может бесконечно продолжать свое материальное существование.

Правители сами подавали пример, требуя от алхимиков добывать для них лекарственные вещества, способные сохранить целостность их тела. Практически это превратилось в навязчивую идею, и западные завоевания императора У частично можно объяснить его желанием достичь чудесных регионов, описанных в древних мифах. Действительно, например, в некоторых из них есть описание Владычицы Запада (Си Ванму), которая жила посреди райского двора. Появилось даже обыкновение называть «небесным» все то, что пришло со стороны заката, например знаменитые лошади из Ферганы — сокровище, которое полностью изменило всю китайскую военную стратегию.

Между тем параллельно развивалось очень мощное спиритуалистическое течение. Оно постоянно нашептывало людям о несовместимости человеческих возможностей и бессмертия. Поэтому это направление рассматривало возможность обретения вечной жизни в другой форме. Например, даже такой могущественный человек, как император У, на протяжении жизни пытался стать *сянь*, волшебным существом, способным подняться на Небо, в края легендарного Желтого императора.

* * *

Через некоторое время после смерти императора У в китайской литературе появился посвященный ему исторический роман, несколько веков остававшийся знаменитым, — «Неофициальное жизнеописание ханьского У-ди» («Хань У-ди нэй

чжуань»). В этом романе императору, как и в жизни, не удается достигнуть своей цели. Мечта о бессмертии всегда отступает к воображаемым границам, лежащим в реальности вне времени и повседневности:

«Причина, по которой мир не верит в то, что бессмертия невозможно достигнуть исследованиями, и не допускает, что жизнь можно продлить, именно в том, что Цинь Шихуанди и Хань У-ди искали его, но не смогли достигнуть, а Ли Шаоцзюнь и Луань Да безрезультатно применяли свои методы... То, что поиски этих двух правителей и двух подданных были тщетными, было вызвано либо тем, что, начав с усердием, они со временем охладели к своей цели, либо тем, что они не встретили просвещенного учителя. Но как могло быть достаточно этого факта для того, чтобы утверждать, что в мире вообще нет бессмертных людей? Для того чтобы найти секрет Долголетия и использовать высшее Дао, самым важным является решимость, а отнюдь не богатство или знатность. Если человек не является таким, каким нужно, высокое положение или удачливость становятся всего лишь дополнительными помехами. Почему? Потому что аскеза бессмертия заключается в том, чтобы стремиться к душевному покою и безразличию рассудка и добиваться этого... Но как правитель может закрыть глаза и заткнуть уши, контролировать свои внутренние органы и вести счет своим вздохам, воздерживаться от пищи и оставаться чистым на протяжении долгого времени, поддерживать самостоятельно огонь под алхимическим котлом, рано вставать и поздно ложиться? ...Правила достижения бессмертия — это потребность в спокойствии и недеянии, отказ от самого понятия о материальном теле, тогда как правитель звонит в огромные колокола и бьет в барабан Грома. Бум-бум! Бом-бом! Это ужасает его душу и приводит к заблуждениям его сердце...»

В то же время глубокое чувство единства человеческих интересов добавляло сентиментальности этой неустанной погоне за бессмертием. Каждый надеялся, что ему удастся перейти

в царство бессмертных со своей семьей, друзьями и материальными ценностями, чтобы и там пользоваться радостями того мира, где время уже не имеет никакого значения.

В распространении подобного милосердия социологи видят доказательство нового усиления семейных связей, ослаблению которых на время способствовало уничтожение порядков древнего феодального общества. Возможно, именно это позволило различить в этом явлении глубокую взаимную человеческую симпатию, уравновешивающую доверие к эпохе, когда науки и техника, как и в современные нам годы развития индустрии, казалось, вели человечество к бесконечному прогрессу.

Повседневная жизнь

Если подъем материальной культуры Китая периода первых правителей мог быть вызван заимствованиями достижений средиземноморского мира, то новая империя, в свою очередь, поднялась на такой высокий и качественно новый уровень техники, что практически в течение тысячи лет поток заимствований тек в противоположную сторону. Всем известно, какие восточные чудеса нашли крестоносцы у арабских посредников.

Изобретение водяной мельницы с горизонтальным колесом и широкое распространение подгрудного ремня для лошади облегчали выполнение тяжелых задач по обработке и транспортировке товаров. Новые предметы в первую очередь изменяли окружающую действительность. Началась обработка стекла, которое стало прекрасным заменителем нефрита. Совершенствование процесса ткачества привело к созданию более удобной одежды и убранства помещений. Начиная с эпохи Борющихся Царств хозяйном новой техники стала провинция Сычуань. Императорские мастерские создавали самые разные и сложные рисунки, такие как облака, вытканые или

даже нарисованные на полотне. Разнообразие возможностей было столь велико, что «Трактат о церемониальных одеждах» («Юй фу чжи») точно описывал костюмы, которые с тщательностью изготавливались непохожими, чтобы чиновники могли носить их в соответствии с различными обязанностями. Производство парчи получило такое распространение, что римляне называли Китай не иначе как «страна шелка».

Изобретение бумаги, которое произошло в Китае именно в это время, привело к появлению дешевого и удобного средства передачи информации, необходимого для существования и развития централизованной администрации, существующей на столь огромной территории. Действительно, китайская цивилизация — это цивилизация письма, которая, несомненно, нашла идеальное средство для хранения накопленного знания, своих размышлений и живописи.

В период Хань любопытство мыслителей не знало границ, оно с успехом распространялось на изучение тех феноменов природы, причины которых обдумывали еще китайские философы. Так, например, астрономы с ранних времен отмечали наличие пятен на солнце. Начиная с 28 г. до н. э. они начали систематически отмечать их появление, тогда как различные инструменты, такие как армиллярная сфера, изобретенная в 124 г. н. э. Чжан Хэном¹, позволяли лучше изучить движение небесных тел. Тот же Чжан Хэн стал знаменитым, создав в 132 г. н. э. первый в мире сейсмограф. Он состоял из большого глиняного кувшина, на стенках которого держалась система баланса. В равновесии ее поддерживали два шара одинакового веса. Колебания земли, качавшие это коромысло, приводили к падению одного из двух грузов в маленькие емкости в форме жабы с разинутой пастью, расположенных у ножек

¹ Армиллярная сфера (от лат. *armilla* — браслет, кольцо) — древний астрономический инструмент, изобретение которого приписывается также вавилонянам и древним грекам. Армила применялась в качестве упрощенного небесного глобуса, наглядно представляющего движения небесных светил, а также основные точки и линии небесной сферы. Вышла из употребления в XVI в.

Сцены повседневной жизни (начало III в.).
По рисункам, найденным в могиле Цзя-юй-гуаня
в Ганьсу

этого приспособления. Таким образом, Чжан Хэн мог обнаружить землетрясение, которое произошло в Ганьсу¹.

Чтобы лучше охарактеризовать представителей китайской науки, нужно, помимо изобретательского ума, не забывать о присущем им умении вести наблюдения. Еще в IV в. до н. э. китайские натуралисты заметили, что кристаллы снега имеют форму шестиконечной звезды. Изучение этих бесконечных правильных фигур в некоторой степени способствовало развитию геометрии.

Все это накопленное знание постепенно меняло устройство повседневной жизни: ремесленники, например, ставили ноги в градуированный желоб. Это позволяло им работать с намного большей точностью.

Благодаря появившимся в этот период произведениям искусства, эпоха Хань со временем стала восприниматься как эра роскоши и процветающей торговли. Настенная живопись, гравированные камни и литые кирпичи, которые использовались в украшении почти всех могил, напоминают о повседневной жизни тех лет. Взгляд на этот кишачий людьми мир вызывает очарование. Мощные линии, отсутствие глубины изображения, дерзкое использование многочисленных воздушных перспектив, тесное наложение форм, напоминающее ассирийские барельефы, — все это, вне всякого сомнения, несет в себе какое-то символическое послание, а нам просто рассказывает о том, как протекали дни этой эпохи. Тысячи этих работ вдохновили первые простые, но полные таланта попытки создания китайской живописи.

Устройство домов богатых людей своими корнями уходит в период Чжоу: последовательно расположенные строения, колонны из лакированного красного дерева и перегородки из кирпичей, выбеленные известью, которые отделяют

¹ Считается, что первое зафиксированное землетрясение произошло на расстоянии 600 км от местонахождения сейсмокопа Чжан Хэна.

собственно двор дома от разведенных садов. Качественные постройки часто состоят, помимо нижнего этажа, еще из двух или трех этажей, которые между собой соединяются крутыми лестницами, иногда идущими по внешней стороне дома.

Построенный согласно принципам геомантии — китайского гадания по сухой пыли, дом обладал определенной ориентацией в пространстве: он был всегда обращен «благородной» стороной на запад, точнее на юго-запад, тогда как его северо-восточная, «вульгарная» часть использовалась для хранения провизии. Последний этаж чаще всего представлял собой небольшой павильон или террасу, находившуюся под самой крышей, откуда открывался прекрасный вид на весь комплекс зданий и окружающих их садов.

Украшение домов состояло из картин или скульптур, которые могли служить опорой для крыши или искусно выполненными внутренними балками. На стенах между колоннами располагались драпировки из парчи, украшенные сложными геометрическими или растительными узорами, которые были терпеливо вытканы тамбурным швом. Их роль сравнима с той, какую в европейских зданиях выполняли гобелены.

Маленькие озерца обязательно украшали сады богатых владельцев. Между деревьями или даже на воде располагались беседки, что позволяло любоваться красотами природы независимо от капризов погоды. По воде плавали барки, которые управлялись при помощи весел, или даже крупные суда-драконы с рядами кормовых весел.

Пиршества представителей высшего общества давали им повод выставить напоказ всю доступную роскошь. Взор пирующих, восседавших на подушках или низких сиденьях, услаждался жонглерами, музыкантами, шутами и эквилибристами. Участники подобных застолий должны были сохранять осанку, которая, как и их одежда, всегда точно соответствовала тому рангу, который они занимали. Кухня располагалась на нижнем этаже, и на барельефах весьма остроумно изображен занятный вид поваров и поварят.

В обычае также было, чтобы мужчины пиروвали на втором этаже, который считался благородным, тогда как женщины угощались и развлекались на третьем этаже. Предварительно разрезанные кушанья выносили в многочисленных маленьких блюдах и лакированных чашках, которые стояли на подносах или низеньких столиках, подобных тем, которые до сих пор используют в Японии. Самые крупные пиры были строго регламентированы законом. Угощение непременно включало бульон, говядину, баранину, свинину, рыбу и дичь, в качестве гарнира подавались блюда из зерна, а запивали их алкогольными напитками, приготовленными из проса. Например, «Кодекс Хань» («Хань люй») выделял для таких празднеств специальные даты, запрещая в обычные дни встречаться больше чем трем людям одновременно.

У входа в дом, фасад которого был украшен вычурными фигурами, похожими на атлантов, которые держали крышу или балки верхнего этажа, сидела огромная собака, привязанная около двустворчатой двери. Сбоку от двери был подвешен барабан, цилиндр, на который с двух сторон была натянута кожа. Молодой человек, используя палочки, ударял по нему, чтобы объявить о прибытии экипажа. Обитатели дома спешили навстречу гостю, высоко сложив руки и согнувшись в поклоне. Встреча обычного посетителя была совсем другой. Такой гость вынужден был сам объявлять о своем приходе несколькими ударами дверного молотка, перед тем как войти во двор перед главным строением.

Таким образом, эти прекрасные резиденции были действительно феерическими строениями. Заведенные для развлечения птицы, павлины или журавли, свободно летали между зданиями, добавляя к общей картине цветастую красоту своего оперения. Но самым красивым в этих сооружениях были сложные скаты многочисленных крыш. Здание состояло из наложенных друг на друга элементов, одни из которых возвышались над другими, их поддерживали колонны, опорами которых служили выступы. Постепенно их начали заменять элегантными консолями.

* * *

Во дворце императора чаще, чем в любом другом здании, проводились величественные церемонии, призванные быть праздником для глаз. С подарками со всех концов света тянулись длинные процессии: легкие двуколки, запряженные одной или несколькими резвыми лошадьми, благородные всадники на лошадях из Бактрии¹, повозки чиновников высокого ранга, которые тянули люди, пешие алебардщики, между которыми шли танцоры, жонглеры, канатоходцы. В этой же колонне вели необычных животных, например слонов или верблюдов. Шли колесницы с множеством музыкантов, играющих на духовых инструментах, раздавались звуки гонгов и колокольчиков. Музыка была важной частью ритуала и привилегией власти. Она никогда не теряла того значения, которое приобрела еще в древности.

Иногда после военных походов посреди общего веселья можно было видеть жестокие сцены: тела врагов, которые тащили на цепях, толпы бредущих пленников, которых подгоняли собаки и надсмотрщики.

В городе, как и в полях, жизнь была очень тяжела: земледелец пропахивал свою борозду, помощник доставал воду из колодцев с помощью системы противовесов, повара занимались своими печами или развешивали на свои крюки мясо и рыбу, пойманную в близлежащих прудах и речках, берега которых были густо заселены рябчиками.

Если судить по частоте подобных представлений, то охота, как и в прошлом, служила одним из способов развлечения зажиточных слоев Китая. Дичи было очень много, особенно в южной стране Чу или в болотах, которые окружали подножья холмов. Сыма Сянжу (179?—117 до н. э.) не перестает воспевать радость и пышность этих занятий.

¹ Лошади из Бактрии — парфянские кони, предки знаменитой современной ахалтекинской породы.

Смерть

Когда приходила смерть, в подземном мире покойника должна была окружать та же роскошь, что и при жизни. На протяжении эпохи Борющихся Царств, гегемоны следовали обычаю самим строить собственные могилы еще при жизни. Эти могилы возводились из кирпича, покоившегося на деревянном фундаменте, почти по такому же плану, который в эпоху Хань был уже окончательно определен соответствующим ритуалом. «История поздней Хань» («Хоу Хань шу») описывает последовательность фаз строительства этих сооружений.

Погребальная комната — подземный дом из кирпичей, откуда в четырех направлениях отходили галереи, ведущие к выходу. По всей длине этих коридоров располагались запасы продовольствия. Сегодня эти находки дают очень точную информацию об образе жизни тех времен. Завершающий этап подготовки захоронения состоял в том, чтобы покрыть могилу круглым или квадратным курганом, насыпанным из смеси земли, песка, камней и растений. Толстая ограда, в которой были двери на все четыре стороны света, завершала эту сложную конструкцию. На верхушке этого кургана, как и перед каждым входом, находился алтарь или молельня, что позволяло проводить там необходимые церемонии.

«Дорогу душ» (*шэнь дао*), которая, согласно очень древней традиции, вела от одного из алтарей к главному входу в могилу, в правление династии Хань начали облицовывать плитами. Начинаясь эта дорога с каменной двери, которая вела в трехэтажную башню. Вдоль всего пути стояли каменные скульптуры, изображающие людей и животных, неподвижно сопровождающих покойника в вечность. Здесь же располагалась стела, на которой были высечены положительные высказывания о личности и качествах усопшего. На другой стороне этой башни находилась вторая дверь, которая обозначала собственно границы погребения: когда речь шла об

императорской гробнице, чиновники могли, согласно их рангу, быть похоронены как вне этой священной комнаты, так и внутри нее.

Великолепие этих могил и тщательность, с которой историки описывают их, позволяют нам понять одно из важных философских понятий Древнего Китая, которая и вдохновила создание подобных строений: смерть воспринималась не иначе как продолжение жизни в другой, отрицательной, форме.

Китайцы постоянно продолжали искать способ сохранения тела. В этом стремлении они напоминают египтян, которые, впрочем, нашли благодаря этому свой путь к монотеизму, так как понятие бессмертия со временем одухотворило их верования. Благодаря этой заботе о сохранении тела в результате недавних раскопок был обнаружен, без сомнения, самый яркий пример погребения, который можно было бы себе представить. Практически случайно в 1968 г. в уезде Маньчэн провинции Хубэй были найдены могилы одного из братьев императора У (141—87 до н. э.) и его супруги. Оба тела покоились в огромных подземных строениях, окруженные тысячами разных драгоценных предметов. Здесь были и курильницы для благовоний в форме гор, по которым бродят звери, символы блаженного Острова Бессмертных, рая даоистов. Еще в этих подземных гробницах были найдены лампы с двигающейся шторкой, которая позволяла регулировать уровень света. Лампы сосредоточенно держали в руках слуги из бронзы, покрытой золотом. Там же были найдены бронзовые вазы, инкрустированные золотом и серебром, в них лежали продукты, мерки, печати, принадлежности для каллиграфии и живописи. Одна из важнейших находок располагалась в глубине саркофага, находившегося в погребальной комнатке. Это было странное покрывало из нефрита, собранное примерно из двух тысяч кусочков, которые были соединены между собой золотыми нитями. Каждое покрывало грубо повторяло очертания тела покойного, облекая его в своеобразный панцирь, который, как полагали, должен был помешать разложению тела. На

самом деле под этим саркофагом остался только прах и сломанные таблички, разбросанные по гробу из лакированного красного дерева, украшенного нефритом и бирюзой.

Впрочем, династийные историки упоминают о подобных защитных одеяниях, однако их остатки, которые можно было бы датировать эпохой Западная Хань, были в последней четверти XX в.

«После смерти императора его тело обычно помещают в нефритовые (*юй-ся*) доспехи (*цай-цзя*), скрепленные золотыми нитями». Далее в тексте описываются такие же доспехи, но скрепленные серебряными или бронзовыми нитями, в зависимости от положения покойного в государственной иерархии.

На протяжении долгого времени китайцы приписывали нефриту свойства защищать тело от разложения. В результате широко было распространено его использование для закупорки отверстий на теле после того, как последнее дыхание жизни уже отлетело: рыбки закрывали глаза, цикада — рот. В подобном погребении можно было обнаружить целый bestiary, характерный для Древнего Китая. В более поздний период на полотно, которое покрывало лицо умершего, нашивали таблички и покрывали их орнаментом. Все вместе это напоминало своеобразную посмертную маску. Археологам удалось восстановить одну из них, благодаря открытиям, сделанным в Чжунчжоулу, в знаменитом Лояне.

Систематические раскопки в конце XX в. наконец позволили определить существование несомненной связи между манерой изготовления кожаных доспехов для воинов и описанных нами нефритовых панцирей. Создание этих панцирей имело исключительно магическую цель, причем особое значение имели и их цвет морской волны, и очертания их грубых форм. Однако сегодня они поражают наше воображение, показывая пышность, чаяния и тщеславие минувшей эпохи, которую можно назвать первым китайским классическим периодом.

Глава четвертая

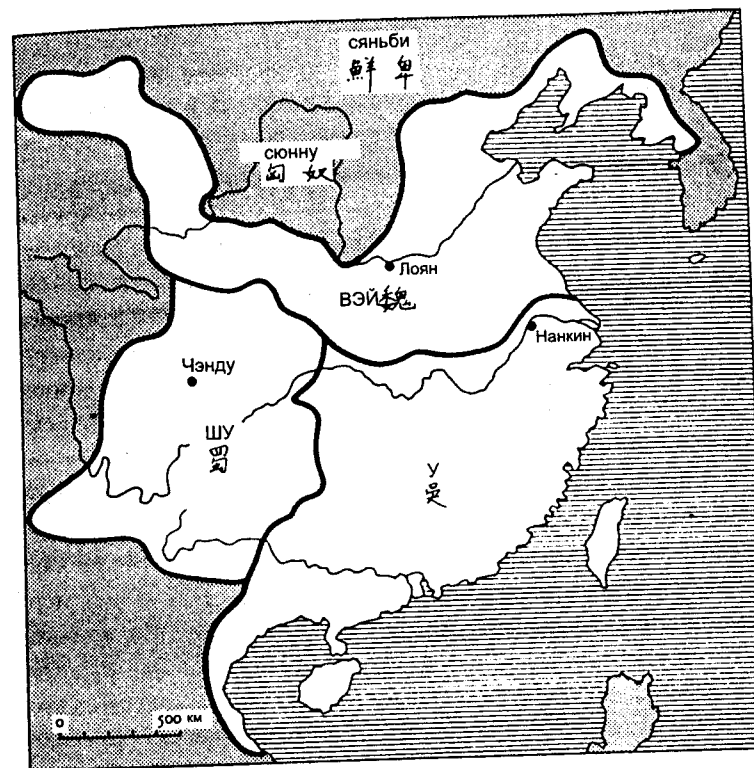
РАСПАД ИМПЕРИИ И ВОЗВЫШЕНИЕ ЮГА

Падение династии Хань в результате всеобщего восстания, спровоцированного «желтыми повязками», было не просто поражением династии, а нарушением сложившегося равновесия, концом цивилизации подобного типа. Империя делалась на несколько крупных экономических регионов, слабо связанных между собой. Население каждой такой области любило ее как свою родину, отдавая ей предпочтение перед абстрактной империей. Впрочем, идеология единства государства продолжала существовать, и каждый из лидеров пытался использовать ее в своих целях. Это был золотой век для авантюристов и генералов, крупных земельных собственников, превратившихся в региональных владык, которые по очереди пытались вдохнуть жизнь в старую идею единой империи, естественно, мечтая править ею единолично.

От периода Троецарствия к периоду Шести Династий

Шу

Только один из претендентов на власть мог обладать некоторыми законными правами на нее. Его звали Лю Бэй, он был потомком Лю Шэна, который, в свою очередь, был пра-

Троецарствие (около 220 н. э.)

правнуком императора Цзинди из династии Хань, а при императоре У получил в управление одну из областей. Обвиненный в таком серьезном преступлении, как похищение серебра, предназначенного для жертвоприношения духам, он был изгнан из двора и исчез на дорогах ссылки. В провинции Сычуань был обнаружен его потомок, молодой сирота. В народном сознании огромной популярностью пользовалась трогательная история последнего потомка великой династии Хань, который вынужден был плести циновки и соломенные сандалии, чтобы хоть как-то прокормить себя и свою старую мать.

Когда вспыхнуло восстание «желтых повязок» (184 н. э.), Лю Бэй увидел в этом знак Неба и потребовал у местных чиновников оружие, чтобы биться с мятежниками и восстановить династию своих предков. Он действовал в сопровождении двух друзей, Чжан Фэя (умер в 220 н. э.) и Гуань Юя (162—219), позднее прославленного как божество войны. Священная дружба трех соратников стала легендой: описанные в благородных тонах увлекательной «Историй Трех Царств» («Саньго-чжи»), которая была составлена в XIV в., эти три друга символизируют в народной и литературной традиции храбрую самоотверженность и праведный гнев чистых сердец в тот момент, когда люди, небо и земля больше не связаны между собой стержнем императорской власти.

Впрочем, Лю Бэй никогда не был настолько могущественным, чтобы бороться с «желтыми повязками» в самом сердце их восстания — на Великой Китайской равнине, также как у него не хватало сил в одиночку разгромить секту «Пять мер риса» в провинции Сычуань. Их удалось победить только благодаря знаменитому военачальнику Цао Цао. Тем не менее в 221 г. Лю Бэйу удалось основать государство, ссылаясь на то, что он обладает «Мандатом Неба», перешедшим к нему от предков.

Историки называли это государство, столицей которого был город Чэнду, царство Шу-Хань (221—263), для того чтобы подчеркнуть императорское происхождение его первого правителя. Правление Лю Бэя было мудрым и результативным. Одним из его верноподданных советников был прославленный полководец Чжугэ Лян (181—234), который после смерти своего государя сам управлял царством Шу. Вне всякого сомнения, он был одним из самых выдающихся военных и политических гениев своего времени. Его изобретательность быстро стала настолько легендарной, что сразу после его смерти появился слух о том, что именно он придумал ручные тачки — «деревянных быков», несмотря на то что и раньше существовали барельефы с их изображением, которые датируются I в. н. э.

Государство Шу было централизованным и обладало хорошей военной организацией. Оно основывалось на принципах легизма в соответствии с имперскими традициями. Там преобладало клановое сознание: на все ключевые административные посты были назначены люди из Центрального Китая — региона, из которого вышла династия Хань. Автохтонное население в структуре государственного управления занимало только низшие посты. Такое положение дел является хорошим примером, характерным для III в. Ситуация развивалась таким образом, словно обширные регионы, судьбы которых оказались в руках у великих авантюристов, представляли собой всего лишь налоговые округа. С исключительно эгоистичными целями они были избраны людьми, пришедшими из других мест, которые искусно использовали местные особенности для того, чтобы реализовывать свои собственные планы.

У

Если провинция Сычуань стала последним оплотом могущества династии Хань, то среднее и нижнее течение Янцзыцзян, благодаря своему географическому положению, в свою очередь, стало территорией другого объединения, отделившегося от остального Китая. Резкий и сложный рельеф этих территорий еще с древних времен сделал их естественным убежищем для людей, оказавшихся вне закона, и очень сильно способствовал постоянному стремлению этих земель к автономии. Это была страна с очень плодородными почвами, где процветали крупные земельные владения, отчасти напоминающие огромные колониальные плантации. Рядом с китайцами в горах проживали местные племена, постоянно готовые взяться за оружие. Из представителей этого коренного населения в случае необходимости получались очень грозные солдаты, которые становились эффективной защитой от нежелательных гостей. В конце концов цивилизация Юга была

равна или даже превосходила цивилизацию Великой Китайской равнины во множестве аспектов. Из двух регионов один, *mutatis mutandis*¹, напоминал аттическую мягкость, а другой — римскую суровость. Исходя из этих условий полководец Сунь Цюань (185—252) смог основать царство, которое называлось У.

Его столицей сначала был город Учан, однако позднее правитель и его двор предпочли отступить на восток, туда, где сегодня находится город Нанкин. Это место было намного проще защищать, потому что оно было окружено болотами, другим его преимуществом была удаленность от основных полей сражения.

Вэй

Следуя тому же ходу событий, северные провинции империи перешли в руки вспылчивого военачальника Цао Цао, который обессмертил свое имя как в литературе благодаря своему поэтическому дару, так и в истории — благодаря военной смекалке и способностям к управлению государством.

Цао Цао (155—220) был приемным внуком «мандарина, рядового слуги императора», т. е. главного евнуха из внутренней службы дворца. В 135 г. евнухам разрешили брать приемных сыновей, чтобы было кому чтить их память после смерти. Так что Цао Цао не имел никакого отношения к аристократии последних лет правления династии Хань. Его законное родство с евнухом только вредило ему, так как самые знатные фамилии двора, раздраженные непомерной властью, которой обладали эти чиновники низкого происхождения, восстали в 189 г. и убили больше двух тысяч евнухов. Таким образом, только благодаря своей удаче и таланту в 196 г. Цао Цао стал могущественной правой рукой Сяньди, последнего императора дина-

¹ Изменив то, что следует изменить, внося необходимые изменения (*лат.*).

стии Хань, от имени которого приемный внук евнуха и пользовался абсолютной властью. Он сам никогда так и не совершил последнего шага к власти, довольствуясь до самой смерти условным сохранением династии. В связи с этим он возложил заботу о создании в северной колыбели китайской цивилизации государства, названного Вэй, на своего сына Цао Пэя (187—225), известного утонченного поэта.

Цао Пэй, просвещенный император, ставший основателем новой династии под именем Вэньди, правил в спокойной стране, которую эффективное управление его отца снова сделало плодородной.

Всегда с оружием в руках (например, в 215 г. он разбил восставших в Сычуани), в конце концов Цао Цао подчинил своему суровому, но эффективному режиму, скопированному с устройства армии, весь китайский Север. Он, как и многие его предшественники, начиная с правления Цинь Шихуанди, опирался в управлении на принципы легизма, строгость которых соответствовала важности момента.

Банды мятежников, «бродячие семьи» (*лю ли цзя*), перемещались по стране из одной области в другую. Они искали, где можно поселиться в качестве «клиентов» (*инь жэнь*) — существовала такая форма зависимости, чтобы вернуться к тому образу жизни, который был для них привычен во времена мира. Существовала большая опасность, что благодаря этому могущество земельных собственников, ставших ими по праву или де-факто, усилится до неподобающих размеров, что приведет, как это было когда-то, к расколу на множество соперничающих княжеств.

Впрочем, у находчивого Цао Цао появилась идея, как направить на службу государству огромную массу переселенцев. Он рассчитывал наберечь в колониях солдат-земледельцев (*тунь тянь*), как это практиковалось с самого основания империи, для того чтобы защитить, заселить и обеспечить приграничные районы. Оригинальность идеи Цао Цао была в том, чтобы насадить эту древнюю систему в самом сердце Китая,

на Великой Китайской равнине, и распространить ее, таким образом, на все царство, не ограничиваясь пограничными областями.

В итоге государство создало систему военного управления всеми общинами переселенных крестьян, которым оно поставило земледельческие орудия труда и тягловый скот. В обмен на это колонисты должны были вносить поземельную ренту (*цзоу*), которая была намного тяжелее налога, возложенного на обычных земледельцев. Зато, впрочем, они были освобождены от выполнения общественных повинностей и обработки государственной земли, обязательных для остальных крестьян. Кроме того, колонисты не подчинялись обычной администрации.

Из-за сокращения территории, контролируемой государством, земледелие постепенно восстановилось только благодаря жесткой дисциплине. Так начался столь необходимый подъем разоренной страны.

Однако материальная нищета была не единственной трудностью, с которой пришлось столкнуться Цао Цао. Как всегда в периоды ослабления империи границам страны снова стали угрожать кочевники. Цао Цао и здесь остался верен своим методам управления: он считал необходимым создавать систему непосредственного подчинения людей себе. Это, по его мнению, позволяло лучше держать их под контролем. В связи с этим он стремился к массовой вербовке кочевников в ряды императорской армии. Кроме того, это средство позволяло ему объединить под своей властью преданные племена. Именно на их основе Цао Цао и рассчитывал воссоздать структуру государства. В этих целях он создал кланы людей войны (*шицзя*), для которых самым важным было «благородство меча». Если бы режим, созданный Цао Цао, существовал дольше, то конфуцианская социальная иерархия, которая отказывала в престиже военному сословию, несомненно, изменилась бы. И возможно, это могло бы привести к появлению в Китае феодального общества, по своему типу близкого к Японии.

Временные трудности в стране привели к тому, что контроль над всеми сферами жизни оказался сосредоточен в одних жестких руках. Чтобы бороться с падением нравов и беспорядками, которые всегда сопровождают смену династии, Цао Цао создал очень строгую систему уголовных наказаний, которая базировалась на устройстве самого общества и положении человека в нем. Чтобы добиться этого, он приказал составить единый свод всех постановлений, порождавшихся практикой на протяжении всего периода правления династии Хань. Так появились «Новые уставы» («Синь люй») царства Вэй, некоторые их статьи позднее были позаимствованы сводом законов династии Тан.

Чтобы продолжить восстановление государства, Цао Цао требовались новые люди, а значит, нужно было вернуть центральному правительству свободу в выборе чиновников. В правление династии Хань эта обязанность лежала на местных судьях, однако новая реформа лишила их прежних функций, чтобы уничтожить сложившуюся систему рекомендаций и связей. И в этой сфере Цао Цао не ввел абсолютно никаких новых принципов. Он лично исправил всю структуру назначений, введя систему «деяти категорий» (*цзю пинь*), созданную Чэнь Куанем, ученым из царства У, который был на службе у династии Хань.

Главный принцип состоял в том, чтобы назначать на все более или менее важные посты начинающих чиновников. Для этого была разработана особая классификация, существовали и специальные должности для выполнения этой задачи: отборщики кадров, называвшиеся *чжунчжэн* и *сянпинь*, задачей которых была оценка знаний кандидатов. Характерология как решающий фактор в судьбе человека была широко распространена еще в период Хань, особенно в III в. В общих чертах она сводилась к следующему: правильное развитие государства и сохранение справедливого социального порядка зависят от того, занимает ли каждый человек в обществе то место, которое ему подходит по его личным качествам и способностям.

Целью Цао Цао было не уничтожить имперскую политическую и идеологическую преемственность, а заменить самый слабый элемент в механизме — людей.

Одновременно Цао Цао пытался решить важную проблему, такую же древнюю, как и сама империя: создать инфраструктуру, пригодную для армии и торговцев, — своеобразную военную и экономическую ирригацию государства. В 204 г. он построил обширную систему навигации, что позволило привезти в разоренную провинцию Хэнань урожай из плодородной провинции Шаньдун. Вдохновленные этим успехом, в следующие годы лодочники смогли довести свои суда даже до провинции Шаньси: в итоге благодаря хорошему снабжению войскам царства Вэй удалось в 207 г. одержать блистательную победу на севере над варварами *ухуань*, племенной группой, покоренной сюнну. Немногим позже районы Шаньси, в свою очередь, были открыты для навигации. Теперь огромное количества зерна, собранного в качестве налога, могло быть доставлено в столицу, где его распределяли среди бесчисленных чиновников и солдат, вознаграждая за службу.

Однако в 249 г. могущественный военачальник Сыма И (умер в 251) нанес удар по роду Цао. Захватив власть в государстве Вэй, он обеспечил приход к власти своего рода Сыма. Именно правителям из этого рода приписывается выполнение важнейших работ по организации системы снабжения. Избегая вмешательств в бесконечные битвы, в частности опасаясь талантов Чжугэ Ляна, Сыма И изобрел свой путь к экономическому успеху, к победе, которая позволяла насмехаться над противником.

Он повелел прорыть каналы и водохранилища, изменить течение рек вдоль границ враждебных соседей. В результате ему удалось резко увеличить могущество государства Вэй. Затем Сыма И постарался утвердить свое превосходство де-факто. Он быстро вступил в союз с царством У, которое одарил продукцией сельского хозяйства и другими ресурсами. Он постоянно подчеркивал неизбежную слабость царства Шу,

затерянного в горах, вдали от дорог процветания. Позднее, усилив свои позиции в Корее (238 и 246), Сыма И направил свои войска против царства У, притворный союз с которым был всего лишь тактической уловкой.

Экономический прогресс и военный успех больше чем когда-либо были связаны между собой. Противники, концентрируя у границ свои армии, ставили перед ними две важные задачи — защитить территорию и собрать урожай, для того чтобы прокормить себя. Кроме того, на солдат возлагались обязанности ремонтировать и расширять судоходные пути, чтобы обеспечивать быструю транспортировку подкреплений из тыловых районов. С 241 г. в долине реки Хуайхэ в царстве Вэй началось проведение важнейших работ, целью которых было превращение этой территории в течение нескольких лет в самый лучший регион Китая по системе ирригации. Без сомнения, такая политика была эффективной, и, несмотря на провал наступления на царство У в 252 г., войскам царства Вэй в 263 г. удалось окончательно разгромить царство Шу. Двумя годами позже, в 265 г., Сыма Янь основал новую династию Цзинь, столицей которой, согласно традиции, стал город Лоян. Новой династии понадобилось еще пятнадцать лет, чтобы захватить Нанкин, и в 280 г. царство У наконец было захвачено. Казалось, что возродилась старая империя.

Писатели и рассказчики постоянно черпали сюжеты для своих произведений в истории этой беспокойной эпохи. Это и отзвуки героических сражений, таких как, например, знаменитая «битва у красных скал» на реке Янцзы: говорят, что Чжугэ Ляну с помощью магии удалось вызвать посреди зимы летний ветер, что привело к поражению могущественной армии Цао Цао.

Что же касается Цао Цао, то народная традиция сохранила образ легендарной, неоднозначной личности властителя,

который, если верить официальной версии «Истории Троецарствия», «с самого раннего возраста проявлял глубокое коварство своей натуры». Кроме того, в литературе он считается очень оригинальным и хорошим поэтом — неожиданный образ для авантюриста, который стремился возродить на севере Китая дисциплину и экономическое процветание:

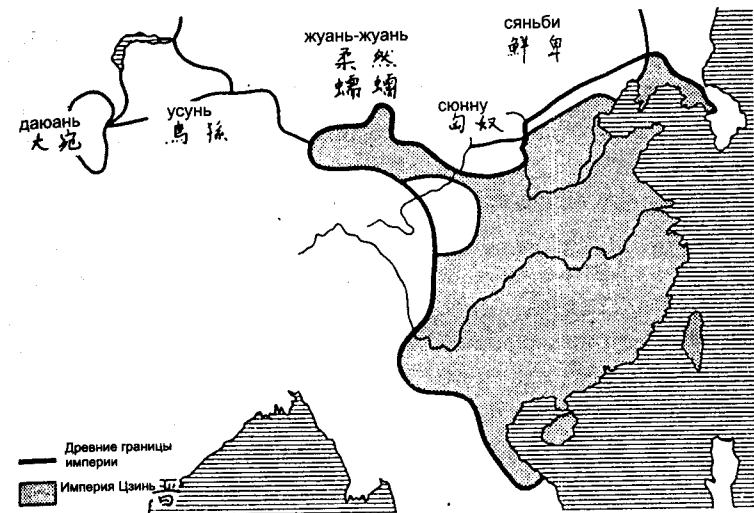
За чашей вина нам хочется петь и смеяться,
Не думать о том, что мало живет человек,
Что, словно роса в лучах восходящего солнца,
Пройдет наша жизнь, растает недолгий наш век.
Веселье души в согласье живет с вдохновеньем,
А с думой лихой забота живет заодно¹.

Тем не менее этот период был не только источником различных историй, вошедших в романы, которые, безусловно, показывали лучшие и худшие стороны человеческой сущности. Эти трудные годы были решающим моментом в развитии Китая. Распад империи на три части вновь поднял вопрос о проблеме центральной власти. Для уменьшившейся по сравнению с империей территории, которая все же оставалась достаточно большой относительно масштабов европейской географии, больше подходила администрация, хорошо приспособленная к местным условиям. Тем не менее идея о глубинном единстве китайских государств не исчезла совсем.

* * *

Снабжение армии и народа стало для каждого из трех царств серьезной проблемой. Правители государств У и Шу, как и Цао Цао, правда на другом уровне, использовали для решения этой задачи создание в приказном порядке военизированных колоний. Действительное же улучшение условий

¹ Перевод В. Панасюка, обработка И. Миримского.

Воссоединение империи в правление
династии Цзинь

жизни всегда требовало изменения течения рек. Неизвестно, какой из двух факторов, экономический или военный, был решающим для осуществления этих работ.

Каждое правительство успешно стремилось объединить существующие экономические базы — единственный источник могущества. Впрочем, эти идеи не были новыми, они восходили еще к эпохе Борющихся Царств. Однако объемы использованных ресурсов, грандиозные усилия по планированию, законы, вызывавшие изменения в психологии населения, — все эти меры, целью которых являлось достижение процветания своего государства в ущерб соседу, вызвали глубокие изменения в обществе. Казалось, что эфемерная империя Цзинь (265—317), объединившая все три царства, извлечет из этого пользу.

Однако это была пиррова победа. Китай, расположенный между двумя реками, казалось, сумевший достигнуть,

благодаря военной экономике, процветания, оказался разорен. Современники осознавали, что страна несет большие потери, так, по оценкам конца III в., за несколько десятилетий Китай потерял девять десятых населения. В «Истории Сун», «мятежной» династии, которая правила на юге с 420 по 479 гг., сохранился отрывок, посвященный этому периоду: «В эпоху Трех Царств регион, расположенный между Янцзыцзян и рекой Хуайхэ, был полем битвы... сотни и сотни деревень полностью опустели... Только после того, как царство У было завоевано, люди начали возвращаться в свои дома».

Но в то время как юг начал постепенно выходить из бедственного положения, на севере в 311 г. сюнну захватили Лоян, а в 316 г. — Чанъян. Китайский Север был не готов обороняться и погрузился в пучину политического упадка. Войны были очень длинными. Клань, добившиеся могущества, стремились упразднить мудрые законы, принятые Цао Цао, чтобы обеспечить свободу и стабильность своего государства. Делая это, они сами шли к пропасти, в которую в итоге рухнул Китай. Мятеж восьми князей из императорской фамилии (291—305), каждый из которых стремился добиться независимости, был следствием тех исключительных свобод, так неосмотрительно предоставленных как 27 родственникам императора Цзинь, так и множеству других семей. Этим представителям знати, которые были наделены земельными вотчинами, было позволено назначать своих собственных чиновников, поднимать налоги и даже содержать собственные армии. Результатом этого стал распад единой власти, дробление страны лишило столицу и ее административные механизмы их значения.

Однако, помимо войн, которые унесли множество человеческих жизней, одновременно делая бесполезной любую деятельность, в этот период произошли и глубинные изменения в исторической географии Китая: это был резкий подъем Юга, экономическая мощь которого, а не только его культурные особенности вскоре стали уравновешивать развитие Севера,

исторического и политического центра империи. Именно в это время, предшествовавшее нападению варваров, стало особенно важным, чтобы Юг сохранил в своей национальной традиции то, что могло уцелеть.

Китаизированные варвары и китайцы в изгнании

Было бы неточным видеть в захвате варварами китайских городов полное подобие похода Алариха на Рим, если бы только этот поход не стал избитым штампом. Проблема варваров в Китае стояла слишком остро как во времени, так и в пространстве, поэтому ее нельзя считать простой миграцией, как это было в Европе, хотя и в случае с Западом подобный взгляд на вещи представляется сегодня слишком упрощенным.

К тому периоду, когда распалась империя Хань, варварские племена уже на протяжении многих веков населяли пограничные с Китаем территории. В той или иной степени изменения коснулись большинства этих племен, вне сомнения, изменив привычный с древних времен образ жизни. Кроме того, в IV в. проявился и обратный феномен: группы китайского населения отправлялись в поисках удачи на территории к северу от Хуанхэ, которые были населены племенами *ухуань* и *сяньби*. Эти ханьцы потеряли свою культурную идентичность и были ассимилированы местным населением, с которым они и вернулись в Северный Китай, чтобы завоевать его. Крайнее смещение расовых типов и манера мышления северных соседей Китая позволяют понять, что владычество варваров над Северным Китаем в большей части регионов было не чем иным, как просто передачей или перемещением власти в братские руки.

Именно неспособность людей приспособиться к почвам Севера становится в некоторой степени основной причиной этих глобальных перемещений из степных районов

в плодородные равнины Центрального Китая. К началу нашей эры под влиянием очень сложных экономических и политических факторов население, не участвовавшее напрямую в расцвете самых важных культурных центров, стало постепенно переходить на кочевой образ жизни. Причем этот процесс, который был характерен одновременно и для запада, и для востока Евразии, очень сильно отличался от того, как в древности начинали кочевать примитивные общины охотников и собирателей. В более поздний период кочевничество, которое одновременно становилось лекарством при неудачах земледелия и порожденных им форм организации жизни, было серьезным шагом назад, в какой-то степени деградацией экономики.

До Нерчинского договора (1689), который так или иначе установил границу между Российской и Китайской империями, центр Азии оставался своеобразным *no man's land*, пустынной территорией, расположенной в стороне от крупных азиатских и европейских центров, которые никогда не стремились поставить этот регион надолго под свой контроль или навязать ему свой образ жизни.

Можно понять ту драму, которая постоянно разыгрывалась на границах с Китаем: кочевые племена продолжали жить, умирать и возрождаться возле империи, в тех регионах, где утвержденная ими верховная власть всегда оставалась номинальной. Кочевники постоянно перемещались в поисках новых пастбищ и хороших рынков сбыта рабочей силы, тех пленников, которых они захватывали в рабство. Это были основные источники приобретения тех богатств, на которые вожди бесчисленных племен содержали свой двор, соперничая друг с другом в роскоши. Именно это постоянное движение объясняет многочисленные повороты в отношениях между варварами и Китаем. Для того чтобы понять, чем империя была так притягательна для варваров, необходимо просто воскресить в памяти то непреодолимое влечение к пряностям и колдовству Востока людей нашего Средневековья, которые охотно

рисковали своей жизнью и даже своей душой на дорогах Леванта.

Иногда очень трудно определить расовую принадлежность тех разнообразных племен, которые населяли соседние с Китаем земли. Китайские историки в своих книгах очень часто упоминают их под именами, которые не имеют ничего общего с тем, как называли себя сами кочевники. Более того, эти термины чаще всего обозначают лингвистическую, а не политическую общность или вообще обозначают только название правящего рода.

Тем не менее если говорить упрощено, то можно сделать вывод о том, что в III—IV вв. выделились четыре этнические ветви: прототюрки, протомонголы, тунгусы и тибетцы. Именно в данный исторический период эти четыре этноса стали приобретать присущие им особенности. Однако известный с древних времен феномен смешения народов посредством браков, а также некоторые культурные расхождения с Китаем делали, с точки зрения китайцев, всех варваров без исключения неотличимыми друг от друга. Тем более что все соседи империи были более или менее связаны между собой общими обычаями или кровными узами.

Между тем самой важной проблемой было то, что появление сильных кочевых племен на богатых равнинах Китая, а также начавшийся процесс их ассимиляции не служили препятствием для вторжения других инородных групп. По мере того как варвары проникали в Китай и укоренялись на его территории, мало-помалу приспособившись к обычаям и умениям земледельцев, они в свою очередь начали сталкиваться с теми же трудностями, которые стояли перед властями империи, изгнанными из этого региона. Земли Центральной Азии, опустевшие после того, как варвары переместились на юг, стали стремительно заселяться новыми кочевниками. Они приводили с собой свои стада и выжигали земли, чтобы, используя золу как удобрение, выращивать на ней привычные культуры. Этот метод очень быстро истощал почву, поэтому

варвары и Европы и Азии постоянно ощущали нехватку земли. Вот почему снова и снова они неминуемо нарушали китайские *limes*¹, привлеченные вечным искушением богатства.

Варварские династии Севера

В V в. весь покоренный варварами Северный Китай был разделен на шестнадцать непрочных царств.

Примерно до 400 г. племена *сяньби*, а после них *жуань-жуань* стали хозяевами степи. Некоторые царства, например Раннее Лян (313—376) на западе Китая, Западное Лян, которое появилось сто лет спустя (401—421), или Северное Янь, расположенное на северо-востоке Китая (409—436), были основаны простыми китайскими мятежниками. В этих случаях перед людьми, которые объявляли себя правителями, стояла проблема легитимности власти, а отнюдь не расовые вопросы.

Остальные тринадцать царств, как об этом сообщают китайские историки, возникли иначе. Они были основаны одновременно или последовательно «пятью варварскими племенами» (*у ху*). В то время как племя *цзун* правило районами Сычуаня (династия Чэн, 302—347), прототюркские племена (Раннее Чжао, 304—329 и Позднее Чжао, 330—351) разделили Северный Китай, где также проживали разрозненные группы тюрко-монголов. Внезапно появившийся тибетец Фу Хун добился объединения китайского Севера и Сычуани, став первым правителем династии Раннее Цинь (351—394). Однако попытка этого царства сломить сопротивление Юга, предпринятая в 383 г., осталась безуспешной. Вскоре после этого тибетское влияние постепенно ослабло, сохранившись только в маленьких царствах, таких как Позднее Цинь (384—417) и Позднее Лян (386—403), расположенных соответственно

¹ *Limes* — межа, граница (*лат.*).

в Центральном и Западном Китае. Повсюду племена протомонголов основывали зависимые от них династии: Раннее Янь (337—370), Западное Цинь (385—431), Позднее Янь (385—409), Южное Лян (397—414) и Южное Янь (398—410). К этому следует добавить два прототюркских царства: Северное Лян (397—439) и Ся (407—431).

Этот длинный и скучный список свидетельствует об основной заботе, которая неотступно преследовала этих властных выскочек: объединить существовавшие до них кадры, насколько это нужно для обеспечения могущества правителя; магически воспринять космогоническую власть оседлых правителей. Вот почему новые пришельцы, провозглашая начало новой династии, принимали названия, которые использовали правящие фамилии на протяжении всей истории Китая. Впрочем, этот феномен не облегчал им условия стоящих перед ними задач и не способствовал пониманию происходящих событий.

Северная Вэй

В конце IV в. на все эти разнородные царства обрушились *тоба*, тюрко-монгольская группа, о которой нам известно только то, что ею в Центральном Китае было основано просуществовавшее недолго княжество Дай (338—376). Достаточно быстро оно было захвачено царством Раннее Цинь (351—394), созданным Фу Хуном. В 386 г. *тоба* основали государство, которое постепенно начало укрепляться. После долгого периода завоеваний, который длился 16 лет, им удалось покорить весь китайский Север и поставить под свой контроль часть Великого шелкового пути, проходившего по этим землям (431—439). В 445 и 448 гг. они проникли в бассейн реки Тарим, следуя по тому пути, которым когда-то шла армия ханьцев. Так появилась знаменитая династия Северная Вэй (386—534), в период правления которой Китай достиг расцвета искусства и философской мысли. Тем не менее,

следуя парадоксу, который часто встречался в истории, новая династия террором заставила признать себя.

Собственно говоря, в Китае организация государства по варварскому типу просуществовала до правления императора Сянь-вэнь-ди (471—499). Действительно, проблема ассимиляции варваров, которую, несмотря ни на что, так и не смогла решить династия Хань, отныне становилась особенно живо трепещущей. Первой заботой новых вэйских правителей Северного Китая стало увеличение поголовья стад, и эта мечта была реализована благодаря бесконечным пространствам, которые могла им предложить Великая Китайская равнина. Однако при этом не учитывалось ни мнение, ни образ жизни местного населения, которое было вынуждено терпеть последствия этого решения. Беспечность и нечуткость кочевников по отношению к сельскому хозяйству довольно быстро привели к захвату земель крупными частными собственниками, которые сами организовали систему сбора налогов, ничего не передавая властям. При этом только они одни имели положение «охраняемого» слоя. Антагонизм между скотоводами и земледельцами осложняли их взаимоотношения. Постепенно увеличивающееся количество земледельцев Хэнани, Хубэя и Шаньдуна все больше и больше страдали от нехватки земли, тогда как огромные участки, особенно на западе, были предназначены под луга. Экономическое положение государства ухудшалось с каждым днем. Беззаконная ссылка ремесленников, которые заточались в собственных мастерских, как в лагерях, тревожили народ. Однако постепенно менталитет тоба все же менялся, так как этот народ оказался слишком тесно связан с оседлым образом жизни.

В 493 г. император Сянь-вэнь-ди покинул Датун, свою столицу, расположенную на границе со степью, в северной части провинции Шаньси. Он и его двор переехали в Лоян, древний исторический центр. Ненадежное равновесие, которое существовало до этого между гражданским аппаратом управления, состоящим из китайцев и решавшим повседневные дела,

и военным аппаратом, оставшимся под контролем тоба, в обязанность которых входило решение крупных проблем, было нарушено. Вместо этого император начал проводить совершенно определенную политику китаизации своего государства. Вне всякого сомнения, в этих его действиях было намного больше от веления сердца, чем от осознания необходимости этих мер. Чиновники-варвары, служившие в администрации и управлявшие земледелием, проявили свою неспособность понять сложные вопросы китайской экономики. Денежные сундуки государства пустели, и появилась необходимость обратиться к талантам, не воспитанным в варварской традиции. Так постепенно тоба начали понимать магию знака (вэнь), божественный секрет, который хранили чудотворные письма. Китайцы обладали архивами, в которых содержалось описание жизни их далеких предков, что были искусны в изучении космогонических связей, сезонов, созвездий, позволявших милостью Неба вычислять время сбора урожая. Это знание позволяло предкам владеть легендарным секретом могущества. Таким образом, император Сянь-вэнь-ди, оказавшись в новом для себя мире, начал принимать китайские принципы управления. В 494 г., т. е. через год после переноса столицы в Лоян, представители династии Вэй перестали носить национальные костюмы, переодевшись в одежду, которая была обычной для подданных империи. На следующий год официальным языком государства стал китайский. Еще немного позже императорский дом принял новое название — Юань («начало»), и шести братьям императора было приказано взять себе китайских невест.

Тем не менее оказались решены не все проблемы. Если император династии Вэй и достиг этими мерами союза с китайской знатью, влияние которой при дворе явно усиливалось, то внутри элиты рода тоба начался раскол. Придворные и вообще все те, кто так или иначе извлекал пользу из начавшегося процесса китаизации, подверглись критике и зависти представителей древней племенной знати. Ставшая провинциальной

и недовольная теми почестями, которые ей оказывались, эта знать выступила в качестве хранителя сознания своего народа перед лицом правителей, развращенных наслаждениями соблазнительной роскоши. Мятеж «Шести гарнизонов» (523), который 11 лет спустя привел к падению династии (534), был не только восстанием солдат-пастухов, измученных праздностью из-за долгого мира на границе, но и следствием той немилости, в которой оказался варварский мир в результате реформ Сянь-вэнь-ди. Это была беспощадная война, проявление непреодолимого дуализма: даже вовлечение варваров в китайский аппарат управления оказалось бесполезной попыткой успокоить степь. Пастухи проявляли в бесполезных войнах свою склонность к сражению, не обретая тем не менее качеств, свойственных земледельцам, — терпения и бесконечного трудолюбия.

Эмигранты Южного Китая

Китайская цивилизация все-таки смогла выжить в хорошо защищенной нижней части бассейна реки Янцзы, где правила династия Восточная Цзинь. Эта династия, потомок единой империи Цзинь (265—317), которая раскололась, когда ее изгнали с севера сюнну, была основана в 317 г. Именно здесь продолжилось то развитие государства, начало которого лежит в периоде Троецарствия. Юг подхватил факел династии Хань, который был потушен Севером, увлеченным другими ценностями. На Севере местное население, смешиваясь с варварами, постепенно теряло свою идентичность, что создавало серьезную угрозу для китайской культуры, оказавшейся отрезанной от внешнего мира. Торговые пути Центральной Азии оказались перекрыты: только династии Лян (502—556) удалось сохранить под своим контролем несколько участков Великого шелкового пути. Мятежи на окраинах, как, например, восста-

ние в Сычуани, поддержанное тоба, способствовали тому, что ядро китайской цивилизации оказалось расположено в замкнутом мире — нижней части бассейна реки Янцзы, — ставшем для него единственным убежищем. Таким образом, период правления многочисленных северных и южных династий (*Наньбэй чао*) в истории Южного Китая лучше всего характеризуется понятием «полная изоляция»: тем не менее этот этап развития очень важен, так как в стране, потрясенной этим опытом, зародились элементы, легшие позднее в основу нового классического периода в истории Китая. Напротив, в Северный Китай, который подвергся очень сильному варварскому влиянию, именно в этот период пребывают посольства из Персии, Согдианы, Бухары и государства Куча¹. Блестящая цивилизация Тан зародилось из соединения двух элементов — Китая цветущих южных равнин и варварских государств, расположенных на суровых пространствах севера.

Однако именно в этот период богатые китайцы, напуганные варварским вторжением в долину Желтой реки, предпочитали эмигрировать. Одни бежали на Север, в Южную Маньчжурию, другие, их было больше, переселялись на берега Янцзыцзян в ее среднем или нижнем течении, в провинцию Юньнань или даже в самую южную часть Китая, где течет река Юаньцзян (Красная река). По некоторым оценкам, к концу V в. на Юге проживало около миллиона «северян». Такое масштабное переселение из Северного Китая, конечно, создавало проблемы для того региона, куда они переселялись. Ведь эмигранты прибывали не на пустующие земли, а на территорию, которая, благодаря тому что семьи колонистов обрабатывали ее на протяжении многих веков, стала плодородной и процветающей. Эта ситуация неизбежно породила глубокое соперничество между обитателями региона и прибывшими людьми,

¹ Государство Куча (Цюци) — государство в Восточном Туркестане (Синьцзян), игравшего важную роль с I по VI в. в регионе, примыкавшем к Великому шелковому пути. В 649 г. государство Куча прекратило свое существование под ударами войск династии Тан.

а также появление у коренных жителей тенденции использовать переселенцев для своей выгоды. Крупные земельные собственники и оптовые торговцы Юга старались максимально использовать умения и платежеспособность «северян». В свою очередь, переселенцы, как и эмигранты во всем мире, стремились использовать Юг для того, чтобы интриговать на Севере. В итоге конфликты между двумя группами только усиливались, что постоянно отдаляло возможность отвоения северных территорий.

Ханькоу, колониальный город, и Цзянькан (современный Нанкин), императорская столица, стали оплотами аристократии этих двух групп. Императоры тщательно защищали интересы и тех и других, освобождая от налогов и повинностей. Им одинаково даровали самые высокие звания, согласно генеалогическим книгам (*цзяну*), часто весьма сомнительным или даже полностью вымышленным. Браки между благородными и простонародьем были запрещены, что приводило к консервации социальных слоев. Следствием этого стало быстрое окостенение эндогамной знати, неспособной нарушить эти ограничения, тогда как средние слои стремились любыми средствами подняться до ее уровня. Самые бедные из переселенцев вынуждены были стать рабами в хозяйствах богатых колонистов.

Кроме того, прибытие на Юг жителей Севера серьезно изменило картину расселения людей. Обычно им было очень сложно поселиться в уже существовавших деревнях, сельскохозяйственных объединениях, которые, без сомнения, окружали себя изгородью. Подобную картину мы можем увидеть сегодня в деревнях *мяо*, малой народности, живущей на территории Китая. Переселенцам приходилось заселять целинные земли. Там они основывали свои общины, названия которых показывают, что они оставались чужими для местного населения: когда речь шла о «фермерских садах» (*чжуан-юань*), чаще всего имелись в виду «обособленные фермы» (*бе-чжуан*) или «обособленные группы» (*бе-е*). Среди этих *villae*, если

называть их на латыни¹, особенно выделяются почтовые станции (*чуан*) или даже простые харчевни (*ди*), расположенные на перекрестках, что сделало их важным фактором в развитии ремесла и торговли. Это освоение Юга, развивающееся без всякой системы, только по воле обстоятельств, способствовало широкому развитию в Южном Китае здоровой и свободной торговли, которая позднее, уже в Новое время, привела к первым выгодным коммерческим контактам со странами Европы.

Автономия буржуазных общин, достигнутая благодаря сноровке ее членов, во многом напоминает о мощнейшем влиянии коммунального движения на развитие средневекового Запада.

Впрочем, простое накопление богатств никогда не смогло бы спасти Южный Китай от варварских вторжений, если бы этому не помогало географическое положение региона: это была страна гор и лесов, защищенная массивом Циньлин и горными цепями провинции Хуайян, в которой была построена разветвленная система ирригации. Болота раскинулись у подножия горных вершин. Подобное расположение препятствовало развертыванию варварской кавалерии, которая могла попросту завязнуть в грязи, и, напротив, давало преимущество пехоте, основной составляющей китайских армий. Вот почему, несмотря на ничтожество своих политических правителей, Юг оставался независимым вплоть до триумфа династии Суй, которая смогла вновь объединить Китай в 589 г.

Плодородная страна, Юг, благодаря новым дорогам был прекрасно приспособлен для товарообмена. На его приветливых берегах, население которых получало от моря большую часть продовольствия, продолжались те торговые пути, начало которых лежало во внутренней части этого региона. Многочисленные торговцы Юго-Восточной Азии, Индии и Ирана

¹ Villa — вилла, загородный или деревенский дом; здесь: вообще постройки (лат.).

с конца V в. начали причаливать к китайскому побережью. Эта открытость миру быстро способствовала изменению умов. Именно в этот период на Юге зародилась блестящая традиция искусства и образования, которая уже никогда не прекращалась. Она была представлена поэзией Тао Юаньмина (365—427), каллиграфией Ван Сичжи (307—365) и Ван Сяньчжи (344—388) и живописи Гу Цайчжи (345—411).

Философское вдохновение поэзии

Этот долгий кризис, который мог стать фатальным для страны, обогатил Китай. Он позволил выявить и изучить как последствия интеллектуального спада, так и причины расстройств чувств, которые были характерны для Китая примерно с начала нашей эры, что очень сильно волновало умы. Постоянное беспокойство философов было вызвано разными причинами: то сожалениями о забвении древней простоты, то бичеванием правительств, неспособных к обновлению, то поисками мира во всеобщем презрении к политике. Так, Чжунчан Тун (родился в 180), советник Цао Цао, в своем произведении «О довольной душе» писал без обиняков: «Пусть будет дома у меня вполне хорошая земля, просторный дом, за ним гора, перед ним река, каналы, пруд со всех сторон, чтоб рос бамбук вокруг жилья, чтоб огород и ток на нем устроен был перед жильем, и сад фруктовый позади. Мне лодка и телега заменят совершенно ходьбу пешком иль переправу вброд, слуга, курьер вполне освободят мое все тело от работы. Чтоб прокормить родителей моих, найдется у меня все дорогое, все вкусное, что только мне возможно соединить в одних руках. Жена и дети у меня не знают никогда трудов, столь удручительных для тела. Хорошие друзья собираются ко мне, сидят, и я тогда даю им и вино и яства — все, чтоб им приятно было на душе. Когда же праздник, в добрый день и добрый час, я жарю поро-

сенка и барана и тоже подаю на стол, друзьям с поклоном поднося. Иду и не иду своим я полем, огородом. Гуляю, развлекаюсь по лесам своим и долам. Купаюсь в прозрачной воде, бегу за прохладой ветра. Ужу проплывающих карпов. Беру на свою тетиву высоко летящих гусей. Ищу дуновений прохладных, как встарь, на ступенях алтарных при храме, и с пением песен домой иду, и в высокой зале сижу. Душой отдыхаю в своей семье. Мечтаю о темно-пустотном начале по книге философа Лао. Дышу полной грудью, вбирая в себя гармонию, лучшую в мире. Взыскую в душе подобия призрака высшего человека. Совместно с людьми, пронизательно умными, я обсуждаю вопросы о Дао, верховном Пути человека, иль тексты с ними толкую. Я внизу на земле, я вверху в небесах, я живу среди этих великих двоих. Я сплетаю в уме, собираю в одно и людей и тварей земли. Заиграю на лютне мелодию классическую эту: «Юный ветер, благовонный ветер...» Издаст она чарующие звуки в отчетливо прекрасной гамме нот. И вот я в мечтах гуляю над всем населенным миром, бросаю случайные взгляды на небо и землю вокруг. Не подлежу я нареканьям людей, с которыми живу. Я сохраняю надолго себе срок жизни и судьбы. При жизни такой мне можно взлетать к небесам и Небесной Реке и выходить за всякие грани-пределы зримых нами миров. Зачем мне стремиться к тому, чтоб входить, выходить через двери царей-государей?»¹

Литература, которая постоянно воспроизводила формы и образы классических авторов, казалось, перестала развиваться. Существовавшая проза была либо философской, либо моральной, причем она постоянно смешивалась с выступлениями государственных чиновников. Возрождение, начавшееся во II—III в. н. э., было вызвано отнюдь не литературой, а беседами, их называли «свободные и непринужденные разговоры» (*цинтань*). Встречи, сопровождавшиеся такими беседами, получили особое распространение в конце правления династии

1 Перевод В. Алексеева.

Хань и играли роль, подобную нашим литературным салонам XVIII в.

Их инициатором был Го Тай (128—169), вокруг которого собрался кружок его друзей. Им доставляло удовольствие выступать против существующих философских основ и значимых людей империи. Это свидетельствовало о нигилизме, который с начала II в. н. э. царил в интеллектуальной сфере, подобные настроения только усугубляли и без того нелегкую ситуацию в государстве. Когда восставшие «желтые повязки» на своих мечях принесли те разрушения, которых все более многочисленные «собеседники» уже отчаялись дожидаться, это породило фундаментальную проблему природы и существования человека, который случайно оказался под угрозой, помимо политических изменений. Вооруженные восстания, которые сопровождались бесчисленными примерами бандитизма, одновременно породили и глубочайшее отчаяние. Это отчаяние и доктрины даосизма, которые подвергали сомнению всё, кроме ценности личности, начали оказывать серьезное влияние на общество.

Религиозная пустота, которую нечем было заполнить, кроме безнравственности, и смятение людей, увидевших крушение своего мира, привели к тому, что сердца китайцев открылись для двух чувств, лишь слегка касавшихся их раньше, — лиризму и религиозной ревности.

* * *

Конечно, люди во все времена передавали посредством поэзии и музыки радости и печали своей недолгой жизни. «Канон песен» («Ши цзин»), уничтоженный, как и все классические произведения, во время общего сожжения книг, предпринятого по приказу Цинь Шихуанди, сохранился в памяти людей благодаря ритму своих строк, состоявших из четырех или пяти слогов. Он был переиздан в правление династии Хань в многочисленных компиляциях, из которых до нас дошла

только составленная Мао Чжаном. Также очень популярны были элегии Цю Юаня (343—277? до н. э.), родившегося в царстве Чу. Он до самой своей смерти выступал против ужасов клеветы. Легенда гласит, что Цю Юань был несправедливо изгнан и, отчаявшись вернуть себе милость правителя, в пятидесятый день пятидесятой луны бросился в реку около озера Дунтин. Каждый год состязания кораблей-драконов напоминают о моральных мучениях того, кого считали самым великим поэтом древности.

Однако ханьцы понимали, что эти древние поэмы потеряли свой смысл одновременно с падением древней власти. Сердца людей этого периода стали черствыми, они были поданными восхитительной, но очень строгой империи. Двор императора У наводил на него скуку, а официальная поэзия, увядший цветок прошедших веков, вообще приводила его в отчаяние. Около 120 г. до н. э. он основал Музыкальную палату (Юэ фу). Ее задачей был сбор народных песен и мелодий разных регионов страны, которые император рассчитывал добавить в строго фиксированный репертуар придворной музыки, тесно связанный с древними правительственными культами. Затем ученые из этой палаты разработали ритм для этих сельских песен. Примерно в I в. до н. э. им удалось ввести правила короткого пятеричного ритма (*уянь*), которые сохранялись не только для музыки, но и для поэзии.

Тем не менее консерваторы строго осуждали появление новых мелодий в музыке и новых ритмов поэзии, которые бы отличались от мелодий, связанных с древними ритуалами. В итоге они добились победы, и в 7 г. до н. э. Юэ фу была упразднена.

К сожалению, до нас дошло очень мало примеров этой весьма изысканной поэзии периода Хань, хотя она глубоко укоренилась в сердцах простонародья. Тем не менее сохранилось истинное сокровище ханьской поэзии: это «Девятнадцать древних стихотворений», пронизанные меланхолией, которые повествуют о страданиях расставания и смерти, особых

моментах человеческой жизни, когда не слышно больше крика. Это первые произведения, предвестники грядущего распада, трогательный голос народа, обреченного и разочарованного, потому что он не верит больше даже в эликсиры алхимии даоистов:

Я погнал колесницу
из Восточных Верхних ворот,
вижу, много вдали
от предместья на север могил.

А над ними осины
как шумят, шелестят листвою.
Сосны и кипарисы
обступают широкий путь.

Под землею тела
в старину умерших людей,
что сокрылись, сокрылись
в бесконечно длинную ночь

И почил во мгле
там, где желтые бьют ключи,
где за тысячу лет
не восстал от сна ни один.

Как поток, как поток,
вечно движутся инь и ян,
срок, отпущенный нам,
словно утренняя роса.

Человеческий век
промелькнет, как краткий проезд:
долголетием плоть
не как камень или металл.

Десять тысяч годов
проводили один другой.
Ни мудрец, ни святой
не смогли тот век преступить.

Что ж до тех, кто «вкушал»,
в ряд стремясь с бессмертными встать,
им, скорее всего,
приносили снадобья смерти.

Так не лучше ли нам
наслаждаться славным вином,
для одежды своей
никаких не жалеть шелков!¹

Цао и поэты эпохи Цзяньань

Это поэтическое направление, в котором лирический размах элегий царства Чу, представленных поэзией Цю Юаня, соединялся с философской строгостью интеллектуальных кругов, возрождавших древние образцы народных стихотворений, позволило китайской поэзии избежать удушливых рамок ритуальной и трафаретной официальной литературы. В расколовшейся империи, в потрясенном изменением Китае, именно оно сохранило достаточно гибкую просодию, которая позволила выплеснуться появившемуся вдохновению поэтов этого времени, без труда описывавших в своих произведениях лучшие из их идей.

Эти идеи имели два совершенно разных источника: мышления о политике и метафизический лиризм, в основе

1 Перевод Л. Эйдлина.

которого обычно лежало отчаяние. Развитие первой тенденции связывают с именами великолепного правителя Северного Китая Цао Цао и его сыновей — поэтов, которые состязались между собой. Развитие этого направления привело к формированию «ангажированного» литературного стиля, основной темой которого стало добродетельное и благородное негодование (*канкай*) при виде бедствий жизни. Это чувство, достаточно умеренно проявляющееся в поэзии Цао Цао, доверявшего собственной силе и эффективности своих действий, у его сыновей становится намного более мрачным.

В итоге их поэзия вдохновила на создание кружка, который позднее стал известен под названием «Семь поэтов эпохи Цзяньань» (196—220). Литература превратилась в изощренную игру красноречия, в науку рассуждения, искусно используя которую при удобном случае можно было изменить течение событий. Литературный метод заключался в том, чтобы изложить трогательную тему любви, разлуки и смерти посредством политических аллегорий. Вот как писал, например, Цао Чжи (192—232), третий сын Цао Цао и, без сомнения, самый великий поэт своего времени:

Ветер грусти
В башне одинокой —
Много ветра,
Ох, как много ветра!

Лес Бэйлинь
Уже в лучах рассвета,
Я печальюсь
О душе далекой.

Между нами
Реки и озера,
Наши лодки
Встретятся не скоро.

Дикий гусь
Душою предан югу,
Он кричит протяжно,
Улетая.

Весточку пошлю
На юг Китая,
Всей душою
Устремляясь к другу.

Взмахи крыльев
Чутко ловит ухо.
Птица скрылась —
Сердце стонет глухо¹.

Под меланхолической маской одинокого супруга скрывается поэт, человек дела, истерзанный политической опалой, которой его подверг собственный отец, позавидовавший его таланту. Эта элегия на самом деле является просьбой о помиловании.

Представители семьи Цао собирались вместе, чтобы писать, сочинять стихи и разговаривать, играя понятиями и никогда не теряя надежды реорганизовать империю, избавиться от философов прошлого и открыть новые таланты. Их деятельность, особенно интенсивная с 212 до 217 г., в последние годы номинального правления династии Хань была внезапно прервана волной эпидемий, которая опустошила ряды их сторонников.

В это время, когда отказ от социального конформизма и поиск новых норм благоприятствовал развитию самовыражения личности, поэзия стала прибежищем сторонников такого

¹ Перевод Л. Черкасского.

взгляда на жизнь. Она передавала реакцию влиятельных индивидуальностей против обезличивания и стандартизации, к которым приводили как на практике, так и в теории различные идеологии власти. Эти же суровые и беспокойные годы способствовали расцвету лирической поэзии, находящейся в стороне от острых политических дискуссий. Ее постоянные темы напоминали о меланхолии от быстрого бега жизни, горечи разочарования, тяжести судьбы и неотвратимой трагедии смерти. Единственным, что могло смягчить эти печали, был задор наслаждения текущим моментом, похожий на европейское *carpe diem*¹:

Вихрь черный уносит чудесные дни.
В испуге мы видим, как время идет безвозвратно.
Счастье мгновенно и вряд ли вернется назад.
Жизнь хороша в роскошных пурпурных дворцах,
Но все же осколки ее лежат в усыпальницах горных.
Есть ли бессмертные в нашем кругу?
Знаешь судьбу — зачем огорчаться?

Так была передана «эпикурейская», хотя и пессимистическая философская основа того времени. Ярче всего она выражена в «Ле цзы», произведении III в., истоки которого недоверенная традиция возводит к Ле Юй-коу (450—375 до н. э.): «Жизнь дается нам так редко, а умереть в ней так легко! Можно ли забыть, что жизнь наша — редкий дар, а смерть в ней приходит так легко? Стараться же удивить людей строгим соблюдением правил благопристойности и долга, подавляя свои естественные наклонности ради доброй славы, по нашему разумению, даже хуже смерти. Мы желаем вполне насладиться дарованной нам жизнью и прожить ее целиком»².

1 Carpe diem — лови мгновение, наслаждайся (лат.).
2 Перевод В. Малявина.

Семь мудрецов из бамбуковой рощи

Принципы отказа от мира и склонности к отшельничеству, постепенно возведенные в ранг официальной философии, были претворены в жизнь знаменитым кружком, который назывался «Семь мудрецов из бамбуковой рощи», бамбуковая роща — это маленький лес, расположенный к северу от Лояна. У семи товарищей было обыкновение собираться там, живя в свое удовольствие и щеголяя своим презрением к социальным нормам и общепризнанным идеям. Они ничего не ждали от мира, находили все, что нужно для жизни, сами и демонстрировали склонность к лени, лишь отчасти показную. Согласно легенде главой этого кружка был Цзи Кан (223—262), который скитался по горам, занятый сбором лекарственных трав. Он беседовал со своим другом Ван Лэем, отшельником, которому было 238 лет.

Правда была одновременно более яркой и более грустной. Цзи Кан был светским человеком во всех смыслах этого слова: младший брат одного из чиновников Сыма Яня, который, свергнув род Цао, захватил власть в стране Вэй, Цзи Кан был супругом принцессы из императорского рода. Если доходы Цзи Кана и защищали его от материальной нужды, то его связи с высшим обществом имели большее значение в его решении уйти от мира, так как он отказался играть ту роль, которую предписывал ему его ранг: «Трудно разбудить простой народ. Он никогда не остановится в погоне за материальными вещами. Но совершенный человек смотрит дальше, он возвращается к природе. Все люди есть Одно. Вселенная — мое убежище. Я разделяю его с Другими, о чем же я должен сожалеть? Жизнь — это плывущее бревно: она появляется на мгновение и внезапно исчезает. Заботы и дела мира беспорядочны и запутаны. Забудем о них. Даже на болотах голодный фазан не мечтает о парках. Как могу я служить, утомляя свое тело и печалю свое сердце? Высоко ценят тело, а пустое имя презирают.

Нет ни славы, ни бесчестия. Самое важное — следовать своей воле и без раскаяния освободить свое сердце».

По мере того как Цзи Кан двигался трудными дорогами мистического мышления, он все больше оказывался в центре общественного скандала. Его поведение было вызовом образу жизни и вкусам чиновной среды. В 262 г. затруднительное положение его семьи дало конфуцианцам повод приговорить Цзи Кана к смертной казни. Враги написали против него обвинительную речь, о жестокости которой свидетельствует то, что она была направлена не столько против конкретного человека, сколько против его философии. Более того, главной мишенью стала даже не сама философия, а асоциальный образ жизни, к которому приводило следование ее канонам: «[Цзи Кан] отказывается служить правителям и повелителям. Он презирает свою эпоху, он не ценит мир. Он не несет никакой пользы для других людей. Беспольный для нашего времени, он развращает наши нравы. Когда-то... Конфуций приговорил к смерти Шаочжэна Мао, потому что его люди, гордившиеся своими талантами, вносили в общество смуту, доставляя народу беспокойство. Если сегодня не наказать Цзи Кана, то других способов очистить государственное Дао уже не будет».

Цзи Кан, принявший смерть со спокойствием и жалостью к слепому миру, который от него отказался, очень скоро стал легендой: «Цзи Кан был осужден и посажен в тюрьму. Когда приблизилось время казни, его братья и семья пришли проститься с ним. Цзи Кан даже не изменился в лице. Он спросил своего брата: „Ты принес мне цитру?“ Его брат ответил: „Да, я ее принес“. Цзи Кан взял ее, настроил и заиграл мелодию „Великий мир“. Когда он закончил, он сказал, вздохнув: „Великий мир умирает вместе со мной“».

Однако, помимо исполнения требований установленного порядка, господствующими в обществе понятиями стали «судьба», «рок»: неизбежность физической смерти, которая всегда заберет вас с собой тем или иным способом, невозможность отказаться от ее условий, необходимость для каждого

смириться со своим уделом (*фэнь*), принять его — вот основа учения конфуцианцев. Вечные мечты даоистов о бегстве от смерти, о продлении жизни, о радости и о гармонии с природой постепенно исчезали. О суетности этих отчаянных поисков счастья грустно писал в своих стихах Жуань Цзи, самый известный, наряду с Цзи Каном, из «Мудрецов из бамбуковой рощи».

Под сенью деревьев красивых тропинка видна.
Раскинулись кронами персик и слива.
Но вот уже осени ветры на крыльях летят —
приходит листья опадания время.
Увяли цветы, отцвели благодатные дни,
вьюнком и колючими ветками дом зарастает.
Я клячу свою погоняю
к подножию западных гор
и так беззащитен,
что дом и семью я иметь недостойн.
От инея ночью застынет листва на земле.
Все сказано, кончено, год пролетел —
не заметил...

Все же репрессии государства оказались не способны изменить естественный ход вещей. Чем более свирепыми были сражения, чем больше нарастала неуверенность в завтрашнем дне, тем больше чистые сердца испытывали потребность в увлеченности и искренности. Это исключительный момент, рождение настоящей лирической китайской поэзии, которая балансировала между глубиной чувств и красотой формы, — безукоризненное звучание, сочетавшееся с настоящим чувством и эстетическим совершенством содержания:

Не воротится время никогда,
не расцветут увядшие растения:
цветет марсилия весной,
гардения в предзимье расцветает.

И жаль, что столько дней прошло,
а радости и нынче мало.
Так грустно.
Слышу стрекотание сверчка.
Вино прекрасно, пир веселый.
Коротка песнь моя
в предчувствии тьмы безмолвной —

это сказано совсем не строгим анахоретом, а человеком блестящей и беспокойной жизни. Речь идет о Лу Цзи (261—303), сыне чиновника из царства У, который был известным полководцем. Он заплатил своей головой за разгром, за который его бесосновательно обвинили. Лу Цзи был примером традиционной для Китая универсальности, когда человек так же хорошо владел мечом, как и кистью. На него возлагались надежды страны, и одновременно он способствовал развитию новых форм и содержания китайской поэзии.

Тао Юаньмин

Китайская поэзия лучшими плодами своего расцвета была обязана Югу империи, стоит вспомнить хотя бы произведения Цю Юаня (343—277? до н. э.). Особенности природы и бурные проявления жизни создают на юге особые чары, которые невозможно найти на рациональном Севере. Вот почему Тао Цянь, так же известный как Тао Юаньмин или Тао Юаньлян (365—427), оказал глубокое влияние на последующие эпохи.

Неисправимый любитель простой жизни и деревни, певец хризантем и меланхолии, Тао Юаньмин был родом из провинции Цзянси. Его детство прошло в деревне, располагавшейся у подножия горы Лу, красота которой вдохновляла многих художников. Когда-то его род занимал самые высокие должности при дворе, но кто-то из его предков предпочел спокойную

жизнь в своих сельских владениях величию и бедствиям власти. Тао Цянь и сам в молодые годы занимал государственный пост, для того чтобы увеличить свои небольшие доходы, но довольно быстро оставил его, несмотря на большую семью — детей, племянников, которых должен был содержать. Его дом превратился в место, где собиралось интереснейшее общество того времени, так как среди друзей Тао Цяня, высокого чиновника, превратившегося в простого землевладельца, были представители самых разных занятий: влиятельные должностные лица, буддийские священники, приверженцы даосизма и даже деревенские жители.

Таким образом, его произведения отражают основные тенденции времени. Тао Юаньмин обновил китайскую поэзию, используя простые, без прикрас, слова, которые он заимствовал из повседневного словаря. Он умер неизвестным, но сто лет спустя его произведения были включены в «Вэньсюань», официальную антологию лучших поэтов империи, так как новые поколения восхищались им как человеком, который в поэтической форме описал течение жизни во всей ее полноте.

Жар вина часто помогал ему, когда он оставался наедине со своей тенью. Только в пьянстве, а на Востоке оно было последним прибежищем искренности, он находил необходимую смелость, чтобы взглянуть на небытие, к которому, казалось, катилась вся его жизнь.

К ночи бледное солнце
в вершинах западных тонет.
Белый месяц на смену
встает над восточной горой.

Далеко-далеко
на все тысячи ли сиянье.
Широко-широко
озаренье небесных пустот...

Появляется ветер,
влетает в комнаты дома,
и подушку с циновкой
он студит в полуночный час.

В том, что воздух другой,
чую смену времени года.
Оттого что не сплю,
нескончаемость ночи узнал.

Я хочу говорить —
никого, кто бы мне ответил.
Поднял чарку с вином
и зову сиротливую тень...

Дни — и луны за ними, —
покинув людей, уходят.
Так свои устремленья
я в жизнь претворить и не смог.

Лишь об этом подумал —
и боль меня охватила,
И уже до рассвета
ко мне не вернется покой!
.....

Прежде было ли так,
чтоб напиться я вдоволь мог,
А сегодня вино
здесь нетронутое стоит.

На весеннем вине
ходят пенные муравьи.
Я когда же теперь
вновь испробую вкус его?

И подносов с едой
предо мною полным-полно.
И родных и друзей
надо мной раздается плач.

Я хочу говорить,
но во рту моем звуков нет.
Я хочу посмотреть,
но в глазах моих света нет.

Если в прежние дни
я в просторном покое спал,
то сегодня усну
я в травой заросшем углу...

Так я в утро одно
дом покинул, в котором жил,
дом, вернуться куда
никогда не наступит срок!¹

Так простыми, но искусными словами он передавал уроки народной мудрости. Глубоко пропитанный конфуцианством, он прославлял мудрецов древних эпох. Он сохранил принципы своего рода и всегда почтительно относился к правящему дому — династии Восточная Цзинь (317—420). От даосизма он заимствовал прежде всего свою непосредственность, а также искусство принимать вещи такими, какие они есть. В своих поэтических занятиях Тао Юаньмин нашел и свое оправдание, и свой конец. Он никогда не вел экстатических поисков согласия с Вселенной. Также он никогда не испытывал любопытства к буддизму, который еще в период правления династии Хань начал медленное продвижение в Китай по Великому шелковому пути.

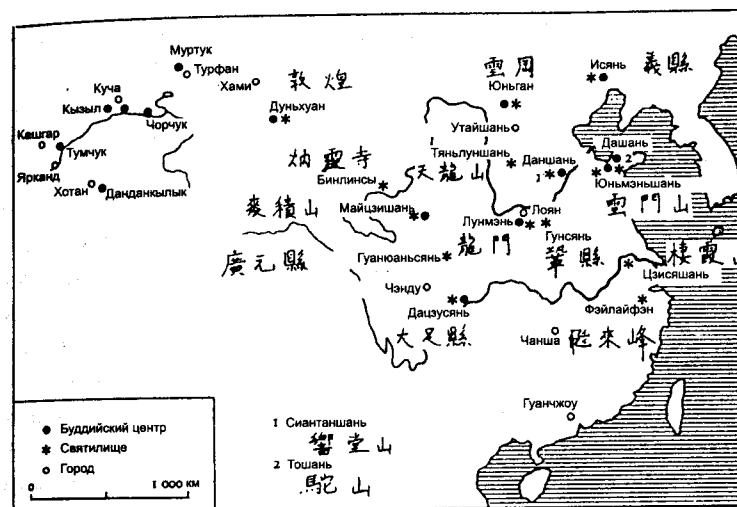
1 Перевод Л. Эйлина.

Буддийское мышление и его последствия в искусстве

В этот смутный период в некоторых местах возникло противостояние политической нестабильности, грубого сведения счетов между различными властными группами и неутолимой жажды безмятежности, духовности и даже настоящего мистического усердия, присущих отдельным личностям. Это не было ни результатом случайного совпадения, ни эффектом элементарного закона психологического равновесия между внешним шумом и внутренним покоем. Скорее, это был настоящий призыв найти ответ на вечный вопрос об основании всех вещей: «Посмотри на деревья, которые растут на холмах: у каждого из них есть свое сердце. Посмотри на птиц, которые поют в лесу: у каждой из них своя собственная мелодия. Посмотри на рыб, которые плавают в реке: одни плывут на поверхности, другие ныряют в глубину. Высота гор вызывает головокружение, глубина вод неизмерима. Внешний вид вещей легко увидеть, но для того, чтобы понять их сущность, нужны изнурительные поиски».

Именно глубокая необходимость разрешения этого вопроса привела к появлению в Китае буддизма. Традиционно официальное введение буддизма в Китае датируют началом нашей эры. Первый буддийский текст был принесен в империю народом *юэ-чжи*, варварами, которых Чжан Цянь тщетно пытался поднять на восстание против сюнну. Спустя полтора столетия, в 144 г., принц из династии Аршакидов, парфянской династии, которая правила Персией (250 до н. э. — 227 н. э.), Ань Шикао пришел в Лоян, где и основал школу перевода, которая без перерывов просуществовала до самого падения династии Хань в 220 г.

Безразличие к религии правителей-поэтов из рода Цао и сменившего их на престоле рода Сыма позволило преемникам Ань Шикао продолжать свою работу. Так, один из них, Чжи Цянь, в середине III в. проповедовал в районе Нанкина. Его наставления не привели к ожидаемому успеху, однако дина-

Основные буддийские центры
Центральной Азии и Китая

стия Цзинь (265—317), которая на 50 лет смогла объединить империю, благосклонно относилась к новой вере. Когда империя снова рухнула под давлением кочевников, варварские династии, обосновавшиеся в Северном Китае, повели себя очень сдержанно по отношению к учению, которое основывалось на иностранных книгах, не входящих в число классических китайских произведений. Позднее, начиная с 335 г., они разрешили изучение этой религии, которая была вновь как для них, так и для китайцев. Так начался расцвет китайского буддизма. Принесенный когда-то торговцами, он с каждым днем увеличивал свое присутствие в империи.

Буддизм, зародившийся в Индии, нельзя понять без обращения к древним философиям, которые помогли ему развиваться. Их привнесли в буддизм брахманы и жрецы, необходимые посредники между бесконечным и единым Богом и людьми.

С социальной точки зрения можно сказать, что буддизм вызван отрицательной реакцией воинов на узурпацию абсолютной власти жрецами. Он провозглашал, что освобождение от страданий доступно всем и что каждый, независимо от того, брахман он или нет, может найти путь, чтобы от них избавиться. Так как фундаментальные принципы буддизма состоят в том, что жизнь жестока, что нас раздражают противоречия между наличием того, что нам не нравится, и отсутствием того, что нам нравится. Все мимолетно, даже душа, бессмертность которой была признана древними философами. Эта новая концепция второй смерти, созданная в I тысячелетии до н. э., стала резким прорывом в философии. Позднее она развилась в теорию переселения душ.

Буддизм допускает переселение душ: он постигает мир как результат колебания изначальных элементов — *дхармы*. Это колебание влечет за собой постоянные перерождения, совокупность которых создает цепь последовательных временных существований. Между тем каждое последующее перерождение находится в зависимости от предыдущего: это качество, феномен, сходный с магнетизмом, называется *карма*. Именно она определяет, какие хорошие или плохие последствия будет иметь предыдущая жизнь человека на его новое существование.

Для объяснения данного феномена классическим является использование аналогии с пламенем. Его сравнивали с зажиганием одной свечи от пламени другой: пламя второй свечи нельзя назвать тождественным пламени первой, но и сказать, что два пламени совершенно разные, тоже нельзя. Таким образом, из идеи *дхармы* следует, что постоянное обновление обеспечивает непрерывность перерождений. Наконец, в буддизме достаточно рано *карма* и ее магнетическая сущность породили концепцию, которую можно сравнить с нашим понятием души. Речь идет о *виджняне* (*vijñāna*) — знании. Материализуя качества *кармы*, она перевоплощается в каждом новом сочетании элементов. Это первая истина буддизма, который проповедует непостоянство любого существования,

одновременно зависящего от воздаяния за свои поступки. Вторая истина состоит в том, что происхождение горя коренится в счастье, в наслаждении, в жажде жизни. Третья истина возвещает о том, что можно избавиться от этой жажды, избавившись от вожделений. Четвертая истина учит, как избавиться от вожделений, используя путь восьми ступеней¹: правильная вера, правильное намерение, правильное слово, правильное действие, правильная жизнь, правильное стремление, правильная мысль и правильное сосредоточение.

Эта долгая цепь причинно-следственных связей постепенно уточнялась и анализировалась по следующей схеме: выполнение *дхармы* позволяло исправлять свою *карму* и даже изменять ее; это позволяло появиться знанию — *виджняне*, зародышу индивидуальности. Она проявлялась через шесть чувств, а они, в свою очередь, входили в контакт с внешним миром. Восприятие и жажда жизни порождали новую *карму*. Жизнь влекла за собой смерть и реинкарнацию, поступки приводили в действие механизм воздаяния, и в итоге этот мучительный цикл продолжался до бесконечности.

Буддизм учит искусству избегать подобного развития событий: для этого нужно вернуться к самому началу цепочки причинно-следственных связей. Приверженец этой религии должен был вести моральную жизнь, затем перейти к медитации, стремясь избавиться последовательно от представлений о предметах, затем от ощущений и, наконец, от восприятия. Жажда жизни постепенно угасала, никакое существование не должно было возродиться. Это называлось *нирвана*, термин, который обычно переводят, как «небытие», хотя, точнее сказать, это состояние неподвижности изначальных элементов.

После смерти Будды прошли три собора, которые оформили свод доктрин на основе его устных поучений. Самым

¹ «Четыре благородные истины» буддизма: 1. Жизнь есть страдание. 2. У страдания есть причина. 3. Можно прекратить страдания. 4. Есть путь к прекращению страданий.

знаменитым из этих соборов, который прошел в Паталипутре около 245 г. до н. э. во время правления знаменитого Ашоки (272—232 до н. э.). Именно на этом соборе получили окончательную редакцию «три корзины» канона *пали* («Трипитака»): корзина «дисциплин», корзина «изложения доктрин» и корзина «метафизики». Между тем постепенно получила распространение мысль о том, что Будда, слишком опередив свое время, не все раскрыл, что найдены и другие пути, что вариант избавления, которому учили первые последователи, был слишком эгоистичным и что нужно допустить возможность не только личного, но и коллективного достижения *нирваны*. Это движение, окончательно оформившееся примерно во II в. до н. э., получило название *махаяна*, или «большая колесница», тогда как ранний буддизм, в противоположность ему, стал называться *хинаяна*, или «малая колесница».

Практикующие махаяну не стремились ни стать *архатами* — святыми, ни достичь *нирваны*. По образу великого основателя этой религии они хотели быть активными святыми и, перед тем как спастись самим, спасти других.

* * *

Хотя буддийская доктрина и была пессимистичной, в ней все же содержалось решение трудной проблемы предназначения души человека, которую ни одна китайская философская система не могла объяснить логично. Культы и философские системы империи использовали понятия, относившиеся к времени правления древних династий. Для них время, экономические потрясения, наконец, и сами люди с их стремлениями и противоречивыми вкусами были лишены значения, несмотря на все усилия философов, привлеченных идеями трансцендентности и непостижимости.

Школа таинственного учения (*сюань-сюэ*), представленная такими мыслителями, как Ван Би (226—249), Хэ Янь (умер в 249) и Го Сян (умер в 312), была прелющена синтезом даоси-

стского мистицизма и социального значения конфуцианства. Без сомнения, их работы оставались слишком непонятными, тогда как для того, чтобы все обновить, требовалось таинственное очарование иноземного учения. Медленное проникновение буддизма в мир китайских понятий не обошлось без многочисленных прощупываний почвы. Средство передачи этого текста и идей учения было очень долгим, только из рук в руки или устно.

Сам буддизм, оторвавшийся от индийских корней и принесенный иноземцами из Пэкче и Когурё¹, чтобы проникнуть в жизнь китайской цивилизации, был вынужден пересмотреть многое из своих позиций. Понятие *нирваны* стало соответствовать понятию «великая вершина» (*тайци*) — высшая точка, к пониманию которой стремилась вся философия даосизма. Свойственное буддизму понятие воздаяния нашло отклик в представлениях о рае даосизма, мечта о котором неотступно преследовала, например, императора У из династии Хань.

Именно тогда во многие страны, например в Тибет, вместе с буддизмом приходили письменность, искусство, последовательная и спасительная система представлений о мире, которая несколько уменьшала страх смерти и освобождала людей от одержимости магией. В Китае, который был увлечен логикой, но устал от различных философских измышлений, все было совсем не так. Буддизм вынужден был защищаться от сопоставлений и анализа, которые были свойственны народу, осознающему, что на протяжении последних двух тысяч лет именно он является светочем культуры. Вот почему, какими бы ни были его успехи в народной среде, буддизм укоренился прежде всего в ученых кругах.

В IV в. высшее общество Южного Китая пришло в волнение от этих новых идей и попыталось их интерпретировать. Справедливости ради нужно отметить, что ему встретились

¹ Пэкче (по легенде, 18 до н. э. — 660 н. э.) и Когурё (37 до н. э. — 668 н. э.) — древние корейские королевства.

те же подводные камни, с которыми столкнулись и иезуиты, когда в Японии они попытались использовать язык буддизма, чтобы передать идеи христианства. Китайские мудрецы IV в. в какой-то степени оказались пленниками собственной системы мышления. Очень жесткая внутренняя организация индийской философской системы не позволяла им прибегнуть к тем привычным для них действиям, которые основывались на поиске сходства элементов китайского и чужеземного мировоззрения.

Тем не менее буддизм в Китае избавился от своей диалогичности, от размышлений, вызванных укоренившейся привычкой к интеллектуальной медитации, тому понятию, к которому обращались оригинальные индийские тексты и которое сопротивлялось усилиям перевода. Язык *хань* не был больше единственным ключом к знаниям. Насколько дерзким ни казалось бы появление альтернативы китайскому языку, в использовании чужих текстов не было ничего оскорбительного для цивилизации настолько древней и настолько глубоко связанной со свойствами письменности, с властью архивов, со священным характером книг. Если буддизм и принес в Китай до сих пор неизвестную практику монашеской жизни, т. е. жизни вне обычного общества, то отказ от участия в государственных делах уже давно породил в этой стране склонность к отшельничеству, ставшего в какой-то степени модой.

В V в. просвещенные круги того же Южного Китая больше не ограничивались рамками собственных традиций. Их стали считать вполне совместимыми с тем, что пришло извне: «Архивы и произведения Пяти Классиков не содержат в себе всего знания. Если даже Будда в них не упомянут, какие могут быть основания сомневаться в этом?»

«Толкование говорит: «Полярная звезда расположена в центре Неба, к северу от человека». Можно видеть, что Китай не обязательно расположен под центром Неба. Если верить буддийским писателям, ниже, выше и вокруг нас все существа, в которых течет кровь, принадлежат к роду Будды. Вот почему

я чту эти писания и изучаю их. Почему я отклонился от Пути Яо, Шуня, Конфуция и правителя Чжоу? Золото и нефрит не вредят друг другу, хрусталь и янтарь не обесценивают один другой. Вы говорите, что чужие совершают ошибку, тогда как ошибаетесь вы сами».

Другими словами, можно быть одновременно хорошим китайцем и хорошим буддистом. Именно в этом мы находим ключ к тому несколько заурядному и небескорыстному синкретизму, который путешественники стремились распространить среди китайцев. Более великодушным и более точным будет увидеть в этом источник той религиозной толерантности, которая всегда устанавливалась в Китае, когда правящие режимы не видели в этом угрозы своего политического ослабления. Впрочем, буддизм мог очень сильно нарушить шаткое равновесие Китая. Как и христианство на Западе, он принес с собой абсолютное безразличие к должностным иерархиям, ту непочтительность, которая в итоге становилась мощнейшим элементом революций. Именно это, например, в итоге нанесло урон распространению буддизма в Индии.

Создание китайского буддийского духовенства началось на Севере, не задевая слишком варварских правителей, которым принадлежала власть. Когда в 440 г. династия тоба царства Северная Вэй (386—534) добилась прямого доступа к торговым путям Центральной Азии, буддизм стал очень популярен при дворе. Несмотря на кратковременное преследование этого учения в 446 г., оно быстро стало национальной религией, что, впрочем, не привело к исчезновению того типа мышления, которое всегда базировалось на даосизме и конфуцианстве.

Проникновение буддизма на Юг Китая шло совсем по-другому. В этом регионе знатнейшие семьи, мощные и независимые хозяева своих усадеб и владений, первыми поддержали продвижение нового учения. Известно, в каком соперничестве часто противостояли двор, поддерживающий иммигрантов, и мелкая местная знать, которая никогда не упускала случая усилить свои позиции. Дела чуть не приняли дурной оборот,

когда министр Хуань Сюань (369—404), затронув проблему первенства и протокола, прямо ответил монаху Хуэй Юаню (334—417), что община верующих должна будет соблюдать этикет, принятый при дворе, а это значит, что буддисты должны полностью отказаться от требований оказывать особое уважение их религии. Хозяева латифундий, которые защищали монахов, пользовались таким влиянием, что Хуань Сюаня удалось переубедить, и он издал предписание, с этого момента отменяющее для монахов обязательный ритуал простирания ниц перед императором. Для того чтобы получить преимущества этого положения, немного позднее Хуэй Юань написал трактат, озаглавленный «Монах не простирается перед императором». С этого момента император больше не был первым из священников. Космические основания его власти испарились.

Одновременно с новыми переводами, а иногда и вокруг сильных личностей развивались многочисленные секты. Каждая из них была основана при особом изучении выбранного текста, благодаря которому складывалась особая система представлений, специфический акцент, который был согласован с общей доктриной. Эти секты, а их было около десяти, можно разделить на две большие группы, в зависимости от того, принадлежали они к «большой колеснице» или к «малой колеснице». Большая часть из них и сегодня существуют в Японии, которая заимствовала их в VIII в., где они спровоцировали развитие интеллектуальной жизни.

В пораженном буддизмом Китае возникли многочисленные проблемы, так как, не зная исторического, филологического и философского развития индийских текстов, китайцы великодушно рассматривали как послание Будды все, что беспорядочно приходило из Индии через Центральную Азию, все причудливые соединения различных мыслей и культов.

Впрочем, еще с эпохи Хань люди этого времени сохранили стремление и глубокий вкус к синкретизму и взаимодействию систем. Вот почему их постоянной заботой был поиск

общего знаменателя различных, а часто и противоречащих друг другу элементов, которые доходили до них. Так они бросались по пути махаянистов, на котором, не отрицая при этом значения *хинаяны*, они видели первый этап, первое проявление неисчерпаемой доктрины Будды. Так, с этого времени с полным правом и в лучших индийских традициях мощное движение философского анализа и классификация известных текстов занимали большую часть интеллектуальной элиты империи.

Особенно нужно отметить три личности, повлиявшие на развитие китайского религиозного мышления, — это Кумараджива (344—413), Тань Луань (476—542) и Чжии (посмертное имя Тяньтай) (538—597).

Кумараджива, родившийся в государства Куча, получивший образование в Кашмире, был китайско-индийского происхождения. Прекрасно владея обоими языками, благодаря поддержке своего варварского покровителя он основал канцелярию по переводам. Подобные «школы перевода» периодически создавались вплоть до VIII в. Кумараджива первым перевел «Три трактата» («Саньлунь» — по-китайски, «Санрон» — по-японски), основу индийской школы *мадхьямика* Нагарджуны (между I и II вв.).

Школа *мадхьямика* старалась доказать, что любое наше умственное представление и контакт с внешним миром являются исключительно плодом нашего воображения. Представители этой школы любили напоминать притчу о монахе, у которого настолько испортилось зрение, что он верил, что видит мух, которые ползают по его чаше для подаваний. Этот мираж нельзя было просто отвергнуть, так как иллюзия была очень реальной. Все интеллектуальные приемы школы *мадхьямика* основывались на отрицании реальности тех вещей, восприятие которых объединено с иллюзией. Постоянно меняющаяся жизнь не обладала никакой реальностью. Однако пустота была абсолютом, абсолютно истинной и абсолютно существующей.

Нагарджуна не остановился на этом. Все, что есть в мире, это всего лишь видимость: понятия, мыслители и даже действие мысли, восприятие которых нереально. Из этого он сделал вывод о нелепости интеллектуальных усилий и пришел к абсолютному нигилизму.

Из работы Кумарадживы китайские философы, главным образом, сохранили важнейшее отличие, которое он признавал, вслед за школой мадхьямика, между «общей истиной», которая принимала во внимание данные восприятия, и «высшей истиной», которой можно было постепенно достигнуть, обдумывая восемь отрицаний: «не-рождение»; «не-уничтожение»; «не-постоянство»; «не-прерывность»; «не-тождество»; «не-различие»; «не-приход»; «не-уход».

На долгом пути вдохновения, который предполагал абсолютное отрицание всего, что есть, эта школа подчеркивала особое отличие, на которое нужно обратить внимание, между «общей истиной», относительной, и «высшей истиной», абсолютной. В конце VI в., т. е. примерно через 200 лет, Цзицзан (549—623), отцом которого был парфянин, а матерью — китаянка, продолжил и систематизировал работы Кумарадживы: «Великий мудрец проповедовал Закон пустоты, чтобы избавить [людей] от [рассудочного] взгляда на вещи. Если кто-то еще верит, что Пустота [существует], того даже Будда не в силах изменить».

Однако для китайцев даже «ничто» всегда сохраняло черты реальности. Все блестящие рассуждения представителей даосизма из высшего общества, которые так оживляли Южный Китай, оказались уничтожены одним ударом.

Полукровки, ставшие мостами между двумя частями Востока, принесли в Китай открытия, которые опровергли мыслителей империи и нарушили существовавшие границы языка. Появилась необходимость в создании словаря, в котором сочетание простых знаков обозначало бы новые элементы в соответствии с их смыслом или произношением.

Тем не менее пессимистический нигилизм школы Кумарадживы не мог удовлетворить все население. Если это учение

и способствовало тому, что интеллектуалы открыли для себя новые системы мышления, то для основной массы людей оно осталось непонятным, что связано с оживленными разоблачениями путешественников. История хранит память о самых счастливых из них.

* * *

Около 260 г. Чжу Ши-син достиг Хотана, азиатского торгового и культурного центра. Почти полтора века спустя Фа Сянь, в свою очередь, совершил долгое путешествие: выехав из Чанъяна в 399 г., он отправился в Индию и вернулся в Китай только в 412 г., прибыв в Кантон. Ему пришлось пересечь пустыню Гоби, перейти через горные цепи Гиндукуша, пройти всю Индию по дельте Ганга, переправиться на Цейлон и оттуда плыть морем, обогнув Суматру и оставив по правую руку Яву, а затем Борнео, долго следовать вдоль побережья Индокитая и Китая. Он прибыл в Нанкин только в 414 г. Остаток своих дней он провел в переводах тех текстов, которые привез с собой. В этом Фа Сяню помогал индийский монах, который приехал в Китай вместе с ним. Кроме того, он составил рассказ о пятнадцати годах своих скитаний, который Фа Сянь начал писать, когда ему исполнилось 60 лет. Это единственный труд такого рода, который дошел до нас полностью. Если в эти времена духовных открытий и усердия и существовало огромное число других мыслителей, которые вступали на трудный путь поиска Писаний, то Фа Сянь остался единственным человеком, в воспоминаниях которого сохранились и простые человеческие чувства — удивление, усталость и радость.

Помимо кропотливых описаний архитектуры храмов, монашеской жизни и различных ритуалов, знакомству с которыми уделена большая часть книги, Фа Сянь оставляет и интересные заметки об особенностях, климате и обычаях тех стран, через которые он проезжает, — огромное количество очень точных сведений по истории средневековой Азии.

«На юге находится страна, которую называют Срединное царство [брахманов]. Климат там умеренный, без морозов и снега. Народ благоденствует и счастлив. Его никто не считал, и он не знает государственного принуждения. Только те, кто работает на земле правителя, должны платить часть своего дохода. Те, кто хочет покинуть эти земли, могут уйти; те же, кто хочет поселиться на них, могут это сделать. Правитель, управляя страной, не использует телесных наказаний. Преступников просто подвергают штрафу, в зависимости от тяжести совершенного проступка. Только за повторную попытку мятежа наказанием является отсечение правой руки. Люди из личной охраны правителя получают фиксированное жалование. По всей стране никто не убивает даже самых маленьких существ, не пьет вина, не ест лука и чеснока. Только *chandâla* (*шандалы*) отделены от остальных людей. *Chandâla* — так называют оскверненных людей [прокаженных]. Они всегда держатся на расстоянии от других. Когда они приближаются к какому-нибудь городу или рынку, они стучат по куску дерева, чтобы объявить о своем прибытии. Люди слышат, что они идут, и избегают контакта с ними. <...>

В этой стране не держат ни свиней, ни домашней птицы, не разводят домашний скот. Там на рынках нет ни мясных, ни винных лавок. Вместо монет жители этой страны используют раковины (каури). Только *chandâla* ходят на охоту и имеют дело с мясом».

Простое изложение этих фактов показывает, насколько открытие новой веры становится открытием нового необыкновенного мира, в котором все существовавшие китайские принципы теряли всякую ценность.

Плоды этих путешествий, источники новых религиозных, эмоциональных, человеческих переживаний были огромны. Усиливающаяся потребность в переводах породила множество неологизмов и оттенков значений в древнем китайском языке, который, как это отразилось в парадоксах и насмешках софистов, оставался закрытым в мире застывших понятий.

* * *

Приключения и трудности этих отважных и неутомимых путешественников позволили почтенному Тань Луаню (476—542) узнать о безграничной надежде доктрины «вечной жизни» или вечного света. Речь идет об амидаизме. Согласно традиции, когда-то монах Дхармакара по своей воле отложил свое достижение нирваны, чтобы прийти на помощь тем, кто еще испытывал страдание. Эта притча вскоре была связана с таким человеческим понятием, как рай и возрождение в лучшем мире: «Если мы изучим Писания Будды Бесконечной Жизни, проповедовавшего в Раджагрха, то увидим, что Будда объявил Ананде: „Будды, которые происходят из десяти сторон света, так же многочисленны, как песчинки Ганга, все вместе они превозносят неизмеримо священную божественность и достоинства Будды Бесконечной Жизни. И поэтому все существа, которые есть на этом свете, услышав его имя, радуются верующим сердцем, а их разум надеется на возрождение в его стране. И поэтому они немедленно будут способны идти туда, там возродиться и остаться там навсегда. Только те, кто совершил „пять видов зла“ [отцеубийство, матереубийство, убийство *архата*, сеяние раздоров в монастыре, нанесение ударов по Будде] и клеветуют на Истинный Закон, никогда не смогут прийти в страну Будды Бесконечной Жизни”. Таким образом, мы видим, что большая часть людей может возродиться в ней».

Эта религия, основывающаяся на сострадании и спасении, получила широкое распространение в Японии. Однако в Китае еще большее внимание привлекла доктрина «Сутры о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы» (*Саддхарма пундарика сутра*), которая проповедовала, что в этом видимом мире, каждый, кто совершает дела милосердия, может достичь состояния Будды. Из этого текста и комментариев к нему, которые были созданы великим монахом Чжи (538—597), родилась секта тяньтай.

* * *

Название *тяньтай*, буквально «опора Неба», было топонимом горы Чжэцзян, где Чжи имел обыкновение проповедовать. Его наставления разнеслись так далеко, что они достигли Японии раньше, чем туда пришел чистый амидаизм, который в Китае предшествовал учению школы тяньтай. Чжи не довольствовался простым толкованием священных текстов. Он постигал буддизм, детали которого могли быть различными, но общий принцип оставался единым. Образ этого синкретического понятия напоминает и сам Китай с его разнообразием политических механизмов и мыслителей, который исторически всегда остается единым по своей культуре. Культура становится тем горнилом, в котором местные особенности мало-помалу объединяют свои свойства. Чжи хотел объединить тот духовный буддизм, который развивался на севере под влиянием варварских династий с мистическим динамизмом школ юга. Также сознание единства существовало и на интеллектуальном уровне. Стремление к синтезу он унаследовал от своего учителя, северянина Хуэя Сы (514—577). Из многочисленных текстов, которые были ему известны, он извлекал глубокую веру во всеобщее спасение, которой были пропитаны альтруистические взгляды махаяны: «Обратить все существа и позволить им взойти на путь Будды, хотя я и проповедую нирвану, это не настоящее угасание. Всякий среди живущих на земле, кто соприкоснулся с древними Буддами, всякий, кто изучил Закон и милосерден, кто покорился наставлениям, сохраняя терпение и снос унижения, кто прилагает серьезные усилия, чтобы сосредоточиться и понять, кто развивает в себе мудрость, кто принимает благословения различного рода — все эти люди достигают состояния Будды... Люди, которые во имя Будды создают его изображения или высекают его фигуры, достигают состояния Будды... Те, кто в счастливом состоянии разума поет хвалы Будде, даже очень слабым голосом, или прославляет его, или даже всего лишь соединяет

свои ладони, или произносит „Наму“, достигают состояния Будды. Будды прошлого — после того как они покинули этот мир — слышали о Законе и достигли состояния Будды. Что же касается Будд будущего, их число будет бесконечно. Все татхагаты будут проповедовать Закон всеми приемлемыми средствами. Все эти Будды, используя бесконечное число приемлемых средств, спасут все живые существа и позволят им водвориться в Чистой Мудрости Будды».

Это укрепило древнюю китайскую идею соответствия (*бао*), вознаграждения человека человеком и человека божеством. Именно этому аспекту буддизма удалось проникнуть в глубокие воды китайского исторического подсознания.

Буддийская скульптура и живопись

Религиозный пыл внезапно породил значительный творческий порыв и стал причиной ослепительного расцвета в китайском ваянии на совершенно законных основаниях. Самым прекрасным украшением, возможно, был комплекс Юньган, монументальное произведение, которое было надолго забыто, затеряно в горах, где существовало только несколько бедных деревень. Юньган был вновь открыт в правление императора Канси, а западному миру он стал известен благодаря Эдуарду Шаванну и его работам 1909—1918 гг. Систематическое исследование этой местности было продолжено во время Второй мировой войны, когда японцы, захватив часть Китая, расчистили Юньган в 1939—1945 гг. Этими работами руководили профессор Мизуно Сеичи и Нагахиро Тосио. Позднее их завершил Пекинский институт.

Окружающий пейзаж достаточно суров; источники воды отсутствуют. Когда археологи отправились туда, вокруг родников росли только маки, а сельское хозяйство прозябало, зависая от дождей. Однако опустошенность и дикая красота этих

Развитие обработки священных фигур.
Скульптуры Юньгана и Лунмэня

В совершенно круглых первых гrotах Юньгана, создатели которых еще находились под влиянием искусства Гандхары, с VI в. начинает развиваться новая, отличная от прежней манера создания скульптур. Для нее свойственны использование вертикальных линий и острых углов, а также строгая симметрия, частично заметная в обработке складок, которые стали признаком, позволяющим датировать возраст детали. В стиле Лунмэня складки практически превращаются в вертикальные линии, разделенные на части волнистыми изгибами, тогда как в скульптурах, созданных в правление династии Тан, эта манера усту-

пила использованию гибких линий и для передачи эффекта драпировки, и для передачи природы шелка, и, под индийским влиянием, в попытках воспроизвести мокрую ткань. В итоге с VII в. в искусстве Тан преобладает стремление к большему реализму и одновременно к большей театральности, демонстрирующее техническое мастерство ремесленников того времени. Впрочем, сознание менялось, и божественные фигуры постепенно заменили скульптурное изображение императора и чиновников — авторитетного механизма единой империи, — которые одновременно были и администраторами и судьями

безводных мест, где все находится во власти судьбы, где гидрография во все времена была причиной самых трудных проблем, без сомнения, способствовали тому, что именно здесь была создана древняя обитель грозных божеств.

Известно, что во времена правления династии Северная Вэй императоры часто проезжали близ этой обездоленной равнины, чтобы молиться о дожде. Вполне вероятно, что буддизм, как это часто бывает в истории религий, усвоил совокупность различных аграрных верований и культов, унаследованных от предыдущих периодов истории. Эти места воскрешают также память о варварах, которые именно здесь нанесли тяжелое поражение императору Гаоцзу (206—195 до н. э.), первому правителю династии Хань. Несомненно, победы императора У-ди (141—87 до н. э.) способствовали тому, что эта драма была забыта, но сегодня этот пейзаж еще более уныл, чем во времена Хань или Северная Вэй. Эта отдаленная территория, расположенная на северо-восточной границе излучины Желтой реки, на караванном пути, который огибал малоизвестные пространства безлюдной пустыни Гоби, превратилась в необходимый этап на дороге в неизведанное. Именно здесь был основан и возвысился цивилизованный центр династии Северная Вэй, кочевые истоки которой были еще слишком сильны, чтобы сразу переселиться на равнину, где господствовало земледелие.

Они построили свою столицу в Пинчэне, недалеко от современного Дагуна. Варварские поклонники изысканности, которыми проявил себя род Цао, основатель древнего царства Вэй, старались изо всех сил сравняться с блеском великих предшественников. Архитекторы как нельзя лучше использовали естественные водные источники и попробовали создать город, отражающий весь мир в миниатюре. Дворцы с монументальными дверями, обширные сады, огороженные места, где выращивали лекарственные растения, зоологический парк, где жили тигры, были такими же красивыми и диковинными, как и религиозные строения, которые возвещали о триумфе

новой веры. Особенно удивительной была семиэтажная пагода храма Юнминсы, единственный вертикальный элемент посреди горизонтально ориентированной архитектуры.

Вокруг дворца и столицы простирались различные площадки: пространства, предназначенные для академии просвещенных мужей, охотничьи угодья, лагерь для тренировки солдат. На холме, к северу от города, возвышался храм императора Дао-уди (386—408), основателя династии. Постепенно там же были построены и другие императорские мавзолеи, украшенные скульптурами, вырезанными из местного камня, песчаника серо-синеватого цвета. Аллеи, вдоль которых были посажены кипарисы, дополняли пышную красоту этих мест. Сегодня почти все это исчезло. Остались только мрачное однообразие базальта, который вышел на поверхность, и к западу от Датуна пространство, кишущее гротами и бесчисленными нишами. Именно в них во время единственного в своем роде момента интеллектуальной истории буддизма монахи, верующие и китайские скульпторы создавали выражение могущества и безмятежности своей веры.

Работы в Юньгане под руководством священника Тан Яо, который и подсказал правителю эту идею, были начаты в 460 г. по просьбе императорского дома, жаждущего направить на пользу императору важнейший фактор народной религии. Когда, семнадцать лет спустя, в 477 г. первые гроты были закончены, правитель приказал создать еще два новых углубления, соединенных между собой. Эта гигантская работа быстро двигалась вперед, поскольку в 483 г. император Сянь-вэньди смог совершить свой визит к этому ансамблю, который был уже третьим по счету. Именно тогда император приказал оборудовать еще один грот, но из-за внезапного переноса столицы в Лоян в 494 г. здесь воцарилась тишина. Храмы были покинуты. Об этих храмах писали, что они «состояли из залов, расположенных в горной скале и в речных берегах, друг против друга, их наполняла легкая дымка, там произрастали рощи, а маленькие озера создавались как дорогие, тщательно отде-

ланные зеркала». Однако все изнашивающий ветер, капризные потоки воды скоро вступили в свои права.

Решение перенести столицу в Лоян положило конец работе монахов-скульпторов Юньгана. Тем не менее это не повлияло на благорасположение правителей к буддийской церкви, что точно позволяет определить летопись «История династии Вэй» («Вэйшу»), так описывающая и буддизм и даосизм: «Мы управляем теперь различными провинциями, префектурами и супрефектурами. Повсюду, где обитает народ, позволено возводить *ступы*¹, расходы на это допускаются без ограничений. Тому человеку, молод он или стар, кто любит Путь и Закон и надеется стать *шраманой*², если он происходит из хорошей семьи, если его характер и его поведение чисты, если его не подозревают в непристойности, и если деревня, откуда он родом, отвечает за него, позволено покинуть жизнь своей семьи. Устанавливается правило [числа]: может быть пятьдесят таких людей в больших провинциях, сорок — в маленьких и десять — в префектурах, расположенных далеко от столицы».

Религиозные братства Китая, таким образом, получили официальное признание. А в Юньгане остались тысячи Будд, округлых и добрых, с мертвыми глазами, с улыбками, обращенными к внешнему миру. Они воспевали мечту мечты века, которая питала духовные надежды. Тем не менее воры не замедлили ограбить это место. Осквернились даже императорские мавзолеи. Ремесленники и меценаты тем временем последовали за двором. Было нетрудно найти другое место для того, чтобы выразить свою душу. «В начале эры Цзинмин [500—503] император Сюань-у-ди приказал министру правосудия Бай

1 Ступа (*санскр.* «макушка, куча камней, земляной холм») — представленное в буддийской архитектуре Юго-Восточной и Центральной Азии культовое каменное или облицованное камнем мемориальное сооружение полусферической формы, лишенное внутреннего пространства.

2 Шрамана — в буддизме жрец, аскеты и все те, кто, обуздывая собственные мысли и желания, готовится обрести нирвану.

Чжэну высечь два грота в скале горы Ицзяо, [в двенадцати километрах] к югу от Лояна, в честь [своих предков]. За образец он взял гроты, высеченные в скале Линяньсы [т. е. Юньгана], около древней столицы».

Речь идет о Лунмэне, который первым стал известен на Западе, хотя и был построен позднее, чем Юньган. Инженер Лепринс-Ринге, который в 1899 г. работал там, затем статьи Филиппа Бертелло 1905 г. и знаменитая работа Эдуарда Шаванна (1909—1915) познакомили ученые круги Франции с комплексом Лунмэнь. Выдающиеся японские ученые, такие как, например, Секино Тадаши, в своих работах наглядно представили важнейший инвентарь, который там был, и отчеты о раскопках.

Река И пересекает с севера на юг ту местность, где находится Лунмэнь (буквально это значит «Врата дракона»), прорезая в известковой почве обрывистые берега с достаточно крутыми склонами. Самые древние гроты были вырыты в скалах западного берега, более поздние — на восточном берегу. Первые озарялись лучами восходящего солнца, тогда как вторые освещали лучи солнца на закате.

Обстоятельные исследования этих мест, изучение иконографии и надписей позволяют догадаться о том, что самые древние ниши, созданные еще в 495 г., были созданы просто *ex-voto*¹. Их заказывали скромные жертвователи и верующие. Император, собравшийся создать святилище еще раз, решил расположить его под защитой места, которое уже было священным. Работа, начатая в первые годы VI в., была завершена к 516—519 гг., а возобновлена уже в правление династии Суй. Это строительство позволяет проследить целую цепочку поколений вплоть до середины VIII в., когда уже правила династия Тан.

Черный камень Лунмэня намного лучше подходил для изящной резьбы, чем голубоватый песчаник Юньгана. Без сомнения, именно по этой причине ремесленники и мастера

¹ *Ex-voto* — по обещанию (лат.).

проявили свое техническое мастерство на еще более высоком уровне, чем те, кто создавал Юньган. Характерными чертами искусства Лунмэня можно считать особое внимание к деталям и высокое качество подземных работ, которые иногда становились не менее важными, чем решение основной задачи. Стили, в которых были выполнены все виды фигур, были сильно китаизированы, так как здесь, в сердце равнины Желтой реки, интеллектуальное и ремесленное влияние Запада было намного слабее. Чувственная мягкость, полные объемы, мокрые складки, характерные для скульптур Юньгана, которые унаследовали эти черты от греко-буддийского искусства Гандхары, здесь совершенно исчезли. Они уступили место грандиозной стилизации, торжественной и непреклонной, закрытые и остроугольные линии которой напоминали о резвости каллиграфии или о набросках барельефов периода Хань.

* * *

О роде Хань напоминает также открытое археологами в 1952 г. святилище Майцзишань, затерянное на юго-востоке провинции Ганьсу, недалеко от тех путей, по которым пришло новое Слово. Монах, его основоположник, поселился там примерно в 420 г. От святилищ Дуньхуан (353), Майцзишань (420), Юньган (460) и Лунмэнь (495) все выглядело так, будто поступательное развитие буддизма в Китае шло, как и в Центральной Азии, от утеса к утесу, чему свидетельствовали гигантские статуи Бамиана, находящиеся вблизи Кабула, — чудо современного Афганистана¹. Эти статуи создавались по образцу

¹ Статуи были уничтожены в 2001 г. по личному указанию муллы Омара — лидера движения «Талибан», правившего тогда в Афганистане. Не посчитавшись с мнением мировой общественности, талибы взорвали гигантские статуи высотой 55 и 38 м при помощи динамита и расстреляли их танковыми снарядами. Распавшиеся на множество фрагментов статуи было решено восстановить по постановлению ЮНЕСКО, однако речь может идти в лучшем случае об анастилозе — частичной реставрации с добавлением, где это необходимо, новых материалов.

огромных наскальных рельефов, которые в Сасанидском Иране прославляли триумфы правителей.

В стороне от вырезанных в камне статуй в Майцзишане были обнаружены грациозные произведения из глины, наследующие погребальным фигурам (*мин-ци*) первых лет империи. Они позволяют нам мельком увидеть одну из самых важных точек в развитии китайского искусства: помимо того, что буддизм принес с собой иконографию с ее бесчисленными — иногда назойливыми и громоздкими — элементами, он породил и вдохнул новое чувство в китайскую скульптуру.

На всем протяжении древнего периода в истории Китая скульптура: барельефы, статуи, расставленные вдоль долгого пути «душ», или погребальные подданные, населявшие могилу, — была тесно связана со смертью. Исключением была только статуя бронзовой лошади, которую император У, очарованный прекрасными скакунами из Центральной Азии, приказал возвести возле входа в свой дворец. Скульптура не представляла собой просто приятное или грандиозное воспоминание о жизни, она была заменителем, подобием реальности на тех неизвестных берегах смерти, где и судьба самой души оставалась неясной. Эти существа из глины или из более дорогого материала соседствовали с гниением, они были амулетами, брошенными, чтобы отвлечь призрак умершего. Без сомнения, это мрачное и негативное использование скульптуры играло свою роль в формировании презрительного отношения к ним прагматичных просвещенных людей.

Тем более удивительным был жизнерадостный расцвет ваяния в период Хань. Он пришелся на один из тех классических периодов в создании китайской цивилизации, который поражает нас больше всего. Может быть, причиной этого является некое случайное совпадение эффектов, которые оказались сходными с тем, что было доступно нашему собственному визуальному опыту. Также возможно, что распространение влияния Греции, как и китайских центров, благодаря боевым конным походам или продвижению торговцев, не исключало со-

здания некоторых родственных связей, очень редких, но тем не менее достаточных, чтобы пробудить в нашем сознании тот древний взгляд на искусство, который был нам привычен. Так было со статуями лошадей и крылатых львов, которые изображались в момент движения. Их мощные силуэты восхитили поэта Виктора Сегалена, который столько сделал, чтобы познакомить нас с этим искусством.

Буддийское искусство, много заимствовавшее от эллинистических и иранских источников, вдохнуло в китайское ваяние вторую жизнь. Так в творчестве появились изображения безмятежных лиц, наполненных высокой духовностью, и животных, полных силы. Однако постепенно правители начали отождествлять себя с богами, и лица священных изображений сначала стали очень чопорными, а затем и вообще мирскими, когда лица чиновников стали сменять лики небесных существ. Статуи животных, установленные на погребальных аллеях, стали более мрачными и тяжелыми.

Когда монахи, в свою очередь, превратились в собственников и ростовщиков, государство покарало буддийскую церковь, отстранив ее от власти. С этого времени скульптура безвозвратно пришла к упадку. Стремясь воссоздать заурядные радости повседневности, она вернулась в погребальный мир, оказавшись отрезанной от жизни и лишенной талантливых авторов. При этом скульптуры больше не оживляла никакая вера.

Наконец, в этой бедной камнем стране, которая на протяжении тысячи лет была подвержена опустошительным завоеваниям, скульптура была средством выражения тревоги. Более того, каждое массовое переселение приводило к тому, что эти тяжелые, громоздкие, хрупкие произведения были оставлены или повреждены. Живопись, напротив, была наиболее пригодной к транспортировке, благодаря использованию легкого материала — бумаги или шелка. Изгнанники уносили ее с собой, как сокровище, как последний отблеск потерянной

родины. Благодаря использованию каллиграфических знаков живопись, помимо прочего, обладала глубокими и живыми национальными корнями. Буддизм привнес в китайскую живопись творческий порыв, теоретические основы и методы, влияние которых никогда не было утрачено, так как они были адаптированы другими средствами, чем просто чистой верой.

* * *

Начиная с III в. религиозная живопись в разгар своего развития оказалась в каком-то роде монополизирована монастырскими мастерскими, которые в поучительных целях иллюстрировали легенды о мудрецах и святых.

Святыни, символические изображения мира в миниатюре, содержали огромное число рисунков, которые покрывали украшенные узорами стены. Там можно было увидеть бодхисаттв, едущих верхом на льве или слоне; Манджушри с пятью головами, каждая из которых символизирует один вид мудрости, и тысячу рук, протягивающих тысячу чашек для подаяний; отцов буддийской церкви; монахов, занятых ритуальным вращением — важнейшим обрядом буддизма; музыкальных божеств; сцены ада, или, точнее, искушения, когда, сидя под деревом Бодхи, Будда достиг просветления; бесчисленные иллюстрации к сутрам, которые были посвящены различным эпизодам из жизни Будды и мудрецов; и наконец, картины нирваны, где мы видим Шакьямуни, возлежащего на ложе триумфа, тихо покидающего этот мир иллюзий, посреди своих друзей и близких, плачущих над ним. Кроме того, там представлены Авалокитешвара — Будда сострадания, а также Майтрея — Будда Будущего. Пейзажи, символические или декоративные воспоминания о животном мире, поскольку согласно доктрине о переселении душ все низшие существа могут служить вместилищем для заблудших душ, портреты императоров или императриц, создателей или жертвователей этих святынь, — все это напоминало о мире живых.

Затем, когда в Китае распространился амидаизм, счастливые изображения рая Чистой Земли подарили беспокойным умам картину потустороннего мира более приятную, чем простое исчезновение. По краям изображались символические и геометрические рисунки вселенной, такие как, например, *mandalas* (мандала): пейзажи, в которых искусно переплетались различные элементы, как это можно увидеть и сегодня в Дуньхуане, откуда, в общем, и пришла разносторонняя буддийская иконография и все ее трактовки.

Вплоть до появления конфуцианства амидаизм не рассматривали как один из возможных путей на долгой дороге к мудрости, а значит, это не повлекло за собой развитие богатой иконографии, способной содействовать культуре предков. В самом деле, тексты сообщают что обычай «пить вместе с предками» в семейном храме правителя Чу состоял в том, чтобы опорожнять столько кубков, сколько было нужно, чтобы создалось впечатление, при взгляде на портрет предка, что он тоже пьет, а щеки его покраснелись.

Когда порыв буддизма иссяк, вместе с ним погибли и те грозные или успокаивающие изображения, которые были разнесены монахами и пилигримами вместе с канонами иконографии от Индии до восточных границ Азии. Репрессии 845 г. должны были оставить только несколько храмов в префектурах «первого ранга», которые называли «выдающимися», а также в каждой из двух исторических столиц Китая — Чанъяни и Лояне.

Тем не менее исполнители императорского декрета действовали без злобы и позаботились о том, чтобы собрать в существующие святыни вещи первостепенной важности, которые должны были способствовать спасению души и которые, оставшись без защиты, исчезли одновременно с местами культа. Список собранного таким образом имущества представлял собой очень важный документ. Так, например, список храма Ганьлусы, который был расположен к юго-западу от Цзянсу, по сути тождествен перечню лучших художников великой эпохи китайского буддизма: «Вималакирти работы Гу

Цайчжи ... Манджушри работы Дай Аньдао [IV в.]... Бодхисаттва работы Лу Таньвэя [вторая половина V в.] ... Шесть [участков] стены, расписанных бодхисаттвами работы Чжан Цзыцяня [?]... Четыре [участка] стены с монахами, занимающимися ритуальным вращением работы Хань Ганя [около 720—780]... Четыре [участка] стены с монахами, занимающимися ритуальным вращением работы Лу Яо. „Десять добродетелей и десять пороков” работы Тан Цоу [?]... Два монаха работы У Даоцзы [VIII в.]. Гора Сумеру в водах океана работы Ван Тоцзы».

От большинства из них довольно скоро остались только имена, так как уже в правление династии Сун их произведения были утеряны. Сегодня как никогда эта живопись остается только в воображении. Еще недавно фрески *кондо* (основных зданий) Хорюдзи в Нара представляли собой самые восточные из священных изображений. Сочувствующие бодхисаттвы коричневого и зеленого цвета на белом фоне, с округлыми мягкими лицами, но с твердыми чувственными чертами лица, нарисованными черным цветом, с перевязями в узорах и летающими божествами вокруг, они воспроизводили представления о великой вере, которая от Дуньхуаня до Японии одно время способствовала объединению всего Востока. Однако пожар, который вспыхнул в тот момент, когда в 1949 г. там начались необходимые реставрационные работы, задел эти фрески, обесцветив или затемнив фигуры. Эти бодхисаттвы, как и люди, и все земные иллюзии, входили в цикл уничтожения.

Только долгий кризис, который отделил мир Хань от мира Тан, принес в китайское искусство зародыш тех грандиозных отступлений от основного пути, который был ему свойствен. Отныне эти черты уже никогда не покинули его.

В это время эфемерные государства сменяли друг друга. Общее понятие духовности усилилось больше, чем какие-то конкретные культы, а понятие китайского культурного единства победило власть варварских царств. Лучшие умы, разочаровавшись в общественной жизни, вели трудные поиски чистого искусства ради глубокого чувства бытия.

Живопись: от изображения к символу

Нетленная красота античной бронзы, простое очарование погребальных статуй, линейная жизненность ханьских барельефов, расцвет буддийской скульптуры затмевают в этот ранний период развития китайской цивилизации все остальные формы художественного выражения. Впрочем, живопись легко подвергается тем разрушениям, которые приносит время. Оно обесцвечивает краски и растушевывает контуры. Тем не менее, если верить текстам, живопись стала известна довольно рано, причем ее развитие было практически сравнимо с развитием гравюры или скульптуры.

Легенда гласит, что У-дин (1339—1281 до н. э.), правитель Шан-Инь, однажды увидел во сне одного человека. Это видение настолько преследовало У-дина, что он потребовал нарисовать портрет этого человека по тем признакам, которые он запомнил. Результат привел правителя в восторг, и он возвел в ранг министра искусного мастера, который смог выразить его сновидения¹.

В период Чжоу, кажется, использование живописи было мало распространено, и ворота дворца украшали свитками с рассказами о великих Яо и Шуня и их портретами. Кроме оживления декора, живопись обладала воспитательной и морализаторской ценностью. Согласно одной из легенд, Конфуций любовался какими-то изображениями, которые показали ему величие Чжоу.

¹ Неизвестно, где авторы нашли подобную редакцию этой легенды. У Сыма Цяня история с портретом вообще не упомянута, а советником был назначен тот человек, которого правитель видел во сне. Создание портрета фигурирует только в «Ди ван ши цзи», где рассказывается, что чиновникам (*байгунам*) приказали нарисовать портрет мудреца, которого правитель увидел во сне, и по этому описанию повсюду искать похожего человека. После того как он был найден и правитель побеседовал с ним, этот человек, по имени Юэ, и становится советником.

Без сомнения, знатные семьи мало-помалу начали подражать двору, и в эпоху Борющихся Царств могилы, храмы и святые места богатого царства Чу украшались портретами мудрецов, а на стенах дворцов появились изображения животных или фантастических существ, таких как, например, драконы.

Рассказ, который также может быть и легендой, сообщает, что об одной новинке, которая появилась при Цинь Шихуанди, который призвал иноземца Ле И из страны Цяньсяо, которая находилась в Центральной Азии. Если начиная с рубежа нашей эры влияние Китая на его западных соседей было преобладающим, то и они почти всегда делали не меньший взнос в китайские достижения. Шла тонкая игра по постоянному и надежному обмену знаниями с внешними источниками, которые обогащали культуру империи. Итак, явившийся по приказу императора новый художник не упустил возможность поразить двор странностью своей техники: он наполнил рот краской, а затем стал плывать ею на стену. Так он нарисовал дракона.

Еще один легендарный рассказ, являющийся эхом первых проявлений буддизма в период правления династии Хань, дает нам пример той ценности, которой могло обладать нарисованное изображение. Однажды императору Минди из династии Хань (57—75) приснился сон. Он увидел, что перед ним стоит божество — огромного роста и, казалось, все покрытое золотом, возложенная на его голову корона сияла солнечным ореолом. Когда император рассказал об этом видении придворным, те подсказали ему, что божеством был, без всякого сомнения, сам Будда, которому поклонялись в странах Запада. Тогда правитель спешно отправил в Индию послов, которые привезли ему тексты и одно изображение. История продолжилась так: «Когда первый посол Цай Инь, привезя с Запада [учение] Кашьяпы и Матанги¹, представил к престолу изо-

бражение и Шакьямуни, которое было написано правителем Удачной. Император оказал ему великое почтение, найдя его абсолютно совпадающим со своим сном. Он приказал своим художникам сделать множество копий, чтобы можно было поклоняться им на террасе Цинлин Южного Дворца, и на самых высоких точках ворот Цайян, и в мавзолее Сяньця. Более того, в Баймасы (храм Белой лошади) стены были расписаны изображениями тысячи повозок и десяти тысяч всадников, которые тройным кольцом шествовали вокруг пагоды...»

Таким образом, в государстве Хань живопись была распространена. Говорят, что в период правления императора Хэди (89—106), совпавший с развитием бумаги, материала, который предпочитали китайские художники, произведений живописи стало достаточно много, чтобы начали появляться первые коллекции. В это же время появились и художники, которые получали вознаграждение от государства. Также известно, что в Лояне мода на портреты была распространена до такой степени, что невеста императора Шуньди (126—145) украсила свою комнату изображениями женщин, знаменитых своей преданностью и верностью. Из всех этих сокровищ остались только необыкновенные вышивки на шелке и несколько фрагментов настенной живописи, как, например, те, что находятся сегодня в музее Бостона. Также сохранились изображения забавных домашних сцен, найденные в погребениях во время недавних раскопок. Во всех этих случаях основа картины всегда была светлой. На ней в абстрактной манере изображались движущиеся люди и животные, причем для этого использовались три краски — зеленая, коричневая и красная. Умелое размещение сюжетов, двигавшихся в различных направлениях, расширяло и увеличивало пространство. Таким образом, уже в период правления династии Хань живопись постигла главные принципы, которые характерны для искусства Дальнего Востока: использование пустоты и подвижности взгляда зрителя.

¹ Ошибка авторов. Кашьяпа Матанга — это один человек, он прибыл в Китай лично. См., напр.: Хуэй Цзяо. Жизнеописание достойных монахов. Кашьяпа Матанга. 1. М., 1991.

Из того, что известно о живописи периода Хань, стоит отметить, что она изображала выдающихся личностей, а также торжественные или обычные эпизоды их земной жизни. Дерево или животное, которые сопровождали это изображение, прежде всего играли роль второстепенной детали, знака, который обозначал место действия или был скромным украшением. Все изменилось только в конце III в.: буддизм изобразил человека вне него самого и заставил посмотреть новым взглядом на бесчисленные облики мира, мимолетные, но одухотворенные.

По искусству владения кистью китайская живопись равна каллиграфии, как и литература, она изображает больше понятия, чем тела, а природу личностей больше, чем их фигуры, даже если она стремится воспроизвести реальность в общих чертах. В европейском Средиземноморье живопись возникает благодаря любованию человека телом, формами чувственного и материального мира. В Китае ее порождают мнемотехнические символы прорицателей. Вот почему живопись и каллиграфия оказываются в «мире знаков», подчиненном одному и тому же важному критерию. Речь идет о линии, о символическом знаке, поэтому оба этих искусства всегда остаются тесно взаимосвязаны. Чжан Яньюань отмечал в своих известных «Записках о знаменитых художниках ранних эпох» («Лидай минь хуа цзи»), написанных в 847 г., что просвещенные люди передают свои идеи либо посредством живописи, либо через литературу, поскольку оба этих средства выражения лучше всего передают мысль.

Для того чтобы оценить качества как живописи, так и каллиграфии следует пристально рассмотреть четыре важнейших фактора: структуру (*гу-фа*, дословно «кость»), «тело» (*роу-фа*, т. е. толщину или тонкость черт), «нерв», или «мускул» (*цзинь-фа*, т. е. манера, по которой черты соединяются друг с другом, их связность), и, наконец, разум (*ци*), вдохновение, верность передачи самой жизни, которую художник может достичь, только заставив свое сердце биться в одном общем ритме с миром.

И в том и в другом случае использовались одни и те же материалы: конопляная или шелковая ткань, позднее бумага. Легкость используемых материалов привела к тому, что живопись постепенно покинула мир гробниц и дворцов. Из украшения она превратилась в самое удобное средство личного выражения, которое существовало, потому что оно требовало только несколько легко транспортируемых предметов — «четыре драгоценности мастерской просвещенного мужа» (*вэнь фан сы бао*): бумагу, изобретение которой произошло в царстве Западная Хань, тушь, кисть и тушницу.

Существовало несколько видов туши. Знаменитый поэт Цао Чжи (192—232) сообщает, что в его эпоху ее изготавливали из сосновой сажи особого качества. Для того чтобы достичь особого эффекта, ее смешивали с клеем, извлеченным из ослиных шкур. Впрочем, существовало общее правило о том, что растительные пигментные красители, разбавленные водой, нужно немного проклеить. Эта процедура позволяла создать простые цвета, дававшие богатые оттенки в зависимости от того, сильно или слабо их разводили. Однако они были мало пригодны для густых изображений, рельефных форм. Вот почему в китайской живописи полутона передаются посредством ступенчатого изображения планов в пространстве, а не тенями, использование которых очень редко.

Художники древних времен традиционно часто добавляли к туши истолченный жемчуг, нефрит, а иногда и камфару, чтобы добиться особого блеска.

Кисть, заменившая палочку для письма, была основным орудием художника. Многочисленные древние варианты просуществовали вплоть до появления изобретения, которое приписывают министру Мэн Тяню (умер в 209 до н. э.). Такая кисть называется *пи*, и она дошла практически неизменной до наших дней. Обмакнув кисть в тушь, ее держали в руке вертикально, в противном случае рука не касалась бумаги. Движение должно было исходить не от пальцев и не от

запястья, а от предплечья или даже от всего тела в тех случаях, когда изображению стремились придать особую выразительность.

Всегда похожая по своей форме, хотя отличающаяся по размерам, кисть могла быть сделана из различных материалов. Обычную ручку из бамбука художник мог иногда заменить по прихоти времени и моды на ручку из более благородных материалов. Это могла быть слоновая кость, бронза, нефрит, перегородчатая эмаль, нанесенная на медную поверхность, а в крайних случаях и золото. Однако все это было не более чем развлечением эстетов и богачей.

Тип используемого в кисти волоса был намного более важен, так его свойства определяли, какой будет линия. Рецепты менялись на протяжении веков, рекомендуя в зависимости от обстоятельств использование волоса зайца, барсука, ласки, лани, лошади и даже свиньи. Если художник хотел добиться эффекта хорошего нанесения влажной краски, следовало использовать кисть из волоса кролика или козы. Более тонкие линии достигались путем применения кисти из волоса волка или даже усов мыши.

Пейзаж

Отец китайской каллиграфии Ван Сичжи (307—365) жил в правление династии Восточная Цзинь (317—420), укравшейся в благодатных землях Юга. О его жизни известно довольно мало, кроме того что в 353 г. он собрал сорок своих просвещенных друзей, чтобы, сидя под деревьями, на берегу извилистого ручья, отпраздновать нежный конец весны. Это произошло в современной провинции Чжоцзян. Слава южного пейзажа сделала этот праздник особенно впечатляющим, и в итоге он получил название «праздника весеннего очищения». Жизнь, смерть, вечное становление мира вдохновили Ван Сичжи на создание одного из самых прекрасных текстов ки-

тайской литературы, известного по названию предисловия к «Павильону орхидей» («Ланьтин»).

«Девятый год Юн-хо [353], в начале последнего месяца весны, мы собрались в Павильоне орхидей, в Шанинь, чтобы там совершить обряды Весеннего очищения. Все мудрецы, и старые и молодые, собрались там.

В Шанинь есть высокие пики и вершины гор, зеленеющие леса и заросли стройного бамбука. Здесь есть и прозрачные бурлящие и сверкающие реки, которые текут со всех сторон.

Мы устроились около маленького ручейка, чтобы мыть в нем наши чаши, и все расселись по порядку...

Небо в этот день было светлым, а воздух чистым, мягкий легкий ветерок обдувал нас...

Когда люди беседуют вместе о своем времени, одни... говорят только о своем доме, другие... свободно рассуждают о посторонних событиях... Хотя эти привычки различны... все эти люди на короткое мгновение оказываются удовлетворены. Они счастливы и не помышляют больше о том, что их подстерегает старость...

То, что привлекало нас прежде, в мгновение ока оказалось не больше чем остатками прошлого. И тем не менее мы не могли помешать друг другу испытывать волнение, мечтая об этом. Долго и одновременно быстро все менялось и, наконец, подошло к своему концу, к гибели...

Я никогда не мог читать древние произведения без печальных вздохов, испытывая глубокое чувство грусти. Глубоко внутри я понимаю, что мои попытки стереть различия между жизнью и смертью — всего лишь тщетные слова. Что стремление объединить в одно понятие долголетие и преждевременную смерть — всего лишь обманчивые речи. И последующие поколения будут взирать на нашу эпоху так же, как мы сейчас взираем на прошлое. Это грустно.

Вот почему я привел в порядок произведения моих современников, которые я переписал. Хотя времена и условия меняются, но то, что пробуждает человеческие эмоции, по

существованию остается тем же. И я знаю, читателям будущих веков эти записи позволят испытать те же чувства».

Это послание, полное нежности и человеческого единомыслия, брошенное сквозь века, это размышление о неуловимом постоянстве прожитого, никогда не переставало быть маяком для всех образованных людей Китая. Оно всегда будет напоминать о личности «святого каллиграфа», сидящего на берегу пруда, к которому он привязан, где он моет свою кисть перед тем, как опустить ее в тушь.

Одно из представлений даосизма, пропитанного буддизмом, восхваляло в глазах людей Севера красоту и изобилие южных пейзажей. Именно такое сознание, как представлялось, показывало вехи пути, ведущего к чистому счастью без примесей. Кроме мимолетного существования обреченных на смерть людей, полета птицы, бега лошади, существовала и непреходящая красота пейзажа: он состоял из множества деталей, неизменных в своих основных чертах, которые призывали к отвлеченному восприятию. Их можно было легко выразить такими философскими терминами, как вечность и относительность.

Постепенно изображения меняются, пейзаж увеличивается, становясь по своему размеру равен человеческому росту. Человек объединяет в картине все, становясь подобием тростинки в сердце бесконечной природы. С этого момента живопись смогла передать когда-то существовавшую систему отношений между Небом, Землей и людьми, о которой писали древние философы. Китайский пейзаж становится скорее пристрастием философии, чем состоянием души человека. Известны художники этого периода, произведения которых сегодня, увы, утеряны: Цзун Бин (373—443) и Ван Вэй (415—443), которого называют Ранним, чтобы не перепутать с художником VIII в., чье имя звучит так же.

Цзун Бин дал точное определение перспективы, ключа к символизму живописи: «Горы Куньлунь очень велики, а зрачок — очень мал, если поднести горы на один палец к моим глазам, я не смогу увидеть их форму. Но если их отодвинуть на

несколько километров, то они смогут целиком поместиться в моих зрачках. Таким образом, верно, что чем дальше находится объект, тем меньше он становится. Теперь, когда я растягиваю шелк, чтобы изобразить далекий пейзаж, форма гор Куньлуня и Лан могут оказаться размером с прямой палец. Вертикальная черта в три пальца равна высоте нескольких тысяч метров, а горизонтальная черта длиной в несколько метров позволяет охватить пространство длиной в сотню километров. Вот почему, когда зрители смотрят на картины, они должны всегда осознавать тот факт, что изображение создано бесталанным мастером, если его малый размер портит сходство. Ведь это естественное условие, чтобы пропорции сохраняли сходство».

От Ван Вэй, пейзажиста, музыканта, литератора и врача — настолько широким был круг умений «благородного мужа» того времени, — не осталось даже названий его произведений.

Однако сохранилось его определение живописи, которое состояло из целой цепочки точек зрения. А значит, оно выражает продолжающееся развитие пространства, тогда как мы, люди западной цивилизации, замыкаем пейзаж в рамки, которые зависят от неподвижного взгляда зрителя. Классический западный пейзаж предполагает, что время остановилось и застыло, чтобы уловить момент своего становления. Для Раннего Ван Вэй все выглядит совершенно по-другому: «Когда говорят о живописи, люди прежде всего сосредотачиваются на внешних деталях и на элементах структуры. Однако целью людей древности были не только точная передача плана местности, размежевание уездов, проведение границ городов и деревень и изображение течения рек. Физический облик основывается на физических формах, но дух всегда меняется и находится в действии. Однако дух невидим, вот почему то, куда он входит, внешне не меняется. Глаз ограничен расстоянием, вот почему, когда он смотрит, он не видит всего. Таким образом, используя одну маленькую кисть, я рисую бесконечную пустоту, и, используя ясный взгляд моих маленьких зрачков,

чтобы [распознать] границы, я рисую огромное изображение. Кривой линией я изображаю горную цепь Сун. Еще одна линия — и вот я создаю Фаншань [мифическая гора]. Пологой линии достаточно, чтобы изобразить гору Тайхуа, а несколько неправильных точек превращаются в нос дракона. [Его] брови, лоб и щеки напоминают безмятежную улыбку, а [в случае с горами] единственный утес настолько пышен и возвышен, что кажется, что он рождает тучи. Изменения и колебания всех направлений создают движение, а накладывая пропорции и размеры, можно обнаружить дух. После этого нужно сгруппировать, согласно сюжетам, храмы и святилища, корабли и повозки и выделить, согласно форме, живых существ, собак и лошадей, рыб и птиц. Это последняя фаза живописи.

Когда я запоминаю тучи осенью, мой дух извлекает из них крылья и клен. Когда я встречаю морской ветер весной, мои мысли текут как огромный и мощный поток. Даже музыка железных и каменных инструментов и бесценные нефритовые сокровища не могут [сравниться с этим удовольствием]. Я развиваю живопись и изучаю документы, я сравниваю и различаю горы и моря. Ветер поднимается из земных лесов, вода, пенясь, стремится в потоке. Увы, нарисовать это невозможно движениями пальцев руки. Для этого нужен дух, вселяющийся в леса и воду. Такова природа живописи».

Время, пространство — все упразднено: это определение вечности.

* * *

Развитие буддизма дает новый резонанс произведениям художников, которые передают с тех пор энтузиазм и целенаправленность религиозных убеждений. Например, Цао Боусин (222—277), которого превозносили за совершенство изображений драконов, животных и варваров, казавшихся живыми, обратился в буддизм в 247 г.

В это время живопись стала особенно популярна, если судить об этом по числу художников, которых с удовольствием перечисляют хроники. Бесспорно, самым известным из них оставался Гу Кайчжи (345—411). Он жил в южной столице, где сохранились самые красивые сокровища цивилизации Хань. Он больше интересовался людьми, чем вещами, и во всех сюжетах искал душу и мораль больше, чем внешние формы. От его произведений остались названия, сохранившиеся в «Лидай мин хуа цзи», копии его произведений «Фея реки Ло» и самый важный свиток, который сегодня находится в Британском музее Лондона, — «Наставления придворным дамам». Он является иллюстрацией к тексту поэта Чжан Хуа (232—300) и представляет собой девять сцен, которые сопровождают несколько столбцов каллиграфического текста. Знаменитый свиток Гу Кайчжи стоит у истоков этого динамичного искусства раскрашенных *volumen*¹, которые позднее были с особым вдохновением переняты японцами, под названием *emaki*².

Рисуя свои произведения на тончайшем шелке, Гу Кайчжи использовал тонкие оттенки красного, черного, сиреневого, оранжевого, зеленого и серого. Он тщательно помещал краски в границы, отмеченные контуром, который сохранял четкую ясность произведений периода Хань, хотя и в несколько упрощенном виде. Гу Кайчжи был отцом китайской живописи, выразителем двух течений, первое было вдохновлено каллиграфией, второе отделилось от нее и было наполнено жизни и свежести.

Первый полный эстетический трактат, относящийся к китайской живописи, был написан Се Хэ, знаменитым портретистом династии Южная Ци (479—501). Он долго учился у великих мастеров, которых старался тщательно скопировать, чтобы приобрести необходимую технику письма и, насколько

1 Volumen — здесь: свитки (лат.).

2 Emaki — емакимоно (яп.), многометровые живописные свитки.

возможно, усвоить дух произведений. Се Хэ написал ученый труд «Хуа пинь», в котором подчеркивал необходимость классифицировать картины в зависимости от их достоинств и недостатков, так как произведение не может остаться нейтральным: господство рисунка, как хорошего, так и плохого, никогда не иссякает.

Великий мастер, полагал Се Хэ, должен исповедовать шесть принципов, которые, честно говоря, мало кто из художников был способен применять одновременно.

Первый принцип, «*ци юнь шэн дун*», призывал искать «в гармонии дыхания движение духа»¹, так как жизненный ритм (*ци юнь*) — это источник движения. С точки зрения каллиграфии это ритмическое понятие, свойственное филологии и просодии, было, таким образом, перенесено на назидательную живопись, а особенно на ту, которая изображала важных особ.

Второй принцип, «*гу фа юн пи*»², предписывал, по старой терминологии Хань, чтобы кисть, прежде всего, прочертила «кость», т. е. основные линии изображаемого сюжета.

Третий принцип, «*ин у сиан син*»³, приказывал рисовать форму в соответствии с представленным объектом.

Четвертый принцип, «*суй лэй фу цай*»⁴, учил наносить краску в соответствии с природой объекта.

Пятый принцип, «*цзин ин вэй чжи*»⁵, обязывал чертить план и располагать объекты согласно их значению: это определение композиции.

Шестой и последний принцип, «*чжуань цай мо се*»⁶, рекомендует постоянно копировать образцы, чтобы усвоить их лучшие качества.

На протяжении веков эти знаменитые каноны Се Хэ, которые с энтузиазмом были приняты портретистами и анималистами двора, а затем приспособлены и к созданию пейзажей, оставались высшим эталоном. Тем не менее каждое поколение и каждая группа художников воспринимали их по-разному, в соответствии со своим образованием и предпочтениями. Одни видели в этих принципах поиск реалистического и кропотливого воспроизведения природы. Другие воспринимали их только как гимн поискам духа, точному выбору символа. Эти две тенденции продолжали развиваться, то противостоя друг другу, то объединяясь.

В разделенном мире, который предшествовал объединению империи под властью династий Суй и Тан, целые поколения образованных людей должны были отказаться от власти, перешедшей в руки варваров. Без сомнения, это было благом, так как интеллектуальное дробление страны, отстранение от потребностей управления привело к тому, что интеллектуалы искали убежища в искусстве. Разумеется, Китай, ослабленный и раздробленный, но освобожденный от железного ошейника единства, смог подняться до высоких сфер человеческого мышления и красоты.

1 Традиционный русский перевод: «звучание духа, движение жизни».
2 Способ «кости», применение кисти.
3 «Соответствие объекту, изображение формы».
4 «Подобие типу, наложение красок».
5 «План и чертеж, место и положение».
6 «Передача копированием, следование образцам».

Глава пятая
ЗАРОЖДЕНИЕ
ВТОРОГО КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Легко заметить, что, когда единая письменность смягчает проблему многоязычия, а взаимные обмены и сопоставления в области культуры способствуют улучшению понимания, возникает мечта о единстве, которая, пусть и временами, подвергается давлению политических иллюзий. Рано или поздно, когда становится необходимым избавиться от многовластия, чтобы в самые решающие исторические моменты воссоздать национальное единство, вновь возникает идея объединения.

Используя то, что досталось им по наследству от всех земель и из всех времен, две последовательно сменяющие друг друга династии, Суй (581—618) и Тан (618—907), создали новую империю, тень которой почти сразу же распростерлась над соседними народами. Современные японские историки охотно видят в этом дальневосточный вариант каролингского «возрождения». Причем по времени эти два периода практически совпадают. Знаменательно, что в Японии, например, само название династии Тан, которое по-японски читается *То* или *Кара*, имеет общее значение «Китай» или, точнее, «китайская культура» в самых разных вариантах.

Безусловно, этот новый китайский классический период основывался на более широких, чем в эпоху империи Хань, этнических, экономических, интеллектуальных и культурных основаниях. Это, вне всякого сомнения, объясняет его широ-

кое распространение по всей Азии. Было ли вызвано это завоеваниями или просто влиянием соседей, но Китай в описываемый период проявлял такой интерес к разнообразию, что все и вся могли объединяться с ним. Однако спустя три века, когда равновесие все же было нарушено, Китай, потеряв буддийскую веру и получив всеобщий скептицизм, пришел только к ужасающему экономическому хаосу, к которому его привели алчность плохих священников и эгоизм частных лиц, несмотря на необычайный технологический и экономический прогресс, практически приведший страну к началу Нового времени. В X в. Китай вновь распался и стал добычей варваров. Хотя это время и было очень суровым, зато люди избавились от грозного могущества бюрократических норм, принятых аппаратом управления, рост которого напоминал раковую опухоль. На фоне этого неизбежного аспекта китайского политического механизма, без сомнения, особо выделялись те несколько человек, не похожие на остальных, которыми отмечено это время.

Династия Суй

Два императора династии Суй, обладающие безграничной властью, хорошо осознающие свои задачи, заботящиеся об имперской роскоши и правосудии, стабильности и процветании народа, положили начало новой эре.

В соответствии с китайской традицией, которая предполагала, что любая смена власти приводит к справедливому исчезновению испорченного режима, добродетельный основатель новой династии Ян Цзянь, министр Северной Чжоу (556—581), во всех «Историях» представлен как человек, наделенный самыми высокими моральными качествами, свойственными хорошему правителю. Усмиритель империи, своей династии он дал название Суй, а когда умер, получил посмертное имя Вэньди, что означает «просвещенный император». Он начал решать

задачу по воссоединению страны и оздоровлению государственного управления: «В первом месяце 3-го года [эры правления] Кайхуан [29 января — 27 февраля 583] император поселялся в новом дворце [его новой столицей стала Чанъян]. [Тогда] впервые был дан приказ людям военного и гражданского сословий считать совершеннолетними по достижении 21 года. Сократили [срок отбытия] трудовой повинности [для каждой из] 12-ти [сменных] очередей до 20 дней в году. Сократили подворный налог с 1 куска тонкого шелка до 2 чжанов¹.

Прежде, еще [со времени] порочных [порядков, существовавших] в конце [династии Северная] Чжоу, были устроены казенные питейные заведения для получения прибылей, [кроме того], населению повсеместно запрещалось добывать и потреблять [соль] из соляных озер и шахт. Теперь же упразднили [эти] питейные заведения и разрешили населению пользоваться соляными озерами и шахтами. [Всех живущих] вблизи [столицы] или вдали [от нее это] очень обрадовало»².

Составители «Истории Суй» с удовольствием сообщают об умеренности и скромности правителя: «Сам император соблюдал экономию и умеренность. Все [обитательницы] Шести дворов [гарема] носили застиранную одежду. Все старые и ломаные экипажи, предназначавшиеся [ранее] императору, тогда было приказано починить и пользоваться ими, а не заменять новыми. Не устраивались пиршества. За едой [императору подавали] лишь одно мясное [блюдо], и только»³.

Эта запись позволяет представить то расточительство, которое царило обычно, и то отчаяние, которое должно было охватывать слуг и простых людей, живших за счет фантастических излишков двора. В то же время, если верить «Суйшу», столица не перестала напоминать громадный склад: «Продукты, собранные в виде налогов со всех префектур, стекались

1 Чжан — мера длины; в начале династии Суй (581—602) длина 1 чжана составляла 2,95 м, а в конце (603—618) — 2,36 м.

2 Перевод А. Бокщанина и Лин Кюньи.

3 То же.

в столицу, из Хэнани через проход Тунгуань и из Хубея через проход Пуфань. Их везли по дорогам день и ночь, не прерываясь ни на один месяц».

И без лести официальных историй нужно отметить, что император Вэнь-ди из династии Суй, образец повелителя, создал новый эффективный баланс, который напоминал о величии древних времен. Гуманный правитель, он снова столкнулся точь-в-точь с теми же проблемами, которые всегда были самыми острыми в империи. Самой важной из них была проблема распределения земель. Этот вопрос, такой же древний, как и само китайское общество, как ему казалось, требовал решения, сходного с распоряжениями, существовавшими в прошлом. Он восстановил в действии «закон о распределении равных полей», обнародованный на сто лет раньше (485) знаменитым императором Сянь-вэнь-ди из династии Северная Вэй, который перенес свою столицу из Датун в Лоян и приказал своим подданным тоба китаизироваться.

Этот закон был введен по совету китайских экспертов, чтобы устранить ту прискорбную небрежность, с которой кочевники относились к земледелию, и откликнуться на упования «физиократов», как об этом торжественно заявляет введение в экономический трактат, входящий в «Суйшу»: «... продукты питания и меновая стоимость были основой жизни первых людей. Мудрые правители поделили землю на участки, для того чтобы у народа было занятие. Они создали обращение ценностей и имущества, чтобы обогатить его. Обогатив народ, они стали обучать его, так расцвели уважение к человеку и справедливость. Если народ беден, он начинает воровать, и ни наказания, ни казни не могут остановить его».

Земельная система, *цзин тянь* или *цзин ту*, которую традиция возводит к золотому веку, основывалась на распределении участков земли, годных для обработки, нарезанных согласно плану, который имеет форму иероглифа «колодец». Без сомнения, изначально поля объединили в зависимости от расположения мест, где можно добывать питьевую воду. Дун

Чжуншу и его сторонники долго оплакивали «исчезновение» в эпоху правления династии Хань этой системы, на самом деле существовавшей только теоретически.

Суть этой древней модели, восстановление которой было осуществлено в 485 г., совершенно спокойно была истолкована по-новому. В расчет были приняты требования сельского хозяйства и присущая людям потребность в частной собственности. Государство разделило землю на две категории: первая категория — наследственные земельные участки (*юне*), которые предоставлялись каждому человеку. *De facto*, но не *de jure* они имели характер собственности, которую право действительно признавало за каждым из подданных империи и его потомками. Вторая категория: зависимые земельные участки (*коуфэнь*). Наследственные земельные участки предназначались для фруктовых деревьев и шелковицы, доход от которых мог появиться только через несколько лет, зависимые же земельные участки были отданы под пахоту и ежегодный сбор урожая овощей и зерна, т. е. того, о чем говорит сам смысл слова *коуфэнь* — «повседневная пища». После смерти того, кто обрабатывал участок, или после того как ему исполнялось 60 лет и он больше не имел физических возможностей сам обрабатывать поле, зависимый земельный участок возвращался в общее имущество, откуда его снова передавали кому-нибудь на тех же условиях.

Каждый мужчина, достигший совершеннолетия, а этот возраст на протяжении веков несколько раз менялся, колеблясь в зависимости от потребности в рабочей силе от 15 до 21 года, получал зависимый земельный участок размером в 40 му. На протяжении лет в зависимости от системы наследования к пахотной земле добавляли либо полный, либо половинчатый (20 му) наследственный земельный участок, который на момент реформы предоставляли всем совершеннолетним. Женщины также получали свою часть, участок, который был немного меньше, чем половина участка мужчины. Вычисления, пусть и допускающие некоторые вариации, по-

зволяют определить, что в конце V в. типичная семья, состоящая из отца, матери, четверых детей, четырех рабов-мужчин, четырех рабов-женщин и владеющая 20 быками, получала примерно 465 му земли, что примерно составляло 25 га. Однако в 564 г. династия Северная Ци изменила норму, взяв за основу семью из троих совершеннолетних, двоих детей, владеющую одним быком: они получали 15 га. Передают ли изменения в оценке размеров средней семьи общее обнищание или, напротив, появление свободного доступа к земле многочисленных людей, когда-то обращенных в рабство? На современном уровне знаний нам не хватает точных демографических исследований, которые позволили бы установить, каков был типичный состав средней китайской семьи в этот период.

Более того, претворение в жизнь этого закона менялось в зависимости от плотности населения: имелись отличия между «просторными областями» и «тесными областями», т. е. соответственно мало- и густозаселенными регионами. Суть метода заключалась в том, чтобы разделить ресурсы, т. е. пахотную поверхность, на количество людей. Затем этот простой раздел земли корректировался, так как принималось во внимание и качество земли: средний размер участка мог быть и вдвое и втрое больше, чем объявленная норма площади. Налог также варьировался в зависимости от цены и качества урожая. Династия Тан, в свою очередь, дополнила этот закон указом о необходимости «устраивать переделы земли», перераспределяя их через более или менее короткие промежутки времени, например через три, пять или двенадцать лет.

Впрочем, эта сложная организация ведения хозяйства, в которой тесно переплетались аграрная и налоговая системы, была введена не без значительных трудностей: чтобы их себе представить, нужно только мысленно перенестись к современным нам вопросам укрупнения земельного хозяйства. Каждый пытается оказаться хитрее своего соседа. Таким образом, мы видим людей в полном расцвете сил и возраста, которые при помощи «горшочка с вином» записываются в категорию детей

или стариков: уменьшение земельного надела, которое за этим следует, компенсируется снижением налогов и повинностей. Эти мошеннические приемы в экономическом трактате, входящем в состав «Суйшу», стали объектом скандальных рассказов, предлагавших варианты решения этой проблемы: «Гао Цзюнь [советник императора Вэнь-ди] (555?— 607) еще также полагал, что хотя есть установленные нормы для уплаты людьми урочных налогов, но ежегодно при сборе постоянных налогов [бывает] много приписок дополнительных [взносов] или же исключений из списков и старшие чиновники самовольно и по собственному пристрастию делают изъятия из расчетных описей. [Поэтому норма налогов] вновь стала неопределенной, и для определения и подсчета [налогов] трудно пользоваться реестрами. Вот почему [следует] ввести [новые] установленные образцы внесения налогов [согласно] спискам населения. [Он] просил, чтобы повсеместно, во все округа, было дано [указание] сяньлинам ежегодно пятого числа первого месяца [направлять] инспекторов, которые [должны] в соответствии с тем, как это удобно, из каждых пяти или трех лежащих рядом дан составлять один туань и согласно [имеющимся] образцам устанавливать [деление] дворов на высшие и низшие [категории]. Император последовал этому [предложению], и с тех пор повсеместно прекратилось мошенничество»¹.

Этот важный вклад в оздоровление государственных финансов тем не менее не защитил самого Гао Цзюня, который был казнен в 607 г. за то, что он осмелился критиковать правительство Ян-ди, второго и последнего императора династии Суй.

Такой налоговый порядок был действительно эффективным только благодаря существованию широкой сети доносчиков: «Также обнародовали новый указ, [устанавливавший такой] порядок: [каждые] пять семей, [живущие в пределах владений государя], [должны] составлять бао. Во [главе] бао

1 Перевод А. Бокщанина и Лин Кюнъи.

[должен стоять] староста. [Каждые] пять бао — составлять люй, [каждые] четыре люй — составлять цзу. В каждом из них [должны] быть начальники. [Было установлено], что начальнику люй за пределами владений государя [по положению] приравнялся начальник ли, начальнику цзу приравнялся староста дан, чтобы [можно было] сопоставлять их друг с другом»¹.

Таким образом, цели введения этого закона были очень суровыми, а по сути он провозглашал принцип твердого эгалитаризма. Главы семей должны были вносить земельный налог, доходивший до 60 мер, около трех ши², зерна с одного хозяйства. Таким же образом собирались налоги, вносимые тонким и грубым шелком, а также полотнами пеньковой ткани. Холостяки, как и слуги, платили только половинный налог. Это было справедливо, так как им предоставлялось очень мало земли. Те из них, кто по какому-нибудь основанию вообще не получал земли, освобождались от всех налогов. Еще один отрывок из этого текста показывает, какие льготы в обход закона все же были возможны на практике: «Обладатели чиновных рангов и [почетных] титулов, а также [те, кто признавался] „почтительным сыном“, „послушным внуком“, „верным долгу мужем“ и „целомудренной женой“, также освобождались от налогов и трудовых повинностей»³.

Другими словами, афишируемая мораль была прекрасным средством для того, чтобы обогатиться.

Императора Вэнь-ди не меньше тревожила и проблема зерна, источника поддержания равновесия в империи. Он проявил особое внимание к содержанию и строительству хранилищ (585), создав запасы, которые получили название «амбары справедливости». Такие же древние по своей сути, как и сама империя, эти хранилища позволяли ослабить тяжелые

1 Перевод А. Бокщанина и Лин Кюнъи.

2 Ши — мера объема; в начале династии Суй (581—602) 1 ши составлял 59,44 л, в конце (603—618) — 19,81 л.

3 Перевод А. Бокщанина и Лин Кюнъи.

последствия наводнений и засух. Наконец, император самостоятельно пересмотрел политику, разработанную в 535 г. министром Су Чэ, и стал, как и Цинь Шихуанди, заботиться об унификации монеты, для того чтобы развивать рынки на всей территории Китая.

Таким образом, Вэнь-ди проявил себя как могущественный администратор и хороший хозяйственник. Его основной заслугой стало применение превосходных и по большей части древних законов, которые к VI в. вышли из употребления. Между тем, как и все правители крупных политических образований, он не мог действовать в одиночку. Ему пришлось предоставить широкую свободу действий местным чиновникам, а это способствовало различным злоупотреблениям. Он запретил давать официальные ссуды под ростовщические проценты, но зато разрешил «всем государственным службам, как в столице, так и в провинции, перепродавать [свои запасы] на рынках, для того чтобы умножить [количество продовольственных товаров и поголовье скота] повсюду». Так традиционные понятия равенства и правосудия служили для того, чтобы прикрывать самые сомнительные операции, обеспечивая им получение дохода.

* * *

Стремясь четко определить для каждого крупного социального слоя размеры земельных участков и налогов, а также его обязанности, Вэнь-ди завершил свою работу составлением вышедшего в 583 г. кодекса, включавшего пятьсот статей. Начиная с кодекса, который был разработан в правление династии Хань великим судьей Сяо Хэ (умер в 193 до н. э.) и состоял из трех разделов, законодательные тексты получили большое распространение. Кодекс династии Цзинь (268), следовавший за знаменитым кодексом Цао Цао из династии Вэй, насчитывал уже 1522 статьи. Кодекс Лян, обнародованный в 503 г., также насчитывал больше тысячи статей. Вэнь-ди

в своем кодексе, который снова пересмотрел все законодательство, как в свое время это произошло в династии Северная Чжоу в 564 г., провел строгий и разумный отбор из необычайного изобилия законов, которые существовали на тот момент.

Как и его предшественниками, кодекс Вэнь-ди не был дополнен положениями гражданского права. Это был свод угроз, взысканий и наказаний: традиционное китайское право было и всегда оставалось исключительно уголовным правом. Ценность целительного профилактического страха, ужаса, который восхваляли легисты, с одной стороны, и бесконечные взыскания к морали, к тому, что приемлемо, к тому, что должно, свойственные конфуцианцам, с другой стороны, — вот два крайних полюса этого кодекса. Единственная проблема, которая действительно занимала умы в эту эпоху, была проблема равенства всех перед законом. Легисты считали себя обязанными покоряться тем правилам, которые они издавали, тогда как конфуцианцы гордились теми привилегиями, которыми они рассчитывали обладать благодаря своему особому положению. Этот конфликт только обострялся, особенно после разработки в 653 г. крупного кодекса династии Тан, который с VII до XX вв. оставался практически неизменным: «Определять судьбу и решать вопросы жизни и смерти; отличать доброго от злого и определять их мотивы; уничтожать беспорядок и искоренять насилие, запрещать людям совершать предосудительные деяния — вот [чему служат] наказания... Наказания — это орудия [карательного похода против мятежа], это топор [для обезглавливания], это нож и пила [для отсечения], сверло и резак [для калечения], бич и палка, линейка и прут. [Кары] следует выставлять напоказ в открытом поле, подвергать им на рынках и во дворах. Происхождение этих наказаний восходит очень далеко». Общественная безопасность, семейная ответственность, иерархия правонарушений и преступлений, градация наказаний, использование пыток с целью добиться признания, значение уважения к судопроизводству — обсуждение этих вопросов пришло из глубины веков.

Чрезвычайное развитие архивов, официальных историй и китайской бюрократии напоминает нам об относительно-сти времени и о том, что ускорение истории, которое Сыма Цянь чувствовал еще две тысячи лет назад, действительно происходит и будет продолжаться бесконечно.

* * *

Наследником императора Вэнь-ди стала не менее яркая фигура. Речь идет о Ян-ди (604—618), втором и последнем императоре династии Суй. Однако по мере того как проходили года, он все больше навлек на себя гнев современников, эхо яростных обвинений которых мы и сегодня можем увидеть в официальных историях. Разве их роль не состоит именно в том, чтобы оправдать приход к власти новых династий, подчеркивая по контрасту упадок старых?

Конечно, личность императора Ян-ди все же действительно кажется очень странной и даже разрушительной, так как он ответствен за смерть в 604 г. собственного отца, императора Вэнь-ди. Впрочем, замкнутая среда дворца способствовала подобным гнусным драмам: жизнь, власть, политика империи могли оказаться преданы из-за интриг придворного евнуха, обаяния женского личика, рождения или смерти наследника престола. Возможно, Ян-ди самостоятельно восстановил древнее правило тоба, согласно которому правящего главу государства умерщвляли, когда его старший сын достигал возраста совершеннолетия¹. Также после родов убивали и мать наследника престола, чтобы заранее пресечь возможные мятежи кровных родственников. Историки, не интересуясь причинами этого преступления, останавливаются только на его последствиях. Юридическая часть «Суйшу» с отвращением

¹ Подобное замечание авторов выглядит несколько неуместным, так как Ян-ди был не первым, а вторым сыном императора Вэнь-ди, и своего старшего брата он убил вместе с отцом.

описывает бесчинства и жестокость, которые поставили Ян-ди на грань безумия и привели его к гибели. «... Законные правила были упразднены, и коррупция распространилась повсюду. Бедняки, которым не к кому было обратиться за помощью, объединялись в разбойничьи банды... Когда Ян Сюань-кан восстал [613], император подверг гонениям девять ветвей [его семьи]. Тех, кто был самыми важными обвиняемыми, казнили через четвертование или убили стрелами. Их [отрезанные] головы, насаженные на кол, выставили на всеобщее обозрение. Император заставлял высших сановников глотать кусок за куском плоть казненных».

Тем не менее в начале своего правления император стремился сделать более человечными те меры, которые были введены его неумолимым отцом, чтобы вести народ правильным путем. Кроме того, Ян-ди был великим завоевателем. Военные экспедиции: в Линьи против киданей, которые жили к северо-востоку от Китая (605), на острова Рюкю (607), в Ганьсу (609) и особенно состоявшийся в 611 г. поход против Кореи — истощили физические и моральные силы империи. В то же время они заставили правителя, жаждущего быстрых успехов, потерять терпение. К положительному результату не привели и кампании в Корее. Престиж императорской власти слабел, а народ все хуже относился к насильственной вербовке в армию.

Помимо прочего, хроники упрекают Ян-ди в необузданной склонности к роскоши. Для того чтобы восстановить и украсить Лоян, куда император перенес свою столицу, он потребовал, чтобы со всей империи ему присылали диковинные или просто красивые растения, экзотических птиц и животных. Он отвел воду от двух притоков Хуанхэ, для того чтобы дворцовый парк пересекал «императорский канал», устроенный с помощью дамбы, по берегам которого были посажены ивы. Так как на севере лесов почти не осталось, он приказал искать к югу от Янцзыцзян стволы деревьев, которые были бы достаточно длинными, чтобы построить из них корабли: «корабли-драконы, судна-фениксы, [корабли, украшенные]

желтыми драконами, красные корабли, лодки из нескольких ярусов, корабли, связанные бамбуком». Огромный императорский флот в 605 г. появился в спокойных водах новых каналов, проложенных или восстановленных так, чтобы можно было отправиться в Цзянту, который сегодня называется Янчжоу. Главы провинций и округов, через которые проезжал император, должны были приготовить провизию и торжественно принять кортеж. Продвижение по службе и лишение положения, даже сама жизнь чиновников этих пунктов зависели от того, насколько усердно они чествовали своего гостя — императора.

Этот легендарный кортеж, эти плавучие «палаты из золотой ткани», так сильно поразили всеобщее воображение, что навсегда остались символом низких пороков императора Ян-ди, его чрезмерной страсти к роскоши и тщеславия.

В конце концов император Ян-ди не ввел ничего нового. Его отец император Вэнь-ди в 584 г. тоже приказал инженеру Юй Вэнькаю (555—612) успокоить бурные воды реки Вэйхэ, исторической артерии старого Китая, так как ее неравномерная скорость делала трудным снабжение Чанъяни, города, который император выбрал в качестве столицы: «Столица располагается в том месте, где сходятся пять регионов. Многочисленные перевалы ограждают ее с четырех сторон, ее трудно достигнуть и по воде и по суше. Великая река несет свои волны на восток, все речки и все морское побережье объединяются благодаря ей в один огромный путь длиной в десять тысяч ли. Хотя у Трех Ворот [Дичжу] было несколько опасных мест, но если производить перевозки по суше от Сяо Пинлу до Шаня, где снова следовать по Хуанхэ, чтобы оттуда вплыть в реку Вэйхэ и одновременно провести [баржи] фэнь и цзинь в верхнее течение [Хуанхэ], то эта смена кораблей и повозок позволит получить значительное преимущество. Между тем сила течения реки Вэйхэ неравномерна, а ее ложе неглубоко, [его загромождают] песчаные мели, становящиеся препятствиями для судов. Однако эта особенность продолжается только

на протяжении примерно нескольких сотен [ли]. Невозможно пользоваться силой воды и атмосферными течениями и в ту и в другую сторону. Таким образом, маневрировать кораблем — это тяжелая и утомительная работа.

Мы, Император, с тех пор как Мы получили власть над Империей, стремимся увеличивать доходы и уменьшать потери. Мы глубоко сожалеем обо всех государственных и личных невзгодах. Вот почему от Тунгуана на востоке и до реки Вэйхэ на западе [Мы приказываем] людям прорыть судоходный канал. Мы определили необходимые условия и оценили объем требуемых усилий: исполнить это задание легко. Мы уже приказали инженерам проехать по тем местам, где пройдет канал, осмотреть состояние почвы и исследовать методы, [которые можно будет использовать] при долгой работе. Прорытый один раз, этот канал не будет уничтожен и через десять тысяч поколений. Он позволит лодкам с прямыми парусами и большим кораблям, как государственным, так и частным, осуществлять перевозки и днем и ночью. Перевозки не останутся ни в верховьях, ни в низовьях канала. Усилия десятка дней помогут сэкономить миллиарды. Мы очень хорошо знаем, что во время жары работа будет очень утомительной. Между тем без скоротечного тяжелого труда можно ли получить долгое удовлетворение? Мы издаем это воззвание для того, чтобы все люди знали Наши намерения».

Без сомнения, с самого строительства Великой Китайской стены правящие режимы не подвергали китайский народ такой безжалостной отработке повинностей. Неоспоримо то, что среди всей длинной череды китайских императоров именно Вэнь-ди и Ян-ди из династии Суй в таком объеме осуществляли общественные работы, как их называли «работы с землей и деревом», которые принесли народу невероятные страдания. Императорский Китай мог существовать только благодаря усилиям народа, который часто нес от этого один ущерб. Спустя многие века народная память сохранила «Песнь бурлака императора Ян-ди»:

Мой брат воевал в Ляодуне.
Он умер от голода у подножья зеленой горы.
Сегодня я тяну барки-драконы,
тяжко тружусь на дамбах Великого канала.
Наступил голод — у нас мало еды,
а перед нами еще три тысячи ли.
Сколько я еще проживу?
Мои безутешные кости отдохнут на холодном песке,
одиноким мой призрак будет плакать в мглистой траве.
Печаль иссушит мою супругу,
разобьются надежды моих родителей.
Где найду я хорошего человека,
чтобы он сжег мое брошенное тело,
проводил мою одинокую душу
и отвез родным мои белые кости?

Тем не менее в исторической перспективе в жестокости императоров династии Суй нет ничего удивительного. С первых лет империи, даже не обращаясь к отдаленным векам правления династии Шан-Инь, было известно, что правительство неизменно реализует свои проекты, привлекая в принудительном порядке громадные массы работников. Ученый Ян Ляньшэн упоминает о 7 тыс. «каторжников», которые работали на строительстве дворца Абан, а затем и мавзолея Цинь Шихуанди. В 192 и 190 гг. до н. э. правители династии Хань силой набрали около 145 тыс. человек, мужчин и женщин, для строительства столицы Чанъянь. Без сомнения, ошибка правителей династии Суй состояла в том, что они не смогли соблюсти меру, и потомство их не простило. Ян-ди заставлял приходиться в Лоян не менее двух миллионов человек в месяц, т. е. в два раза больше, чем требовал Цинь Шихуанди. Общее число занятых на строительстве Великого канала, который станет главным сооружением Ян-ди, по сравнению с древними временами увеличилось примерно в тех же пропорциях. Эти цифры очень трудно интерпретировать, так

как не существует обстоятельных демографических исследований.

Династия Хань создала систему переписи населения, которая была одной из лучших в мире: эта первая перепись Китая, и одновременно первая известная перепись среди всех великих цивилизаций, прошла во 2 г. н. э. Она показала, что население Китая в этот период составляло более 57 млн человек, и, несмотря на войны, которые привели к массовому бегству, перенаселению или, наоборот, опустошению некоторых регионов, маловероятно, что население в своей массе могло впоследствии значительно уменьшиться. Более того, очевидно, что все повинности, даже если эти работы осуществлялись для общественной пользы, вызвали бесчисленные жалобы народа. Однако тот факт, что в правление Ян-ди пришлось прибегнуть к женской рабочей силе, очень редко используемой в ту эпоху, из-за недостатка мужской рабочей силы, на которую обычно возлагалось выполнение подобных задач, позволяет предположить, что нужда в работниках увеличивалась намного быстрее, чем рождались новые люди. В то же время смерть уносила, не делая различий, и новорожденных, и зрелых людей, и стариков. Вот почему выражение «большие работы», благодаря игре слов, которую трудно передать, должно читаться, как «пришли большие страдания».

Эти работы всегда влекли за собой суеверные ожидания несчастий. Работники боялись повредить земле, «перерезать ей жилы»: об этом упоминают и «Исторические записки», впрочем, Сыма Цянь осуждает подобное примитивное мышление, и «Книга великого равенства» («Тайпин цзин»), даосское произведение эпохи Поздняя Хань. Начинать подобные работы, не заботясь о том, чтобы почтить гармонию инь и ян, и не обращаясь к мрачным знаниям геомантии, было нельзя. Если все цивилизации в разной степени признавали, что земля

обладает священными свойствами, то древнее понятие жертвоприношений Земле, почти божественной сущности, в Китае сохранялось всегда, причем зачастую принудительно. Таким образом, задачи, стоящие перед инженерами, значительно этим осложнялись.

Вся масса людей, занятых на общественных работах, делилась на две большие категории: представители народа, которые законно отбывали свои гражданские или военные повинности (*цзу*), и «каторжники» (*ту*). Последние приговаривались к этим работам согласно уголовному праву, чтобы ответить за различные преступления, отбывая наказания сроком от трех до пяти лет. Впрочем, им полагалось еще отбывать длинный срок на стройке. Так, в Хэнани было найдено множество погребальных плиток периода Хань, на которых отмечено местоположение могил «каторжников», умерших во время работ.

Однако рабы (*ну* и *би*), число которых значительно выросло в период правления династии Хань, мало участвовали в выполнении общественных работ. Хозяева и само государство использовали их преимущественно в домашнем хозяйстве. Такое же положение сохранилось и после эпохи Хань. На сегодняшний день нам известно всего два случая реквизиции рабов для использования их труда на срочных общественных работах. Однако государственные власти широко пользовались военной рабочей силой, которая не только бездействовала, но довольно дорого стоила в мирное время. Но применение военных умений было по-настоящему организовано и распространено только намного позже, в правление династии Сун.

Тем не менее в большинстве случаев цель этих обесславленных общественных работ была вызвана лучшими намерениями. В соответствии с конфуцианским учением по вопросам финансов и работ необходимо было соблюдать гармонию (*хэ*) и равенство (*цзюнь*). Впрочем, легисты считали также, хотя были более скоры на расправу, что в обмен на работу и налоги народу следовало дать средство улучшить повседневную

жизнь. В самом деле, даже мнение народа по этому поводу никогда не было единодушным. Оно менялось в зависимости от провинции, социального положения, личности, и достаток и улучшение условий одних приводили к обнищанию других. Вот почему такие важные работы, охватывающие большую часть страны и ее населения, как строительство Великой Китайской стены или рытье Великого канала, могли осуществляться только тогда, когда Китай находился во власти выдающихся правителей, которые тем не менее были настоящими диктаторами.

Мы знаем, какое огромное значение в любой период истории Китая приобретала задача по регулированию течения вод. Согласно легенде, это было первой заслугой легендарного героя, которого звали Да Юй — Юй Великий: во времена правления древней династии Ся этот восточный исполин установил на свое место горы и определил течение великих рек. Одно из благоприятных последствий военных походов Цинь Шихуанди, а потом и императора У-ди из династии Хань заключалось в том, что был создан лодочный путь, который, используя тысячи излучин сложной системы рек и озер, соединял Север и Юг Китая. Речной транспорт способствовал не только развитию торговли между частными лицами. Он предоставлял преимущества обеспечению и ускорению продвижения транспорта, направляющегося к столице, в бассейн реки Хуанхэ, и везущего продукты питания, необходимые для функционирования административного механизма: зерно, соль, металлы, идущие со всех концов империи. Паруса, которые всегда были подчинены капризам непостоянного ветра, а иногда и вообще были не способны приводить в движение тяжело груженные баржи, часто уступали место перетаскиванию суден волоком, как это практикуется и в наши дни.

На протяжении многих лет местные династии старались упорядочить или преобразовать те маршруты, которые были проложены естественным путем. Уже в «Хронике весен и осеней» есть сообщение о том, что в эпоху Чжоу появлялась идея

объединить искусственно созданными реками три озера, располагавшиеся на линии север — юг. Соединение этих озер логически предвосхищало слияние мощной реки Янцзыцзян с рекой Хуайхэ, которая на юге провинции Шаньдун впадает в Желтое море. В I в. н. э. специалисты исследовали речные пути и озера, выбирая самые глубокие, а также те, где уровень воды всегда оставался постоянным. В 350 г. по приказу императора Му-ди (345—361) из династии Восточная Цзинь к северо-востоку от города Ичжэн был прорыт канал Уяндай. Новый канал должен был вновь открыть путь по Хуайхэ, который оказался перерезанным из-за того, что старый канал Цзянду стал непроходимым. Пятнадцать лет спустя, по приказу его наследника, императора Ай-ди (362—365) был создан обходной путь, который огибал озеро Цзинь. Он избавлял лодочников от столкновений с яростными штормами, которые неистовствовали на этом озере.

Извлекая урок из своих первых усилий, император Ян-ди приказал создать между реками Янцзыцзян и Хуайхэ прямой канал (*бянь хэ*), который избавлял от необходимости пересекать опасные озера. На юге он продлил до Ханьжоу древний путь, который раньше доходил только до Янчжоу. На севере, к востоку от Лояна, канал соединял Хуанхэ и Жуньян. Оттуда одно ответвление шло еще севернее, вплоть до точки, которая располагалась недалеко от современного местоположения Пекина. Поднявшись по рекам Хуанхэ и Вэйхэ, баржи могли достичь Чанъяна, благодаря работам, проведенным раньше по замыслу императора Вэнь-ди. Разделенный на пять участков, канал соединял не только Северный и Южный Китай, но и континентальную северо-западную часть империи с ее северо-восточными морскими регионами.

Канал, прорытый от Хуайхэ до Янцзыцзян, был шириной в сорок шагов, это позволяло кораблям проплывать рядом друг с другом. В тех местах, где канал сужался, были специальные участки, предназначенные для того, чтобы большие корабли могли разойтись. Дамбы из фашин защищали тече-

ние воды, а для того, чтобы чистить дно канала, были установлены специальные деревянные орудия, снабженные железными зубьями. Чтобы преодолеть разность высот в разных частях канала, корабли приходилось тянуть на покатых плитах из дерева, обложенных мокрой глиной. На каждом берегу шла дорога, усаженная вязами и ивами, листва которых создавала столь желанную тень. От Чанъяни до Цзянду располагалось более сорока государственных станций. Там мог остановиться двор, когда император объезжал свои земли в соответствии с древним обычаем, соблюдая символизм которого правитель поочередно проживал в каждом из регионов своей страны.

Возможно, Великий канал стоил всех тех бедствий, которые он вызвал. Он представлял большой интерес для экономики страны, а одновременно отвечал самым настоятельным политическим нуждам. На протяжении беспокойной эпохи Троецарствия, а также в периоды проникновения варваров в Северный Китай мы видели, как медленно менялись исторические данные. Консервативный Юг, где всегда горел огонь чистой китайской культуры, стал значимым регионом, что подтверждало превосходство его ресурсов, хотя в области сельского хозяйства он оставался технически мало развитым. Логически может показаться, что огромный китайский континент если и не был действительно расколот на две части, то, по меньшей мере, оказался в ситуации нарушенного равновесия, когда на Юге сосредоточились все политические и людские ресурсы, тогда как на Севере свободно развивались культуры-сателлиты. Однако это ничего не значило. Могущественные династии, какими бы ни были социальные и расовые истоки ее происхождения, всегда стремились вернуться в историческую колыбель китайской цивилизации, к Хуанхэ, на Великую Китайскую равнину, где, как правители прошлого, они и основывали свои столицы. Вместе с политикой традиционализма и косности, которую, впрочем, до 1911 г. считали ведущей к повышению благосостояния населения страны, правители поддерживали и символ: перед лицом всегда угрожающих

границам империи варваров, все время новых, правители создавали образ своего величия, унаследованного у тысячелетий, который выражался в пышности двора. Вот почему Великий канал, помимо того, что он являлся важнейшей транспортной артерией, соединяющей два гигантских экономических пространства, связывал сердце империи, юг, и ее голову, политический, стратегический и исторический центр — север. Осознавая свою целостность одновременно с самостоятельностью различных регионов, Китай достиг второго классического периода в своей истории, совпадающего с правлением удивительной династии Тан.

Династия Тан

Династия Тан была основана Ли Юанем и его сыном Ли Шиминем, племянником и внучатым племянником императрицы Дугу, супруги императора Вэнь-ди из династии Суй. Эта династия ввела Китай в круг самых развитых государств своего времени, а спустя три века исчезла, унесенная безумным вихрем событий.

Сначала Ли Шиминь (626—649) возвел на императорский престол своего отца, а затем отстранил его от власти, чтобы управлять самому. Его посмертное имя было Тайцзун, именно под этим именем он и вошел в историю. Ли Шиминь создал себе фантастическое генеалогическое древо, которое возводило его предков к Лао-цзы, а свой почетный титул «правитель Тан» он использовал, чтобы напомнить о своем родстве со служителями древних и славных династий.

Он действовал так же, как и все великие основатели династий, доведя до победного конца военные кампании, которые не удалось завершить императору Ян-ди, убитому в 618 г. Кроме того, он вновь подтвердил императорское повеление не нарушать справедливый раздел земли. Мятежник, интриган,

воитель и талантливый администратор, Ли Шиминь, какими бы ни были его таланты, не обладал особой оригинальностью по сравнению с классическими правителями китайского государства. Как бы там ни было, он был самодержцем, сияющим могуществом и умом, и прирожденным лидером.

Женщины и власть

Проблема, которая до правления династии Тан находилась на втором плане, в эту эпоху, напротив, получила особое развитие как проблема странных связей между властью и женщинами. Последствия оказались очень тяжелыми, потому что содействовали ухудшению положения женщины в Китае, повсеместно сохраняясь вплоть до начала XX в.

Европейские путешественники, привыкшие к тому, что семья основывается на личных и чувственных началах, постоянно с ужасом описывали тайную жизнь китайских домов, в которых женщина оказывалась скрытой от мира. В частности, они описывали отвратительный обычай искривлять девочкам ноги, который был обязательным с семи лет для дочерей знати и торговцев, а также полигамию, которая считалась естественной и распространялась в средних слоях общества, а в высших слоях приводила к существованию настоящих гаремов. В то же время они с удивлением открывали и другую сторону жизни китайских женщин, а именно почести, которые воздавались в семье матери старшего сына. Это завидное положение, основывавшееся на конфуцианских доктринах о культе предков, было доступно далеко не всем. Многие из дочерей, невесток, без сомнения, никогда не достигали этого счастливого положения, так как далеко не каждой выпадала удача стать матерью мальчиков. Если женщина жила достаточно долго, то в этом случае она могла стать вдовой и главенствовать над своими сыновьями, затем над всем домом, а после и над всем кланом, что давало ей опасное могущество.

Действительно, китайская семья представляла собой огромную закрытую ячейку. Саморегулирующаяся семья иногда очень жестко решала свои внутренние проблемы, однако обязательно защищала всех своих членов от внешних посягательств. Вот почему женщины, используя свое обаяние или своих детей, иногда играли более важную роль в судьбе империи, чем кажется. Самый недавний и самый знаменитый пример — это правление известной Цыси, она находилась у власти трижды: с 1861 по 1872 г., с 1874 по 1889 г. и с 1898 до смерти в 1908 г.

Кажется, что в далекую эпоху правления династии Шан-Инь положение женщины было намного выше, чем в более позднее время. Частая передача власти от брата к брату, а также обычай, который еще существовал при первых ханьских императорах, согласно которому старшая дочь правителя посвящалась в жрицы, как, например, знаменитая принцесса Фу Хао, чья могила была открыта в 1976 г., показывали, что древнее китайское общество, по крайней мере на севере, могло соблюдать равновесие между полами. В общем, можно сказать, что женщины Северного Китая, которые жили на территориях, находившихся под варварским влиянием, без сомнения, пользовались большими свободами, чем женщины Южного Китая. До севера доходило едва смягченное степью эхо трудных условий существования кочующих народов, где женщина, хранительница жизни, несла в себе мерцающий факел существования своего народа.

В Китае первое правление женщины имело место во II в. до н. э., когда на престол взошла императрица Лю (188—180 до н. э.) из династии Поздняя Хань — одаренная и зловецкая личность. Инициатор самых отвратительных жестокостей, она положила несчастливое начало череде женских правлений. Впрочем, не все последовали ее примеру.

Большая часть императриц были простыми регентами, до тех пор пока наследник не достигал совершеннолетия. В качестве примера мы можем привести правление императрицы

Доу из династии Поздняя Хань, так как ее сыну Хэ-ди (86—105) не было и десяти лет, когда умер его отец; регентство императрицы Дэн (105—121), матери маленького трехмесячного императора; правление императрицы Лян, матери императора Чун-ди (145—146) из той же династии, которому к моменту восшествия на престол было всего два года.

Обязанности регента могли быть возложены на императрицу и в случае общепризнанной недееспособности императора: подобная ситуация происходила дважды в правление династии Сун. Наконец, император, когда он чувствовал приближение своей смерти, мог издать посмертный указ, который вручал управление делами государства своей супруге. Впрочем, это было редкостью и, хотя известно несколько исключений, соблюдался указ императора Вэнь-ди, правителя царства Вэй (220—226), согласно которому строго предписывалось не допускать к власти ни вдовствующую императрицу, ни членов ее клана. Более того, правительственные чиновники никогда не упускали возможности подчеркнуть, что воплощением верховной власти как в физическом, так и в моральном смысле всегда был сам император, каким бы молодым и слабым он ни был. Однако это совершенно не мешало различным придворным фракциям и враждующим группам при удобном случае служить вдовствующей императрице. Ее реальная или мнимая власть, например, могла помочь лишить престола нового императора, для того чтобы его место занял ребенок, которым можно было легко управлять. Первый и самый знаменитый из подобных случаев произошел в 74 г. до н. э., когда императрица по совету могущественного полководца Хо Гуана сместила с престола наследника Чан И. Тем не менее при любых обстоятельствах императрица, обреченная на пассивное положение, могла влиять на развитие событий, что сохраняло возможность для лавирования.

Все происходило иначе, если власть захватывала решительная и амбициозная женщина, а не ближайший родственник. В истории династии Тан мы видим яркий пример

подобной ситуации, на который ссылаются и сегодня. Речь идет о правлении императрица У-хоу (У Цзэтянь), супруги Гаоцзуна (649—683), сына великого Тайцзуна, настоящее имя которого было Ли Шиминь.

Правление У Цзэтянь

У Цзэтянь была родом из местности, располагавшейся рядом с современным городом Дайюань. Когда ей исполнилось четырнадцать лет, молва уже превозносила ее необыкновенную красоту, и эти слухи достигли даже двора. Ли Шиминь, бывший весьма колоритной личностью, приказал привезти ее к нему и сделал ее наложницей четвертой категории. Это была неслыханная удача, так молоденькая девушка сразу попадала в число первых сорока наложниц из 121-й в списке женщин, не считая той, которая носила титул императрицы (*хуан-хоу*), тогда как весь гарем мог состоять из 3000 супруг. Через 12 лет после смерти Тайцзуна У Цзэтянь, как и другие жены покойного, должна была принести свои молитвы за умершего супруга: с обрITYми головами, они постриглись в монахини в буддийском монастыре, расположенном рядом с могилой этого знаменитого правителя. К большому счастью для себя, прекрасной У часто приходилось прислуживать Гаоцзуну, сыну Ли Шиминя, в то время когда он был наследником престола. Это и принесло ей удачу.

Молодой император был женат и сам обладал довольно большим гаремом. Однако его официальная супруга оказалась бездетной. Это привело к значительным волнениям при дворе, так как, несмотря на значительное число детей, рожденных наложницами от императора, и усыновление одного из них императрицей, правитель оказался лишен действительно законного наследника, наличие которого сразу бы прекратило все клановые интриги. Фракции затевали заговоры, началась охота за властью.

Императрица, официальная супруга императора, сама оказалась виновата в своих неприятностях. Ревнуя к тому,

какое место в сердце императора занимала вторая жена, она приказала вернуть ко двору прекрасную У, зная, что правитель отметил ее в тот день, когда возносил почести к могиле своего отца. Сначала все прошло по плану правящей императрицы, и красавица У легко заняла место второй супруги.

Некоторые японские исследователи делают вывод, что подобную авантюру невозможно понять без исследования обычаев варваров Северной Азии. Для чистокровного китайца случившееся было совершенно неприличным: женитьба на супруге собственного умершего отца считалась кровосмешением. Однако среди варваров это было достаточно распространенным явлением. Сыма Цянь описывает подобные случаи у сюнну.

Возродившаяся для мира прекрасная У была осыпана подарками придворных и евнухов, занимавших при дворе второстепенное положение, но тем не менее обладавших значительным влиянием. Жажда власти стала ее навязчивой идеей, которая не оставляла места другим чувствам. Она сама задушила новорожденную дочь и представила дело таким образом, что убийство было приписано императрице. Так как император не был этим слишком взволнован, а у императрицы были могущественные союзники, которым удалось ее защитить, прекрасная У прибегла к другой хитрости: она обвинила императрицу и еще одну из жен императора в том, что они занимались колдовством, направленным против императора. В этот раз император испугался и перестал прислушиваться к смелым предостережениям своего окружения. Закончилась эта история ужасно: по совету У обе несчастные женщины были жестоко казнены.

Так красавица У стала императрицей, ей с большой пышностью были вручены официальные символы верховной власти: печать и лента. Это не мешало ей под покровом ночи заниматься черной магией, чтобы успокоить страшные призраки тех, кого она убила.

Император имел все основания оценить ее «способности к эффективному содействию в управлении делами». Она была очень странным человеком, в ней удивительным образом

сочетались политические таланты, садистская жестокость, неутолимая жажда власти, любовь к мужчинам в самом плотском смысле этого слова и постоянная подверженность суеверным страхам.

Когда в 666 г. император готовился к совершению древних обрядов жертвоприношений *фэн* и *шань*, прекрасная У не стала вмешиваться в чествования, которые ее супруг возносил Небу. Однако она потребовала, чтобы ей позволили самой провести все обряды, предназначенные Земле. Впрочем, с философской точки зрения в этом не было никакой ошибки: Небо имеет природу *ян*, а земля — *инь*, было логично, чтобы именно женщина служила Земле. Однако это способствовало дроблению культа, когда-то приведшему к расколу династии Чжоу, вследствие чего она распалась. Более того, это было невиданно, и даже самые бывалые политики были обезоружены этим беспрецедентным случаем, которому трудно было противостоять с философских позиций, хотя подобное отправление ритуала приводило к опасному принципу дублирования императорской власти. В 674 г. императрица присвоила себе новый титул «императрицы Неба» (*тянь-хоу*) и в связи с этим издала свою политическую программу. Даже если она и свидетельствует о могуществе сторонников даосизма, которые поддерживали правительницу, то содержание этой программы свидетельствует о том, что каждый может обнаружить в ней свою выгоду. Вот эти двенадцать пунктов.

1. Поддержать земледелие и шелководство, предоставив льготы по уплате налогов и выполнению повинностей, которые были возложены на эти категории работников.

2. Освободить от повинностей и военной службы три пограничные со столицей территории.

3. Остановить военные действия и заменить их моральным воспитанием, способным преобразить империю.

4. Стремиться запретить повсюду, на севере, в центре и на юге, изысканные искусства и бесполезную чрезмерную роскошь.

5. Сократить чрезмерное использование рабочих рук для выполнения повинностей и строительства роскошных государственных зданий.

6. Открыть путь для любой свободной критики.

7. Заткнуть рты клеветникам.

8. Заставить весь народ, от князей и придворных до низших слоев населения, изучать сочинения Лао-цзы, основателя даосизма.

9. Носить траур по матери, даже если еще жив отец, так же, как по отцу, т. е. носить в течение трех лет обтрепанные и перелицованные белые платья.

10. Для тех подданных, которые оказали государству до наступления эры Шаньюань (674—675) важные услуги и достоинства которых по сдаче экзаменов уже зафиксированы в соответствующих документах, повторную проверку не проводить. Дать им вознаграждение, которое является окончательным.

11. Увеличить содержание и натуральные выплаты столичным сановникам, начиная с восьмого ранга и выше.

12. Тем служащим чиновникам, чьи выдающиеся заслуги уже давно известны, но положение которых остается скромным, допустить повышение по службе.

«Император, своим указом, приказывает исполнить все эти решения».

* * *

Итак, эта программа одновременно утверждала уважение к народу, которому были дарованы значительные уступки — налоговые льготы, облегчение повинностей и отмена обязательной военной службы — и почтение к женщине, которой отныне воздавались те же ритуальные почести, что и ее мужу. Подчеркивалось фундаментальное значение даосизма, и если казалось, что правительство стало открытым для критики, то пункт, относящийся к клеветникам, по сути, вводил цензуру этой свободы. Эта декларация принципов дала намного

большой отзвук, чем полагают официальные сочинения. Мятежи, направленные против императрицы У, всегда были плодом заговоров знати, которую раздражали ее надменность, жестокость и nepотизм¹ неслыханных масштабов. Мелкие чиновники, народ никогда не выступал против нее: в их глазах прекрасная У не могла потерять «Мандат Неба».

Тем не менее при дворе волнения нарастали. После смерти императора Гаоцзу (683) императрица У сместила собственного сына императора Чжун-цзуна, который, впрочем, не унаследовал энергичности собственного отца. Вместо него У возложила императорские одежды на слабые плечи другого своего сына, Жуй-цзуна, став при нем регентом. С этого времени она начинает странный процесс по устранению наследования по отцовской линии, признавая исключительно материнскую линию. Она построила храмы в память о предках своей семьи. Она присвоила себе весь императорский церемониал до такой степени, что, как и признанный император, давала аудиенции «из-за занавеси темного пурпура». Императрица У даже готовилась к основанию своей собственной династии, которой она дала прославленное название Чжоу. Знать волновалась. Именно тогда знаменитый Ло Биньван (вторая половина VII в.), один из четырех «гениев начала эпохи Тан», выпустил воззвание, которое получило известность в литературе благодаря красоте своего стиля, а в истории — благодаря своему мужеству: «Я — старый министр императорского двора, потомок многих сановников. Я помню славные деяния знатных князей, я получил от правящей династии неизмеримые блага. Моя скорбь оправдана, небеспричинно я лью слезы. Мой гнев поднимается, как ветер, который гонит тучи. Мое заветное желание — принести мир в страну. ... Члены правящего императорского рода, знать, для которой китайская земля — родная, вы, на кого указы императора легли тяжким бременем, вы, кто получил в императорских

¹ Nepотизм — передача власти, должностей на основе родства (лат. nepos — внук, потомок).

покоях последние указания почившего императора, вы, в чьих ушах еще звучат его слова, неужели верность уже исчезла в ваших сердцах? Холмик свежескопанной земли, под которым сокрыт его труп, еще не высохла, а его сын, оставшийся сиротой сын уже не может получить вашу поддержку?

Есть еще время исправить эти беды во благо, послужить умершему императору, покоровшись нынешнему правителю [Чжун-цзуну]. Вы должны восстать, посвятить себя молодому правителю. Вы не откажетесь от выполнения последней воли покойного великого императора. Пусть знать, все, кто получил землю, протянет сообща руки к горам и рекам, чтобы принести клятву.

Если вы слишком дорожите своими ничтожными благами, если вы нерешительны, не знаете, какую сторону принять, если вы не доверяете предзнаменованиям и остаетесь бездеятельными, — будьте уверены, что вас ожидает кара за то, что вы слишком поздно примкнули к правому делу. Наказание вы сами накликаете на свои головы.

Я вас прошу в последний раз обдумать, какой род должен безоговорочно править сегодня в Китае».

Это движение закончилось кровавым разгромом мятежников, и императрица стала размышлять о тех средствах, которые позволили бы ей в будущем избежать подобных проблем. Она придумала изощренную форму шпионажа, приказав установить в одном из залов дворца коробочку, состоящую из четырех отделений, предназначенных для записок соответственно с предсказаниями, жалобами, критическими замечаниями и доносами. Таким образом, каждый, пользуясь покровом анонимности, мог высказать императрице мнение, от самого искреннего до самого лживого. Однако правительницу это не успокоило, ее неотступно преследовали мысли о заговорах, которые затеваются против нее, или о мятежах, которые могут зародиться в провинциях. Тогда она решила предоставлять значительные награды доносчикам, которым местные чиновники под страхом смерти должны были помогать приехать в столицу. Самым

очевидным итогом этой меры было то, что двор притянул огромное количество подонков со всей империи.

Постаревшая императрица искала любые средства, любые суеверия, любые религии, которые могли бы открыть необходимые ей «небесные знаки», свидетельствующие о наличии у нее «Мандата Неба». Забросив свои старые связи с даосскими кругами, она явно начала благоволить буддизму. Буддийская церковь, чрезвычайно усилившаяся к этому времени, представляла собой государство в государстве. Буддийские группы задумали хитроумную интригу, отправив к императрице мнимого бонзу, который был особенно известен своими подвигами на любовном поприще. Влияние буддизма на императрицу было настолько велико, что она сама поверила, что является воплощением Бодхисаттвы. Больше ничего не могло ее остановить. Она воспользовалась «заговором принцев крови» (688), чтобы преследовать знать. Говорят, что гонения следующих лет достигли таких масштабов, что перестало существовать более трех тысяч семей.

Тем не менее увядающая и больная императрица, борющаяся с надвигающейся старостью при помощи чрезмерного макияжа, забыла об одной вещи. Речь идет о примере, который она показала своей невестке Вэй Доужэнь, супруге императора Чжун-цзуна, которого мать лишила престола. Вэй Доужэнь ожесточенно боролась против своей свекрови, и, в итоге лишившись престола, обесславленная императрица У умерла в 705 г. Величественный титул, который она даровала себе сама — «Правящая императрица, великая и святая, подобная воле Неба» (*цзо тянь да шэн хуан тай хоу*), был у нее отобран. Вместо него ей было даровано менее компрометирующее и более сдержанное посмертное имя: «Императрица, правящая и святая, подобная Небу» (*цзо тянь да шэн хоу*). Императрица Вэй, получившая власть в свои руки, через некоторое время убила своего мужа с помощью любовника. Однако ее способности были не сравнимы со способностями покойной императрицы, поэтому новый император Сюань-цзун, приговорив ее к смерти, в 712 г. вернул власть в мужские руки.

Ян Гуйфэй
и Ань Лушань

Прошло тридцать лет. Однажды Сюань-цзун заметил в гареме своего восемнадцатого сына молодую девушку, которой он сразу же увлекся, и решил сделать ее своей. Чтобы не возбуждать подозрений, он сделал ее монахиней (741) в даосском монастыре, расположенном внутри дворца, где он мог встречаться с ней так, чтобы его никто не видел. Четыре года спустя, в 745 г., молодая дама Ян, ей было двадцать шесть лет, официально вошла в императорский гарем в качестве *гуйфэй*, «драгоценной супруги»; это был ранг, которого желали очень многие: в иерархии императорских жен *гуйфэй* следовала непосредственно после императрицы, законной супруги.

Любящая пиршества, танцы и музыку, от которых стареющий император был без ума — время во дворце проходило очень весело, — молодая Ян и ее сестры в совершенстве знали, как развлечь императора, и смело извлекали из этого пользу. Снова расцвели nepотизм и интриги всех сортов, как будто вернулись лучшие годы правления императрицы У, в отличие от которой молодая женщина не обладала никакими политическими достоинствами. Казалось, правитель не мечтал ни о чем, кроме удовольствий, а империя тем временем медленно сползала к анархии. Женоненавистнические письма выступали против пагубного влияния женщин, а двор заполнялся странными, забавными или неуравновешенными личностями, которые стремились возвыситься любыми средствами.

Самым искусным и самым ярким из них был некий Ань Лушань, сын выходца из Центральной Азии, а мать его была тюркского происхождения. Некрасивая внешность Ань Лушаня при дворе была предметом шуток. «Я только что видел, как ваш живот почти упал на землю», — говорил император, задыхаясь от смеха. Затем он приказывал исполнить танец «страны Серинда». Тут же тучный человек, который обычно с трудом

тащился, поэтому его носили слуги, обретал молодую легкость и «становился быстрым как ветер». Высмеивая его уродство, при дворе рассказывали, что ему приходилось выбирать лошадь особой выносливости, и, чтобы сесть на нее, он использовал особый помост, и что он рискует убить скакуна, взгромоздившись на него всем своим весом.

Рано осиротев, Ань Лушань был воспитан у тюрков. Он говорил сразу на нескольких языках варварских племен, живших на территории Китая, а также на языках народов приграничных регионов. Слава, которую он добыл своей отвагой, с оружием в руках, позволила ему быстро подняться по служебной лестнице в императорской армии. Несмотря на интриги и мучительное поражение, которое он потерпел от киданей, Ань Лушань занял пост «имперского представителя в командовании префектуры Ю», т. е. в современном Пекине.

Таким образом, в середине VIII в. двор продолжал вести жизнь, полную удовольствий, и Ань Лушань в перерывах между военными кампаниями также предавался им с веселым сердцем. Оргии или ребяческие забавы занимали весь день. Одна из них вызывает особый интерес, так как в ней мы встречаем сразу две самые любопытные личности этой эпохи: «Ко дню рождения [Ань Лушаня] император подарил ему множество разных предметов и одежд. [Ян Гуйфэй] также сделала дорогие подарки... В тот же день император даровал [Ань Лушаню] еще множество разнообразных продуктов, которые были положены в посуду, оправленную в золото и серебро, которая сама тоже была подарком. ... Три дня спустя [Ань] Лушань был приглашен во Внутренний дворец. [Ян] Гуйфэй укутала [Ань] Лушаня вышитыми пеленками и приказала женщинам из Внутреннего дворца нести его на носилках, украшенных шелковыми тканями разных цветов. Шум поднявшегося смеха сотряс землю. Император Сюань-цзун послал узнать, что происходит. Ему ответили, что [Ян] Гуйфэй торжественно проводит в честь [Ань Лушаня] праздник мытья ребенка, отмечающийся через три дня после его рождения. И после того как она

его вымыла, она поймала [Ань Лушаня] в сети, что и послужило причиной радости и смеха.

Император Сюань-цзун приблизился, чтобы увидеть это, был очень этим позабавлен и в связи с этим вручил новые подарки. Он даровал [Ян] Гуйфэй безделушки, а также золотые и серебряные монеты в честь праздника мытья ребенка».

* * *

В то время как эти люди своим поведением тревожили положение дел в империи, с 737 по 752 г. ею фактически управлял первый министр Ли Линьфу. Встревоженный столь быстрым взлетом Ян Гуйфэй, произошедшему благодаря красоте наложницы, Ли Линьфу мечтал о возвышении при дворе выходцев из варваров, так как он считал, что проще управлять ими, чем амбициозными китайцами. Ань Лушань, назначенный в 743 г. «великим генералом отважной кавалерии», а это был самый высокий из почетных военных титулов, симпатизировал Ли Линьфу и поддерживал его политику: «...как военные, не достигают высших званий те, у кого варварское происхождение. От рождения [эти люди] отличаются [очень] смелым характером. С детства они воспитываются верхом на лошади. Достигая совершеннолетия, они начинают сражаться со своими врагами. К этому они предрасположены по своей природе. Если Ваше Величество поощрит [этих людей], назначая их генералами, то результатом, несомненно, будет их [готовность] умереть [за Вас]. Таким образом, что касается варваров, представляется бесполезным строить планы [по борьбе против них]».

Славный солдат и товарищ по праздникам, Ань Лушань получил столь важное назначение, что, несмотря на доносы, заговоры и всевозможные интриги, в 745 г. император сделал его приемным сыном Ян Гуйфэй.

Еще более необычной и более опасной милостью императора было пожалование Ань Лушаню пяти плавильных печей. Они располагались около современного Исяня в провинции

Хубэй и позволяли Ань Лушаню самому чеканить монету. Это была привилегия, которая выходила за привычные рамки, противоречила даже самому принципу единства империи, что подчеркивало в глазах всех слабость положения императора. Парадоксальным образом это стало первой причиной для беспокойства полководца. По мере того как старел Сюань-цзун, Ань Лушань все более опасался за свое будущее. Он знал, что в глазах наследника престола, будущего императора Су-цзуна (756—762), он с этого момента выглядит наглецом. Полководец с ужасом чувствовал, что скоро наступит время, когда он будет вынужден признать себя побежденным и заплатить, может быть, даже своей жизнью за те исключительные милости, которыми его осыпал старый император. Более того, его также беспокоило и соперничество с Ян Гуйфэй. Предчувствуя государственный переворот по примеру того, которым руководила императрица У, Ань Лушань добился личной преданности тех войск, которые он возглавлял: военные по профессии, а отнюдь не рекруты, эти элитные солдаты оплачивались правительством, но, не задумываясь, были готовы на предательство ради наживы.

Ань Лушань построил к востоку от современного Пекина, региона, который он официально возглавлял в должности генерал-губернатора, укрепленный город, в котором разместил значительный гарнизон, оправдывая это необходимостью обороняться от атак варваров и бандитов. В действительности, этот город стал пунктом, в котором людей готовили к войне, и огромным складом оружия. Окружающие город поля позволяли разводить там быков и баранов, которыми кормили армию, а также огромное число верховых лошадей, которых специально приучали к битвам.

Также Ань Лушань тайно встретился со своими соотечественниками, торговцами из Серинды, которые привезли ему из других стран множество полезных и драгоценных предметов. Он перепродавал платья, ткани, разнообразные украшения, а полученные средства позволили ему создать военную казну. Он нашел, чем угодить императору, поднося ему в пода-

рок самые разные необычные предметы. Казалось, что его звезда никогда не закатится. В начале лета 755 г. он добился от императора замены 32 китайских генералов генералами варварского происхождения. В итоге императорская армия оказалась в руках людей, находившихся на жаловании у Ань Лушаня.

Несколько месяцев спустя у полководца начался открытый конфликт с братом своей «матери» Ян Гуйфэй, и 16 декабря он открыто заявил о восстании. Больше 100 тыс. солдат-варваров из различных племен были направлены к столице. Ань Лушань знал, как их ободрить, говорил на их языках и привлек на свою сторону, осыпая подарками. Мятежники овладели Лояном и продолжили свой поход, хотя и были стеснены сопротивлением крепостей, оставшихся верными императору. Однако восставший полководец не придавал этому большого значения, поскольку он уже расположился в одной из двух древних столиц Китая. Он использовал свою связь с даосскими и буддийскими монахами для того, чтобы они фиктивно пригласили его взойти на престол, что он и сделал 5 февраля 756 г. Территории, которые он завоевал, Ань Лушань назвал Да Янь, а сам принял титул «Высочайшего императора, отважного воина» (*сюну хуанди*). После этого началось сведение счетов и возвращение на прежние посты чиновников, изгнанных из-за него.

В это время войска продвигались на запад. Они ударили с тыла по армейским частям, лояльным императору, и полностью разгромили их. Поражение было столь тяжелым, что «[охранники Чжаолина, могилы императора Тайцзуна] сообщили императору, что в этот день каменные статуи людей и лошадей, [которые находились] перед могилой, покрылись потом».

Напуганный император бежал. То, что осталось от его армии, последовало за ним, потребовав за это уничтожения зловредного рода Ян, и особенно прекрасной «драгоценной супруги», которую считали ответственной за слепоту и заблуждения императора. Она, не протестуя, приняла смерть: «Я действительно смирилась перед тем, чего вы от меня хотите. Но позвольте мне прежде поклониться Будде». После этого ее

повесили прямо в буддийской молельне. Затем ее перенесли, чтобы положить в большом зале почтовой станции, чтобы Чэнь Сюаньли и другие могли ее увидеть. [Чэнь] Сюаньли и другие сановники сняли свои шлемы, чтобы просить у нее прощения. Таким образом, солдаты были удовлетворены».

Ян Гуйфэй было немногим больше тридцати шести лет.

Драматичная история Ян Гуйфэй во все времена вызвала огромный интерес у писателей, причем как, естественно, моралистов, так и поэтов, которые воспевали меланхолию столь грустно закончившейся мечты. В этом часто видят восточное отражение печальной истории Тита и Береники. Любовь, которую старый Сюань-цзун испытывал к своей «драгоценной супруге» была не совместима с бременем власти, требующей спокойствия и воздержанности.

Однако, помимо прочего, эта драма очень показательна для характеристики китайского умонастроения: если у нас Боссюэ или Бурдалу¹ гневно возмущались с кафедры похождениями чрезмерно пылкого Людовика XVI, если пикантные или даже едкие песенки передавались из уст в уста, клеймя пороки или бездарность правителя, то доверие к самой династии тем не менее на протяжении веков оставалось в сердцах народа. Несомненно, в Китае отношения между правителем и подданными зависели от совершенно других факторов. Народ там никогда не любил своего незримого правителя, который был религиозным или философским символом, абстрактным стержнем, на котором держалась Вселенная. Напротив, народ часто строго осуждал его, так как от добродетелей правителя напрямую зависело большее или меньшее процветание самой империи. С первого взгляда, могло показаться несправедливым, что месть солдат пала в большей степени на молодую красавицу Ян, а не на самого императора. Была ли

¹ Боссюэ Жак Бенинь (1627—1704) — знаменитый французский проповедник и писатель, епископ Мо. Бурдалу Луи (1632—1704) — французский священник и религиозный писатель.

это мужская солидарность? Подлинные причины позволяют увидеть более глубокие основания этого поступка. Гнев солдат был нацелен на гарем как на институт, который являлся источником политики взяточничества, управляемой низкими интригами евнухов. Они, в свою очередь, извлекали пользу из своей близости к императору, для того чтобы тайком управлять делами империи. Чиновники все чаще и чаще были вынуждены подносить дары придворным евнухам, которые со своей стороны помогали своим покровителям подниматься до самых высоких должностей. Движение было начато, и смерть несчастной Ян уже ничто не могла изменить в этом устройстве. Отныне пагубное влияние евнухов не переставало возрастать.

* * *

Тем временем Ань Лушань быстро продвинулся к Чаньяни, второй столице империи, которую и захватил в 756 г. Его войска добились этого, соблазнившись возможной наживой от грабежей: «Прежде всего, Ань Лушань не ожидал отъезда Сюань-цзуна на юг [Сюань-цзун бежал в направлении Сычуани]. Вот почему его солдаты двигались очень медленно. Из-за этого псевдочиновники и другие люди, зависевшие от [Ань] Лушаня, полностью разграбили амбары и сокровищницы государства. Оружие и доспехи, ритуальные предметы, рисунки и документы, носороги, слоны и танцующие лошади (у-ма) дворов Ичуня [Дворца весеннего очарования] и Юньшао [Дворца великолепия туч], [женщины] Бокового дворца, Итин, и Заднего дворца, Хоугун, — все оказалось захвачено мятежниками.

Ань Лушань захватил колесницы и ручные повозки, музыкальные инструменты и одежду и платья, предназначенные для пения и танцев. Он заставил музыкантов обслуживать и укрощать носорогов и слонов, силой вести танцующих лошадей в Лоян. Там он снова разместил [свою добычу во дворцах]

Северного Китая. Таким образом, великопение веков было уничтожено... Когда [Ань] Лушань прибыл в восточную столицу [Лоян], поскольку он был мятежным узурпатором [императорской власти], он приказал исполнять музыку, [которая была привилегией императора]».

Тем не менее в следующем году (3 декабря 757) императорские войска, оправленные Су-цзуном, которого солдаты провозгласили императором 12 августа 756 г., отбили Лоян. С этого момента народ, как и когда-то во времена Ван Мана, начал надеяться на восстановление династии. Это одновременно решало несколько проблем: исчезали сомнения в верности императору, частные лица избавлялись от вмешательства в их финансы, от штрафов и вымогательств, которыми изобиловало правление Ань Лушаня.

Диктатор, который постепенно начал слепнуть, с каждым днем становился все более хмурым и жестоким. Ужас воцарился в его окружении, и рассказ о его смерти напоминает судьбу многих великих тиранов, которые были убиты, когда становились слишком грозными. Старший сын Ань Лушаня Ань Цинсю, не способный к управлению, которому угрожало лишение положения наследника из-за того, что его отец явно благоволил своей второй супруге, которая была беременна, начал прислушиваться к советам Янь Чжуана. Этот человек, когда-то возглавлявший двор императорских экипажей (*тай-лу цин*), не так давно подталкивал Ань Лушаня к мятежу. Но, искусный делатель правителей, теперь он готовился к тому, чтобы передать власть в руки своего нового, слабоумного подопечного, которым было очень легко управлять. Итак, покушение было тщательно подготовлено и осуществлено одним ударом меча. Великий варвар погиб в возрасте 54 лет.

Тем не менее кровавые сражения за власть продолжились. Это действительно был конец эпохи. Так у привилегированного слоя общества угасла, казалось, неистощимая радость жизни, вкус к чудесам цивилизации. Праздники, комфорт, изысканность ушли в прошлое, остался только голод, наводнения, вер-

нувшаяся угроза варварских нашествий. Впрочем, спустя сто пятьдесят лет обычаи и вкусы этого времени войдут в моду, а в более глубоком смысле и расширят образ мышления личности. Однако долгое правление Сюань-цзуна (712—756), символ самого прекрасного расцвета средневекового Китая, казался мечтой, исчезнувшей навсегда. Ослепленные своим эгоизмом, власть имущие тех лет не могли увидеть, какую цену платит народ за национальное величие. Поэт Ду Фу (712—770) сравнивал страдания маленьких людей с расточительностью двора:

«Знамена Чжию колышутся на холодном воздухе. Шаги солдат скользят во время военного смотра. Пар от Яшмового пруда поднимается в небо. Императорская охрана тесными рядами стоит локоть к локтю, когда весело пирует правитель и его двор, когда вдали раздаются звуки музыки. Только знатным мандаринам доводится принимать горячую ванну. У пирующих одежда не коротка и не грубой шерсти — только из шелка, что раздают в красном дворце, его ткали бедные женщины, пока секли их мужей, чтобы выколотить из них налоги для дворца. Императорское благоволение и его многочисленные богатства должны служить народу. Министры пренебрегают этим великим принципом, но почему правитель расточителен? Просвещенных мужей полон двор, среди них должен быть хоть один, в ком сохранились человеческие чувства. Я узнал, что все золотые подносы из дворца оказались у Вэй и Хэ [родители Ян Гуйфэй]. Во внутренних покоях живут богини. Благоуханный аромат окутывает их нефритовые тела, куньи меха защищают их от холода. Жалобную флейту сопровождает чистый звук цитры. Гостям подносят суп из верблюжьих ног, заплесневелые мандарины лежат вперемешку с благоухающими апельсинами... У пурпурных врат портится мясо и вино. А на улицах лежат трупы умерших от холода. От цветущего дерева до погибшего дерева — всего один шаг. Досада останавливает меня, я не скажу больше».

Глава шестая

УПРАВЛЕНИЕ И УПРАВЛЯЕМЫЕ: ТЕОРИЯ И ФАКТЫ

Яркая эпоха Тан, богатая на выдающихся личностей и разнообразные произведения, несмотря на множество страданий, мятежей и войн, все равно остается примером самого уравновешенного периода в истории китайского государства. Именно в эту эпоху государство стремилось разделить на всех то процветание, которое продолжалось в Китае на протяжении ста лет с VII по VIII в.

Административный механизм

Если верить династийным историям, основным инструментом административного механизма этого периода процветания была простая и одновременно эффективная концепция. Правители династии Тан не стремились ничего обновлять, сохраняя то положение дел, которое было создано их предшественниками, императорами династии Суй:

«Что же касается организации чиновников [династии] Тан, то названия, содержание и звания, хотя и изменившись со временем, в целом оставались такими же, как и в правление династии Суй. Так, например, чиновники были распределены по департаментам (*шэн*), судам (*тай*), дворам (*сы*),

направлениям (*цзянь*), охране (*вэй*) и административным учреждениям (*фу*).

Каждая служба управляла тем, что от нее зависело. Таким образом распределялись обязанности и определялись должности.

Для того чтобы ввести отличия между людьми высокого и низкого положения (*гуй-цзянь*), а также для того, чтобы классифицировать их заслуги и способности, использовались «степени» (*пинь*), знатные титулы (*цзю*), почетные титулы (*сюань*) и разряды (*цзиай*). Периодически проводились экзамены, по результатам которых людей повышали или понижали в звании. Именно таким образом использовались все таланты и управляли всеми вещами. Как способ экзамены были совершенны и точны, а их внедрение просто и практично. Этот результат достигался, потому что всегда были обязанности для каждой должности и [потому что всегда был] определенный чиновник для каждой государственной функции».

На вершине этой административной пирамиды находился император — источник всякой власти. Его главная роль заключалась в побуждении к действию нижестоящие инстанции. Это стало темой блестящих эссе Дун Чжуншу (179?—104? до н. э.). Так описывал положение дел текст той же эпохи, который был составлен при дворе Люаня, князя Хуэй-наня (умер в 122 до н. э.). Его определение хорошего правителя нашло свой смысл в едином Китае при династии Тан, для которой была характерна логичная система гражданских институтов:

«Сила правителя состоит в том, чтобы управлять делами, не действуя, и отдавать приказы, не разговаривая. Правитель остается спокойным и безупречным, не совершая действий, и беспристрастным — не волнуясь. Он охотно передает свои обязанности подчиненным и, не утруждаясь, добивается успеха. Хотя он и держит в уме собственные замыслы, он позволяет своим советникам их обнародовать; хотя он обладает речью, он позволяет своим чиновникам говорить за себя; хотя у него есть ноги, чтобы идти, он позволяет своим министрам вести себя;

и хотя у него есть уши, чтобы слышать, он позволяет своему окружению толковать события. Таким образом, ни один из его планов не проваливается, ни одна из его задумок не идет вкривь и вкось... Когда правитель обращает свой слух к делам правительства, он беспристрастен, обладает знаниями и не находится в плену у иллюзий. Его сознание чисто, а воля слаба. Министры собираются вокруг него, чтобы помочь ему, дать совет, и, независимо от того, глупы они или мудры, способны они или бесталанны, каждый из них дает императору лучшее из того, чем обладает. И поэтому только он может оповещать о тех ритуалах, которые лежат в основе его правления. Таким образом, он правит множеством людей, так же как своей колесницей, он руководит мудростью толпы, как своей лошадью, и хотя он пересекает темные равнины и крутые дороги, но он никогда не собьется с пути. Хозяин людей прячется в глубины, чтобы избежать жары и холода, он всегда живет далеко от закрытых дверей, чтобы избежать мятежей и злодеяний. Он не знает ни деревень, расположенных вокруг него, ни холмов и озер, находящихся вдали за „занавесью Государства”. Его глаза видят не дальше, чем на десять ли, его уши слышат не больше, чем на сто шагов, и все же в мире нет ничего, о чем бы он не знал и что бы он не понимал, так как те, кто делают свои доклады императору, многочисленны, а тех, кто изучает состояние вещей, — множество».

Теория императорской власти в Китае с правления династии Хань и до начала XX в. практически не менялась. Она вновь возникала в сознании людей каждый раз, когда появлялся герой, способный восстановить единство государства. Стержень, на котором держится Вселенная, император, на самом деле не правил. Он использовал посредников, которым и передавал свои властные полномочия. Политические сделки им не рассматривались. Только на его долю выпадала тяжелая задача быть самим собой, стараться сохранить свои добродетели, мудрость, наконец, равновесие мира.

В связи с этим можно задаться вопросом, почему такие сильные и деятельные личности, как Лю Бан или Ли Шиминь,

которые беспрестанно воевали, занимались государственными делами, действительно воплощали в себе тот идеал императора, который был характерен для Китая. Их благоприятная, превозносимая всеми деятельность больше всего напоминала подвиги великих демиургов древности: они не правили, они восстанавливали государство, вручая своим наследникам вместе с успокоенным и умиротворенным Китаем «Мандат Неба». Сюань-цзуна, который забросил все политические дела, увлекшись прекрасной Ян Гуйфэй, упрекали прежде всего в том, что он довел этот принцип до крайности: механизм императорской власти неплохо функционировал больше века, нужно было только поддерживать его работу в исправном состоянии. На самом деле его страсть к развлечениям была меньшей ошибкой, чем то, что он не заметил чрезмерного вмешательства клана Ян в дела правительства. Представители этого клана заняли важнейшие посты в административном аппарате, нарушив важную деятельность различных фракций и мешая обеспечивать управление государством, которое соответствовало бы морали. Император был виновен и в том, что его ум оказался занят заботами, в которые не входила забота о народном благе, и в том, что он забыл, что не должен расслабляться, сохраняя сосредоточенность даже в самом безумном веселье.

На самом деле главная и практически единственная политическая задача императора состояла в том, чтобы назначать главных министров (*цзай сян*) для управления тремя государственными департаментами (*сань шэн*), которым подчинялась вся администрация.

Первым из этих трех административных органов был департамент государственных дел (*шэн-шу-шэн*). Главе этого департамента помогали управлять два помощника, левый (старший) и правый (младший). Каждому из них подчинялось по три ведомства из шести, которые занимались чинами (назначениями), финансами, обрядами, войсками, правосудием и общественными работами.

Вторым департаментом была имперская канцелярия (*мэнь-ся-шэн*). Ее задача состояла в том, чтобы редактировать и исполнять все указы, относящиеся к государственным делам и администрации. Чиновники имперской канцелярии пользовались очень большим доверием, благодаря своим глубоким знаниям, и ежедневно приводили в порядок архивы. Они могли в любой момент просмотреть даже тексты императорских постановлений и указов. На них также лежала обязанность по воспитанию детей императора.

Наконец, функции имперской канцелярии были дублированы третьим департаментом, который назывался большой императорский секретариат. Он давал императору советы и контролировал засвидетельствование указов. В его ведомство входило три службы: библиотека дворца, где собраны мудрецы (*цзи-сянь-дянь-шу-юань*), коллегия хронистов, которые получали жалованье за написание официальной истории, и двор уполномоченных по урнам для доносительства (*гуй-ши-юань*), работавшие с поступавшими доносами. Последняя служба была создана в 685 г. ужасной императрицей У.

Что касается канцелярии и большого секретариата, то один департамент получал жалобы, а второй составлял декреты, они должны были работать вместе, надзирая друг за другом.

Кроме этих основных учреждений, существовали и другие специализированные органы. В качестве примеров можно привести департамент службы внутреннего дворца (*ней-ши-шэн*), в обязанности которого входило управление делами дворца, и высший двор правосудия (*да-ли-сы*), который решал особые вопросы правосудия. Наконец, существовал трибунал цензоров (*ю-ши-тай*), на который была возложена тяжелая и деликатная обязанность по контролю и пресечению злоупотреблений и мошенничества на всех уровнях администрации.

Этого огромного аппарата было недостаточно для того, чтобы упорядочить бесчисленные дела, из которых состояла

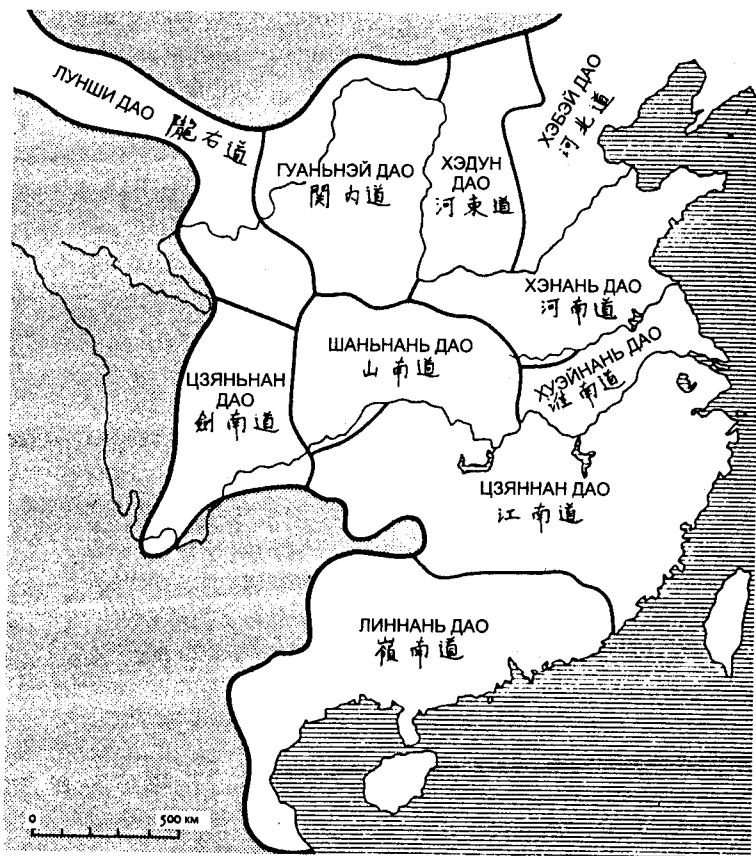
повседневная жизнь империи. Работу административного механизма стопорили многочисленные обстоятельства, так как он, хотя и состоял из различных служб, которые были тесно связаны между собой и даже делили между собой ответственность за выполнение обязанностей, но совершенно не принимал во внимание слабости и разнообразия человеческой природы.

Вот почему на практике исполнение текущих дел обеспечивала совокупность служб, которую в зависимости от ситуации называли девять палат или пять направлений. Она занималась всем: от управления дворцом до важнейших вопросов суда, от сельского хозяйства до связей с другими государствами.

В состав девяти палат (*цзю сы*) входила палата императорских жертвоприношений. С ней была связана верховная медицинская служба, в обязанности которой входила поставка лекарств, как императору, так и всем, кто жил во дворце. Вторая палата занималась императорскими пиршествами, а еще одна — императорскими знаками отличия. Также существовали палаты, которые ведали императорскими конюшнями, палата по делам императорской семьи, высшая палата правосудия, которая являлась последней инстанцией для ходатайств по приговорам к смертной казни или длительной ссылке, церемониальная палата по приему иностранцев, своеобразный зародыш министерства иностранных дел, с которым были знакомы все европейские путешественники вплоть до начала XX в., палата, управляющая сельским хозяйством, и палата императорской казны.

Наследник престола, как и другие сыновья и братья правителя, обладал собственным штатом чиновников, сходным с тем, который подчинялся императору. Этот штат был более скромным по своим размерам, так как в его обязанности входило только управление хозяйством своего руководителя.

Помимо этих центральных органов, существовала масса чиновников префектур (*чжоу*) и округов (*сянь*), входивших

Провинции в правление династии Тан
(термин «дао» использовался для обозначения провинций
именно в правление династии Тан. — Примеч. пер.)

в состав десяти провинций (дао), на которые делилась империя в 627 г. Границы провинций постоянно менялись, а их число увеличивалось, по мере того как военные завоевания раздвигали границы империи, присоединяя западные территории. В 733 г. Китай состоял из пятнадцати провинций, а к 756 г. — уже из двадцати. В пограничных регионах административные аппараты префектур были подчинены единой власти, которая находилась в руках генерал-губернатора (ду-ду). Такими же функциями обладал командующий гарнизоном, который располагался уже на территории варварских стран. Он носил звание генерала-протектора (ду-ху).

Наконец, император, если он хотел решить особую задачу, относящуюся к военной или гражданской сфере, не прибегая к помощи административного механизма, обладал привилегией назначать по своей воле чрезвычайных императорских комиссаров (фу-ши): эти *missi dominici*¹ обладали значительной властью. Со времени мятежа Ань Лушаня (755) они получали особую власть над армией, так как стало необходимо отвечать на насилие насилием. В связи с этим они вытеснили соответствующих чиновников из официальной иерархии. Они выступали как главы независимых княжеств, что очень сильно напоминало ситуацию, известную по периоду географической и политической раздробленности империи.

Всех чиновников, которые делали административную карьеру, можно разделить на две категории: «чиновники, ведавшие различными делами» (чжи ши гуань), и те, кто находился «вне течения» (лю вэй), т. е. занимали скромные должности писцов или мелких служащих. И та и другая группа состояла из иерархии «девяти ступеней» (цзюпинь), сообразно системе, учрежденной еще в правление династии Хань, которая была более точно определена указом Цао Цао.

Как и в наших министерствах, существовало также огромное количество чиновников, находящихся в запасе или

1 Missi dominici — государственные посланцы (лат.).

в административном резерве (*сань гуань*). Знатные титулы, подобные нашим князьям, герцогам, маркизам, виконтам и баронам, не имели политического содержания, им обладал исключительно китайский феодализм. В то же время почетные титулы могли быть дарованы для того, чтобы польстить тщеславию, вознаградить талант или прославить какое-то особое деяние. Эти титулы являлись эквивалентом наших орденов.

Кодекс династии Тан

Этот величественный административный механизм требовал введения четкого правового кодекса. Ли Шиминь взял за основу крупную работу по классификации и схематизации законов, созданную по приказу императора Вэнь-ди из династии Суй. Однако первый император династии Тан желал привести в порядок все распоряжения, придав им большую гуманность, в чем некоторые исследователи видят буддийское влияние. Он доверил эту задачу Фан Сюань-лину, который постарался сократить число преступлений, которые карались бы вечной ссылкой или казнью. На другого чиновника, Чансунь У-цзи, была возложена задача разъяснить пункт за пунктом все основные положения этого кодекса. Окончательный текст, составленный целой группой юристов под руководством этих двух личностей, был представлен императору в конце 653 г. или в начале 654 г. Он получил название «Уголовные установления Тан с разъяснениями» («Тан люй шу и») и состоял из 12 частей, которые действовали до первой публикации в середине XVII в. кодекса династии Цин. Однако суть и некоторые положения этого текста продолжали действовать вплоть до XX в.

Двенадцать частей кодекса династии Тан были посвящены общим законам (*мин ли*), императорской охране и запретам (*вэй цзинь*), титулам чиновников (*чжи чжи*), переписи населения и бракам (*ху гунь*), государственной казне (*цзю ку*), импера-

торским конюшням и военным учреждениям (*шань син*), воровству и разбою (*цзо дао*), дракам и клеветническим обвинениям (*доу сун*), подделкам (*цзо вэй*), различным законам (*цза люй*), арестам беглецов (*бу ван*) и, наконец, заключенным, ожидающим суда (*дуань юй*).

Законодатели старались предусмотреть все случаи жизни. Нельзя сказать, чтобы в этом своде законов были действительно изданы нормы гражданского права, так как почти каждое предписание сопровождается упоминаниями о суровых наказаниях, которые навлекают на себя те, кто не уважает законы. Это произведение, прежде всего, стремится быть своеобразным путеводителем поведения «хороших подданных». Например, оно регулирует различные случаи семейного права: свадьбу, развод, расторжение брака или разрыв обручения. На супругу, которая оставляет мужа, накладывается наказание в виде двух лет рабства. Если она разводится без какого-либо предварительного соглашения между сторонами этой семейной драмы, тогда срок вырастает до трех лет. Прелюбодеяние расценивается авторами кодекса как преступление, заслуживающее двух лет рабства. Однако наказание могло быть сокращено до восемнадцати месяцев в том случае, если блуду предавались молодые люди, не состоящие в браке. Если же в подобном преступлении был замечен раб, то его просто приговаривали к смертной казни.

Статьи, относящиеся к «Императорской охране и запретам», посвящены правонарушениям правил движения, за которыми признавался абсолютный приоритет. Было запрещено преграждать путь императорскому эскорту, а также отправляться за границу без разрешения. Все это каралось отсечением головы. Брак с иностранцем или иностранкой автоматически означал изгнание, кроме тех случаев, когда супруг соглашался остаться в Китае вместе со своей китайской женой.

Воры, разбойники всех видов, драки могли наказываться по-разному, однако кодекс не допускал принципа искупления вины и освобождения от наказания путем уплаты штрафа.

На практике законодатели, будучи людьми прагматичными, согласились с тем, что можно прощать второстепенные проступки в обмен на дар, состоящий из двух и больше, до двадцати пяти, буйволов. Клеветнические обвинения, лживость которых была доказана, приводили к тому, что клеветник подвергался наказанию, полагавшемуся за правонарушение, в котором он обвинял жертву. Кодекс также включал в себя несколько общих распоряжений. Например, каждый подданный империи был обязан объявлять об обнаружении потерянных предметов. Редкие, древние или драгоценные предметы должны были быть переданы государству, а все остальные делились пополам между хозяином и тем, кто совершил находку.

Что же касается наказаний, то законодатели стремились смягчить суровость приговоров и избавиться, насколько это возможно, от жестокого судопроизводства недавнего времени. Они подчеркивали и учитывали такое понятие, как «намерение», чтобы не наказывать за очевидно непроизвольное действие. Они упразднили жестокий закон, который предписывал обвинение родителей и наказание детей мятежников. Они вменили в обязанность высшей палате правосудия проверку важнейших судебных дел и увеличили сроки утверждения приговоров к смертной казни. Такой приговор не подлежал исполнению до тех пор, пока императору не поступало три последовательных доклада, сделанных не только высшей палатой, но и департаментом по государственным делам. В главе, посвященной собственно наказаниям, создатели кодекса исключили из их числа удушение, бичевание и выставление на показ отрубленной головы казненного. Кстати, именно бичевание было самым надежным средством для убийства преступника без особых административных трудностей. И наконец, именно эти законодатели ввели деление на дюжины тех ударов тростью или палкой, к которым приговаривали воров, в зависимости от ценности похищенного имущества. Закон позволял тем, кто сдался властям, до того как их преступление было раскрыто, избежать наказания. Также он достаточно

либерально допускал разрешение тяжбы между иностранцами в соответствии с законами их стран.

Но зато все подсудимые считались виновными до конца судебного разбирательства, на котором принималось решение об их виновности или невиновности. Закон позволял широко использовать такие наказания, как принудительные работы, для того чтобы обеспечить необходимой рабочей силой крупные стройки империи.

Суровый на деле и гуманный по своим принципам, кодекс династии Тан затрагивал все проблемы повседневной жизни. Судебная власть входила в обязанности глав префектур и округов, т. е. тех чиновников, в руках которых находилась и исполнительная власть. Именно они занимались допросом обвиняемого и определяли его судьбу, иногда прибегая к помощи своего помощника по судебным делам, иногда без помощника. Это отсутствие разделения властей было общим явлением, даже в самых высоких инстанциях, где, например, министр правосудия сохранял управление административным персоналом. Напротив, приведение в исполнение смертных приговоров за убийство или за одно из «десяти отвратительных преступлений», от мятежа до сыновнего неповиновения, а также расследование некоторых важных правонарушений, вменяемых в вину высшим чиновникам, находились в ведении трибунала цензоров, который был отделен от высшей палаты правосудия.

Экзамены

Трудный выбор, который необходимо было делать, набирая на службу многочисленных чиновников для разнообразных функций, привел к созданию в эпоху правления династии Тан сложной системы экзаменов.

Чтобы добиться должности, нужно было как минимум пройти испытания (цзю), серия которых через регулярные интервалы занимала примерно год. Однако дети чиновников,

знать, выдающиеся люди, отмеченные двором, были освобождены от этих отборочных испытаний и могли занимать должность, если они этого хотели, в поисках почестей. Существовали также и особые экзамены для отбора чиновников на самые важные должности. Они были нерегулярными, и принимал их лично император, каждый раз издававший специальный декрет, который предписывал их проведение.

Чтобы добиться продвижения по службе, чиновники шестой или более высокой степени, каким бы ни было их происхождение — на этом уровне родовитость больше не принималась во внимание, должны были пройти специальные отборочные (*сюань*) экзамены. Наконец, раз в год руководитель каждой службы проверял таланты и способности своих подчиненных. Эта процедура называлась «проводить экзамен достоинств» (*цао*).

Этот ежегодный «приговор» чиновникам всегда обнаруживался более высоким ведомством, которое перед аудиторией излагало по девяти пунктам достоинства и недостатки соискателей. Система была очень жесткой, как в моральном, так и в материальном плане. Все чиновники, которые отличались только честностью, заносились в списки «низших средних» и получали жалованье, уменьшенное на четверть или на половину по сравнению с обычным. Те же, кто был уличен в лености, получали звание «низших низших». Они не только лишались жалованья, но, что было более важным, и своего документа о назначении на должность. Напротив, приобретение положительных качеств действительно приводило к увеличению жалованья.

Испытание достоинств чиновников должно было выявить у них наличие «четырех добродетелей» (*сы шань*) и «двадцати семи совершенств». Все ревностные чиновники должны были действительно обладать хотя бы одним качеством из четырех, которые были выражены следующим образом: «его добродетель и справедливость известны всем», «его неподкупность и осмотрительность совершенно очевидны», «его справедливость и непредвзятость заслуживают похвалы», «его усердие и активность не ослабнут никогда».

Вынести решение о «совершенствах» было намного проще, так они основывались на менее субъективных понятиях. Речь шла о том, чтобы проверить, разбирается ли обладатель должности в том, чем занимается, находится ли он на своем месте (здесь мы встречаем понятие *фэнь*, которое означало тот удел, который был у каждого человека). Таким образом, ответственного за календарь проверяли, умеет ли он правильно наблюдать за звездами, а начальника корпуса охраны — хорошо ли обучены его солдаты и как почищено оружие.

Таким образом, теоретически государство непримиримо относилось к бездарным людям. Становится понятным страх всех чиновников от одного края империи до другого, от самого верха до самого низа иерархической лестницы, боявшихся узнать оценку-решение, которую в конце концов посылали в департамент государственных дел (*шэн-шу-шэн*). Чиновники часто пытались купить благоприятный отзыв. Этот обычай в большинстве случаев устраивал всех. Вот почему, хотя правительство громко взывало о необходимости всегда и везде бороться с коррупцией, оно в то же время разработало разумные тарифы штрафов, которые позволяли загладить ошибки и недостатки. И государственная казна, и нерадивые чиновники находили в этом свою выгоду. В конечном счете получение должности чиновника оставалось честью для любого человека, а правительство создавало для этого все необходимые условия.

«Трактат о чиновниках», который входит в «Новую историю династии Тан» с осуждением описывает чрезмерную многочисленность должностей, что в итоге приводит к раздуванию административного аппарата. К 730 чиновникам, облеченным властью по приказу Тай-цзуна (626—649), добавились помощники, а затем и помощники помощников, список которых содержит этот смешной документ: «Впоследствии, кроме [чиновников], созданных специально (*дэ чжи*), существовали и чиновники, приравненные к регулярным [чиновникам] (*тун чжэн юань*). В конце концов появились такие [чиновники], как

[чиновники], исполняющие обязанности (*цзянь цзяо*), [чиновники], исполняющие [свои обязанности] в порядке накопления (*цзянь*), [чиновники], временно занимающие [должность] (*шоу*), [чиновники], управляющие [должностями] (*пан*), и чиновники, на которых была возложена [должность] (*чжи*). Ни один из этих чиновников не входил в изначально созданный аппарат».

Без сомнения, сегодня очень трудно точно оценить значимость введения всего этого штата. Тексты чаще всего передавали свое отношение к этому процессу, а не реальные основания развития бюрократического аппарата. Впрочем, было необходимо использовать эту административную машину, чтобы добиться получения дохода, тяжесть которого ложилась только на плечи народа. Однако здесь можно заметить первые ростки стремления к свободе. Создание самых необычных должностей позволяло в большинстве случаев сократить или сбалансировать подобными назначениями, не входящими в обычные административные рамки, политическое или клановое влияние, которое могло извратить любые решения. Эта гибкость, скрывавшаяся за внешней строгостью, могла при случае служить сохранению порядочности тех, кто занимал высшие посты. Но, к сожалению, часто она способствовала большему сплочению в различные фракции, в которых люди объединялись не только благодаря своей идеологической близости, но и, прежде всего, по социальной общности интересов. Кажущаяся строгость административных рамок ничем не мешала появлению «серых кардиналов» даже в самом правительстве.

Ханьлинь

Именно в этом контексте следует рассказать о странной истории академии Ханьлинь, что в буквальном смысле означало «лес кистей». Академия было особым органом, инородным телом в среде обычных имперских механизмов.

Первым название Ханьлинь получил созданный Ли Шиминем парк, который располагался у северных ворот дворца. Внутри него стояли три строения, где могли собираться видные личности, созданные императором. Под прикрытием безопасного занятия, «обсуждения древних текстов», Ли Шиминь основал здесь «академию литературных исследований» (*вэнь сюе гуань*). Это общество, в теории бывшее исключительно научным, на самом деле являлось неофициальным тайным советом. Император созывал тех, кто казался ему пригодным для решения государственных дел, не заботясь об официальной иерархии.

Тщательное использование дипломатии позволяет придать этому «параллельному» органу новые черты. Официальные документы, составленные особым слогом, как и во всех обществах, в основании которых лежат непроверяемые письменные свидетельства, усложняются, а их число увеличивается. Это является знаком того, что они поставлены под контроль «чиновников, в чьи обязанности входит редактирование государственных указов» (*чжи чжи гао*). Они, как и «старшие секретари департамента большого императорского секретариата» (*чжун шу шо жэнь*), играли трудную роль редакторов и гарантировали такое качество, как подлинность документа, так что знатоки, часто набираемые из ученых Ханьлиня, возлагали на них ту ответственность, которая до этого лежала на обычных чиновниках. Установленная законом чиновная иерархия, таким образом, оказалась завалена работой со всех сторон.

Когда закончилось беспокойное правление императрицы У-хоу, император Сюань-цзун посчитал, что необходимо оздоровить удушающую атмосферу интриг и тайн, которая царилла во дворце. Для этого он набрал новых людей, сведущих в искусстве, философии, науках и религии, которые вошли в состав «академии литературных исследований» под титулом «чиновников, ожидающих указов в Ханьлине» (*хань линь дай чжао*).

Некоторое время спустя самые уникальные, самые выдающиеся из этих людей получили новое название «чиновники,

состоящие в распоряжении императора в Ханьлине». Ханьлинь, который, как и раньше, стал играть роль тайного совета при правителе, в это время состоял в основном из буддийских монахов, которых поддерживала значительная группа евнухов, и из даосских священников (*дао ши*). Конфуцианские интеллектуалы были очень этим обижены. Однако Сюань-цзун, как и все образованные китайские правители, постарался сохранять тонкое равновесие между противоборствующими и дополняющими друг друга силами, взаимодействие которых и создавало империю. В 725 г. он организовал в Лояне торжественное пиршество, для того чтобы чествовать группу конфуцианцев. В 738 г. он пошел еще дальше по этому пути, создав «академию ученых» (*сюе ши юань*) буддийской направленности, для того чтобы лучше отражать интеллектуальное и социальное положение государства. Позднее она слилась с сообществом «чиновников, ожидающих указов в Ханьлине». Обычно это объединение называют академия Ханьлинь.

Академия Ханьлинь, как и все секретные советы, которые пользовались большим вниманием со стороны императора, очень быстро приобрела дурную репутацию: «В конце правления Сюань-цзуна (712—756) была основана [академия] Ханьлинь. Чжан Цзи, благодаря своим родственным связям с императорской семьей, пользовался особой благосклонностью. Те, кто критиковал эту эпоху, считали, что это не подобающе. Тем не менее его деятельность ограничивалась тем, что он пел в хоре (с императором) литературные отрывки и отправлял свои комментарии, отвечая на обращения к императору и на доклады... Когда Су-цзун [сын Сюань-цзуна] находился в Лину и в Фэнсиани [чтобы организовать сопротивление Ань Лушаню], дела часто решались непродуманно... В Ханьлине начали заниматься официальными письмами (*шу*) и указами (*чжао*). Они продолжали делать все то же самое, и ничего не изменилось. Таким образом, [подобное положение вещей] длится до сих пор. Со временем [зло] увеличилось, и незаметно [просвещенные люди] были измучены

своими обязанностями. Критика становилась все более и более язвительной, и все называли образованных людей „любимчиками Сына Неба”».

Интриги быстро развивались. Буддисты, которые стали преобладать в Ханьлине, использовали беспорядки, вызванные мятежом Ань Лушаня (755), чтобы попытаться выдвинуть на первый план свою концепцию управления государством. Они восхваляли идеи, согласно которым страной должны были руководить специалисты, сведущие в таких науках, как гадание, геомантия и медицина. Только они должны были обладать достаточным влиянием, для того чтобы делать выбор, определяющий развитие страны. На конфуцианских ученых, по их мнению, как на неспециалистов, должны быть возложены обязанности по исполнению текущих дел. Следовало значительно сократить число чиновников, воспитанных на произведениях древних классиков, и снизить влияние административного аппарата, усиливающееся могущество которого ослабляло энергию государства.

Во второй половине VIII в. под влиянием этих новых теоретиков положение Ханьлиня стало доминирующим. Академия стала и сама пополнять свои ряды при помощи экзаменов, в ущерб официальным канцеляриям она вмешивалась во все важные государственные дела. Начиная с комиссии по приему экзаменов, которая входила в *ведомство хранения печатей*, не было такой области, в которой члены Ханьлиня втайне не получили бы постепенно ключевых позиций. Они превратились в исполнительную власть при императоре и приспособлялись к любым ситуациям, не заботясь об официальном окружении, которое сопротивлялось этому. Только в правление династии Сун академия Ханьлинь вернулась на правильный путь исследований и учености. В таком виде она просуществовала до начала XX в., и нам неизвестна точная дата ее исчезновения.

В правление династии Тан академия Ханьлинь участвовала во всех интригах, которые могли расширить ее власть. Возможно, впрочем, именно она оставалась единственным

возможным лекарством, тормозящим развитие бюрократии, которая, порождая самое себя, душила и парализовывала жизнь империи, искусственно зажатую в рамки, не имевшие ничего общего с реальностью.

Экономические изменения

Законы и административные правила китайской жизни на протяжении трех веков правления династии Тан не менялись. Это напоминает Францию Старого режима, в которой не упразднялись устаревшие государственные учреждения. Какими бы ни были обстоятельства повседневной жизни, юристы и правители Китая сохраняли осмотрительность и благоразумие. Они опасались использовать новый опыт, моральные основания которого, как им казалось, не совпадали с древними принципами управления. К тому же какая была у них нужда поднимать шум? Все, включая императора, кто хотел одновременно избавиться от слишком строгих моделей легистов и конфуцианцев, находили элементы нового мышления в буддизме, материальный успех которого свидетельствовал о сноровке в любой сфере. Кроме того, буддисты разумно расставили своих людей на всех важных постах.

Роль буддизма

Действительно, буддисты играли основную роль в усовершенствовании экономического процветания Китая. Сильные энергией и преданностью своих почитателей, буддийские общины никогда не стеснялись остаться в стороне от всех, жить в покинутых людьми местах, которые они использовали в своих целях. Развитию этой религии в Китае способствовала «буддизация» древних культовых мест, где все еще жила память о божествах, пришедших из древних времен неолита.

Кроме того, стоит отметить приемы, которыми преодолелась косность земледельцев равнины. Речь идет о разумном размещении сельскохозяйственных культур, с которыми соседствовал лес, пастбища, пахучая поросль кустарника, где паслись овцы, а также огороды и фруктовые сады. Таким образом, именно благодаря буддийским общинам в стране появилось многоотраслевое хозяйство, тогда как раньше землевладельцы, на которых были возложены натуральные повинности, ограничивались тем, что сеяли зерновые и пеньку, сажали тутовые деревья. Такой способ ведения хозяйства постепенно изменил общее положение вещей. Уже в правление династии Хань государство признало неотчуждаемый характер тех возвышенностей, в которых копали могилы (*мин тянь*). Законодательство совершенно не учитывало земли, расположенные на большой высоте, а также, в общем, и пересеченную местность, покрытую деревьями и кустарником. Эти пространства, мало пригодные для засеивания, были без большого сожаления переданы государством буддийским монастырям. К тому же если полагаться на рассказы императорских посланников, побывавших в горных районах Тибета, именно там обнаруживается чувство, которое, как это замечает Поль Демьевиль, иностранцы забывают, любясь произведениями китайских художников. Речь идет об ужасе китайцев перед горами. Таким образом, буддийские монастыри без труда стали первыми, кто начал извлекать прибыль из этих земель, владеть которыми больше никто не хотел. Со своей стороны правительство не могло требовать с них ни отчета, ни налогов, так как по определению эти владения ничего не стоили. Однако в правление династии Тан система землепользования, введенная правителями династии Суй, уже разладилась. Нужно ли искать причины этого в демографическом факторе? Сборники текстов и династийных историй сообщают, что к VIII в. население Китая составляло около 53 млн человек, т. е. немногим меньше, чем в период Хань. Это идет в разрез со всеми установившимися взглядами на эту эпоху и создает трудную проблему

цифровых данных, так как источники зачастую противоречат друг другу. Тем не менее факт остается фактом: в эпоху Тан земли, особенно в плодородных регионах, густо населенных крестьянами, не хватало, и становилось все труднее составлять новые законы наследования. Впрочем, сама проблема наследования, предполагавшая передачу и раздел собственности, еще больше усложняла ситуацию. Законодательство оставалось очень строгим и позволяло заключение договоров только между собственниками земель, непригодных для выращивания важнейших продовольственных культур. Однако в итоге такая мера только мешала. Мелкие землевладельцы, задавленные налогами, часто были вынуждены под тяжестью долгов или в надежде на улучшение условий жизни передавать свою наследственную и зависимую собственность тем людям, чье материальное положение позволяло приспособиться к существующим законам. Так, окольными путями монастыри, которые были освобождены от налогов законным путем, непомерно разбогатели, усугубляя тем самым нехватку земли. Земли в низинах, которые пересекала извилистая сеть ирригационных каналов и дамб, оставались неотчуждаемой собственностью государства. Однако, если учитывать тонкую разницу между *possessio* и *proprietas*¹, даже государство в некоторых случаях легко соглашалось с восстановлением крупных в прошлом земельных владений.

* * *

Среди этих латифундий владения монастырей обладали особыми свойствами, которыми дорожили и народ и знать. Обещая каждому человеку частицу счастья и в этом мире, и в будущем, занимаясь медициной, в которой было намного меньше магии, чем в даосизме, использовалась наука

¹ *Possessio* — владение (лат.); *proprietas* — собственность (лат.).

о лекарственных травах, обучая человека находить в самом себе силы, необходимые для того, чтобы властвовать над своими побуждениями и желаниями, буддизм снискал бесчисленные симпатии. В государственных рамках буддийские священники смогли приобрести благосклонность женских покоев императорского дворца и евнухов, поскольку обыкновенно женщинам давали буддийское образование, тогда как мужчинам — конфуцианское. В самом сердце двора буддийские общины поддерживали императорских наложниц и служили убежищем для тех красавиц, которые оказались без поддержки из-за немилости или смерти императора.

К буддийской церкви стекались многочисленные дары. Знать, высшее чиновничество, иногда даже само государство с конца правления династии Северная Вэй вкладывали свои средства в огромные и оригинальные буддийские строения, которые свидетельствовали одновременно о заслугах и вере дарителя. Для простого народа возможность совершать подношения стала удачной находкой: ремесленники находили в этом неистощимый источник для своей работы, а крестьяне были готовы отдавать свой труд, получая взамен пропитание и защиту. Наконец, торговля предметами культа кормила целую толпу мелких изготовителей и бродячих торговцев. Таким образом, жизнь части народа оказалась в зависимости от буддийской церкви.

Мятеж Ань Лушаня, не имевший другой программы, кроме грабежа, только умножал нищету. Земли еще больше стекались в руки власть имущих, которые переставали платить налоги.

Государственная казна пустела, что было тем более опасно, поскольку корни этих бед были многочисленными и очень древними. Таким образом, в такой стране, как Китай, которая была относительно бедна камнем и деревом, отливка колоколов и изображения, необходимые для различных буддийских культов, превращались в бездну, в которую рухнула большая часть запасов меди, в принципе предназначенной для чеканки

монеты. Ли Шиминь был очень этим взволнован и, выступая против вывоза металла и из чисто меркантилистского мышления, которое определяло торговлю произведениями искусства, запретил отливку новых статуй.

Тем не менее эти первые суровые меры под давлением обстоятельств начали меняться. С 755 г. правительство, отказавшись от всех нравственных идей и стремясь наполнить государственную казну, стало прибегать к худшим уловкам: началась продажа санов, титулов и должностей. Однако в результате этих мер государство оказалось еще более бедным, чем было до их введения, так как налогоплательщики, освободившись от платежей, одновременно переставали участвовать и в расходах своих общин.

Реорганизация монополий

Кроме этих кратковременных способов пополнения казны, экономисты разрабатывали и более амбициозный проект: они надеялись восстановить монополии на соль и железо, впервые введенные императором У-ди из династии Хань в 117 г. до н. э. Эти меры были совершенно непопулярны, так как общественное мнение полагало невозможным запрещать использование продуктов земли, которые дает сама природа. Однако, когда после долгих лет правления императриц У и Вэй Сюань-цзун получил власть, он обнаружил, что государство находится на грани банкротства, изнуренное анархическими растратами императорских фаворитов и содержанием профессиональной армии, которая была набрана в связи с тем, что гражданская служба провинциального ополчения устарела.

В 721 г. первый проект восстановления монополии на соль был вручен императору Сюань-цзуну. Во имя принципов человеколюбия он отверг его, зная, что реализация этого плана только узаконит существующую ситуацию. Несколько лет спустя он сам внес в налоговые списки хозяев соляных копий

и бассейнов для выпаривания соли. Вместо обычных поборов для них существовал специальный налог в форме поставок соли государству, которое затем перепродавало ее по рыночной цене. Также существовала комиссия по бассейнам для выпаривания соли (*янь чэ ши*), в обязанности которой входило управление хозяйствами, организованными государством в регионе, который назывался «Восток реки» (Хэдун). Целью этих предприятий было снабжение войск, стоявших у столицы для ее защиты. Все эти сложные организации искали любые способы привлечения в государственную казну существенной прибыли, которую приносили предметы первой необходимости.

Соль была настолько важным источником доходов, что, например, Янь Чжэньцин, префект Пинюаня, в провинции Хэбэй, полностью оплатил военную кампанию сторонников императорской власти против Ань Лушаня за счет соляной монополии Хэбэя, одного из самых доходных районов Китая. В 758 г., уже после бури, снова заговорили о монополиях: «Первый год эры Цяньюаня [758], Ди-Уи занял пост секретаря по государственным доходам и расходам и был назначен на дополнительный пост помощника главы цензората. Затем, когда он стал уполномоченным по соли и железу, он создал систему монополии на соль. Все прибрежные солеварни, а также колодцы, в которых варили рассол, были переданы под власть монополии. У них скупали всю их продукцию. Все управление монополией было организовано таким образом, чтобы чиновники могли взять на себя исключительное право торговли солью. Все, кто устроил подобные предприятия по изготовлению соли и рассчитывал продолжить свое занятие, переходили под контроль уполномоченного по соли и железу. Тайное изготовление и продажа соли стало преступлением, наказание за которое было большим или меньшим, в зависимости от тяжести совершенного проступка...»

В следующем году (759) Лю Янь начал проводить реформу организации монополий, которая продолжалась до конца эпохи Сун.

Благодаря ловкой системе контроля над производством соли, которая обеспечивала ее распределение в лишенные собственных соляных промыслов регионы, благодаря торговцам-посредникам, получившим на это подряд, Лю Янь позволил частным лицам принять участие в сборе государственных доходов: «Лю Янь полагал, что чем большим будет число чиновников, контролирующих управление монополией, тем более тяжелым будет бремя народа, который в них нуждается. Вот почему он решил, что чиновники останутся только в тех регионах, в которых соль производится, и что соль, доставленная чиновниками, будет поочередно продаваться крупным торговцам, которые будут перепродавать ее в розницу».

Это было выгодно всем, и правительство и торговцы получали свою прибыль. Были введены и другие монополии, например на алкоголь (764) или созданная позднее монополия на чай (793). Крупные торговцы начали превращаться в банкиров империи.

Традиционная экономическая система, основанная только на превосходстве сельского хозяйства, рассыпалась. Доказательством этого служит то, что в 780 г. пришлось создавать новую систему налогообложения.

Налоговая система

Основание для расчета налогов всегда устанавливалось по очень простому принципу. Каждый подданный империи поставлял государству в качестве натурального налога меры зерна и куски ткани. Также существовали повинности, которые позволяли проводить общественные работы. Даже если налоговые ставки менялись, даже если император редко сдерживал себя, сохраняя размер повинности в приемлемых для народа рамках, признавалось, что правитель живет, правит и занимается государственными делами, завися от тех ресурсов, которые государство может ему предоставить.

Ян Янь (727—780) поменял местами причину и следствие этой проблемы. Он рассчитал потребности центрального правительства и местных администраций. Затем он разделил полученную сумму по регионам в соответствии с богатством рассматриваемых районов страны, вычитая итоговую сумму из налогообложения. Этот налог собирался два раза в год, в начале лета и осенью, он получил название *лян-шуэй-фа*, или «метод сбора налогов за два раза». Налог вносился частично натурой, а частично деньгами. Кроме того, Ян Янь ввел еще два важных новшества. Речь идет о систематизации денежной экономики и о прогнозировании бюджета. «Способ взять под свой контроль все расходы правительства и повысить налоги состоит в том, чтобы высчитать итоговую сумму, которая необходима, а затем распределить сумму налога по населению. Благодаря этому доходы государства будут зависеть от его расходов. Все население страны будет внесено в список в соответствии с тем местом, где человек действительно проживает, вне зависимости от того, происходит он оттуда или нет. Все люди будут разделены на категории, в зависимости от их богатства, без учета того, достигли ли они уже совершеннолетия [взрослые] или еще нет [подростки]. Те, кто не имеет места постоянного проживания, зарабатывая, как бродячие торговцы, будут платить налоги в той префектуре или в том округе, где окажутся. Размер налога для них — треть [от стоимости их собственности]. Предположительно сумма, которую они заплатят, будет равна той, которую платят люди, имеющие постоянное место проживания, чтобы они не могли случайно избежать уплаты налога. Налог следует платить два раза в год, летом и осенью. Все способы сбора налогов, которые причиняют неприятности народу, должны быть исправлены. Раздельные налоги на землю и на работу, а также все общественные повинности упраздняются. Однако необходимо продолжать вести учет тех совершеннолетних, которые в состоянии работать. Налог на землю будет основываться на размерах обрабатываемых пространств на четырнадцатый год Да-ли [779], налог будет собран по справедливости. Летний

налог будет собираться не позднее июня, а осенний налог не позднее ноября. В конце года местные чиновники получают продвижение по службе или, наоборот, будут наказаны, в зависимости от прироста или убыли населения на подведомственных им территориях и от поступления налогов. Все будет поставлено под контроль главного чиновника управления доходов и „ответственных за земли”».

Император Дэцзун (779—804) одобрил эту систему, которая просуществовала несколько веков. Впрочем, это не принесло никакой удачи несчастному Ян Яню: жертва интриги, на следующий год он был изгнан, а затем и приговорен к самоубийству. Исторические оценки реформ Ян Яня весьма осторожны. Ведь делая местных чиновников лично ответственными за общую сумму собранного налога в их округе, в соответствии со старой поговоркой о том, что хорошее правительство определяется процветанием народа, Ян Янь, без сомнения, явно увеличил размер поступлений в казну, но этим же он создал источник для бесчисленных несправедливостей.

Внедрение в жизнь новой формы налоговой системы было очень тонкой работой. Оно предполагало признание правительством своего провала. Неспособное обеспечить соблюдение закона о разделе земли, государство признало, хотя и с некоторыми оговорками, распространение частной собственности. Оно потеряло интерес как к человеку, так и к социальной справедливости и безжалостно душило налогами все слои населения. Самые отважные люди, как, например, Лу Чжи (754—805), пытались, хотя и безуспешно, показать императору, какие волнения могут спровоцировать такие глубокие изменения в обычаях предков. Он подчеркивал, что новая система открывала дорогу многочисленным лихоимствам: несмотря на то что вначале единый налог должен был заменить все другие формы повинностей, правительство, пренебрегая всякой заботой об экономике, продолжало осуществлять взимание дополнительных поборов. Еще больше важным было то, что мелкие производители, которые были

основным источником доходов государства, были жестоко ущемлены новой налоговой системой. Для того чтобы заплатить налог деньгами, они вынуждены были продавать свой товар: бессовестные крупные торговцы скупали его по более низким ценам и продавали в случае необходимости им же этот товар по более высоким ценам, когда проходило время уплаты налога. Таким образом, восстановление монополий и реформа налоговой системы сделали это время счастливым для самых разных менял и ростовщиков, которые начали пускать в обращение письменные долговые обязательства, или, как крупные торговцы чаем, «летающие деньги» (*фэйцзянь*), бумажные векселя, которые были предками наших банкнот. Скромный земледелец оказался совершенно неприспособлен к такому типу общества.

Кроме того, местные чиновники не стеснялись вымогать у народа подарки, так как, согласно закону, они тоже должны были платить налоги императору. Таким образом, на практике простолюдины вынуждены были платить налоги государству дважды.

Более того, наместники не могли правильно вносить в списки все изменения, вызванные передвижениями населения. Они довольствовались тем, что распределяли общую сумму требуемого налога между оставшимися жителями. Если их становилось значительно меньше, год был катастрофическим. Бо Цзюйи (772—846), придворный надзиратель, а одновременно один из самых великих китайских поэтов, в 808 г. передал правителю смелую докладную записку, в которой он изобличал эти преступления. Еще более трогательной является его длинная поэма, в которой он с отчаянием описывает несправедливые страдания народа:

Приносит заботы крестьянину каждый месяц.
А пятый и вовсе хлопот прибавляет вдвое.
Короткою ночью поднимется южный ветер,
И стебли пшеницы, на землю ложась, желтеют...

Крестьянские жены в корзинах еду проносят,
А малые дети кувшины с водою тащат.
Один за другим идут по дороге к полю.
Мужчины-кормильцы на южном холме, под солнцем.
Подошвы им ранит дыханье земли горячей.
Им спины сжигает огонь палящего неба.
В труде непрестанном, как будто им зной не в тягость.
Вздыхнут лишь порою, что летние дни так долги...
Еще я вам должен сказать о женщине бедной,
Что с маленьким сыном стоит со жнецами рядом
И в правой ладони зажала поднятый колос,
На левую руку надела свою корзину.
Вам стоит подслушать бесхитростную беседу —
Она отзовется на сердце печалью тяжелой:
«Все дочиста с поля ушло в уплату налога.
Зерно подбираю — хоть так утолить бы голод».
А я за собою какие знаю заслуги?
Ведь в жизни ни разу я сам не пахал, не сеял.
А все ж получаю казенные триста даней,
До нового года зерно у меня в избытке.
Задумаюсь только, и мне становится стыдно,
И после весь день я не в силах забыть об этом¹.

Новый налог, несмотря на то что количество плательщиков расширилось, был хуже приспособлен к новым формам государственных или частных хозяйств, вышедших на национальный уровень. Его введение не привело к желаемому преодолению дефицита государственной казны, который продолжал расти. Цикл немедленных взносов и покрывающих их долговременных задолженностей все больше и больше уско-рялся.

1 Перевод Л. Эйлина.

* * *

В это время светское хозяйство буддийской церкви превратилось в государство в государстве, гигантский и вызывающий механизм налогового мошенничества, который позволял вырваться из тисков работы или, как это подчеркивали конфуцианцы, семьи. Это продолжалось до того момента, когда правительство, доведенное до разорения, вынуждено было принять драконовские меры. С 842 до 845 г. оно яростно объявило вне закона как буддизм, так и все «иностранные религии», например несторианство, которые одновременно проникли в Китай с Запада.

Впрочем, эти репрессии не стремились поражать духовные основы доктрин самих религий. Они касались материальных учреждений, богатств, разорительных обрядов чрезмерно пышных культов, исключительных монополий и экономических привилегий, которые были постепенно и необдуманно предоставлены монастырям.

Однако спустя четыре века религиозного усердия большая часть представителей китайского народа, кажется, быст-ро отошла от исступления и восторгов веры. Все это оставалось свойственно отдельным личностям, но не группам, как это было в период гонений, когда японский паломник Эннин, автор увлекательного «Дневника», путешествовал по Китаю (838—847). Во многих обстоятельствах буддизм использовался только для того, чтобы служить частным интересам. Так это было свойственно богатым семьям, враждебно относившимся к исключительному и слишком «элитному» превосходству конфуцианства, которое не признавало ничего, кроме культурных ценностей. Буддизм также играл важную роль для евнухов, женщин дворца и торговцев, которым эта религия возвращала чувство собственного достоинства, оспариваемое конфуцианцами и легистами. После того как были разрушены его материальные строения, буддизм потерял и былую поддержку. Осознавало ли китайское общество все то, что было

бесспорно принесено вместе с буддизмом: больше милосердия в правосудии, больше свободы и равенства в отношениях между частными лицами? Оно снова казалось нерушимо связанным с древними общественными, религиозными и обрядовыми понятиями, которые всегда указывали ему путь. Больше, чем когда-либо, китайское общество осознавало свое величие.

Проблема границ

Действительно, расцвет государства никогда не был таким очевидным, как в эпоху Тан, когда он проявился в необычайном территориальном расширении на запад. Если передовые линии китайских войск, стоявшие на севере Кореи и на юге Индокитайского полуострова, казались относительно естественными для долгого развития цивилизации Великой Китайской равнины, то распространение власти империи на запад в VIII в. было головокругительным, в этих регионах китайское влияние столкнулось с персидским. В итоге Азия оказалась разделена практически на две равные части: китайскую и тюркскую.

* * *

В то время когда правители династии Суй воссоздавали единство Китайской империи, остальная часть Азии принадлежала *ту-кю*, которые уже неоднократно воевали с Китаем в беспокойные годы правления варварских династий. Во второй половине VI в. эти завоеватели разделились на две соперничающие группы. Подобное деление лишь отражало экономические и политические различия тех регионов, которые занимали эти группы. С запада они испытывали влияние иранской культуры, а на востоке — культуры Китая. Западные тюрки занимали в Центральной Азии территории с низкой плотностью населения, где рассеянные населенные пункты жили сельским хозяйством и торговлей. Эти города были отдельными более или менее

процветающими государствами, которые относились друг к другу с безразличием. Кроме того, расстояние между ними было слишком большим для того, чтобы создать настоящую преграду для кочевников-завоевателей и оказать им достойное сопротивление. Восточные тюрки кочевали у самых границ Китая по огромным пространствам пастбищ, никогда не пытались по-настоящему вторгнуться на его территорию, так как высокая плотность населения, как варварского, так и китайского, держала их на расстоянии. Более того, обе группы не обладали одними и теми же политическими преимуществами. Западные тюрки нашли в лице Византии могущественного союзника, позволившего им оказать сопротивление Ирану. Напротив, восточные тюрки для нападения на Китай могли рассчитывать только на свои собственные силы и на союзы с пограничными государствами, такими как Корея. Даже сама жизнь тюркских племен начала меняться под влиянием прибрежных цивилизаций.

Традиционно основным занятием тюрков были охота и скотоводство. Они жили в войлочных шатрах или в юртах, которые возили с собой на лошадях и в повозках. Вся территория, контролируемая тюрками, делилась на регионы, во главе каждого из которых стоял князь (*тегин*). Этот титул передавался младшему брату от старшего, а от самого младшего брата — сыну самого старшего. Каждый князь управлял своими племенами, которые были неравны по своему положению. Их вожди (*беги*) объединялись в один совет (*курултай*), для того чтобы блюсти общие интересы. Помимо правящего племени, существовали и племена свободных людей, которые составляли тяжеловооруженную кавалерию. Их главным занятием была война, и они не утруждали себя повседневной сельскохозяйственной работой или разведением скота. За них этим занимались пленники, обращенные в рабов.

Тюрков объединяла глубокая вера в духов, особенно они почитали Синее Небо (*Кок Тэнгри*). Кроме того, они отличались терпимостью по отношению к другим религиям, так что дело доходило даже до покровительства, которое они оказывали

буддийским храмам и общинам. В истории сохранилось воспоминание об одном из набожных тюркских правителей Табо (552—581), который принял буддизм под влиянием китайского монаха Хуэй Линя. Хуэй Линь перевел на тюркский язык «Сутру о Нирване», он принял монахов, изгнанных из Китая во время короткого периода запрета буддизма, вдохновенно в 574 г. даоистами (период Шести Династий).

Темп этих просветительских изменений ускорился в начале VII в. В 608 г. правитель тюрков (*каган*) приказал построить город на китайский манер, а каган Ся Ли (620—630) попытался ввести централизованное административное управление, заимствованное у Китая. В конце VII в. один из каганов попросил Китай прислать ему большое количество зерна и сельскохозяйственных орудий: полная приключений жизнь прошлых веков была, таким образом, забыта. В обмен на своих лошадей тюрки получали от Китая деньги, чай, украшения, самые разные предметы, созданные искусными ремесленниками.

Правители династии Суй искусно использовали эту открытость цивилизации приграничных тюрков, умело поддерживая распри между *ханами* Востока и Запада. Тюркский союз взял на себя множество обязательств. Благодаря ему император Ян-ди из династии Суй в 608 г. истребил племя *сяньби*, которое всегда угрожало границам Ганьсу. Сделав это, он снова открыл для Китая Великий шелковый путь (609).

Так как китайцы успешно торговали, интриговали и вовлекали, они очень быстро стали считать, что избавились от проблемы восточных тюрков, которые были разбиты в 630 г. Однако менее чем через тридцать лет ханы появились вновь, на этот раз став страшной угрозой для страны. Правление императрицы У благоприятствовало созданию проварварских фракций при дворе, так что к началу VIII в. Китай в четвертый раз содрогнулся перед неотвратимой тюркской опасностью. Однако император Сюань-цзун действовал как искусный стратег, сохранив союз с соседними племенами басмилов и киданей, поэтому в 721—722 гг. был заключен мир.

Именно с этого момента тюрки действительно оказались открыты для китайской цивилизации, а с помощью письменности увековечили свою историю, которая была сохранена в записях «Орхона», самого древнего памятника тюркской литературы. Вспыхнувшие новые волнения не получили дальнейшего развития, так как уйгуры, народ тюркского происхождения, победили в этой войне. В период их правления (744—840) расцвела культура, испытывавшая огромное влияние Китая, которая распространяла его и дальше, в бассейн реки Тарим.

Уйгуры были манихеями¹ и буддистами, они создали письменность, произошедшую от согдийского алфавита, которая постепенно заменила старую тюркскую письменность *орхон*. Они вовсе не были варварами и обладали необходимым интеллектом, который позволял им не только переводить и усваивать многочисленные тексты, созданные на санскрите и китайском, но и создать собственную национальную литературу. Вплоть до самого разгрома, который они потерпели в 840 г. от киргизских орд, пришедших позже других с возвышенностей Алтая, уйгуры выступали как воспитатели тюрко-монгольских народов. Благодаря этому Китай на сто лет получил передышку на границах и мог, что было редкостью, относиться к соседям как к равным. В то же время на землях современной Маньчжурии в 713 г. было основано мирное государство Бохай, что также способствовало установлению спокойствия на китайских границах.

Правитель Бохая, которому император пожаловал титул верховного наместника, управлял союзом из 15 провинций, разделенных на 60 округов. Всего в государстве было пять столиц, оно прославилось разведением оленей и лошадей, шелковыми тканями и рисом. Бохай отправлял к китайскому двору ценную дань: мед, меха, золотые и серебряные статуэтки.

¹ Манихейство (по имени легендарного перса Мани) — религиозное учение, представлявшее собой синтез зороастризма, христианства и гностицизма и др. В основе лежит дуалистическое учение о добре и зле как равноправных и изначальных принципов бытия. Возникло на Ближнем Востоке в III в.

С середины VII в., времени, когда Китай распространил свое просветительское влияние на всю восточную часть Азии, на западе арабы начали методично завоевывать маленькие юго-западные государства Центральной Азии. Главным следствием продвижения арабов в Трансокситанию и ее завоевания, помимо других многочисленных перипетий, стало столкновение лицом к лицу двух миров — арабского и китайского. На реке Талас китайская армия под командованием корейского полководца Гао Сяньчжи была атакована одновременно в лоб и сзади, что в итоге привело к ее тяжелому поражению. Место этой битвы стало самой западной точкой, которую когда-либо достигал в Евразии китайский мир. Это было в 751 г., через 19 лет после того, как Карл Мартелл сумел остановить арабское вторжение в христианский мир. Больше чем просто битва, сражение у реки Талас было двойным знаком: разделом Азии на сферы влияния и одновременно началом великого смешения культур, в котором мусульманский мир стал постепенно играть определяющую роль в управлении западной части Азии. Многочисленные китайские ремесленники оказались в плену, одни в Самарканде, другие — десять лет спустя, в 762 г., — в Куфе, иракской столице Аббасидов. Там они создали бумажные фабрики, но понадобилось еще несколько веков, для того чтобы бумага была изобретена и в Европе. Кроме того, благодаря пленным ремесленникам появились профессии, связанные с ткачеством, они научили арабов изготавливать шелковые ткани, а художники приобщили местных мастеров к принципам китайского искусства.

Таким образом, VIII в. положил конец оригинальному развитию древних индоевропейских территорий Центральной Азии, где процветали города и искусства, которые черпали сразу из двух источников — Индии и Греции. После получения независимости, а затем покровительства, скорее номинального, чем реального, далекого и могущественного Китая Центральной Азии была захвачена ирано-арабским миром. Установились границы ислама и буддизма. Тем не менее последняя религия была вынуждена отступить внутрь китайских границ.

Пропитанные на протяжении веков иранским, китайским и индийским влиянием, различные народы Центральной Азии, от Памира до Каспийского моря, перешли в ислам, одновременно с медленным продвижением на запад тюркских народов.

* * *

В правлении династии Тан настоящим соперником Китая были только тюрки. Пространство без четких границ, которое они занимали, противостояло землям древнего бюрократического государства. Эти два огромных союза могли только состязаться в могуществе. Сталкиваясь друг с другом, они в лучшем случае делили мир, причем Китай, скорее, стремился не удовлетворить свое могущество, а защитить, используя огромные расстояния, самые древние и самые священные центры своей цивилизации.

В вопросах, которые касались политики, эта открытость чужому миру нашла свое выражение в многочисленных браках между китайскими принцессами и правителями дружественных народов. Тем не менее за этим показным братством тлеяла старая подозрительность. Как об этом писал Поль Демьевиль, «Китай мечтал о „великом союзе“, о всеобщем мире, однако главным условием было руководство этим всеобщим объятием. Всеобщий мир должен был быть, без сомнения, миром китайским».

В эпоху Тан официальная история Китая насчитывает двадцать одну китайскую принцессу императорского рода, которые были отданы в жены варварским правителям. Однако сложное исследование этого вопроса показало, что на самом деле только три из них действительно имели императорское происхождение. Остальные были всего лишь молодыми девушками более низкого происхождения, дочерьми наложниц или высших чиновников двора. Причем первая из этих трех принцесс была дарована в 758 г. кагану уйгуров только под давлением обстоятельств. Именно этому союзу император Су-цзун обязан своим восшествием на престол, закачавшийся под ударами Ань Лушаня.

Китай никогда не был полностью защищен от варваров: когда одни племена успокаивались, тут же внезапно появлялись другие, опьяневшие от завоеваний, которые пользовались внутренними проблемами страны. Несмотря на мирный договор, подписанный в 641 г., тибетцы, грубые и отсталые горцы, в 763 г. за две недели захватили то, что осталось от блистательного города Чанъянь. Там они возвели на престол не имеющего никакой власти императора, а затем, не зная, что делать с этим неожиданным завоеванием, испугались и поспешно отступили к своим западным землям. По дороге тибетцы разграбили находившиеся на дороге в Серинду города, которые еще недавно процветали: Лянчжоу (современный Увэй) в провинции Ганьсу, Ичжоу (Хами) в Синьцзяне, Ганьчжоу (Чжэни), Сучжоу (Цзюцюань) и, наконец, Шачжоу (современный Дуньхуан). Последний город был основан в правление императора У-ди из династии Хань и был сторожевым и наблюдательным постом, расположенным в самой западной части империи. Он был захвачен в 787 г. после 12 лет сопротивления тибетским набегам, а отвоевать Дуньхуан удалось только через 60 лет, в 849 г.

В VIII в. тибетское владычество простиралось от Хотана до Синина, объединяя уйгурские земли и территорию Непала. Китайский протокол признавал превосходство тибетских посланников над корейскими, японскими и даже арабскими послами.

Более того, тибетцы сеяли ужас вокруг себя: они обращали в рабство все работоспособное население захваченных городов, оставляя только стариков и больных, которых иногда просто убивали. Часто тибетцы калечили рабов, для того чтобы помешать им бежать в поисках помощи.

В конце концов китайцы отказались от такого непостоянного способа утверждать свою власть, как сражения, на их место пришла более искусная форма воздействия — идеологические убеждения. Оказалось, что могущественный создатель тибетского государства с задором неопита проявил свое пристрастие к буддизму, который он недавно принял. Вскоре

этот правитель пригласил к себе индийского пандита по имени Падмасамбхава, который позднее будет прославлен в истории буддийской философии. Его задачей было изгнание демонов и различных местных божеств, которые были разъярены из-за неожиданного появления новой религии. Этот мудрец начал ученый спор, который поставил под вопрос единство буддизма, разделенного на индийскую и китайскую ветви. В конце VIII в. императорский двор послал китайских миссионеров, которые отправились в Лхасу, где приняли участие в совете, продолжавшемся около двух лет.

Китайцы умело защищали там принципы медитативной секты чань, несовместимыми с воинственными настроениями тибетского правителя. Призвав свое терпение, несмотря на драматические моменты, китайские старцы смогли распространить среди тибетцев своеобразный квиетизм¹, который существенно смягчил этот воинственный и непоседливый народ. Вскоре эти ужасные горцы покорились требованиям очень взыскательного культа, в котором смешались элементы китайского и индийского буддизма с магическими ритуалами, унаследованными от древних времен. Тибетцы, превратившись в очень набожных людей, постоянно занятых обрядами, не уделяли никакого внимания политическим трудностям, с которыми столкнулся буддизм в империи.

В 848 г. верный Дуньхуан восстал против своих тибетских правителей. Тонкие и упорные психологи, китайцы смогли добиться своих целей с помощью могущественных орудий идеологии. Намного позже, уже в Новое время, они точно так же смогут подавить опасные для государства монгольские орды.

¹ Квиетизм (от *лат.* *quies* — покой) — религиозно-этическое учение, представители которого провозглашают полную пассивность и спокойствие, подчинение божественной воле, равнодушие к добру и злу, отречение от мира и др. В переносном смысле квиетизм означает созерцательный образ жизни, бездельность.

Глава седьмая
ЛИКИ КУЛЬТУРЫ
ЭПОХИ ТАН

Со временем на общем фоне неуверенности, нищеты слабых, непреложного цикла величия и падения сильных жизнь в эпоху Тан стала представляться как обаятельная игра тени и света. Любопытная смесь академической серьезности, где распускались новые цветы традиционного мышления, и веры, глубокой, наивной или обдуманной, этот период также проявил определенный вкус к экзотике, ко всему, что пришло из чужих краев. При этом одновременно начал формироваться и настоящий китайский патриотизм. Напрасным было стремление к социальному разделению различных вкусов, которые на Дальнем Востоке часто сочетались с намного большей гармонией. Хэ Чжичжан, друг поэта Ли Бо, совмещал строгое достоинство чиновника и радости пошатывающегося пьяницы. Бо Цзюйи (772—846), один из самых великих писателей, которых когда-либо знал Китай, был очень сложной личностью. Просвещенный муж, в классическом смысле этого слова, наделенный особым талантом, государственный управленец, который очень чутко воспринимал несправедливости и несчастья простого народа, отважный цензор власти, но яростный защитник ее основ, во всех обстоятельствах он проявлял неистощимую оригинальность. Могущественный Хань Юй (786—824), непримиримый реформатор прозы и национального мышления, враг буддизма, воспевал в своих стихах, полных нежно-

сти, безмятежную радость от святилищ, затерянных в горах, где чистый воздух благоприятствует созерцанию суетности внешнего мира.

Возможно, именно этот синкретизм следует считать причиной настоящего величия классического периода эпохи Тан — ничто человеческое не было ей чуждо, и две столицы империи в этот исключительный исторический момент стали настоящими перекрестками Евразии.

Сцены
народной жизни
Жизненные рамки

Обаяние Чанъяни, бесконечного источника литературных намеков, не имело себе равных. Ее внешний вид настолько поразил японских послов, которые посвятили ей восхищенные рассказы, что японские императоры решили создать на поросших травой пространствах плоскогорья Нара город, задуманный по образу китайской столицы.

* * *

Чанъянь, самый большой обнесенный стеной город, который когда-нибудь строили люди, был расчерчен и разделен как координатная сетка. Группы строений и сады размежевали улицы, посаженные деревьями, к северу от которых простиралась резиденция императора.

Для Чанъяни, созданной в правление династии Чжоу, именно эпоха Тан была периодом наилучшего расцвета. Столица могла состязаться с самыми красивыми мечтами поэтов.

Лазури небесной касается пышный дворец,
Златые драконы обвили резные колонны.
Красавица млеет от солнца лучей,
цитра поет под рукой ее белой.

Ветром весенним доносится песнь,
прославляя достойного князя.
Лодка-дракон рассекает волну,
Мчась по озерной воде к берегам чудесным.

Три тысячи красавиц покоят во дворце,
Громко звенят колокольцы, гудят барабаны...

Здесь, как и во многих других владениях, танские правители были очень многим обязаны строителям императоров из династии Суй.

Именно император Вэнь-ди, основатель династии Суй, воскресил древнее величие города, исчезнувшего в период Восточная Хань. Он поручил знаменитому архитектору Юй Вэньцаю (555—612), который построил северо-западную ветвь Великого канала, построить чуть юго-восточнее от древней столицы «город великого процветания» (Дасинчжэн). После падения династии Суй правители Тан обосновались в этом городе, но вернули ему историческое название — Чанъянь.

Размеры города достигали 9 км в длину и 8 км в ширину. Восемь врат с северной стороны и еще по три — с остальных сторон были прорублены в стенах, которые возвышались на утрамбованной земле, как это практиковалось уже на протяжении тысячелетий.

Если верить налоговым реестрам, то этот город насчитывал два миллиона жителей, здесь соседствовали представители самых разных национальностей: тюрки, уйгуры, тохары, согдийцы, арабы, персы и индийцы. Два базара — восточный, более изысканный, и западный — имели бесконечные вереницы маленьких специализированных лавочек.

Без сомнения, никогда город не был ни таким богатым, ни таким красивым, как в начале правления Сюань-цзуна. Все земли присылали в столицу свои продукты. В 743 г. был прорыт водоем для разгрузки кораблей. Корабли, нагруженные всеми сокровищами мира, со всех концов империи могли подняться

по Великому каналу до самой столицы: с Севера везли покрывала для седел из ярко-красного войлока; с Юга — горькие мандарины, из восточных регионов — ткани из розового шелка с рисунками, а с западных гор — квасцы для самых разных целей. В Чанъяни товар перегружался на очень маленькие корабли, которые были способны плавать по маленьким речкам, что позволяло снабжать и самые отдаленные регионы этой огромной речной сети. Перед тем как подкрепиться и развлечься в одном из многочисленных «домов певичек» квартала Бэйли, гулякам нравилось любоваться экипажами и с любопытством рассматривать живописные костюмы лодочников на реке Янцзыцзян: шапки из бамбука, халаты с рукавами и сандалии из соломы.

Однако Чанъянь, сокровищница династии Тан, должна была исчезнуть вместе с нею. В эпоху Сун, по словам одного из историков того времени, там можно было увидеть только «грязные столбы и заброшенные земли». Раскопки главного дворца Дамингуна, начатые в 1957 г., и нескольких крупных храмов позволяют увидеть призраки чудес былых времен.

Вторая столица империи, Лоян, давала приют более миллиону жителей. Если она и казалась менее могущественной, чем Чанъянь, спесиво воздвигнутый перед лицом варваров, то атмосфера второй столицы была более утонченной и изысканной. Она славилась красотой своих цветов, качеством фруктов. Умения местных ремесленников вызывали общее восхищение: они создавали парчу по многочисленным рисункам, заимствованным из Персии, тонкие ленты из шелка и керамику, гордость танских горшечников. «Рынки Юга» простирались на два квартала, объединяя 120 базаров, бесчисленные улочки, где занимались своим ремеслом мастера, а тысячи лавочек продавали все на свете.

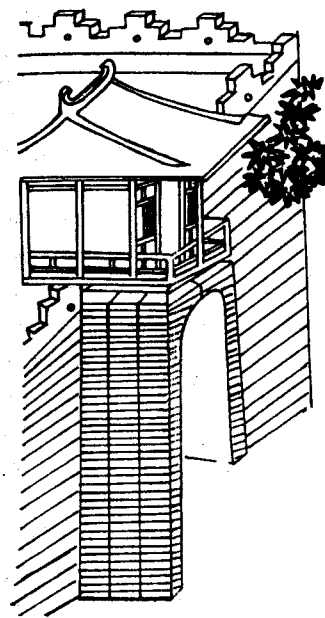
Если столицы, как это и должно быть, представляли собой две самые большие драгоценности среди китайских городов, то, помимо них, по всей империи располагались и административные центры, где находились представители

государственной власти. Они были построены по строгому геометрическому плану, что символизировало устройство мира. Для китайцев той эпохи это было новшеством, так как на протяжении беспокойных веков, которые отделяли период правления династии Хань от эпохи Тан, процветающие городки, которые были одновременно экономическими и политическими центрами, практически исчезли. Таким образом, Китай представлял собой не что иное, как громадный агломерат экономически независимых обширных странств.

Между тем воссоединение империи привело к возрождению городов, передовых отрядов власти. Они создавались или восстанавливались в каждом округе с единственным назначением — быть оплотом государственной власти. Японский исследователь Миязаки Ишизада полагает, что эти глубокие изменения, причины которых до сих пор мало изучены, были следствием двух важных фактов: проникновения на китайские земли варварских народов и создания в каждом из Трех Царств III в. военных колоний (*туньтянь*), к которым прикрепляли всех бродячих крестьян. Организация подобных колоний в сельскохозяйственных районах провоцировала исчезновение древнего понятия «город» как экономического и административного центра. Затем бурный поток варваров, хлынувший в Северный Китай в период Шести Династий, в свою очередь, стал причиной появления нового типа агломерации: распространение получили гарнизоны с военными и административными функциями, которые ничего не производили. Они были обнесены двойным поясом укреплений, к внешней стене добавлялось кольцо крепостных стен внутри города (захватчики всегда чувствовали необходимость в защите). Так зародился план нового китайского города, обладавшего невысокой стеной для защиты малозначительного местного населения, в центре которого располагался хорошо укрепленный бастион, «запретный город», где жили, защищаясь от бунтов, варвары-завоеватели. Соединение этих двух факторов

Стены и двери

На многочисленных фресках Дуньхуана, а также на парадных знаменах, найденных там же, часто можно встретить изображения городов, обнесенных стеной, которые характерны для Китая со времен больших неолитических поселений до наших дней. Потребности в экономическом росте и политическая необходимость, которые обеспечивают разрыв с прошлым, сегодня стремятся полностью стереть этот элемент китайского кругозора, который сохранялся на протяжении тысячелетий. Стены Даду (современный Пекин), столицы династии Юань (1271—1368), найденные в 1969—1970 гг., будут снесены, как только археологи составят их план и изучат их характеристики. Собственно стена, как на рисунке, была построена на спрессованной земле. В ней были прорублены ворота, выложенные кирпичом, и бойницы, пробитые на скорую руку в 1358 г., для того чтобы отбивать крестьянские атаки, угрожавшие городу. В менее бурные эпохи и в спокойных местах простая пристройка для охраны и для наблюдения, построенная из дерева, воздвигалась, как и здесь, над входом

привело к созданию средневековых китайских городов. Правда, подобная гипотеза развития имеет своих противников в исторической науке.

Как и столицы, главные города префектур и округов защищали одновременно внутренние стены и внешний пояс укреплений. Ограниченное таким образом пространство города было похоже на сетку, состоявшую из множества маленьких квадратов (*фан*). Каждый из них, город в городе, обладал своими укреплениями и постом наблюдения. По каждой такой ячейке проходили улицы, которым давались простые названия, такие как «задняя улица» или «восточная улица». Именно в зависимости от этих артерий города и этих названий определялись адреса жителей, которые указывали, в какой

стороне, например северо-западной или северо-восточной, их следует искать. У каждого маленького «города» внутри большого, как и у наших парижских округов, была собственная администрация и свой глава, ректор (*чжэн*).

Города, созданные у пересечения дорог или вдоль длинных паломнических маршрутов, развивались по-разному. Они располагались в очевидном беспорядке, в соответствии с законами топографии или требованиями торговли. Некоторые города, которым благоприятствовали географические условия, превращались в настоящие национальные или международные перекрестки. Например, Кантон, хотя и был в десять раз меньше Чанъяни, стал главным портом Южного Китая. Он прославился своими иностранными кварталами: рядом с арабами, персами и индийцами, которых можно было встретить во всем Китае, в этот город стекались также японцы, шаны, кхмеры и сингалы. Одни переселялись сюда, чтобы вести выгодную торговлю, другие же просто ждали благоприятных ветров, чтобы вернуться домой за новым грузом. Без сомнения, это было незаурядное зрелище, когда по звуку полуденных барабанов и гонгов китайские торговцы и разносчики, собравшиеся со всей империи, устремлялись на огромный рынок. Они взвешивали, рассматривали, торговались до того момента, когда во время захода солнца снова звучал звонкий сигнал, возвещающий о закрытии рынка и кварталов, которые объединяли на ночь жителей и иностранцев, чтобы защитить их от разбойников.

Впрочем, в исключительных случаях, например в некоторые праздники, рынки больших городов оставались открытыми всю ночь: они были битком набиты теми, кто жаждал развлечений и решал свои дела.

Начиная с VIII в. город представлял собой совершенно другой мир, чем окрестные деревни. Путешественник, без сомнения, не знал, чем стоило любоваться больше: пестрыми толпами больших «перекрестков» или величественным порядком административных городов.

* * *

Появившиеся новые отличия городской среды от среды сельской, без сомнения, были не чужды рождению интересного понятия, которое, возможно, впервые появилось в истории человечества именно в эпоху Тан. Речь идет о защите природы. Это кажется несколько парадоксальным, поскольку известно, какие экологические катастрофы произошли как в Китае Нового времени, так и в современном Китае, когда этот принцип был забыт.

Между тем эти заботы в правление династии Тан занимали умы части просвещенной элиты. В этой области огромным влиянием пользовался буддизм, который проповедовал бережное отношение ко всякой жизни, даже когда речь шла о простой инфузории. Ведь каждая живущая частица мира была звеном в бесконечной цепи перерождений. Однако и даосизм исповедовал безусловное уважение к природе: любое человеческое действие могло нарушить биение мира, стать космическим дыханием, которое оживляло и определяло развитие Вселенной. Наконец, конфуцианство также присоединилось к этому значительному движению философской мысли, благодаря своему учению о необходимости почитания предков, их могил, гор и рек, расположение которых было следствием ни с чем не сравнимого труда мудрецов прошлого.

Император Сюань-цзун, утонченный ум, обращал особое внимание на сохранение того, что мы сегодня называем «окружающей средой». Он приказал переиздать обновленную редакцию главы из древних «Записок о ритуале» («Ли цзи»), которая называлась «Юэ лин», что в переводе означало «распорядок лунных месяцев», и была своего рода календарем хорошего землевладельца.

Император выступал не только за устройство водохранилищ и ирригационной системы, что было обычным еще с самого раннего периода истории Китая, но и рекомендовал уважать естественные линии водораздела, чтобы не нарушать

бесплезным вмешательством баланс распределения вод. Кроме того, он официально осудил сознательное сжигание лесов, как правило, это был первый этап расчистки целинных земель, и приказал оказывать содействие тем гражданам, кто сажал деревья и кусты. Тем не менее эти меры носили весьма ограниченный характер: строительство домов, основа которых состояла из брусков и балок, массовая выработка древесного угля, который использовался как для отопления, так и для изготовления чернил, неумолимо приводили к значительным вырубкам леса на большей части территории Китая.

Император пытался также прекратить бесполезное убийство животных, которые обитали в рощах и зарослях. Однако запреты на охоту были всего лишь единичными случаями. Если сам принцип, на котором основывались подобные указы, был похвальным, то в глазах населения все эти наставления теряли всякую ценность, как только условия жизни становились более суровыми, а прихоти климата возрождали призрак голода. Только просвещенные умы из привилегированных сословий могли понять жизненную необходимость защиты природы.

* * *

О величии и повседневной жизни Китая династии Тан, которая и в IX в., несмотря на предзнаменования падения, оставалась еще могущественной и уверенной в себе, до нас дошло живое свидетельство. Речь идет о записях японского паломника Эннина, который с 838 г. по 847 г., т. е. на протяжении десяти лет, ездил по Китаю в поисках священных писаний, после чего был изгнан из страны. Кроме религии, интересовавшей его в первую очередь, Эннин описал то удивительное чувство безопасности, которое было присуще любому человеку, путешествующему по огромной территории империи Тан. Каждые два или три километра вдоль имперских дорог стояли межевые столбы, рядом с которыми могли располагаться вооруженные заставы, где нужно было предьявлять

свои документы. Естественно, что рядом с заставами бандиты, как правило, не осмеливались нападать. Наконец, его удивило то, что можно было пересекать регионы, опустошенные голодом, не понеся при этом никакого ущерба.

По всей стране были обустроены гостиницы, некоторые были специально приспособлены для приема иностранных послов. Современная топонимика подчеркивает, что вокруг этих «постоялых дворов» (*гуань* или *и*), как государственных, так и частных, появились многочисленные торговые городки. Более того, около мостов и застав существовали своеобразные почтовые станции, где путешественник мог найти комнату для отдыха или спальное помещение. В общем, японский путешественник показал, что доля путешественника достаточно легка, что сеть гостиниц отличается хорошим качеством, что, кроме тех мест, где свирепствовали эпидемии, он всегда мог найти у местных жителей подходящее пристанище. Духовное звание Эннина, до того как он был изгнан, и официальное охранное свидетельство могли обеспечить ему и его свите бесплатный транспорт, жилище и питание.

Единственные регионы, которые внушили определенную опаску Эннину, были слабозаселенные, если не пустынные долины и горы Шаньдуна. Это подтверждают археологические данные и ранняя история Китая: окраины таких государств, как Лу и Ци, которые создавались у подножия горного массива Шаньдуна, всегда обращались к морю, остальное пространство ориентировалось на Великую Китайскую равнину. Эннин очень интересовался зрелищем производства древесного угля, которым пользовались по всему Китаю. В связи с этим он обнаружил целый народ каботажников, большинство которых были корейцами, поставлявшими топливо на обезлесившие долины провинции Цзянсу.

После изгнания Эннина борьба с буддизмом, как и с другими религиями, пришедшими из-за рубежа, стала осуществляться с меньшей строгостью. Несмотря на то что Эннина заставили покинуть Китай, японский путешественник нанес

прощальные визиты своим друзьям и увез с собой все подарки, которые ему были сделаны. Таким образом, политика государства упорядочивала отношения с религиозными общинами, но не посягала на иностранцев. Без сомнения, никогда, кроме эпохи Тан, космополитизм не был так моден.

* * *

Действительно, Китай оказался связан с Западом путиной, которую мы называем Великий шелковый путь: войны, которые вел Ли Шиминь, в первую очередь, имели своей целью защиту этих торговых путей, а не самой империи.

Длинная сухопутная дорога, по которой шли караваны, состояла из нескольких путей, которые пересекались в Бактрии. Путешественники проезжали их за несколько переходов. Некоторые смельчаки, соблазненные приключениями, шли до самого конца пути. Однако большая часть путников довольствовались тем, что раз за разом повторяли один и тот же маршрут, из одного города в другой, сопровождая товары, которые им доставляли другие посредники. На Памире, на дороге у верховьев Окса¹, было знаменитое место, оно называлась Каменная башня, но до наших дней так точно и не удалось локализовать его местоположение. Именно там бактрийские, согдийские и китайские караваны производили обмен своими товарами.

На самом деле, нельзя говорить, что существовало много дорог, которые соединяли Китай с остальной частью Евразии и Индией.

Один путь, который шел из Кореи и Маньчжурии, пересекал регион, который назывался Бохай, где проживали тунгусы и протомонголы. Его северо-западное ответвление шло вдоль границы пустыни Гоби. Особенно опасным этот путь был между Дуньхуаном и Турфаном, так как именно здесь он углублялся в соленые земли, оставшиеся от древнего озера

¹ Окс — историческое название Амударьи.

Лобнор. Об этих местах существовали самые страшные рассказы: например, говорили, что для того, чтобы найти дорогу, нужно идти по скелетам людей и животных, которые умерли на этой дороге, или что суровые природные условия этих мест способствовали появлению зловредных призраков.

Южный путь казался более привлекательным: он следовал по горам Куньлуня. Китайцы очень плохо знали этот регион, однако благоразумно использовали бактрийских верблюдов, которые умели чутко подземные источники и предчувствовать песчаные бури.

Существовал и еще один путь в Индию и на Запад — старая бирманская дорога, которая, пересекая Сычуань, проходила мимо гор и пучин реки Ирравади. Но в эпоху Тан этот маршрут был закрыт для китайцев, которых останавливало сопротивление народов Юннани, а позднее появление на этих территориях в VIII в. государства Нань Чжао, которое было сторонником тибетцев. Когда же китайские войска смогли, наконец, в 863 г. снова открыть эту дорогу, империя уже пришла к упадку, и эта победа так и осталась безрезультатной.

* * *

Легендарное очарование этих сухопутных путей иногда заставляло забыть о существовании путей морских, на которых, впрочем, китайцы не были хозяевами.

На севере море принадлежало искусным корейским мореходам. Они стали особенно сильны после 660 г., когда Силла объединила под своей властью остальные государства Корейского полуострова. Они плавали вдоль северных берегов Желтого моря и бросали свои якоря в портах Шаньдуна. Этот же путь был и одним из маршрутов японских кораблей: не боясь бурь и кораблекрушений, они до конца IX в. (894) стремились в Китай, для того чтобы обрести лучшие материальные и духовные достижения континентальной цивилизации и засвидетельствовать свое почтение императору династии Тан.

Еще более важной была торговля, которая развернулась в южной части Китайского моря и в Индийском океане. Корабли должны были учитывать сезоны муссонов. Они покидали порт Кантон в конце осени или зимой, а возвращались вместе с летними ветрами. С VII до IX вв. арабские, персидские и китайские суда не прекращали плавать по воле движений Неба. В конце концов, вряд ли в эту эпоху китайцы сами строили достаточно мощные и прочные корабли, которые могли бы выдержать плавание в открытом море. Ловкие имперские торговцы покупали или фрахтовали корабли, построенные не в Китае, — самые лучшие были созданы на Цейлоне. Они насчитывали 200 шагов в длину и могли перевозить 600—700 человек одновременно.

Экзотика

Таким образом, Китай повсюду был вынужден соседствовать с иностранцами — моряки, торговцы и ремесленники сходились в городах-перекрестках. Погребальные статуэтки с юмором изображают огромные носы этих гостей, их лица арийского или семитского типа, разнообразные меховые одежды и костюмы, показывая удаленной от моря части Китая их живописные фигуры.

В итоге двор стал таким же космополитическим, как караван-сарай. В департаменте музыки, процветавшем до мятежа Ань Лушаня, члены которого выступали в изящном Грушевом саду, на каждые две китайские труппы приходилось восемь иностранных, причем именно последние особенно нравились императору, которого очаровали кружащиеся танцовщицы из Центральной Азии, Индии или Кореи.

Одним из любимых занятий были новые игры, например поло, вероятно привезенное ко двору в 709 г. тибетским посланником. Тибетцы, в свою очередь, заимствовали эту игру у персов. Император Сюань-цзун выказал настолько большой

интерес к этой игре, что организовал матч между китайцами и тибетцами, и все высшее общество последовало его примеру с большим энтузиазмом. В 1956 г. археологи нашли в Сиани, на месте древнего города Чанъянь, камень с выбитой на нем датой — 813 г., который был положен в основание стадиона для игры в поло, популярность которой сохранялась до самого падения династии Мин (1644).

В двух столицах империи часто было модным одеваться так же, как тюрки или восточные персы. Мужчины и женщины, которые никогда не путешествовали без «варварских шапочек», причем к женскому убору на протяжении веков крепилась более или менее длинная и громоздкая вуаль. В VII в. девушки, особенно самые смелые, не стеснялись ездить по городу верхом с непокрытой головой и в мужской одежде по варварской моде. Мужчины вызывающе носили головные уборы из шкуры леопарда и в своей любви к экзотике доходили до того, что жили в палатках, ставя их посреди застроенного домами города. Без сомнения, самым большим оригиналом в этой среде был поэт Бо Цзюйи, который селил своих гостей в двух войлочных палатках небесно-голубого цвета, поставленных в его саду. Этим он хотел показать представителям оседлого народа, насколько эффективной защитой от зимних холодов является юрта степняков. В действительности, Бо Цзюйи только подражал более авторитетным образцам: родной сын императора Тайцзуна, Ли Чэнцян, жил по тюркским обычаям и отказывался говорить по-китайски. Он носил одеяния ханов и принимал посетителей, сидя под тотемным изображением головы волка.

В кабачках увеселительных кварталов часто можно было встретить изящные силуэты варварских девушек:

Звучат на цитре
«Зеленые павлонии у Врат дракона».
Вино чудесное в нефритовой бутылки.
Слегка касаясь струн, я пью, мой господин, за вас.
Мы пьяны, нет лиц, краснее наших.

У очага, где греется вино,
Красавица смеется нежно,
Как легкий ветерок весной.
Как дуновение весны, она смеется,
Танцуя в одеянии прозрачном.

О господин, пока совсем не опьянели,
Уединитесь ли теперь?

Экзотическое очарование иностранных служанок, общим названием которых было слово *ху*, т. е. варвар, отличало многочисленные компании подобных веселых вечеринок.

Те женщины, что родились в северных степях, были принесены в жертву политике браков, которая гарантировала постоянство союзов, необходимых для сохранения мирного положения империи. Эта судьба роднит их с китайскими женщинами, выданными замуж за варварских вождей, причем причины этих браков идентичны. Пленницы политических интриг, женщины варварского происхождения никогда не покидали дворца и обычно мало соответствовали вкусу китайцев.

Совсем иначе дело обстояло с красавицами, происходившими из Согдианы. Их индоарийское, а точнее иранское, происхождение волновало сердца китайцев своими светлыми глазами, цвет которых сравнивали с нефритом, и рыжиной вьющихся волос. В Китае можно было встретить и молодых людей того же происхождения; и мужчины и женщины проявляли себя как искусные акробаты, танцоры и музыканты.

* * *

Тем не менее варваризация китайского двора в VII—VIII вв. в определенной степени может быть сравнима с вестернизацией начала XX в.: китайцев больше прельщала форма, чем реальное содержание заимствуемых вещей. Иностранцы были забавными, но они всегда оставались второстепенными

существами, которых можно покорить своей воле. Главным образом, они представляли собой источник дохода. Даже традиционный обмен «данью» и подарками между периферийными народами и китайским двором представлял собой и материальное выражение дипломатической игры, и завуалированную форму торговли. Иностранцы иногда подвергались притеснениям, которые имели тяжелые последствия. Например, по указу 714 г. им запрещалось вывозить из Китая шелк, парчу, жемчуг, вышивки, золото, железо, — одним словом, все, что могло сделать рентабельным и окупить высокие издержки путешествий в далекие земли Аравии и даже Африки, где мусульмане искали черных рабов, которых китайцы ценили за их выносливость. В VIII в. правительство основало в Кантоне должность уполномоченного по торговым флотам, в обязанности которого входило обеспечение купли и продажи иностранных товаров. Впрочем, эта мера приносила намного больше дохода государству, чем иностранным торговцам, которые иногда были вынуждены отдавать до трети своего груза, на который налагался арест сотрудниками китайской таможни. Иногда «сделки с Небом» были возможны, но никто и никогда не мог быть стопроцентно застрахован от подобных проблем.

Более того, можно вспомнить о том, что закон строго следил за тем, чтобы контакты с внешним миром оставались только торговыми или официальными. Так, например, иностранец, женившийся на китаянке, никогда не мог покинуть Китай вместе со своей женой. Возможно, что именно с правления династии Тан, особенно после восстания Ань Лушаня, помимо провинциальных особенностей, которые носили больше сентиментальный, чем политический характер, в Китае повсюду начала проявляться глубокая преданность своей родине. Это кажется менее очевидным, если смотреть на образованные слои страны, ведь только эти люди умели писать, но зато сильно проявлялось в пограничных регионах, где китаяцы и варвары часто перемешивались против своей воли.

Юань Чжэнь (779—831), близкий друг Бо Цзюйи, описывал драму китайских жителей Дуньхуаня, который оказался захвачен тибетцами: «Вот уже около шестидесяти лет, как они лишены каких бы то ни было новостей, а заключенные когда-то договоры действительны только потому, что [тибетцы] становятся более кровожадными. Глаза этих людей смотрят сквозь солнце, которое встает на востоке, чтобы увидеть тучи [страны] Яо. Утром Дня Года они расчесывают своих лошадей на ханьский манер [единственный день в году, когда захватчики разрешают это]. Тот, кто мысленно верен Китаю, — это старики или больные или тот, чьи кости уже в земле. Они учат своих детей и внуков языку своей бывшей родины, рассказывают им о городах и крепостях, описывая их блеск [в прошлые времена]».

Верный Китаю Дуньхуань восстал против тибетцев в 848 г. и вновь вошел в состав империи в 851 г. Оазис, в котором многочисленные солдаты, пришедшие из Центрального Китая, продолжили свой род, блистал, как островок цивилизации Хань в варварских землях, чудесный цветок политики военных колоний, затерянный на длинных караванных путях. Именно он стал свидетелем зарождения в эпоху Тан подлинного национального китайского чувства, появившегося, возможно, от избытка экзотики.

Разнообразие религий

Можно сказать, что во всех сферах жизни Китай эпохи Тан был похож на огонь, от которого разлетаются мириады искр. Однако эти искры идей либо падали и угасали в глубоких водах китайской цивилизации, либо сливались с теми понятиями, которые были унаследованы от первых веков человечества.

Одним из самых любопытных явлений, без сомнения, было разнообразие индоевропейских религий, которые были

изгнаны из тех земель, откуда они вели свое происхождение, или, напротив, одержали там победу. Так или иначе, эти религии приходили в Китай, ища приюта или подтверждая свое влияние.

Несториане пришли из Согдианы и в 628 г. получили разрешение построить свою церковь. Китайцы высоко ценили талант, с которым адепты этой религии переводили буддийские тексты. Впрочем, несториане переписали по-китайски и около тридцати произведений, свидетельствовавших об их собственной вере. Одним из этих произведений была «Хвала Святой Троице», которая была найдена Полем Пеллио в Дуньхуане вместе с другими манускриптами. Они воздвигли знаменитую стелу в Сианьфу, на которой был выбит текст на китайском и древнесирийском языках, который, после опубликования его Атанасиусом Кирхером¹ в XVII в., потряс всю интеллектуальную Европу.

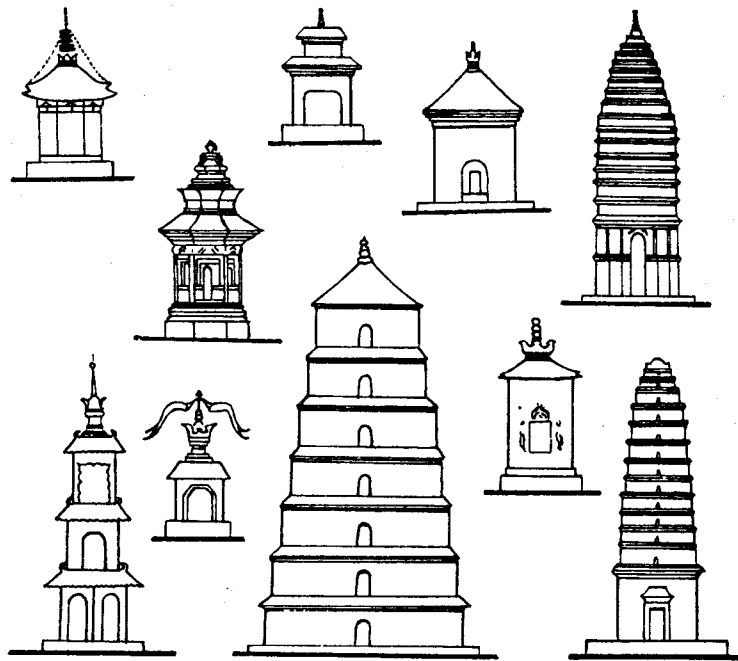
Маздакиты² предпочитали селиться в Ганьсу. Довольно быстро их стало так много, что в столице империи существовал как минимум один их храм (в текстах указано, что он был восстановлен в 631 г.) и специальный департамент «Сабао», который был создан при дворе, чтобы отстаивать их интересы.

Манихеи пришли в Китай в поисках защиты от гонений со стороны ислама. Появившись здесь в конце VII в., свою доктрину при дворе они представили в 694 г. Сто лет спустя манихеи стали достаточно влиятельными, чтобы обратиться в свою веру уйгуров и сделать Турфан своим религиозным центром.

Наконец, мусульмане, победители битвы при реке Талас (751), осознавая невозможность дальнейшего распространения

1 Атанасиус Кирхер (1602—1680) — немецкий ученый, иезуит, занимавшийся естественными науками, лингвистикой, древностями и др. Преподавал математику, философию и восточные языки. Составил грамматику коптского языка, а также энциклопедию Китайской империи, в которой перемешал научные сведения с фантастическими псевдоисторическими интерпретациями.

2 Маздакизм — религиозно-философское учение, распространившееся в Иране и некоторых соседних странах в раннее Средневековье, содержавшее идеи о необходимости взаимопомощи, равенстве имущества и др.

Различные формы пагод

С конца IV в. до периода наивысшего расцвета эпохи Тан эволюция ступ-ковчегов прошла все стадии развития — от простых маленьких павильонов одинаковой высоты до многоэтажной башни. Внутренние драмы и иноземные вторжения, которые потрясли Китай, уничтожили большую часть великой буддийской архитекту-

ры, которую удалось сохранить в Японии. В Китае можно встретить лишь несколько зданий из камня или кирпича, таких как, например, две знаменитые пагоды в Чанъяни — последние свидетели пышной столицы династии Тан, от которой уже в правление династии Сун остались только поросшие кустарником руины

своих завоеваний, также прислали своих миссионеров. Они укоренились на западе Китая, обратив его в свою веру, и подобное положение сохранялось вплоть до XX в.

Такое религиозное и интеллектуальное разнообразие царило не только при дворе, но и по всей стране. Конечно, кажется, что можно связать каждый образ мысли с особой социальной группой: конфуцианство — с интеллектуальной элитой, даосизм — со знатью, буддизм — с народными массами, а различные религии, пришедшие из Персии, — с теми или иными географическими и этническими меньшинствами. Реальность же более запутана. По воле лет или обстоятельств идеологи различных религий жили бок о бок, объединялись или, наоборот, боролись друг с другом внутри одних и тех же социальных групп или даже в сердцах одних и тех же людей.

Более того, китайцы никогда не оставались безразличными к этим открытиям и сами делали попытки узнать что-то новое. Знаменитый монах Сюань Цзан (602—664) неутомимо ходил по дорогам Индии с 629 до 645 г., чтобы привезти в империю буддийские священные писания и свидетельства. В свою очередь, Ли Шиминь оказал ему торжественный прием и сделал его самым уважаемым буддийским священником своего времени. Остаток своей жизни Сюань Цзан провел за переводом 1338 глав из 64 текстов, которые он даровал китайскому буддизму. Кроме этого, он составил «Записки о странах Запада» («Си юй цзи»), почтительный рассказ о путешествии, который был спародирован в XVI в. многотомным романом, юмор которого понятен и сегодня.

Спустя некоторое время монах Ицзин (635—713) в свою очередь отправился в путешествие. Он провел десять лет в Наланде, самом большом буддийском университете Индии, чтобы изучить монастырские правила, ортодоксальные дисциплинарные практики, т. е. все то, что составляло рамки доктрины. Он вернулся в 695 г., привезя с собой 400 манускриптов.

Подобное стремление к новшествам, основанное на любопытстве, обогащало Китай не только документами.

Благодаря своей «буддизации» империя испытала индийское влияние. Так, в 684 г. императрица Ухоу ввела при дворе индийский календарь. Это простое событие, о котором упоминают, как об абстрактном феномене, на самом деле могло сильно изменить повседневную жизнь китайцев. Привыкшие считать дни пятерками, по количеству сторон света, или десятками, т. е. удвоенными пятерками, китайцы, если бы реформа продолжалась дольше, были бы вынуждены перестроить свою жизнь в соответствии с семидневной неделей.

В 721 г. Исин (683—727) привез из Индии новые способы ведения счета. Постепенно между двумя культурами завязались связи, существовавшие до путешествия священника У Куна в 751 г. Однако позднее Китай династии Тан, осознавая свой упадок, был слишком занят своими внутренними проблемами, чтобы интересоваться различными народами, которые его окружали.

* * *

Тем не менее существовало чувство, которое, несмотря на бурный VIII в., должно было сохраняться всегда. Речь идет о религиозном усердии.

Без сомнения, даже полагаясь на опыт Японии, где буддизм махаяны существует в самых разных формах, обновившись в сердцах и умах верующих, сегодня трудно себе представить удивительное и повсеместное присутствие буддизма в Китае династии Тан. Паломничества, процессии, праздники, становившиеся нерабочими днями, — все это задавало ритм течению дней. Эннин писал, что только в Чанъяни он насчитал около 300 буддийских храмов, огромное число монастырей и 33 маленьких святилища. Во всех городах Китая, большей или меньшей значимости, количество монахов и монахинь исчислялось сотнями, если не тысячами.

При дворе, в самом императорском городе, всегда жили две группы по семь монахов, постоянно молившиеся, чтобы

предотвратить дурные воздействия, которые могли повредить исполнению обязанностей мудрой администрации. Также существовала группа придворных священников (*нэй гун фэн*), приписанных к дворцу, которых назначал и смещал по своему желанию сам император. В общем, монахи и монастыри столицы постоянно находились около императора, который никогда не пренебрегал возможностью прибегнуть к их молитвам или попросить у них провести благодарственные моления в случае любых благоприятных событий.

Подобная набожность была свойственна и сельской местности: даже в самых отдаленных деревнях существовала маленькая монастырская община, в которой жил десяток монахов. Народ тщательно отмечал многочисленные праздники. Каждый сам мог свободно организовать «малый праздник», подобный тому, который отмечали в честь дня рождения императора. Эннин несколько раз описывает эти живописные вегетарианские пиршества, которым предшествовала, а иногда и сопровождала их, более или менее длинная религиозная служба. Также в каждом городе существовали и собственные культы, в честь которых церемонии проходили с особой торжественностью.

В Янчжоу, например, на улицах устраивали иллюминацию и читали молитвы в честь прихода весны, а в четырнадцатый день седьмого месяца торжественно отмечали единственный день, когда души умерших возвращались в мир живых. Этот праздник, который также сопровождался иллюминациями, очень почитался и в Японии, где огни свеч горели с самого начала и до конца праздников *Бон* (праздник фонарей), чтобы указывать невидимую дорогу мертвых.

Одной из самых популярных церемоний в Чанъяни был праздник в честь Зуба Будды. Четыре городских монастыря утверждали, что владеют одним из зубов Будды: один происходил из Хотана, второй — из Тибета, третий — из Индии, а четвертый — с Неба. Торжественная служба совершалась между восьмым и пятнадцатым днем третьей луны (т. е. в марте).

Эннин так описывает ход событий этого праздника: «...Различные монастыри принимают в нем участие, каждый приготавливает хорошие подношения. Все виды лекарств и пищи, редкие фрукты и цветы, многочисленные сорта финиана тщательно готовят и подносят Зубу Будды. Эти бесчисленные дары разбросаны в галерее вокруг одноэтажного здания подарков. Зуб Будды... также находится в одноэтажном здании. Все высшие священники города присутствуют в этом здании, поклоняясь ему и произнося молитвы. Весь город приходит с почтением и подарками. Один человек принес сто мер клейкого риса и двадцать мер проса, другой дал множество печений, третий — без ограничений выделил денег на различные нужды по организации ужина. Еще один напек множество маленьких пирожков, а кто-то поднес сумму, способную оплатить торжественный ужин высшего священства и прославленных монахов из различных монастырей. Также каждый приносит обеты и раздает милостыню, прославляя праздник Зуба Будды. Люди бросают деньги, которые, как дождь, осыпают здание Зуба Будды».

Кроме легенд, чудес и культов, Эннин описывает диковины, обнаруженные в монастырях. Они свидетельствуют о необыкновенном процветании этих монастырей, например их пороги и ступени из ляпис-лазурита, глубокая синева которого составляла славу Лицюаньсы, города, расположенного к западу от Цинчжоу.

Затем японский паломник отправился к монастырю, который назывался Дети. Однажды одному набожному монаху из этого монастыря было видение сверкающего облака, на котором, сидя на зеленом лотосе, играли четверо детей. Позднее на отвесной скале было высечено гигантское изображение сидящего Амиды, по бокам которого находились бодхисаттвы Гуаньинь и Дашичжи. В то время когда туда пришел Эннин, туда же спешила огромная толпа, так как говорили, что там снова случилось чудо.

Однако, без сомнения, самое глубокое чувство Эннин испытал на горе Утай, к северо-востоку от Шаньси. Эта местность

выглядела совершенно дикой, что очень хорошо сочеталось с загадочностью, которая окружала культ бодхисаттвы Вэньшу, которому поклонялись в этих местах: гигантская бронзовая фигура изображала его сидящим на льве. Восхождение на «Пять террас», т. е. на пять гор, особенность Утай, оставила в памяти у японского путешественника упоительный запах горных цветов, которыми были покрыты склоны, а также острый аромат дикого лука, который не использовался буддийской кухней из-за его вкуса. Самым поразительным был подъем на вершины, которые, согласно китайской космогонии, соответствовали пяти основным сторонам света (четыре стороны розы ветров и центр): на трех из них были маленькие горные озерца, в которых отражалось небо. Их называли «озера дракона».

Однако вскоре огонь буддизма был грубо погашен, и только некоторые его элементы уцелели в народных культурах. После двух веков интенсивной духовной жизни просвещенные умы отказались от убеждений и сомнений этой религии. Закаленные души стали искать утешения в спорах даосизма, а простой народ начал метаться от ужаса к надежде, оказавшись в плену у различных суеверий. Только знание осталось объектом национального поклонения.

Экзамены

Известно, что еще с правления династии Хань личность ученого, увлеченного изучением текстов древности, была окружена единодушным уважением. Для идеалов конфуцианства были особенно характерны деление на категории, систематизация и установление иерархии ценностей. Им же были разработаны нормы, использовавшиеся при наборе чиновников на государственную службу. Начиная с Дун Чжуншу в Китае периодически проводились громадные кампании по приему экзаменов, заключававшихся в проверке знаний,

приобретенных экзаменуемыми в процессе изучения классических текстов. Кроме того, было необходимо, чтобы проведение подобных экзаменов позволяли существующие политические обстоятельства. Так, например, оба императора из династии Суй способствовали введению этой системы.

Император Вэнь-ди созвал специальную комиссию, задачей которой было пересмотреть классические тексты древности. Также он открыл новые конфуцианские школы и основал имперский университет (Гоцзысюэ), который исчез во время бурного периода, последовавшего за падением династии Хань. Однако новый университет, задуманный как противопоставление первоначальной идеологии административного механизма, предназначался только для детей знати. Если остановиться на проблеме занятия должности и если рассматривать карьерные возможности, действительно предлагаемые каждому человеку, то предвзятое мнение об этой системе кажется обоснованным. Нужно принять во внимание, что Дун Чжуншу рекомендовал комплектование чиновников представителями широких слоев населения, позднее это было взято на вооружение династией Северная Вэй. В итоге изменения системы означали крах изначальных идей равенства, принцип которого стремилась восстановить династия Тан.

Первая задача экзаменов состояла отнюдь не в том, чтобы обеспечить автоматическое попадание человека в колею административной карьеры. Она заключалась в том, чтобы сформировать просвещенного человека, одаренного моральными чувствами и энергичного во всех ситуациях, на всех уровнях. Программа покоилась на глубоком знании классических текстов, комментариев, которые были написаны к ним или которые к ним можно было бы сделать, а также на способности использовать их для решения проблем современности.

Такое образование, основанное на изучении и критике текстов, требовало искусного владения письменной речью, которая должна была быть безупречной и лаконичной, что привело в упадок древнее ораторское искусство. Кроме того, тре-

бовалось разумное использование цитат и правильная пунктуация, которой не было практически ни в одном тексте. Наконец, обязательным было владение искусством каллиграфии.

Все эти требования влекли за собой необходимость долгой и дорогой подготовки, которую могли себе позволить только высшие слои общества, хотя нередкими были случаи, когда деревни вскладчину отправляли в уездную или провинциальную школу самых одаренных своих отпрысков.

* * *

Первые экзамены, позволявшие занимать официальные должности, прошли в столице в 587 г., в правление императора Вэнь-ди из династии Суй. Впоследствии на всем протяжении периода Тан эта система продолжала развиваться. Она включала в себя занятия и испытания, основанные на проверке приобретенных знаний.

Кандидаты простого происхождения начинали с того, что обучались дома, сами или под надзором местного учителя, который часто был религиозным служителем. Затем они являлись на уездные или провинциальные экзамены, которые либо позволяли им занять какой-нибудь низший пост, либо постепенно подняться до лучших школ империи, где они присоединялись к сыновьям самых знатных родителей.

На вершине школьной иерархии Китая находились два императорских университета, расположенные соответственно в двух столицах империи, Чанъяни и Лояне. Оба этих учебных заведения к концу VIII в. состояли из четырех отделений, на которые ученики делились в соответствии со званием их родителей. Высшие три отделения предназначались для детей знати и высшего чиновничества: это было отделение «детей государства» (*го цзы сюэ*), высшее отделение (*тай сюэ*) и созданное в 790 г. отделение «распространения литературы» (*гуан вэнь гуань*). Однако последнее отделение — «четыре врата» (*сы мэнь гуань*) — было открыто с 733 г. для учащихся более низкого

происхождения, после того как они прошли испытания «просвещенного мужа» (*цзинь ши*). Более того, некоторое смешение социальных слоев проявлялось на технических отделениях, предназначенных для изучения права (*люй сюэ*), делопроизводства (*шу сюэ*) и математики (*суань сюэ*). Результатом обучения на этих отделениях была менее престижная в социальном плане должность, чем та, которую предоставляло полученное образование общего характера.

Помимо университета, в Китае можно выделить еще два учебных заведения: «развития литературы» (*хэн вэнь гуань*) и «возвеличивания литературы» (*чун вэнь гуань*). В них попадали учащиеся, принадлежащие к высшим слоям общества, члены императорской семьи и дети высшего чиновничества.

Каждый из университетов объединял около двадцати кафедр. Вокруг штатного преподавателя, которому помогали два ассистента, собиралось, в зависимости от эпохи, от 500 до 1000 студентов. Отношения между преподавателем и учениками оставались такими же, как и в прошлые времена, когда ученики ходатайствовали о чести слушать лекции мудрецов. Соискатель, принося корзину, в которой лежали рулоны шелка, фляги с вином и сухое мясо, почтительно представлялся учителю и задавал ему ритуальный вопрос: «Как все те, кто стремился к образованию, могу я надеяться, что встретил своего учителя?» Допущенные преподавателем ученики должны были повиноваться строгой дисциплине, которая жестоко наказывала невнимательность и небрежность.

Программа учебных занятий состояла из толкований классических текстов, делившихся на три категории: «Записки о ритуале» («Ли цзи»), например, входили в список «великих классических текстов»; «Канон песен» («Ши цзин») — в список «средних классических текстов»; а «Канон истории» («Шу цзин») — в список «малых классических текстов». Занятия, к которым учащийся приступал в возрасте от 13 до 18 лет, не могли длиться дольше чем девять лет, каким бы ни было сочетание выбранных предметов или их сложность.

Наряду с этими университетами, которые занимались исключительно изучением конфуцианских текстов, император Сюань-цзун основал в 741 г. школу даосизма (Чжунсюаньсюэ). Она объединяла около сотни учащихся, которые должны были изучать, помимо произведений таких знаменитых даоистов, как Лао-цзы, Чжуан-цзы и Ле-цзы, еще и теорию и практику медицины, т. е. общую медицину, иглоукалывание, умение делать разные массажи и изгонять злых духов (это показывает, что сознание того времени не отделяет науку от магии).

Учебный год делился на семестры и декады. В каждой декаде был один выходной день, накануне которого ученики сдавали контрольный экзамен, прообраз большого экзамена, приходившегося на конец года. Более того, «каждый год в пятую луну у них были каникулы для обработки земли (*тянь-цзя*). В девятую луну им предоставлялись каникулы, чтобы они могли найти себе зимнюю одежду (*шоу-и-цзя*). Те, кто уходил на каникулы дальше чем на двести ли, получали документ, дающий право на это. Из школы выгоняли тех, кто был не способен проходить обучение, и тех, кто на протяжении года нарушал положение о каникулах, [т. е.] тех, кто опаздывал больше, чем на тридцать дней, тех, кто, отсутствуя по уважительной причине, опаздывал больше, чем на сто дней, и тех, кто, отсутствуя из-за болезни родителей, опаздывал больше, чем на двести дней».

Такое образование, в котором устная речь имела очень маленькое значение, за исключением заучивания наизусть изречений, требовало широкого распространения текстов. Их неустанно копировали в отдельные тетради, напомилавшие *rescia*¹, которые брали в аренду и изучали наши средневековые студенты.

1 *Rescia* (лат. «шкура»). В средневековых университетах — способ тиражирования учебных пособий. Выделанную под пергамент шкуру разрезали как тетрадь в некоторое число листов. Эти тетради раздавались студентам. Одни из них переписывали пособия для себя, другие — для своих богатых сотоварищей за деньги или кормежку. Потом тетради сшивались в блок. Таким образом довольно быстро размножался исходный текст.

Экзамены, проверявшие знания, полученные в этих высших учебных заведениях, давали право на одну из пяти «докторских степеней», созданных в начале или на протяжении VII в., по мере того как в правительстве проявлялась определенная специализация административных должностей. В их число входили три степени, которые соответствовали потребностям управления государством: право (*мин-фа*), каллиграфия (*мин-цзы*) и математика (*мин-суань*). Но самыми престижными оставались степени «совершенного мужа» (*цзинь-ши*) и «знатока классических текстов» (*мин-цзин*), так как их носители обладали общими знаниями и сохраняли равновесие между здравым смыслом и ученостью.

Экзамен на степень «совершенного мужа» включал в себя три письменных испытания. Первое из них, посвященное изречениям, заключалось в том, что экзаменуемый должен был завершить и исправить классический текст, который давался ему в усеченном и искаженном виде (*те*). Затем нужно было написать два литературных сочинения (*цза-вэнь*), а затем пять эссе, отвечающие на вопросы (*ци*). Касательно последнего испытания мы процитируем пример, переведенный Робертом де Ротуром. Это извлечение из вопросов для экзамена «совершенного мужа» в шестнадцатом году эры Чжэнь-юань (800 н. э.):

«Доктрины, передававшиеся через мудрость святых, излагали свои основные положения в весьма туманной манере, но с глубоким чувством:

1. Что касается обрядов и музыки, которые поддерживают гармонию (*тун*) между Небом (*тянь*) и Землей (*ди*).

2. И что касается легкости (*и*) и союза (*цзянь*), который можно встретить между деяниями Неба (*цянь*) и Земли (*кунь*), по каким текстам можно изучить эти явления, по каким знакам можно их доказать?

3. [Лао-цзы сказал]: откажитесь от всех наук и вы будете свободны от всех забот.

4. Как [тогда] Лу, князь Юани, оказался на грани гибели [из-за своего презрения к знанию]?

5. [Мэн-цзи сказал]: люди, [которые следуют добродетели], Доброты (*жэнь*) не обогащаются.

6. Как [тогда] Гунцзы Цзин сказал [после того, как разбогател]: это почти совершенно?

7. На восточных склонах летает феникс.

8. Созревание деревьев может изменить песнь совы.

9. Превосходство остается за лесным петухом.

10. Спорка всегда у того, кто предпочитает черепицу.

Все эти фразы еще не поняты. Мы желаем услышать ваши объяснения.

Получение других степеней также предполагало похожие испытания, которые были дополнены еще и устными вопросами (*цоу ши*).

Успешная сдача экзаменов отмечалась с большой торжественностью. На протяжении первой половины VIII в., в период расцвета Чаньяни, она была поводом для восхитительных праздников: банкеты у воды, церемонии приема в ряды получивших степень, которые можно назвать демократическими, так как образование, благодаря «четырем вратам» и техническим отделениям, было открытым для относительно широких социальных слоев. Без сомнения, каждый молодой человек, мямливший классические тексты вслед за своим деревенским учителем, мечтал однажды с волнением плыть по Цю Цзян (прогулочный пруд Чаньяни), отмечая торжественное внесение его имени в список кандидатов, получивших высокую степень «совершенного мужа».

Духовное развитие

Помимо тесных рамок системы экзаменов, следует отметить, что эпоха Тан была основным этапом развития китайского философского мышления. В то время как философия периода Хань стремилась собрать и классифицировать всю сумму накопленного опыта, постепенно усвоить информацию

о мире, которой становится больше, благодаря развитию науки и более частым путешествиям, интеллектуальную историю периода Тан отличает долгий методичный самоанализ в поисках лучших средств, позволяющих достичь знаний.

Чань-буддизм

Начиная с IV в. проникновение буддизма из Индии привело к тому, что китайские мыслители столкнулись с новым понятием, которое определяло развитие индоевропейской философии. Речь идет о понятии абсолюта, известного как в махаяне, так и в неоплатонизме.

Чжи Дунь (314—366), знаменитый монах, друг каллиграфа Ван Сичжи, блестящий знаток философии даосизма, пытался перевести это понятие на китайский. Однако сугубо прагматичный язык ханьцев, не позволявший точно выразить понятие времени, был мало приспособлен к тонкостям мышления, возводящего от реального к абстрактному. Чжи Дунь часто должен был прибегать к древнему понятию *ли*, которым он определял место, где все слова теряли значение, и которое позволял достичь только экстаз. Но на таком абстрактном уровне понятийного аппарата было очень трудно выйти за рамки мышления, которое выражало себя одними и теми же терминами на протяжении нескольких тысяч лет.

В то же самое время появление в Китае индийской секты *дхьяны* (по-китайски — *чань*), т. е. медитации, позволяло, используя только практические методы достижения мудрости, приступить к изучению вопроса об абсолюте, сохранив при этом китайские выражения. Переводчик *дхьяны* (314—395) был первым в Китае, кто узнал легендарную историю Бодхидхармы, основателя этой секты, который, как говорят, погрузившись в медитацию, провел девять лет, сидя перед белой стеной. За это время его ноги атрофировались, превратившись в культ. Плодом столь долгих философских измышлений

было открытие возможного непосредственного восприятия истины. Ведь в каждом, как говорил Бодхидхарма, есть природа Будды, достаточно лишь найти ее в себе и позволить ей внезапно проявиться любыми, иногда самыми неожиданными средствами.

Эта доктрина *дхьяны*, известная в Китае под названием *чань*, пользовалась особым расположением. Несколько веков спустя эта доктрина получила широкое распространение в Японии: известно, какую ценность придавали идеям *чань* самураи (японское название этой доктрины — *дзэн*). Причины этого успеха были простыми, ведь *чань* обращался к тем же категориям, что и даосизм: отшельничество, безыскусная простота, сосредоточенность, мистическое путешествие в поисках внутренних богов. Таким образом, новый мир этой доктрины был открыт благодаря использованию давно знакомых понятий. Она уделяла меньше внимания цели, которой нужно было добиться, по сравнению со средствами, позволявшими ее достичь.

Действительно, учителя *чань* признавали, что достичь истины можно двумя способами: либо действуя интуитивно, дожидаясь озарения, за которым придет понимание, — этот метод называется внезапным (*дунь*), либо поэтапно используя многочисленные практики, которые постепенно приводили сознание к открытию истины, — этот метод называется постепенным (*цзянь*).

Эти две техники предполагали наличие двух различных концепций метафизической истины. «Внезапность» приводит к тому, что абсолют рассматривается как нечто единое и всеобщее. В крайних формах, если переводить эти понятия в политический контекст, что в Китае, который во всем искал соответствия, всегда было господствующей тенденцией, концепция «внезапности» приводила к абсолютизму и тоталитаризму.

«Постепенность», напротив, приводила к тому, что человек видел множественность мира, к накоплению знаний и

ориентации в них, так как эта модель предполагает развитие, а не внезапное изменение. Она требовала длительного времени и протяженности пространства, в то время как у сторонников техники «внезапности» эти две категории смешивались в одно понятие, которое объединяло все эпохи и все галактики. Если снова обратиться к политическому контексту, «постепенность» приводила к плюрализму, даже если они были иерархичны, а значит, и к некоторому либерализму.

Склонные к синкретизму монах Чжу Даошэн (365—434) и его друг Се Линюнь (385—433) пытались увидеть в этих двух техниках специфическое отражение двух различных темпераментов, индийского и китайского, перед лицом одной и той же доктрины. На самом деле речь шла о двух бессменных полюсах китайской философской мысли. Один из них характеризует вдохновение даосизма, а второй — дидактические усилия конфуцианства. Таким образом, борьба идей «внезапности» и «постепенности», в основе своей порожденная появлением иностранного образа мышления и заставившая китайскую философию свернуть с обычных для нее путей мышления, всего лишь модернизировала и усугубила старый и плодотворный национальный спор.

Это препирательство утихло на некоторое время, так как его затмили внутренние проблемы и трагические события. Однако, когда в стране снова воцарилось спокойствие и было восстановлено имперское единство, идеи *чань* снова получили распространение. Этот подъем связан с именами двух великих личностей: Шэньсю (умер в 706) и Хуэйцзэна (638—713).

Первый из них верил во Вселенский Разум, второй — в «ничто» (*у*). Результатом этого стал философский раскол: северная школа следовала учению Шэньсю, тогда как южная школа, преимущественно интересовавшаяся китайским вариантом доктрины *дхьяны*, осталась верна учению Хуэйцзэна.

Главным понятием для южной школы была категория *у*, отрицания: непостижимое, невыразимое, почти каждый термин ограничивал это понятие, так как у было бесконеч-

ным. Только тишина могла хоть как-то выразить его. Чтобы достичь *у*, образованность оказывалась даже бесполезной, так как она требовала приложения усилий, и этим неумолимо порождала бесконечное движение Колеса рождения и смерти. Следовало воздерживаться от «крайних» усилий, сохранять свой разум свободным от любых намерений, включая и жажду незнания. Рай *чань*, как и рай даосизма, не принадлежал нищим духом.

Только преодоление собственного «я» могло привести к озарению, а оно, в свою очередь, позволяло мудрецу принять свою судьбу и прожить период своего смертного существования мирно, без гордости. Для мудреца больше не имели значения ни почет, ни смирение, ни жизнь, ни смерть, так как он уже преодолел двойственность своего существования, неотвратимую случайность на пути своего космического будущего.

Но в тот момент, когда в VIII в. восторжествовало распространение принципа «внезапности», у которого некоторые видели только его индийское происхождение, не замедлила последовать национальная, литературная и конфуцианская реакция. Она отстаивала ценность «постепенности», т. е. воспитания и усердия, а одновременно с ним старые принципы мышления и национального выражения.

Хань Юй

Начиная с периода Хань в Китае очень любили писать произведения параллельными высказываниями (*пяньливэнь*), мерными, объединенными попарно, что создавало эффект ритмичной прозы, остановившейся на полпути между простонародной манерой речи и александрийским стихом. Эта лингвистическая форма преобладала всюду, даже в философских произведениях. В связи с этим тексты *чань* могут быть рассмотрены, как попытка реформировать то, что стало рутинной,

разбить убаюкивающий ритм, который привел к тому, что мышление оказалось до крайности зажатым и закрытым в узких рамках тезисов и антитезисов, не предполагающих синтеза и уподобления. Другой формой реакции была та, которую воплощал Хань Юй, влиятельный памфлетист и певец национального знания, учитель свободного и немногословного «древнего стиля» (*гувэнь*).

Хань Юй (786—824) был настолько типичным представителем ригористических и архаичных интеллектуалов, что, восторжествовав, конфуцианское учение сделало его в X в. своим покровителем. Однако в этой полемичной и непреклонной фигуре можно увидеть воплощение вечного китайского мышления, национального чувства, которое всегда преобладало, несмотря на более или менее продолжительную, но всегда поверхностную моду на экзотику.

Хань Юй выступал не только против всех возможных форм синтеза с буддизмом, но и внутри рамок собственной китайской культурной традиции боролся с иррациональным мышлением даосизма, в котором он видел посредника, способствующего вторжению иностранных идей. По отношению к школе *чань*, которая была уже китайской, хотя и спиритуалистической доктриной, базирующейся на принципе «внезапности», он выступал в роли китайского Вольтера, врага всякого мыслительного рвения, которое в период Хань вдохнуло новую жизнь в искусство и философию. Хань Юй умел быть убедительным: после него конфуцианские философы, а затем и иностранцы не переставали выступать против этого «инородного тела», этого «ущемления», как они называли распротранившийся в Китае буддизм.

Тем не менее такой синтез мог прижиться в Китае, как это произошло в Японии. Однако для этого было необходимо, чтобы новая религия изменила административные структуры государства, чего не произошло. А когда правительство попыталось нанести ущерб религии, это ему удалось без труда, ведь делая это, оно оздоравливало страну и вело похвальную

борьбу с коррупцией. Для большей части людей запрещение буддизма было логичным с точки зрения китайского социального порядка, так как сельскому хозяйству возвращали рабочие руки монахов и послушников, изгнанных из монастырей. Все это восстанавливало положение государства, семьи, конфуцианской иерархии.

Проект, согласно которому в императорском дворце предполагалось поместить мнимую реликвию Будды, для того чтобы ей могли поклоняться верующие, вдохновил Хань Юя на столь резкий памфлет, что его автор чудом избежал смерти и был отправлен в ссылку к южным границам империи:

«Государев слуга дерзает молвить. По ничтожному моему разумению, буддизм — это учение варваров. Оно распространилось в Срединной империи во время правления позднеханьской династии. В древности о нем никто не слышал.

Вам, Ваше Величество, проницательному и мудрому в делах гражданских и ратных, наделенному поистине божественной мудростью и отвагой героя, Вам, которому равного не было сотни, тысячи лет, с благоговеньем дерзаю напомнить, что, взойдя на престол, Вы не потворствовали желавшим удалиться в монашество, будь то буддийское или даосское, не поощряли основание монастырей. Посему Ваш слуга полагал и надеялся, что замыслы Гао-цзу осуществляются Высочайшею Вашей рукой. Пусть нельзя осуществить их вмиг, пристало ли Вашей особе поощрять процветанье буддизма?

И что же я слышу?! Будто Вы, Ваше Величество, повелили несметному множеству буддийских монахов направить стопы свои в Фэнсян за какую-то костью Будды и доставить ее в императорский город, дабы Вы могли ее созерцать. Будто рака с сей костью поставлена будет в Большом дворцовом покое, будто Вы повелили к тому же всем столичным обителям поочередно высылать за нею процессии, совершать в ее честь подношения.

Как ни глуп Ваш слуга, но он понимает, что Ваше Величество не заблуждается насчет учения Будды, что Вы устраиваете

столь торжественную процессию вовсе не для того, чтобы испросить благоденствия и благодати. Ныне год урожайный, люди довольны, и Вы, дабы порадовать всех, распорядились устроить столь необычное зрелище на потеху столичному люду. Но все это — не более как театральное действие, потеха, и только. Разве Вы, столь просвещенный и мудрый, можете верить подобным вещам?!

Но простой люд глуп и темен. Легко ввергнуть его в соблазн, но трудно из соблазна извергнуть. Ведь могут подумать, что Вы и впрямь почитаете Будду. Скажут: „Сын Неба, чья великая мудрость хорошо всем известна, и тот всем сердцем чтит Будду и верит в него. А нам, ничтожным, подобает ли печься о собственной плоти и жизни?“ И станут себе прижигать макушки, обжигать пальцы рук, сгрудившись по десять, по сто человек, отдадут свое платье, растратят все деньги и будут друг другу от зари до зари подражать, вон лезть из кожи... И все из боязни от века отстать. Стар и млад побегут, словно волны на берег, забросив занятия и должность... И если не выйдет Высочайший запрет, способный движение вспять повернуть, один за другим будут основываться монастыри. Непременно найдутся такие, которые руки себе отсекут, будут изнувать свое тело — все Будде в угоду. О привычках забудут, презреют обычаи, станут всеобщим посмешищем. А это дело не шуточное!

Да и кто такой этот Будда? Всего-навсего варвар, чей язык не похож на китайский, чьи одежды скроены не как должно. Уста его не изрекали ничего согласного с древними установлениями наших прежних владык. Он не облакал свое тело в одежды, скроенные по веленьям наших прежних владык. Ему не были ведомы отношения государя и подданного, отца и сына. Допустим, что он дожил бы до нашего времени и с благоговением принял доставленный в его земли высочайший указ с приглашением прибыть ко двору, к нам в столицу, и Вы, Ваше Величество, снизошли бы до того, чтоб принять его. Чем бы все ограничилось? Приемом в Зале обнародования правитель-

ственных указов, обычной церемонией в честь чужестранного гостя, пожалованием ему платья, почетной свитой, провожающей его до границы. Никогда бы ему не позволили вводить в заблуждение народ.

Так можно ли ныне, когда тело его в прах превратилось, позволить внести во дворец полуистлевшую кость, это зловещее свидетельство распада? Еще Кун-цзы сказал: „Почитая богов и духов, держитесь от них в отдалении“. В старину всякий раз, когда князь в своих землях совершал погребенье, заклинателям и гадалкам велено было идти впереди, отгоняя стеблями осоки и ветками персика нечисть и порчу. Лишь после этого приступали к самой церемонии. Теперь же, когда Вы, Ваше Величество, без особой нужды решили внести во дворец вещь столь мерзостную, уже сгнившую, решили удостоить ее высоким вниманием, ни один заклинатель, ни одна ворожея не станут идти впереди высочайшей процессии, орудая стеблями осоки и ветками персика.

Нижайше прошу Вас отдать эту кость кому следует, дабы бросили ее в огонь или воду и разом вырвали бы зло с корнем, уничтожили бы источник сомнений всей Поднебесной, а также источник заблуждений потомков. Сим поступком Вы покажете всей Поднебесной, что деянья величайшего мудреца в тысячу по тысяче раз превосходят деяния обычного человека»¹.

В этом тексте содержится важнейшая идея: это страх загрязнения религии, как это произошло в случае с японским синтоизмом. На самом деле, все цивилизации Дальнего Востока, как и наши культуры средиземноморского востока, без сомнения, сознательно придавали огромное значение простейшим понятиям «чистого» и «нечистого».

Убежденный националист, Хань Юй с не меньшей строгостью судил и о собственной стране. Помимо своих нападок на буддизм, он сурово изобличал конфуцианскую систему обучения, так как она была подчинена одной цели — сдаче

1 Перевод И. Соколовой.

экзаменов. Хань Юй видел, что эта система противопоставляется гуманизму. Школа, по его мнению, превратилась в подделку, разум одряхлел, повсюду господствовал вульгарный карьеризм, несмотря на то, что целой жизни было недостаточно, чтобы усовершенствовать свои познания на долгом пути истинной учености. В конце концов во имя науки Хань Юй пришел к осознанию необходимости трансформации всей системы социальных структур. Одновременно с традиционными идеями возврата к золотому веку, он предполагал, что можно провести переворот в отношениях между молодыми и стариками, между слабыми и властью имущими.

«Тот, кто любит своих детей, выбирает ему учителей, чтобы дать ему образование. Но когда речь идет о нем самом, он стыдится проходить обучение. Какое искажение! Учитель детей дает им книги и объясняет им грамматику. Не он заставляет их избирать жизненный путь, не он исправляет их ошибки в поведении. Таким образом, с одной стороны, существует грамматика, с которой не считаются, с другой стороны, есть ошибки, которые никто не исправляет. Для одного берут учителя, для другого — нет, изучают только малую толику знания, игнорируя очень важные вещи. Я не верю, что это мудрый способ поведения.

Прорицатели, врачи, музыканты и различные ремесленники совсем не стыдятся обучаться, находясь рядом с преподавателем. Но для чиновной братии и для просвещенных людей достаточно, чтобы перед ними произносили слова учителя и ученика. Конечно, это вызывает насмешку у окружающих людей. Когда у них спрашивают причины такого способа обучения, они говорят: „Такой-то и такой-то находились примерно в том же возрасте, их положение было примерно схожим с нашим”. Если ранг учителя низок, это считается достаточным для того, чтобы его презирать, если его официальное положение значительно, то люди опасаются, чтобы их поведение не показалось лестью. Увы, с этой точки зрения никогда не удастся восстановить сам институт учительства.

Те, кто делают мудрость своей профессией, презирают прорицателей и врачей, музыкантов и ремесленников. Однако сегодня всей их мудрости недостаточно, чтобы сравняться с этими людьми: не странно ли это?

У мудреца нет специального наставника. Конфуций говорил: „Среди трех человек, с которыми я иду по дороге, для меня обязательно находится учитель”. Из этого мы видим, что совсем не обязательно, чтобы ученик уступал своему учителю, чтобы учитель был мудрее ученика. Достаточно, чтобы они отличались друг от друга путями практик, которыми они следуют, специальными знаниями каждого из них о своих исследованиях и доктринах».

Невозможно себе представить более проникновенный гимн «искренности», универсализму культуры, ценности человека, независимо от социальных условностей. По многим аспектам мышления, всегда полный искренности и энтузиазма, Хань Юй, поборник национальной правоты и конфуцианских правил, сближается с даосскими бродягами: «Иметь скромный дом, жить в деревне; подниматься на вершину, чтобы смотреть далеко, садиться под густыми деревьями, чтобы закончить свой день; совершать свое омовение в водах прозрачного источника; находить превосходную пищу, блуждая по горам, ловить свежую вкусную рыбу, рыбача в речках; не иметь фиксированных часов, в которые надо ложиться спать или вставать ото сна, следовать только удобству; предпочитать похвалу, высказанную в лицо, отсутствию осуждения за спиной; не иметь другой заботы в своем сердце, кроме того, чтобы доставить удовольствие своему телу; не иметь ни колесницы, ни пышных одежд, но и не носить топор палача; не заботиться о порядке и не иметь тревог, не слышать разговоров ни об опале, ни о возвышении — вот образ жизни великого человека, который неизвестен своему веку. Это мой образ жизни. <...>

Люди, которые стоят в ожидании у дверей высоких чиновников и министров; бегущие за теми, кто облечен властью,

те, кто в момент, когда можно двигаться, не знают, двигаться им или нет; те, кто в момент, когда нужно открыть рот, колеблются, нужно говорить или промолчать; те, кто барахтаются в грязи, не испытывая никакого стыда; те, кто постоянно нарушают уголовные законы и подвергается наказаниям, несмотря на то у них всего один шанс из тысячи получить звание, но которые не прекращают своей деятельности до тех пор, пока не умрут от старости, — если задать вопрос, на чей образ жизни больше похоже существование этих людей — мудреца или человека низкого звания, то что ответят люди?

Я, Хань Юй, услышал эти речи и их полностью одобряю. Я подношу им вино и слагаю в их честь песню».

Казалось, круг замкнулся. Пример строгого Хань Юя еще раз свидетельствует, что в действительности внутри самой цивилизации особенности существования определялись не предвзятыми мнениями доктрин, а самим образом жизни. Возможно, стоит вспомнить Се Линюня (385—433), который когда-то отмечал, что все просто зависит от склада характера.

Историография

Каждое общество, которое стремится быть единым целым, озабочено тем, как выглядит его прошлое. Сыма Цянь когда-то в своих «Исторических записках» рассмотрел по порядку всю длинную цепочку древних династий, которые управляли Китаем на заре первой классической эпохи в его истории. Затем история получает своеобразный знак качества, когда на заре зарождения китайской библиографии, в середине III в. н. э. Чжэн Мо признал существование четырех категорий книг: классические тексты, философские произведения, книги по истории и чисто литературные произведения.

Начиная с этого момента история мало-помалу стала политическим инструментом. Накапливаются компиляции, искусственные и бездушные тексты, не становится более живой

осмотрительная и неприметная личность историка. Он воспринимается как необходимый посредник, искусная и ловкая машина, задача которой воспроизводить глухое эхо, которое больше не слышат живые.

Тем не менее просвещенные слои протестовали против подобной деградации истории, и в VIII в. начинается новый период ее расцвета. Вне официальных дрызг, история снова становится носителем достоверной и истинной информации о прошлом.

Самый ранний известный на сегодняшний день историографический трактат датируется началом VIII в. Это произведение Лю Чжицзи (661—721), который гордился своим происхождением по линии династии Хань. На двоюродного брата его деда в первые годы династии Тан были возложены обязанности историографа. Этой же должности благодаря своей настойчивости достиг и Лю Чжицзи. Произошло это в смутные времена, когда власть выскользнула из рук императрицы Вэй.

Лю Чжицзи не замедлил проявить свой дурной нрав, выступив против всего того, что делало бессмысленной его профессию: против работы в коллективе, которая исключала возможность разумного обобщения; против запрета на доступ к документам, которые, что парадоксально, скрывали от архивистов; против невозможности — из-за коллективной работы и из-за нового права правительственного контроля — для историка без риска писать то, что он думает; против необходимости приспосабливаться к планам и инструкциям, введенным политическими властями; наконец, против устранения тех, чья порядочность оказалась тягостной для властей. Понимая, что его идеи, как и методы, не добьются успеха у коллег и еще менее благосклонно будут восприняты вышестоящим начальством, которые вообще не принимали его во внимание, Лю Чжицзи изложил свою точку зрения в произведении, которое называлось «Общие положения истории» («Шитун»). Оно было закончено в 710 г.

Впрочем, понимание Лю Чжицзи ремесла историка в своем основании было очень похоже на то, к чему призывало официальное направление: государство, писал он, обладает правом наблюдать за редактированием правильной истории, источника примеров для потомства. В то же время если Лю Чжицзи превозносил отмену длинных списков предзнаменованных, которые еще недавно заботливо упоминали в официальных произведениях, то делал он это не из-за скептицизма по отношению к этим чудесам, в которые он твердо верил, а из-за собственного упрямства. Библиографические каталоги, как и астрономические наблюдения, казались ему бесполезными, так как они не способствовали развитию моральных умозаключений.

Тем не менее «Общие положения истории» содержали в себе несколько революционных предложений. Например, это произведение провозглашало связь человека с той территорией, откуда он ведет свое происхождение, — своеобразный детерминизм, похожий на манеру мадам де Сталь¹. На долгое время забытый, Лю Чжицзи был прославлен в правление династии Юань, его легко смогли представить отцом китайской текстуральной критики. Он проповедовал необходимость правильно переводить произносимые слова, «чтобы можно было действительно полагаться на людей прошлого». Он требовал обязательного отражения в истории как плохого, так и хорошего, упомянув в связи с этим своего собственного отца, а также представив, каким бы мог казаться в таком случае Конфуций. Это недоверие к видимой стороне текстов великих учителей прошлого можно увидеть уже у Мэн-цзи. Однако Лю Чжицзи привнес новый элемент, надежду на решение этой проблемы. В качестве рецепта он предлагал углубленное изучение текста, проверку его внутренней однородности и его правдоподоб-

¹ Анна Луиза Жермена де Сталь (1766 — 1817) — одна из крупнейших фигур, стоявших у истоков французского романтизма и современной литературной критики.

ности, наконец, сравнение изучаемого текста с другими источниками. Развивая до конца свою идею, он дошел до того, что подверг критике самые священные основания цивилизации, отрицая существование «небесного декрета», который, согласно Сыма Цяню, породил создание империи. Наконец, отрицая священный характер классических текстов, которые он исследовал, оценивал и изучал как простые документы. Чтобы лучше оценить интеллектуальный вклад критического ума Лю Чжицзи, нужно просто вспомнить тот переворот, который несколько веков спустя вызвали в Европе успехи в толковании Библии. К сожалению, принципы Лю Чжицзи долгое время оставались мертвой буквой, и сегодня историк только с большой осторожностью изучает истории, составленные в эпоху Тан.

* * *

В целом изучение этой эпохи обнаруживает постоянный разрыв между теорией и практикой. Это легко объясняется тем фактом, что сами современники правления династии Тан поддались соблазну головокружительных умозаключений, отрезанных от своих материальных оснований. История танской администрации может в некоторой степени быть представлена как постоянная неприспособленность теоретической модели к практической реализации идеи. Хорошим примером в этом вопросе является проблема регулирования вод.

Навигационные пути и их устройство — великое достижение императоров династии Суй — были доверены в правление династии Тан двум специальным административным департаментам, входившим в состав центрального правительства: «Департамент вод» (*шуй-бу*) и «Департамент каналов» (*ду-шуй-цзянь*). Современные исторические исследования привели к тому, что было доказано: этот прекрасная система органов ничем, или почти ничем не занималась. Чем дальше ирригационная система находилась от столицы, тем в провинциях

меньше ею занималась местная администрация, а больше — богатые земельные собственники. Все шло так, как будто вернулось равновесие, победившее в эпоху Троецарствия, когда из-за переменчивой борьбы единый Китай оказался расколот, а затем вновь собрался сам собой, создав сплоченные географические образования. Расшифровка неофициальных текстов периода Тан наносит очень тяжелый удар теории единства империи, согласно которой только могущественное и даже деспотичное центральное правительство могло располагать необходимыми средствами, для того чтобы обеспечить контроль над водными путями.

Вторая трудность, с которой сталкивается современный историк, связана с тем, что открытие и освещение этих несоответствий между заявленными принципами и простой повседневностью, достигается очень медленным и трудным путем. Действительно, существование самых неожиданных табу объясняет сохранение молчания и подчеркивает, насколько рискованно преждевременное формулирование историками своих концепций, которые кажутся очевидными только потому, что им не хватает информации.

Так обстоит дело с исследованием городов и народных общин. Например, люди из высшего общества не должны были ни в коем случае посещать рынок, место грязное и вульгарное. Вот почему среди произведений, написанных представителями высших слоев, единственными, кто умел читать и писать, мы встречаем всего один уникальный рассказ на эту тему, который называется «Глядя на рынок» («Гуань ши»). И даже он появился случайно, выйдя из под кисти Лю Юйхи (772—842) в 808 г., благодаря тому, что однажды лотки расположились недалеко от его окон, в Лянчжу, в провинции Хунань. Рынок переместили, чтобы попытаться успокоить божество засухи, которая свирепствовала в этом регионе. Без этого события мясники и рыбаки, торговцы вином и работоторговцы, без сомнения, никогда бы не попали так рано в литературу, а через нее — в историю.

Лирическая чувствительность

Единственными членами общества, не следовавшими правилам анонимности, были служанки, а особенно певички, грациозные силуэты и необычную жизнь которых так любили описывать поэты:

Виноградное вино, золотые кубки,
Девушка У пятнадцати лет приехала на породистом
жеребце.
Ее брови покрашены черным,
ее сапоги из красного атласа.
Она запинаясь во время разговора,
но поет нежным голосом.
На богатом пиршестве она хмелеет у меня на руках.
Что сделаю я под занавесью цвета гибискуса?

Веселые тени всех шальных городских собраний, певички играли в китайской культуре намного более важную роль, чем та, которую предполагало их низкое положение или их рифмованные грациозные, но несколько стереотипные портреты. Кто в период Тан был осведомлен о том, что именно благодаря певичкам произошло глубокое обновление музыки, развивавшейся уже вне узкого придворного круга, где она оставалась в лучшем случае закрытой от остального общества?

Праздничный круговорот, непрерывно приезжавшие путешественники, которые решали в городе свои дела и искали там удовольствий, — все это привело к появлению профессиональной народной музыки, камерной музыки, менее шумной, чем в прошлом, способной передать движения сердца, благодаря аккордам *пиба* — лютни, пришедшей из Сасанидского Ирана, или изысканности сольного пения.

Кроме того, в крупных городах существовали целые кварталы «домов певичек» (*цзи гуань*), самым известным из

которых был дом Бэйли в Чанъяни, что доказывает, насколько страстно люди того времени любили музыку.

Была разработана крайне точная иерархия артистических талантов и участниц пиршества. Как и в наши дни в Японии, хотя и там эта традиция постепенно исчезает, этих молодых женщин, которые в своей жизни, вероятно, все же сталкивались с радостями любви, ни в коем случае нельзя путать с проститутками.

«Дочери Чанъяни», как их называли, возвышались над представительницами этой профессии и даже над своими товарками из Лояна. Они были искрами радости, ума, грации, украшением пиров, которые устраивали богачи, часто обладавшие крайне утонченным вкусом.

При дворе были свои певички, так же как и члены администрации, которые ими заведовали. При удобном случае они получали разрешение выступить перед выдающимися гостями. Эта практика стала настолько обычной и доходной, что государство создало свою собственную группу певичек, которых сдавали в аренду тем, кто этого пожелает. Даже частные лица простого звания скоро стали обладать своими артистами, которых мог позвать каждый.

Несмотря на свои живописные стороны, этот мир увлечений наложил глубокий отпечаток на развитие некоторых видов искусства. Пение, музыка, танец, пантомима, предшественники зарождающегося театра, в развлекательных заведениях развивались быстрее, чем при дворе, где после мятежа Ань Лушаня группа музыкантов, востребованная в эпоху Сюань-цзуна, скоро пришла к упадку как в качественном, так и в количественном плане.

* * *

Глубокий вкус к музыке и лирическому выражению чувств, забота о классификации и регламентации, которая царилла в период расцвета танской культуры, наконец, введение

экзаменов, которые предполагали испытание на умение слагать стихи, спровоцировали бурный рост поэзии и привели к появлению новых просодических правил.

Уже в V в. талантливый историк и философ Шэнь Юэ (441—513) уважительно превозносил точную поэтическую форму (*люй ши*), которая даже по своим правилам должна была выражать вдохновение человеческих страстей, восхваляя его. В связи с этим очень любят цитировать его стихи, посвященные вечной теме разлуки:

В дни молодости, когда люди расстаются,
они верят, что легко увидятся снова.
Но сегодня ты и я увяли,
мы постарели,
мы не можем отложить наше прощание на другой раз.
Не говори: «Это только кубок вина», —
завтра сможешь ли ты поднять новый?
В наших мечтах, не ведая о наших путях,
как мы сможем утешиться в наших сожалениях?

В VII в. были четко определены правила, из которых попытались создать строгий закон, определяющий способы поэтического выражения. Однако они не распространялись на экзамены, так как здесь трудности были слишком большими. Любая поэма должна была состоять из восьми стихов, от пяти до семи знаков в каждом, причем рифмы должны быть одного тона, а цезура — располагаться в одном и том же месте.

В то же время существовавшие до этого монотонные песни, *фу*, исчезли. Слух китайцев намного больше очаровывала иностранная музыка. Мало-помалу старые слова были адаптированы к новым веяниям, так были созданы новые песни. К 800 г. стихийно появился жанр, который получил название *цы*. Песни *цы* подразделялись на своеобразные циклы, в каждом мелодия предопределяла размер, чередование тонов,

строфику и рифму. В отличие от древней формы стиха *ши*, новый жанр допускал введение разговорных партий.

Это смягчение, эта свобода народной музыки, соединенная с разнообразными сменяющимися друг друга ритмами, с затейливыми просодиями, без сомнения, лежала в основе золотого века китайской поэзии. Чистая и лиричная или социальная и ангажированная, она следовала самым разнообразным течениям, изображая образы людей и выражая идеи, бесконечно напоминая о необратимом истощении власти.

Вероятно, впервые эта искорка зажглась в поэзии Мэн Хаожаня (689—740), доброго мечтателя, певца вечной любви дальневосточного поэта к природе. Тем не менее он не смог ни сдать официальные экзамены, ни понравиться императору, когда при помощи друга, поэта Ван Вэя, ему представился такой случай. Вот его стихотворение, которое называется «Ночью на реке Цзяньдэ»:

Направили лодку на остров, укрытый туманом.
Уже вечерет — чужбиною гость опечален...
Просторы бескрайни — и снизилось небо к деревьям.
А воды прозрачны — и месяц приблизился к людям¹.

А вот более точный и живописный взгляд поэта Ван Вэя (699—759), литературный талант которого был равен только его таланту живописца:

Белые камни в речке устлали дно.
Небо застыло. Мало красной листвы.
На горной дороге дождь не падал давно.
Влажное платье небесной полно синевы².

Кроме того, Ван Вэй был еще и музыкантом и в 721 г. стал придворным учителем-ассистентом по музыке. Его блестящая карьера была полна случайностей, характерных для всякого, кто

1 Перевод Л. Эйлина.

2 Перевод А. Штейнберга.

подошел слишком близко к императорскому солнцу. После того как его силой взяли в свиту Ань Лушаня, он был брошен в тюрьму в 756 г., но в конце концов император даровал ему полное прощение. Несмотря на то что он удалился от двора, его талант продолжал высоко цениться. Он старел, посвящая свое время созерцательному эстетизму и буддийской вере, которая после смерти его жены в 730 г. занимала его мысли.

Ли Бо (или Ли Тайбо) (701—762), напротив, был живописным лицом богемы, исполненным даосистской непосредственности. Впрочем, иногда в живости его стихов появлялись оттенки меланхолии, вызванной мыслями о смерти, как, например, в стихотворении «За вином»:

Говорю я тебе: От вина отказаться нельзя, —
Ветерок прилетел и смеется над трезвым, тобой.

Погляди, как деревья — давнишние наши друзья, —
Раскрывая цветы, наклонились над теплой травой.

А в кустарнике иволга песни лепечет свои,
В золотые бокалы глядит золотая луна.

Тем, кто только вчера малолетними были детьми,
Тем сегодня, мой друг, побелила виски седина.

И терновник растет в знаменитых покоях дворца,
На Великой террасе олени рвутся весь день.

Где цари и вельможи? — Лишь время не знает конца,
И на пыльные стены вечерняя падает тень.

<...>

Все мы смертны. Ужели тебя не прельщает вино?
Вспомни, друг мой, о предках, их нету на свете давно¹.

1 Перевод А. Ахматовой.

Так же как и Ван Вэй, он не уклонился от компромисса с Ань Лушанем. Изгнанный в провинцию Юньнань, он также удостоился императорского прощения, но умер, утонув, как говорит легенда, пытаясь, в затуманенном алкоголем состоянии, поймать луну, блестящее отражение которой он увидел в водах Янцзыцзян.

Его современник и друг Ду Фу (712—770) не знал ни спокойной жизни Ли Бо, ни милостей двора, но по славе два этих великих китайских поэта были равны. Ду Фу пережил драматические события, омрачившие конец правления Сюань-цзуна и отметившие начало упадка династии Тан. Так как Ду Фу потерпел неудачу на официальных экзаменах, он столкнулся со всеми превратностями судьбы, на которые обрекало его положение скромного служащего: опала, неудачи, которые еще больше сгущали краски его горькой доли. Он познал трудную жизнь скитальца, был близок к простому народу, с которым он делил нищету. Его поэзия, которая могла бы быть, как это иногда случается, всего лишь излюбленной и тонкой игрой, в которой преобладали веселье и хорошее настроение, превратилась в инструмент моральной и социальной борьбы, в мучительный крик, направленный против войны и несправедливости. Вот его стихотворение «Чиновник в Шихао»:

В деревне Шихао я в сумерки остановился,
Чиновник орал там, крестьян забиравший в солдаты.

Хозяин — старик — перелез за ограду и скрылся,
Седая хозяйка на улицу вышла из хаты.

О чем раскричался чиновник в деревне унылой,
Ругая старуху, что горькими плачет слезами?

Чиновнику долго — я слышал — она говорила:
«Три сына моих у Ечэна сражались с врагами.»

Один написал нам в письме из далекого края,
Что двое погибли в жестоких боях на границе.

Он жив еще, третий, но это недолго, я знаю,
С тремя сыновьями мне надо навеки проститься.

Нет больше мужчин здесь, все в доме пошло по-иному,
Мой внук еще мал — материнскою кормится грудью.

А матери юной нельзя даже выйти из дому —
Все платье в лохмотьях — и стыдно, чтоб видели люди.

Слаба моя старость, но я потружусь с охотой,
Прошу, господин, не считайтесь, пожалуйста, с нею:

И если меня вы возьмете в Хэян на работу,
То утренний завтрак я там приготовить успею».

Глубокою ночью затихли стенания эти,
Потом я сквозь сон заглушенное слышал рыданье.

Когда же в дорогу отправился я на рассвете —
Один лишь старик пожелал мне добра на прощанье¹.

Систематизируя и дополняя глубокими интеллектуальными размышлениями то, что у Ду Фу было криком израненного сердца, создавал свои произведения Бо Цзюйи (772—846), о живописной и мощной личности которого мы уже вспоминали. В лучших его творениях жили и страдали почти два поколения, выросшие на первой волне расцвета танской поэзии. От Мэн Хаожаня до Ду Фу она развивалась в среде, где сосуществовали вдохновение и даосистская свобода Ли Бо, тяжелый труд и конфуцианская строгость Ду Фу, бесконечная гамма человеческих радостей и печалей.

1 Перевод А. Гитовича.

С появлением поэзии Бо Цзюйи все изменилось. Как и в III в., в те далекие времена, когда существовал кружок Цао, поэзия, обогащенная новыми стихотворными размерами, превратилась в средство политического выражения. Бо Цзюйи видел в ней средство передачи чистой информации, которая могла бы направлять размышления людей, находящихся у власти. Действительно, он был не только обычным поэтом, но и исполнял важнейшие функции придворного цензора. Его произведения не могут быть поняты в полной мере без учета тех высоких постов, которые Бо Цзюйи занимал в правительстве.

Финансовые ухищрения государства, которые приводили к массовому обнищанию мелких земельных собственников, были в его глазах позорным скандалом:

«Я слышал о том, что, принимая во внимание превосходный урожай этого года, власть имущие просили об издании императорского указа о выравнивании количества зерна в столичном округе и во всех остальных, чтобы, купив его у земледельцев дешево, получить от этого прибыль и создать резерв. Насколько я вижу, подобные закупки означают для земледельцев только финансовые потери и совершенно им не выгодны. Почему же тогда все происходит подобным образом?»

Выравнивание количества зерна означает, что правительство меняет свои деньги на зерно земледельцев после торговли, они приступают к обмену, когда достигается взаимное согласие [по вопросам цены]. Однако в последние годы выравнивание количества зерна проходит по-другому. Префектуры и округа приказали установить твердую цену для каждой семьи, в зависимости от числа ее членов, на определенное количество зерна, закрепить сроки и дату его поставки. Если случается какое-то опоздание, то применяемые карательные меры — тюремное заключение и бичевание, возлагающиеся на нарушителей, еще более жестоки, чем те, что обычно используют, собирая налоги. Хотя это и называется выравниванием количества зерна, в реальности это приносит убыток земледельцам. Если и новые

закупки пройдут в той же манере, которая уже стала обычной, я скажу, что земледельцы только страдают от убытков и абсолютно ничего не получают...»

Это был официальный рапорт на тему, в которой Бо Цзюйи хорошо разбирался, так как он с молодости занимался этим и с блеском выдержал экзамен на звание «совершенного мужа». Он был озарен особым светом поэзии и благодаря ему вкладывал многие проблемы социального значения в приятную и изящную музыку слов. Стихотворению Бо Цзюйи «Старый угольщик» предшествует следующая запись: «против дворцовых „закупок“».

Старый торговец углем
Рубит дрова, обжигает уголь в предместье у Южных гор.
Пыль и зола в его кожу въелись, дым закоптил лицо.

От нитей седых виски его серы, от сажи пальцы черны.
Деньги за проданный людям уголь, что старику дадут?

Простое платье на голое тело, пищу в голодный рот.
Жалко его — на плечи накинута рваный летний халат.

Он огорчен — дешевет уголь. Скорей бы пришла зима!
Вот наконец за городом ночью выпал глубокий снег.
Утром запряг он быка в телегу, повел по скользкому льду.
Угольщик голоден, бык измучен, а солнце уходит ввысь.

К югу от рынка, перед заставой, встали они в грязи.
Кто эти двое всадников гордых, что вскачь принесли сюда?

В желтой одежде евнух дворцовый, в белой — мальчик-слуга.
Держит чиновник в руке бумагу, у него на устах приказ.

Воз повернули, быка погнали, на север к дворцу ведут.
Весом больше тысячи цзиней угля тяжелый воз

В зимнее утро чиновник отнял — ему бедняка не жаль.
Красной тряпки один обрывок, яркого шелка кусок

К ярму быка привязал чиновник — и тем заплатил за все!¹

Если искать что-то общее, что может охарактеризовать всех трех поэтов и одновременно сделать их нам ближе, то это будет их сострадание, постоянная тревога о несчастьях бедняков, презрительный взгляд, который они бросали на развлеченных богачей, и, наконец, тот интерес, который был у них к государственному управлению. Вне всякого сомнения, в этом нужно видеть одно из преимуществ образования того времени, которое, используя одни и те же модели поведения, внушало каждому необходимость заботы об общем благе и вкусу к политическим размышлениям:

Не становитесь торговцами,
вы не знаете их забот и опасностей.
На северных границах они идут по снегу и инею,
на южных реках ложатся спать под ветром и дождем.
И даже если они накопили много золота,
их корабли продолжают тонуть.
Лучше приходите пить со мной,
мы весело напьемся вместе.

Не становитесь крестьянами,
их достаточно увидеть, чтобы пожалеть.
Весной они вспахивают бесплодную почву,
каждый вечер они кормят своего отощавшего быка,
а хорошие годы редки.
Лучше приходите пить со мной,
мы вместе будем пьяными и веселыми.

1 Перевод Л. Эйлина.

Известность, универсальный гуманизм этих трех гигантов, каждый из которых прославляет одну из граней гениальности периода Тан, порой заставляют забыть о талантах их соперников, живших в IX в. Поэты заката классического периода эпохи Тан покинули мир, развитие которого уже не зависело от них. Они вновь вернулись к светлым видениям его зарождения.

Ду Му (803—852), блестящий представитель высшего чиновничества, несмотря на все свои значительные успехи, получил прозвище Малый Ду в память о великом Ду Фу, поэте страданий и трудностей жизни. Создавая свои произведения в том же стиле, Ду Му писал спокойные и блестящие стихи:

Еду к холодным вершинам гор, дороги круты и узки.
Там, где рождаются облака, живут, как и всюду, люди.
Остановлю повозку, сойду взглянуть на вечерние клены.
В инее листья краснее цветов второго месяца года¹.

Его современник, Ли Шанинь (813—858), представитель знаменитой, но неоднозначной академии Ханьлинь, чеканил свои строки с утонченным лиризмом. Его стихи — вариации на вечную тему ускользающего времени:

Как встречаться нам тяжело, так тяжело расставаться.
Ветер жизни лишился сил, все цветы увядают.
Лишь когда шелкопряд умрет, нити дум прекратятся.
Лишь когда фитиль догорит, слезы свечи иссякнут.

Утром у зеркала я грущу, видя облачный волос.
Ночью, читая стихи, узнаю лунного света холод.
До небожителей, на Пэнлай, путь не такой уж трудный:
Темная птица о трех ногах, дай мне знать о грядущем².

1 Перевод А. Сергеева.

2 То же.

Вэнь Тинюнь (818—872), автор чувственных эротических поэм, манящих свободным ритмом *цы*, освещает эту эпоху, в которую повсюду сверкали огни мятежей, простыми любовными стихами:

В наплывах воска красная свеча,
И курильниц яшмовых дурман.
На всем тоскливой осени печать.

Сурьюмою брови чуть подведены,
Небрежно прядь спадает на висок...
А ночь длинна, подушки холодны.

Уже за полночь. Дождь все льет и льет,
Все шепчутся утуну¹ за окном...
О, как меня разлуки час гнетет.

Под звон дождя о гулкую ступень
Приходит хмурый и ненастный день².

Всегда возникают одни и те же темы, их несут эмоциональные волны буддизма, все менее и менее абстрактного, все более и более китаизированного. Перед лицом смертей и возрождений, перед лицом битв между светом и тьмой китайские поэты воспевали другой гуманизм, единственными настоящими проблемами которого были повседневная борьба личного существования и размышления на тему непостоянства. Без сомнения, в эпоху Тан китайская поэзия пережила один из самых исключительных периодов своего существования: антология поэтов этого времени, составленная в XVIII в., включала в себя 15 тысяч поэм и перечень из 2300 авторов.

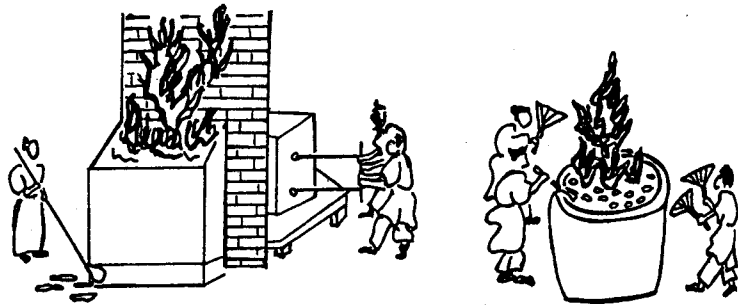
1 Утун — широколиственное дерево семейства платановых.
2 Перевод М. Басманова.

ИСКУССТВО ЭПОХИ ТАН

Классический период эпохи Тан больше, чем любая другая эпоха в истории Китая, привлекает к себе внимание и услаждает взгляд. Ведь помимо расцвета изысканного философского мышления, меняющихся и развивающихся направлений которого всегда было очень трудно понять, это был золотой век предмета, семейного комфорта, становившегося день ото дня все более утонченным и изящным благодаря легендарному таланту китайских ремесленников. Этот талант совершенствовал и эстетизировал многочисленные элементы, пришедшие с Запада, оттуда, где маленькие государства превращались в сателлитов коренного Китая.

Декоративные искусства

Китайская почва изобиловала различными богатствами. Она скрывала огромное количество металлов, таких как медь, олово, железо. Это изобилие не могло не порождать определенной зависти у более бедных соседей, которые стремились любыми средствами раздобыть китайские монеты и украшения. В свою очередь, это заставляло китайское правительство периодически принимать меры, препятствующие вывозу металлов из страны. На самом деле, подлинная нехватка касалась

Обработка сереброносного свинца

Золотых и серебряных дел мастера империи Тан, воодушевленные новыми идеями, пришедшими из сасанидского Ирана, создавали произведения искусства очень высокого качества. Они обновили традицию металлургов древности и первых лет империи. В то же время они начали использовать несколько технических новшеств, в том числе и изображенное на этом рисунке. Это иллюстрация из трактата, датированного эпохой правления династии Мин,

которая была скопирована из трактата династии Тан, периода, когда техника редуцирования огнем начала вытеснять технику промывания ископаемых. Нужно отметить мехи китайской кузницы, которые очень отличались от своего европейского подобию. Это была коробка с двумя отверстиями, позволяющими поместить внутрь подвижную панель, которая создавала движение воздуха. Часто в качестве кузнечных мехов использовались простые веера

только золота, которое с периода Борющихся Царств использовалось для инкрустаций. Иногда его находили в аллювиальных наносах Сычуани, но чаще всего его нужно было везти из Аньнама (Вьетнама), откуда шло также и серебро. Этого импортируемого товара было достаточно, чтобы поддерживать долгий расцвет декоративных искусств, чему благоприятствовало появление нескольких новинок технического прогресса.

Так, например, редкие металлы широко использовались при создании предметов роскоши. За искусность в этом ремесле, которая была вызвана дефицитом материала, обильно даровались всевозможные льготы. Также никуда не исчезали и древние методы, как, например, инкрустация орнамента из золота или серебра на литую бронзовую основу. Но, вероятно, появление персидских ремесленников, укравшихся в Китае

после их бегства от арабского продвижения, серьезно изменили местные методы работы. Эмигранты научили своих китайских коллег ковать листовую металл. Благодаря этой методике в Китае появились изысканные предметы высокого качества, украшенные персидскими мотивами — виноградом или розетками, которые чеканились на предмете.

Благодаря тому что стекло, качество которого в эпоху Тан было улучшено, было известно в Китае с конца эпохи Чжоу, ремесленники полагали, что смогут воспроизвести драгоценные камни во всех тонкостях, вплоть до их магического блеска. В Китае существовало два вида стекла: первый вид (*лю-ли*), полупрозрачный, либо совсем непрозрачный, состоял из подкрашенной замазки, из которой создавались милые подделки под драгоценные и полудрагоценные камни. Второй вид (*бо-ли*), напротив, был прозрачным: оставаясь бесцветным, он напоминал горный хрусталь. Иногда в него добавляли пигмент, чтобы получить дымчатое стекло. В период Тан появилась мода на дутые сосуды, изготовленные из такого стекла. Тем не менее они оставались редкостью, и в Китае в основном использовались стеклянные емкости, привезенные с Запада вместе с другими сокровищами: это и голубое стекло из Ферганы, голубые и розовые стекла из Бухары, красное и зеленое стекло из Рима. В области декоративного искусства путаница, возникающая при попытках отличить друг от друга стекла местного и иностранного производства, была обычным явлением и имела лишь второстепенное значение. Исключительно важным фактом было то, что украшения эпохи Тан, независимо от того, были они экзотикой или нет, всегда были цветными.

Ювелирное искусство

Задолго до правления династии Тан в истории династии Северная Вэй мы встречаем упоминание о том, что в пригородах Лояна находился богато украшенный «зал неизменного

постоянства»: «Четыре колонны, поддерживавшие навес фасада, были сделаны из черного камня, отобранного в долине Восьми Ветров, около Лояна. На них были высечены барельефы, в которых использовали серебро и золото, отделявшее скульптуры от туч, так что создавался эффект парчи... Была там и перегородка из голубого камня, окаймленная мрамором, также украшенная барельефами с фигурами, символизирующими верность и сыновнюю любовь, на которых были написаны имена добродетельных и послушных [выдающихся особ]. Перед храмом располагалась стела и скульптуры животных. Камень, из которого была высечена стела, был очень красивым. Перед дверями [императорского] дворца находился Зал императорской искренности. На всех четырех его стенах были изображены портреты мудрецов, верных министров, храбрых офицеров, снабженные подписями, позволяющими понять, кто это...»

Во всех украшениях средневекового Китая богато использовались различные цвета и драгоценные камни. Их оживлял целый мир изображений, которые были объемными, пигмент наносился штрихами. Они были большого размера, а их обаяющая тяга к роскоши и пышности была достойна Версаля.

Эпоха Тан вывела это стремление к красочности на новый уровень. Богатый дом этого времени должен был напоминать пестрый праздник. Хотя резьба по «твердым камням», которая так нам знакома, была еще не слишком распространена, а мода на драгоценные вычурные предметы развилась только начиная с X в., цветные камни, напротив, были частыми спутниками повседневной жизни. Это могла быть декоративная плитка или облицовка на золотой или серебряной основе.

Сюань-цзун испытывал особую тягу к лазуриту, любимому материалу дальневосточных ювелиров. В его зимней резиденции, расположенной на лесистых холмах, соседствовавших с Чаньяню, с восточной стороны, в центре маленького горного озера, был обустроен миниатюрный остров из лазурита: он выступал из чистых вод, напоминая голубой горный пик. Придворные дамы, одетые в переливающиеся цветные

одежды из шелка, управляя при помощи весел легкими судами из лакированного сандалового дерева, плавали вокруг него.

Иногда это богатство появлялось и на улицах. Примерно с VI в. постепенно распространился обычай праздновать начало нового года: в полнолуние к двери прикреплялся изящный яркий фонарь, свет которого должен был затмить свет луны. Этот же праздник был и поводом отменить обычный для больших городов сигнал к тушению огня, и поводом петь и веселиться до рассвета. Каждый город, каждый храм, каждый человек состязались в роскоши. В честь этого праздника Чаньянь украшали пятьдесят тысяч огней, танцевавших в мисках, которые несли в руках тысячи молодых женщин. Волосы женщин были убраны разноцветными булавками, они шествовали вдоль улиц, украшенных вышивками и металлическими знаменами. В Лояне повсюду горели свечи, а во многих местах возвышались «световые башни» на креплениях из золота, серебра или драгоценных камней, украшенные шелковыми тканями. Они достигали примерно сорока пяти метров в высоту, и на них располагались лампы в форме прыгающих драконов, тигров, фениксов и леопардов. Там же было отлито великолепное дерево из бронзы, настолько прекрасное, что император возил его по провинциям, чтобы каждый мог им полюбоваться. Но, вне всякого сомнения, самым странным оставалось дерево, которое в середине VII в. привез в столицу сын правителя Бухары: у дерева было семь ветвей, на которых были развешены лампы из агата. Слава производителя самых красивых фонарей в эпоху Сюань-цзуна была у города Янчжоу. Век спустя, в 839 г., ими любовался японский путешественник Эннин.

Самым часто используемым китайскими ювелирами материалом был нефрит, так как использование жадеита распространилось только в Новое время. К сожалению, неточность китайских терминов делает трудным точное определение того материала, с которым действительно работали скульпторы. Иероглиф, который традиционно переводят, как «нефрит», часто означал просто «декоративный камень» и мог также

подразумевать несколько видов мрамора, стеатита, пиррофилита или змеевика. Настоящий нефрит, использование которого кажется таким же древним, как и сама китайская цивилизация, в Китае не встречается. Его, как и лазурит, приходилось везти по южной дороге Шелкового пути из Хотана, где его можно было найти в руслах двух рек, которые сливались около этого караванного города.

Тем не менее у всех щеголей были многочисленные вазы и коробочки забавных, часто архаичных форм, вырезанные из самых различных видов нефрита: в них хранили ароматные травы и притирания.

Прически и одежда украшались кулонами в оправе из золота и серебра. В VII в. даже распространилась мода носить пояса, изготовленные из нефритовых пластинок. Наконец, из того же материала были вырезаны тысячи изящных безделушек, таких как, например, статуэтки, изображающие любимых лошадей Сюань-цзуна. В китайских мастерских использовался один секрет: там применяли привезенные из Центральной Азии или, что было проще, от соседей уйгуров, алмазные резцы, драгоценные орудия труда ювелиров, которые даже позволяли сверлить жемчуг. Однако эта тонкая техника и успех этих предметов у зажиточных высших слоев создали некоторый дефицит настоящего нефрита. Доказательством этого служит то, что Сюань-цзун лично следил за тем, чтобы все культовые предметы были вырезаны из настоящего нефрита — единственного материала, обладающего сверхъестественными свойствами, — и для этого пришлось уменьшить их размеры.

На самом деле, количество редких и драгоценных камней в Чаньяни было огромным, так как они служили подарками добрым соседям и отражали существование учтивых дипломатических отношений с близкими или дальними государствами. Алмаз, использовавшийся ремесленниками, скрывал в себе тайну камня, который, как полагали китайцы, рождался в центре золотой глыбы. Он символизировал тело Будды, который сидел на сверкающем троне, после того как достиг Про-

светления. Показательно, что в период правления династии Тан, бесспорно, самой популярной была «Алмазная сутра», сокращенный вариант Праджняпарамита-сутры, когда-то переведенной Кумарадживой. Этот ослепительный и очень редкий камень охотно заменяли горным хрусталем, который также привозили из соседних стран, Японии или Самарканда. Любители ценили его прозрачность и мягкое мерцание, которые они сравнивали со светом далеких звезд.

«Огненные шары», кристаллы из Кашмира, или глаза китов, обладавшие естественным фосфоресцирующим эффектом, были также очень привлекательны. Эти издающие свет сферы символизировали учение Будды, которым он осветил весь мир. Начиная с VII в. китайские ремесленники стали создавать их обычные копии из бронзы. Скоро они стали возвышаться на крышах пагод как видимые вехи высшей истины.

Совершенно безукоризненный, отливающий всеми цветами радуги, мерцающий круглый жемчуг не переставал поражать воображение. Ему приписывались тысячи сверхъестественных свойств: он позволял находить воду в пустыне и обнаруживать на дне океанов сокровища правителей-драконов. В Китае самым крупным центром добычи жемчуга была древняя провинция, которая называлась Хэпу (в юго-западной части современного Гуандуна). Этот безлюдный регион в правление династии Хань стал известен благодаря своему жемчугу. Его добыча шла огромными темпами, при этом совершенно никто не заботился о защите естественной среды, поэтому его запасы быстро истощились. В период Поздняя Хань правительству пришлось восстанавливать равновесие, обуздывая активность рыбаков и ставя под свой контроль сохранение устриц. Событие, которое получило название «возвращение жемчуга», до такой степени поразило воображение, что в VII в. оно превратилось в способ напомнить, *o contrario*, о хищном опустошении и роковых следствиях чрезмерной жадности наживы. В правление династии Тан добыча жемчуга процветала, так как первые императоры приказали посылать его ко двору в качестве

подати. Приказ был отменен в 655 г., затем снова стал действовать в полную силу, и, наконец, к последним годам правления династии Тан установилось чередование периодов добычи и отдыха. Вне пределов Хэпу жемчуг находили в Сычуани, в раковинах, живущих в пресной воде. Однако никогда китайские раковины в глазах любителей не могли сравниться с теми, которые добывались в южных морях.

Украшение дома

Одежды, мебель, ширмы, занавеси обращали на себя внимание самыми разными украшениями: кроме жемчуга и цветных камней, использовались черепаховые панцири, которые привозили из Аньнама (Вьетнама), перламутр, янтарь, гагат из Серинды, клыки нарвала из Сибири, рога носорога и слоновую кость (из которых была сделана «палочка исполнения желаний», сохранившаяся в Нара).

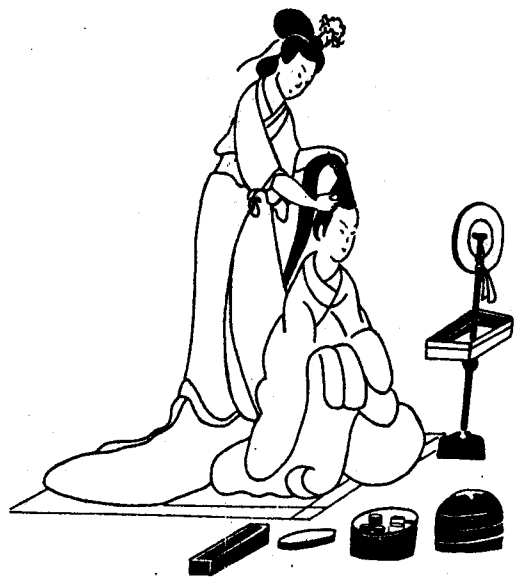
Шерстяные ковры из Бухары помогали согреть изящные жилища, а лак, как и когда-то, придавал легкость материалу и живость краскам. Если использование последовательно окрашенного слоями или отшлифованного лака в Китае насчитывало уже тысячи лет, то резной лак, который называли «резной красный» (*ти-хун*), появился именно в период Тан. На заготовку из дерева или металла ремесленник наносил несколько слоев лака, который старательно высушивался перед каждым нанесением нового слоя. Когда достигалась желаемая толщина, на лаке вычерчивались линии выбранного мотива, а затем начиналась гравировка ровной, поблескивающей поверхности.

В высказывании «древняя простота и некоторая неловкость, полная очарования», без сомнения, выражается отдаленная связь с японскими принципами *саби* и *ваби*. Несколько веков спустя в среде японской аристократии, например, очень ценилась патина на предмете.

Лак полностью или частично покрывал самые разные предметы: столы, кубки для вина, чаши, подносы, маленькие домашние алтари, коробочки для притираний, гребни, зеркала, колчаны, ножны, древки стрел или копий, луки, доспехи, а также деревянные погребальные фигуры и крашенные ширмы. Самые крупные центры по производству подобных вещей были расположены в теплых и влажных регионах Чжоцзяна, в Цзясин, между Сучжоу и Ханчжоу. Также несколько интересных деталей было найдено в Юньнани. На декоре больше не воспроизводились сцены охоты или битв, которые были свойственны эпохе Борющихся Царств. Их сменили сложные темы цветов, зачастую украшенные инкрустациями из золота или серебра. Они пользовались большой популярностью. Существовал способ, который назывался «*пин то*», согласно которому драгоценный металл, истолченный в порошок, смешивался с перебродившей смолой. В этой технике были изготовлены вещи, которыми Сюань-цзун и Ян Гуйфэй одаривали Ань Лушаня. Эта техника в Китае довольно быстро исчезла, однако она расцвела в Японии, где ею прославились мастера блистательной культуры Фудзивара (XI—XII вв.).

Зеркала в какой-то степени стали мирским предметом. Впрочем, последователи даосизма продолжали использовать их в качестве амулетов. Они использовали их, чтобы лечить болезни или усмирять злобных духов. Поэты видели в зеркалах отражение Справедливости или Любви. Однако неистощимая радость жизни привела к тому, что зеркала стали предметами искусства, древние религиозные табу были забыты, а ремесленники изображали на них плетеные узоры из цветов, листьев, птиц и стилизованных драконов.

Глубокие технические перемены в этот период произошли и в гончарном ремесле. Самыми специфическими и самыми привлекательными, на наш взгляд, элементами культуры Тан являются известные так называемые трехцветные сосуды (*сань цай*), поверхность которых окрашивалась наложением отдельными мазками краски — белой, желтой и зеленой,

Использование зеркала

Металлическое зеркало, ставшее модным в период Борющихся Царств, было чаще всего круглым или дольчатым предметом, однако могло иметь квадратную или многоугольную форму. Одна его сторона была тщательно отполирована, ее поддерживали в хорошем состоянии, чтобы можно было видеть в ней отражение. Другая сторона обычно была искусно украшена многочисленными рисунками, по которым можно производить датировку, если дата отсутствует в надписях на ободке. Датировке могут помочь также написанные поэтические строки или благие предзнаменования. В центре находи-

лась шишечка, в которой было просверлено отверстие, в которое обычно протягивали ленту или шнурок. Это позволяло либо держать зеркало в руках, либо, как это изображено здесь, установить его на подножке, чтобы делать прическу. Использование зеркала с ручкой, хотя и было известно, не было распространено вплоть до Нового времени, а стеклянные зеркала, пришедшие с Запада, появились еще позже, в конце XIX в. Здесь на рисунке мы видим также многочисленные изящные лакированные шкатулки, в которых красавицы того времени держали притирания и предметы туалета.

которую в конце эпохи Тан заменили голубой. Эти веселые тона украшали тысячи осколков найденной загробной посуды и статуэтки, клавшихся рядом с покойником (*мин-ци*). В мире живых мода на три цвета распространялась только на орнамент черепицы и кирпичи храмов и дворцов. Кроме того, она просуществовала не больше века и к концу правления династии Тан перестала пользоваться успехом. Сегодня ученые полагают, что подобная трехцветная керамика по своему происхождению восходит к скромному блеску камней, раскрашенных мастерами периода Шести Династий.

Однако гончары, количество печей которых только увеличивалось, интересовались и еще более удивительными техниками. Они создали протофарфор¹, облицовывая глину золотом, полученной от сожженного дерева, а затем помещая это в печь при высокой температуре. Сегодня нам не известно, была ли техника производства фарфора, некоторые элементы которой восходят еще к эпохе Шан, утеряна, а затем восстановлена уже в правление династии Хань или, напротив, она сохранялась всегда и медленно совершенствовалась в основных китайских центрах на протяжении веков. Вплоть до сегодняшнего дня казалось, что пробел в знаниях заполнен, а все сходства являются случайными. Однако множество современных находок заставляют относиться к этому заявлению с большой долей осторожности.

Самые древние из известных нам печей располагались в стране Юэ, в Чжоцзяни. На протяжении эпохи Цзинь (III—IV вв.) их использовали для производства глиняных чаш, которые, как говорили, имели нефритовый отблеск. Они были предками зеленой посуды, самый яркий период расцвета которой пришелся на правление династии Сун. Европа узнала в недавних копиях этих произведений цвет лент, которые

¹ Фарфоровое производство развивалось постепенно. Обычно считается, что протофарфор, или «примитивный фарфор», сделанный из глины каолина, встречается в XI в. до н. э. Изделия из протофарфора не имели необходимой концентрации полевого шпата и кварца. Настоящий фарфор был изготовлен в I в. н. э.

носил знаменитый герой «Астреи», пастух Селадон¹. Танские чаши отличались от селадонов, созданных в эпоху Сун, более темным оттенком глазури, вызванным высоким содержанием железа в используемой глине. Без сомнения, эти чаши высоко ценили иностранцы, потому что их находят в Фостате в Египте и в Самарре, когда-то входившей в состав халифата Аббасидов, в Сузах и в Японии, где они, возможно, послужили образцом для первых гончаров города Сето.

На севере Китая также существовало множество печей. Самой знаменитой была печь в Синчжоу, в провинции Хэбэй, однако определить ее точное местоположение не удастся до сих пор. Там производили керамику белого цвета, формы которой широко заимствовались не только в китайской традиции, очень обогатившейся, в частности, в период правления династии Суй, но и у металлических образцов, пришедших из Ирана, — кувшинов для воды, амфор с изящно изогнутыми ручками, произвольные линии орнамента которых напоминали очертания птиц. Между тем Синчжоу не единственный центр создания белого фарфора. Фарфор Чаньяни, ни одного примера которого до наших дней не дошло, был знаменит тем, что напоминал белый нефрит. Фарфор, который производился в печи Даи, в провинции Сычуань, вызывал восхищение у Ду Фу: «Фарфор из печи Даи легок и вместе с тем прочен. Если по нему постучать, он издает звук нефрита, его изящество знаменито во всех городах. Ваш дом скрывает в себе чаши, которые прекраснее инея и снега. Сжалось надо мной и пришлите мне одну в мою соломенную обитель».

Танская белая керамика, прототип керамики эпохи Сун, отличалась относительным отсутствием блеска и была достаточно массивной. Более того, изначальная обработка глины, ее качество иногда оставляли желать лучшего. Часто под глазурь

¹ Селадон — тип китайской керамики эпохи Сун (X—XIII вв.) из фарфорообразной массы, покрытой светлой серовато-зеленой глазурью, состоящей из окислов железа. Французское название возникло по ассоциации с образом Селадона, персонажа романа писателя О. д'Юфре «Астрея», украшавшего свою одежду лентами зеленого цвета.

наносили белый ангоб¹, предназначенный скрыть сероватый оттенок материала. Это позволяло добиться холодной белизны, которая была менее приятна, чем теплый оттенок цвета слоновой кости, свойственный произведениям мастеров периода Сун. Скромная роспись состояла из листвы и цветов, то вырезанных под глазурью, то нарисованных, как в Дунгуане.

«Зеленые цвета» Юэ и «белые цвета» Хэбэй с самого начала имели своих непримиримых сторонников. Лу Юй, автор «Чайного канона» («Ча цзин»), так превозносил достоинства «зеленой керамики»:

«Некоторые думают, что керамические изделия Синчжоу превосходят те, что происходят из Юэчжоу. Однако это совсем не так. Керамика Син напоминает серебро, керамика Юэ — нефрит. Это первая причина, по которой Син следует оценивать ниже, чем Юэ. Керамика Син напоминает снег, керамика Юэ — лед. Это вторая причина, по которой Син следует оценивать ниже, чем Юэ. Керамика Син — белая, а чай — коричнево-красный, керамика Юэ — зеленая и чай — зеленый. Это третья причина, по которой Син следует оценивать ниже, чем Юэ».

Впрочем, помимо вкусов, которые могли быть различны, этот текст делает наглядным споры, которые всегда противопоставляли, как в Китае, так и в Японии, строгий «вкус чая» и блестящий светский вкус. Гончары периода Тан изобрели все те приемы, которые позволили их сунским последователям создавать настоящие чудеса искусства: живопись под глазурью, особенно развитая в Чаньша; использование ангоба и глазури, содержащей полевой шпат или фосфорнокислые соединения, которые на просвет создавали эффект огня; смешение разных видов глины с целью добиться сходства с мрамором.

Однако талант китайских мастеров особенно проявился в производстве тканей. Китайцы соперничали со своими

¹ Ангоб (франц. engobe) — декоративное керамическое покрытие, наносимое на поверхность керамического изделия и закрывающее цвет или грубую структуру материала. Различают ангобы белые (из беложгущихся глин) и цветные (из глин с цветообразующими добавками).

персидскими коллегами в том, кто сумеет создать самые изысканные, а может быть, и самые красивые материи на свете. В правление династии Тан существовало около десятка видов ткани. Кроме разнообразных холстов из льна и шерсти, ремесленники искусно обрабатывали лучший из материалов — шелк. Эпонж, дамаст, газ соседствовали с атласом, который был создан именно в период Тан. Украшающий ткани орнамент, по большей части сасанидского происхождения, создавался при помощи целого комплекса умений. Отказавшись от характерного для периода Хань простого «эффекта цепи», при котором единственная уточная нить создавала рисунок на лицевой стороне ткани, мастера периода Тан научились пользоваться одновременно трех- и пятицветными нитями, переплетенными таким образом, что рисунок был виден не только на лицевой, но и на обратной стороне ткани в зеркальном отражении. Одновременно яркость многоцветия достигалась изяществом очертаний рисунка и верностью передачи представленного сюжета.

На протяжении VIII в. часто практиковали окрашивание с помощью тщательно обработанных деревянных дощечек. Казалось, что китайцы в эту эпоху почти не применяли технику печатания воском (батик), обычную для Запада и некоторых азиатских государств. Тем не менее окрашивание в основном применялось к тканям, которые были худшего, по сравнению с шелком, качества. В Китае уже широко был известен хлопок, слово, обозначающее этот материал, встречается в китайском языке начиная с IX в. Хлопок привозили из Туркестана и Серинды, которая зависела от территории Китая, так же как современная Юньнань. Самый лучший хлопок рос в Индокитае и на юго-восточных островах Азии — Борнео и Цейлоне.

Китайцам были известны огнеупорные свойства асбеста, с его помощью создавалась ткань, которую называли «моющаяся в огне». Существовал анекдот, согласно которому во II в. один человек бросил свою испачканную одежду в огонь, а достал ее оттуда чистой и свежей.

* * *

Этот долгий список достижений китайских средневековых мастеров объясняется их глубоким знанием природы и ее запасов. Каждая из дорогих материй, которые украшали изящные наряды или жилища, одновременно могла входить в состав многочисленных лекарств. Всему, что было красивым и редким, китайская фармакология, замешанная на даосизме, приписывала особые целебные свойства. Сегодня нам трудно понять их значение, так как словарь древних текстов остается неясным, филологические исследования не смогли продвигнуться далеко, а информация, относящаяся к количеству и пропорциям ингредиентов, не сохранилась. Основываясь на имеющихся данных, мы также не можем точно отделить удивительные открытия от простых рецептов.

Неизбежным следствием развития китайской науки и знаний о минералах был талант китайских мастеров в искусстве фальсификации: результаты трудов алхимиков прошлого не только обманывали своих современников-простаков, но и до сих пор приводят в замешательство современных ученых.

Возможно, считалось необходимым не поддаваться очарованию внешнего блеска этих богатств. «Пуританские» заботы постоянно удерживали китайцев от признания своей страсти к драгоценным камням и редким материалам. В целях облегчения совести в китайском фольклоре появилась живописная фигура, которой тайно завидовали, но официально высмеивали. Это был «персидский ювелир», своего рода козел отпущения, дальневосточный аналог наших еврейских банкиров. Для императора единственными настоящими сокровищами оставались лошади, залог военного могущества и мобильности. Драгоценности, разнообразные сокровища, какими бы редкими они ни были, часто отбрасывались с показным высокомерием и презрением. Так, Гаоцзу вернул хану западных тюрков жемчужину удивительных размеров, которая была ему подарена, сказав при этом: «Жемчужина — это действительно сокровище,

но намного большее значение мы придаем чистому сердцу. Именно из него мы должны создать жемчужину».

Пластические искусства

Каллиграфия

Ли Шиминь отдавал безусловное первенство искусству просвещенных людей. Он с настоящим благоговением относился к Ван Сичжи (307—365) и его произведениям, мастерством и интеллектуальностью которого он восхищался. Любовь к каллиграфии стала для него культом, который содействовал самому широкому развитию «искусства кисти» по всей империи. Предисловие к «Павильону орхидей» («Лань-тин») являлось в его глазах таким сокровищем, что он спешно отправил посла к старому монаху, у которого хранился оригинал. Но монах притворился, что не знает, где хранится это сокровище. Тогда посланник пошел на хитрость, остался на несколько месяцев в монастыре, смог добиться доверия хранителя, притворившись его учеником, и в один прекрасный день сбежал, похитив документ. Затем он торжественно провозгласил, что этот драгоценный дар монастырь подносит императору: главе монастыря, благотворителю поневоле, осталось только признать свершившийся факт.

Ли Шиминь на протяжении своей долгой жизни не переставал воспроизводить и переписывать знаменитые тексты, которые доставляли ему двойное удовольствие, восхищая и его взор, и его разум. Когда он умер, каллиграфия Ван Сичжи была погребена рядом с ним и, таким образом, растворилась во мраке вечности. Сегодня только копии, созданные перед смертью императора, которые он часто раздаривал фаворитам, являются отражением величественного изящества оригинала.

Этот документ был исполнен в технике *синшу*, «идущие письмена», полускоропись, которая была настолько распространена и ценима в правление династии Тан, что ее быстро

стали считать созданием этой эпохи. Действительно, под влиянием Ли Шиминя все просвещенные люди Китая приняли школу Ван Сичжи, чтобы систематизировать каллиграфические типы, унаследованные от прошлого.

Всего можно выделить семь видов каллиграфии. Четыре появились еще до династии Хань: письменность на гадательных костях (*цзя-гу-вэнь*), зародившаяся еще в период Шан-Инь, на заре китайской истории; письменность, называемая «древней» (*гу-вэнь*), которая использовалась до конца периода Чжоу; и наконец, два типа письменности, связанных с печатями, — письменность «большой печати» (*да-чжуань*) и письменность «малой печати» (*сяо-чжуань*). Затем, согласно правилам, установленным Первым императором, в период Хань стали развиваться еще три определенных типа. «Официальная» письменность (*ли-шу*) употреблялась для регистрации криминальных дел; в 1975 г. в могиле Юнь-мэн (провинция Хубэй) был найден пример циньского периода. «Восьмичленная» письменность (*бафэнь*) произошла от «официальной» письменности. И наконец, «беглая» письменность (*чжанцао*) была скорописным вариантом *бафэнь*.

На основании этих разнообразных типов в ходе развития письменности танские интеллектуалы создали три стиля, которые стали великими классическими способами каллиграфии. «Образцовая» письменность (*кайшу*), самым знаменитым мастером которой был Янь Чжэньцин (709—785), использовала прямые и наклонные черты, а также очень тщательно выписанные тонкие точки, которые проводились согласно точному *ductus*¹, чтобы заполнить искусной игрой пространств и пустот геометрические границы квадрата. «Идущие письмена» (*синшу*), такие же, как и в предисловии к «Павильону орхидей», переписанные Чу Суйляном (VII в.), не обладали живостью скорописи. Однако они избегали крупных и жестких форм «образцового» письма (*кайшу*). Наконец, третий стиль,

1 Здесь: правила начертания, форма (*лат.*).

скоропись (*цаошу*), «травянистая письменность», теоретически предназначенная для записей «на скорую руку», была представлена «святым скорописного письма» — Хуай-су (725—785). Черты этого способа письма часто сравнивают с завитками крепкой стальной нити. «Травянистая скоропись», в свою очередь, породила «дикую скоропись» (*куанцао*), связанную с именем Чжан Сюя (VIII в.). *Куанцао*, слабо оцененная современниками Чжан Сюя, позднее стала пользоваться огромной популярностью, и просвещенные люди постепенно открыли в ней особое выражение стихийности письма.

Наконец, надписи на каменных стелах, ставшие обычными с основания империи, снова вошли в моду. Искусные гравёры подписывали свои работы, а самые великие мастера каллиграфии, тщательно выбирая лучшие камни и умелых исполнителей, больше не колебались, уверенно гравировали свои произведения, обозначив свое имя. Каллиграфия стала менее образной, но всегда исполненной смысла, формой живописи на камне, который, в свою очередь, превратился в материальный голос, предназначенный для вечности. Именно тогда определился основной выбор китайского искусства: превосходство чувственной абстракции над декоративным повествованием.

Живопись

Равная каллиграфии, но не превосходящая ее, китайская живопись обычно встречается в трех формах, которые начали выделяться в эпоху Тан: горизонтальный свиток (*цзюань*), вертикальный свиток (*чжоу*) и альбом (*бэн*).

Самый древний, горизонтальный свиток перематывался руками или по прихоти созерцателя мог быть разложен на столе.

Вертикальный свиток, предназначенный для того, чтобы висеть на стене, представлял собой самую распространенную основу для чисто декоративных произведений, но только в эпоху Мин такая форма живописи получила наибольшее рас-

пространение. В период Тан использовалась другая форма декоративной живописи — рисунки на ширмах. Так, биография императрицы Духоу, невесты основателя династии Тан Гаоцзю (618—626), сообщает, что ее отец, предчувствуя знаменитую судьбу своей дочери, расписал громадное передвижное панно, украсив его двумя павлинами: говорили, что его дочь выйдет замуж за того, кто сможет поразить глаза павлинов всего двумя стрелами. Счастливым победителем и был основатель новой династии. Этот исторический анекдот доказывает, что установка ширм была уже достаточно развита, для того чтобы вынести, не упав, попадание стрелы. Этот тип украшения был достаточно распространен в китайских домах того времени.

Наконец, маленькие рисунки, которые не были приспособлены ни для украшения больших поверхностей, ни для кинетической непрерывности горизонтальных свитков, собирались в один альбом, который мог объединять восемь, десять, двенадцать картин, а иногда даже больше. Они представляли собой книгу, которую можно было листать как угодно. Ее размер не превышал шестидесяти квадратных сантиметров, а форма могла быть квадратной, прямоугольной и даже круглой.

Эти рисунки вели свое происхождение от круглых вееров, которые были очень модны в правление императора Чжэна из династии Поздняя Хань (33—8 до н. э.), которые, впрочем, стали украшаться рисунками только в период Тан. Когда веер терял свою свежесть и изнашивался, с него снимали раскрашенный шелк, чтобы поместить его в альбом. Именно так были сохранены бесчисленные шедевры периода Сун, которые были наивысшей точкой развития этого жанра.

Даже если всю длинную историю развития художественных приемов в Китае и невозможно восстановить, тем не менее доказано, что мастера эпохи Тан уже умели оформлять и сохранять рисунки.

Техника скрепления этих крашенных листков вплоть до V в. н. э. оставалась малоудовлетворительной. Чжан Яньюань, знаменитый критик IX в., называет Фань Е из династии первых

Сун (420—479) дальним предшественником высоких интеллектуалов, которым великий Ли Шиминь (626—649) доверил книги и картины из императорской коллекции, для того чтобы их классифицировать и переплести.

Монтирование свитка на Дальнем Востоке было процессом, который требовал высокой точности движений. Мастер использовал черный лакированный стол с прочерченными кинovarью линиями, которые служили отметками, позволявшими правильно разместить и разрезать материал. Операция состояла в том, чтобы покрыть листы клейковиной высокого качества, которая была способна пропитать бумагу. Чжан Яньюань гордился тем, что он был первым, кто предложил добавлять туда субстанцию, которая бы отпугивала книжных червей, одновременно делая более прочным материал, на котором было изготовлено произведение, — шелк или плотная, более или менее негнущаяся бумага. Когда вся работа по разрезанию и приклеиванию заканчивались, один из краев полученного свитка накладывался на круглый брусок, чаще всего из сандалового дерева, запах которого отгонял насекомых. Концы бруска представляли собой ручки, которые могли быть украшены любыми накладками: слоновой костью, лаком, черепашьим панцирем или драгоценными металлами. Сезон, в который лучше всего было выполнять эту работу, была осень, так как долгое лето было слишком влажным.

Также известно, что начиная с IX в. начали обрабатывать и восстанавливать древние рисунки, которые были затемнены толстыми слоями пыли. Было необходимо размачивать их несколько суток в чистой воде, в которой была сварена фасоль особого сорта *gledishia horrida*. Затем было достаточно расстелить листы по очень гладкому столу, для того чтобы без повреждений снять с них грязь и пыль. Каждая картина затем помещалась для просушки на решетку, затем покрывалась тонким промасленным шелком, который становился прозрачным.

Вспомним, что именно используя промасленную бумагу, интеллектуальная элита смогла реализовать на практике по-

следний из принципов Се Хэ: копировать и срисовывать без усталости произведения мастеров прошлого. Самой знаменитой была бумага, которую пропитывали воском, ее производили в Сюаньчэнсянь, в провинции Аньхой.

Когда монтирование завершалось, свиток было необходимо занести в журнал коллекционера, своеобразный *ex libris*¹, особенно когда речь шла об императорской коллекции. Чжан Яньюань сообщает, что это обыкновение восходит к первым годам правления династии Тан. Еще одна традиция, известная с ранних времен, предполагала наличие парадных подписей (*я шу*) любителей и экспертов времени создания свитка. Мы встречаем эту традицию и в правление династии Тан, однако в некоторых случаях создавались подделки, что уменьшает наше уважение к этим автографам:

«Во время эры Цайюань император Сюань-цзун покупал рисунки и книги по всей империи. Он приказал знатокам своего времени приложить свои парадные подписи и писать канифолью. Лю Хуайлинь и другие иногда вырезали названия предыдущих династий и заменяли их своими именами».

Огромная заслуга эстетов и мыслителей эпохи Тан заключалась в том, что они следовали теоретическим положениям живописи, разработанным Се Хэ в конце V в. и повторенных Яо Цзунем в середине VI в. Следуя традициям, они сделали серьезный вклад в великолепный расцвет искусств в период Пяти династий, в X в.

Яо Цзуй родился в период правления последней династии Юга, которая называлась Чжэнь (557—589). Он тщательно изучил работы двадцати художников, которые творили между 420 и 557 г. Он не претендовал ни на что, кроме следования художественным принципам Се Хэ, но тем не менее оспаривал

1 Из книг (*лат.*); здесь: собрание книг, библиотека.

некоторые взгляды, высказанные старым учителем. Со своей стороны, он придавал больше значения времени, когда жили люди и создавались произведения, чем определению уровня достигнутых заслуг, вне зависимости от условий, как это делал Се Хэ. Кроме того, он выше ценил внутренний смысл и не выводил на передний план, как Се Хэ, необходимость восприятия произведения внешних форм:

«Когда художник готовит тушь и окунает внутрь свою кисть, в его сознании нет ничего другого, кроме мыслей о прилежании и благоговении. Стоя лицом перед предметом, который ограничен своей формой, он поражается бесконечности, создавая отзвук того, что находится вне формы. Внезапно вспыхивает искра, и он начинает водить кистью туда и обратно, работая без отдыха. Его глаза восхищаются яркими цветами шелка, он еще не начал воплощать свои идеи. Легко варьируя оттенки, то усиливая, то смягчая их, он может изменить внешний вид предмета, делая его красивым или уродливым. Меняя композицию хотя бы на один волос, он может создавать разные впечатления, и грусть, и радость».

В этом отрывке можно увидеть безразличие к внешней оболочке и понятиям прилива и отлива, которые так дороги последователям даосизма. Самый важный из текстов, относящихся к живописи первых веков империи, известных на сегодняшний день, был создан три века спустя. Это уже упоминавшиеся нами «Записки о знаменитых картинах прошлых эпох» («Лидай мин хуа цзи»).

Об их авторе, Чжан Яньюане (810—880), помимо того, что он страстно коллекционировал книги и картины, следуя старой семейной традиции, нам известно мало. Он сам занимался такими взаимодополняющими видами искусств, как каллиграфия и живопись. Недавние научные исследования утверждают, что коллекция семьи Чжан не уступала своим блеском коллекциям императорского дворца и что Чжан Яньюань действительно был самым крупным знатоком искусства своего времени. Он больше полагался на свою интуицию, чем на какие-либо точные

критерии, так как был уверен, что его глаз знает все движения кисти так же хорошо, как и его рука. В своем труде Чжан Яньюань проявлял особый интерес к портретам и был лаконичен, когда писал о пейзажах. Его текст, заверченный в 847 г., сегодня представляет собой документ первостепенной важности, так как он содержит перечень и оценку многочисленных произведений, которые уже давно утрачены.

Чжан Яньюань считал, что у живописи есть особая, очень трудная миссия «совершенствовать просветительное образование [мудрецов] и помогать в [сохранении] социальных связей». Так же как и история, да и любая человеческая деятельность, живопись в его трактате встроена в систему конфуцианства. Тем не менее ему было крайне важным выйти за те рамки, которые годы практики воздвигли вокруг этих концепций.

Для Чжан Яньюаня, так же как и для всех людей дальневосточной традиции, живопись обладала таинственными свойствами: нарисованные драконы вдруг начинали дрожать, вызывая проливные дожди и другие атмосферные катаклизмы. Каждое раз, когда «открывались» глаза скульптуры или портрета человека или дракона, это было равноценно тому, что зажглась, может быть очень опасная, искра новой жизни. Даже пейзажи обладали своим колдовством: если художника посетило вдохновение, то можно было, приложив ухо к картине, услышать журчание ручьев и шелест листьев.

Хороший художник умел понять и передать частицу вечного чуда жизни. Вот почему он не должен был работать по воле случая, но вращаться в социальную систему, передавать космический ритм и изображать, следуя сезонному циклу, людей, предметы или сцены, свойственные каждому астрономическому моменту.

Это объясняет тему повторяемости сезонов, которая пронизывает всю китайскую живопись. Нет практически ни одной картины, которая, пусть даже какой-нибудь незначительной деталью, не указывала на связь с циклическим биением природы. Искусство, и это фундаментальное положение уже

было высказано Се Хэ, не придумано человеком, но раскрыто для него Природой. Она отправляет ему послания одно за другим, которые мало-помалу он учится расшифровывать. Весь мир изобилует знаками, но только некоторые из нас пользуются их крохами. Так был сформулирован трудный вопрос о возможности контакта: искусство коренится именно в способности воспользоваться открытиями природы, а затем умением передать их другим людям.

Чтобы сделать это, нужно обладать испытанной техникой, умеющей следовать за всеми движениями души, которая единственная способна ощутить дыхание жизни, отличающее произведение искусства от пустышки.

«... Когда ремесленник хочет хорошо сделать свою работу, он должен наточить свои инструменты. [В живописи, ими] являются легкий шелк плотной ткани из Ци [Шаньдун]; плотный шелк из У [Цзянсу]; лощеный необработанный шелк и шелк, тонкий как дымка, плотной ткани и блестящий... [Естественная] киноварь из источников Улина [Хунань] и тонко перемолотая киноварь; небесно-голубая краска, сделанная из ляпислазурита Юэсуй [Сычуань], азурит¹ — из Вэйчжоу, а зеленая [малахитовая] — из Учжана [Хубэй]; сурик из Шуцзюня [Сычуань]; церуссит² из Шицзина [Гуандун], хорошо промолотый и очищенный, отборный, тусклый и глубокого цвета, легкий и тяжелый, тонкий и грубый. Также есть желтый — из Линьи и из Куньлуня. Нужно избегать использования вместе с белым цветом свинца из Наньхая.

[Что касается клея], то он может быть оленьим из Юньчжуна [Шаньси], рыбьим из Учжуна [Цзянсу] и бычьим из Дуна [Шаньдун]. Сок из *sagina maxima*³, смешанный со свет-

1 Азурит — медная глазурь, минерал синего цвета со стекляннм блеском, хрупкий. С древнейших времен использовался как синий краситель (минеральный пигмент); «голубец».

2 Церуссит — природные кристаллические свинцовые белила.

3 *Sagina* (лат.) — корм. Вероятно, имеются в виду однолетние или многолетние корневищные растения, разновидности мха.

лым клеем, может быть использован, чтобы покрывать им краску и делать ее оттенок более глубоким. Живопись древности никогда не использовала „первый зеленый” [малахит] и „главный синий” [азурит].

Нужно [только] выбрать лучшие материалы, смешать их и использовать. Клей, который хранился сто лет, не портится, а каждая черта [выписывается с помощью] кисти, сделанной из волоса [белки] и бамбука, собранного на прибрежных скалах».

Тем не менее работа с красками рискует показаться обманчивой. Ведь они только лекарство от несостоятельности воображения, но только оно может воссоздать во внутреннем мире тонкие оттенки жизни. Оригинальность Чжан Яньюаня в том, что он показывает, основываясь на мнении Ван Вэя, бесконечные возможности черного и белого цветов: «Нужно внимательно обдумать, как достичь своей цели, если [картину], в которой будет использовано пять цветов, можно создать, используя только тушь».

Глаз только фиксирует точное изображение. Хорошей картиной является та, которая, используя невыразительные средства, например более или менее разбавленная тушь, дает волю мышлению любителя и приводит его к тому, что он сам снова изобретает цветные гармонии природы. Таким образом, в этой динамичной концепции верхом цвета является использование белого и черного: этот конфликт продолжается и сегодня между приверженцами цветных и черно-белых фотографий. Китайцы, склонные к абстрактному искусству, решительно выбирали скромную тушь. Именно на них возлагался основной смысл, который каждый человек должен был интерпретировать сам. В большинстве случаев они позволяли художнику быть выше соблазна простого использования цвета.

Следствием того же мышления является мнение Чжан Яньюаня о том, что бестактно и вредно стремиться к исключительному мастерству «копирования», так как все, что отождествляется с внешним видом предмета, теряет свою ценность как знака. Простое подражание оболочке людей или предметов не

вызывает никакой реакции, никакого интеллектуального движения у того, кто смотрит, и является всего лишь карикатурой.

Рассматривая живопись эпохи Тан в общем, необходимо учитывать существование географического разделения, которое позднее будет охарактеризовано интеллектуалами, как раскол на два стиля — школу Севера и школу Юга.

Школа Севера, развивавшаяся при дворе и в столицах, решительно проявляла себя как сторонница сюжета. Художники этой школы предпочитали изображать людей, животных, пейзажи в декоративном стиле, где краски, помещенные на ровную поверхность, давали редкую игру тени и вписывались внутрь пространства, четко разграниченного строгой геометрической линией, особенно в изображении гор. Этот стиль вдохновил появление в Японии мощного направления живописных свитков (*ямато-е*). Школа Юга, представленная в период Тан великим Ван Вэем, напротив, была сторонницей мечты, одноцветности, свободы и абстракции.

Недавние открытия археологов подтвердили то, что эти характеристики были свойственны китайской живописи с древних времен: настенная живопись Северного Китая эпохи Хань совершенно точно имеет описательный характер, хотя это и не исключает наличия живости и даже юмора. Из этого общего основания Юг придерживался, прежде всего, чувства линии.

Сюжетная школа Севера особо собирала вокруг себя портретистов: Чжоу Фань, Янь Либэнь, Фань Чжун и Ху Хуань.

Чжоу Фань (ок. 780—810), родом из Чаньяни, без сомнения, был самым знаменитым из них, так как на протяжении веков бесконечно копировались созданные им живописные фигуры придворных дам, гибких, белотелых, сияющих красавиц, драпированных в роскошные шелка, с накладными прическами. Ему приписывают авторство картины «Дама, играющая в шашки», которая хранится сегодня в галерее в Вашингтоне, а ее сомнительная копия находится в Национальном

музее Тайбэя. Однако о его жизни нам практически ничего известно, как, впрочем, и о Фань Чжуне и Ху Хуане, от которых до нас дошли только имена.

О личности Янь Либэня (VII в.), напротив, нам известно несколько больше. Ему было тесно в узких рамках ремесленника, на положении которого находились художники эпохи Тан. Действительно, он занимал самые высокие должности при дворе. Будучи сыном мелкого дворцового чиновника, который служил при императоре Вэнь-ди из династии Суй, Янь Либэнь в 656 г. возглавил министерство общественных работ, а двенадцать лет спустя, в 668 г., Большой императорский секретариат. Он умер, удостоенный высокого знатного титула. Его талант, без сомнения, унаследованный у собственного отца, знатока использования «красного и голубого», как тогда говорили, позволил ему быстро добиться успеха.

Из всех его, безусловно, значительных произведений на сегодняшний день мы точно обладаем только серией портретов, изображающих правителей империи от Вэнь-ди (179—157 до н. э.) из династии Хань до Ян-ди из династии Суй (604—618). Императоры изображены величественно прогуливающимися в окружении изысканной свиты из высших сановников в тяжелых шелковых одеждах, громоздкие складки которых доходили до обуви с широкими загнутыми носками. Все важные люди из кортежа императора имеют шиньоны, бороду, усы, а их морщинистые лица с длинными носами контрастируют с идеально круглыми, гладкими лицами императоров.

Традиционно Янь Либэню приписывают свиток, называющийся «Сяо И хитростью выманивает манускрипт „Павильона орхидей”» («Сяо И чжуань ланьтин ту»). На этом свитке тушью и красками выражена некая тайна, благодаря чему произведение знаменитого каллиграфа Ван Сичжи попало в коллекцию Тайцзуна. На самом деле речь идет о свитке, созданном в конце IX — начале X в. в традициях мастера. Манера изображения одеяний в этом свитке очень близка к школе Дуньхуаня, которая соблюдала геометрическое строение относительно

толстых линий. Впрочем, некоторая каллиграфическая гибкость черт, так же как изящные черты лицевых мускулов, указывают на техническое мастерство и представления о человеке, свойственные второй половине IX в. И действительно, более древние портреты отличаются некоторой неподвижностью линий, поэтому образы людей кажутся статуарными.

Стиль Янь Либэя был блестяще продолжен У Даоцзы в VIII в. Постепенно он стал классическим, и именно в нем стали проявляться четкие отличия южных художников периода Сун.

Знаменитый Хань Гань (VIII в.) также был блестящим портретистом, но он настолько интересовался лошадьми, что Сюань-цзун доверил ему неограниченную возможность изобразить «сорок тысяч» скакунов, которыми он владел и к которым был так привязан. Хань Гань навсегда остался непревзойденным образцом для художников последующих веков в изображении этих животных.

* * *

Танские художники, представители обоих стилей рисования, брались за самые разные темы. Только военные картины, битвы, или по-римски «триумфы», которые так часто встречались на ханьских барельефах, в период Тан очень быстро исчезли. Впрочем, они плохо сочетались с идеалами интеллектуалов, которые были основаны на конфуцианстве, даосизме, буддизме или всех трех системах одновременно. Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем и оказалась настолько сильной и долгой, что знаменитый сунский художник Ми Фу (1051—1107) с сожалением отмечал отсутствие исторической живописи.

В действительности, специализация мастеров периода Тан оставалась весьма относительной. Они были, прежде всего, творцами жизни. Янь Либэнь, например, когда ему этого хотелось, был художником-анималистом. Именно по его картинам на барельефах были вылеплены изображения лошадей, которые украшали мавзолей Ли Шиминя. Лучшим примером подобной универсальности, без сомнения, остается У Даоцзы. Он жил

в эпоху правления Сюань-цзуна, которым художник восхищался настолько, что даже поменял свое имя на У Даосюань, чтобы напоминать о тех связях, которые соединяли его с императором. Он отличился в самых разнообразных сферах живописи. Среди его картин были изображения людей, Будды и небесных божеств, животных, пейзажей, построек и растений.

Когда, достигнув зрелого возраста, он полностью овладел своим искусством, по незыблемости и живости, характерным чертам своего мастерства, он стал одновременно самым кропотливым и самым влиятельным художником своей эпохи. Все портретисты сделали его произведения своим образцом. Даосюань любил вино. Говорят, что он черпал в нем свое вдохновение, которое под воздействием хмеля позволяло ему в один присест создать все произведение целиком. Его работы казались бесконечными: в храмах столицы, он выполнил более трехсот настенных росписей, каждая из которых полностью отличалась от других.

Тем временем при самой благоприятной поддержке буддизма, который всегда заставлял человека интересоваться природой, стал постепенно развиваться пейзаж. Инициаторами выделения этого независимого жанра были Ли Сы Сюань (651—716) и его сын Ли Чжаодао (670—730). Они специализировались на создании живых и красочных пейзажей. Создавая рисунок, они сначала наносили нескольких слоев краски, особенно зеленого и темно-синего цвета. Затем намечали силуэты, накладывая золотые точки, и все вместе это создавало важные особенности светотени.

Говорят, что знаменитая картина «Путешествие императора Тан Сюань-цзуна к Шу», рассказывающая о хитрости, благодаря которой император Сюань-цзун бежал от Ань Лушаня в Сычуань, которая сегодня хранится в Национальном музее в Тайбэе, — это поздняя копия оригинала, созданного в школе двух Ли, отца и сына. Персонажей окружает внушительная богатая обстановка, еще достаточно условная, однако в ней уже можно увидеть переход от реальности к вымыслу. Люди,

животные и деревья выглядят слишком большими по сравнению с горами. Сюжет остается анекдотичным, хотя в нем можно почувствовать то движение, которое оживляет самые красивые горизонтальные свитки Японии и Китая.

Однако самым авторитетным мастером периода Тан остается несравненный Ван Вэй. Интеллектуал и поэт, он внес в живопись новое дыхание: свобода любителя была противопоставлена скованности профессионалов. Для него рисование было упражнением в пластическом и интеллектуальном мастерстве, серьезным удовольствием, в котором философия сочеталась с переживанием, а движения кисти передавали биение сердца. Ван Вэй приобрел огромную известность своими картинами, изображавшими снег, в которых он играл своей искусной техникой нанесения краски, расцениваемой как первое применение техники *помо* («брызганная тушь»). Черной тушью чертилась тонкая линия, которая постепенно утолщалась, затем внезапно заканчивалась резким движением кисти, на картине при этом оставался только лишь след.

Эссе, озаглавленное «Секреты изучения живописи» («Хуа сюэ би цзюэ»), несомненно фальшивка, которую приписал мастеру один из его поклонников. На него нельзя ссылаться, чтобы объяснить живопись Ван Вэя. Но тем не менее в нем содержатся два принципа, близких Чжан Яньюаню, которые на протяжении веков вдохновляли как соперников художника, так и его критиков: «...для того чтобы создать пейзаж, нужно сначала представить его себе и лишь потом браться за кисть» и «в искусстве живописи лучшим является произведение, написанное тушью. Ведь именно ею можно лучше всего довести до совершенства характеристики природы и пополнить произведения Творца».

Таким образом, принципы монохромности, абстрактности и искусства как опоры воображения зародились именно в период правления династии Тан. Это течение в период Сун заняло преобладающее положение в китайской живописи.

Глава девятая

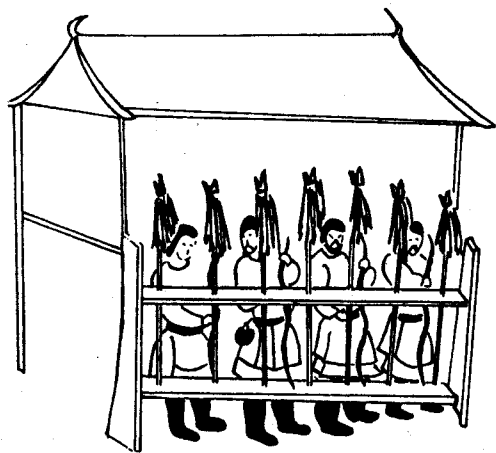
ОТ ТАН К СУН: ЗАРОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Широкое распространение влияния и необычайное культурное богатство Китая династии Тан делают еще более удивительным его необратимое обрушение после мятежа Ань Лушаня (755). Глубинные причины этого падения, помимо постоянных экономических проблем, нужно искать в важнейшем кризисе армии, а также в возобновлении варварской проблемы, одно время исчезнувшей благодаря влиянию уйгур в Центральной Азии.

Армия и варварские тиски

Военная организация государства постоянно менялась и являлась отражением той неуверенности, которая была свойственна китайскому народу, оказавшемуся перед проблемой национального объединения.

С давних пор, как минимум с периода основания единого государства, в Китае существовала настоящая национальная армия, состоявшая из подданных империи. В правление династии Тан их стали набирать в ополчение (*фубин*) на несколько дней в году. Это система исправно работала на протяжении ста лет, с 622 по 722 г. Новобранцам полагалось вступать

Гвардия

В Ли Шоу, в провинции Шэньси, в 1972—1973 гг. была обнаружена могила танского периода, сразу ставшая знаменитой благодаря качеству настенной живописи, изображавшей китайское общество: придворные дамы

и кавалеры, крестьяне, монахи и гвардейцы были нарисованы на восточной стене погребальной комнаты. Изображение датируется первой половиной VII в.

в «Шестнадцать гвардейских подразделений империи» («Шилувэй»), которые исполняли различные функции: охрана императора или наследника престола, служба в пограничном гарнизоне или в военных экспедициях, вторгавшихся на чужие территории. Хотя на бумаге все так и было, но, вероятно, на практике жителям удаленных от столицы провинций проще и полезнее было отправляться на службу в город, располагавшийся вблизи места их проживания. Они могли быть использованы либо для охраны ворот, либо направлены на более дальние посты.

Время военной службы, согласно историям династии Тан, было достаточно тяжелым, поскольку каждый человек, несущий эту повинность, должен был проводить в армии один месяц каждые семь-восемь месяцев. В реальности все было намного сложнее. Формирование и состав армии, даже сама

организация военной службы, рассматривавшейся как форма государственной повинности, которая могла повлечь за собой освобождение от других обязанностей, налогов или общественных работ, казалось, находилась в зависимости от самых противоречивых тенденций, либо подпавших под влияние варварских систем, либо полностью их отрицавших. У варваров, действительно, существовал четкий принцип разграничения между земледельцами и солдатами. Китай же этот принцип игнорировал или, если говорить более точно, не желал его признавать, так как он противоречил философии глобализма, которая, несмотря на многочисленные отклонения, делала и делает своим идеалом китайского «честного человека». Вот почему история китайской армии, в которой Робер де Ротур искусно подчеркивает темные места и противоречия, может быть, грубо говоря, сведена к противопоставлению или наложению двух восприятий понятия «воин». Это либо «призывник», либо «профессиональный солдат», простой наемник или элитный боец феодального типа.

Во время прихода к власти династии Тан отец Ли Шиминя охранял его при помощи отряда из тридцати тысяч преданных людей. Он подарил им земли к северу от столицы, и удостоил эту охрану звание «армии, на которую возложена охрана императора и которая следует за императором первой». Впоследствии сыновья наследовали своим отцам, так была сформирована «армия наследников». Столетие спустя, точно так же поступил Сюань-цзун, когда создал «армию, воюющую, как драконы, в любых условиях» из родственников тех людей, которые в 710 г. помогли ему в борьбе с императрицей Вэй, стремившейся к узурпации власти.

Однако создание этих элитных войск в принципе не исключало сохранения национальной военной службы, которая была необходимостью, ужасающей обязанностью, а отнюдь не честью. Впрочем, кодекс династии Тан подчеркивал существование дурной практики набора в армию и определял, что тяжесть службы не должна быть возложена на самых

обездоленных подданных: «Метод, которому нужно следовать, призывая людей в армию, должен быть следующим: среди людей одинакового имущественного положения следует выбирать более крепких; среди людей одинаково сильных следует выбирать тех, кто богаче. Если же люди равны по силе и богатству, нужно выбирать тех, в чьей семье больше совершенлетних. Когда людей не отбирают подобным образом, происходит несправедливость».

Подобные правила, также руководствующиеся здравым смыслом, регулировали знаменитые «военные поселения», предназначенные для охраны границ. Начиная с периода Хань им было посвящено огромное количество текстов, которые часто спорили друг с другом как в определении численности солдат, так и по вопросам той деятельности, которая от них требовалась. Несомненными, как отмечает еще кодекс династии Тан, являются следующие положения: «... в соответствии с тем, что подходит для региона, избираются сельскохозяйственные культуры для посадки» и «всегда следует учитывать силы тех людей, которые находятся в подчинении».

Те, кто служил на границах, были самыми тренированными солдатами, так как, помимо того что они постоянно подвергались опасности, исходившей от варваров, следует учитывать длину дистанции, которую необходимо было пройти, чтобы дойти до своего поста и вернуться обратно. Добавьте к этому длительность срока их службы, который составлял три года, и в итоге становится ясно, что новобранец на долгие годы отрывался от родного очага. Здоровые люди могли даже покалечить себя, лишь бы не попасть на военную службу, как в правление династии Тан, так и при династии Хань, поэтому гарнизоны, по сути, состояли из каторжников, которых заставляли либо тянуть плуг, и они становились помощниками наемников и остальных солдат, либо ухаживать за оружием. На протяжении всей истории Китая эти осужденные на ссылку люди основывали семьи. По мере того как проходило время, из семей этих пограничников создавалась своего рода воен-

ная каста со скромным положением. Так появилась первая настоящая профессиональная армия.

Нелюбовь народа к военной службе достигла такого уровня, что в 722 или 723 г. Сюань-цзун признал неэффективность воинской повинности и крестьянских ополчений. Заботясь о безопасности, он окружил себя «постоянной императорской охраной», которой в 725 г. было пожаловано изящное название «всадники с натянутыми луками» (*коци*). Первый министр Чжан Юэ, который был ее создателем, для того чтобы собрать требуемое число людей (примерно 120—130 тыс. человек), вынужден был пообещать освобождение без всяких ограничений от всех повинностей и государственную амнистию.

Подобные тенденции усиливались. Мир, который был надолго обеспечен завоеваниями Ли Шиминя, постепенно внушил китайскому народу такое ощущение безопасности, что в 737 г. император смягчил общий режим набора солдат в армию:

«Так как в империи нет причин для тревоги, необходимо даровать людям право на отдых. С этого момента гарнизоны должны быть укомплектованы солдатами и военными командирами, в зависимости от степени спокойствия в стране и стратегического значения каждого поста. Эти солдаты будут вербоваться на постоянной основе из любых людей, которые уже участвовали в военных экспедициях, а также из инородцев, проживающих в той местности. Будут братья крепкие и сообразительные люди, которые хотят быть включенными в состав армии. Солдаты, которые будут служить в пограничных частях на постоянной основе, будут получать каждый год повышение жалованья. Кроме того, им будет предоставлено привилегированное освобождение от уплаты налогов на долгий срок.

Если члены семей этих солдат хотят поехать вместе с ними, им нужно позволить поселиться в той префектуре, где [находится] армия, каждая семья должна получать там земельный участок и жилище. Люди, пользующиеся подобными

преимуществами, будут поддерживать мир и внутри и вне страны. Таким образом, в будущем в префектурах и наместничествах больше не будет необходимости в исполнении воинской повинности».

Государство освободило своих подданных от бремени военной службы и стало платить войскам. Единственной мотивацией для службы в армии стало стремление к материальным преимуществам. Критики возмущались, кричали о безнравственности подобного подхода, видели в этом бедствие, обузу, которая неправомерно отягощает ресурсы страны. Однако это стало фактом, на который уже никто не мог повлиять.

Наконец нелюбовь к военной службе усилилась до такой степени, что в 749 г. министр Ли Линьфу посчитал правильным обнародовать указ, который объявлял о ее отмене. Пограничная армия больше не представляла собой настоящую «силу устрашения»: Ань Лушань дал ей настолько низкую оценку, что предложил просто набирать в армию союзных варваров. На фоне общего отказа от военной профессии легко понять, какие надежды он возлагал на свой мятеж, а также какую панику этот мятеж породил в сердцах тех людей, которые остались верны правящей династии.

Этот суровый урок принес некоторые плоды. В 757 г. безопасность императора была усилена благодаря созданию группы «шести армий». Она состояла из войск, где служили солдаты, в 756 г. «первыми последовавшие за императором», будущим Суцзуном. В 777 г. была предпринята еще одна безуспешная попытка вернуть крестьянские ополчения, лояльность которых не вызывала бы сомнения. В то же время, с 765 по 787 г., император объединил свои северные караулы, создав из них «десять армий». Хотя они и были эффективными, но их генералы, все бывшие евнухами, порождали крупные скандалы, поскольку занимались вымогательством и грабили местных жителей. Общественное недовольство достигло такой степени, что в 770 г. император был вынужден переназначить всех генералов, заменив евнухов. Но даже если эти полководцы и

обладали нравственностью, они все равно были лично заинтересованы в успехах военных походов. В 785 г. очередной мятеж заставил императора бежать из столицы, куда он смог вернуться только в следующем, 786 г., и сразу же вернул свои личные войска под командование евнухов. Без сомнения, это говорит о его мудрости. Век спустя династия могла просуществовать только четыре года, после того как все евнухи были истреблены в 903 г. По мере того как император терял свой авторитет и поддержку провинций, наместники евнухов создавали свои личные войска, используя те или иные механизмы принуждения, а также соблазняя возможностью грабежа.

Более того, ухудшение климатических условий на протяжении IX в. усилили бедность населения, а вместе с этим и частоту крестьянских восстаний. Восстания вспыхивали, охватывая все большие части страны. Хотя император в 860 г. утопил Чжоцзян в крови, весь Восточный Китай в 874 г. объединился вокруг восстания Ван Сяньчжи, а затем вокруг его союзника Хуан Чао, который унаследовал от своего предшественника командование крестьянскими армиями (878). В 884 г. двор мог быть спасен благодаря вторжению войск объединившихся в федерацию тюрков, Шато, но беспорядки в стране только усиливались. Провинции, одна за другой, объявляли о своей независимости. Во главе одних становились князья, во главе других — императоры.

В 907 г. один из старых последователей Хуан Чао провозгласил себя императором династии Поздняя Лян. Это стало концом династии Тан и началом эпохи, которая получила название «Пять династий и Десять царств».

* * *

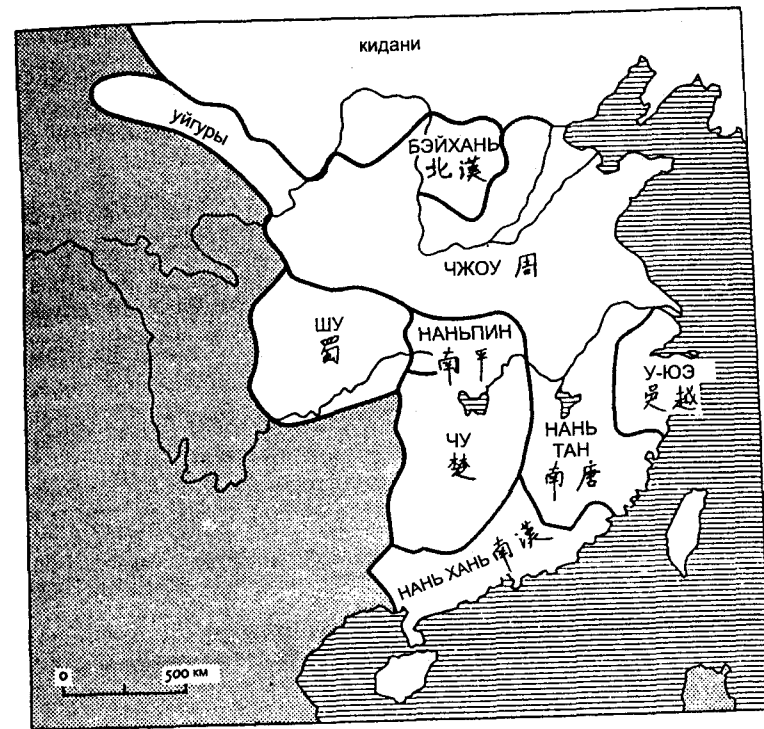
Вплоть до 960 г. Китай был расколот. Юг разделился на десять государств: в Сычуани — царство Шу (907—923), в Хунани — царство Чу (907—951) и царство Цзиннань (907—963), на побережье Чжоцзяна — царство У-Юэ (907—978),

в Фуцзяни — царство Мин (909—998), в Цзянси — царство Южная Тан (937—975), в Кантоне — царство Южная Хань (911—971). Все государства существовали очень замкнуто. Парадоксальным образом воцарился мир, как будто империя в соответствии с ритмом, освященным историей, вошла в новую фазу независимости регионов, начавшуюся с драматического финала правления Сюань-цзуна в VIII в.

Местные дворы защищали ремесленников, которые всегда стремились совершенствовать свою технику. Представители образованных слоев, безработные или находящиеся на службе, богатые или бедные, продолжали жить, пользуясь своим свободным временем для размышлений и созерцания чарующей природы. На протяжении 50 лет политических волнений технические специалисты, художники и интеллектуалы собирали и улучшали зачатки элементов, зародившихся в период Тан и получивших развитие в период Сун, которые в итоге должны были привести Китай к началу Нового времени. Именно в этот ключевой момент произошел синтез результатов тех этапов, которые прошла история Китая с самых первых лет его существования. Впрочем, возможно, именно в этот период слаборазвитая Азия больше чем когда-либо угрожала империи.

Если Южный Китай тихо следовал своим путем, то Северному Китаю, напротив, пришлось пережить очень бурный политический период. В определенный момент, когда кочевой мир стал более настойчивым в своем стремлении достичь прогресса, падение династии Тан открыло ему путь к легким победам. Так, например, тихое царство Бохай пало в 927 г. под ударами киданей, народа монгольского происхождения, осевшего в районе Жэхэ.

В Кайфэне сменяли друг друга недолговечные династии: Поздняя Лян (907—923), Поздняя Тан (923—936), Поздняя Цин (936—946). Последняя династия не пользовалась поддержкой населения и реализовала злополучную идею пригласить на помощь сильных соседей, киданей, которые в итоге на закон-

Раздробленное государство X в.:
Китай к 955 г.

ных основаниях обосновались в регионе Яньчжоу (современный Пекин). Кидани, в свою очередь, тут же провозгласили создание независимой династии Ляо (947) и сделали Яньчжоу своей южной столицей (нань цзин). Они заняли этот регион на 124 года.

Их название — кидани, или китаи, если следовать традиции китайской или арабо-персидской транскрипции, — так быстро стало обозначать Северный Китай, что использовалось еще в эпоху Марко Поло. Он привез его на Запад, где смешались сразу несколько названий: Катай — для Северного Китая, Манджи, то есть страна монголов, — для Южного Китая.

Иногда использовали названия, данные Птолемеем (90—168), — Серика и страна Сина. Когда в конце XVI в. европейские миссионеры открыли единую империю Мин, им понадобилось несколько десятилетий, чтобы окончательно увериться в том, что речь всегда шла об одной и той же стране.

Хозяева Северного Китая, кидани, сразу же отказались от родовой организации и разделили территорию по округам на китайский манер. Центральная администрация была разделена на два департамента: один управлял землями, доставшимися монгольским, тюркским или тунгусским пастухам, который предназначался для внедрения механизмов, предназначенных для оседлого образа жизни, а второму подчинялись китайские территории. В конце концов местные власти, окруженные китайскими советниками, скопировали свою организацию у более цивилизованных побежденных. Поэтому в государстве киданей мы можем встретить дворы, министров, цензоров и департамент историографии, подобный тому, что существовал в правление династии Тан. В целом система оставалась слабо централизованной, она предоставляла очень большую свободу действий киданьским властям на севере государства, а также крупным китайским земельным собственникам южной части страны. По сути, государство киданей сохранило старую систему раздела территории: одна часть — пастухам, а другая — земледельцам.

Особо в истории династии Ляо следует выделить некоторые взаимные заимствования, которые были свойственны китайцам и варварам. Кочевники открыли для себя технику земледелия, пользу усовершенствования текстиля и использования монеты. Китайцы, со своей стороны, научились воевать «как кочевники».

Раскопки, предпринятые в Маньчжурии японским ученым Тории Рюдзо во время Второй мировой войны, дают интереснейшие свидетельства о развитии варваров киданей. Кидани переняли китайский обычай хоронить мертвых в величественных могилах на столбах и опорах. Эти подземные

жилища не повторяли структуру дома, а, скорее, напоминали палатку. Более того, они были резными, на них были высечены сюжеты, одновременно подражающие китайским приемам и воспроизводившие вышивку и обивку, которые украшали и утепляли юрты богатых кочевников. Восхищенные цивилизацией Тан, кидани покровительствовали нескольким древним искусствам: ваянию, которое восходило к истокам Юньгана и Северной Ци (VI в.), а также работе с керамикой, в которой в правление династии Тан развивался прием использования «трех цветов».

Жизнь интеллектуальной и творческой элиты в правление династии Ляо никогда не достигала больших высот. В отличие от остальной части страны, здесь усилилась опасная тенденция передачи государственных должностей по наследству, которая в период Тан была неявной. Она повлекла за собой зарождение молодой варварской аристократии. Кидани никогда не понимали смысл, систему функционирования и пользу сдачи экзаменов. В итоге в их правление этот механизм стал бесполезным. Единственный осязаемый результат этого союза китайцев и варваров был в создании киданьской письменности на основе китайских и уйгурских знаков. Отныне кидани обладали независимым средством управления государствам и самостоятельно вошли в историю.

Под их управлением жизнь в империи продолжалась, была сохранена ее основа, ведь практически ни одна сфера не подверглась обновлению.

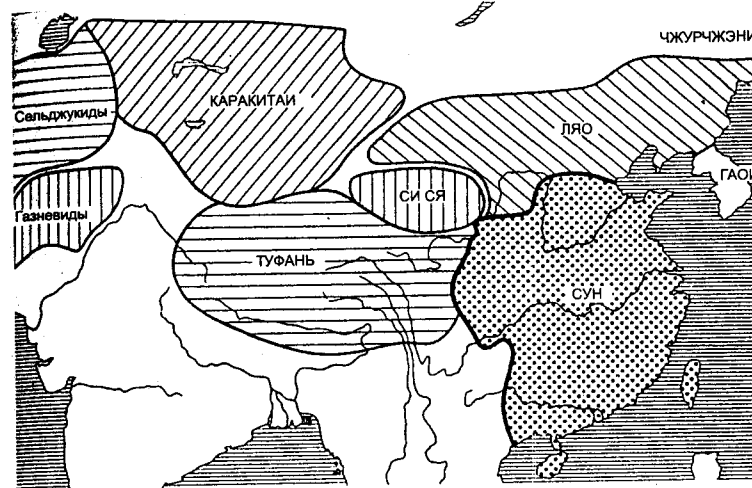
В долине Желтой реки слабые династии, Поздняя Хань (947—950) и Поздняя Чжоу (951—960), попытались возвести на престол в Кайфэне правителей тюркского происхождения, которые, впрочем, исчезли через несколько лет. В 960 г. китайский генерал Чжао Куанинь (927—976) узурпировал трон Чжоу, доставшийся ребенку. Он основал династию Сун. К моменту

своей смерти в 976 г. Чжао Куаниню удалось объединить всю империю, кроме территорий, находившихся под контролем Ляо, а также царств У-Юэ и Северная Хань, завоеванных в 978—979 гг. его братом и наследником, известным под посмертным именем Тайцзун (976—997).

Однако положение молодой объединенной империи казалось непрочным и, вне всякого сомнения, никогда давление варваров не было таким сильным.

На севере — царство Ляо, на западе — тибетцы и киргизы, все они были тяжелым бременем для империи, которое угрожало полной изоляцией от остальной Азии. У китайских властей оставалась только одна надежда — сохранить свое влияние на новое государство, появившееся в регионе центрального Ордоса. Речь идет о тангутах. В 884 г. они получили законный статус, когда один из императоров династии Тан даровал их вождю титул князя. Так появилось государство Западная Ся («Си Ся»). Чжао Куанинь подтвердил его статус, рассчитывая заключить с тангутами союз против киданей. Тем не менее идеи по отвоеванию северной части страны были химерой, и правительство династии Сун, не имевшее военного авторитета, осталось один на один со своими непостоянными западными соседями, которые были готовы в любой момент разорвать свою зависимость от Китая.

В 982 г. борьба за престол в Западной Ся побудила одного из претендентов позвать на помощь императора династии Сун. Правительство сразу же отправило экспедиционные корпуса в основные города этого государства. Но тангуты восприняли это как захват Китаем их собственных территорий и, оставив свои межплеменные распри, объединились против имперского врага. Этот конфликт, начавшийся в 982 г., выродился в войну за независимость и после длинного ряда затиший и военных действий закончился только в 1004 г., а если верить официальной точке зрения, то в 1006 г. Китаю пришлось согласиться на мирный договор, так как он был блокирован с севера царством Ляо, а с запада — тибетцами. В этой ситуа-

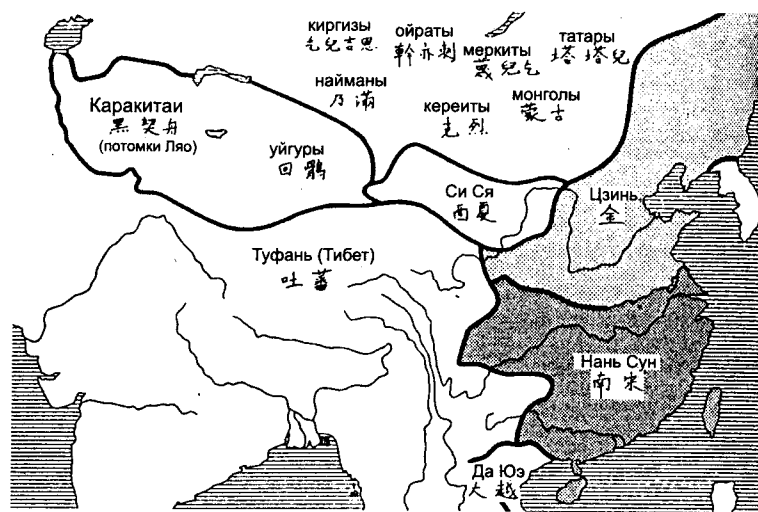

Северная Сун

ции им был совершенно необходим союз с тангутами, которые были для них единственной возможностью поддерживать связь с Западом и Средней Азией. Сделав вид, что положение правителя тангутов ниже, чем положение императора, китайцы даровали ему титул «князя — усмирителя Запада» (*си пин ван*) и вознаградили его как чиновника. Так ценою золота было куплено спокойствие на границах государства Сун. Кроме того, на время им удалось сохранить условный характер государства Си Ся, официально подчиненного их власти: политическая греза, без которой, впрочем, престиж императорской власти был бы в глазах тангутов и киданей утерян навсегда. Однако это теоретическое господство было слишком притворным и его существование было совсем недолгим.

В 1038 г. создание тангутами «империи», которая получила название Великая Ся (Да Ся), нанесло тяжелейший удар китайской дипломатии. Война возобновилась в 1040 г. Войска тангутов опасно приблизились к долине Вэй, при этом возникла угроза создания союза киданей и тангутов. Эту опасность

Цивилизация
классического Китая

Южная Сун (середина XII в.)

китайцы смогли преодолеть только за счет увеличения ежегодных платежей монетой и шелком, которые они обычно отправляли в царство Ляо в обмен на мир. Битвы и переговоры о перемирии завершились к 1044 г. Воюющие стороны официально признали победу китайцев, которые в обмен на это были обязаны выплатить своему соседу непомерно большие деньги. Им приходилось платить и Ляо и тангутам значительные суммы, которые наносили тяжелый урон бюджету государства Сун. За эту богатую поддержку правитель тангутов согласился отказаться от своего императорского титула. Тем не менее это не означало полного подчинения. С 1070 по 1072 г., с 1081 по 1086 г., с 1096 по 1099 г. с 1102 по 1107 г. и с 1114 по 1119 г. под предлогом территориальных споров китайцы и тангуты проводили изнуряющие, кровавые, опустошительные и ничего не решающие войны, главной задачей которых было сохранение авторитета воюющих сторон. Когда перемирие положило конец этим столкновениям, было уже поздно. Меньше чем через десять лет другие варвары, чжурчжэни, захватили

Глава девятая
От Тан к Сун: зарождение современного Китая

и царство Ляо, и северную часть империи Сун (1126). Время искусных дипломатических рассуждений прошло.

Несмотря на взятие Кайфэна и пленение императора Хуэйцзуна (1101—1125), императорский род сумел объединить под своей властью Ханчжоу, к югу от Янцзыцзян. Так появилась династия Южная Сун (1127—1279). Богатые китайцы с севера, спасавшиеся от варварского вторжения, не переставали переселяться на юг. Это стало началом долгого периода изгнания, со всеми его бедами и трудностями. Снова, как и в период Северных и Южных династий (V—VI вв.), скорбь и злоба оживили многочисленные споры, в которых столкнулись милитаристы и пацифисты, сторонники отвоевания утерянных территорий и поборники отделения. Генерал Юэ Фэй (1103—1141), герой национального сопротивления, кричал о своем отчаянии. Последующие поколения сделали его символом, пламенем китайского патриотизма, хоть и небесспорным, но непобедимым:

Под шлемом мои волосы становятся дыбом,
когда, опираясь на стойку перил, [я слышу],
как перестают стучать капли дождя.
Подняв глаза к небу, я отчаянно и долго кричу.
Мое сердце переполнено яростью.

Мне тридцать лет,
но вся моя слава и мои достоинства не более чем пыль.
Очень далеко от меня родная земля,
она исчезла, как луна, скрытая тучей.
И мы исчезнем!

Нужно ли ждать, когда мои волосы побелеют?
О, напрасная боль!
Пока бесчестье года Цзинкан¹ не будет смыто,

1 Год Цзинкан — 1126 год, в этом году пришедшие с севера войска чжурчженей разрушили город Кайфэн, столицу Северной Сун; спустя некоторое время во время сильного половодья город поглотили воды Хуанхэ.

что сможет утолить мою ненависть?
Я должен вести бесчисленные колесницы по проходу Хэлань.

Я испытываю безудержное желание насытиться плотью
сюнну
И, смеясь, утолить жажду кровью варваров.
Пусть все начнется сначала,
чтобы мы отвоевали наши реки и горы
и принесли наши присяги на верность перед Воротами Неба.

Юэ Фэй был оклеветан перед императором и принесен в жертву политике отказа от реванша и установления покоя министра (с 1140 г.) Цинь Гуя. Генерал погиб, он был убит в тюрьме, когда казнили его сына, обвиненного в заговоре против государства. Вместе с ним умерла и китайская армия, и все надежды на реванш.

Был убит не просто человек, был убит сам дух реванша. Даже китайские историки, по своей природе мало склонные к симпатиям в пользу воинственных людей, подчеркивали значение выбора, который одержал тогда верх: между своими соотечественниками-воинами и варварами гражданское население Китая всегда делало выбор в пользу первых как наименьшего зла. Возможно, это шло на пользу, поскольку китайская земля в конечном счете спасла самую яркую драгоценность империи, хранителем которой был Юэ.

Очень разветвленная в южных землях гидрографическая сеть превратилась в ловушку для кавалерии чжурчжэней и смогла удержать варварскую династию далеко на севере. В итоге чжурчжэни решились на основание собственной династии и под именем Цзинь («золотая») стали править на севере, заняв, как и их предшественники Ляо, территории Янь-цизна, современного Пекина.

Для китайцев это был период разочарования, которое, возможно, приходится матерью мудрости. Все подходы к решению проблемы варваров, которые были предприняты

в Китае начиная с правления династии Хань: политика брачных союзов, политика войн, политика даров, — не были эффективными. Все они оказались обманчивыми и разорительными. Китай не мог претендовать на господство над Азией, которая была развита и вооружена им самим. Последним, что оставалось делать империи, было предпринятое с большой осторожностью отступление, для того чтобы позволить расцвести первым плодам новой эпохи, ведь этого мог добиться только Китай.

Китаю удалось этого достичь благодаря эффективности государственных учреждений и динамизму своей экономики. Между династиями Северная и Южная Сун не было долгого разрыва, однако произошло определенное изменение оттенков и обогащение чувствительности.

Новая система управления

На обломках администрации эпохи Тан Чжао Куанинь (960—976), основатель династии Сун, создал новый механизм управления, который император намного крепче держал в своих руках. В долгосрочной перспективе это привело к отказу от древней аграрной и бюрократической системы, которая предоставляла регионам широкую автономию, несмотря на все утверждения правительства. Новая система в высшей степени благоприятствовала централизованному режиму. Ее обслуживали люди, отлитые в жестких формах политического мышления, усвоение которого гарантировала система экзаменов, так как без этого условия невозможно было достижение положительного результата.

Сразу же после получения «Мандата Неба» Чжао Куанинь проявил мудрость, полную неблагодарности, порвав с теми, кто помог ему достичь власти: он назначил своих верных генералов на второстепенные посты, а после их кончины сразу же

назначал на их должности гражданских чиновников. В столице рядом с ним всегда находились лучшие армейские подразделения, которые напрямую подчинялись правительству. Таким образом, он помешал перевооружению и новым бунтам в провинциях.

Для того чтобы обсуждать дела империи, он окружил себя особым советом. В нем состояло от пяти до девяти человек (*цзайши*), и эта группа дальновидных людей никогда не обладала слишком большой властью и сохраняла неопределенный статус. Правители не советовались с ними постоянно, а как минимум с начала XI в. часто общались с компетентными чиновниками военной или финансовой сферы напрямую, не прибегая к помощи комитета мудрецов.

Само правительство было разделено на несколько простых частей: секретариат-канцелярия (*чжуншунь мэнся*), неофициальный совет или департамент военных дел (*шумиюань*) и комиссия по финансам (*саньсы*). Последнее из этих учреждений играло очень важную роль; в отличие от танского правительства династия Сун всегда сохраняла прямой контроль за системой налогообложения, которая состояла из трех элементов: монополия на соль и железо, поземельный налог и налог на капитал.

Саньсы, государственный орган, созданный в эпоху, близкую периоду Пяти Династий, чтобы вернуть государству то, что было захвачено военными правительствами, состоял из трех канцелярий. Канцелярия «соли и железа» (*яньтесы*); в общем, была интендантством. Она управляла рудниками, монополиями на чай и железо, заведовала сборами с товаров и заботилась о содержании в порядке ирригационных систем. Вторая канцелярия (*дучжисы*) ведала расходами на войска и чиновников, транспортом, внешней торговлей и кормом для животных — очень важной проблемой для Китая. Наконец, канцелярия ценза (*хубусы*) управляла введением и сбором косвенных налогов, монополией на алкоголь и промышленностью.

Среди многочисленных отделов и подразделений, которые существовали в саньсы, самыми активными были отделение интендантства и водных путей (*чжоуань*), а также отделение строительства и ремонта (*сюэзаоань*). Доказательством этого служит то, что позднее именно из них выделились различные органы комиссии финансов: директорат водных путей, директорат интендантства и директорат строительства. Налог, как и в правление династии Тан, требовал использования расписок и ведения официальных списков, что защищало государство и частных лиц от незаконных поборов и подделок. К сожалению, на практике этот принцип действовал далеко не всегда.

Чжао Куанинь и его наследники наконец поняли, что ни один режим не может обеспечить империи хорошее управление, пока не позаботится прежде всего о качествах тех людей, в чьи обязанности оно входит.

Именно с целью оздоровить администрацию правители династии Сун постарались исследовать и проконтролировать процесс набора кадров аппарата власти, ведь в последние десятилетия периода Тан и в эпоху Пяти Династий произошла явная деградация сословия чиновников. Кажется, что правители периода Сун не столько следуют в этом вопросе какой-то стержневой идее, сколько проявляют добрую волю, что означало в данный момент принятие решений в соответствии со здравым смыслом.

С первых лет правления династии император, обеспокоенный чрезмерной властью, связанной с назначениями на должность, которую присвоили себе местные чиновники, передал это право исключительно правительству Кайфэна даже в тех случаях, когда территории можно было легко контролировать из столицы. Получение чиновником должности строго стало зависеть от результатов экзаменов, которые делились на несколько уровней в соответствии с многочисленными постами государственной службы. Счастливые победители трудных экзаменов, получившие степень (*цзиньши*), повышали свой

социальный статус и получали возможность успешной политической карьеры. Это было тем более бесспорно, поскольку, вынося решения, экзаменаторы оказывали большее, чем раньше, внимание качеству и оригинальности рассуждений экзаменуемого. Быстрое продвижение по службе этих блестящих подданных императора привело их на самые высшие должности государственного аппарата, которые фактически были зарезервированы для них. В этой ситуации звание «просвещенного мужа» было достоинством, редкой честью, к которому люди стремились постоянно. Некоторые получали степень, не достигнув еще и двадцати лет, другие — уже перевалив через шестидесятилетний возраст. В последние годы правления династии Сун средний возраст успешно сдавшего экзамены человека составлял тридцать шесть лет.

Строгая борьба с мошенничеством касалась даже того чиновника, который отвечал за правильное проведение испытаний. Начиная с 1007 г. принцип анонимности кандидатов, принятый на короткое время в период Тан, был введен для столичных экзаменов. Позднее, в 1033 г., он был распространен и на экзамены в префектурах. Существовал, однако, слой старых интеллектуалов, некоторое время они выступали против этого новшества: так реформатор Фань Чжунянь (990—1053) подчеркивал невозможность оценки качеств кандидата без изучения самого человека и его имени. Тем не менее закон об анонимности вступил в силу.

Чтобы экзаменатор не мог узнать автора экзаменационной работы по почерку, был издан указ о проверке копий, переписанных специальным писцом с оригинальных работ. Каждое сочинение передавалось на проверку двум экзаменаторам, которые выставляли оценки, запечатывая их в специальный конверт. Затем все эти материалы передавались третьему проверяющему, который играл роль арбитра, сопоставлявшего суждения о работе и в случае необходимости возвращавшего обратно работы для их исправления или дополнительной проверки.

С 1065 г., а особенно с 1067 г., каждые три года менялось место проведения экзамена. Была создана периодичность, которая просуществовала вплоть до введения в XX в. республиканского строя.

Тем не менее нельзя сказать, что принятые меры избавили проведение экзаменов от затруднений. Историк и государственный чиновник Сыма Гуан (1019—1086) обнаружил, что большое число получавших степень происходило из юго-восточных провинций Китая, тогда как представители западных, южных и северных территорий показывали намного худшие результаты. Он выступил против пристрастной проверки работ экзаменаторами, которые сами происходили с богатых равнин Янцзыцзян, против поверхностного блеска работ, написанных людьми «проворного пера», презирающих классические тексты. Оян Сю (1007—1072), происходивший из Цзянсу, глава комиссии по экзаменам, быстро дал отпор этим нападкам, которые затрагивали его лично, обвинив в слишком жестоком отборе остальные области. Он отметил, что западные, южные и северные территории хвастаются тем, что посылают в столицу только интеллектуалов самого высокого уровня. В то же время Оян Сю отметил интенсивность интеллектуальной жизни юго-восточных регионов страны.

Таким образом, еще раз стало понятным, что использование экзаменов не могло решить всех проблем. Вот почему, хотя правители старались минимизировать степень влияния личного или политического покровительства, противостоявшего идеалам конфуцианства, сохранялась практика набора чиновников по рекомендации, особенно когда речь шла о самых высоких должностях. Но с 1009 г. кандидаты, выбранные по рекомендации, должны были официально подчиниться требованию пройти двухлетнее обучение и сдать особый экзамен. Фань Чжунянь и Сыма Гуан, каждый в свое время, стремились таким способом ограничить количество людей, принятых на службу.

Это недоверие по отношению к рекомендациям и создаваемым ими политическим клиентам тем не менее совсем

не исключало их сохранения. Ведь принцип принятия индивидуального решения оказывался очень важным в той сфере, на которую система экзаменов уже не имела никакого влияния. Речь шла о распределении счастливых кандидатов на различные должности примерно равного уровня или о назначении на требуемый пост человека, который лучше приспособлен к какой-то щекотливой ситуации. Именно поэтому с 1010 г., т. е. через год после того как были введены ограничения на практику рекомендаций, был издан императорский указ, который признавал ее необходимость и определял ее формы:

«Принимая во внимание географическую протяженность и сложность управления [империей], а также подчитывая, как лучше поддержать таланты, способные принести благо государству, мы выражаем желание сотрудничать со всеми чиновниками в деле тщательного определения правильной модели действий. Законные меры еще не полностью вступили в силу. Если мы расширим систему рекомендаций, споры [стремящихся к покровительству] станут еще многочисленнее. Но если мы упраздним систему покровительства, мы потеряем очень талантливых людей. Таким образом, нам нужно определить линию поведения, которая учитывала бы оба этих элемента для того, чтобы выработать надлежащую систему...

Вот почему в конце каждого года чиновники двора, члены академии Ханьлинь <...> рекомендуют каждый по одному человеку из числа чиновников двора и столицы, представителей любого из трех эшелонов военного ведомства, гражданских помощников и даже из чиновников префектур и округов. Поручитель должен полностью изложить образ действий кандидата на посту, которому соответствуют его дарования, известен ли он поручителю лично или тот рекомендует его по высоким оценкам других людей.

В нужный момент канцелярия дворца и цензорат берут его на заметку и просят [опоздавших поручителей дать свои рекомендации]. Если к концу года найдутся такие люди, кто

не предоставил свои рекомендательные письма, сведения об этом заносятся в памятную записку. Затем на него накладывается штраф».

Официальная бдительность при выборе рекомендаций, качество интеллектуальных испытаний в соединении с запретами, которые не позволяли, например, родственникам императрицы занимать любые значительные должности, а чиновникам быть в родстве с крупными торговцами, привели к тому, что династия Сун отличалась блестящим качеством административных кадров.

Система, созданная Чжао Куанинем, была настолько прочной, что никогда после падения династии Сун трон не был узурпирован генералом или близким родственником правителей предыдущего режима. С X по XX вв. только иностранные завоевания или народные революции огромного масштаба, которые, как и в современном мире, поддерживали различные идеологи и иностранная помощь, могли положить конец династии.

Положение императора с конца X в. также серьезно изменилось. Хотя основатель династии развивал государство твердой рукой героя-строителя, он проявил себя как искренний конфуцианец и всегда стремился хорошо относиться к советам и критике. Без сомнения, в общем, он был порядочным человеком, однако использовал и искусные политические манипуляции, так как получил расположение просвещенных сословий. Ведь представители этих слоев писали историю и определяли в долгосрочной перспективе судьбу всех революций, именно они объявляли в случае катастрофы о злодеяниях восставших крестьян или, напротив, о нерадении правительства, которое потеряло «Мандат Неба».

Чжао Куанинь прекрасно понимал, что его политика, удовлетворявшая просвещенные слои, давала прекрасные результаты, позволяя сохранить одновременно и интеллигенцию, и административные кадры, которые и обеспечивали долгий

срок существования династии. Официально критика была свободной как никогда раньше: любой подданный мог обратиться к императору с информационным посланием, ходатайством или жалобой. На практике чаще всего императору передавали прошение только члены правительства, тогда как официальный орган, называвшийся цензорат, сохранял свою традиционную роль знатока и критика решений и правителя государства, и его министров.

Наследники Чжао Куаняня, окруженные более способными личностями, чем основатель династии, настолько легко приспособились к этому постоянному контролю, что реальная власть постепенно перешла к членам совета. Нужно подчеркнуть то, что подобное развитие было неизбежным: раздавленные тяжестью ритуальных и административных обязанностей, все правители, в отличие от революционного основателя новой династии, не имели особого выбора. Они должны были либо начинать новую серию глобальных реформ, целью которых было бы избавление от влияния громоздкого административного аппарата, либо сохранить работу государственных механизмов, которым они были подчинены. По крайней мере, ни один китайский император, кроме героя-основателя династии, не имел достаточно времени, чтобы действительно управлять государством. Таким образом, положение императора постепенно стало более или менее сходным с положением «императора-символа» Японии.

Более того, когда могущественные группы — знатные семьи или евнухи — ввели в совет и имперский цензорат огромное число преданных им людей, император оказался полностью парализован, принимая решения, основанные на ложной информации. Этот важный подводный камень, общий для всех правительств, был особо заметен в Китае, где ни одна опасная для императора, но уравновешивающая его сила — церковь или феодалитет, — которая бы действовала по своим законам и кодексу чести, не противостояла ему, верховному жрецу, который теоретически не мог ошибаться.

Экономическая жизнь

На протяжении более ста лет правительство Сун сохраняло свою способность к завоеваниям. Восстановление единства, несмотря на многочисленные внешние угрозы, порождало большие надежды. Но по мере того как серебро становилось все большей редкостью, а оно было необходимо, чтобы сдерживать варваров или биться с ними, китайское общество осознавало шаткость своих позиций именно в том, что огромные богатства страны использовались плохо, так как генералы и дипломаты сделали их гарантиями мира и непрочного авторитета.

Реформы Ван Аньши

Вскоре лучшие умы государства снова стали отмечать, что система управления государством должна быть пересмотрена, что необходимо восстановить существовавшее равновесие. Быстрое истощение финансов объяснялось не столько нежелательными последствиями проводимой политики, сколько захватом государственного имущества частными собственниками и несправедливым разделением общественных обязанностей. Общее стремление к значительности и возврат к классическим текстам, особенно посвященным воспоминаниям о последнем периоде правления династии Тан, когда был изгнан буддизм, — все это вынуждало пересмотреть, используя мудрость древних, механизмы государственного управления, созданные несколько поспешно основателем династии: первые пятьдесят лет после основания династии Сун главным вопросом оставались реформы.

Начало новаторского движения связывают с Фань Чжунянем, которому позднее была приписана заслуга заключения в 1044 г. мира с государством Ся. Он снискал себе имя в истории идей, возродив почтение к изучению классических текстов.

Возвышенный до ранга первого министра в правление императора Жэнь-цзуна (1022—1063), он определил своей целью реализацию программы из десяти пунктов. Они включали в себя отстранение от власти недалновидных бюрократов; упразднение фаворитизма и nepотизма; реформу системы экзаменов; улучшение управления государственными землями, что позволило бы больше платить чиновникам и этим уменьшить коррупцию; возобновление общественно полезных работ, чтобы усовершенствовать производство и транспортировку зерна; создание местных ополчений (речь идет о воссоздании системы, упраздненной в эпоху Тан), для того чтобы обеспечить более дешевый способ защиты государства; сокращение объема общественных работ, так как их тяжесть всегда ложилась на плечи самых нищих слоев населения; создание «областей справедливости» (*и-чжуан*) — неотчуждаемых земель, а значит, постоянного источника доходов для благотворительных учреждений, которые должны были заместить буддийские монастыри, выполнявшие эти функции до 845 г.

В этом не было ничего нового по сравнению с тем, что критики предлагали уже на протяжении нескольких веков, однако программа Фань Чжуняня хорошо вписывалась в общее развитие философской мысли. Несмотря на то что сам новатор попал в опалу и был отстранен от власти из-за безжалостных политических расчетов, реформы не были остановлены. Их продолжил непреклонный Ван Аньши, которому они принесли славу. Ему удалось подняться над бурями.

Амбиции Ван Аньши (1021—1086), поэта, философа и политика, были совсем другого масштаба, чем у Фань Чжуняня. Если он принимал суровые правила чести, которые традиция весьма расплывчато приписывала древним, то восстановление золотого века становилось для него не далеким идеалом, а руководством к действию. Ван Аньши пренебрегал теми древними обычаями, которые, как он считал, со временем выродились, и ратовал за оригинальную чистоту, которую, по его мнению, не чтит ни один великий герой прошлого. В первый раз

он был принят императором Шэнь-цзуном в 1068 г. На вопрос императора о Ли Шимине Ван Аньши, используя пример, который был известен уже больше четырех веков, оригинально ответил, что ни один из исторических героев не достоин, чтобы ему уделяли внимание.

Правитель, без сомнения, был очарован пылкой личностью этого защитника государства, который, ничего не боясь, нападал на установившиеся понятия и привычки: «Не нужно бояться естественных катастроф. Не стоит утруждать себя примером предков, как образца, и еще меньше стоит принимать во внимание то, что говорят люди».

Шэнь-цзун доверил ему одну из самых трудных задач — реформу и оздоровление финансовой системы государства. С этой целью Ван Аньши задумал полное переустройство государственной системы и реорганизовал ее в соответствии с некоторыми принципами. Если рассмотреть эти принципы по отдельности, то они не представляли собой ничего нового, но благодаря сведению их воедино и строгости претворения в жизнь, они привели к самому радикальному политическому перевороту, который когда-либо знал Китай от правления Цинь Шихуанди до зарождения коммунизма.

Главной проблемой существующей системы сбора налогов была ее чрезмерная сложность. Несмотря на официальные распоряжения о «двойном сборе», изданные в эпоху Тан, были широко распространены натуральные сборы, когда изымался рис высшего качества. Двадцать из каждых ста собранных зерен сыпали в амбары провинций или округов, чтобы затем использовать их в качестве жалованья и питания местной администрации. Оставшиеся восемьдесят из каждых ста отправляли в столицу и важнейшие военные гарнизоны: этот налог получил изящное название «подношения».

Ван Аньши изменил само основание этого несправедливого налога. Вместо него он постарался восстановить более справедливый, благодаря использованию таблицы расчетов, «налог на квадратные поля» (*фан-тянь-цзюнь-шуй-фа*). Эта

система заключалась в разделении всей пахотной территории империи на квадратные поля по тысяче му, которые делились на пять категорий в зависимости от плодородия земли. Вопреки жалобам налогоплательщиков, эта реформа была не новой системой налогообложения, которая бы заменяла или дополняла «двойной налог», а лишь новой, более справедливой, чем раньше, системой расчета платежей государству. Она автоматически распространялась на недавно распаханную землю. Процесс освоения новых земель был особенно характерен для начала XII в. в северной части нижнего течения Хуанхэ, в регионе, где бурный демографический рост последовал сразу же после прекращения голода и войн. Между тем нельзя сказать, что землевладельцы были совсем неправы, когда протестовали против жадности государства и его несправедливостей. Сборщики налогов старались добавить в эту же систему и уже обрабатываемые земли, не учитывая при этом ни давно определенные категории этих участков, ни их реальную доходность. Более того, как и раньше, существовали многочисленные фальсификации в списках. Их было так много, что вся тяжесть налогового бремени снова была возложена на самые бедные хозяйства, тогда как недооценка участков и противозаконное освобождение от налогов защищали богачей от всех затруднений.

Чтобы облегчить жизнь народа развитием торговли и стабилизацией цен, Ван Аньши восстановил систему, созданную еще императором У из династии Хань, которая заключалась в закупке государством продуктов какого-то региона с целью дальнейшей перепродажи: прибыль, которая в нормальных условиях должна была обогатить торговцев, пополняла губернаторскую казну. Для мелких землевладельцев им были созданы государственные ссуды как семенами, так и деньгами, причем проценты, которые платил ссудополучатель, были очень низкими, всего 20 % от суммы. Помогая самым бедным земледельцам, он освободил их от захвата земель могущественными семьями и лишил местных ростовщиков их дохо-

дов, которые на этот раз наполнили сундуки государства. Важным и оригинальным фактом было то, что Ван Аньши предоставил подобные льготы и мелкому производству, способствуя этим ремесленному расцвету эпохи Сун.

Что же касается общественных повинностей, которые богачи не хотели исполнять, то реформатор позволил заменить их налоговыми выплатами, извлекая подобным окольным путем деньги из социального слоя, который и так использовал различные привилегии, чтобы освободиться от государственных работ. Кроме того, он восстановил работы по обустройству ирригационной системы, которые традиционно оставались основанием для общественной повинности и первостепенным условием улучшения сельскохозяйственного производства.

Наконец, с тем же энтузиазмом он приступил к важнейшим вопросам комплектования армии и проведения экзаменов. Чтобы избежать огромных расходов, которых требовало содержание профессиональной армии, он восстановил старую систему рекрутского набора, которая была полностью возложена на плечи налогоплательщиков. По вооружению она напоминает европейское Средневековье, когда одного всадника снаряжала группа свободных людей. Кроме того, Ван Аньши вновь создал систему, которая самопроизвольно развивалась в конце X в., когда шла борьба с разбойниками, — это ополчения крестьян-лучников. Главы семей, объединенные по десять, должны были набрать, одеть и вооружить некоторое количество солдат. В теории это не должно было вызывать никаких трудностей, однако на практике стоимость армии становилась причиной многочисленных народных восстаний.

Реформа кавалерии, которая была так важна для борьбы с кочевниками, пошла сразу несколькими путями. Ван Аньши за счет государства купил лошадей, которых он передал «на пансион» крестьянским семьям Северного Китая. Один человек из каждой семьи во время войны должен был присоединиться вместе со своим верховым животным к императорской

кавалерии. Таким образом, была предпринята еще одна попытка создать своего рода военную касту. Ведь только она могла внимательно и компетентно ухаживать за животными и освободить хотя бы частично крестьян Великой Китайской равнины от военной службы, которая на протяжении веков вызывала у них ужас.

Образование, каким оно стало после периода Тан, тоже вызывало критику со стороны Ван Аньши. Ему казалось, что литературным испытаниям придается слишком большое значение, причем происходит это за счет практических и административных знаний, которыми, по мнению реформатора, должен был обладать каждый чиновник. Он увеличил число государственных школ, чтобы одолеть гегемонию частных академий (*шюань*), которые, по его мнению, больше интересовались культурой, чем величием государства, что очень напоминает воззрения легистов.

Его деятельность во всех областях жизни общества позволила увидеть в нем нового Ван Мана, тем более что оба они ссылались на «Ритуалы Чжоу» («Чжоу-ли»). Однако все ученые люди настаивали, что этот текст был не чем иным, как относительно недавней подделкой, неспособной вдохновить политическую мысль, подобно древним наставлениям мудрецов. Под общий крик негодования видные люди того времени выступили против Ван Аньши.

Блестящий поэт Су Дунпо (1036—1101) в своем трактате не согласился с самой сутью доктрины Ван Аньши. Он закончил свою обвинительную речь многозначительным пассажем об истории идей, который нам, очень внимательно относящимся к влиянию экономики на развитие общества, кажется несколько утрированным:

«Сохранение или гибель государства зависит от того, насколько глубоко или поверхностны ее добродетели, а не от того, сильно оно или слабо. Продолжительность срока правления династии зависит от прочности или хрупкости ее общественных обычаев, а не от ее богатства или бедности. Если доброде-

тели морали действительно глубоко пронизывают государства, а общественные обычаи прочны, то даже если страна бедна и слаба, бедность и слабость не влияют на продолжительность ее существования. Если добродетель поверхностна, а обычаи все время нарушаются, то даже богатое и сильное государство не спасется от скорой гибели. Когда правительство знает это, оно может отличить то, что важно, от того, что неважно. Мудрые правители древних времен не отказывались от добродетелей, потому что страна была слабой, и не позволяли нарушать общественные обычаи, потому что страна была бедной».

Великий историк и интеллектуал Сыма Гуан (1019—1086), в свою очередь, тоже протестовал против проводимых реформ. В 1070 г. он покинул правительство, чтобы обозначить свою оппозиционность Ван Аньши. Во время долгих часов вынужденного досуга, занятых составлением «Истории Китая», он обдумывал свое «революционное» произведение и те различные импликации, которые он включал в свой текст. В своем произведении он показал безрассудную гордость реформатора, который не сумел предвидеть того, что его новшества, вводимые во имя мудрости и социальной справедливости, приведут только к нищете и к еще более жестокой эксплуатации народа. Впрочем, являясь адвокатом общества богачей, Сыма Гуан приводил весьма серьезные аргументы. Он прекрасно понимал, что трансформация громоздкого китайского механизма управления во все времена была очень тонкой задачей. Ван Аньши сам разделял этот скептицизм, когда, как Чжао Куанинь, подчеркивал, что в конечном счете все решают только людские добродетели, какими бы ни были государственные учреждения:

«Самой насущной необходимостью настоящего времени является поиск способных людей. Только когда мы сможем создать в нашем государстве множество достойных людей, из них будет возможным выбрать достаточное число тех, кто способен служить в правительстве. И только когда у нас

в правительстве будут достойные люди, исчезнут трудности с определением того, что необходимо сделать. При этом мы должны обязательно учитывать время, обстоятельства, те людские невзгоды, которые могут последовать за нашими реформами, чтобы поменять негодные государственные законы и приблизиться к воплощению идей древних правителей».

В 1076 г., после смерти императора Шэнь-цзуна, который оказывал ему свое покровительство, Ван Аньши вынужден был оставить свой пост. Сторонники меньших преобразований, ведомые мощным голосом Сыма Гуана, начали разрушать так поспешно созданную систему. Понадобилось девять лет, чтобы правительство под руководством императора Чжэ-цзуна (1085—1100) решило упразднить самые важные элементы системы — основания расчета налога, которые было настолько же непопулярны у бедных, как и у богатых. Тем не менее в долгосрочной перспективе решения Ван Аньши оказались весьма прибыльными для государства. Уже в конце периода Северная Сун, в правление императора Хуэй-цзуна (1101—1125), первый министр Цай Цзин посчитал необходимым снова прибегнуть к этим идеям, какими бы ни были споры вокруг доктрины Ван Аньши или его личности. После принятия противоречивых мер, после многочисленных колебаний и нерешительности «налог на квадратные поля» был окончательно упразднен в 1120—1121 гг. Это было время, когда назревали многочисленные народные восстания. Среди них восстание Фан Ла в Чжоцзяни и восстание Сун Цзяна в Хэбэе казались особенно жестокими и опасными.

Однако если нищета заставляла земледельцев поднимать восстания, то государственные финансы находились в не менее катастрофической ситуации. Партия евнухов под руководством Ли Яня предприняла последнее усилие, чтобы вернуть государству, в соответствии с нормами, необработанные земли, а также те участки, которые обрабатывались земледельцами, но уже лишились своего законного хозяина. Превращен-

ные в «государственные земли» (*гунтянь*), они были обложены тяжелыми налогами, которые неминуемо возлагались на тех, кто населял эти земли, — мелких земледельцев и арендаторов. Постепенно именно их нужда обеспечила успех вторжению династии Цзинь (чжурчжэней), которые, по сути, просто унаследовали власть у раскритикованной династии Сун. Однако хорошо известно, что превратности истории никогда не обладали назидательной ценностью: такие же тягостные меры, связанные с национализацией земли, во многом предопределили и падение династии Южная Сун.

* * *

От системы, созданной Ван Аньши, от тех пылких споров, которые она вызывала, совершенно ничего не осталось. Поддержка, предоставляемая бедным, вызванная интересами повышения производительности их труда, забота об интересах государства больше, чем об интересах частных собственников, — все это исчезло. Отдельные люди и целые группы неистово боролись друг с другом, а их столкновения становились легендарными. Однако на самом деле трудящийся народ больше не интересовался этим, он был занят тысячью проблем сельского хозяйства и ремесла, все более искусного, которое становилось относительно богатым, несмотря на постоянную необходимость защищаться от нападений варваров, которые, впрочем, оставались разделены.

Итогом этих событий стало то, что ни одно крупное событие, ни одна великая личность не занимали больше сцену истории. Величественное военное государство древности больше не существовало, буддийская церковь надолго потеряла уважение, слишком вмешавшись в дела этого мира, сословие образованных чиновников только начало складываться, а система правительственного управления оказалась ненадежной. Напротив, любой труд народа развивался вне рамок, установленных государством.

Сельскохозяйственный вопрос

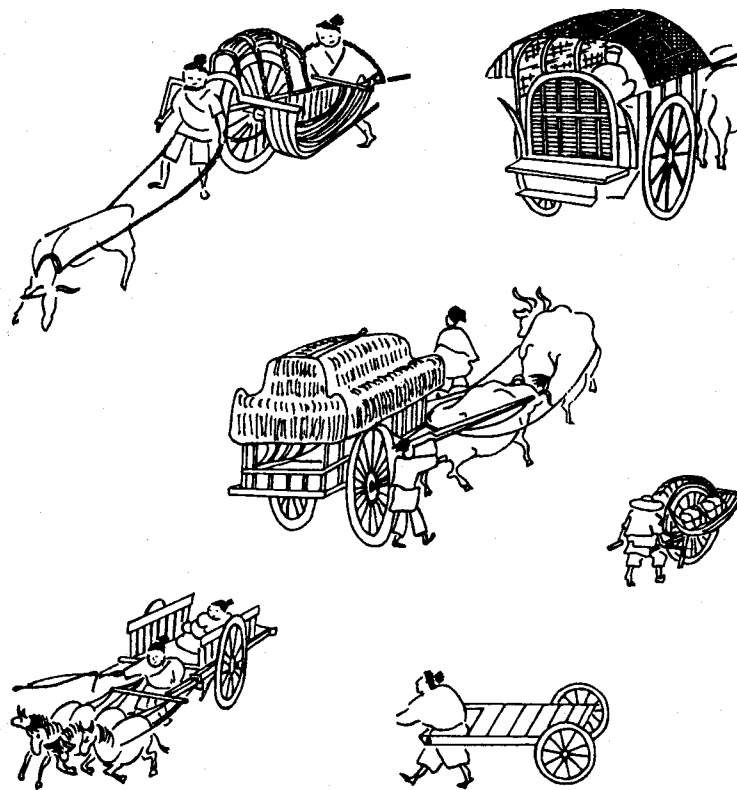
Первым условием подобного расцвета было значительное увеличение численности населения. Несмотря на то что при сегодняшнем состоянии изученности архивов расчеты не могут быть точны, тем не менее можно предположить, что к началу правления династии Сун численность населения составляла сто и несколько десятков миллионов человек.

По большей части это были земледельцы, однако в отличие от своих предков они уже умели получать очень богатые урожаи. Это было итогом того прогресса, который начался еще в правление династии Тан: с VIII в. земли Северного Китая последовательно давали три урожая в два года либо позволяли чередовать урожаи пшеницы и проса. В эпоху Сун это превосходство Северного Китая исчезло из-за бурного развития Южного Китая. На протяжении четырехсот лет, с IX по XIII вв., крестьяне южных земель, благодаря новому способу посева саженцев, достигли такого уровня мастерства в выращивании риса, что в зависимости от региона им удавалось собрать два, а то и три урожая в год.

В общем сельское хозяйство извлекало огромную прибыль из такого изобретения, как книгопечатание, так как его распространение позволяло издавать исключительно полезные трактаты по агрономии. Они передавали по всей империи способы и планы создания ирригационных систем, применения различных сельскохозяйственных механизмов и даже методы использования удобрений.

Основы сельскохозяйственной и налоговой экономики

Существовало множество видов риса, среди которых земледельцы терпеливо отбирали те виды, которые давали самые большие урожаи. В правление династии Сун эта долгая

Транспорт в период Сун

Процветание, свойственное периоду Сун, несмотря на многочисленные опасности, которые постоянно угрожали китайскому обществу, привело к значительному развитию транспорта, выразившемуся в разнообразии повозок и колесниц. Мы видим их на этих рисунках. Тачки, известные в период

правления династии Хань, о которых нам известно благодаря многочисленным изображениям, были особенно удивительными. Они состояли из огромного колеса, к которому прикреплялись корзины. Следует отметить использование животных, которые помогали человеку везти его груз

селекция принесла свои плоды. Урожаи стали настолько обильными и сорта риса настолько разнообразными, что каждый земледелец начал выбирать, в зависимости от своих финансовых возможностей, тот сорт, который ему нравился. Поздний и неклеякий рис Сучжоу оценивался наиболее высоко. Существовал и сорт риса, который располагался на противоположном полюсе гаммы. Скороспелый, легко переносящий засуху, он обильно покрывал гористые склоны Центрального и Южного Китая. Поскольку он был среднего или низкого качества, то и продавался по ничтожной цене и являлся основой питания простонародья и в деревнях и в городах.

Хлебные амбары империи располагались в Чжоцзяни и Цзянсу. Знаменитый рис Сучжоу обладал особой репутацией, так как, помимо высочайшего качества, он рос в таком количестве, что его было достаточно не только для продажи в другие округа, но и за пределы Китая.

Другими основными производящими регионами были Цзянси, Хунань и Хубэй, которые были не так развиты в техническом плане, но зато обладали благоприятными географическими и климатическими условиями. Основным рынком этой части Китая был город Учан.

Распределение по регионам зерновых культур, важнейшей основы питания, поскольку в Китае, как мы уже говорили, практически отсутствовали овощи, осуществлялось тремя различными способами.

Самым простым способ был тот, что преобладал в деревнях всего мира. Земледельцы сами перевозили свой урожай в соседние городки или на ближайšie рынки. Между тем нужно отметить, кем были китайские покупатели. Было ли это вызвано тяжелым социальным гнетом или тем, что каждая китайская семья обрабатывала свое поле, но клиентами скромных крестьянских продавцов риса были либо торговцы, либо представители богатых семей. Эти постоянные и опытные покупатели вели тонкую игру, объединяясь между собой, чтобы сбить установленную крестьянами цену и покупать товар только по самой низкой ставке.

Впрочем, часто земледельцы везли рис напрямую, минуя рынки, крупному земельному собственнику или торговцу; таким образом они оплачивали семенной или денежный кредит, который был им предоставлен в начале года. Этот процесс позволял заимодавцам создавать огромные запасы товаров, которые они в нужный момент перепродавали по соответствующей цене. Обычно эти же именитые граждане были и ростовщиками, и торговцами солью. Обладая одновременно и деньгами и сырьем, они становились исключительно могущественными.

Наконец, в отдаленных и слабо развитых регионах торговцы в начале года предлагали земледельцам соль, чай или другие важные товары, которые были им нужны на следующий год. Оплата вместе с процентами осуществлялась осенью, крестьяне отдавали зерно, которое заимодавцы сам перевозили, убирали в амбары и перераспределяли.

Развивавшиеся с X по XIII вв. рынки, где продавалась другая продукция домашнего и ремесленного производства, были похожи на те, где торговали рисом, но обладали меньшей значимостью. Там можно было купить масло из конопли, абрикоса, индиго, репы, рапса, павлонии, корней аконита, что компенсировало отсутствие животного жира. Кроме того, на таких рынках продавались пряности, особо ценные продукты питания, такие как семена лотоса, кувшинок или имбиря, текстиль, красильные вещества, такие как индиго из Фуцзяни, тростниковый сахар, который выращивали и очищали в Центральном и Южном Китае, редкие фрукты, например личи (личжи) и лимоны. Наконец, на рынках можно было купить чай, который был широко распространен еще с эпохи Хань. Его выращивали в долине Янцзыцзян и в Сычуани, так как он рос только в теплых регионах Южного Китая.

* * *

Однако, несмотря на то что растущая национальная экономика полностью основывалась на деятельности земледельцев, они никогда не получали основного дохода от своей

работы. В итоге земледельцы обогащали посредников, которые, устанавливая цены на товары, пользовались этим для того, чтобы одновременно воздействовать и на правительство и на простонародье. Эти преимущества способствовали аккумуляции доходов в руках нескольких могущественных семей, которые затем реинвестировали их в различные предприятия, реализуемые на региональном уровне и особо приспособленные к природным условиям местной почвы. Таким образом, в эпоху Сун повсюду получила распространение классическая схема региональной специализации, которая отвечала собственным нуждам регионов: усиливались связи между различными странами, каждая территория продавала то, что лучше всего производила.

На протяжении второй половины XII в. изгнание с Севера зажиточных китайцев, принесших свои знания и свои ценности в богатые и деятельные регионы Юга, спровоцировало первый «экономический взрыв» в истории Китая. Концентрация капиталов в регионах с самым развитым производством привело к появлению первых плодов индустриальной эпохи, с ее специализациями и обязательными сетями распределения и страхования товаров. К концу правления династии Сун торговцы Фуцзяня (Миньшан), Чжоцзяна (Юэшан), Аньхоя (Хуэйшан) и Сычуани (Шушан) держали в своих руках почти все нити национальной экономики. В этом развитии знатные фамилии Центрального и Северного Китая согласились уступить свое первенство Югу.

Расцвет ремесел

Иногда независимость и инициативность, которые никогда не ценились высоко в государственной администрации, находили себе прибежище в развивающейся торговле и зарождающейся промышленности. Таким образом, ремесленники, которые на протяжении веков делили свою деятельность между изготовлением предметов домашней утвари, необходи-

мых для повседневного существования, и предметов роскоши, открыли для себя средний путь, который заключался в относительно массовом создании простых, но качественных изделий. Эта продукция была востребована простонародьем, хотя и требовала определенного уровня достатка.

Процветание городских и деревенских рынков в итоге послужило причиной обогащения предприимчивых людей и, как следствие, открыло им мир, которого они раньше не видели. Кроме того, были установлены тесные связи, вызванные существованием законов и налогов, между торговыми и административными городами. Последние, в свою очередь, больше не пренебрегали развитием производства, торговли и различных ремесел, которые привели как к очень высокой концентрации городов, так и более высокой плотности населения около местных центров управления.

Только тогда китайские ткачи, которые в период Тан были главными мастерами по переработке и изготовлению шелка, избавились от существовавших с тех же времен связей, делавших их зависимыми от сельского хозяйства. Государство быстро стало поощрять эту тенденцию и на протяжении XII в. систематически покупало продукцию ремесленников, работающих с шелком. Существование этой меры (*хэмайфа*) ускорило темпы специализации производства и увеличило его концентрацию, т. е. те процессы, которые только начинались, настолько, что каждый город и окружающий его регион выпускали свой вид ткани или использовали особый тип орнамента. Так родилось крупное региональное ремесленное сословие, работающее с китайским шелком.

Также появилось и искусство вышивания, пришедшее с Запада, но сильно развившееся в Китае благодаря ярким краскам шелковых нитей. Это ремесло пользовалось таким успехом, что в правление императора Хуэй-цзуна (1101—1125) была создана специальная «канцелярия утонченной вышивки» (*вэньсююань*). Только для удовлетворения нужд двора в нее входило более 300 ремесленников.

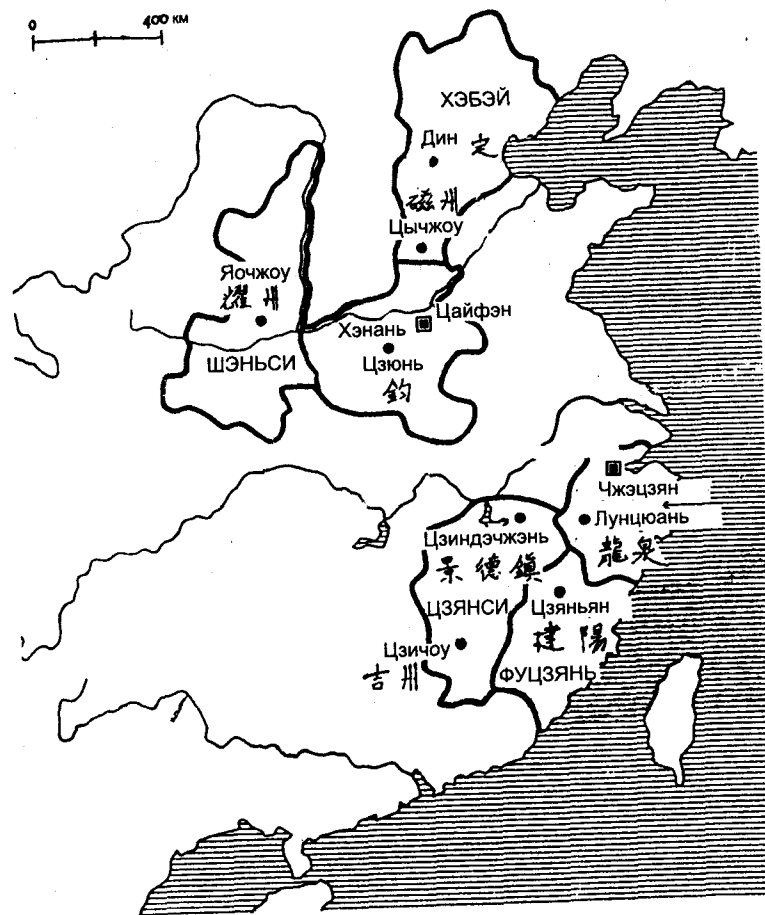
Керамика

Великая профессия ремесленника-гончара получила в период Сун беспрецедентное распространение. Это было вызвано страстными поисками сунских горшечников, цели которых в какой-то степени напоминали стремления алхимиков: прокаливая сосуды на сильном огне, они стремились добиться безупречности, звучности и цвета нефрита. Крайняя простота и изящность форм приводили к тому, что, помимо прочего, высоко ценились утонченность и мягкий блеск глазури.

Почти сразу появились зажиточные люди, которым настолько понравились эта керамика, что они начали ее коллекционировать. Однако захват Кайфэна чжурчжэнями в 1127 г. привел к тому, что огромное количество высококачественных произведений было украдено или утеряно. Вообще керамика делилась на две большие категории, появившиеся еще в период Тан: белая называлась дин, а голубовато-серая — селадон.

Белая сунская керамика очень сильно напоминает белую керамику периода Тан. Впрочем, она все же немного изменилась: белый цвет стал чище, блеск мягче, а внутренние стенки тоньше. Под глазурью появился изящный орнамент с цветочными или геометрическими мотивами.

Голубовато-серая сунская керамика, напротив, очень сильно отличалась от керамики эпохи Тан. Речь идет о песчанике, которым облицовывали глазурь на железной основе, а затем при помощи обжига способом «редукции», т. е. без доступа воздуха, делали его все более и более совершенным. Сосуды, в отличие от ранних селадонов, которые сохраняли основу из земли, защищенную медными кольцами, были полностью «глазурованными». Особенно ценной считалась керамика жу — так называлась печь для обжига, известная в 1107—1125 гг., в правление императора Хуэй-цзуна. Цвет керамики

Расположение основных печей для обжига керамики периода Сун

жу, в случае полного отсутствия в составе железа, был либо сине-зеленым, либо бледно-небесно-голубым. Некоторое время спустя, в правление династии Южная Сун, гончары Лунцюани, в Чжэцзяни, смогли добиться получения безупречно зеленого цвета нефрита, в котором почти не было желтого оттенка. Ремесленники стремились к этому с первых опытов еще в период Хань, используя золу растений и полевой шпат.

Существовала целая гамма селадонов, предназначенных для двора. *Гуань* был раскрашен в цвета небесно-голубой, зеленовато-голубой, ярко-синий и белый. *Го* славился красочностью его кракелюр¹. *Цзянь*, конические чаши для чая, использовавшиеся вне двора, были очень высоко оценены японцами, которые называли их *теммоку* — «глаза неба». Эти сосуды были покрыты густой глазурью с металлическим отблеском, который обычно сравнивали с «шерстью зайца», «перением куропатки» и «крыльями ворона».

Другая продукция периода Сун также относилась к группе селадонов, но тогда за нее давали меньшую цену, хотя она и кажется более приятной для нашего глаза.

Фарфор, который назывался *цзюнь*, появился из-за ошибки. Речь идет о возникновении светло-сиреневого селадона, цвет которого был получен по сложной формуле, в которую входили медь и олово. Из-за случайного воздействия огня голубой цвет частично превратился в различные оттенки зеленого, красного и фиолетового. Результат показался очень интересным, и мастера начали искать, каким образом можно повторить этот результат и преуспеть в получении этих «дефектов».

Наконец, сунские горшечники восстановили рисованный орнамент, иногда окруженный высеченными линиями. Благодаря находкам в Тунгуани, около Чанши, археологи датируют появление подобного орнамента эпохой Тан, а местоположение — районами Хунани. Сегодня мы любуемся строгой красотой про-

¹ Кракелюр (франц. *сraquelure*) — трещинка красочного слоя или лака в произведении искусства.

дукции Цычжоу (провинция Хэбэй): яркие цветочные мотивы и ветвевидный орнамент выделяются под глазурью черным по белой глине или, что встречается реже, белым по темной основе.

* * *

Значительно увеличилось производство бумаги в горных деревнях. Массу, полученную из пеньки, шелковицы или бамбука, обрабатывали, а затем промывали в чистой воде горных потоков. Правительство для организации управления приобрело бумагу в огромных количествах. К началу правления династии Тан в Чанша официально производилось 1 млн 780 тыс. листов бумаги в год. В период Южная Сун Наньчжан давал 850 тыс. листов, а Хуэйчжоу — около 1,5 млн, из которых только 500 тыс. листов шли на изготовление бумажных денег.

Таким образом, Китай вошел в эпоху Нового времени. Теоретики воспевали достоинства сельского хозяйства и добродетели мелкого земледельца. Этот конфликт аграрного и индустриального Китая длился до самого XX в.

Градостроительство

Объединение в крупных городах, ставших полифункциональными, политической власти и экономического могущества породило в китайском конфуцианском обществе расцвет городской буржуазии, которая гордилась своим богатством, порожденным ее деятельностью и сноровкой.

С этого времени население деревень начинает стекаться в крупные центры, источники богатства, которое там добыть намного легче, чем во время долгих полевых работ. Если города и сохраняли свои внешние стены из утрамбованной земли, укрепленные камнями и в любое время года выбеленные известью, то это никак не препятствовало умножению городского населения. Градостроительство в форме квадрата не поддерживалось уже в эпоху Пяти Династий, а теперь городская планировка

в виде квадрата нарушалась еще чаще. Лавки выступали за пределы кварталов, к которым они были приписаны, и вытягивались в случайном порядке по всей длине улиц. Внутренние ограды в связи с этим потеряли свое назначение и постепенно совсем исчезли, благоприятствуя смешению различных слоев населения, которое больше не было разобщено на классы или корпорации. Увеличивалось количество многоэтажных зданий: Одорик (1265—1331) утверждает, что он видел восьми- и десятиэтажные здания, однако арабские путешественники отмечают, и это более вероятно, строения от трех до пяти этажей. Именно тогда и появился современный китайский дом, защищенный толстыми стенами, с выстланным плиткой полом. Только в Японии сохранился и существует до сих пор более ранний тип дома с непрочными деталями из земли и растительных материалов.

В крупных сунских городах существовали подземные стоки, которые позволяли вывести из города воду. Эффективность очистки вызывала восхищение у путешественников: мусорщики и ассенизаторы проходили по городу каждый день. Улицы, которые регулярно подметались, вели к бесчисленным мостам, которые были перекинуты через каналы, чистившиеся круглый год.

В этих выстроенных из дерева поселениях огонь представлял собой страшную опасность, и борьба с ним сильно занимала местные власти. Город Ханчжоу, например, был разделен на специальные сектора, которые охраняли наблюдательные башни и посты охраны, располагавшиеся через каждые 500 м. К каждому из таких постов было приписано около ста пожарных, одевавшихся в огнеупорную одежду. Еще с периода правления династии Тан китайцам были известны особые свойства асбеста. У каждого пожарного было свое снаряжение, состоявшее из ведра, топора и пилы.

Как правило, каждый значительный населенный пункт обладал санитарным обеспечением, которое включало в себя диспансеры, госпитали, сиротские приюты и богадельни, а также бани, куда ходили чиновники, которые каждые десять дней получали специальный отпуск, чтобы посетить их.

В 1098 г. специальный указ создал по всей империи дома милосердия, для того чтобы обеспечить старикам, у которых не было семьи, вдовцам, вдовам и сиротам содержание, медицинский уход и посмертные почести. В 1102 г. появилась своеобразная медицинская служба для бедняков. Два года спустя были созданы общественные кладбища для тех, кто не мог понести большие издержки на похороны.

Когда двор укрылся в Южном Китае, эти формы поддержки получили дальнейшее развитие, так как массовая эмиграция увеличила число беженцев и нуждающихся, и, озабоченное массой нищих, правительство обратилось с просьбой о помощи к богатым семьям, которые вознаграждались в обмен на это официальными постами и почетными титулами. Были устроены родильные клиники для бедных женщин. Наконец, существовало специальное управление, которое и определяло размеры квартирной платы в зависимости от количества жильцов, и надзидало за исполнением: это сдерживало ростовщический характер оплаты по договорам найма и в какой-то мере решало жилищный вопрос, который стал особенно острым из-за наплыва беженцев в период Южная Сун. Дни праздников или торжеств часто становились поводами для прощения долгов по оплате.

В «Истории Сун», написанной в 1345, в правление монгольской династии Юань, сказано: «Основным принципом сунской администрации была доброжелательность. Ее усилия по смягчению страданий бедняков и помощи несчастным превосходили все, что делали предыдущие династии».

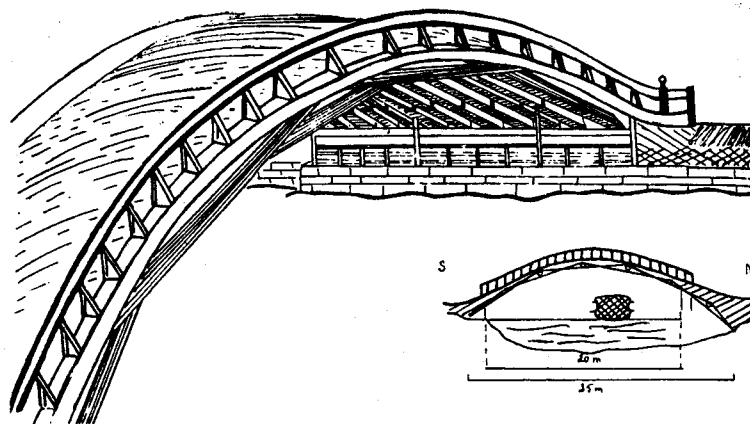
Был и еще один феномен, остававшийся практически неизученным, вплоть до недавнего времени, только современные работы обнаруживают его появление именно в правление династии Сун: массовое участие в восстаниях, которые раньше были преимущественно крестьянскими, городского простонародья. Политическая активность городов стала следствием двух причин: объединение китайцев против вторжений киданей, тангутов, тибетцев и чжурчженей; недовольство торговцев и ремесленников, которых государство без конца облагало

налогами, несмотря на то что они за свой счет исполняли почетные, но дорогостоящие административные обязанности (*яцян*). Городская фронда стала подвергаться тому же отчаянию, что и крестьяне. Первое из подобных восстаний, в котором выступили вместе изголодавшиеся солдаты, горожане и жители деревень, возглавил Ван Цзы в 1047—1048 гг. на юге провинции Хэбэй. И хотя в конечном счете оно было потоплено в крови, но, тем не менее, стало сигналом бедствия, который был услышан императором. Он стал поддерживать развитие реформаторского движения Ван Аньши.

Сунский город, богатый, активный, открытый, мог, как и его европейские братья, увидеть зачатки индивидуальной или корпоративной свободы. Однако старые традиции оказались настолько живучими, что земельная собственность оставалась единственным уважительным признаком респектабельности. Последствия этого были губительными: все деньги, полученные за счет торговли, были заморожены покупками земли, которой теперь окончательно лишились земледельцы. За этим последовало значительная деградация сословия крестьян, а также относительный застой в сословии торговцев, которое, несмотря на свое значение, занимало очень низкое положение. Впрочем, возможно, что это было вызвано и самим поведением торговцев, единственной целью которых было объединение двух «почтенных» групп общества. Преследование этого преступления Цинь Шихуанди продолжало оказывать свое влияние на крупных торговцев.

Судоходство

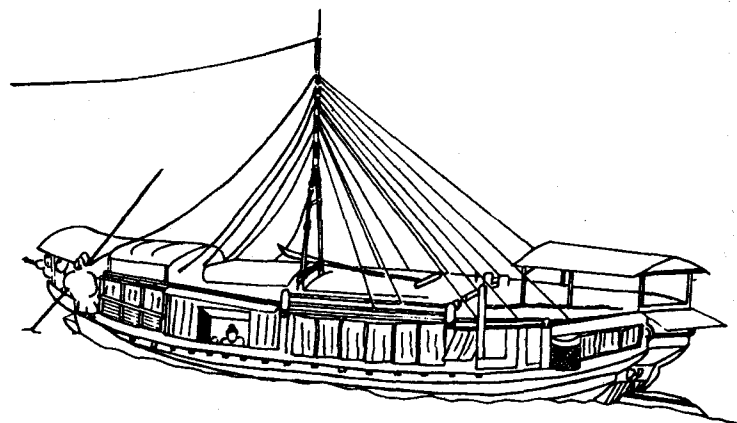
Тем не менее деятельность торговцев, превратившихся в путешественников, не знала границ. Но если в правление династии Тан связь с другими странами осуществлялась через

Большой мост Бяньляна

Во все времена китайские инженеры, внимательно относившиеся к общим проблемам гидрографии и коммуникаций, живо интересовались строительством мостов, которые позволяли объединить два разных провинциальных мира. Реки в этих краях были очень широкими, поэтому мосты, основа которых покоилась на деревянных колоннах, в начале VII в. часто просто подвешивали на цепях. Этот способ получил очень большое распространение. В начале VII в., а точнее с 606 по 618 гг., инженер Ли Гун построил в Чжаосяни, в провинции Хэбэй, первый большой каменный мост, образовавший одну большую каменную арку, примерно 40 м в длину. На обоих концах располагалась по одной маленькой арке, выдолбленной между большой аркой и полотном. Они частично снимали с полотна на-

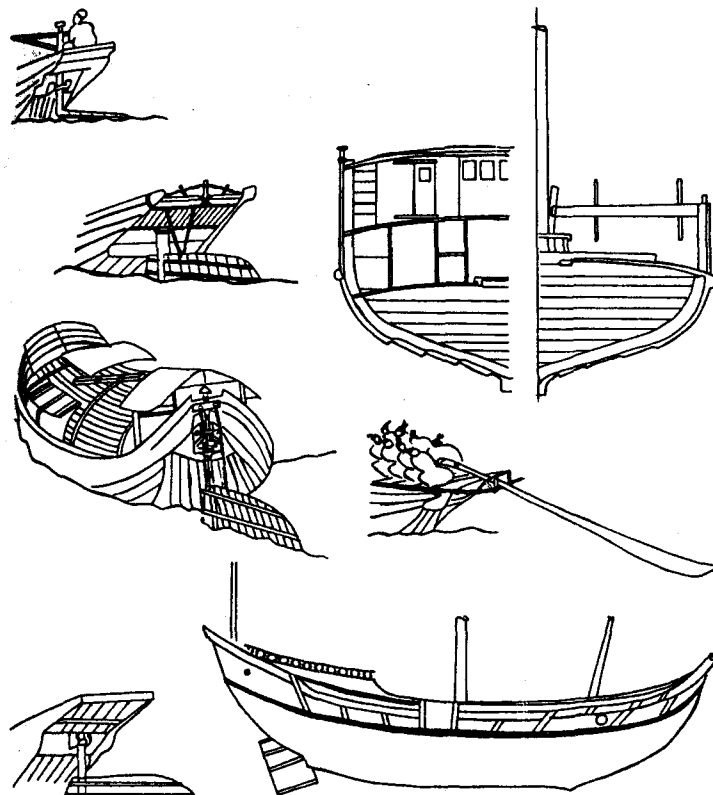
грузку, а вся вместе эта конструкция позволяла лучше защитить мост в период паводков. Мост, изображенный здесь, был одним из чудес Бяньляна (Кайфэна), столицы династии Северная Сун. Нам он известен по изображению на свитке одного из художников академии, который специализировался на изображениях мостов и кораблей (*цин мин шан хэ ту*). Существует огромное количество копий и повторов, однако лучшая версия сегодня хранится в музее Пекина. Среди других вещей там можно увидеть и знаменитый большой двускатный мост Бяньляна, построенный на пересечениях балок, — решение не только технически грамотное, но и очень изящное, — опирающийся на берега реки, которые были специально оборудованы земляными насыпями. Об этом нам свидетельствуют последние археологические раскопки

Судоходство в эпоху Сун

Движение по водным путям, как речным, так и морским, в период Сун очень быстро развивалось. Это было вызвано экономическими условиями: процветанием внутри империи и блокированием могущественными союзами варварских племен сухопутных дорог, ведущих в Центральную Азию. Свою роль сыграло и распространение руля ахтерштевня. Он был изобретен в период правления династии Тан, а в эпоху Сун позволил создавать крупные суда, которые могли перевозить очень тяжелые грузы. Они бороздили Великий канал. Более того, были созда-

ны усовершенствованные корабли, способные плавать в открытом море и удобные в управлении. Археологи нашли множество примеров по всему китайскому побережью, а особенно в Фуцзяни. Для маленьких или средних лодок служили лопатообразные маневренные весла, которые исполняли роль руля, а на тяжелых баржах приходилось использовать огромное число людей. Наконец, если морские корабли или те, что бороздили большие реки, были оборудованы прямоугольными парусами, то обычный речной флот использовал течение реки

извилистые пути континентального Запада, то в эпоху Сун сухопутные пути оказались перекрыты варварскими государствами. В этих условиях китайские торговцы начали использовать водные пространства, отплывая от восточного и юго-восточного побережья.

Основной порт Цюаньчжоу обслуживал регионы Фуцзяни, богатые чаем и фарфором. «Суперинтендант торговых кораблей» (*ши-бу-сы*) наблюдал за ведущейся торговлей, а также собирал налоги и таможенные пошлины. Существование такого чиновника привело к новому явлению: внешняя торговля перешла из рук иностранных торговцев, пользовавшихся в китайских портах привилегиями экстерриториальности, к китайцам, которые, в свою очередь, начали освоение моря.

Технические изобретения, созданные на протяжении веков, использовались и дополняли друг друга настолько эффективно, что китайские корабли, к которым в период Тан у судовладельцев не было никакого доверия, начали вызывать восхищение у арабских путешественников.

У китайских судов был руль ахтерштевеня¹, который был изобретен еще в эпоху Тан. Он заменил простое лопатообразное маневренное весло, опередив этим Европу примерно на четыре века. Корпус с плоским дном, снабженный тонким килем, иногда достигал 60 м в длину. Количество мачт могло составлять от трех до двенадцати, на них крепились квадратные паруса. Помимо этого, на корабле было от восьми до двенадцати пар гигантских весел, которые позволяли управлять судном даже в штиль. Трюмы делились на непромокаемые отсеки — мы можем видеть это на примере судна, найденного в 1973 г. в Гуаньчжоу, — что служило надежной защитой от пробоин и течи. Снабженные якорями, лодками для команды

¹ Ахтерштевень (*голл.* achtersteven, achter — задний, steven — штевень, сто-
як) — задняя оконечность корабля в виде жесткой балки или рамы сложной
формы, на которой замыкаются вертикально киль, борт, обшивка и набор; к нему
подвешивается руль.

и вооружением, чтобы отбивать атаки пиратов, эти корабли могли принять на борт около тысячи человек.

Они с высокой степенью точности следовали по своим маршрутам, ведомые компасами. Математик Шэнь Гуа (1030—1094), мыслитель-энциклопедист, сообщает, что на протяжении веков гадатели по земле использовали намагниченную иголку, которая плавала по поверхности воды. Впрочем, знания принципов магнетизма не означает его обязательного применения в навигационной технике. Вполне возможно, что арабы, а отнюдь не китайцы создали эти решающие усовершенствования. Однако в 1125 г. одно из литературных произведений упоминает об использовании морского буссоля: в Европе, где он был известен с 1190 г., его начали использовать только три века спустя.

Наука и техника

Подлинное сияние искусства Китая, размах его литературы, изобилие ораторов и политико-религиозный образ, который создавался путешественниками и миссионерами, — все это часто скрывает от нас техническую и научную основу цивилизации, свершениями которой мы любуемся, не разбираясь в ее теоретических основах. Самое большее, что мы знаем и, в общем, признаем, это то, что Китай сильно опередил нас на дороге открытий. Еще нужно отметить размеры и границы мышления, которое в Китае следовало иным, чем в Европе, путем, а после блестящих озарений периодов Тан и Сун стало более гибким. Именно наука завтрашнего дня принесла этому типу мышления новую славу.

Самые древние и самые совершенные системы счета среди цивилизаций Востока развивались в Китае и Индии примерно с начала III в. н. э.

В эпоху Чжоу, как сообщает традиция, китайцы использовали деревянные бирюльки, которые располагали разными

способами: разложенные в длину, они были единицами, а в высоту — десятками. Таким образом, в специальных наборах сотни читались вертикально, а тысячи — горизонтально. Если к элементу, который символизировал цифру «пять» добавлялась простая черта, то получалась цифра «шесть». Таким образом, китайцы создали две системы счета: одну на базе «пяти», другую на базе «десяти». Используя эти изображения, можно было производить четыре операции, причем этот процесс сильно упростился в период Сун.

Относительно сложные расчеты с использованием этих операций обычно совершали математики и чиновники. Простонародье считало с помощью абака, сходный инструмент и сегодня можно встретить в любом месте от Токио до Москвы. Счеты, созданные в период Сун, оставались примитивными, и из-за этого использовались крайне редко. Только в эпоху Мин в богатых регионах Янцзыцзян они были усовершенствованы до такой степени, что заменили устаревшие счетные агрегаты по всему Китаю.

Именно правление династии Сун породило великих математиков, которых когда-либо знал Китай. Это стало следствием традиции, которая восходила еще к периоду Шести Династий, эпохе распространения буддизма и первых контактов с Индией, преемственность с которой многие пытались найти, хотя тщательное изучение хронологии и может принести несколько сюрпризов.

Традиционно признаваемые научные достижения иногда таят в себе легенды или несправедливость. Кто вспомнит о том, что «Учебник по арифметике учителя Суня» («Суньцзы суань цзин»), вероятно составленный в начале IV в., обсуждает неопределенные уравнения раньше, чем работы индийских математиков школы Арьябхаты (476—510) и Брахмагупты (598—628). Напротив, это работы грека Диофанта (325—410) напоминают учебник учителя Суня, но невозможно точно исследовать таинственный путь распространения знания.

Примерно 150 лет спустя Чжан Цюцзянь составил «Канон исчислений» (468—486), который через сто лет прокомментировал Чжэнь Луань (560—580). Он изложил процесс деления на дроби, используемый нами и сегодня. Только в IX в., т. е. через три века, индеец Махавира использовал эту математическую операцию.

Цзу Чунчжи (430—501), современник Чжан Цюцзяня, высчитал значение числа π , упомянув об этом в произведении, которое, как ни странно, называлось «Техника шитья» («Чжунчжэ шу»), а его сын Цзу Мэнчжи определил объем сферы. Кто может сказать, что в эти древние времена не существовало влияния китайских математиков на Индию?

Но с эпохи Тан индийские ученые начали прибывать ко двору китайского императора, и один из них, Гаутама Сиддхартха, в своем произведении, озаглавленном «Астрономия периода Цайюань» («Цайюань чжань цзин»), развил два фундаментальных открытия: некоторые элементы тригонометрии и использование нуля. Впрочем, они не сразу получили распространение. Напротив, получила распространение десятичная система счисления. После 660 г. изменилась система измерения длины, которая стала состоять из единиц и их сотых долей. Она заменяла существовавшие антропоморфные единицы измерения стопой, большим пальцем и шагами, т. е. все древние меры длины, установленные по размерам человеческого тела. А с 662 г. математика официально была признана в качестве одного из экзаменационных предметов.

По мере того как меркла звезда династии Тан, а ее контакты с Индией становились все более редкими, математика тоже вошла в полосу застоя, так как ее развитие в значительной степени зависело от связей с Западом. Так продолжалось вплоть до XIII в., эпохи колоссальной активности. Действительно, во второй половине периода Сун появились сразу четыре великих математика: трое из них родились в эпоху Ханчжоу, четвертый — уже в правление монгольской династии Юань.

В 1247 г. Цинь Цзюшао опубликовал «Математический трактат из девяти глав» («Шу шу цзю чжан»), в котором он развивал идею неопределенных уравнений, создавал решение уравнений десятой степени и приступал к решению головокружительных задач по арифметической прогрессии.

В следующем году Ли Я издал «Морское зеркало измеренных кругов» («Цо юань хай цзин»), а одиннадцать лет спустя — «Новые упражнения в счете» («И гу янь дуань»). Эти работы были посвящены изучению свойств окружностей, вписанных в треугольник, где он предлагал новые способы решения уравнений: он вносил их в таблицы, в которых всегда использовались деревянные бирюльки, каждая из которых имела определенное место, что облегчало чтение формулы.

В 1261 г. увидели свет «Правила счета, истолкованные в деталях и перераспределенные, в девяти главах» («Сян цияй цзю чжан суань фа хуань лэй») Ян Хуэя: в этом научном трактате автор обращался к серии квадратов целых чисел и к уравнениям с пятью неизвестными.

Наконец, в начале правления династии Юань (1280—1368), продолжая мощный интеллектуальный подъем периода Сун, Чжу Шицзя в своих работах «Введение в науку счета» («Суань сюэ ци мэн», 1299) и «Точное зеркало четырех элементов» («Сы юань юй цзянь», 1303) исследовал коэффициенты свойств бинома и представил не совсем законченный «треугольник» Паскаля.

Кто бы мог поверить перед лицом этого триумфа чистого интеллекта, что в Китае не существовало математики? Но в действительности все было именно так. Только нескольких мыслителей из века в век привлекала абстракция, и хотя их работы были замечательными, они были слишком изолированы от развития общества, а значит, не способны вызвать интерес у остальных мыслителей того времени. Даже в правление династии Сун математика оставалась дочерью астрономии или счетоводства: ею пользовались для составления календарей, расчета затмений и движения планет или для подсчета имущества.

Астрономия

Впрочем, астрономия, в свою очередь, пыталась преодолеть использование своих знаний исключительно в целях исчисления времени праздников и ритуалов. На протяжении тех веков, когда канцелярия астрономии стремилась зафиксировать позиции положения небесных тел и их изменения, ученые накопили значительное количество исследовательского материала, пожалуй, даже слишком большое. Более того, индийская наука внесла и свой посильный вклад. Кроме «Трактата о девяти планетах» («Цзю чжи») Гаутамы Сиддхартхи, создание которого было вдохновлено греческими источниками, китайцы были знакомы еще с одной важной работой, описывающей «дома» луны и планет («Сю яо цзин»), которая была переведена в 759 г. другим индийцем, Амогхаваджрой (Бу Кун, по-китайски). Этот труд обогатил китайский астрономический словарь персидскими и согдийскими понятиями и терминами. Сильные своей научной поддержкой и обильной документацией, астрономы периода Сун составляли энциклопедии, которые обогащали их наблюдения, количество которых продолжало расти год за годом.

Лю Сису (XI в.) составил драгоценные «Хронологические таблицы» («Чаншу»). Шэнь Гуа (1030—1094), человек, обладавший разносторонним умом, предложил использовать солнечный календарь, однако императоры, которые, впрочем, использовали на протяжении трех веков не менее девятнадцати различных астрономических систем, всегда противостояли этому новшеству. Идея Шэнь Гуа была реализована только в 1912 г., под влиянием европейцев. Однако ученый не прекратил своих исследований и создал очень точную армиллярную сферу.

Су Сун (1020—1101), современник Шэнь Гуа, взялся за старую проблему измерения времени. Зачарованный астрологическими часами, которые были изобретены монахом Исином (683—727), он, в свою очередь, тоже создал часы: бег воды вращал черпаковое колесо, которое ритмично приостанавливалось

системой рычагов. Специалисты отмечают, что эти часы были менее точными, чем часы из ртути, сконструированные Чжан Сысюанем в 979 г., т. е. в начале правления династии Сун. Наконец, Су Сун создал усовершенствованные небесные глобусы, к которым прилагались сухопутные и небесные карты в цилиндрической проекции. Эта работа намного опередила изобретение Меркатора в Европе (XVI в.)¹.

Таким образом, несмотря на существование общепризнанного мнения, согласно которому небо было круглым, а земля квадратной, те, кто интересовался движением звезд, с давних пор восхищались идеей, что наша планета располагается во Вселенной, как желток внутри скорлупы. Они считали, что планета не круглая, а плоская, больше всего напоминающая подвижный диск.

Физика

Развитие китайской науки и абстрактного мышления постепенно замедляется, поскольку достижения индийских ученых не могут постоянно содействовать их движению вперед. Возможно, в этом можно увидеть феномен цивилизации, чувствительной в равной степени к развитию философии и к провалам различных религий, стремившихся поочередно завоевать империю.

Впрочем, продвижение Китая в научной сфере не было бесплодным: явления, которые было трудно обнаружить и интерпретировать, в этой стране были открыты весьма рано и изучены очень талантливо. Самые различные мыслители стреми-

¹ Меркатор Герард (1512—1594) — фламандский картограф и географ. Родился в Рупельмонде (Восточная Фландрия, ныне Бельгия). Наиболее известен как автор картографической проекции, носящей его имя. Меркатор впервые применил эту равноугольную цилиндрическую проекцию при составлении навигационной карты мира на 18 листах (1569). В настоящее время проекция Меркатора применяется для составления аэронавигационных и морских навигационных карт.

лись раскрыть тайны мира: в XI в. Чжан Цзай, философ и теоретик всеобщей любви, пытался понять природу звука и, для того чтобы объяснить ее, использовал образ соприкосновения.

Однако принцип вещей, *у-ли*, который, как и европейская физика, пытался сформулировать законы, описывающие материальные процессы, вплоть до появления в Китае европейцев базировался на малом числе понятий: полярность, взаимодействие инь и ян, пять основных элементов мироздания. Это приводило китайских ученых к тому, что они больше интересовались волнообразными явлениями, предвосхищая этим современную науку, в отличие от теории частиц, на которой основывалась наука Европы. Они всегда изучали отдельные случаи, как это вообще было принято в китайской культуре, которая всегда трепетно относилась к составлению списков и каталогов. В области наблюдений, напротив, китайские исследователи добились столь выдающихся результатов самого разного толка, что современные ученые не могут их до конца использовать.

Китай всегда питал особый интерес к магнетизму, области, в которой прославился именно период Сун, когда был изобретен знаменитый буссоль. Уже в эпоху Тан, ученые смогли определить полярные отклонения и создать намагниченные тела, просто охлаждая их на магнитной оси.

Начиная с 840 г. оптики были знакомы с камерой-обскурой. В X в., например, у мага Тан Цяо, который жил в это время, в них использовалось по четыре линзы. В начале XII в. линзы могли служить лупами и защитными очками, их часто использовали судьи, чтобы скрыть от обвиняемого и от публики свои эмоции, которые не должны были мешать беспристрастности их приговора.

Метеорология также предлагала для наблюдательных умов практически безграничное поле исследовательской

деятельности: в конце периода Тан уже умели составлять таблицу приливов и отливов, учитывали локальные смещения лунных месяцев. В правление династии Сун постоянная смена температуры и уровня осадков в зимнее время стала обычным делом. Однако мы сможем увидеть разум, которым были сделаны подобные наблюдения, благодаря показательному факту. Хотя китайцы продолжали тщательно отмечать место и время «небесных знамений» — самыми страшными из них были землетрясения, — хронисты потеряли к ним всякий интерес, как только им стали известны достижения сейсмологии, основные положения которой были разработаны во II в. н. э. Единственной целью была немедленная практическая польза: любая наука в Китае была не вехой на пути познания, а инструментом, способным служить государству.

Среди публикаций, полезных правительству, можно обнаружить обширную литературу, посвященную географии, картографии и в целом изучению земли.

Ее существование восходит к эпохе Поздняя Хань, как об этом свидетельствует карта, найденная в 1971 г. в могиле № 3 Мавандуэй, около Чанша. Известен также труд «Исследование государства Юэ» (I в.). Три века спустя, в 347 г., научный труд о Сычуани («Хуа ян го ши») положил начало долгой традиции, закрепленной императорским указом 610 г. Отныне в каждой префектуре должно было составляться ее полное описание, иллюстрированное картами и диаграммами. Эти описания подвергались постоянному пересмотру, они были базовой документацией хорошего чиновника. Труды, созданные в период Сун, были самыми подробными, среди работ такого типа, например «Прошлое, как в зеркале» («Мэн лян лу»), представляют собой подлинную живую картину повседневной жизни Ханчжоу. Эти отчеты состояли из двух частей — текстов и карт.

Если тексты содержали описания, то карты были предметом ревнивых забот чиновников, как гражданских, так и военных, которые считали их тайной. Более того, все старые

карты уничтожались в ходе периодических уничтожений императорских архивов, сжигавшихся после написания истории предшествующей династии. Таким образом, нам известны только имена отца китайской картографии Бэй Сю (224—271) и его позднего соперника Цзя Дана (730—805), автора крупномасштабной карты на прямоугольной координатной сетке. Математик Шэнь Гуа (1030—1094) выполнил несколько кратких обзоров и планов рельефа страны, которые, к сожалению, до нас не дошли. Однако известно, что он использовал градуированный треугольник, *baculum*, использование которого на Западе начинается не раньше 1321 г.

Всего сто лет спустя, в XII в., развился обычай гравировать карты на камне, как раньше поступали только с классическими текстами. Таким образом, период Сун стал подготовительным периодом для великой картографии периода Юань, а через нее и всего современного Китая. Ведь знаменитый «Атлас для повозок» («Юйди ту») Чжу Сыбэня (1273—1337) использовался вплоть до XIX в. Впрочем, знаменательный факт, но в нем не отображены административные границы: его автор, даосский монах, составлял карту священных мест.

То же стремление к конкретному знанию объясняет и развитие естественных наук. Кажется, что китайцы не меньше, чем их европейские братья, очарованы возможными алхимическими переменами: до конца своей жизни Су Дунпо (1036—1101), величайший поэт эпохи Сун, искал философский камень. Магия даосизма, как и европейское колдовство, была основой для значительного числа открытий, например мышьяка, пороха или ртути, открытая за 1300 лет до н. э., многие из которых сегодня считаются открытиями в сфере геологии, ботаники, зоологии, медицины и фармакологии.

Минералогия пользовалась особым благоволением, так как китайцы считали, что все металлы имеют общее происхождение и что в лабораторных условиях можно воссоздать некоторые камни. Впрочем, подобные процессы сегодня засвидетельствованы и используются при создании искусственных

драгоценных камней. Именно в правление династии Сун знания о камнях получили особое развитие, появилась мода украшать сады и интерьеры вычурными и красиво расписанными камнями. Технические знания также способствовали развитию этого пристрастия. В начале XII в. (ок. 1115 г.) «Исправленная фармакопея» («Чжэн лэй бэнь цао») Шэнь Вэя упоминает о 215 видах минералов, тогда как подобный трактат VII в. приводит только несколько разновидностей. Изобретательные ремесленники в то же время начинают осваивать многочисленные химические реакции, которые использовались для получения нашатыря, селитры, квасцов и множества элементов, использовавшихся для достижения тончайших цветовых оттенков в глазуровании фарфора.

Шэнь Гуа сообщал об одном знатоке, который особенно тщательно пытался выяснить составляющие части гор, что уже в VIII в. он умел определять природу окаменелостей и излагал историю образования горных складок. В правление династии Сун любопытные люди спускались на дно пещер, где неожиданно открывали течение подземных рек и положение окаменевших источников. Шэнь Гуа и сам пристрастился к подобному роду изысканий. Он предсказал возможность использования нефти, которая была открыта еще в период Хань, однако не имела никакого употребления, и вырубка леса, который использовался в качестве топлива, продолжалась.

Наконец, именно в эпоху Сун с целью найти замену дереву впервые начали использовать уголь, обилие которого позволяло без труда усовершенствовать процесс обработки железных руд.

Медицина

Стремление все классифицировать не могло не коснуться медицины и фармакопеи. Медицина находилась в ведении специальной имперской канцелярии, в задачи которой входили

публикация и переиздание рукописей и трактатов. Существовало фундаментальное различие между «внутренней медициной» (*нэй гэ*), т. е. общей медициной, и «внешней медициной» (*вай гэ*), т. е. хирургией, к которой китайцы всегда относились очень сдержанно.

От периода Хань до эпохи Сун эта тенденция только усилилась. Циклические концепции пользовались спросом, согласно им роль врача состояла в том, чтобы восстановить временно нарушенную гармонию между элементами инь и ян тела и дыхания. К этому, в соответствии космогоническим представлениям китайцев, нужно еще добавить теорию четырех элементов (воздух, земля, вода и огонь), на которую повлияли греческая философия и индийский буддизм. В особенных, не поддающихся другим видам лечения случаях практикующий врач обращался к иглоукалыванию, которое получило широкое распространение с периода Шести Династий.

Однако главная заслуга сунских ученых в области медицины заключалась в распространении знаний и практического внедрения клинического наблюдения, которое практиковалось еще в правление династии Тан. В XII в. параллельно с древними великими трудами, например «Трактат о болезнях, вызванных холодом» Чжан Чжунцзина (ок. 168 г.), китайского Гиппократы, использовался новый учебник для деревенских врачей (*хэ чжи цзю фан*). Медицинские специализации, такие как гинекология или педиатрия, развивались равномерно. А в середине XIII в. Сун Цы составил первый трактат по судебной медицине (*си юань лу*). Наконец, получили распространение правила элементарной гигиены, а чистка зубов, которой так восхищались специалисты варварской династии Ляо, и зубная паста были известны с XI в. Однако более всего в период династии Сун мыслители и политические реформаторы этого времени прославились своей человечностью и сочувствием к людям, которым они стремились продлить жизнь, используя все способы, известные на протяжении многих веков.

* * *

Очень трудно выделить причины и этого удивительно-го расцвета китайских знаний на заре Нового времени, и внезапного и разочаровывающего периода, последовавшего за ним. Некоторые стремились понять это, сравнивая Китай с Западом. Фактором интеллектуального подъема Европы была необходимость найти в науке и мышлении новый универсализм, который заменил бы универсализм латинской культуры, ценность которой потеряла смысл вместе с эпохой Великих географических открытий и осознанием множественности человеческих обществ.

В Китае не могли испытывать подобного стремления как минимум до XIX в. Китайский язык хранил все нужды цивилизации, которые, как по волшебству, исчезали в границах империи. Не было необходимости пересматривать вопрос о Вселенной. Было достаточно использования опыта прошлого, позволившего уже создать удовлетворительную картину макрокосмоса, в которой ни одно новое знание не могло пробить брешь.

Глава десятая

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ХУДОЖНИКИ В ЭПОХУ СУН

В период правления династии Сун была создана, пожалуй, самая прекрасная, самая полная, самая основательная система в истории китайской цивилизации. Она родилась благодаря сочетанию различных факторов, которые, взятые по отдельности, могли привести к разрушению империи. Однако в условиях экономического процветания вместе они способствовали тому, что опыт предыдущих веков был сохранен и усовершенствован.

Кроме того, династия Сун, находившаяся в постепенно сжимающемся пространстве, больше не была способна решать варварскую проблему и обеспечивать безопасность пограничных территорий, где не прекращались стычки. Следствием этого стало появление ксенофобии, которая в какой-то степени предвосхищала грядущие события: династия погибла (1279), уничтоженная монголами, которые обрушились на империю, изменив или навсегда уничтожив жизненную силу ее древней культуры. Варварская опасность стала для средневекового Китая, более чем для Китая эпохи Хань, настоящим кошмаром.

Но, осознавая масштабы этой проблемы, цивилизация сумела сохранить зародыш будущего неизбежного возрождения. Чтобы избежать печальной судьбы, которая ей угрожала, империя укрепила основы собственной цивилизации. В храмы Конфуция, воздвигнутые в каждой префектуре согласно

императорскому указу, относящемуся еще к 630 г., пришли новые люди. Таким образом, из древнейшего направления мысли, основанного на симпатии к собственным национальным корням, в период Сун развилось течение в философии, которое историки назвали неоконфуцианством. По сути, именно оно определяло систему управления империей вплоть до XX в.

Философы

Широкое распространение идей, благодаря изобретению и быстрому развитию книгопечатания, породило научное осмысление общественных явлений и их классификации. Результатом этого стала содержательная и блистательная интеллектуальная жизнь, уравновешенная утонченной чувствительностью мастеров искусства. В отличие от эпохи Тан, когда культура контактировала с внешним миром, в эпоху Сун ее обогащали контакты внутри Китая, границы которого не замыкали мышление в тесные рамки, а, напротив, позволяли усваивать и использовать опыт, накопленный в предыдущие века.

Закат буддизма

В тот момент, когда китайская философия обрела новую славу, буддизм, элемент, пришедший извне, постепенно отходил на второй план: то, что в фундаментальных основах этой религии соответствовало китайскому мышлению, оказалось интегрировано в систему национальной философии. Самая яркая форма буддизма погибала, погребенная суевериями.

Показательное преследование буддизма в 845 г., возрождение конфуцианства, значение государственного управленческого аппарата, а посредством него и сословия интеллектуалов-

лов-чиновников часто заставляют забыть об огромной популярности, которой буддизм в действительности еще пользовался у народных масс. Современные исследования подчеркивают, что, несмотря на все новые идеи, количество верующих буддистов, и мужчин и женщин, в период Сун, по-видимому, было больше, чем в правление династии Тан. Около 400 тыс. монахов и больше 60 тыс. монахинь в XI в. жили в монастырях, тогда как в 845 г. государственные чиновники во время переписи насчитали немногим больше 400 тыс. человек. Монастырские списки, обновлявшиеся каждые три года начиная с 729 г., свидетельствуют о постоянно возрастающем интересе к буддизму, даже с учетом увеличения численности населения.

Причины упадка былой веры очевидны, однако они совсем иного порядка. В значительной степени они отражают трудности, которые преследовали людей этого времени.

Во-первых, по мере того как контакты с Индией, обращенной в ислам, становились реже, буддизм терял свою репутацию в сознании интеллектуалов: они заимствовали из этой религии только отдельные понятия, которые легко усваивались на китайской почве. Былое пламя веры пылало только в сердцах простых людей в сентиментальной форме буддизма «чистой земли» или фантазеров и недовольных в антиинтеллектуальной форме *чань*. Наконец, камнем преткновения было и то, что буддизм не мог быть предметом сдачи экзаменов, так как его основные положения плохо сочетались с управлением государственными делами. Среди различных партий и политических течений Китая буддизм был идеологией для оппозиции или помощником тех, кто соперничал с интеллектуалами и имел единственную цель — захват власти.

Буддийская церковь или то, что от нее осталось, задавленная проблемами из-за нехватки денег, выглядела в глазах правительства сомнительным способом для заработка. Самым рентабельным из этих способов была продажа документов о посвящении в сан. Это обыкновение восходит еще к эпохе

Тан (747). Его задачей было затормозить процесс уклонения от уплаты налогов: население легко укрывалось за монастырскими стенами от сборщиков налогов, военной службы и общественных повинностей. Сопровождаемое, в первую очередь, экзаменом на знание доктрин, который должен был сдать соискатель, посвящение в сан, несмотря на кратковременное оздоровление в конце XI в., оказалось в настолько же плачевном состоянии, напоминая торговлю должностями во Франции при Старом режиме.

Продажа фиктивных документов умножалась в таких пропорциях, что в 1132 г. канцелярия по делам религий, созданная в то время в Ханчжоу, продала за год 50—60 тыс. свидетельств о посвящении в сан, где для имени была оставлена пустая графа. Так появился своеобразный черный рынок торговли этими бумагами, на котором предусмотрительные богатые семьи накапливали их для перепродажи в случае необходимости по хорошей цене, несмотря на то что сами получали их от правительства по льготному тарифу. После затишья, совпавшего с периодом службы миротворца Цинь Гуя, деятельность которого позволила устранить на время варварскую угрозу, не прибегая к армии, торговля продолжилась с новой силой в 60—70-е гг. XII в. одновременно с военными операциями, которые велись против тангутов.

Тем временем правительство ввело специальный налог, уплата которого требовалась с новых монахов в обмен на их привилегии, связанные, например, с освобождением от воинской повинности: каждый извлекал из этого преимущества немедленно или в долгосрочной перспективе. При этом лицо, получившее необходимый документ, могло вести светскую жизнь. Казна, без сомнения, возместила свои убытки, но религия окончательно потеряла из-за этого свое значение. Люди того времени высмеивали массу «тыловых крыс», которые стали укрываться в псевдомонашеских общинах: «Когда слепой видит деньги, его глаза открываются; когда монах видит деньги, он продает все, даже священные тексты».

Китайское сознание больше не находилось в тени святых лиц. Оно обновило старые рамки традиционной философии. Всего за один век (XI в.) семь философов заложили основы нового китайского мышления, не менявшегося до XIX в.

Новое китайское мышление, или Обновление конфуцианства

Мыслящие люди больше не довольствовались повторением или бесконечным толкованием классических текстов, которые по приказу императоров периодически с большой pompой высекались на камнях. Еще до того, как буддизм отошел на второй план, он привил китайцам привычку мыслить метафизическими понятиями, выходя за рамки политических или семейных связей, хотя сторонники национального обновления и не проявляли интереса к миру, находящемуся по ту сторону смерти. От буддийской системы мировоззрения китайцы позаимствовали только элементы восприятия нескольких звеньев в длинной цепи космического знания. Все новые философы оказались деятельными и политически влиятельными людьми, которые первым делом принялись за созидание, реформирование и установление равновесия в обществе. Так они оказались звеньями в цепи мыслителей прошлого.

Фань Чжунянь (990—1053) был полководцем и государственным чиновником высокого ранга. В правление императора Жэньцзуна (1022—1063) он занял пост первого министра и, как об этом уже говорилось, начал настоящую чистку правительственных кадров. Он ратовал за восстановление тех полезных учреждений, которые существовали еще при первых правителях Китая. Этим он открыл во всем плохом и во всем хорошем путь для Ван Аньши (1021—1086), который прославился своими реформами. Не заботясь о поэзии, которой Фань Чжунянь придавал второстепенное значение, он выступал за

то, чтобы приоритетными дисциплинами на экзамене стали история и политика, и в итоге добился этого. Всю жизнь он следовал одному правилу, которое избрал в годы своей молодости: «Быть первым в заботах о бедах мира, последним — в использовании его наслаждений». Таким был человек, который возродил значимость текста «Срединное и Неизменное» («Чжун юн») и «Книги перемен» («И цзин»), доверие к которым было огромно в III—IV в. благодаря школе таинственного учения (*сюаньсюэ*), а впоследствии забылось.

Великий Оуян Сю (1007—1072) также питал огромный интерес к «И цзин» и пошел дальше: основываясь на аргументах об историческом правдоподобии, он поставил под сомнение то, что это произведение полностью было создано Конфуцием. Впервые кто-то осмелился отнестись к «классическому тексту», как к простому произведению. Однако ничто не смущало этого мыслителя, который следовал по пути Хань Юя (786—824), философа эпохи Тан, в какой-то степени стоявшего у истоков обновления конфуцианства в эпоху Сун.

Оуян Сю родился в семье чиновника из провинции Цзянси, благородного, но бедного. Сирота с ранних лет, он познал все тяготы нищей жизни. В детстве он не получил достойного воспитания. Он сам приобщился к литературным занятиям, благодаря редким книгам, которые ходил читать к соседу, достаточно зажиточному, чтобы иметь свою библиотеку — в ней были стихи, памфлеты и воззвания Хань Юя. Этот суровый автор, который весь был обращен в прошлое Китая, забытый писатель, стал для молодого Оуян Сю учителем, и это оставило печать не только на его жизни, но и направило дальнейшую судьбу философии в империи.

В 1030 г. Оуян Сю успешно сдал экзамены и стал чиновником с блестящей карьерой. Несмотря на два периода опалы, которые Оуян Сю пережил в своей политической жизни: в 1036 г., когда он возражал против отставки Фань Чжуняня, и двадцатью годами позднее, что было вызвано волнениями

при дворе, — его моральное влияние и мнение всегда оставались очень весомыми.

Император Жэньцзун, правление которого продолжалось более сорока лет (1022—1063), в своем завещании назначил его первым министром и опорой юного наследника Иньцзуна (1063—1067), который был неизлечимо болен. Возможно, роль, которую сыграл Оуян Сю в истории Китая, была не самой счастливой, так как именно его управление породило те потрясения, которые произошли из-за реформ Ван Аньши. С другой стороны, следует отметить ту влияние, которой обладал этот философ, карьера которого была столь успешной, что он занимал должность главы экзаменационной комиссии. Согласно обычаю, кандидатуры успешно сдавших экзамен, воспитанных семьей или академиями, где преподавали платные, что являлось высшим недостатком, безвестные учителя, выносились на обсуждение главы комиссии. Таким образом, Оуян Сю, занимавший этот пост, в какой-то степени оказался духовным главой нации. Все будущие мудрецы прошли через его руки. Он выносил свое решение, определял их продвижение по службе и способствовал завершению их образования. Одни, как Ван Аньши, выступали против него, другие, как Су Дунпо, оставались ему верными. Однако современники всегда восхищались его эрудицией, пониманием китайского прошлого и умением изложить свои взгляды в самой изящной форме.

Оуян Сю делал практические выводы из своих ученых занятий и выдвинул программу национального обновления. Его размышления основывались на идеальных представлениях о Китае доимперского периода, которому он приписывал некую всеобщую добродетель демократической справедливости. Она, согласно Оуян Сю, была уничтожена пагубными действиями сторонников легизма, которые ослабили организм человека, позволив ему заразиться буддийской болезнью, что привело к интеллектуальному вырождению: «Когда пала династия Чжоу, а династия Цинь захватила мир, она презрела методы управления Трех Династий [Ся, Шан-Инь и Чжоу] и

отвернулась от деяний древних правителей. С этого времени власть имущие никогда не обладали силой, позволявшей восстановить древние методы управления, были неспособны усовершенствовать их и уберечь народ от отклонений от истинного пути. Именно в этот момент буддизм, воспользовавшись обстоятельствами, появился в стране, и на протяжении тысячи лет число его приверженцев увеличивалось с каждым днем, тогда как наши собственные обычаи день ото дня приходили в упадок».

* * *

Философы этого нового течения, презирая практики метафизической медитации, свойственные буддизму и другим религиям, пришедшим с Запада, также столкнулись с трудной проблемой устройства мира, следствием которой была проблема смысла жизни. Они искали ответы в старых мудрых книгах периода Хань.

Чжоу Дуньши (1017—1073) использовал мистические графики, созданные даосскими монахами, которые были известны в чтении снова вошедшей в моду «Книги перемен». С их помощью он сформулировал понятие «великого предела» (*тай цзи ту*). В коротком тексте «Объяснение чертежа великого предела» («Тай цзи ту шо»), который мы приводим полностью из-за того огромного значения, которое он имеет в истории китайской философии, он создал своеобразный манифест рационального понимания мира, обязательного основания новой философии:

«Беспредельное, а затем — Великий предел!

Великий предел приходит в движение, и порождается ян. Движение доходит до предела, и наступает покой. В покое рождается инь. Покой доходит до предела, и снова наступает движение. Так то движение, то покой являются корнем друг друга.

Разделяются инь и ян — поэтому устанавливаются два образа.

Ян превращает, инь соединяет — происходит рождение воды, огня, дерева, металла, почвы. Пять пневм распространяются в должном порядке — четыре времени совершают свой ход.

Но пять стихий — это только инь и ян, инь и ян — это только Великий предел, а Великий предел коренится в Беспредельном!

Когда пять стихий рождаются, каждая наделяется своей природой.

Истинное в Беспредельном, эссенции двух и пяти таинственным образом соединяются, и происходит затвердевание.

„Небесное дао устанавливает мужское, земное дао устанавливает женское”. Две пневмы взаимно возбуждаются и производят 10 тысяч вещей. Десять тысяч вещей рождаются и рождаются, и превращениям нет конца.

Только человек приобретает все это в совершенстве и наиболее одухотворен. Его тело оформляется, дух начинает познавать, пять природ приходят в движение, добро и зло разделяются — возникают 10 тысяч дел.

Совершенномудрый упорядочивает это с помощью срединности, прямоты, милосердия, справедливости (разъяснение Чжоу-цзы: „Дао совершенномудрого — это только милосердие, справедливость, срединность и прямота”), и главенствует покой (разъяснение Чжоу-цзы: „Отсутствие желаний — причина покоя”). Этим устанавливается предел человека.

Поэтому совершенномудрый „с Небом и Землей согласует свою благодать, с Солнцем и Луной согласует свою прозорливость, с четырьмя временами согласует свой распорядок, с демонами и духами согласует свое счастье и несчастье”. Благородный человек совершенствуется в этом и счастлив, низкий человек идет против этого и несчастлив.

Поэтому сказано: „Установили дао Неба — инь и ян, установили дао Земли — мягкое и твердое, установили дао Человека — милосердие и справедливость”.

И еще сказано: „Истоки начала есть оборотная сторона конца — в этом познается объяснение смерти и рождения”.

О, как велики „Перемены”! В этом их совершенство!»¹

Чжоу Дуньши, как и все его соотечественники, склонен к идеям полярности и циклического движения природы. В своем тексте и в своей морали он признает некоторые черты даосизма и чань-буддизма: склонность к обыкновенным делам, покою, удалению от соблазнов и напряжения, препятствующего непосредственности поведения человека, которое он должен сохранять в любых ситуациях. Чжоу Дуньши снова вернулся к идеалу созерцателей: жить и поступать в соответствии с тем, что естественно.

В то же время Шао Юн (1011—1077) размышлял, изучая «Книгу перемен». Но вместо особого изучения понятия «Великий предел» он оказался очарован бесконечной игрой чисел. Помимо «основания двух», *инь* и *ян* даосизма, «основания пяти» — пяти элементов, популярных в эпоху Борющихся Царств (403—221 до н. э.), — он открыл «основание четырех», которое, благодаря арифметической прогрессии, создавало шестьдесят четыре гексаграммы — арифметические сочетания сплошных и прерванных линий. Они на протяжении множества веков служили гадалщикам способом открыть свой мистический взор. Именно эти гексаграммы навели Лейбница на его размышления, хотя он, без сомнения, преувеличивал их математическое значение.

В самом деле, слова нашего современного языка не должны вводить нас в заблуждение: эти, абстрактные для нас, фигуры на протяжении долгого времени обладали в Китае физическим, материальным смыслом, который мало-помалу раскрывают современные исследования, посвященные алхимическим книгам. Когда Шао Юн стремился сформулировать универсальный закон развития, чередования сезонов, смены дня и ночи,

¹ Перевод В. Еремеева.

фаз созидания и разрушения, он всего лишь воспроизводил в новых терминах простую идею, которая была почти так же стара, как и китайская культура, порожденная наблюдениями за природой.

Его «Космическая хронология» («Хуанцзи цзинши») была более оригинальной: он доказывал в ней, что золотой век уже прошел, что в ходе каждого цикла, состоящего из 120 600 лет, мир вступает в фазу упадка. Он, в свою очередь, заканчивается, и все начинается сначала, при этом никакого развития не существует и все бесконечно повторяется.

Чжан Цзай (или Хэнцзюй, 1020—1076) намного больше занимался не циклами, а понятием *ци*, которое было описано еще в эпоху Хань философом Дун Чжуншу: «прозрачная, бесцветная» субстанция, которая «окружает человека, как вода окружает рыбу», и это объединяет в единое целое и сплавливает все мироздание. Этот глобалистский взгляд основывался на понятии всеобщей любви: она вдохновила философа на создание очень красивого текста, который он написал на западной стене своего зала для преподаваний. В итоге знаменитые «западные надписи» (*си-мин*) от поколения к поколению воспевали горячность, которая оживляла сердца и мысли философов, увлеченных обобщениями:

«Небо — мой отец, Земля — моя мать, и даже у такого малого существа, как я, есть местечко между ними.

Вот почему все, что простирается по всей Вселенной, я полагаю своим телом, а то, что управляет этой Вселенной, я полагаю своей природой.

Все люди — братья и сестры, все вещи — мои товарищи.

Великий правитель [император] — старший сын моих родителей [Неба и Земли], министры — его помощники. С уважением — вот та манера поведения, с которой нужно относиться к старшим. Показывать привязанность к сиротам и слабым — вот та манера поведения, с которой нужно относиться к младшим. Мудрец сообразует свой характер с Небом

и Землей, добродетельный человек — лучший [ребенок Неба и Земли]. Даже те, кто устал или немощен, искалечен или болен, тот, у кого нет ни братьев, ни детей, ни жены, ни мужа, — все они мои братья, находящиеся в беде, у которых нет никого, кто бы повернулся к ним...

Богатство, почести, благословения и выгода — все это обогащает мою жизнь; бедность, низкое положение, страдания и заботы — все это помогает моему совершенствованию.

На протяжении всей моей жизни, я существую и служу [Небу и Земле]. После смерти я буду спокоен».

Эта общая позиция по отношению к жизни была воспринята и отлита в более афористичную форму двумя братьями — Чэн Хао (1031—1085) и Чэн И (1032—1107). Их объединяла одна идея, однако у каждого из них она развивалась по-разному. В итоге позже появилось два основных течения, названных западными историками неоконфуцианством.

Братья были родственниками Чжан Цзая, поддерживали контакты с Шао Юном и Чжоу Дуньши, которые были старше братьев на двадцать лет. Чэн Хао, старшего, особенно занимала идея морали Чжан Цзая, добродетели которой он обобщил в термине *жэнь* — человечность или человеческая доброта. Таким же образом он различал *жэнь* Неба и *жэнь* Земли, которые охватывали стремление к жизни всего существующего мира.

Чэн И, восхищавшийся учителем, воспринял его космологические идеи, однако он верил в то, что все существа родились случайным образом, благодаря уплотнению *ци*; он также считал, что и смерть не несет в себе надежды на возрождение, так как это всего лишь рассеивание *ци*:

«Когда вещь разлагается, ее *ци* приходит к концу и не существует ни одного принципа, который позволил бы ей вернуться к своему оригинальному истоку. Вселенная — это огромная печь, в которой выплавляются даже живые объекты, которые затем существуют до своего конца. С тем большим основанием нужно сделать вывод о том, что затем *ци* рас-

сеивается. Как может она существовать второй раз? Как Вселенная может использовать *ци*, которая уже рассеялась? Ее созидательная деятельность порождает новую *ци*».

Он ясно выразил свой материалистичный взгляд на *ци*, приписав ему переходные состояния уплотнения и рассеивания, прозрачности и помутнения, которые мешают естественной природе человека — при благоприятных обстоятельствах — проявить себя:

«*Ци*, которой человек наделен с рождения, может следовать доброму или дурному *ли*. Впрочем, нельзя сказать, что эти два противостоящих друг другу свойства присутствуют в самой природе изначально. Есть случаи, когда добро существует в человеке с детства, есть случаи, когда зло присутствует в человеке с детства. Добро, конечно, относится к природе. Но нельзя сказать, что зло не относится также к природе, [поскольку] природой называют то, что существует с рождения. О том, что существует до того, как [человек пришел в этот мир], мы не можем ничего сказать. Так как, когда мы говорим о природе, на самом деле это уже не первоначальная природа. ...Все как вода. Иногда... она течет прямо к морю, не застываясь, и, когда все происходит таким образом, какая нужда в человеческих усилиях? Но иногда она мало-помалу замутняется по мере того, как течет все дальше. Или она течет очень далеко и только там становится мутной. Таким образом, она иногда больше, иногда меньше, но замутняется. Но, какой бы ни была степень замутнения, никто не может обвинить это замутнение в том, что оно является водой. Если все так, то человек может приложить усилия, чтобы снова сделать воду прозрачной. То есть если быстро приложить усилия, то вода скоро станет чистой, тогда как если усилия прикладывать медленно и апатично, то и вода будет очищаться медленно. Впрочем, когда вода очистится, она совершенно не будет отличаться от своего первоначального состояния».

Чэн И признавал, что скрытые возможности каждого человека по совершенствованию своей телесной оболочки

ограничены, но все же он разделял и оптимизм Мэн-цзы. Чэн И считал, что каждый может, используя знание и стремясь выйти за пределы своей природы, раздвинуть границы, созданные случайной игрой *ци*. В философском смысле он очень сильно осуждал понятия отдыха, покоя, на которых основывал свои работы Чжоу Дуньши. В поведении людей он отвергал пассивность, вдохновенную даосизмом и буддизмом: каждый должен трудиться ради своего собственного счастья путем совершенствования собственного бытия.

Наконец, важным фактом в истории образования и культуры в Китае было то, что Чэн И отобрал «Четверокнижие» («Сышу»), тексты, которые он считал основой конфуцианства: «Беседы и высказывания» («Лунь Юй») Конфуция, произведение Мэн-цзы и две главы «Книги ритуалов»: «Великое учение» («Да сюэ») и «Срединное и Неизменное» («Чжун юн»). Сделав это, он выделил из конфуцианства те книги, которые считал полезными для воспитания молодых людей. «Четверокнижие» использовалось с этой целью с XI по XX вв.

* * *

Понадобилось сто лет, после того как династия возродилась на берегах Янцзыцзян, чтобы появился великий ум, способный собрать различные работы и создать их синтез — это было произведение Чжу Си (1130—1200). Историки охотно сравнивают его с Фомой Аквинским, так как и в его личности, и в важнейшем произведении, где сочетаются древние и новые элементы китайской философии, господствует система гуманизма. С подобными западными системами Китай познакомится только в XX в., когда начнется их массовое проникновение в страну.

История интеллектуального развития Чжу Си позволяет оценить разностороннее развитие людей того времени и тщетность грубых классификаций, которые, как оказалось, были созданы намного позже.

В молодости Чжу Си под руководством своего отца изучал знаменитое «Четверокнижие» Чэн И, а также классические тексты. Впрочем, его образование не ограничивалось каноническими текстами. Заинтересовавшись такими личностями, как учителя Лю Байшуй (1091—1149) и Лю Биншань (1101—1147), он освоил и тексты чань-буддизма, которые оказали на него огромное влияние. В возрасте пятнадцати или шестнадцати лет он встретился с последователем учителя Да Хуэя (1089—1163). В учении этого мудреца его очаровали безмолвные медитации, лишенные мыслительного процесса, однако он пренебрег теми идеями, которые настаивали на необходимости тяжелых тренировок, приводящими к озарению. Именно благодаря этому Чжу Си позднее написал поэму, в которой можно почувствовать, насколько создатель современного конфуцианского мышления в глубине души сохранил буддийскую чувствительность и созерцательность.

Совсем один я дома, мне нечем заняться.

Я листаю книгу о Шакье.

Я освобождаюсь от соблазнов, выхожу за пределы того, что меня окружает, и чувствую гармонию с Путем.

Дверь в сад затенена бамбуком,

после дождя можно слышать щебет птиц на холмах,

но я — мое тело и мое сердце —

в соответствии с законом недеяния стремлюсь постичь мир.

Этот текст очень важен, так как даже в конце жизни Чжу Си не отказывался от своей точки зрения, очень близкой мистической. Он открыто признавал, что испытывает восхищение перед методами *чань*, которые в XI в. проповедовал яркий представитель этого направления Фаянь (умер в 1104 г.): «Школы Конфуция, Лао-цзы, Чжуан-цзы не оставили после себя великих последователей, способных продолжить труды своих учителей. Однако буддисты *чань* всегда умели находить себе учеников, и на деле это приводило к тому, что они охотно

шли на риск, не объясняя ничего полностью. В это же время другие были вынуждены развивать свои собственные размышления и вопросы, чтобы в результате полностью раскрыть их смысл». За несколько недель до своей смерти Чжу Си, уже прикованный к постели, советовал одному из своих лучших учеников бродить по миру, как молодые неопиты *чань*, и оттачивать свой ум в общении с другими людьми: «Теперь, вы должны повторить методику буддийских монахов, которая называется „пешее путешествие“ (*синцзяо*). Это позволит вам встретиться с лучшими умами империи, наблюдать за всем самым важным, что происходит в стране, увидеть пейзажи, реки и горы, изучить исторические пути подъемов и падений, мира и войны, правды и лжи, прошедших и настоящих правительств. Нет другого способа познать истину во всем ее многообразии... Не было мудреца, который пренебрегал бы делами мира. Не было мудреца, который не рассуждал бы о произошедших событиях и переменах. Не было мудреца, который, созерцая, сидел бы в одиночестве за закрытыми дверями».

Чжу Си был назначен чиновником, в его обязанности входило регулирование повседневных дел сельского округа. Он стал более деятельным, приобрел чувство социальной справедливости, которого ему не могло дать счастливое и спокойное детство. В это время он встретил Ли Яньпина (1093—1163), повлиявшего на взгляды Чжу Си, которые стали более связаны с материальным миром.

Ли Яньпин развивал теорию, которая являлась ответвлением от учения Мэн-цзы, и упрекал своего ученика в том, что он «обладает обширными знаниями о множестве абстрактных принципов, но совершенно не имеет представления о той реальности, которая находится перед ним». Но сам Ли Яньпин умер, так и не разрешив дилемму, которая содержалась в его философии. Он одновременно «стремился к пониманию внутреннего содержания мира» и пытался постичь кружение повседневных событий. Чжу Си подружился

с Чжан Аньсюанем, отец которого был другом Да Хуэя. Эта новая дружба окончательно повернула его к изучению реальности, поскольку, как говорил учитель, самые прозаичные из наших нужд могли способствовать пониманию «небесных принципов».

Когда Чжу Си исполнилось 34 года, он почувствовал себя готовым к политической деятельности и отправился в столицу — Ханчжоу, чтобы убедить правительство, как двадцать лет назад партия Юэ Фэя, изгнать варваров, основавших на Севере династию Цзинь. Несколько лет спустя он боролся в своей родной деревне с наводнением и голодом, создавал «общественные амбары», восстановив древнюю идею создания резервов, предназначенных для покрытия недостатка зерна в трудные годы. Борясь с бесчисленными трудностями, он искал вокруг себя следы «человечности» (*жэнь*), сходной с «небесными принципами». Но он видел только богачей и умирающих от голода бедняков, которых разделяла пропасть эгоизма. Этот человеческий и административный опыт глубоко повлиял на развитие его философии. Чжу Си представлял собой совершенного интеллектуала, в полном смысле этого слова, одинаково свободно чувствующего себя и в сфере мышления, и в реальности. Для него не существовало обедняющей многих философов разницы между «интеллектуальным» и «физическим» трудом.

Однако строгость его морали, которая заставляла его вести жизнь в соответствии с этими принципами, навлекла на него гнев официальных лиц. Обвиненный в создании ложного учения, осуждавшего простоту социальных основ государства, изобличенный как опасный подстрекатель народного недовольства, уличенный в связях со сторонниками отвоевания Севера, Чжу Си был изгнан со своего поста. Достигнув сорокалетнего возраста, он полностью мог предаваться размышлениям и преподаванию: его академия «Пещера белого оленя» в провинции Цзяньси вскоре добилась той репутации, которой заслуживала, и была удостоена чести императора,

который, несмотря на происки правительства, подарил ей книги.

Самым большим достижением философии Чжу Си, известной не только своей оригинальностью, было, без сомнения, господство анализа. Это позволяло философу, не придерживаясь филологических исследований, традиционных для философии начиная с эпохи Хань, лично пройти путем древних мыслителей. Он сумел дать точное определение тех понятий, которыми пользовались его предшественники, особенно Чэн И, на чье учение Чжу Си опирался: *ли*, или «принцип бытия», *ци*, или «материальная энергия», *тай ци*, или «великий предел».

Чжу Си определял *ли* как человеческую природу: свойственная каждой личности, она участвует в космическом союзе «великого предела».

Ци, напротив, свидетельствует о физических данных рассматриваемого объекта: чистая *ци* порождает мудрецов, а замутненная *ци* — дураков и дегенератов. Он развил доктрину Мэн-цзы о доброте людей, которая, как он писал, проявляется в полной мере только тогда, когда человек обладает сразу и хорошим *ли* и хорошим *ци*. Взаимное влияние этих двух элементов рождает дух или, скорее, делает его очевидным, так как он предшествует любому существу: «Природа человека и вещей состоит только из *ли*, об этом нельзя говорить, используя такие термины, как „объединение“ и „распад“. То, что объединяется, порождая жизнь, и то, что распадается, открывая дорогу смерти, — это всегда *ци*. То, что мы называем духом, душой (*хуньпо*) и совестью, — это всегда следствие *ци*. Когда *ци* объединяется, оно существует, когда *ци* распадается, оно не существует. Что же касается *ли*, то оно не существует или не прекращает существовать, если смотреть с позиции объединения и распада. Насколько существует качество *ли*, настолько в соответствии с этим существует и *ци*, и насколько *ци* включено в частный случай, настолько же в него вовлечено и *ли*».

Фундаментальные основы философии Чжу Си имели важные социальные последствия, так как она была политическим учением больше, чем философия братьев Чэн. Понятие *ли* играло роль принципа управления: хороший правитель должен был избавиться от нарушений *ци*, чтобы позволить появиться *ли*, принципу, главному для правильного управления государством.

Позднее теория Чэн И и Чжу Си получила название «учения о человеческой природе и всеобщем порядке» («*син ли сюэ*»). Европейские миссионеры называли ее неоконфуцианством — в XVI в. эта школа уже была единой и сформировавшейся.

В эпоху Сун ее успех был менее очевиден. Партия Ван Аньши считала Чэн И грозным противником. Беды философа не закончились, когда реформатор попал в опалу, поскольку он был внесен в черный список еще в 1087 г. Сто лет спустя Чжу Си, в свою очередь, тоже пришлось претерпеть месть министра Хань Точжоу (1150—1202), который завидовал тому значительному доверию, которое стареющий учитель завоевал при дворе.

К соперничеству политического характера следует добавить философские противоречия, порожденные крайним разнообразием взглядов, характерных для плодотворного периода правления династии Сун.

Так, например, Лу Цзююань (или Лу Сяншань, 1139—1192), один из лучших друзей Чжу Си, напоминал в манере последователей доктрины *чань* о значении интуиции в достижении высших сфер знания. Он утверждал, что различия между понятиями *ци* и *ли* носят исключительно словесный характер: «Сердце — одно и принцип — один. Совершенная истина сводится к единству. Важнейший принцип никогда не может быть двойственным. Сердце и принцип никогда не могут быть разделены. Вот почему Конфуций говорил: „Есть центральная идея, которая проходит через все мои доктрины“, а Мэн-цзы говорил: „Путь один и только один“».

Лу Сяншань стал основателем «доктрины сердца», которая позднее была развита в форме квиетизма¹ конфуцианского образца знаменитым Ван Янмином (или Ван Шоужэнем, 1473—1529).

Таким образом, можно сказать, что философия периода Сун — это философия узлового момента в развитии китайской цивилизации или даже в ее высшей точке; философы этой эпохи — певцы древности, которые не были ее рабами, носители буддийского духа, не спрятавшегося в пессимизме философии, которую китайцы всегда очень плохо понимали. Впрочем, возможно, основное содержание этой философии, благодаря ее мудрости, сдержанности ее взглядов и пустословию, от которого она не была свободна, несло в себе зародыш быстрого разрушения, которое ничто не могло остановить. Хотя Чжу Си и был святым Фомой Аквинским Китая, но в этом мире до XX в. так и не было Возрождения.

Книгопечатание

Книгопечатание стало основным средством для распространения и увеличения числа идей, которые легко могли пережить любые метаморфозы, оставаясь заключенными в старые рамки мышления, которые их объединяли.

Китай изобрел книгопечатание раньше, чем любая другая страна, это непреложная истина. Первое бесспорное упоминание о книгопечатании в Китае можно найти в тексте, автором которого был чиновник из Сычуани. Он, не зная того, поднял очень важную проблему свободы печати: «...[29 декабря 835 г.] ...Фэн Сю [чиновник из восточной Сычуани] в своем донесении задал вопрос об императорском указе, запрещаю-

¹ Квиетизм (франц. *quiétisme* от лат. *quietus* — спокойный, безмятежный) — религиозно-этическое учение, проповедующее мистически-созерцательное отношение к миру, пассивность, спокойствие души, полное подчинение божественной воле, безразличие к добру и злу, раю и аду.

щем печатать дощечки с календарями. Провинции Двух Чуаней, Цзяньнань и Жуайнань, печатали все календари при помощи дощечек и продавали их на рынках. Каждый год, до того как канцелярия астрономии предоставила свой доклад об утверждении нового календаря, эти печатные календари уже наводняли империю. В этом есть [что-то] противоречащее правилам уважительной передачи [нового календаря, утвержденного императором]. Вот почему был издан указ, запрещающий [частную печать].»

Однако можно запретить только то, что становится достаточно заметным явлением, а выражение «наводняли империю», вероятно, не является простой стилистической оговоркой. Среди манускриптов, найденных в Дуньхуане, находилась и печатная «Алмазная сутра», датирующаяся 868 г. Таким образом, можно сделать вывод, что книгопечатание уже получило широкое распространение. Но на сегодняшнем уровне знания мы не можем дать датировку более точную, чем столетие. Нужно вернуться в Сычуань. Если верить историку Сыма Гуану, то именно правитель Шу (Сычуань) за семь лет до начала правления династии Сун, в 953 г., отдал первый официальный приказ выгравировать на дереве и отпечатать классические тексты: «С последних лет династии Тан учебные заведения были покинуты повсюду, где они располагались. У Чжаои из Шу (Сычуань) израсходовал миллион [сапеков] из своих собственных средств, чтобы основать учебное заведение. Более того, он потребовал, чтобы на [деревянных] дощечках были выгравированы девять классических текстов. Правитель Шу дал свое согласие. После этого обучение просвещенных мужей вновь расцвело в государстве Шу.»

Недавно изданные работы подчеркивают, насколько широко и универсально было распространение книгопечатания. В Кайфэне по приказу Фэн Дао (882—954) также начали печатать классические тексты. Раскопки в районе Янцзыцзян регулярно приносят новые тексты, напечатанные в ту же эпоху. Тем не менее самым искусным оставалось производство книг

в Сычуани. В 931 г. Муцю Цзянь воспроизвел при помощи ксилографа знаменитую древнюю антологию поэзии Вэнь Сюань. Там же были отпечатаны первые словари, а в период между 972 и 983 гг. — буддийский канон. Позднее ученый Ван Минцин (1127—1200) отметил, что «сегодня [книгопечатание] распространилось по всей империи, но не больше, чем это было в Шу [Сычуань]». Кажется, что этот богатый регион, оставшийся автономным и своеобразным на всем протяжении китайской истории, действительно способствовал развитию книгопечатания в Китае.

Тем не менее нужно подчеркнуть особенности и локальные границы этого изобретения, которое Дальний Восток и Запад понимали совершенно по-разному. На самом деле, будет бесполезным узнать, какое точное значение вкладывалось в такие слова, как «книгопечатание» и «печатать». Имеются два технических определения: первое, широкое, мы находим в словаре *Littre*: «печатать — создавать или оставлять оттиск, клеймо, черты или фигуры... на чем-либо». Другое, дающее более узкую дефиницию, сформулировано словарем *Robert* следующим образом: «книгопечатание — совокупность техник, позволяющих воспроизводить текст при помощи тиснения набора перемещаемых знаков». В последнем случае, когда мы говорим о Европе инкунабул¹ и об истории книг, для нас не существует книгопечатания без типографий. Но мы видим, что китайцы использовали главным образом ксилографию, тиснение при помощи дощечек, на которых был вырезан необходимый рельеф.

Наконец, нужно вспомнить, что на Западе в конце Средневековья печатали при помощи гравированных дощечек. Это была «Библия для бедных», которая предназначалась для тех

¹ Инкунабула (от *лат.* *incunabula* — колыбель) — всякая книга, напечатанная на начальном этапе книгопечатания (1450—1500), после изобретения Иоганном Гуттенбергом (около 1400—1468) подвижных металлических литер. По оценкам, всего было выпущено около 40 тыс. инкунабул (из них около 30 000 составляют книги), сохранившихся приблизительно в 500 тыс. экз.

людей, которые, умея читать, не могли позволить себе расходы на манускрипт из тонкого пергамента. Тем не менее очевидное первенство китайских изобретателей не может быть поставлено под сомнение. Качество их работы стоит отметить не только из-за давности изобретения или его совершенства, но и из-за использования нестираемых чернил и незаменимого материала — бумаги.

Впрочем, печать могла быть произведена на любом материале: четверть тиража знаменитой Библии в 42 строки Иоганна Фуста, компаньона Гуттенберга, т. е. 13 экземпляров, были отпечатаны на пергаменте. Китайцы могли печатать и на шелке. Но такое производство не могло приносить прибыли. Поэтому можно сказать, что самым значительным и самым незаменимым вкладом Китая в развитие человечества является изобретение бумаги, которая получила распространение на Западе как раз в эпоху Сун.

Традиция, мы упоминали о ней, когда говорили об эпохе Хань, приписывает ее изобретение внуку Цай Луню (II в. до н. э.). Он возглавлял императорские мастерские (*шан фан лин*) и действительно написал донесение о производстве бумаги, когда ее изобретение еще находилось в процессе. Он стал покровительствовать этому изобретению, автор которого остался неизвестным, как, впрочем, и изобретатели кисти, фарфора и самого книгопечатания.

Несколько дошедших до нас образцов показывают, что бумага совершенствовалась очень медленно: светло-желтые листки V в. н. э. сменились элегантными листками золотого цвета VI—VII вв., которые, в свою очередь, уступили в VIII в. голубой бумаге. В V—VI вв. бумага стала известна в Центральной Азии, затем она проникла в Индию. В 751 г. битва на реке Талас, которая одновременно проложила самую восточную границу продвижения арабов и самую западную — Китая, породила важнейшие культурные феномены. Китайские пленники, увезенные в Самарканд, устроили там бумажные фабрики, и производство бумаги постепенно завоевало мусульманский

мир вплоть до Магриба, а затем достигло и Испании. В XII в. оно появилось в Южной Франции и распространилось по всей Европе. Меньше чем через триста лет появились первые печатные книги. Таким образом, можно сказать, что европейское книгопечатание порождено китайским открытием, хотя их техника существенно отличалась, но это производство не могло существовать без бумаги, а бумага была китайским изобретением.

Искусство воспроизводства текстов при помощи способа, отличающегося от рукописного копирования, родилось целой серией технических изобретений, которые использовались для копирования знаков с давних пор. Несколько разных путей, таких как тиснение и использование печатей, вели к одному результату.

Тиснение — это процесс, при котором гибкий лист бумаги смачивался чернилами. Перед этим он слегка увлажнялся, а затем высушивался, чтобы принять форму объекта, выгравированного при помощи легкого рельефа или впадин и углублений. Таким образом, на нем оставалось изображение или прямой оттиск орнамента или надписи.

Истоки создания техники тиснения малоизвестны. Мы знаем только, что в эпоху Тайцзуна, правителя династии Тан (626—649), тиснение уже достигло высокого качества. Это позволяет предположить, что как обычное явление оно существовало не позднее VI в. Тем не менее возможности тиснения кажутся ограниченными: если оно и позволяет воспроизводить изображения или тексты, то требует тонкого шелка, огромного количества времени и в связи с этим не позволяет существенного размножения оригинального документа.

Совсем иначе дело обстояло с печатями, которые требовали, чтобы на них были надписи и зеркальное отображение знаков. Печати были прямыми предшественниками книгопечатания. В связи с этим необходимо уточнить определения, так как по-французски слово «печать» обозначает одновременно

и штамп, и тот пластичный материал, на котором остается оттиск. Европейские средневековые печати-штампы были гравированы при помощи углублений, их обратная сторона была из очень твердого материала. В Китае, если исключить несколько древних образцов, только печати-штампы периодов Хань и Шести Династий, наложенные на глину или на воск, напоминали западный тип. Впоследствии получила развитие практика нанесения краски, и штемпели, смачиваемые краской, окончательно получили распространение в ущерб печатям: легкий слой черных чернил или киновари лучше подходил для таких тонких носителей информации, как бумага или шелк, чем тяжелые восковые печати, подобные тем, которые в Европе использовались одновременно с пергаментом. На штампе была выгравирована надпись, находящаяся в углублении, обычно она была белого цвета на красном фоне. Впрочем, где-то в конце IV в. получила развитие выпуклая гравюра, а печати, пропитанные киноварью, позволяли создавать красные надписи на белом фоне. Именно выпуклая гравировка могла породить идею ксилографии, для которой требовалось нанесение краски и чистка щеточкой гравированной дощечки.

Насколько возможно сегодня установить, ксилография прежде всего была изобретена и использовалась для того, чтобы воспроизводить буддийские и даосские «прелести». Как и в случае с другими благочестивыми произведениями, их продажа, кроме того, становилась для монастырей неисчерпаемым источником дохода. Поль Пеллио приводит отрывок из «Истории династии Суй» («Суйшу»): «Более того, с помощью дерева [даосские священники] создают „прелести“ (*инь*), на которых они гравировывают созвездия, солнце и луну. Задерживая дыхание, они держат их в руках и делают оттиск. Многие больные вылечились [благодаря им]».

Наконец, примерно на половине пути между тиснением и ксилографией находится еще одна техника — гравировка по дереву при помощи незеркальных углублений. Таким образом создавался белый текст на черном фоне.

Вслед за этими относительно простыми процессами быстро получили развитие первые элементы настоящей китайской типографии. В 1040 г. Би Шэн изобрел способ использования подвижных знаков: глиняные модели он помещал на железные пластины и проклеивал их вязкой субстанцией, созданной на восковой основе. Затем все это помещалось в металлический каркас, так создавалась страница текста. Для того чтобы извлечь знаки, было достаточно нагреть основу, что позволяло растопить клей. После этого можно было начинать составление следующего текста. Четыреста лет спустя, в XV в., корейцы также начали использовать подвижные знаки, которые они создавали из свинца, фарфора или дерева. Впрочем, в Китае они оставались практически без употребления, вплоть до того как в XIX в. с Запада в страну не пришли механизированные технологии.

С этой точки зрения китайское книгопечатание действительно оставалась принципиально отличным от своего западного аналога. Печатники империи продолжали гравировать свои дощечки из грушевого дерева или ююбы¹. Огромное количество знаков в китайской письменности приводило к тому, что использование подвижных знаков становилось долгим и скучным процессом, в отличие от других способов, которые были более рентабельны. В результате использовались более простые техники, которые не давали тех преимуществ в распространении печатных изданий, как европейские изобретения, зато делали себестоимость производства крайне низкой. Основным способом оставалось применение гравированных дощечек, которые можно было оставить про запас и использовать до полного износа. На такую дощечку накладывался тонкий лист бумаги, после чего ее терли щеточкой. В итоге на одной из сторон отпечатывался текст, лист затем сворачивали

¹ Ююба, или жожоба, — китайский финик, кустарниковое растение, с древности широко распространенное в Центральной и Восточной Азии, а также в Средиземноморье, на Кавказе.

гармошкой и прикрепляли к кромке. Таким образом, в традиционном китайском печатании, в отличие от Европы, никогда не использовался пресс, как, впрочем, и специальные чернила «для печатания» с высушивающим лаком: обычных чернил, которые использовались для письма, а они были превосходного качества, было вполне достаточно. Таким образом, подобный процесс книгопечатания привел к тому, что китайские издатели, которые не испытывали, как их западные коллеги, давления «общественного мнения», никогда не сталкивались с такими трудностями, как печать при помощи прессы, амортизация материала или рентабельность тиража. За малый период времени они могли без всякого финансового риска изготовить дощечки, предназначенные даже для самых секретных изданий. Ни один текст не мог быть размножен большим тиражом, но зато могло быть издано абсолютно все, даже если круг читателей подобной книги ограничивался несколькими людьми.

В таком виде китайское книгопечатание оказалось идеально приспособлено к условиям Китая правления династии Сун, когда от него требовались не новые идеи, а воспроизводство стандартных приемов. В отличие от процессов, которые происходили на Западе, где гуманисты XVI в. охотно становились печатниками и издателями, китайское книгопечатание намного более благосклонно относилось не к литературным или философским трактатам, а к научным и техническим исследованиям. Ведь их выход в свет способствовал улучшению повседневной жизни, распространяя накопленные за многие годы теоретические и практические знания.

Современники считали эти знания своим богатством, поэтому сунское правительство всегда издавало законы, запрещающие вывоз печатных книг. Но торговцы не упускали шанса нарушить эти запреты в том случае, если получали интересные предложения от иностранца. Так, мы можем проследить путь энциклопедии, которая называлась «Тайпин Юйланы», состоявшей из тысячи глав (983). Попав в 1100 г. в Корею, она

достигла Японии в XII—XIII вв. и в середине XIII в. стала очень ценным подарком, который могли себе позволить образованные люди.

Таким образом, несмотря на официальные запреты, книжное искусство умножило знания иностранцев о блеске китайского знания и литературы.

Литература

Литература периода Сун в обширной истории китайских интеллектуалов занимает слегка приниженное положение по сравнению с блестящей поэзией эпохи Тан и театральным и романтическим расцветом периодов Юань и Мин. Она, прежде всего, состояла из серьезных трудов со справками, наполненных знаниями. Еще их отмечает высокий уровень мышления. Все это привело к тому, что литература периода Сун стала неисчерпаемым источником для блеска последующих эпох.

Проза

В X в., в период политических и литературных новшеств, появилось множество важных сборников, самые известные из которых были составлены Ли Фаном (925—995). Его произведения состояли из коллекции фантастических историй, которыми китайская наука никогда не пренебрегала. Первым был сборник, изданный в 981 г., «Большой сборник эры Тайпин» («Тайпин Гуанцзи»). Затем появилось более серьезное произведение, содержащее сумму всех китайских знаний того времени, заказанное и тщательно изученное императором Тайцзуном (976—997) — энциклопедия «Тайпин Юйлань». Век спустя увидел свет «Сборник разговоров у пруда о мечтах» («Мэнци битань»), автором которого был эрудит Шэнь Гуа (1030—1094). Он собрал «на конце кисти» (*суйби*) серию

самых разных наставлений и размышлений литературного, научного, художественного свойства, написанных с большой непосредственностью. Еще сто лет спустя появились сборники, о которых можно сказать, что в них отразилась душа эпохи Сун. Это были собрания сказок, самый крупный из которых принадлежал кисти одного автора — Хэн Мэя (1123—1202), а назывался он «Ицзяньчжи». Любопытство и восхищение, свойственные этой эпохе экономического роста и философского возрождения, способствовали распространению очарования энциклопедическим знанием, увлекая всех и историей науки, и историей мысли своей цивилизации. Эти произведения, составленные красивым литературным языком, не отклонялись от существовавшей интеллектуальной традиции. Они были своеобразной вершиной ее социального и научного развития.

Совсем иначе дело обстояло с добродушными рассказами, более близкими народу, которым эпоха Сун обязана большей частью своей самобытности. Впервые в истории империи литература неспеша покинула дорогу, проторенную философией и политикой. Еще более важным моментом было то, что литература поменяла свою социальную среду и стала существовать отдельно от философии. Одним словом, она сделалась общедоступной, создав, таким образом, предпосылки к появлению романов, хотя в Китае были развиты только большие эпические рассказы. Именно из них вышли все остальные жанры китайской литературы. Сказка, фантастика, китайский роман всегда уподоблялись рассказам, интересным для науки, объединяясь в огромный исторический жанр.

Современные исследования подчеркивают относительную скудость китайских мифологических циклов по сравнению с тем, что были созданы в Греции или, если смотреть на Дальний Восток, в Японии. Коль скоро они не входили в рамки истории, приемлемой для разума и династий, были отвергнуты Конфуцием и его школой, эти чудесные рассказы, позднее ставшие практически повсюду источниками для фантастических сочинений, сохранились в империи только в виде суеверий,

презираемых просвещенными людьми. Они видели в них только анекдоты, которые хороши для приятного времяпрепровождения, однако чиновники-интеллектуалы не имели привычки тратить время на пустопорожние занятия.

Впрочем, подобная конфуцианская строгость не подавила у простых людей вкуса к пленительным буддийским сказкам, появившимся в эпоху Тан, чтобы популяризировать догмы этой религии. Манускрипты Дуньхуана открывают нам длинные серии подобных рассказов, где смешивались проза и поэзия. Они исчезли когда-то вместе с религией, выражением которой они являлись. К сожалению, мы не обладаем полными письменными свидетельствами, поскольку в основном они передавались сказочниками в устной форме. Они дошли до нас только в общих чертах, в виде памятных заметок.

Впрочем, в период правления династии Сун фантастические рассказы делились на несколько групп и были настолько распространенными, что Су Дунпо (конец XI в.) рекомендовал родителям не позволять своим детям слушать рассказчиков, предостерегая от большой опасности: дети могут неправильно понять услышанное, например восхититься хитрецом Цао Цао, романтическая жизнь которого побуждала рассказчиков к красноречию. Мэн Юаньлао (1-я пол. XII в.) в своем «Описании Бяньляна» (современный Кайфэн, столица династии Северная Сун) также сообщает о том, что можно услышать несколько видов сказок: романы, воображаемые истории о любви, войне, вымышленных интригах, детективы, буддийские рассказы, исторические рассказы, вдохновленные далекой эпохой Троецарствия (III в.) или более близким периодом Пяти Династий (X в.), которые были богаты героическими сражениями, наконец, басни, которые выдумывал сам рассказчик.

Распространение книгопечатания, доступ к культуре богатого слоя торговцев, которые мало ценили классическую литературу, считая ее слишком сложной и скучной, приводило к распространению новелл или, по крайней мере, их основных сюжетов. Романтическая литература на простом языке, кото-

рая на самом деле появилась только в правление династии Юань, а расцвела еще позднее, в эпоху Мин, зародилась именно в период Сун.

От этих первых рассказов до нас дошли «Романтическая история Пяти Династий» и два текста, которые стали источниками для создания самых знаменитых китайских романов. Первый, «История Сюань Хо», действие которого происходит в последние годы правления династии Северная Сун, в эпоху Мин послужил основой романа «Речные заводы» («Шуйху чжуань»). Он рассказывает о жизни и приключениях 108 великодушных бандитов, защитников угнетенных, восставших против коррумпированного правительства. Второй текст содержит рассказ о долгом путешествии паломника Сюань Цзана (602—664) в поисках буддийских сутр. Это повествование, вдохновленное индийской фантастикой, после переработки и дополнения различными эпизодами превратилось в знаменитый занимательный роман «Путешествие на Запад» («Сиюцзи»), самое знаменитое фантастическое произведение китайской литературы, где этот жанр не входил в число самых распространенных.

И действительно, классические периоды китайской истории, когда страной руководили интеллектуалы, управленцы, образцы морали для народа, которым они управляли, были очень суровыми. Любой нонконформизм, любая экстравагантность, как в эпоху Тан, исходили от иностранцев или находили себе прибежище в иррациональных даосских и анархических течениях, необходимых и универсальных нишах, существование которых могло допустить репрессивное общество. Личность никогда не жила в настоящем, но всегда осознавала свое положение относительно прошлых или будущих поколений. В связи с этим повседневность, современность, приключение — все это не вызывало интереса. Хэн Май представляет собой интересный пример, когда рассказывает о китайской семье: личность находится в плену у рода, который требует от него все, так как только семья может возжигать ему жертвы

после смерти, неперенное условие блаженного состояния в потустороннем мире.

Без сомнения, именно поэтому китайская литература, полная резонерства, очень абстрактная, лишенная лирического выражения, долгое время обращалась к проблемам человека только через отражение судьбы умерших, т. е. через историю. В свою очередь, это благоприятствовало развитию аналитического мышления и интеллектуальной порядочности, но, возможно, провоцировало преждевременное истощение фантазии, слишком подчиненной работе летописца. Напротив, литература могла содержать ни с чем не сравнимый фермент критического и научного мышления, который благодаря такому автору, как Сыма Гуан (1019—1086), достиг вершин в своем развитии.

При помощи группы соратников Сыма Гуан составил обширное описание империи под властью правителя и реформатора Шэнь-цзуна, которое называлось «Зерцало всеобщее, управлению помогающее» («Цзы чжи тун-цзянь»).

Для начала Сыма Гуан составил обширный «черновик» в виде хронологической таблицы, в которую он включил уже существовавшие монографии и библиографические источники. Поскольку все элементы составляли связанное единое целое, то переписчик копировал их настолько полно, насколько это было возможным. Когда сюжет казалось невозможным изложить в обобщениях, указывались использованные источники. И наконец, если источники противоречили друг другу, историк должен был сделать выбор, который представлялся ему наиболее рациональным, делая примечание, в котором обосновывал свое решение.

Именно на основании этого огромного черновика, который, как говорили, полностью занимал две комнаты в доме Сыма Гуана в Лояне, он и создавал свое произведение. Он занимался долгими поисками несомненных доводов, таких как хронология, и того, что можно было узнать только с некоторой долей вероятности, как, например, характер человека и связи, существовавшие в обществе. Как и все китайские исто-

рики, он не видел, насколько огромным было количество самых разных нитей исторического полотна, людей и событий, которые, переплетаясь, создавали полноценную картину. Кроме того, Сыма Гуан не достаточно серьезно проверял достоверность используемых текстов. Однако он испытывал насущную потребность разъяснить принятые решения и выбранные мнения. Он стремился открывать истину шаг за шагом от известного к неизвестному. Таким образом, можно сказать, что он основал современную историографию.

Поэзия

В эпоху Сун не было такого интеллектуала, который хоть раз не выражал бы свои идеи при помощи поэтических ритмов. Из поколения в поколение молодые кандидаты на официальные должности обучались благодаря этой рифмованной игре, передающей информацию. Добившийся успеха в зрелые годы, политик одинаково хорошо умел передавать свои мысли как стихами, так и прозой. Вот почему история поэзии периода Сун позволяет понять общую историю династии, если смотреть на нее через жизнь человека. Сборники, составленные китайскими эрудитами XVIII в., позволили обнаружить, что в период между эпохами Тан и Сун произошел расцвет поэзии, так как количество поэтов, память о которых сохранилась в последующих веках, практически удвоилось. Впрочем, чтение сунских поэтов иногда оставляет ощущение, что их поэзия была безжизненной.

Писатели этого времени не переставали размышлять прозой, даже если свои мысли они выражали стихами. Такова, скорее всего, была самая яркая черта авторов середины XI в. Рассудительные, умеющие работать в серьезных жанрах, они чаще пользовались поэзией не для того, чтобы передать чувства, а чтобы лучше выразить свою мысль. Обыкновение передавать стихами то, что раньше говорилось прозой, быстро

получило распространение, что иллюстрирует блестящая личность поэта Оуян Сю (1007—1072). Поэзия, ставшая повествовательной, приобрела рассудочность и объективность, но потеряла эмоциональность. Ученые размышления или живописные картины повседневной жизни привели к появлению искусного жанра стихосложения. Было написано бесчисленное количество поэм, которые никогда не могли сравниться с восторженностью, отличавшей поэзию предыдущей эпохи.

Мэй Яочэнь (1002—1060), чиновник-интеллектуал, происходивший из провинции Аньхой, дал первый импульс к созданию нового идеала поэзии, используя стихотворения-«лозунги», которым благоприятствовал моносиллабизм китайского языка: «ясность и простота» (*пиндан*) — вот что стало основным требованием к создаваемым стихотворениям. Оуян Сю, который восхищался поэтом, загорелся этой идеей:

Учитель Мэй приглашал того, кто чист и лаконичен,
и моет свои крепкие зубы в холодном потоке.
Он пишет стихи на протяжении тридцати лет,
а мы смотрим на него, как школьники...
Его новые поэмы сухи и суровы...
При первом чтении, это как поедание оливок:
чем больше вы их обсасываете, тем лучше становится вкус.

Достижению этой легкости могло помочь многое, и прежде всего язык, насыщенный просторечиями. Мэй Яочэнь через своего последователя Оуяна Сю стал основателем целой поэтической школы, и поэты эпохи Сун, в общем, стали избегать пышных, тщательно обработанных, ярких выражений, свойственных авторам эпохи Тан. Они отказались от драмы, отрицая существование исключительной связи, которая, как еще недавно считалось, объединяла поэзию и страдание.

Они следовали правилам хорошего вкуса, которые почитал Оуян Сю. Вот пример искусного описания созерцания стихами, вдохновленными прекрасным японским клинком:

В ножнах из благовонного дерева, украшенных кожей акулы,
смешивается желтое и белое — медь и бронза.
Сто слитков золота принесли они коллекционеру,
и тому, кто носит этот клинок, не страшны никакие демоны...
Я слышал, как говорили об этой стране,
там, на большом острове,
где почва богата, а нравы добры.

Когда Сю Фу [посол Цинь Шихуанди] совершил туда свое путешествие,
книга документов не была сожжена,
и все сто ее глав должны сохраниться в Японии...
Классические тексты наших правителей прошлого
были спрятаны у варваров, вдали от бескрайних просторов
зеленых волн,
которые скрывают любые следы!
Это вызывает слезы на глазах.

Кто может рассказать о небольшом ржавом клинке?

Повествование, созерцание, простота, исполненная эмоций, но без мучительных возгласов — вот то, что объединяет поэзию периода Сун.

Чтобы развивать дальше поставленную им задачу, Оуян Сю изложил свои принципы Ван Аньши и Су Дунпо. Оба этих талантливых поэта следовали различными путями и превзошли своего учителя.

Ван Аньши родился в провинции Цзяньси; в 1042 г., в возрасте двадцати одного года, выдержал трудные правительственные экзамены. Этим он обнаружил свой талант, вызвавший внимание Оуяна Сю. Впрочем, молодой человек, казалось, хотел держаться в стороне от высокой политики. Несмотря на расположение мастера, до 1056 г. он предпочитал занимать провинциальные посты. Назначенный в столицу, Ван Аньши впервые встретился с Оуян Сю, по отношению к которому он всегда

держался на значительном расстоянии. Это было правильным поведением, так как публичное недовольство, которое вызывал Ван Аньши, было доказательством его честности. Значимость Ван Аньши как политического персонажа часто заставляет забыть о том, что он был великолепным поэтом и теоретиком литературы. Доказательством этого служит то, что китайские историки вплоть до XX в. видели в нем только поэта.

Ван Аньши питал отвращение к Хань Юю и его языку, который он считал педантским, но восхищался Ду Фу, которого превозносил. Сухости повествователей он противопоставлял жар танской лирики, сборник которой он составил («Тан байцзя шисюнь»). Как человек своего времени, Ван Аньши скрывал свою меланхолию, поэтому самые непринужденные его описания приводили к размышлениям и тревоге.

В ночи я вижу тучи, не видно неба, звезд, луны.
Когда осядет пыль мрачного города,
завучит барабанный грохот ночной стражи.
Из комнаты доносятся песни последних клиентов,
они уже настолько пьяны, что не боятся снега.
В аллее раздаются плачущие голоса,
там другие люди, ветер доносит их глухие крики.
В тревоге и смущении человек встречает свою судьбу.
Радость или горе: что выбрать?
Вас увлекают идеи Чжуан-цзы и нелюдимость,
из-за которого он порвал связи с миром.
Возвращаясь с работы, вы приносите с собой вино,
касаетесь струн лютни, устанавливаете мольберт.
А я остаюсь сидеть один, ничего не делаю,
перед голубой лампой, которая горит мигая.

Су Дунпо, молодой соперник Ван Аньши, происходил из провинции Сычуань. Сдав экзамены на степень в двадцать лет, в том же году, что и его младший брат, он утешал старого учителя, разочарованного непримиримостью Ван Аньши.

Неприязненное отношение этих двух групп привело к тяжелым последствиям: в 1079 г. Ван Аньши, находящийся у власти, лишил Су Дунпо поста, который тот занимал в Чжоцзяни, и отправил его в ссылку в провинцию Хубэй. Несколько лет спустя судьба объединила двух старых соперников в опале. Незадолго до смерти Ван Аньши Су Дунпо возглавил консервативную партию, которая сдала свои позиции после смерти Сыма Гуаня (1086). Но возвращение Су Дунпо было недолгим. В 1094 г. начались реформы императора Чжицзуна, что привело к новой ссылке поэта на далекий остров в Хайнани. В 1101 г., когда удача вновь вернулась к нему, Су Дунпо умер по дороге в столицу.

Эти собратья-враги и в политике и в литературе хорошо демонстрируют две основные тенденции, характерные для периода Сун, и противостояние характеров, которое часто определяло выбор той или иной школы. Если Ван Аньши во всем проявлял себя как сторонник испытаний и строгости, то Су Дунпо, напротив, называл себя поборником легкости и свободы. Даже проза последнего, которую просвещенная среда рассценивала как стилизацию, была в его глазах всего лишь игрой случая: «Мои записи, как воды неиссякаемого источника, которые охватывают в конце земли. Они распространяются волнами по всей земле и увеличиваются, растекаясь на тысячу ли за день. Затем, когда они встречаются холмы и скалы, они огибают их, создавая излучины, но я не знаю, как это происходит. Все, что я знаю, это то, что они идут туда, куда должны идти, останавливаются там, где должны остановиться. Это все. Все остального я не понимаю и сам».

Су Дунпо, мастер легкой кисти и неиссякаемого остроумия, остается самым знаменитым поэтом своей эпохи, несмотря на сложную политическую карьеру. Он возродил такие древние жанры, как *фу*, содействовал изменению стихотворного размера *цы*, традиционно предназначавшегося только для поэм о любви, обычно весьма непристойных. Вместе с безмятежными стихами, жизнь протекала тихо.

Я день и ночь стремлюсь к Янцзыцзян и к морю.
Листья клена, тростник, цветы опадают — бесконечное видение.
Глядя на широкой Хуэй, не могу я сказать,
далеко или близко от меня небо.
Зеленые холмы поднимаются и опускаются вместе с кораблем.
Шоучжоу: я вижу уже пагоды и белые камни,
хотя короткие весла еще не пронесли нас вокруг холма [Желтых Листьев].
Волны успокаиваются, ветер стихает —
я готовлюсь причалить.
Мои друзья долго не исчезают в дымке рассвета.

Однако эти мирные картины не заставили замолкнуть в сердце поэта свойственную ему тревогу:

Наша жизнь на этом свете,
что она напоминает?
Полет гусей, которые опустили свои лапки на снег,
оставив на нем отпечатки.
Улетевший гусь, куда он направится:
на запад или на восток?

Личность Су Дунпо, которая и сегодня кажется выдающейся, несмотря на время и непреходящую меланхолию, отразившюся в его стихах, привлекла к себе многих последователей. Традиция особенно выделяет четверых. Самым интересным из них был Цинь Гуань (2-я пол. XI в.) — певец сельской действительности. Ее когда-то воспевал и Тао Юаньмин (365—427), который вдохновил поэтов эпохи Сун на серию небольших бодрых и простых стихотворений:

Петух поет о пробуждении утра.
Яркий свет рассеивает туман.
Свежо веселое весеннее небо.

Магнолия цветет на виднеющихся холмах.
На пустынном лугу фазан чистит свое сверкающее оперенье.

Вышла молодежь, неугомонная, как быстрые тучи.
Старик, как сова, ссутулившись, в одиночестве сидит на корточках.
Блестит не просохшая после дождя желтая земля.
Ветер опять гонит тучи пыли.

Мало-помалу собирается вся деревня,
приветствуя друг друга со своих полей.
Гадатель предсказывает хороший месяц.

Так примемся за работу!

Теснота и шумность растущих городов в некоторой степени объясняет постоянное возвращение к старой теме буклического мира. Без сомнения, еще больше, чем в прошлом, люди эпохи Сун осознавали цену урбанизации. Цинь Гуань и сам приобрел суровой опыт жизни в городе: он был назначен чиновником архивов столицы, получал низкое жалованье, которого ему хватало только на убогое жилище и питание впроголодь. Впрочем, он никогда не впадал в отчаяние. В эту эпоху философского обновления и материального прогресса люди всегда сохраняли надежду, наличие которой всегда позволяет с первого взгляда отличить произведение, написанное в период Сун, от произведений, созданных в предыдущие эпохи.

О покое сто лет спустя писал и Лу Ю (1125—1210), самый знаменитый поэт периода правления династии Южная Сун. Он вел необременительную жизнь чиновника, мечтал об отвоевании севера и закончил тем, что удалился в деревню в надежде на созерцательную жизнь, которую он ценил достаточно высоко:

Не смейся над тем, что мутно крестьянское вино,
приготовленное на зиму.

Если год был благополучным,
для гостя найдется в достатке и домашняя птица, и свинья.

Гора над горой, река за рекой —
ты сомневаешься, найдешь ли путь.
Тень от ив, восхитительные цветы —
вот еще одна деревня.

Процессия с флейтами и барабанами —
весенний праздник божества Земли приближается.
Наивная простота одежд и причесок —
здесь еще живы обычаи древних времен.

В будущем, если мне позволит судьба,
я брошу дела и буду наслаждаться светом луны.
Я возьму посох и глухой ночью пойду
искать ночлег у дверей крестьянской хижины.

Единственным автором этого времени, который сумел передать все оттенки печали, была женщина, величайшая китайская поэтесса Ли Цинчжао (ок. 1084—1140). Она родилась в смутные времена отступления на Юг, бежала туда вместе со мужем, взяв с собой произведения искусства, которые они собирали. Неожданная смерть спутника жизни вызвала у нее отчаяние, которое она выразила в сентиментальных строках жанра *ци*:

Грусть в сердце. И смятенье дум.
Тревожит каждый звук.
Холодный мир вокруг угрюм,
И пусто все вокруг.

Луч обласкал — и вновь темно,
И холодно опять.
С ненастным ветром и вино
Не может совладать.

Красавицы эпохи Сун

Наши представления о китайской женщине как о существе, заточенном в своем доме и неведающем красоты мира, несомненно, навязаны европейцами, которые столкнулись в XIX в. с Китаем, находящимся под властью маньчжуров. В домонгольском Китае, значение которого во всем хорошем, как и во всем плохом, было так важно для всей Азии, положение женщины не было столь низким, как это произошло позднее, в Китае династии Мин, когда началось возрождение архаично-

го и бескомпромиссного конфуцианства. Впрочем, художники династии Тан больше восхваляют качества хорошей супруги, хозяйки дома, придворной дамы и ее удовольствий, однако в живописи эпохи Сун появляется образ женщины одновременно красивой и образованной. На рисунке изображена женщина, сидящая у стола; рядом с зеркалом находится туалетный ларец, а также книги и картины — две страсти образцового интеллектуала.

Печальный голос слышен мне:
«Наш старый друг, прощай».
То гуси где-то в вышине
Летят в далекий край.

Здесь было много хризантем,
Цвели — и отцвели.

О них кто вспомнит и зачем?
Валяются в пыли.

Я у окна чего-то жду,
И скорбь меня гнетет,
А тут еще, как на беду,
Дождь без конца идет.

Утун, промокший до корней,
И сумеречный свет.
И в небе, как в душе моей,
Просвета нет и нет¹.

Живопись

В Китае, как и на Западе, темы, которые используют поэзия и живопись, часто пересекаются. Но в Китае связь письма и художественного искусства, основанного на использовании кисти и графических символов, была еще более тесной. Она объединяла два этих способа выражения, которыми должен был владеть каждый образованный человек, даже не имевший никакого таланта. Эта родственность идей еще больше подчеркивалась тем, что и поэзия и живопись в своей ограниченной системе символов были связаны только с одной социальной группой, гордившейся своими традициями. Западный художник, напротив, был и остается своего рода волшебником, видения которого происходят из самого разного опыта. Таким образом, и поэзия и живопись в Китае выражают чувства определенного слоя, который одновременно составлял и интеллигенцию, и административные кадры. Вот почему литература и изобразительные искусства должны были подчиняться одним и тем же загадочным и бесконечным критериям, секрет которых тем не менее скрыт от нас, как и сама жизнь:

1 Перевод М. Басманова.

Тот, кто судит о живописи, используя только термины
формального сходства,

понимает в ней не больше ребенка.

Тот, кто создает поэму, следуя точной модели,
в действительности ничего не знает о поэзии.

Есть только одно общее фундаментальное правило
и для поэзии, и для живописи — талант и оригинальность.

Впрочем, живопись стала считаться благородным занятием только с эпохи Сун, когда Су Дунпо ввел особое определение — «живопись просвещенных мужей» (*шижэнь хуа*). Затем на протяжении эры Чжэнхэ (1111—1117), в правление императора Хуэйцзуна, члены академии каллиграфии и живописи, которая была реорганизована, потеряли свой статус мастеров и получили взамен него ранги, жалованье и почести официальных чиновников, влившись, таким образом, в ряды национальной элиты. В то же время конфуцианское обновление и авторитет отдельных личностей, связанных с этим предметом, привели к зарождению, наряду с профессиональной живописью, очень важного явления — живописи любителей: она одновременно представляла собой приятное времяпрепровождение и необходимое средство личного выражения, которое позволяло выносить тяготы официальных обязанностей и внешних приличий.

Высшая точка в развитии пейзажа

Каллиграфия изменилась достаточно мало, но совсем не так дело обстояло с живописью. Духовные дети Ван Вэя и интеллектуальной традиции периода Тан, мастера периода Пяти Династий, от которых на сегодняшний день не сохранилось ни одного оригинала, создали все те элементы, которые позднее, развившись, обеспечили чудесный расцвет сунской живописи.

Помимо очаровательных произведений такого художника, как Чжао Янь (X в.), искусно изображавшего лошадей и жизнелюбивых знатных людей, любителей вина и верховой езды, в манере Тан были созданы и фантастические пейзажи великих мастеров. Именно они стали тем бурлящим источником, в котором художники периода Северная Сун, а затем и периода Южная Сун черпали свое вдохновение. Для них была характерна строгость стиля, который мы можем видеть, например, у Ли Чэна (около 940—967). Помимо утонченной, многоцветной атмосферы своих картин, этот художник знаменит характерным внешним видом изображаемых им сосен с вычурными изогнутыми ветвями, которые, по мнению критиков, напоминали «клешни краба».

Особенности композиции и сюжетов разделили живопись эпохи Сун на две школы, объединенных *a posteriori* вокруг имен самых знаменитых их представителей: работы Цзин Хао и Гуань Туна стали источником для создания школы Северная Сун, а произведения Дун Юаня и Цзюжаня — школы Южная Сун.

Цзин Хао в своих картинах изображал нагромождение гор, формы которых подчеркивали глубокие расщелины. Они создавались вертикальными линиями, тревожность атмосферы подчеркивали широкие пропасти. Гуань Тун использовал менее драматичную композицию: в центр он помещал величественную гору, а у ее подножия располагались маленькие дома, деревья и извивающиеся ручьи, что придавало картине человеческие масштабы.

Со своей стороны Дун Юань и Цзюжань из Нанкина создавали другой тип пейзажа: берега Янцзыцзян, окаймленные округлыми, поросшими травой горами или головокружителями расщепленными пиками, верхушки которых пропадали в облаках, были связаны с крестьянскими равнинами потоками, сбегавшими со склонов. Произведения, созданные Дун Юанем и Цзюжанем, в той и другой манере отличались резкими линиями и контрапунктом света и тени. Цзюжань предпо-

читал создавать гармоничные образы, изображая вид сверху. На его картинах склоны мягко спускались к террасам, почти горизонтальным земле.

К этой же группе художников относился и еще один художник. Это был Чжао Гань, родившийся в Цзяньнине, в провинции Цзянсу, который был членом придворной академии в последние годы периода Пяти Династий. Он с большим мастерством изображал воду, цветы, бамбук, деревни, вытянувшиеся вдоль речек, жизнь рыбаков. Эти три художника являются основателями жанра пейзажа, свойственного школе Южная Сун.

Без сомнения, живопись является одним из самых правдивых отражений действительности периода Сун: император Чжэньцзун (997—1022) не ошибся, завершая создание академии живописи и каллиграфии, начатое двумя его великими предшественниками, основателями династии Сун. Именно с этого времени выкристаллизовались те течения в живописи, связанные с различными темами и жанрами, которые вплоть до XX в. были для художников эталоном. Любой автор китайской живописи в более или менее фантастической манере был связан с той или иной традицией. Одна из них, «реалистическая», считалась созданной на Севере, другая, «идеалистическая» — на Юге. Исключение составляли работы, которые вообще было невозможно классифицировать, их относили к «экстравагантной» живописи. Помимо этого, рядом с профессиональной живописью развивалось и творчество любителей.

Эти определения сами по себе не имеют большого смысла. Техники живописи, изобретенные и оформившиеся в периоды Пяти Династий и династии Сун, несмотря на каноны, которые быстро стали очень строгими, но имели многочисленные нюансы, допускали бесконечное количество вариаций. Это обеспечило и материальное и духовное первенство пейзажа в соответствии со взглядами эстетов эпохи Тан, которые подчеркивали превосходство именно этого направления в живописи.

Школы реалистов и идеалистов со временем стали множаться. Это было вызвано политическими изменениями,

и, без сомнения, перенесение двора в Южный Китай глубоко повлияло на академический взгляд на живопись, изменив его.

Пейзаж эпохи Северная Сун нашел свое самое характерное выражение в произведениях двух мастеров — Фань Куаня (около 960—1030) и Го Си (около 1020—1090). В их творчестве, как и в творчестве Сю Даонина (около 1030) и знаменитого любителя Ми Фэя (1051—1107), использовавшего необычный стиль, напоминающий ташизм¹, сформировались основные каноны жанра, к которым более поздние художники никогда не переставали обращаться. Суровые пейзажи провинции Шаньси, родины Фань Куаня, без сомнения, содействовали формированию его стиля. У него, как говорил Ми Фэй, «ручеек стремится к глубинам, кажется, что у водопада есть голос». Го Си, автор трактата «Великое послание лесов и потоков» («Линьцюань гаочжи»), часто бродивший по горам, описывал их тайную жизнь. Он стремился передать их расположение в пространстве, которое, казалось, было на расстоянии вытянутой руки, в нескольких шагах. Этого эффекта он достигал, создавая уходящую в бесконечность последовательность линий.

Таким образом, главной темой китайской живописи северной школы были горы. Художники использовали бесконечные оттенки черного и белого, исключение составляли очень бледные цвета, которые подчеркивали человеческие фигуры и архитектурные формы. Последние, представленные в крошечных пропорциях, изображались рядом с вершинами, теряющимися в небе, чтобы подчеркнуть символическое значение бесконечности. Эффект легкого тумана, который создавался незакрашенными фрагментами или сильно разведенными чернилами, позволял создавать несколько последовательных планов, что порождало эффект высоты и глубины. Нужно подчеркнуть, что в северной школе тучи и туман, всегда исполь-

¹ Ташизм (от франц. *tache*) — европейская разновидность абстрактного экспрессионизма (1950—1960-е гг.), живописная техника импульсивного, спонтанного нанесения красок на холст кистью или иным способом.

зовавшиеся достаточно сдержанно, имели одну цель — придать изображению масштаб и четкость, они не являлись символами меланхолии, как это было свойственно южной школе.

Каждое дерево, каждая скала в китайской живописи — это образ, создаваемый с особой изысканностью, задача которой — лучше передать природу изображаемого объекта. Согласно традиции, Фань Куань изобрел две манеры изображения: «точками» (*цзунь*) и «каплями дождя» (*юй дянь*). Способом «капли дождя» холст покрывался многочисленными струйками чернил, искусно распределенными по поверхности, которые ловко находили друг на друга, чтобы лучше передать кристаллическую структуру скалы. По контрасту точки и разрывы линий передавали размыты, вертикальные разрушения желтой земли и рыхлость обрывистых берегов, созданных лёсом. Вершины, покрытые деревьями, резко возвышались над полями, нависая над ними.

Наконец, взгляд китайского наблюдателя совершенно не замечал той перспективы¹, которая характерна для западной живописи. Китайский пейзаж — это воссоздание реального расположения объектов, рассматриваемых или воображаемых сверху или под разными углами, т. е. с разных точек зрения. Такой способ позволял воспроизводить те сцены и ракурсы, которые оставались скрыты, если китайский художник, как и художник европейский, использовал изометрию. Таким образом, китайская живопись создает движение постоянного восхождения, от плана к плану: первый и второй планы условно разделены тучей, рощей, постройкой, скалой. Они занимают только нижнюю часть изображения. Затем нужно направить

¹ В истории искусства известны многие системы перспективы, среди которых особое значение получила классическая прямая линейная перспектива, сложившаяся в Средние века обратная перспектива и получившая особое развитие на Дальнем Востоке воздушная перспектива. В странах Дальнего Востока искусство создало ряд условных приемов, означающих расположение в пространстве предметов и фигур (яркая композиция, сочетание фронтальных и профильных видов с планами, масштабные контрасты), что подчиняло все элементы изображения символической концепции.

взгляд на верхнюю точку первого плана, чтобы увидеть спрятанную долину и новые вершины, за ними открываются новые перспективы, и движение, таким образом, становится бесконечным.

Манера северной школы достигает высшей точки в своем развитии и одновременно начинает эволюционировать в творчестве Ли Тана (около 1050—1130), который в истории китайской живописи стал исторической точкой пересечения стилей школ Северной и Южной Сун.

Родившись в провинции Хэнань, он стал членом академии императора Хуэйцзуна в Бяньляне (современный Кайфэн). Через год или через два после перенесения двора на юг, состоявшегося в 1127 г., он добрался до Южного Китая и присоединился к правителю, который воздал ему почести. Ли Тану было почти восемьдесят лет, но он не перестал занимать важное место в академии, на стиль которой он оказал огромное влияние. Именно ему приписывают изобретение нескольких новых способов передачи различной природы скал, а все способы изображения скал с периода Юань были инвентаризированы и систематизированы. Наконец, по своей манере Ли Тан оставался ближе к Фань Куаню. Разница между ними состояла лишь в том, что Ли Тан в каждой из своих «точек зрения» использовал перспективу, чуть напоминающую европейскую, при которой отдаленность объекта передавалось последовательным уменьшением объектов.

Перемещение двора, а значит и академии, на берега Янцзыцзян глубоко изменил китайский взгляд на природу, на место, которое занимал в ней человек, и на сочетание различных элементов. Утренние и вечерние туманы на протяжении всего года скрывали горизонт, тогда как в Северном Китае зимняя ясность воздуха позволяла взгляду видеть очень далеко и точно определять контуры объектов. Бесконечная вода, безграничный горизонт, состоящий из небольших гор, скрытых тучами, диковинной, отлогой, часто весьма неожиданной формы, заменили величественные утесы горных цепей между речья. Более того, деятельность человека в этих рамках

казалась более реалистичной, возможно, более трогательной. Скромный рыбак заменил экипаж вечного путешественника, скитающегося по унылым горам.

Живопись периода Южная Сун достигла своего апогея в начале XIII в. благодаря таким личностям, как Ся Чжао, Ся Гуэй и Ма Юань.

Ма Юань, отец талантливого живописца Ма Лина, представлял четвертое поколение семьи Ма, настоящей династии художников. Ма Юань и его брат Ма Куэй родились в середине XII в. Ма Юань вошел в состав академии в правление императора Гуанцзуна (1189—1194). Самыми узнаваемыми чертами его стиля были энергично нанесенные линии и, особенно, изогнутые деревья, которые в последующие века копировали садовники, искусно сгибая стволы в соответствии с изображением.

Эти художники отказались от традиционной композиции, которая использовала точки обзора, расставленные вдоль вертикальной оси. Проявилась тенденция делить пространство картины на два треугольника: в одном концентрировались «нарисованные» элементы композиции, второй треугольник был пуст — туман, нечто бесформенное. Таким образом, части композиции выступали своеобразным контрапунктом. Метод треугольника и его возможные вариации был настолько известным, что на протяжении долгого времени любители дружески называли великого Ма Юаня «Ма в углу» (*Ма ицзяо*), а Ся Гуэя — Ся Половина (*Ся хань бянь*).

Для художника южной школы пустота обладала той же выразительностью, что и заполненное пространство. Взаимодействие двух частей оставляло живописцу возможность практически бесконечного выражения.

Если пейзаж всегда искал возможность выразить как можно более совершенную красоту и утонченный дух Китая, то более повествовательные и декоративные жанры, развивавшиеся еще с периода Тан, не стали менее содержательными и не потеряли популярности.

Искусство портрета, например, которое было столь распространено в эпоху Тан, не исчезло и в эпоху Сун, как полагают сегодня некоторые исследователи. Подобный взгляд связан с тем, что большинство древних произведений была утрачена в годы изгнаний и смены династий. Осталось только несколько красивых образцов: портрет Сун Тайцзуна или знаменитые «Пять старцев из Суйяна» («Суйян улао ту»), изображение которых в знаменитой художественной манере сегодня есть в любой американской коллекции. В отличие от портретов современной эпохи, которые, особенно с периода правления династии Мин, стали элементами погребального ритуала, пристойными абстракциями, напоминающими о том, что смерть все равно когда-нибудь случится, есть все основания полагать, что портреты этих пяти почтенных старцев были созданы еще при их жизни, причем автор специально позаботился о сходстве изображений с оригиналами. Эти люди были известны благодаря тому успеху в обществе, которого они достигли, и дружбе, которая связывала их на протяжении долгой жизни, без сомнения, впечатлившей современников, — они прожили от восьмидесяти до девяноста четырех лет.

С другой стороны, искусство портрета уже вошло в обширную категорию живописи, которая называлась «счастлирое предзнаменование». Она включала в себя огромное количество изображений, в том числе гравюр, которые дошли до наших дней, став частью народного творчества. Птицы, клюющие зерно, сочный гранат, который расколот так, что видны его зерна, символизировали изобильный урожай. Лань, которой приписывают продолжительность жизни больше тысячи лет, символизировала долголетие. По прошествии 15 сотен лет ее шерсть белеет, через две тысячи лет ее рога чернеют, и животное, ставшее бессмертным, питается только грибами. Цикл подобных сказок посвящен тайнам журавлей. Легенда основана на омонимическом звучании слов «лань», «журавль» и «счастье».

Этот тип живописи отвечал потребностям культа предков, предназначенного для их успокоения и получения от них

заступничества. Император Хуэйцзун (1101—1125), тот самый, что попал в плен к завоевателям, когда двор оказался в изгнании в районе Янцзыцзян, считал такие изображения благородным видом живописи.

Император Хуэйцзун и сам сыграл большую роль в создании реалистичного стиля, который отличала высокая точность линий, совершенство умения, законченность форм и тщательность наложения красок. Всю свою долгую жизнь он не переставал страстно рисовать растения и животных, которых он создавал с равным искусством, как в цвете, так и в черно-белых тонах. На картинах императора всегда оставалось огромное свободное пространство. Это придавало сюжету «дыхание». Его стиль, острый и полный жизни, приводил в восхищение художников-современников и породил множество последователей. Однако интересны две линии преемственности, которые были одинаково продолжительными. Первая, весьма академичная, в крайних своих формах была весьма перфекционистской, «прилизанной». Она развивалась в отделении живописи (*тухуа юань*), государственном органе, созданном еще в эпоху Тан. Хуэйцзун созвал туда всех самых известных художников империи, оценивая их способности достигать «внешнего сходства» (*синсы*). Вторая линия, решительно занявшая антиконформистскую позицию, породила множество последователей в последующих поколениях. Здесь большую роль играли талантливые художники, вдохновленные идеями чань-буддизма, оценивавшего живопись как средство, позволяющее приблизиться к таинствам жизни.

Самый знаменитый художник этого направления жил в XIII в., его звали Му Ци (другое имя — Фа Чан). Он был успешным продолжателем Хуэйцзуна, хотя и не боялся неточных движений кистью. Как и его собратья с мировоззрением чань, он придавал меньшее значение точности передачи изображения, чем тому сходству, которое порождали брызги чернил, носителя *ци*, жизненного дыхания. Так зародилось движение эксцентриков, которые вне различных школ

и классических умений вплоть до XX в. воплощали в себе все то, что в китайском сознании и чувствах не совпадало с традиционными для общества понятиями. Они наследовали Му Ци, его современнику великому Лян Цаю, художнику, использовавшему чернильные пятна, превращавшиеся с помощью нескольких линий в узнаваемые образы, или другим мастерам, может быть менее талантливым, но таким же своеобразным: И Юаньцзи специализировался на живописи знаков, его прославил долгая жизнь в горах Хубэя, где он изучал жизнь животных; Ян Бучжи (XII в.) был знаменит своими изображениями нарциссов, бамбука и камней; Чжао Мэнцзянь (1199—1295) любил жить в уединении среди цветов, единственных свидетелей его медитации.

Темой, общей для всех школ, оставалось изображение бамбука. Изображения грациозной листвы этого растения, повсеместно произрастающего в лесах и садах Дальнего Востока, кажутся такими же древними, как и сама империя. Декоративный элемент, бамбук с листьями, похожими на запятыя, и узловатым стволом демонстрировал интересную связь между родственными искусствами — живописью и каллиграфией. В эпоху Сун гибкий бамбук стал основным элементом эстетики, самым частым, самым подвижным, самым обаятельным из всех природных символов.

Он вдохновил Су Дунпо на создание текста, который очень скоро стал знаменитым, «Вэнь Юйкэ рисует согнутый бамбук в долине Юньдана». В нем он исследовал медленный процесс познания человеком природы: «Когда я [Вэнь Юйкэ] жил уединенно на солнечном склоне горы Чун, я построил свой дом в лесу из гигантского бамбука. Я смотрел на его стволы, я их слушал в покое, когда ничто не волновало мой разум. Утром бамбук был мне другом, вечером — соратником. Я пил, я ел среди бамбука. Я останавливался и отдыхал в его тени. Если говорить о свойствах бамбука, то у него их очень много... Сначала я смотрел на него и находил в этом удовольствие, затем я начал находить удовольствие, не осознавая этого. Внезапно,

не осознавая, что в руке я держу кисть, а передо мной лежит бумага, я встал и написал множество изображений бамбука...»

Хуан Тинцзянь (1045—1105), друг Су Дунпо и один из «четырех великих каллиграфов Северной Сун», воспевал естественность, основанную на глубоким знании бамбука, который сгибается от злых ветров, но не поддается суровой зиме, никогда не жалуясь на свою судьбу. Дун Юй (жил в 1-й четверти XII в.) зашел дальше, размышляя о том, что мастер должен чувствовать творческую искру и позволять ей вести себя, не осознавая того, как он достиг воспроизведения «совершенств бамбука». Именно он наиболее ясно заговорил о необходимости «музыкальной гармонии» с природой.

* * *

Благодаря бамбуковой живописи изображения растений и животных незаметно превратились из простых «счастливых предзнаменований» в общие символы, носителей важнейших моральных идей.

Кроме того, в эпоху Южная Сун появилось почитание цветов сливового дерева, которое было окрашено тем же чувством, которое люди периода Северная Сун испытывали к бамбуку. Цветок сливы, расцветающий в конце зимы, служит нам напоминанием о позднем, тяжелом созревании культурных элементов, которые проявились на берегах Янцзыцзян, несмотря на скоротечную скорбь о массовом переселении и более прочную — об изгнании. Цветок сливы был в какой-то степени образом скромного интеллектуала, жизнь которого проходит минув славу, хотя он полностью посвящает себя размышлениям о жизни.

В XII в. Фань Чэнда посвятил целый трактат различным вариантам изображения цветков сливы, а Ян Ваньли так подвел итог значению этого символа:

Цветок сливы в лесу, как отшельник,
заполняет пространство, свободное от пыли мира.

Помимо различных течений, которые дополняли друг друга в многообразном восприятии жизни, нужно особо выделить Ми Фу (1051—1107). Он, как и его сын Ми Южэнь (1086—1165), тщательно писали пейзажи, исполненные намеков, на которых изображались конические горы. Горы писались горизонтальными линиями, выступали из огромного пустого пространства.

Представитель периода Северная Сун, хотя его карьера дорожного чиновника и сделала из него художника, который рисовал преимущественно южные туманы, Ми Фу был также знаменит своими трактатами: «История живописи» («Хуа ши»), многократно процитированная на протяжении веков, «История каллиграфии» («Шу ши») и некоторое количество заметок и критических работ либо собранных им самим, либо интеллектуалами в более позднее время.

Ми Фу всегда держался вдали от споров между школами и не повиновался никаким запретам, даже тем, которые создавались академией двора или лично императором. Представитель семьи знаменитых коллекционеров, он полагался только на свой вкус, на собственное преклонение перед красотой, перед редкими предметами, носителями послания, которое остается непонятным простым смертным. В его «Истории живописи» нет описания мучительного зарождения творческого порыва, и еще меньше внимания уделено идеологии, на которой он основывается. Она рассказывает об истории картин и многочисленных предметов, которые еще с детства он знал настолько хорошо, насколько это может дать только привычка. Его целью была лишь попытка передать частицу этих знаний своим потомкам: «Я рассказал о том, что видел на протяжении своей жизни, чтобы познакомить с этим моих детей и внуков». Это были «воспоминания» чистого опыта. Он никогда не стремился возобновить знаменитую «Лидай мин хуа цзи» («Записки о знаменитых картинах прошлых эпох») Чжан Яньюаня, которую в конце XI в. продолжил Го Жэсюй, а тридцать лет спустя — Дэн Чунь.

Китайские библиографы не ошиблись, классифицировав произведение Ми Фу не как каталог, историю или теорию живописи, а как трактат, относящийся к уникальной категории, в которую входит только один объект: «совершенное знание о красоте» (*цзянь шан*).

Ми Фу обладал опытом профессионала, способного судить о качестве бумаги, древности шелка, прочности сборки, влиянии формы чернильницы на природу нанесения краски. Также он представлял собой пример эстета, который один блуждал в царстве утонченного понимания чистой красоты, которого так трудно постигнуть. Он обладал глубоким вкусом в понимании тайн красоты. Его друзья рассказывали, насколько трудно было добиться, чтобы он показал свои сокровища. Впрочем, если Ми Фу начинал показывать свои способности в определении подделок, то его забота была вызвана не стремлением выяснить «торговую ценность» вещи, а любовью к подлинникам. Эта любовь была прославлена в поэме, которую ему посвятил его друг Люцзин.

Часто люди этого мира показывают, что они искусны в делах,
но не могут отказаться от интриг и суетности.

Скрытые и коварные, лжецы и обманщики,
каждый из них — раб.

В своем мнимом величии они не понимают,
кто император среди художников.

В Китае не существовало ничего похожего на меценатство западного образца. Общество императорского Китая было слишком «демократичным», а живопись слишком тесно связана с канцелярией ученых исследователей, чтобы устраивать мастерские, которые официально финансировались и руководились бы хозяином. Напротив, просвещенные слои составляли готовую категорию знатоков и коллекционеров. Они искали картины и образцы каллиграфии, которые становились предметом настоящего торга: «Когда-то Ван Цзиньцин дал мне в результате нашего с ним обмена картину Хуан Цюаня на шести панно: пионы на ветру. Затем я поменял [ее] у сына Цзывэна... на

небольшую картину Дай [Суна], на которой [была изображена] белая корова... Затем эта корова была мною обменена на каллиграфические письма на шелке, принадлежавшие руке Хуэйсу, копии каллиграфии периода Цзинь Лу Цзи [261—303], Вэй Хэна [III в.] и несколько других, у Лю Цзина... Когда Лю приобрел белую корову, он очень обрадовался...»

Любители испытывали только презрение к торговле произведениями искусства, которая питала стремление некоторых семей казаться богаче или благороднее: знать в Китае менялась вместе с каждой династией и обладала социальным могуществом, не связанным с духовными качествами. Ми Фу насмехается над вкусами этих выскочек, занятых поисками денег и титулов: «Картины гигантских размеров, которые в настоящее время коллекционируют знатные семьи, похожи на вывески аптекарей, только посвященные природе и отменно вульгарные. Деревья пышно цветут и вычурны, стволы сосен высушены, тонки и излишне узловаты; кусты напоминают вязанки хвороста и совершенно не создают чувства жизни».

Впрочем, он видит в этом только справедливое положение вещей, так как для просвещенного мужа невозможно, чтобы произведения искусства продавались или накапливались: «Не торгуются о цене автографов и картин. Просвещенные люди испытывают отвращение к тому, чтобы приобретать их за деньги. Таким образом, обращение автографов и живописи происходит только путем обмена. Это очень изящная процедура. Когда человек нашего времени получает ценное произведение, он дорожит ею, как собственной жизнью. Это смешно! Человеческой природе свойственно, что предметы, которые слишком долго доставляли удовольствие нашему взору, надоедают. Нужно поменять их на новые игрушки, которые удвоят получаемое нами удовольствие. Вот что по-настоящему умно!»

Беспристрастная оценка, обмен, созерцание — личность утонченного эстета, кажется, объединяет в себе все основные элементы классического периода Сун.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Достигнув в эпоху Сун, возможно, наивысшего в своей истории расцвета философии, науки и искусства, Китай отныне должен был существовать и двигаться дальше, основываясь на этом базовом опыте. Именно благодаря этому появлялись и умножались ростки восприятия нового и совершенствования старого.

Однако бесчисленные полчища варваров, угроза которых еще с далеких времен императора У-ди из династии Хань нависала над империей, обрушились на Азию. Это были конные орды монголов Чингисхана (около 1060—1227). Его внук Хубилай (1215—1294) взошел на императорский престол и в 1271 г. стал основателем новой династии, которую он назвал Юань («начало»). Это первый случай в истории Китая, когда новые обладатели «Мандата Неба» выбрали название династии, используя не географический принцип, а простое слово, наделенное глубоким смыслом и сверхмагическим значением.

Варвары достигли своей цели и установили свою власть над всей территорией Китая, над ее богатствами и людьми. Истолковав по-своему систему «четырёх сословий» конфуцианского общества, они заменили интеллектуальное первенство просвещенных чиновников расовым превосходством кочевых племен. Так монголы сформировали аристократию нового социального порядка. Непосредственно за монголами в новой

иерархии шли не китайские народы Центральной Азии, например уйгуры. Третья ступень осталась за северными китайцами, которые еще недавно были подчинены чжурчжэням династии Цзинь. Последнее бесславное место, до этого принадлежавшее торговцам, занимали южные китайцы, настоящие носители национального духа.

Жизнь возобновилась, причем богаче стали те города, которым монгольское военное продвижение открыло ранее ненадежные торговые пути на Яву, в Чампу (Вьетнам), Бирму, Тибет и Корею. Как и в период Тан, Китай вновь стал важнейшим перекрестком, огромным горнилом, где плавилась различные культуры Центральной Азии. Именно эту пестроту цивилизаций описал с восхищением Марко Поло, рассказы которого будоражили мечты европейцев на протяжении трех веков.

В городах начал зарождаться театр, появление которого было вызвано склонностью народов степи к танцам и пантомиме. В деревнях китайские интеллектуалы, верные своей расе, продолжали медитировать, выражая результат этих размышлений в поэзии или живописи. В это время путешественники и торговцы самого разного происхождения вывозили на Запад разнообразные секреты китайских технических чудес.

Однако монгольская династия пала точно так же, как и ее предшественницы. Она была уничтожена катастрофическими разливами Хуанхэ (1351) и их последствиями — нищетой, переселением крестьян, восстанием, которое получило название «красные повязки» (*хэн цзинь*). В 1368 г. выходец из крестьянской среды, из провинции Аньхой, Чжу Юаньчжан возродил империю и основал национальную династию, которая получила название Мин («свет»).

Под покровительством этого великого основателя династии и его сына Юнлэ (1403—1425) Китай возвратился к исконным традициям.

После того как монголы были вытеснены далеко в степь, была построена новая Великая Китайская стена, которая существует до сих пор. Она проходит несколько южнее тех

укреплений, которые создавались по приказу Цинь Шихуанди. Столица была перенесена в 1421 г. в Пекин, на Север, где земли, покинутые монголами, были вскоре распределены между солдатами и китайским населением. С использованием старых принципов организации и прогнозирования в сельском хозяйстве было вновь достигнуто изобилие, которое привело впоследствии к демографическому взрыву. Перенаселенность Китая и до сегодняшнего дня остается самой важной проблемой политики и экономики этой страны.

В то же время император Юнлэ отправил сразу несколько флотов к берегам Юго-Восточной Азии, по Индийскому океану и к восточному побережью Африки, где китайцы начали вести крупную торговлю фарфором, шелком и драгоценными металлами, получая в обмен пряности, благовония и слоновую кость.

* * *

Этот спокойный период оказался очень коротким: новый захват земель богачами пробудил в крестьянах сопротивление и привел к новому витку восстаний. И продвижение варваров вновь стало угрожать Китаю. Потомки чжурчжэней, основателей династии Цзинь, — маньчжуры — все больше и больше давили на северо-западные границы страны. В 1636 г. их вождь принял китайское династийное имя Цин, что значит «чистота». В 1644 г. он завершил захват основных регионов империи, и это стало началом нового периода жестокого владычества варваров. Их управление государством основывалось на расовом превосходстве маньчжурских «восьми знамен», а также на сельскохозяйственных реформах и восстановлении порядка.

Именно в этот момент Запад начал расширение своих контактов с Китаем. Особенно европейцы были поражены могуществом и мудростью трех правителей династии Цин: Канси (1662—1722), Юнчжэн (1723—1736) и Цяньлун (1736—1796). Это был исключительный момент: империя достигла самого большого расширения своих границ в Новое время. Иностранцев

поражало высочайшее мастерство китайских ремесленников, китайские произведения искусства вызывали восхищение качеством материала, формой, многоцветьем красок.

Впрочем, с расширением империи изменилось само понятие о границах. Русские продвинулись в Сибирь, калмыки из Джунгарии захватили сначала Синьцзян (1680—1685), а затем и Монголию (1688). Однако коренное население юга страны покорялось с большим трудом. Границы империи больше не соприкасались с малонаселенными зонами и нецивилизованными территориями. Экспансия других мировых центров препятствовала расширению китайского влияния, не только останавливая его продвижение на внешних границах, как это сделал в VIII в. ислам, но и отбрасывая и запирая его внутри собственных границ. Китай вошел в международное сообщество, и Европа задалась «дальневосточным вопросом».

* * *

Начиная с XVIII в. во Франции разыгрывают «китайские драмы», об этих страстях мы вспоминаем и сегодня. Китай поколебал философские и религиозные основы традиционного христианского общества. Располагаясь вне традиционного круга христианского влияния и одновременно являясь колыбелью великой цивилизации политики и морали, Китай своим существованием поставил полномасштабную проблему, поднятую еще в XVI в., об открытиях, совершенных «дикарями». Впрочем, и духовное обновление, и рождение критического разума в Европе принесли свои плоды и в Китае, но эта страна всегда находилась в самом центре конфликта между религиозным сознанием и свободным мышлением.

В период Средневековья вопрос нехристианских цивилизаций казался европейцам очень простым. Другие, «неверные» — мусульмане или иудеи, тоже относились к библейской традиции, и мир делился на две группы: те, кто признавал

искупительную жертву Иисуса Христа, и те, кто отказывался считать это истиной, т. е. на добрых и злых.

Однако «дикари», и особенно Китай, цивилизация которого восхитила и самих миссионеров, вывели эту проблему на новый уровень: ведь история Китая свидетельствовала о возможности существования моральных добродетелей, не связанных с Откровением.

Именно среди этих опасных волнений святые отцы и открыли Китай, обычно непризнанный, географически удаленный, скрытый таинственными знаками своей письменности, возносимый до небес одними и низводимый на землю другими. Эта страна не имела лица, и каждый рядил ее в мишуру собственной философии. Но могло ли быть иначе?

Первые путешественники, которые отправились на Дальний Восток, миссионеры, торговцы или авантюристы, видели только то, что им было нужно. Подданные раздробленных и воюющих друг с другом стран Европы, они были чрезвычайно поражены постоянством и универсальностью китайской системы управления, которую не могла поколебать даже смена династии, — шли последние годы правления династии Мин. Вызвано это было тем, что вся административная система была усвоена захватчиками. Стремясь лучше понять эту гигантскую машину, от которой зависела их судьба, европейцы открыли для себя систему экзаменов. В 1615 г. священник Николая Триго исследовал принципы их проведения. Тридцатью годами позже другой автор, отец Семедо (1645), написал работу о Конфуции. Наконец, еще двадцать или тридцать лет спустя Мельхиседек Тевено (1672), а затем и отец Купле (1687) опубликовали основные тексты конфуцианской школы.

Китай в сознании французов того времени в первую очередь был интересен моделью и доктриной управления. Затем он вызывал восхищение своими идеограммами, хотя их значение в течение долгого времени оставалось неясным. Было известно, что китайская письменность способствовала письменному общению между людьми, которые не смогли бы понять друг

друга, если бы они говорили словами. В принципе сходная ситуация в Европе сложилась с использованием арабских цифр. Некоторые мыслители стали мечтать об изобретении универсального языка, созданного наподобие китайского.

* * *

Среди всех сообщений, оставленных путешественниками, в том числе и самых разных описаний этого пестрого мира, которым был китайский континент, западный читатель находил только одну постоянную идею: невероятный успех китайской системы управления, который еще приукрашивала его отдаленность от Европы. Стоит отметить, что в это время совершенно отсутствовали серьезные эстетические заметки о Китае, так как европейцы оценивали восточное искусство только как мастерство ремесленников. Отец Мишель Бойм (1612—1659), польский иезуит, который проникся большим интересом к китайской флоре и фауне, восхищался:

«Китай — это мир в миниатюре, так как он включает в себя все, что есть красивого на всей остальной населенной людьми территории. В южных регионах Китая есть все фрукты и все радости, которые мы встречаем в самых разных странах юга; в других провинциях, которые располагаются на севере, можно найти все преимущества, свойственные странам севера. Небо Китая умеренно, земля повсюду крайне плодородна, море и реки, кажется, существуют только для того, чтобы обогащать эту страну. Население бесконечно обязано природе, но, впрочем, ее преимущества настолько хорошо используются, что создается впечатление, что все успехи достигаются в том числе и благодаря разуму и сноровке тех, кто здесь живет».

Экзотическое очарование и привлекательность политической системы: не в этом ли скрываются корни восхищения Китаем Лейбница, Вольтера и не этим ли порожден страстный интерес, который мы сегодня испытываем к Китаю?

СПРАВОЧНЫЙ ИНДЕКС

В этом справочном индексе, расположенном в алфавитном порядке, можно найти большую часть важных понятий, которые встречаются в этом произведении¹. Кроме того, как это принято в научных трудах серии «Великие цивилизации», в некоторых статьях авторы дали более подробную информацию, чем это могли себе позволить непосредственно в тексте своего произведения.

А**Ань Лушань (An Lushan)**

Умер в 757 г. Генерал варварского происхождения, фаворит императора Сюаньцзуна из династии Тан, против которого он в итоге восстал. С этого мятежа начался упадок блистательной империи Тан.

Ань Шикао (An Shigao)

Принц из династии Аршакидов (2-я пол. II в.). Переводчик и миссионер буддийской веры. Играл очень важную роль в духовном развитии Лояна.

Аньян (Anyang)

Великая столица правителей из династии Шан-Инь. Раскопки, которые велись там с 1928 г., позволили обнаружить множество археологических находок первостепенной важности.

Арбалет

Изобретен китайцами примерно в V в. до н. э. Вероятно, парфяне открыли это грозное оружие в битвах с китайцами, затем через них арбалет попал на Запад. Но хотя Вегеций упоминает о нем в своем «Трактате о военном вооружении» еще в IV в., арбалет получает широкое использование не раньше X в.

Армия

Проблемы армии с древности были предметом множества трактатов, объединенных под названием «Сунь-цзы». Недавние археологические раскопки (1975—1978) позволили найти в могиле периода Хань, в области Линь провинции Шаньдун, два из этих сочинений, написанных на деревянных пластинках: «Сунь-цзы бинфа» и «Суньбинь бинфа». С периода империи китайские

¹ Каждый китайский термин, которому посвящена отдельная статья, переведен русской транскрипцией и транскрипцией латиницей, принятой в КНР.

правители постоянно колебались, выбирая между созданием профессиональной армии и принципом всеобщей воинской повинности.

Архитектура

За исключением нескольких усовершенствований в орнаменте, которые были вызваны модой или стилем какого-нибудь периода, китайская архитектура мало менялась на протяжении веков. Ее основным принципом было создание пространства, защищенного крышей, которую, в свою очередь, поддерживают колонны. Стены, не являющиеся опорными, заделывались при помощи глины. Множество домов было построено из кирпичей, ведь обилие глины позволяло произвести их в огромном количестве. В Китае недостаток леса очень рано превратился в проблему. Камень, относительно редкий в Северном Китае, кажется, использовался довольно мало, несмотря на высокую прочность: две сохранившиеся великолепные пагоды в Чанъяни, возведенные в период Тан, без сомнения, обязаны своим существованием только надежности материала. Другие здания исчезли в вихрях войн, вторжений, революций и наводнений. Впрочем, несмотря на то что конструкция здания и была относительно хрупкой, она была хорошо приспособлена к различным изменениям в зависимости от нужд домохозяев: вспомогательные строения, маленькие павильоны, можно было

легко объединить с основным зданием крытой галереей. Так из совокупности дворов, садов и зданий, расположенных в ограде стены, возникало сооружение, которое мы можем часто видеть на погребальных кирпичях эпохи Хань. Его также любили изображать и художники более поздних эпох. Тем не менее архитектура, которую мы чаще всего встречаем в Китае, относится к более поздним периодам, чем правление династии Сун. В ней проявляется хорошо усвоенное иностранное влияние. Более того, архитектурные стили менялись на протяжении периодов Мин и Цин, архитекторы стали злоупотреблять скульптурами и цветом, что выглядит весьма напыщенно. Заботливо огороженный участок, подражающий макрокосмосу, классический китайский дом, в котором деревянные колонны поддерживают широкую черепичную крышу, с первых лет империи заменяет древний тип китайского дома, квадратное пространство, состоящее из девяти ровных квадратов, расположенных крестообразно в соответствии с расположением участков земли в сельской общине. Эта система называлась системой колодезных полей. С периода Чжоу залы, созданные колоннами, которые соединялись стеной, стали увенчиваться крышей. Ее остов был не треугольным, как на Западе, а располагался лестницей, состоявшей из несущих колонн и бруса, положенного на них, соединенного выступами, а затем все

более сложной серией опор. В период Сун и позднее нехватка дерева в северных регионах заставила техников использовать множество маленьких элементов, соединенных штифтами, вставленными в пазы. Потребность в этом усиливалась еще одним обязательным свойством, которое было очень трудно соблюдать в условиях нехватки леса. Речь идет о стремлении к стандартизации. Эти невысокие строения, официальные, административные, частные или религиозные здания, создавались по одной модели, в которую входило несколько вертикальных элементов. Одним из них была башня, когда-то она была предназначена для правителя, который всходил на нее, чтобы обеспечить гармонию Неба и Земли. Другой элемент — пагода, новая версия башни, появившаяся вместе с буддизмом и напоминавшая индийские ступы-ковчег. Наконец, третьим вертикальным строением была наблюдательная башня — обязательный элемент всех военных построек. Наконец, нужно отметить, что техническая сторона развития архитектуры, несмотря на роскошь столиц, о которой сообщают историки, относительно мало интересовала древних китайцев, ведь эти здания были, прежде всего, важными элементами церемоний и обрядов. История сохранила несколько имен знаменитых архитекторов: Юй Вэнькай (555—612) — строитель Великого канала; Ян

Су (начало VII в.) — строитель дворцов и удивительных военных кораблей с пятью палубами, оборудованных двумя шарнирными рычагами, предназначенными разбивать корабли противника во время боев в реках, каналах и озерах; Юй Хао (2-я пол. X в.) знаменит своим талантом строительства пагод, именно он значительно усовершенствовал изгибы крыш, придуманные в период Тан и получившие широкое распространение в период Сун. Он же составил «Учебник по плотницкой работе» («Му цзин»). Наконец, в XI в. появился знаменитый «Трактат о методах архитектуры» («Ин цао фа ши»), самая его интересная версия сегодня трактат «Ли цзя», основанный на более древнем исследовании. Этот учебник напоминает произведение Вилларда де Оннекура (1237): содержит серию чертежей, особенно интересных тем, что они посвящены строениям из дерева.

Б

Баланс торговли

Канцелярия уравнивания и стандартизации (*пин чжунь*) была создана в 110 г. до н. э. для борьбы со спекулянтами.

Бань Гу (Ban Gu)

Родился в 32 г., умер в 92 г. н. э. Историк. Вместе со своим братом Бань Бяо и своей сестрой Бань Чжао написал «Историю [ранних] Хань» («Цянь хань шу»).

Бань Чжао (Ban Zhao)

Конец I в. н. э. Сестра великого историка Бань Гу. После смерти брата завершила его сочинение. Знаменита как самая первая образованная китаянка.

Бафэнь (Ba fen)

«Восьмичленная» письменность. Произошла из письменности эпохи первых императоров династии Хань, которая, в свою очередь, развилась из письменности «печати». Письменность периода Восточная Хань.

Би Шен (Bi Sheng)

Алхимик (XI в.). Изобрел наборный шрифт для книгопечатания.

Бо Цзюйи (Bai juyi)

Родился в 772 г., умер в 846 г. Великий поэт и государственный деятель. Обладал блестящими способностями, рано развившимися. В 17 лет сдал экзамен на степень цзиньши. Был принят в академию Ханьлинь, и его карьера, несмотря на периоды опалы, привела его в Ханчжоу, где он стал наместником, затем в Сучжоу. В 841 г. на него были возложены заботы о военных делах в империи. После его смерти император приказал выгравировать его поэмы на каменных стелах, которые были установлены в саду, который автор разбил в столице в память об одной из своих ссылок в Сяншань («Благоухающая гора»), где он встречался с восемью своими друзьями.

Бодхидхарма

Древняя традиция сообщает, что Бодхидхарма, сын князя Южной Индии, пришел в Китай в эпоху императора У из династии Лян (502—549). Он показал правителю цели и методы медитации (дхьяны). На самом деле Даоаню (314—395) еще на два века раньше были известны история и философия Бодхидхармы. Сегодня считают, что этот человек, который провел девять лет в храме Шаолинь в Лояне, повернувшись лицом к стене, в полной неподвижности, до тех пор пока его нижние конечности не атрофировались и не превратились в культы, был мифической личностью. В любом случае, его почитают как первого китайского патриарха буддизма.

Борющиеся Царства

Традиционное название периода (473—221 до н. э.), следующего за эпохой «Вёсна и осени». В этот период начинается раздробленность, происходит падение династии Чжоу.

Боши (Boshi)

«Просвещенный муж обширных знаний» — титул, которым награждал Цинь Шихуанди, желавший унифицировать в империи все, включая философию, и запрещавший частные школы. Хань У-ди (141—87 до н. э.) и великий философ Дун Чжуншу позднее стремились объединить и поставить под правительственный контроль все вновь открытые школы. Напомним, что именно

в эту эпоху был создан первый китайский университет.

Бронза архаическая

Архаические бронзовые предметы представляют собой важнейшие ремесленные изделия династий Шан-Инь и Чжоу. Их форма ведет свое начало от формы раскрашенных ваз эпохи неолита: сосуды с удлинёнными горлышками, расширяющиеся чаши, вазы с тремя или четырьмя ножками. Единственным новшеством было появление ручек, располагавшихся по краям сосудов. Орнамент бронзовых предметов напоминает орнамент на керамике, но изображение растений и зверей сменяется искусной стилизацией, в которой угадываются растительные и животные мотивы. Более того, на бронзовых сосудах размещение элементов орнамента более симметрично, чем на глиняной посуде. При этом антитетические изображения уже имеют очень большое значение, а этот элемент никогда не исчезнет из китайского стиля украшения. В эти века бронзу еще не заменяют другие материалы. Дерево, глина, камень используются в повседневной жизни, и это сочетание материалов порождает, как это обычно и бывает, наложение декоративных элементов. Например, мотив гребней в орнаментах, без сомнения, является рудиментом соединения с деревом, а орнамент плетеных узоров напоминает текстиль. Архаическая бронза включает в себя оружие, предметы снаряжения и

упряжи и даже замечательные музыкальные инструменты. Однако именно вазы — значительная и широко представленная группа находок. Традиция и надписи, которые можно найти на некоторых бронзовых сосудах, позволяют разделить их на четыре категории: праздничные вазы, церемониальные вазы, погребальные вазы и, самые строгие, домашние вазы. Пока мы не можем сказать, что сосуды первых трех категорий обладали какими-то особыми формами. Более того, невозможно понять, можно ли выделять такую узкую категорию, как «погребальные вазы»: ведь те сосуды, которые сегодня мы находим в могилах, вполне могли при жизни владельцев использоваться во время церемоний. Функции ваз нам известны лучше, чем их принадлежность к какой-нибудь из категорий. Их могли использовать, чтобы разогревать или хранить кушанья, питье, в том числе воду. По общему правилу те вазы, которые предназначались для разогрева, обладали тремя или четырьмя ножками. Разнообразные названия, которые давали этим вазам, происходят либо от надписей на них, либо от формы пиктограмм, либо от описаний, которые давали этим сосудам самые древние тексты. Ономастические исследования, очень развитые в начале нашей эры, были признаны интеллектуалами эпохи Сун (X—XIII вв.), которым мы обязаны большей частью наших знаний по этому предмету. Напротив,

мы очень плохо понимаем те технические приемы, которые применялись древними мастерами металлургии. В начале XX в. еще считалось, что китайские мастера бронзы использовали впоследствии утерянную технику воска, однако после раскопок в Аньяне и особенно после появления работ, изданных в последние десятилетия, мы знаем, что для отливки бронзовых сосудов использовалась форма. Создавался образец из обожженной земли. На него наносились тонкие маленькие пластинки горшечной глины, толщиной примерно в 15 мм, для того чтобы получить негатив с вырезанными элементами. Затем из этого образца создавались формы для каждой партии ваз. Следы этих процессов можно найти на любом из бронзовых сосудов, где часто можно видеть легкий рельеф из стыковочных линий. Затем поверхность отшлифовывалась или, наоборот, украшалась глиняной замазкой, и туда заливался расплавленный металл. Впрочем, своей красотой многочисленные бронзовые вазы сегодня во многом обязаны удивительной коричневатой, красноватой, зеленоватой и синеватой патине, которая появилась вследствие того, что объекты долгое время пролежали в разных видах почвы. Это придавало предметам некоторое сходство с мрамором. На протяжении веков и форма и орнамент китайской архаической бронзы значительно изменились. Можно легко выделить этапы этого про-

цесса: с VIII в. до н. э. развивается орнамент под влиянием плетеных узоров; с IV в. до н. э. инкрустация и черная эмаль подчеркивают эти узоры, которые становятся более сложными. В этот же период в орнаменте появляются новые темы, например сцены охоты или битвы. Внутри каждого периода выделить отдельные категории предметов уже намного сложнее. В самой древней группе можно отметить игру насечек и рельефов. В конце правления династии Шан-Инь отмечается появление реалистического стиля, который получает новый импульс к развитию только в период Борющихся Царств (VI в.) Палеографические исследования позволяют лучше датировать материалы. Некоторые изменения в письменности происходят между XIII и XII вв. до н. э., а также между XI и X вв. до н. э. Более того, эпиграфы постепенно становятся длиннее. Так, к концу периода Шан-Инь практически исчезли надписи из одного или двух иероглифов, которые обозначали название клана, который создал эту вазу или принес ее в дар. Вместо этого появляются надписи, которые излагают обстоятельства церемонии: назначение, удел, дары, полученные за героические поступки. Все эти данные, собранные на протяжении последних веков, позволили получить богатейший материал. Впрочем, недавние археологические раскопки заставили пересмотреть сделанные ранее выводы и позволили понять многие технические

или иконографические приемы, которые до сегодняшнего дня оставались для ученых загадкой. Также дело обстоит и с производством периферийных зон. Сегодня еще недостаточно оснований для выделения отдельных линий провинциального искусства, однако можно сказать, что периферию меньше, чем центр, привлекало использование геометрической стилизации и что простые изображения животных, напротив, занимают там особое место.

Бронза Ордоса

Северная часть империи находилась в непосредственной близости от зоны степного искусства, которое получило весьма широкое распространение от устья Дуная до устья Хуанхэ. В I тысячелетии до н. э. с запада на восток протянулась целая цепочка соседствующих друг с другом степных культур: европейские скифы, саки Центральной Азии, Маеймир и Пазырык на Алтае, Тагар в бассейне Минусинска и, наконец, Ордос около устья Хуанхэ. Во второй половине I тысячелетия конфедерация сарматов на западе и союз сюнну на востоке создали многочисленные произведения, объединенные общим, богатым и резным стилем, который назвали «сармато-гуннским». Все эти культуры были созданы кочевниками, пасшими скот или лошадей, которые постоянно перемещались в поисках новых пастбищ. Подобная миграция была угрозой для несчастных соседних племен, а ее следствием стало смешение,

взаимное влияние и поглощение различных технических и пластических элементов. Первые контакты между Китаем и народами степи датируются началом I тысячелетия до н. э. и продолжают до I тысячелетия н. э. Но именно в эпоху Борющихся Царств, и особенно в эпоху Хань, это взаимовлияние становится особенно сильным. Так рождаются самые характерные произведения стиля Ордос. Несмотря на однообразность искусства этой зоны, в котором использовались преимущественно животные мотивы, можно говорить о появлении некоторой разнородности, которая особенно ярко проявляется в двух крайностях сибирского стиля. Этот стиль на западе превратился в скифо-сибирский, а на востоке — в китайско-сибирский.

Бронза периода Борющихся Царств

На смену простым и надежным работам, которым отдавалось предпочтение в период Восточная Чжоу, приходят бронзовые предметы периода Борющихся Царств, которые обладают особой утонченностью. Они отличаются более четким разделением украшений и пластичного орнамента, который покрывает оружие рукояти или ножки вазы. Те мотивы, которые когда-то служили основанием и состояли из спиралей или многочисленных треугольников, теперь выходят на передний план, порождая в более поздний период огромное

количество барельефов и игру цветов на искусно соединенных поверхностях. Повсюду господствует смесь страсти к орнаменту и натурализма, которую, без сомнения, вдохновляет появление знаний о сибирской пластике. Наконец, именно в эту эпоху проявилась во всем блеске техника инкрустаций. Для этого выковыливались металлические листки, другим техническим новшеством стало использование металлической нити, которую укладывали в насечки и закрепляли там. Работа была настолько совершенной, что в некоторых случаях эти нити пересекались, создавая широкие полосы общего пространства. Этот прием характерен для V—III вв. до н. э., т. е. до широкого распространения техники позолоченной и посеребренной бронзы. Инкрустация же бронзы золотом и серебром в это время практически исчезла.

Бумага

Бумага была изобретена в Китае, она появилась на Западе благодаря посредничеству мусульманских стран. Недавние исследования позволили понять некоторые важные детали в истории происхождения бумаги. Так, оказалось, что от периода Хань до эпохи Сун, производство бумаги на 80—90% состояло из пеньки. Затем, в последние годы периода Тан и особенно в период Сун, начали появляться самые разные виды бумаги, в производстве которой использовались разнообразные растения: листья тутового дере-

ва, кора некоторых деревьев и бамбук. С другой стороны, сам процесс производства получил большое развитие в период Ранняя Хань. Именно в этот период появились бумажные заменители драгоценных объектов, например зеркал, кинжалов, фонарей, которые сжигались во время церемоний. В то же время бумага в императорской администрации заменила древний носитель информации — шелк. Техника создания бумаги была уже разработана в период Поздняя Хань и отличалась разнообразием. Растения промывались, измельчались, их мяти ногами, а затем варили в большом сосуде, полном воды. Затем однородную массу толкли простым пестом или ногами до получения высококачественного месива. Потом это месиво долго перемешивалось в бассейне, наполненном чистой водой, до тех пор пока не получалась однородная легчайшая смесь. Ремесленник на мгновение погружал в нее натянутое на раму сито. Его ячейки моментально собирали легкий и вязкий растительный материал и позволяли воде стечь. Полученный таким образом более или менее тонкий лист оставляли сушиться на деревянном каркасе. Это и был лист бумаги.

В

Ван Аньши (Wang Anshi)

Родился в 1021 г., умер в 1086 г. Поэт, государственный чинов-

ник в правление императора Шэньцзуна (1067—1085) из династии Сун, провел радикальную реформу структуры управления, которая вызвала в обществе бурю, тушь при ее обсуждении лилась рекой.

Ван Би (Wang Bi)

Родился в 226 г., умер в 249 г. Блестящий философ, происходил из провинции Цзянсу, автор комментариев к «Дао дэ цзин» и «И цзин».

Ван Вэй (Wang Wei)

Родился в 699 г., умер в 759 г. Человек энциклопедического ума, поэт, художник, ученый, таланты которого привлекли внимание императора Сюаньцзуна (правил в 712—756), который сделал его своим министром и советником во время своего восстания хотел воспользоваться знаниями Ван Вэя, заставив его занять в своем правительстве пост цензора. После смерти узурпатора провел некоторое время в тюрьме, затем по протекции своего брата Ван Цзиня Ван Вэй был взят императором Суцзуном (756—762) на службу. Покой и утешение Ван Вэй нашел в буддизме. Среди знаменитых людей Китая его отличала преданная любовь к жене. Он не женился второй раз, хотя овдовел в тридцать один год, и удалился из мира сразу же после смерти своей матери

Ван Вэй младший (Wang Wei)

Родился в 415 г., умер в 443 г. Теоретик китайской живописи.

Ван Ман (Wang Mang)

Родился в 33 г. до н. э., умер в 23 г. н. э. Племянник супруги императора Юаня из династии Хань (правил с 49 по 33 до н. э.). Сверг династию Хань. После его короткого правления (9—22 н. э.) произошла реставрация Хань, которая перенесла свою столицу из Чанъани в Лоян, подальше от варваров.

Ван Сичжи (Wang Xizhi)

Родился в 307 г., умер в 365 г. Известен как величайший мастер китайской каллиграфии, хотя свою административную карьеру начал в военном ведомстве.

Ван Сяньчжи (Wang Xianzhi)

Родился в 344 г., умер в 388 г. Сын Ван Сичжи (307—365), разделил славу самого великого каллиграфа со своим отцом. Обладал огромной библиотекой. Чтобы во время переездов иметь возможность возить ее с собой, он сделал на шелке миниатюрные копии каждой книги.

Ван Чун (Wang Chong)

Родился в 27 г., умер в 97 г. Философ, противник конфуцианства. Изобличал непоследовательность учений Конфуция и Мэн-цзы. Отказывался признавать значение предзнаменований и чудес, следуя теории, которая была популярна в период Хань. Позднее ее развил Чжуншу. Ван Чун утверждал, что душа смертна, как и тело, и что на протяжении всей его жизни она не может оказывать никакого влияния на

тело. Свою теорию он доказывал тем, что мир не способен вместить души всех умерших. Кроме того, Ван Чун признавал существованием души не только у людей, но у животных.

Великая Китайская стена

Совокупность первых стен, построенных княжествами на северо-западных границах Китая в эпоху Борющихся Царств. Цинь Шихуанди приказал объединить их и отдал их под командование грозного полководца Мэн Тяня, чтобы создать преграду по всей границе империи. Она должна была помешать вторжению и развертыванию на китайской территории кавалерии кочевых народов, стремившихся на протяжении тысячелетий проникнуть в империю, что часто им удавалось. На протяжении веков стена часто была удвоена, утроена и даже в некоторых частях выстроена в четыре или пять рядов. Великая Китайская стена, по-китайски «Стена, длиной в десять тысяч ли» (*вань ли чан чэн*), протянулась с запада от Цяюйгуаня, провинция Ганьсу, на восток, до Шаньхайгуаня, провинция Ляонин. Достаточно широкая для того, чтобы по ней могла проехать повозка, помимо защиты, она была замечательным стратегическим путем, позволяющим продвижение подкреплений к границам империи, а в некоторых случаях даже их снабжение как минимум оружием и свежими частями. Также отмечают, что Великая стена в некоторых случаях

играла роль преграды для степных ветров, чем благоприятствовала развитию сельского хозяйства.

Великий канал

Соединяет Юг и Север Китая.

«Вёсна и осени»

Традиционное название периода упадка династии Чжоу (770—473 до н. э.). Этот период был отмечен расколом культа правителя и ростом могущества гегемонов. Термин «Вёсна и осени» («Чуньцю») происходит от названия хроники государства Лу, охватывающей года 722—484 до н. э. Традиция приписывает редакцию этих хроник Конфуцию. Хроника «Вёсна и осени» является одним из пяти классических текстов.

Вэй (Wei)

Название региона в эпоху «Вёсен и осеней», который стал отдельным княжеством в эпоху Борющихся Царств. Был завоеван государством Цинь в 340 г. до н. э. Затем название Вэй в эпоху Троецарствия было взято Цао Пэем, сыном знаменитого полководца Цао Цао. В 220 г. н. э. он сверг последнего отпрыска династии Хань и основал государство Вай (220—265). Два века спустя варвары тоба основали династию Северная Вэй (386—534), известную покровительством развитию буддизма и расцветом прекрасной религиозной скульптуры. В 534 г. династия Северная Вэй разделилась на две части: Западная Вэй (534—556) и Восточная Вэй (534—550).

Вэйхэ (Wei)

Приток реки Хуанхэ, в которую она впадает в провинции Шэньси. Бассейн реки Вэйхэ был колыбелью китайской цивилизации.

«Вэньсюань» (Wenxuan)

Первая антология китайской литературы, собранная Сяо Туном (501—531), сыном императора У из династии Лян. Важное место в ней занимает поэзия, именно благодаря лирике «Вэньсюань» больше всего известна. В ней содержатся также административные и исторические тексты, легенды и краткие обзоры эпиграфических надписей.

Г

Гадание

Гадание было также распространено в Китае первых династий, как и на античном Западе. Впрочем, методы были различными, и китайские гадатели читали будущее по палочкам из тысячелистника, которые бросали, следуя специальным ритуалам, а затем толкуя получившиеся фигуры по трещинам, образующимся на костях различных животных (цзяцзю). В последнем случае обычно использовались лопатка оленя, панцири или пластроны черепах. Эти кости, с прочерченными с двух сторон линиями, которые напоминали букву Т, лежащую и повернутую в сторону от центральной черты, делили на несколько частей. Затем их нумеровали от 1 до 5 или, если нужно,

то и далее. На лицевой стороне панциря черепахи было множество ячеек, в углубления которых клали головки, что приводило к растрескиванию панциря. Эти трещины назывались специальными терминами, например «большое предзнаменование», «малое предзнаменование» или «высшее предзнаменование» (*шан си*). Текст на костях всегда делился на две части: на правой части, написанной в две колонки, можно прочесть слева направо десять иероглифов — это вопрос; на левой части, также написанной в две колонки, справа налево — восемь иероглифов, ответ. Вот один из примеров записи: «Гадание в день синь ю (пятьдесят восьмой день цикла). [Гадатель] Бинь спрашивает: „Чжи (?) и Хуа из страны Соу(?) [могут ли] они нанести ущерб Цзио? Ответ: Чжи(?) и Хуа из страны Соу(?) не должны наносить ущерба Цзио”». Гадатель Бинь — один из самых часто упоминаемых людей среди той сотни имен, которые фигурируют в гадательных записях периода Шан-Инь почти за три века. Он родился в правление У-дина (1339—1281 до н. э.). Начертание иероглифов совпадает с графикой, которую ученый-палеограф Дун Цзобинь определил как принадлежащую к первому периоду развития китайской письменности. Таким образом, мы обладаем данными о самых древних китайских знаках. Впрочем, это не значит, что они написаны в самой архаичной манере, однако это свидетельствует

о развитии в начертании знаков, что свойственно обычной письменности. Страны Соу и Цзо встречаются и в других надписях, всегда в связи со спорами, агрессией или карательными кампаниями. Без сомнения, они были беспокойными соседями столицы. Что же касается Чжи и Хуа, вероятнее всего, это личные имена, которые можно встретить и в других надписях как вместе, так и порознь. Если расшифровка и позволяет понять смысл архаичных иероглифов, то их не всегда можно сопоставить с более поздними знаками, чтение которых известно. Из-за этого в некоторых случаях выбор того, как произносить, бывает проблематичным и неточным. Мы отмечаем это знаком вопроса, помещенным в скобки.

Гао Сяньчжи (Gao Xianzhi)

Умер в 755 г. Генерал корейского происхождения, потерпевший в 751 г. поражение от арабов в битве при Таласе. В 755 г. он сражался с Ань Лушанем, но был вскоре казнен за воровство по доносу евнуха-инспектора: когда он не мог удержать Тайюаньфу, он раздал зерно своим солдатам, а все остальное сжег, чтобы оно не досталось в руки мятежников.

Гаоцзу (Gaozu)

«Прадед», посмертное имя, которым назывались императоры, которые правили в периоды Ранняя Хань (206—195 до н. э.), Тан (618—626) и в период Поздняя Цзинь (937—942).

Гаоцзун (Gaozong)

Посмертное имя, которое давалось императорам, которые правили в эпоху Тан (649—683) и в период Южная Сун (1127 до 1162).

Гегемон

Термин, который используется для обозначения сановников и власть имущих в одну из древних эпох. На самом деле, одним словом переводят две совершенно разные идеограммы. Бо — титул, который носил правитель. Этот титул предполагал выполнение прежде всего полицейских функций и требовал от его носителя одновременно поддерживать порядок среди местных наместников и защищать страну от варваров. Ба — иероглиф, обозначающий идею великой власти, захваченной незаконным путем. В эпоху «Весна и осени» словом «гегемон» в обоих значениях назывались местные властители.

Го Си (Guo Xi)

Родился около 1020 г., умер в 1090 г. Художник эпохи Северная Сун, автор трактата «Великое послание лесов и потоков» («Линьцюань гаочжи»).

Го Сян (Guo Xiang)

Умер в 312 г. Ему приписывают комментарии к «Чжуанцзы», которые он написал в добровольной ссылке, отказавшись от постов, которыми его хотел наградить император династии Цзинь. Впрочем, впоследствии он получил важное назначение на долж-

ность «старшего опекуна князя Дунхая», от которого также отказался, разочаровавшись в нем.

Го Тай (Guo Tai)

Родился в 128 г., умер в 169 г. Знаменитый философ эпохи Поздняя Хань, достигший известности, несмотря на бедное сиротское детство. Его престиж был настолько высок, что на его лекции собиралась толпа учеников. Легенда говорит, что некий Вэй Чжао предпочел стать слугой этого философа, вместо того чтобы продолжать свое образование у других ученых преподавателей. Го Таю, который хотел силой отправить его к другим учителям, Вэй Чжао ответил: «Легко найти ученого преподавателя, трудно найти человеческого учителя».

Гу Кайчжи (Gu Kaizhi)

Родился в 345 г., умер в 411 г. Происходил из районов нижней части течения Янцзы. Служил при Нанкинском дворе в эпоху Шести Династий. Самый известный китайский художник-портретист. Его произведения сегодня известны только в копиях. Некоторые из копий довольно древние, как, например, «Наставления придворным дамам» (X в., Британский музей) или «Фея реки Ло» (XII в., Национальный музей в Пекине, галерея Фрера в Вашингтоне, музей в Шэньяне). В последнем случае сюжет разворачивается в целой серии свитков.

Гуануди (Guangwudi)

Император, который правил с 25

до 57 гг. н. э. Он восстановил власть династии Хань, после того как она была узурпирована Ван Маном (9—22 н. э.). Он подавил крестьянский мятеж, который назывался восстание «краснобровых», упразднил власть местных феодалов. Одно время он полагал, что ее нужно заменить властью князей из императорской семьи. Он не доверял крупным земельным собственникам и аристократии, которую войны конца периода Западная Хань основательно проредили. Он восстановил в Лояне, вдали от варварской угрозы, которая была так тяжела для древней Чангъани, централизованной режим, который остался в китайской истории хорошим примером восстановления власти, сохраняющей равновесие. Он отменил рабство — это бедствие, которое особенно развилось в первый период правления династии Хань.

Гуань (Guan)

«Официальная» керамика, тип селадон. Характерные произведения стиля гуань имеют корпус из коричневого фарфора, покрытого тонкой глазурью, способной передать оттенки от бледно-серого до бледно-зеленого и бледно-голубого. На сосудах можно видеть мелкую сетку, созданную трещинами, которая отражает разницу обжига, материала и глазури. Производство «официальной» керамики гуань началось в провинции Хэнань в конце периода Северная Сун, однако самые красивые произведения

создавались в Чжодзяне, и особенно в первой печи, которая была там установлена. Это говорит о «сохранении имперских строений» (Сюйнэйсы).

Гуань Тун (Guan Tong)
Художник периода Пяти Династий (1-я пол. X в.).

Гуань Чжун (Guan Zhong)
Советник знаменитого князя Хуаня из государства Ци в провинции Шаньдун (середина VII в. до н. э.). По его замыслу, классифицировали население по роду занятий и географическому местоположению, установили централизованную и единую систему налогов и реорганизовали военную службу, сделал ее обязанностью всего населения, чтобы ограничить моральное и материальное влияние, которым обладала аристократия на армию. Традиция также приписывает им создание первых монополий на соль и железо.

Гуань Юй (Guan Yu)
Родился в 162 г., умер в 219 г. Один из героев романа «Троецарствие». Происходил из провинции Шаньдун, которую покинул, после того как совершил убийство. В этот смутный период последних лет правления династии Хань он встретился с Лю Бэем и Чжан Фэем. Они стали неразлучными друзьями, дав в персиковом саду клятву дружбы до самой смерти. Гуань Юй — один из самых знаменитых китайских военных героев.

Гунсунь Лун (Gongsun Long)
Родился в 320 г., умер в 250 г. до н. э. Философ «школы имен» (мин цзя). Родился в государстве Чжао. Как и все философы того времени, сожалел о том, что князья ведут постоянные войны. Известен как «диалектик», который старался определить точные значения слов. Его работа основывалась на понятии «белого», и самый известный его парадокс — «белая лошадь»: «Белая лошадь — это не лошадь. Слово „лошадь“ обозначает внешний вид, слово „белая“ обозначает цвет. То, что обозначает цвет, не обозначает внешнего вида. Вот почему я говорю, что белая лошадь — это не лошадь». Своими парадоксами Гунсунь Лун определил отличие между конкретным и абстрактным, между частным и общим.

Гэ Хун (Ge Hng)
Начало IV в. Автор «Баогу цзы» — энциклопедии методов, которым нужно следовать, чтобы достичь бессмертия. Особенно подробно в ней описаны свойства металлов, например преобразование ртути, свинца и киновари.

Д

Дао дэ цзин (Daodejing)
«Путь и его добродетель» — труд, приписываемый Лао-цзы.

Даоань (Daoran)
Родился в 314 г., умер в 395 г. Происходил из образованной семьи из провинции Хубэй в Южном

Китае. Стал буддийским священником в храме Чаншань в Чжодзяне. Как и большая часть великих китайских философов, вел бродячий образ жизни, путешествуя между бассейнами рек Янцзыцзян и Хуанхэ. Его желание встретиться с Кумарадживой (344—413), знаменитым переводчиком текстов Нагарджуны, не осуществилось. Именно Даоань впервые познакомил Китай с легендой о Бодхидхарме и принципами медитации (*дхьяна*), которая каждому давала возможность открыть в себе Будду. Однако, за исключением эпохи Тан, дхьяна в Китае в дальнейшем по настоящему не развивалась.

Дацзу (Duzu)
Буддийские пещеры.

Десять Царств
Период раздробленности в Китае (X в.).

Ду Му (Du Mu)
Родился в 803 г., умер в 852 г. Чиновник высокого ранга и блестящий поэт конца периода Тан.

Ду Фу (Du Fu)
Родился в 712 г., умер в 770 г. Вместе с Ли Бо (701—762) является самым великим китайским поэтом всех времен. Не сумев сдать правительственные экзамены, сделал поэзию своей профессией. Впрочем, император Сюаньцзун отметил его, назначил пенсию и предоставил при дворе должность. В момент мятежа Ань Лушаня Ду Фу бежал и вернулся позднее

вместе с новым императором Суцзуном, который назначил его цензором. Надлежащее исполнение этой обязанности привело к тому, что поэта сослали, и он уехал в провинцию Сычуань, где вел бродячий образ жизни, не смотря на все усилия местной администрации, которая долго предлагала ему различные посты.

Дун Чжуншу (Dong Zhongshu)
Родился около 179 г., умер около 104 г. до н. э. Самый знаменитый философ периода Хань. Совместно с Гунсунь Хуном (умер в 121 до н. э.) был основоположником первого императорского университета. Важнейшие из своих исследований посвятил изучению хроники «Весна и осени», комментарии к ним он опубликовал («Чуньцю фаньлу»).

Дуньхуан (Dunhuang)
Китайский город, расположенный в провинции Ганьсу, которая знаменита красотой буддийских пещер.

Дянь (Dian)
Маленькое государство, основанное в провинции Юньнань в 334 г. до н. э. правителем государства Чу.

Ж

Желтые повязки
Мятежники, которые под руководством Чжан Сюэ (умер в 184 н. э.), привели к падению династии Поздняя Хань.

«Жи ли» (Ri li)

«Ежедневная хроника», которая велась с эпохи Тан до правления династии Мин, а затем служила для составления истории династии. Она была составлена на основе «Записей о деятельности и отдыхе императоров» каждого императора, однако ни один имеющий к ним отношение император их не читал, и на основе «Записей о делах правления». Эта «Ежедневная хроника», в свою очередь, использовалась для создания общего труда — «Правдивых записей» («Ши лу»).

Жуань Цзи (Ruan Ji)

Родился в 210 г., умер в 263 г. Один из лучших китайских поэтов, возглавлял вместе Цзи Каном (223—262) кружок «Семи мудрецов из бамбуковой рощи».

И**И Юаньцзи (Yi Yuanji)**

Умер около 1066 г. Художник-анималист эпохи Северная Сун.

«Ин цзао фачжи» (Ying zao fashi)

Один из самых древних, наряду с «Учебником по плотницкой работе» («Му цзин») Юй Хао (2-я пол. X в.), трактатов по архитектуре. «Ин цзао фачжи» дошел до нас в редакции конца XI в., при его составлении, без сомнения, использовались и более ранние работы. Включает следующие рубрики: плотины и укрепления; работа из камня; крупные постройки из дерева; скульптуры

из дерева; как вращать и сверлить дерево; как пилить дерево; работа из дерева; изготовление черепицы; строительство стен; живопись и украшение; изготовление кирпичей; изготовление глазурированной черепицы. Трактат включает в себя множество чертежей очень высокой технической точности (см. также Архитектура).

Иностранные религии

Маздакизм, несторианство, манихейство, ислам при дворе династии Тан.

Исин (Yixing)

Родился в 683 г., умер в 727 г. Религиозное имя астронома Чжан Суя. В 721 г. он реформировал календарь. Был автором работы о ритуалах и трактатов по математике.

Ицзин (Yijing)

Родился в 635 г., умер в 713 г. Уроженец Чжили, в 671 г. отправился в Индию. Провел десять лет в Наланде и на Суматре. Вернулся в Китай в 695 г. и был принят в столице с огромными почестями. Как и многие паломники, он провел остальные годы своей жизни, осмысляя полученные в путешествии знания, переписывал тексты, которые привез с собой, переводил их и изучал.

Ицзянчжи (Yijianzhi)

Сборник сказок, составленный Хэн Маем (1123—1202). Этот сборник являет собой яркий пример интересов, вкусов и верований просвещенных людей

XII в. Магия соседствует там с самыми рациональными доводами.

К**Кайфэн (Kaifeng)**

Столица провинции Хэнань, расположенная в южной части Хуанхэ. Она была столицей династии Северная Сун, но в этот период называлась Бяньлян.

Каллиграфия

Выделяют семь основных ее видов.

Классические тексты (цзин)

Слово, которое означает основные книги, на которых базируется вся структура китайской цивилизации, — это цзин. Его можно перевести, как «нити одной цепи». Современная классификация этих книг, которых всего девять, восходит к эпохе Сун и делит их на две части: пять «классических текстов» (цзин) и четыре «книги» (шу). Классические тексты включают в себя «Книгу перемен» («И цзин»), «Канон истории» («Шу цзин»), «Канон песен» («Ши цзин»), «Записки о ритуале» («Ли цзи») и хронику «Вёсна и осени» («Чуньцю»). «Четыре книги» философов — это «Беседы и высказывания» Конфуция («Лунь юй»), «Дасюэ», «Чжун юн» и «Мэн-цзи». Иногда, впрочем, говорят о шести «классических текстах», добавляя к уже упомянутым произведениям «Канон музыки» («Юэ цзи»), который обычно входит в состав «Ли цзи».

Книгопечатание

Создано в период правления династии Тан. Первые тексты были отпечатаны в Сычуани ксилографическим способом.

Ковроткачество

В Китае эпохи Сун появилось новое искусство: ковроткачество (зэ су). Однако существует разница между западными и дальневосточными аналогами. Китайский ковер был полностью выткан из шелка. Вероятно, это искусство пришло в Китай с Запада, так как первый центр ковроткачества располагался в Динчжоу, в западной провинции Ганьсу. Известны имена знаменитых мастеров периода Сун — Чжу Кэжоу и Шэнь Цифань. Сунские ковры вызвали восхищение современников. Чжуан Сеюй так описывает технику их производства: «Шелковый ковер, вытканый в Динчжоу, не состоит из тяжелых материалов. Шелковая нить натянута на деревянную раму. Цветы, птицы, животные, любые украшения изображаются на основе ткани челноком. Затем рисунок дополняют нитями разных цветов, которые закрывают пустоты, оставленные нитью основы. Так как нити основы и разноцветные нити не переплетаются, можно увидеть промежуток между основой ковра и рисунками. Это дает эффект объемности, вот почему ковры называют «резной шелк». Требуется год на то, чтобы изготовить один женский костюм». Вышивка по канве и узор стали настолько важным элементом не

только костюма, но и внутреннего убранства, что в правление императора Хуэйцзуна (1101—1125) была создана канцелярия утонченной вышивки (*вэньсю юань*), в которой только нужды двора обслуживали более трехсот ремесленников.

Кодекс династии Тан

Был в законченной форме представлен императору в 653—654 гг. Это первый китайский кодекс, дошедший до нас полностью.

Колесница

Древняя китайская боевая колесница состояла из легкого кузова и двух колес. В нее при помощи дышла впрягались две, а иногда четыре лошади. Подобный тип нам хорошо известен по примерам, восходящим еще к эпохе Шан-Инь. Колесницы состояли из деревянных деталей, на юге они были лакированными, соединявшимися при помощи штифтов и кожаных ремней. Вся система была очень легкой, элегантной, обладала правильными пропорциями. Боевая колесница в период «Вёсен и осеней» использовалась для прорыва обороны, но при зарождении империи с развитием пехоты в битвах между княжествами и в осадных войнах она постепенно потеряла свою боевую ценность. Огромные кампании по расширению территории, которые велись в это время, а особенно войны с варварами, привели к тому, что более грозным оружием стала кавалерия. Колесница стала одной из

самых привлекательных тем для барельефов и настенной живописи в искусстве периода Хань.

«Краснобровые»

Восставшие, использовавшие демоническую раскраску. Вместе с ханьской аристократией и крупными землевладельцами способствовали падению правительства, созданного Ван Маном, и восстановлению династии Хань (25 до н. э.). Движение, начавшееся в провинции Шаньдун, быстро распространилось по всей долине реки Хуанхэ.

Кумараджива

Родился в 344 г., умер в 413 г. Первый переводчик буддийских «Трех трактатов», основы индийской школы Мадхьямика Нагарджуны.

Кун Фу-цзы (Kong fuzi / Kong Qiu)

Конфуций — отец китайской философии. Традиционные даты жизни: 551—479 гг. до н. э.

Куньлунь (Kunlun)

Самая древняя горная цепь в Азии, ее основной горный хребет. Она начинается в Памире на западе и на востоке упирается в массивы, которые отделяют бассейны Хуанхэ и Янцзыцзян. Она отделяет Тибет от китайского Туркестана. Слово Куньлунь имеет и мифологическое значение: в этом случае оно обозначает гору, на которой космогония даосизма помещает центр мира, что совпадает и с индийской

космогонией. Говорят, что фонтан бессмертия берет именно там и что четыре крупнейших реки мира берут свое начало именно на горе Куньлунь. Наконец, эта гора является местом пребывания Си Ванму.

Л

Ланьчжоу (Lanzhou)

Столица провинции Ганьсу. Расположена на правом берегу Хуанхэ.

Лао-цзы (Laozi)

Мифический мудрец, основоположник даосизма.

Легизм

См. Фа-цзя.

Лецзы (Liezhi)

Даосский текст, включает в себе, согласно традиции, учение некоего Ли Юйкоу, жившего в начале IV в. до н. э. В действительности многочисленные интерполяции и некоторое влияние буддизма заставляют датировать самое важное в тексте намного более поздним временем. Самый важный комментарий к тексту был сделан в IV в. н. э. Чжан Чжанем. На самом деле, личность Ли Юйкоу было создана Чжуанцзы, который, благодаря этому вымыслу, высказывал некоторые свои идеи. Но в правление династии Хань интеллектуалы не поняли, что Ли Юйкоу был аллегорической фигурой, и приписали ему реальное существование.

Ли Бо (Li Bai)

Родился в 701 г., умер в 762 г. Наряду с Ду Фу (712—770) — величайший китайский поэт всех времен. Родился в Сычуани, происходил из знатной семьи. С детства обнаруживал яркие дарования к литературе, искусству и приключениям. Путешествовал по всему Китаю, добравшись до Шаньдуна. Там он основал группу поэтов — веселых пьяниц — «Шесть фантазеров у ручья в бамбуковом лесу». Около 742 г. он приехал в Чанъянь, где его поэтический талант вызвал восхищение императора, который назначил его в академию Ханьлинь. Впрочем, Ян Гуйфэй, настроенная евнухами против Ли Бо, впоследствии помешала придворной карьере поэта. Ли Бо в сопровождении своих друзей покинул двор, получив от императора крупную сумму денег. Эти веселые приятели образовали новую группу — «Восемь бессмертных в вине». В конце своей жизни поэт обитал у одного из своих родственников. Согласно легенде, он погиб, утонув в Янцзыцзян, пытаясь достать оттуда отраженные луны.

Ли Кэюн (Li Keyong)

Полководец тюркского происхождения. Он прославился тем, что подавил восстание Хуан Чао (884). Он настолько хорошо защищал границы от варварских вторжений, что в 869 г. император даровал ему право использования имперского патронима ли в его фамилии. Однако в 907 г. Ли

Кэюн основал в провинции Шаньси независимое государство Цзинь

Ли Лин (Li Ling)

Знаменитый несчастный генерал в эпоху Поздняя Хань. Сдавшись в плен сюнну вместе со всей своей армией, он попал в руки врага и остался в плену. Император У (141—87 до н. э.) не простил ему этого, посчитав произошедшее предательством, и казнил всю его семью. Ли Лин никогда не осмелился вернуться в Китай и умер в плену через двадцать лет. Именно за попытку защитить Ли Лина знаменитый историк Сыма Цянь (145—90 до н. э.) был приговорен к кастрации.

Ли Линьфу (Li Linfu)

Умер в 752 г. Первый министр (737) в правление императора Сюаньцзуна из династии Тан, способствовал увеличению могущества Ань Лушаня. Увенчанный славой при жизни, после смерти был обвинен в предательстве в пользу татар.

Ли Сы (Li Si)

Умер в 208 г. до н. э. Житель государства Чу, ученик Сюньцзы. В 237 г. до н. э. перешел на службу в государство Цинь, где занимал должности историографа, министра иностранных дел, а с 214 г. — первого министра империи. Он был непримиримым сторонником легистской организации как маленького государства, так и империи. Именно он отдал приказ уничтожить

конфуцианские книги (213 до н. э.). Впрочем, он был весьма известным интеллектуалом. Традиция приписывает ему создание письменности «малой печати», которая в правление Цинь Шихуанди была обязательной в качестве официальной письменности.

Ли Сысюнь (Li Sixun)

Родился в 651 г., умер в 716 г. Художник эпохи Тан, мастер стиля «голубого и зеленого».

Ли Тан (Li Tang)

Родился в 1050 г., умер в 1130 г. Художник, который возглавлял академию в конце периода Северная Сун и в начале периода Южная Сун.

Ли Фан (Li Fang)

Родился в 925 г., умер в 995 г. Ли Фан дважды был первым министром (в 983 и 991—998). Прежде всего, известен как составитель двух энциклопедических сборников: «Тайпин Юйлань» и «Тайпин Гуанци».

Ли Цинчжао (Li Qingzhao)

Родилась около 1084 г., умерла в 1140 г. Самая знаменитая китайская поэтесса.

Ли Чэн (Li Cheng)

Родился в 940 г., умер в 967 г. Художник-пейзажист.

Ли Шанинь (Li Shangyin)

Родился в 813 г., умер в 858 г. Происходил из провинции Хэнань. Поэт, член академии Ханьлин.

Ли Шаоцзюнь (Li Shaojun)

Алхимик-даосист (II в. до н. э.). Привлек внимание императора У из династии Хань, заверив его, что может создать из киновари и золота, переплавив тарелки и чаши, эликсир бессмертия. Кроме того, Ли Шаоцзюнь утверждал, что якобы побывал на Острове бессмертных, где видел финик размером с дыню. Чтобы найти эти чудесные страны, император отправил на Запад несколько экспедиций.

Ли Шиминь (Li Shimin)

Родился в 597 г., умер в 649 г. Сын полководца Ли Юаня (565—635) и сам солдат армии Ян-ди из династии Суй, уговорил своего отца на мятеж и основал династию Тан. Отца возвел на престол, а затем сверг его в 626 г. вследствие заговора, в котором участвовали старший и младший братья, заведовавшие тому влиянию, которое Ли Шиминь имел на отца. Ли Шиминь убил обоих и женился на вдове младшего. Его собственное правление началось с полной реорганизации управления империей. Крупные военные кампании (639—640, 647—648) позволили ему взять под контроль бассейн реки Тарим, воевать на юге вплоть до Вьетнама, на севере — до Монголии, на востоке — до Маньчжурии. Его посмертное имя Тайцзун.

Ли шу (Li shu)

«Официальная», квадратная письменность. Представляет собой упрощенный вариант пись-

менности «печати», стандартизированный Цинь Шихуанди. Ли шу использовалась для написания всех документов, относящихся к инструкциям и регистрации криминальных дел. Согласно традиции, она была изобретена тюремной администрацией.

Ли Юань (Li Yuan)

Родился в 565 г., умер в 635 г. Отец Ли Шиминя (597—649). Основал вместе с ним империю Тан (618—907). Посмертное имя Гаоцзун. Правил с 618 по 626 гг., был свергнут с престола собственным сыном и с почестями отправлен на покой. До восшествия на престол Ли Юань был полководцем, его войска размещались в провинции Шаньси. В его обязанности входила защита территории от кочевников. В 617 г., подстрекаемый сыном, восстал против тирании императора Ян-ди (604—618) из династии Суй.

«Лидай мин хуа цзи» (Lidai ming hua ji)

«Записки о знаменитых картинах прошлых эпох» — трактат, написанный художником Чжан Яньюанем (810—880).

Лоань (Luoyang)

Расположен в северо-западной части провинции Хэнань. Лоань с самого начала китайской истории был самым важным центром Северо-Восточного Китая. Следы культур Яншао и Луншань свидетельствуют о том, что первые поселения на этом месте появились в период неолита.

Правители династии Восточной Чжоу обосновались там в VIII в. до н. э. В период империи Лоян несколько раз возвышался до ранга столицы: династия Поздняя Хань (25—220), династия Вэй (220—265) и династия Цзинь (265—317) в эпоху Троецарствия, в правление императора Ян-ди из династии Суй (604—618). Наконец, в период Пяти Династий Лоян был столицей династии Поздняя Лян (907—923), Поздняя Тан (923—936) и на очень короткий период в правление династии Поздняя Цзинь (936—937). Позднее этот город никогда уже не был столицей страны, но всегда оставался ее важным культурным центром, как в правление династии Тан (618—907), когда он официально был признан второй столицей империи.

Лу (Lu)

Княжество на полуострове Шаньдун, родина Конфуция.

Лу Таньвэй (Lu Tanwei)

Мастер из провинции Цзянсу. Художник-портретист, которому покровительствовал император Мин (323—325) из династии Восточная Цзинь.

Лу Цзююань (Lu Jiuyan)

Родился в 1139 г., умер в 1192 г. Друг Чжу Си, философ, последователем которого в эпоху Мин был Ван Янмин (1472—1529).

Лу Чжи (Lu Zhi)

Родился в 754 г., умер в 805 г. Про-

исходил из провинции Цзянсу, был членом академии Ханьлинь и советником императора, отказался работать с Янянем (умер в 780). В 795 г. он чудом избежал смерти за выступление против императорской наложницы и был сослан в Сычуань на второстепенную должность. В 805 г. ему была возвращена милость императора Шуньцзуна, однако он умер при возвращении в столицу. Известен также твердостью характера и честностью.

Лу Ю (Lu Yeou)

Родился в 1125 г., умер в 1210 г. Происходил из Чжоцзяни. Начало его официальной карьеры было очень трудным, так как он выступал против министра иностранных дел Цинь Гуя. Возвысился в 1163 г. в правление императора Сяоцзуна (1162—1189) из династии Южная Сун, занимал несколько постов и работал над созданием династийной истории. Впрочем, наибольшую славу Лу Ю принесла его великолепная поэзия.

Лунмэнь (Longmen)

Место, где располагались знаменитые буддийские пещеры, высеченные по приказу императора Сюаньбу (500—515) из династии Северная Вэй.

Луншань (Longshan)

Археологическая культура, которая сменяет культуру Яншао, совершенствуя ее: к простому рву, который окружал поселения, добавляются или заменяют их сте-

ны из спрессованной земли; полированные каменные орудия труда более развиты; появляются графические рисунки, особенно на керамической посуде. Была известна только черная лощеная керамика этого периода, однако недавние открытия доказали существование серой, красной и белой керамики сравнимого качества.

«Лунь юй» (Lun yu)

«Беседы Конфуция»¹.

Лэ Биньван (Le Binwang)

VII в. Поэт, прославленный как один из «четырёх героев» династии Тан. Вместе с судьей Ян Цунном и просвещенными мужами Ван Бо и Лу Чжаолинем, который покончил с собой, бросившись в реку, Лэ Биньван противостоял императрице У, что, без сомнения, и привело его к гибели.

Лю Бан (Liu Bang)

Родился в 247 г., умер в 195 г. до н. э. Основатель династии Хань. Потомки удостоили его именем Хань Гаодзу (великий предок Хань).

Лю Бэй (Liu Bei)

Родился в 162 г., умер в 223 г. Происходил их рода Хань. В эпо-

ху Троецарствия основал в Сычуани государство Шу-Хань (221—263).

Лю Се (Liu Xie)

Жил около 480 г. н. э. Автор первого известного трактата по литературной критике — «Трактат об основах литературного искусства» («Вэньсинь дяолун»).

Лю Суннянь (Liu Songnian)

Родился в 1180 г., умер в 1230 г. Буддийский художник. Чтобы понять его произведения, помимо народного рвения, которое сохранялось, несмотря на все государственные преследования буддизма, нужно помнить и об относительном упадке буддийского искусства в IX в. На протяжении периода Пяти Династий, который также известен религиозными гонениями, буддийская живопись вошла в полосу застоя, и началось простое копирование образцов, созданных в эпоху Тан. В большинстве случаев художники пытались уйти от классической иконографии, им все больше и больше нравилось изображать пейзажи и цветы. Монастырские мастерские исчезли одновременно с монастырями, в которых они располагались, и только посредственные ремесленники

1 «Лунь юй», или «Беседы и рассуждения» («Суждения беседы», «Беседы и суждения», «Рассуждения и речения», «Изречения») Конфуция является центральным памятником раннего конфуцианства, представляет собой свод высказываний, собранных и записанных его учениками. Конфуцианство, первоначально представлявшее собой этико-идеологическую систему, в дальнейшем превратилось в одну из основ китайской и в целом дальневосточной цивилизации, обуславливающих политическую, социальную и духовную жизнь региона.

продолжали создавать изображения, дороге сердцу любого паломника. В то же время развивалось и другое течение: движение интеллектуалов, в которых продолжал гореть религиозный огонь, которые были одержимы поисками мудрости. Они больше не создавали культовых изображений, но стремились достичь «диалога с незримым». Художник не стремился никого ни в чем убедить, ни передать какого-то послания, он выражал свое собственное видение. Одним из выдающихся буддийских художников периода Сун был Лю Суньянь, его произведения (хотя он за свою долгую жизнь создал не больше десяти картин), стали переломом в религиозной иконографии. Одновременно с тем, что и люди по чертам своего лица и костюмам, и сюжеты все больше напоминали живопись интеллектуалов, можно отметить явную феминизацию образов бодхисаттв.

Лю Сян (Liu Xiang)

Родился в 79 г., умер в 8 г. до н. э. Потомок Лю Баня — основателя династии, Лю Сян был известен как первый китайский библиограф. Он составил список трудов, собранных под покровительством императора Чэна (33—8 до н. э.) из династии Хань, для того чтобы восполнить урон, нанесенный уничтожением книг. Его сын Лю Синь создал классификацию из семи категорий, которую историк Бань Гу (32—92) включил в свою историю династии Ранняя

Хань («Цянь Хань Шу»). 677 текстов были разделены им не на семь, а на шесть видов: 1) классические тексты; 2) философия; 3) поэзия; 4) военная тактика; 5) астрономия, генеалогия, гадания, наука о числах; 6) медицина, народные верования, практические знания. Кроме того, Лю Сян был автором «Биографии добродетельных женщин древности» («Гу ли не чжуань»).

Лю Чжи (Liu Zhi)

Сын знаменитого историка Лю Чжици (661—721). Автор работы «Чжэндянь», посвященной истории государственных учреждений в Китае.

Лю Чжици (Liu Zhiji)

Родился в 661 г., умер в 721 г. Знаменитый историк, автор «Общих положения истории» («Шитун»).

Лю Юйси (Liu Yuxi)

Родился в 772 г., умер в 842 г. Поэт, происходивший из Чжили. Высоко ценил Бо Цзюи, был государственным чиновником. Строгость, с которой он исполнял свою службу в цензorate, стала причиной его ссылки в провинцию Юньнань. Несмотря на трудности на протяжении всей его карьеры, за год до смерти он был назначен главой канцелярии обрядов.

Лю Янь (Liu Yan)

Родился в 715 г., умер в 780 г. Родившись в провинции Шаньдун, по преданию, он привлек внимание императора Сюаньцзуна

(712—756), написав в возрасте восьми лет оду, посвященную ритуалам, которые император выполнял в Тайшани. Его политическая карьера была весьма успешной, однако вследствие враждебных отношений с Ян Янем (727—780), «создателем знаменитого двойного налога», Лю Янь был сослан в Корею, а затем приговорен к самоубийству. В истории сохранилась память о Лю Яне как о человеке, постоянно заботившемся о народе. Он стремился отменить повинность по транспортировке зерна из долины Янцзыцзян в столицу и доверил эту перевозку профессионалам.

Люй Бувэй (Lь Buwei)

Умер в 235 г. до н. э. Государственный чиновник княжества Цинь. По происхождению богатый торговец из Хэнани, хотя и неизвестно, в каком государстве он родился, в Вэй или Хань. Он путешествовал по государству Чжао, в столице которого познакомился с младшим сыном правителя Цинь, который жил там в качестве заложника. Заложничество практиковалось между государствами как гарантия мирных отношений. Некоторое время спустя Люй Бувэю был доверен пост сановника при дворе государства

Цинь. В 249 г. он уничтожил государство Чжоу. В 237 г. он попал в опалу, когда власть получил новый правитель Цинь, будущий Цинь Шихуанди. Конфуцианские историки, которые всегда старались нанести ущерб образу Цинь Шихуанди, стремились доказать, что Первый император не был княжеского рода, а был сыном Лю Бувэя, тайного любовника его матери.

Люй Хоу (Lь Hou)

Императрица, умерла в 1180 г. до н. э. Мать мальчика, выбранного из сыновей умершего императора Хань Гаоцзу, чтобы наследовать ему (этим мальчиком был Лю Бан, основатель династии). Благодаря своему ребенку Люй Хоу стала императрицей и грозным регентом. Хотела узурпировать трон, расставив на все посты своих людей и благоволя своим родственникам. Весь ее клан был уничтожен после ее смерти. Правление Люй Хоу отмечено актами садистской жестокости, что породило в китайской истории образ вдовствующей императрицы с необузданными амбициями.

«Люйши Чуньцю»

(Lüshi Chunqiu)

«Весна и осени господина Люя»¹.

1 Эпоха «Весна и осени» получила название по одноименному историческому труду «Люйши Чуньцю» («Анналы весен и осеней»), ставшему примером первой точной хронологии, созданной в Китае. Этот труд является хроникой царства Лу, уроженцем которого был Конфуций. Китайская классическая традиция приписывает авторство текста самому Конфуцию, однако данное утверждение оспаривается современной наукой.

Лян (Leang)

Название трех династий, которые правили в Северном Китае, в провинции Ганьсу, в эпоху Шести династий: Южная Лян (397—414), по происхождению сяньби; Северная Лян (397—439), по происхождению сюнну; Западная Лян (401—421), происхождение неизвестно, возможно, эта династия была китайской. Все они брали название династии, которая была основана китайским полководцем в «теснине Ганьсу», где он пытался сдерживать варварские нападения и грабежи (313—376), которые после падения империи Хань (220), а затем и государства Западная Цзинь (304) в Северном Китае уже ничего не сдерживало. В начале VI в., а точнее в 502 г., в Южном Китае князем-солдатом, который принял имя У-ди, «военный император», была основана новая династия Лян. В истории У-ди остался как мудрый администратор, строитель и, прежде всего, защитник буддизма. Несколько скульптурных произведений, оставшихся в могилах периода Лян, в регионе Нанкина, и сегодня напоминают о былом блеске этой династии.

Лян Цай (Liang Kai / Liangjie)

Художник XIII в. Ученик Цзя Шигу, который сам был последователем Ли Тана и большим поклонником Ли Гунлина, знаменитого своими историческими картинами. С 1201 по 1204 г. Лян Цай занимал официальный пост в академии, где его талант высоко

ценили. На самом деле его гений был столь же блестящим, сколько и разносторонним. Вот, например, картина, выполненная в академическом стиле династии Южная Сун — «Пейзаж под снегом»: смелое противопоставление двух объектов — дерево на первом плане и лесистые вершины на втором. Контраст этих двух объектов, расположенных по диагонали, подчеркивает пустота и холодность центра, где изображены два путника. Впрочем, вскоре, несмотря на все почести, Лян Цай покинул академию и блестящую жизнь Ханчжоу и нашел убежище в одиночестве чаньского монастыря (Лютоньсы), расположенного недалеко от столицы. Совершенство формы, профессионализм сменились в творчестве Лян Цая свободным, сбалансированным стилем, изящным в своей сдержанности и экспрессии, который соответствовал ритмам медитации и открытиям монаха. Здесь больше не существовало формы: она была лишь случайностью, счастливым столкновением гениальных движений кисти, которые были сродни выкрикам, которыми некоторые последователи учения чань сопровождали постигшие их открытия и просветление. Это произведение не стремится нравиться, но является средством выражения ци, глубинной природы бытия. Именно ци за сто лет до Лян Цая искал император Хуэйцзун, используя совершенство цвета. Чудесные портреты Ли Бо написаны одно-

временно двумя стилями: в центре — мощные линии, начерченные малым количеством туши; по краям — практически черная масса ног и голова, написанная темными и бледными штрихами. Готовый произнести слово, поэт идет в вечность, его взгляд мечтательно устремлен вдаль. Самое большое влияние творчество Лян Цая, как и произведения другого художника XIII в. — Мо Ци, оказало на развитие японской живописи. Эта манера появилась в Японии в период Камакура и сразу вызвала очень сильный интерес.

Ляо (Liao)

Империя, основанная в Северном Китае киданями. Они владели Северным Китаем с 947 по 1125 г.

М**Ма Дуаньлин (Ma Duanlin)**

Родился в 1250 г., умер в 1325 г. Автор знаменитой энциклопедии «Вэньсюань тунцао», изданной во время бегства на юг, где он скрывался, как и многие другие знаменитые интеллектуалы конца периода Сун, от монгольского вторжения.

Ма Линь (Ma Lin)

Художник эпохи Южная Сун (XIII в.). Сын Ма Юаня.

Ма Юань (Ma Yuan)

Художник эпохи Южная Сун (конец XII — начало XIII вв.).

Мавандуй (Mawangdui)

Место, расположенное недалеко от Чанша, в провинции Хунань, где в 1971—1972 гг. было открыто богатое захоронение: гроб был покрыт куском раскрашенного шелка, самым древним из тех, что известны на сегодняшний день.

Майцзишань (Maijishan)

Буддийские пещеры.

Махаяна

Школа буддизма, так называемая «большая колесница».

Ми Фу, или Ми Фэй (Mi Fu, Mi Fei)

Родился в 1051 г., умер в 1107 г. Коллекционер и художник-«каллиграф», пуантилист, композиции которого отличаются равномерным, но свободным распределением акцентов. Происходил из провинции Цзяньсу, получил при дворе должность в канцелярии обрядов, но позднее предпочел вернуться в провинцию.

Ми Южэнь (Mi Youren)

Родился в 1086 г., умер в 1165 г. Сын великого художника Ми Фу (1051—1107) и сам художник.

Минтан (Mingtang)

Космогонический дворец-храм в форме креста, который напоминает о могилах правителей периода Шан-Инь. Без сомнения, когда-то был огромным полуподземным жилищем, в котором могла прятаться значительная часть населения. Правитель приехал в Минтан для того, чтобы

быть в гармонии с временем — со сменой сезонов — и пространством — с каждой из сторон света в своем владении, которые он теоретически должен быть посещать ежегодно. Интеллектуалы без устали обсуждали символическое значение Минтан, но совершенно не интересовались его первоначальным реальным устройством.

Мин цзя (Mingjia)

«Школа имен», «семантическая школа», «номиналисты».

Минци (Mingqi)

В широком значении «погребальная утварь», в более узком значении обозначает деревянные лаковые или глиняные статуэтки, которые с периода Борющихся Царств, особенно в период Хань, составляли обязательную часть погребения. Согласно традиции, минци были созданы, чтобы заменить практику человеческих жертвоприношений, широко распространенную в период Шан-Инь. Вещь-замена, минци представляли в уменьшенном виде все необходимое материальное и человеческое окружение покойного, которое следовало за ним в могилу, чтобы обеспечить ему такую же жизнь, которую он вел на земле.

Монополии

Периодически, когда Китай был объединен под властью императора, правительство с целью обеспечить себя важнейшими

ресурсами объявляло государственную монополию на производство и торговлю товарами широкого потребления, таких как соль, железо, алкоголь и чай. Согласно учению легистов, получение доходов частным торговцем от товаров, произведенных земель, было аморально. Эти доходы должны были вернуться государству.

Моцзи (Mozi)

Собрание рукописей, изданных в соответствии с учением Моцзи (470—391 до н. э.). Это учение особое внимание придавало любви — единственному эффективному регулятору человеческих отношений. От основания империи до эпохи Сун учение было забыто. Моцзи, вероятно, происходил из государства Лу, как и Конфуций, хотя, согласно другой традиции, местом его рождения было государство Сун. Как и в большинстве древних философских трактатов, трудно понять все то, что утверждал Моцзи. Только одна вещь несомненна: Моцзи жестко выступал против аристократии и в целом против властей, запретивших одновременно музыку, связанную с церемониями, и долгий период траура, но зато уделяющих огромное внимание экономическим проблемам. Он был непримиримым противником династии Чжоу, в отличие от конфуцианцев, которые ее поддерживали. За образец Моцзи почитал династию Ся, которая была для него больше символом,

чем реальностью. Сторонник умеренности, всеобщей любви и пацифизма, т. е. идей, которые он разделял с множеством своих современников, Моцзи предлагал на основании своих идей создавать рациональное общество. Его философия основывалась на пессимизме: проповедуя всеобщую любовь, он не верил в то, что люди способны на это от природы.

Му Ци (Mu Qi)

Художник чань периода Южная Сун (XIII в.).

Мэй Яошэнь (Mei Yaochen)

Родился в 1002, умер в 1060 г. Происходил из провинции Аньхой. В 1056 г. благодаря своему поэтическому дару стал членом императорской академии. Был также известен как историк и вошел в комиссию, задачей которой было составление истории династии Тан. Скончался до завершения работы.

Мэн Тянь (Meng Tian)

Умер в 209 г. до н. э. Министр и главнокомандующий армией Цинь Шихуанди. После смерти императора евнух Чжао Гао заставил его совершить самоубийство. Любопытно отметить, что именно грозному Мэн Тяню, строителю Великой Китайской стены, усмирителю погранич-

ных регионов и ненавистнику варваров, традиция приписывает изобретение чжэна (музыкальный инструмент схожий с арфой) и кисти.

Мэн Хаожань (Meng Haoran)

Родился в 689 г., умер в 740 г. Блестящий поэт VIII в. Происходил из провинции Хубэй. Провалился на экзаменах и ушел жить в горы, став отшельником. Легенда представляет его большим оригиналом, сообщая, что он любил искать вдохновение, езда по снегу верхом на обезьяне. Дожив до 40 лет, он решил вернуться в столицу. Там он подружился с Ван Вэем, который восхитился его стихами и пытался добиться для него императорского благоволения. Но Мэн Хаожань предпочел вернуться в свое убежище.

Мэн-ци (Mengzi)

Родился в 372 г., умер в 289 г. до н. э. Ученик Конфуция. Его произведения, написанные ясным и живым стилем, способствовали широкому распространению конфуцианской философии и благодаря зарождению образования имели огромное значение.

«Мэнцибитан» (Mengqibitan)

«Раздумья об озере снов» Шэнь Гуа (1030—1094)¹.

¹ Трактат, посвященный «волшебным зеркалам», изготовленным из бронзы с выгравированными изображениями, рисунками или иероглифами на обратной стороне, которые при определенном освещении имели способность проясняться. Тайна изготовления этих когда-то ритуальных предметов до сих пор окончательно не раскрыта.

Н**Нанкин (Nankin)**

Столица юга, расположенная на южном берегу Янцзыцзян. Ее создание как укрепленного города датируется периодом Хань.

Нефрит

Из материалов, которые могли бы охарактеризовать китайскую культуру, нефрит, без сомнения, больше всего напоминает о Китае, хотя, как это ни парадоксально, там нет ни одного нефритового месторождения. Импортируемый из Прибайкалья или Туркестана, он был главным материалом для китайских резчиков, а слава его сохраняется до сих пор. Словом «нефрит» называют также жадеиты и собственно нефриты; основа первого минерала состоит из силиката соды и алюминия, второго — из силиката кальция и магния. Эти разновидности камня часто не отличают, хотя первый намного более твердый, чем второй, и всегда бывает зеленого или белого цвета. На жадеитах могут быть пятна ржавчины. Что же касается нефритов, то гамма их богаче, чем жадеитов, включает все оттенки зеленого и бежевого цвета. Древние произведения из нефрита, которые датируются XIV—VIII вв. до н. э., составляют особую группу. Впрочем, известны и несколько круглых скульптур конца неолита, однако предметы мы находим только в Аньяне. Это религиозные символы, как круглые би и цзун, имеющие форму

параллелепипеда, знаки должностей или подвески в форме животных и людей, назначение которых теперь не известно. Знаки часто имели форму тонкой, очень чистой пластины. Позднее конфуцианцы увидели в этом символ добродетелей просвещенного мужа. Трогательные находки были сделаны в 1976 г. в могиле № 5 в Иньской (Аньян), где покоились останки Фу Хао, супруги правителя У-дина (1339—1281 до н. э.). Удивительное пластическое изображение птиц, состоящее из фигурок, расположенных в два ряда, достигалось тщательной полировкой с использованием шлифовального порошка, часто на основе кварца.

О**Оуян Сю (Ouyang Xiu)**

Родился в 1007 г., умер в 1072 г. Писатель, историк, один из самых деятельных мыслителей конца XI в. Был автором «Новой истории Тан» («Синь Тан шу»), которую он издавал с 1060 г. Ему приписывают также самый древний китайские сборник по эпиграфике («Цзы гу лу»), трактат о пионах и сборник анекдотов, посвященных современникам. Самого себя он с юмором называл «пьяным заместителем», «седовласым стариком с плешивой макушкой».

П**Первый император**

См. *Цинь Шихуанди*.

С**Самые организованные, самые могущественные**

Самые опасные из варваров эпохи Хань. Иногда, не имея на то реальных оснований, их смешивают с гуннами, которые обрушились на Западную Европу несколько веков спустя.

Священные котлы

Великолепные древние бронзовые сосуды, предназначенные для напитков, подачи или варки пищи, обладали, помимо красоты, которая победила время, огромным символическим значением. В них выражалась характеристика правящей династии: когда власти становилось невозможно выносить, когда вода или алкоголь начинали кипеть, несмотря на то, что котел не стоял на огне, или когда он начинал трястись, — это означало, что династия потеряла свои добродетели и движется к гибели. Так, для Чжоу, если верить Сыма Цяню, все закончилось катастрофой: «Когда государство Цинь уничтожило династию Чжоу [220 до н. э.], в Цинь из Чжоу были перевезены девять священных котлов. Но появились люди, которые сказали, что котлы были отлиты на дне реки Сы, там где она впадает в Пэнчэн, и что это произошло в момент, когда были уничтожены алтари земли государства Сун на Большом холме, или за сто пятнадцать лет до того, как Цинь захватила империю». Как бы то ни было, таинственные священные котлы

Пять Династий

Эпоха в китайской истории, продолжавшаяся от падения династии Тан (907) до объединения империи династией Сун (960).

Р**Рабство**

Нельзя сказать, что в первых китайских обществах существовало рабство как таковое. Трудно понять, на каких условиях осуществлялась служба в период Шан-Инь. Исключение составляет только принудительное участие некоторых людей в военных экспедициях и в охотах. Эти охоты сами по себе были только видом «больших маневров», которые проводились для того, чтобы научить людей воевать. Известно, впрочем, что в правление Шан-Инь существовала форма временного рабства, которая была средством борьбы с неповиновением, феномен, который сохранился в китайском праве: с периода империи различные кодексы предусматривают наказание от одного до нескольких лет временного рабства в зависимости от свойства и важности совершенного проступка. Однако сами иероглифы, которые означают слово «рабство» в контексте римского права, появились намного позже периода Шан-Инь, а сама проблема стала социально значимой только в эпоху Хань вследствие глубокого разорения крестьянского сословия.

действительно исчезли одновременно с династией Чжоу.

Се Линюнь (Xie Lingyun)

Родился в 385 г., умер в 433 г. Мыслитель и великий поэт, мастер пейзажей, в описании которых вкладывал философский смысл. Эксцентричность и плохой характер были причиной его беспокойной жизни. С молодости он любил одеваться по моде древних и имел толпу подражателей. Вместе с ними он уходил в горы и леса. Однажды судья Чжоцзяни встретил его и с ужасом принял за бандита-мятежника. Правители династии Сун (420—479), правившие в районе Нанкина, очень им интересовались, но его неуживчивость привела его к гибели: возможно, он был приговорен к обезглавливанию.

Се Хэ (Xie He)

Первый великий китайский эстет IV в., в произведениях которого, «Гухуапиньлу», содержатся теоретические основы и критика китайской живописи.

Северная Вэй

Династия, основанная в 386 г. варварами тоба — тюркомонгольского народа. Они завоевали бассейн реки Хуанхэ и основали свою столицу в Пинчэне, современном Датуне, в провинции Шаньси. В 535 г. династия распалась на две части: Восточная Вэй

и Западная Вэй. Под властью правителей династии Северная Вэй были созданы и украшены знаменитые наскальные святилища Юньгана и Лунмэня, сокровища китайской буддийской скульптуры. Стиль Северной Вэй характеризуется вытянутыми формами тела Будды и одновременно серьезным и смеющимся выражением его лица.

Сиванму (Xiwangmu)

Правительница-мать Запада¹.

Сиань (Xian)

Столица провинции Шэньси. Была построена на месте Чанъани — столицы династий Ранняя Хань и Тан.

Скульптура эпохи

Жизнь Китая в правление династии Хань, так же как и художественное мировосприятие людей этого времени, известны нам, по большей части, по серии барельефов, найденных в разных точках страны — в Сычуани и в Хэнани, но особенно в провинции Шаньдун. Эти находки Эдуард Шаванн и Вилма Фербанк, позднее и китайские археологи очень долго изучали. Эти штампованные плитки и резные камни различаются техникой, зависящей от природы материала, и стилем: иногда ремесленник тщательно обрабатывал каждый элемент, создавая изящную объемность,

а иногда, напротив, работал с плоскими глыбами, придавая им выразительную условность, создавая графические композиции. Исследователи долгое время искали разгадку этих столь противоположных стилей. Вслед за Шаванном, видящем связь этих изображений с архитектурой эпохи Хань, от которой не осталось свидетельств, Вилма Фербанк высказал собственную гипотезу. Он считает, что «объемная» манера могла быть символом пышности богатых дворцов, построенных из дерева и украшенных живописью. «Плоские» изображения воспроизводили простые формы обычных жилищ, построенных из кирпичей или из деревянного каркаса, но без особого орнамента. Шаванн подчеркивал колоссальный интерес истории культуры к этим барельефам и их эстетическим достоинствам: «...нужно отметить барельефы — простые изображения предметов, которые были нарисованы на стенах и потолках жилищ; <...> они заимствуют у живописи и предметы и манеру изображения <...>, это были произведения ремесленников, а не мастеров, и <...> поэтому исключалась всякая утонченность в их исполнении». Шаванн формулирует основную проблему китайской скульптуры: она представляла собой искусство, которое ценилось намного меньше, чем живопись. Часто скульптурой настолько пренебрегали, что ей занимались только ремесленники, которые

имели дело только с камнем среднего качества, либо слишком хрупким, либо, наоборот, слишком грубым.

Словари

С конца эпохи Чжоу, китайцы стремились классифицировать и систематизировать лексику своего языка, богатую, но иногда непонятную. Все слова китайского языка можно классифицировать по трем категориям: по смыслу, по графическому типу иероглифа и по «рифме» (т. е. по заключительному звуку, здесь речь идет о фонетической классификации). В самых древних китайских словарях использовался принцип классификации по смыслу. Самым ранним из дошедших до нас словарей был «Эръя», который датируется примерно II в. до н. э. Самым древним словарем, в котором использован принцип классификации по иероглифам, а следовательно, по системе ключей («корней»), был «Шуовэнь». Только с VI в. появляются фонетические словари. Они используют работы двух ученых: Сунь Янь (III в.) изобрел систему фонетического изображения каждого иероглифа при помощи двух других, где первый обозначал начальный звук, а второй — конечный звук. Два века спустя Шэнь Юэ (441—513) написал трактат о классификации и определении четырех тонов («Сышэн») китайского языка. Это произведение сегодня утеряно, но его упоминают все поздние словари.

¹ Божество, хозяйка Мировой горы Куньлунь, затем владычица небесных чертогов. Символ образованной женщины, хотя изображалась с присущими ей звериными чертами — тигриными клыками и хвостом леопарда.

Су Дунпо / Су Ши (Su Dongpo / Su Shi)

Родился в 1036 г., умер в 1101 г. Поэт, философ и художник, создатель «интеллектуальной живописи». В возрасте двадцати одного года сдал экзамены на степень цзиньши. Три года спустя, в 1060 г., после окончания траура, который он должен был носить после смерти матери, получил государственную должность. Несмотря на все перипетии политической карьеры, к его произведениям всегда относились с огромным уважением. С эпохи Сун было издано множество сборников его поэзии и прозы.

Су У (Su Wu)

История Су У, окутанная легендами, представляет собой пример образцового поведения китайца перед лицом варваров, является своеобразным символом китайского патриотизма. Император У-ди из династии Хань (141—87 до н. э.) отправил Су У к сюнну. Дипломатическая миссия была уже успешно завершена и Су У стал готовиться к возвращению, как случился заговор против шаньюя. Сюнну обвинили китайского посла в причастности к этому заговору и хотели заставить его признаться в преступлении. Он отказался и, не желая подвергнуться бесчестью, вызванному провалом его мирной миссии, попытался совершить самоубийство. Он был спасен, но остался в плену, а потом был отослан в Прибайкалье в качестве простого пастуха. Там он

прожил девятнадцать лет и вернулся в Китай лишь тогда, когда отношения между династией Хань и сюнну улучшились. Существует несколько вариаций жизнеописания Су У, но суть неизменна. Художники неоднократно изображали благородного имперского посланника, пасущим овец.

Суй (Sui)

Династия (581—618), основана полководцем Ян Цзянем, происходившим из северо-западной части Китая. Он объединил империю, так завершилась смутная эпоха Шести Династий.

Сун (Song)

Династия, основанная в 960 г. полководцем Чжао Гуанинем, которая частично была разбита в 1125 г. чжурчжэнями. Правительство, которое называлось Южная Сун, с этого момента была вынуждено переселиться в Ханчжоу. В свою очередь, оно тоже исчезло в 1279 г. после монгольского вторжения.

Сунь Цюань (Sun Quan)

Родился в 185 г., умер в 252 г. В эпоху Троецарствия основал государство У. Сначала был страстным противником Цао Цао, но с 217 г. был вынужден предложить ему мир и союзничество. В 219 г. союз был заключен, и Цао Цао даровал ему знатный титул. Когда Цао Цао вззошел на престол, он официально признал Сунь Цюаня князем У. Однако в 229 г. Сунь Цюань разорвал все

договоренности и провозгласил себя первым императором династии У.

Сыма (Sima)

В дословном переводе: «тот, в чьи обязанности входит уход за лошадьми», т. е. военный министр в период правления династии Чжоу. Термин позднее стал фамилией нескольких людей, вышедших из старинных знатных семей.

Сыма Гуан (Sima Guang)

Родился в 1019 г., умер в 1086 г. Государственный чиновник, непримиримый оппонент реформатора Ван Аньши (1021—1086), однако потомство больше ценило его талант историка, который проявился в его трактате «В помощь правительству».

Сыма И (Sima Yi)

Родился в 178 г., умер в 251 г. Служил у Цао Цао с 211 г. и скоро стал могущественным полководцем его армии. Знаменит тем, что вызвал ярость великого Чжугэ Ляна. Сыма И знал об огромных силах, которыми командовал его противник, и постоянно уклонялся от битвы, заставляя противника от изнеможения преследовать его. Говорят, что Чжугэ Лян пришел в дикую ярость и, чтобы выразить свое презрение, отправил Сыма И женское украшение.

Сыма Сянжу (Sima Xiangru)

Родился около 179 г., умер в 117 г. до н. э. Величайший поэт эпохи Хань.

Сыма Тан (Sima Tan)

Умер в 110 г. до н. э. Отец знаменитого историка Сыма Цяня. Последний всегда подчеркивал, что является продолжателем исторических штудий, начатых его отцом.

Сыма Цянь (Sima Qian)

Родился около 145 г., умер около 90 г. до н. э. Придворный астролог, который благодаря своему литературному таланту и проицательности стал родоначальником великого исторического жанра в Китае.

Сыма Янь (Sima Yan)

Генерал государства Вэй, который в 265 г. разбил династию Цао. Основал династию, которая получила название Цзинь, и с 280 г. на короткое время объединил империю. В истории известен под именем Цзинь У-ди, правил с 265 по 290 г. После его смерти единая империя вскоре снова распалась.

Сышу (Sishu)

«Четверокнижие». Содержит в себе основные положения конфуцианской доктрины, как ее понимали мыслители периода Сун. «Четверокнижие» состоит из следующих книг: «Великое учение» («Да сюэ») — излагает учение Конфуция, посвященное управлению государством; «Срединное и Неизменное» («Чжун юн») — предназначена внуку мудреца, наиболее философская из четырех книг; «Беседы и высказывания» («Лунь юй») Конфуция, в которых содержатся диалоги

учителя с учениками, — копия текстов, найденных в стене дома Конфуция вместе с «Шу цзин» («Канон истории»), изданной Кун Аньго (II в. н.э.); «Мэн-цзи», написанная Мэн-цзи, в ней содержатся разговоры с учениками и властителями. Удивительнейшим образом этот труд избежал сожжения по приказу Цинь Шихуанди, изданному в 213 г. до н. э.¹

Сюань Цзан (Xuanzang)

Родился в 602 г., умер в 664 г. Происходил из провинции Хэнань. В 20 лет стал буддийским священником и около 629 г. покинул Китай в поисках священных текстов. Из путешествия в Индию вернулся в 645 г. Император Тайцзун встретил его с большим триумфом и дал ему почетный буддийский титул сань цзан.

Сюаньсюэ (Xuanxue)

«Школа таинственного учения» — понятие, означающее обновление даосизма в конце эпохи Хань, в эпоху Троецарствия и в начале эпохи Шести династий.

Сюаньцзун (Xuanzong)

Посмертный титул самого знаменитого императора династии Тан. Правил с 712 г. до 756 г. В его правление Китай одновременно пережил апогей империи Тан и начало ее упадка.

Сюй Даонин (Xu Daoning)

Первая половина XI в. Художник эпохи Северная Сун. Хотя и обладал особым стилем письма, причислял себя к манере Ли Чэна.

Сюнну (Xiongnu)

Варвары, степные народы, населявшие земли вблизи границ Китая, представлявшие постоянную угрозу для империи.

Сюнцзы (Xunzi)

Родился в 315 г., умер в 236 г. до н. э. Происходил из страны Чжао. Вел бродячий образ жизни вместе со своими друзьями-философами. В своих размышлениях, основанных на учении Конфуция, он подчеркивал, что человеческая сущность по своей природе дурна. Именно благодаря этому его учение является одним из источников легизма.

Ся (Xia)

Первая династия китайских правителей. Она управляла Китаем до династий Шан-Инь и Чжоу. Ее существование доказала археология после обнаружения тонкого культурного слоя, располагавшегося между неолитом и периодом Шан-Инь.

Ся Гуй (Xia Gui)

Художник периода Южная Сун (XIII в.).

Сянь Юй (Xiang Yu)

Неудачливый соперник Лю Бана.

Сяо Тун (Xiao Tong)

Родился в 501 г., умер в 531 г. Старший сын Сяо Яня, благочестивого буддиста, основателя династии Лян (502—556) в Южном Китае. Автор самой знаменитой антологии китайской поэзии «Вэньсюань». Славилась своей богатой библиотекой.

Сяо чжуань (Xiao zhuan)

Письменность «малой печати», которая была изобретена Ли Сы — первым министром Цинь Шихуанди. Эта письменность была стандартизирована, ее выгравировали на стелах-образцах, установленных в каждом округе. Сегодня сохранились стела Ишань, Тайшань, Ланъя и Чжафу в провинции Шаньдун, а также стела Гуайчжи в Чжоцзяне.

Сяотунь (Xiaotun)

Поселение в префектуре Анъян в провинции Хэнань: именно здесь были найдены богатейшие остатки столицы правителей династии Шан-Инь, обычно называемой Анъян.

Т

Тайпин Гуанцзи (Taiping Guangji)

Сборник чудесных историй, собранных Ли Фаном (925—995), изданный в 981 г.

Тайпин Юйлань (Taiping Yulan)

Энциклопедия, изданная Ли Фа-

ном (925—995) по приказу императора Тайцзуна (976—997) из династии Северная Сун.

Тайцзу (Taizu)

Слово, обозначающее самого древнего известного предка семьи. Посмертный титул, который был дарован правителям из династии Сун (960—976) и династии Цзинь (1115—1123). Все титулы, которые были дарованы основателям династии, ведут свое происхождение от очень древних слов и обозначают различные ветви знатных семей: император чувствовал под именем цзу того из своих предков, кто прославился великими делами, а под именем цзун того, кто блистал своими добродетелями... Сын, который породил новую ветвь семьи, назывался цзу — первый из предков; его наследник (старший сын или основной наследник) получал имя цзун или тайцзун.

Тайцзун (Taizong)

Дословный перевод: «тот из предков знатной семьи, кто больше всего прославился своими добродетелями». Посмертный титул, который давался различным правителям: династии Тан (626—649), Сун (976—997) и Цзинь (1123—1135).

Талас

Река в Трансокситании. Арабские и китайские войска в 751 г. сошлись на ее берегах в битве, в результате которой были установлены восточная и западная границы продвижения ислама — Китай.

¹ При Цинь Шихуанди были унифицированы китайская письменность, судебная и идеологическая системы. Последняя утверждала господство легизма, который превратил династию Цинь в эффективную систему правления. Труды представителей других философских школ, в том числе исторические, а также многие выдающиеся классические произведения искусства были сожжены.

Тан (Tang)

Название династии, которая правила Китаем с 618 по 907 гг.

Тань Луань (Tanluan)

Родился в 476 г., умер в 542 г. Философ, автор трактата о возрождении в раю — основного текста секты амидаистов «чистой земли» (*цзинту*), которая развивалась в Китае, но стала знаменитой благодаря своему распространению в Японии.

Тао Юаньмин (Tao Yuanming)

Родился в 365 г., умер в 427 г. Поэт, воспевавший сельскую жизнь и хризантемы.

Теммоку

Название, которое японцы дали керамическим коническим чайным чашкам, украшенным радужными брызгами. Название теммоку («глаза неба») происходит от названия китайской горы. Жители, проживавшие у ее подножия, как говорят, использовали чаши подобного стиля для подношения воды в правление династии Сун. Эти чаши сначала производились в Фудзяни, а позднее в провинции Цзянси и Северном Китае в провинции Хэнань. Радужный эффект достигался использованием каленого оксида железа и песчаника с высоким содержанием железа. Основание этих чаш оставалось неокрашенным, верхняя часть богато украшалась, например золотыми нитями.

Тибетцы

Беспокойные соседи империи.

Троецарствие

Эпоха в истории Китая, которая длилась от падения династии Хань (220) до объединения империи под властью династии Цзинь (280).

Тунцзянь ганму (Tong Jian Gangmu)

«Главные устои всеобщего зеркала» — трактат, изданный философом Чжу Си (1130—1200), вслед за «Цзычжи тунцзянь» Сыма Гуана (1019—1086). Произведение Чжу Си, законченное его учеником Чжао Шиюанем, было переиздано в 1707 г. с дополнениями и комментариями под названием «Юйпи тунцзянь ганму»; этот текст аббат Майлья перевел на французский язык до 1735 г., но он был издан в Париже только в 1777—1783 гг.

Туюйхунь (Tuuyuhun)

Тибето-монгольский народ, живший в северной части Тибета; представлял угрозу торговым путям провинции Ганьсу, поэтому император Ян-ди из династии Суй напал на него и завоевал в 609 г.

Тяньлуншань (Tianlongshan)

Буддийские пещеры.

Тяньтай (Tiantai)

Буддийская секта, название которой напоминает о местности, где жил и проповедовал ее основатель Чжицай (538—597). Местность Тяньтай расположена в провинции Чжоцзян. Согласно «Сутре о Цветке лотоса чудесной

дхармы» («Саддхарма пундарика сутра»), Чжицай пытался соединить мистицизм философских школ Южного Китая с духовным буддизмом Северного Китая.

У**У (Wu)**

Древнее название региона, который простирается к югу от нижнего течения Янцзыцзян. Он был захвачен государством Юэ в 473 г. до н. э. В эпоху Троецарствия долина Янцзыцзян была занята государством, которое снова стало называться У (222—279).

У Даоцзы / У Даосюань (Wu Daozi, Wu Daoxuan)

Первый из великих китайских пейзажистов (VIII в.). Назван императором Сюаньцзунном (годы правления 712—756). т. е. «глава мастеров» империи, его считали также «королем художников» (байдай хуашэн).

У Цзэтянь (Wu Zetian)

Родилась в 625 г. умерла в 705 г. Императорская наложница, которая хотела основать новую женскую династию. Она посвятила этому годы своей жизни с 690 по кончины.

Уэй (Wuwei)

Недеяние¹.

¹ Недеяние (уэй) означало не отсутствие какого-либо действия, а такое действие, которое позволяет природе развиваться собственным путем. В древнекитайской философии подчеркивалось, что только у людей, несведущих в истинных законах бытия, принцип уэй понимается как отсутствие действия и покорность. Но у мудрецов, развивших в себе понимание дао, недеяние означает не отсутствие действия, а естественное действие, соответствующее природе вещей.

Укун (Wukong)

Родился в 730 г. Буддийский священник, происходил из провинции Шэньси. В 751 г. входил в состав посольства евнуха Чжан Таогуана, отправленного к правителю Гандхары. Там Укун сильно заболел и дал обет в случае выздоровления посвятить свою жизнь Будде. На протяжении 40 лет он изучал и собирал книги и святыни по всей Центральной Азии и Индии. Вернувшись в Китай, посвятил остаток своих дней переводу собранных текстов.

Утай (Wutai)

Одно из самых священных мест китайского буддизма, расположенное в горном массиве на северо-восточном рубеже провинции Шаньси. В эпоху Тан, на пяти горах, которые дали название этому месту, располагалось больше 350 храмов. Говорили, что это место посетил Вэньшу, который принял облик старика.

Ф**Фан Сюаньлин (Fang Xuanling)**

Родился в 578 г., умер в 648 г. Происходил из провинции Шаньдун. В 630 г. ему было поручено написание истории Цзинь. Фан

Сюаньлин покинул двор (635) после выговора, который был ему сделан, но император, не найдя никого, кто мог бы его заменить, попросил его вернуться, так как ценил его советы. На смертном одре Фан Сюаньлин умолял, чтобы была закончена война с Кореей, которая, на его взгляд, была губительной для государства.

Фань Куань (Fan Kouan)

Родился в 960 г., умер в 1030 г. Художник эпохи Северная Сун.

Фань Чжунянь (Fan Zhongyan)

Родился в 990 г., умер в 1053 г. Философ и государственный чиновник. Провел первую серию реформ и подготовил этим путь для радикальных изменений, принятых Ван Аньши (1021—1086).

Фань Шэнда (Fan Chengda)

Родился в 1126 г., умер в 1193 г. Просвещенный чиновник эпохи Северная Сун. Занимал различные посты, в 1179 г. был назначен министром. Опубликовал мемуары о путешествиях, которые ему пришлось совершить по долгу службы по приказу гражданской и военной администрации, особенно важном — в Сычуань в 1177 г. Фань Шэнда написал несколько поэм и трактатов, посвященных цветам сливы и хризантемам — в его саду их было 35 видов.

Фасянь (Faxian)

Конец IV — начало V вв. Родился в Уяне, в провинции Шэньси. Воспитывался в буддийском

монастыре. Сожалел о бедности этого монастыря, в котором практически не было буддийских текстов, он покинул Китай в 399 г. и через Центральную Азию достиг Индии, из которой вернулся морем в 412 г. Он поселился в Нанкине и там составил рассказ о своем путешествии и, главное, перевел те священные тексты, которые привез. Фасянь так заканчивает свой рассказ: «Фасянь провел шесть лет, путешествуя из Чанъяни в Центральную Азию. Там он оставался шесть лет, а затем ему понадобилось еще три года, чтобы достичь Цинчжоу. Он пересек немногим меньше тридцати стран. От песчаных пустынь Запада на протяжении всей дороги в Индию благородное поведение священников и доброе влияние веры были невыразимо прекрасны. Но так как приверженцы буддизма у него дома не имели никакой возможности услышать об этом, Фасянь, не придавая значения своей жизни, взосел на корабль, чтобы пересечь море, и перенес многие трудности и опасности. К счастью, божественное покровительство Священной Триады защитило его от всех опасностей. Вот почему он пишет на табличках из бамбука и шелка свой рассказ о том, что он перенес, надеясь, что благородный читатель захочет обратить свое внимание на эти записки».

Фа-цзя (Fajia)

«Школа законов», или «школа легистов».

Фэн Дао (Feng Dao)

Родился в 882 г., умер в 954 г. Просвещенный муж, происходивший из Северного Китая, родился в смутную эпоху Пяти Династий. На протяжении всей своей жизни старался оказаться на стороне более сильного, что лишило его уважения современников, несмотря на то что он входил в академию Ханьлинь. Однако он остался в истории благодаря тому, что напечатал классические тексты. Иногда его ошибочно считают изобретателем книгопечатания.

X

Хайнань (Hainan)

Крупный остров, административно относящийся к провинции Гуандун. Плодородные низины и горы, богатые минеральными месторождениями.

Ханчжоу (Hangzhou)

Расположенный в устье реки Цяньтан, город Ханьчжоу был основан в 606 г. Пышный расцвет, сделавший город знаменитым, произошел в XII в., когда в период Южная Сун он стал столицей правительства в изгнании. В Ханчжоу заканчивался Великий канал, город особенно славился красотой своего Западного озера, воспетого многими поэтами. Один из пунктов, которые посетил Марко Поло. Город был сильно разрушен в XIX в. во время восстания тайпинов.

Хань (Han)

Название реки в Центральном Китае, которое позднее было перенесено на феодальное княжество. В конце III в. до н.э. Лю Бан получил его в дар от своего друга, а позднее непримиримого соперника Сян Юя. Придя к верховной власти и получив «Мандат Неба», Лю Бан выбрал в качестве имени своей династии название этого княжества, которое обеспечило его победу. Величие молодого имперского Китая, объединенного в течение четырех веков перед лицом варварской угрозы, настолько отождествлялось с правящим родом, что словом «хань» стали обозначать и само население Китая, противопоставлявшим его различным национальностям и этносам, которые либо жили по соседству, либо среди китайцев.

Хань Гань (Han Gan)

Художник-анималист (VIII в.).

Хань Уди (Han Wudi)

Воинственный император Хань. Его правление (141—87 до н.э.) было апогеем ханьского Китая.

«Хань Уди Нейчжуань» (Han Wudi Neizhuan)

«Тайная история императора У из династии Хань» — исторический роман.

Хань Фэй (Han Fei)

Родился в 280 г. до н.э., умер в 233 г. до н.э. Ученик Сюнь-цзи и глава школы легистов, сын князя государства Хань. Страстно

интересовался вопросами законности и уголовных процессов. Когда будущий император Цинь Шихуанди взошел на престол в государстве Цинь (247 до н. э.), государство Хань надеялось на союз с ним и Хань Фэй был отправлен в Цинь в качестве посла. Впрочем, некоторое время спустя его соученик Ли Сы, первый министр государства Цинь, позавидовал его влиянию и заставил его совершить самоубийство.

Хань Юй (Han Yu)

Родился в 786 г., умер в 824 г. Прозаик, поэт и философ эпохи Тан. Жестко выступал против буддизма и стоял у истоков мощного обновления конфуцианства, расцветшего позднее в эпоху Сун. Происходил из провинции Хэнань. Рано осиротев, пережил трудное детство, но благодаря трудолюбию достиг важного поста главы канцелярии ритуалов. Обладал большой смелостью, которая часто угрожала его жизни. В 803 г. был лишен своего поста и сослан в Гуандун за то, что протестовал против поднятия налогов в Чжили. В 819 г. едва избежал смерти за написание статьи против культа буддийских реликвий. Вновь изгнан в Гуандун, где старался улучшить положение населения, уровень жизни которого был намного ниже, чем в столице. Впрочем, его вскоре снова позвали в Чанъянь, но его здоровье было окончательно подорвано, и через

некоторое время он умер. Традиционно его считают одним из трех великих писателей эпохи Тан наряду с Ли Бо и Ду Фу. Его рукописям даже приписывались магические свойства, о чем свидетельствует удивительная история. В Гуандуне население терроризировал свирепый крокодил; чтобы избавиться от него, Хань Юй ритуально бросил в воды реки поросенка, козленка и требование к крокодилу успокоиться. Правда или нет, но крокодил исчез. Текст этого ультиматума считается примером воздействия литературы и образцом литературной формы.

Ханькоу (Hankou)

Расположенный у слияния реки Хань и реки Янцзыцзян, Ханькоу, наряду с двумя соседними городами — Аньяном и Учаном, — сердце Китая.

Ханьлин (Hanlin)

Дословный перевод: «лес кистей». Академия ученых, которая играла в эпоху Тан очень важную политическую роль.

Хо Цюйбин (Huo Qubing)

Умер в 117 г. до н. э. Один из самых знаменитых генералов императора У-ди из династии Хань.

Хуайнаньцзы (Huainanzi)

Умер в 122 г. до н. э. Литературное имя князя Хуайнаня (настоящее имя Люань), внук первого императора династии Хань. Современник Сыма Цяня, провел

свою жизнь в поисках даосского эликсира бессмертия, а затем покончил с собой, потому что был раскрыт заговор, который он замыслил против императора. Книга, которая озаглавлена его именем, содержит его сочинения, или, точнее, объединяет несколько текстов, которые ему приписывает традиция.

Хуайсу (Huaizu)

Родился в 725 г., умер в 785 г. Буддийский священник и выдающийся каллиграф. Автор стиля «травянистой письменности». Поэт Ли Бо (701—762) глубоко им восхищался. Говорят, что он был слишком беден, чтобы купить себе бумагу, и заменял ее листьями растений, которые вырщивал сам.

Хуайхэ (Huai)

Река длиной в 600 км., которая на протяжении долгого времени считалась своеобразной естественной границей между Северным и Южным Китаем. Ее слишком капризное течение к северу от Нанкина было укрощено работами, произведенными в 1951 г. Затем воды Хуайхэ впадают в Янцзыцзян, которая течет до Желтого моря.

Хуан Тинцзянь (Huang Tingjan)

Родился в 1045 г., умер в 1105 г. Каллиграф и поэт, друг Су Дунпо. Происходил из провинции Цзянси, сделал блестящую государственную карьеру, хотя и славился своей честностью. Его продвижение по службе затрудня-

лось потребностью ухаживать за умирающей матерью, что входит в «двадцать четыре примера», достойные восхищения, поскольку конфуцианский культ очень ценит сыновнюю почтительность. Сильно интересовался философией буддизма.

Хуан Чао (Huang Chao)

Умер в 884 г. Родился в провинции Шаньдун в семье солепромышленника. Провалившись при сдаче экзаменов, он поднял мятеж, покушаясь на имперскую соляную монополию, и вовлек в свое движение сельскую местность Южного Китая. В 879 г. напал на Кантон и разграбил его. В следующем году захватил Чанъянь, вынудив императора бежать в Сычуань. Хуан Чао провозгласил себя императором, основателем династии Да Ци. Мятеж был пресечен только в 884 г. полководцем тюркского происхождения Ли Кэюном. Однако ситуация в империи и положение династии не стало от этого менее катастрофичным.

Хуанхэ (Huang he)

В переводе означает «Желтая река». Растянувшаяся более чем на 5000 км, Хуанхэ — самая длинная река Китая. Она берет свое начало в южной части гор Куньлуня на высоте 4500 м. Русло реки, пробившее себе путь в скалах, образовало очень узкие ущелья. В средней части течения русло расширяется, так как там в реку начинают впадать притоки Фэнь, Хэ, Вэйхэ и Наньшаньхэ.

В нижней части течения Хуанхэ эту широкую реку сдерживают плотины, достигающие шестиметровой высоты. Здесь уже нет притоков. На протяжении веков ее русло менялось 26 раз, поэтому она могла впадать в море у Бохайского залива на севере или на южной части полуострова Шаньдун. Хуанхэ могла сливаться с Хуайхэ или с Янцзыцзян. Эти катастрофические для населения потрясения были вызваны огромным количеством осадков, и прежде всего лёсса, который река несла в нижнем течении. В итоге в дельту Хуанхэ каждый раз попадало около двух миллионов тонн ила.

Хуань (Huan)

Родился около 685 г., умер в 643 г. до н. э. Правитель княжества Ци. Как и всех великих героев эпохи, предшествующей империи, его личность окружают легенды. Та легенда, которая относится к его характеру, говорит о могуществе крупных землевладельцев в эпоху «Весна и осени» и показывает его стремление обрести все религиозные добродетели правителя (ван).

Хуань Сюань (Huan Xuan)

Родился в 369 г., умер в 404 г. Недолго правивший император страны Чу (403—404). Существует множество легенд, которые рассказывают, что он родился от звезды.

Хуаньцинъ (Huangjin)

См. *Желтые повязки*.

Хуэй Сы (Hui Si)

Родился в 514 г., умер в 577 г. Священник, по происхождению из провинции Хэнань. В 572 г. основал в Хэнани общину из 40 священников и посвятил себя глубокому изучению буддизма. Чжидай (538—597), основатель секты тяньтай, был одним из его учеников.

Хуэй Ши (Hui Shi)

Родился в 380 г., умер в 300 г. до н. э. Философ из «школы именов» (*мин цзя*). Согласно легенде, Хуэй Ши, родом из государства Сун, был другом Чжуанцзы. В соответствии с философией Мо-цзы Хуэй Ши превозносил «вселенскую любовь» и ненавидел войну, тем не менее не был членом организации моистов, которая, как ни странно, была практически военной. Кажется, Хуэй Ши даже проявлял недовольство по поводу «упразднения почетных званий», что опровергало одно из основных положений учения моистов — принятие иерархии. Из произведений Хуэй Ши до нас дошли только «Десять парадоксов», упомянутые Чжуанцзы, поэтому их толкование затруднительно.

Хуэй яо (Hui yao)

«Сборник распоряжений», впервые созданный императорским указом в 853 г., если верить официальным историкам. Их исследования, считавшиеся секретными, должны были относиться к 618—804 гг. и принести пользу для дальнейшего правления ди-

настии. Позднее, в период Сун, были составлены две хуэй яо, относившиеся к учреждениям Ранней Хань и Поздней Хань.

Хуэйинэн (Huineng)

Родился в 638 г., умер в 713 г. Основатель южной китайской школы дхьяны.

Хуэйцзун (Huizong)

Последний император династии Северная Сун, прославившийся своим талантом художника и каллиграфа, а также тем интересом, который он питал к искусству. Правил с 1101 г. по 1125 г.

Хуэйюань (Huiyuan)

Родился в 334 г., умер в 417 г. Монах родом из Южного Китая, провозглашал спасительную ценность в произнесении имени Амиды (няньфэ — по-китайски, намбуцу — по-японски). Стоял у истоков создания махаянистской секты «чистой земли» (*цзинту*).

Хэ Чжичзан (He Zhizhang)

Родился в 659 г., умер в 744 г. Поэт и государственный чиновник. Именно он представил Ли Бо императору Сюаньцзуну. Яркая личность, сам себя он называл Фу из Сымина, так как он родился в этом местечке, расположенном в Чжоцзяне.

Хэ Янь (He Yan)

Умер в 249 г. Мыслитель «школы таинственного учения» (сюаньсюэ), прекрасно знающий «И цзин». Конфуцианские мыслители не слишком его уважали,

если судить по тем нелестным записям, которые были посвящены его странностям и его капризному характеру, когда он служил при дворе Цао в царстве Вэй в эпоху Троецарствия.

Хэн Май (Heng Mai)

Родился в 1123 г., умер в 1202 г. Хэн Май часто называли «одним из трех Хэнов», так как он и два его брата прославились и на государственной службе, и на литературном поприще. Император Сяоцзун (1162—1189) из династии Южная Сун отправил его к правителю Цзинь, который овладел Северным Китаем. Однако Хэн Май отказался склониться перед правителем Северного Китая, как это делали все предыдущие послы правительства Ханчжоу. За свой патриотизм он поплатился тремя днями тюрьмы без пищи. Затем его выслали в Южный Китай. В 1167 г. он был назначен секретарем особого совета при императоре, а затем вице-ректором Ханьлинь. Он был одним из авторов большого сборника сказок «Ицзяньчжи».

Ц

Цао (Cao)

Фамилия великого генерала Цао Цао (155—220) и Цао Пэя (187—225), основателя государства Вэй. Кроме того, эта фамилия прославлена в литературе Цао Чжи (192—232) — третьим

сыном Цао Цао, самым знаменитым поэтом своего времени.

Цао Бусин (Cao Buxing)

Художник (III в.). Происходил из страны У. Произведения не сохранились, но существует легенда, которая говорит о магической силе его картин. Якобы он нарисовал красного дракона, играющего на поверхности вод. Однажды, когда началась засуха, его картину бросили в русло высохшей реки, и тут же пошел дождь. Эта легенда посвящена магической силе искусства, которой обладало произведение, созданное вдохновением художника.

Цао Пэй (Cao Pei)

Родился в 187 г., умер в 225 г. Сын полководца Цао Цао (умер в 229). Он способствовал падению династии Хань и основал государство Вэй (220—265). Был безызвестным поэтом.

Цао Цао (Cao Cao)

Родился в 155 г., умер в 220 г. Полководец, который поддерживал призрачную власть последнего императора династии Хань, реально управляя северной частью Китая. Его сын Цао Пэй (187—225) после смерти отца узурпировал трон и основал государство Вэй (220—265). Кроме того, и отец и сын были известными поэтами.

Цао Чжи (Cao Zhi)

См. Цао.

Цзи Кан (Xi Kang)

Родился в 223 г., умер в 262 г. Родом из провинции Аньхой. Известный поэт; вместе с Жуань Цзи (210—263) возглавлял кружок «Семи мудрецов из бамбуковой рощи». Очень интересовался алхимией и всеми учениями даосизма, рассматривавшими проблемы бессмертия. Скончался при трагических обстоятельствах.

Цзинкэ (Jingke)

Делал попытку убить Цинь Шихуанди. Вот отрывок из текста «Хань, Вэй, Лючао сяошо сюань», посвященный этому событию:

«Князь Дань велел поместить голову Фань Юй-ци в ларец и поднести ее царству Цинь вместе с чертежом дуканских земель. Цзин Кэ повез их, сопровождаемый У Яном. ...Они явились в Цинь с запада и прибыли в столицу Сяньян. Когда они вошли во дворец, некий придворный по имени Мэн доложил о них:

— Яньский наследник Дань, убоявшись могущества великого князя, подносит вам голову Фань Юй-ци и чертеж земель области Дукан и обещает стать вашим вассалом на северных границах. Циньский князь сильно обрадовался. В сопровождении множества сановников и нескольких сотен стражников, вооруженных рогатыми копьями, он вышел к яньским послам. ...Циньский князь приказал Цзин Кэ:

— Возьми чертеж и подойди к нам поближе.

И вот князь стал разворачивать чертеж, а когда развернул — увидел кончик короткого меча. Тогда Цзин Кэ левой рукою ухватил князя за рукав его платья, а мечом в правой изготовился ударить его в грудь. Но прежде чем убить князя, он стал исчислять его вины:

— Много дней прошло с тех пор, как ты провинился перед Янь; теперь ты жаждешь совершить насилие над всеми землями, какие ни есть среди Четырех морей, и не ведаешь ты в жажде своей ни удержу, ни меры. Фань Юй-ци был невиновен перед тобой, но ты истребил весь его род. Ныне Цзин Кэ намерен покарать тебя, дабы отомстить за всю Поднебесную. У яньского князя больна мать, и это заставляет Кэ торопиться. Если удастся, захвачу тебя живым, если нет — убью!

Циньский князь ответил:

— Вижу, что надлежит мне следовать вашей воле. Молю лишь об одном: дайте послушать мне цитру, и я умру. Позвали наложницу государя. Та прикоснулась к струнам, и цитра запела:

Платяя легкотканого рукав
Можно потянуть и оборвать;
Ширму высотой в восемь чи
Можно перепрыгнуть и бежать;
Меч, что за спиной прикреплен,
Можно быстро вынуть из ножен.

Цзин Кэ не понял цитры. Князь же внял цитре и выхватил меч из ножен. Затем он решительно

вырвал свой рукав, перепрыгнул через ширму и побежал. Цзин Кэ метнул в князя кинжалом. Но кинжал угодил в бронзовую колонну, поранив лишь князя ухом. Из колонны во все стороны посыпались искры. Тут князь внезапно обернулся и единым взмахом меча отсек Цзин Кэ обе руки. Цзин Кэ прислонился к колонне и захохотал. Затем опустился на корточки. Он был похож на совок для мусора. Цзин Кэ сказал в сердцах:

— Так я и не предусмотрел всего, позволил мальчишке себя провести. И за Янь не отомстил, и замысел свой не исполнил»¹.

Цзинтянь / Цзинту (Jingtian / Jingtu)

Система распределения земли, нарезанной согласно плану, который имеет форму иероглифа «колодец».

Цинь (Jin)

Династия, основанная в Северном Китае в 1126 г. чжурчжэнями, которые захватили Кайфэн. Династия пала в 1233 г. под ударами монголов.

Цинь (Tsin)

Единая империя, основанная Сыма Янем, знаменитым полководцем государства Вэй, который отстранил от власти род Цао и объявил себя правителем новой императорской династии Цинь. Он выбрал в качестве своей столицы Лоян, а в 280 г.

1 Перевод К. Гольгиной, перевод стихов Г. Ярославцева.

уничтожил государство У. Таким образом, Китай пережил короткий период объединения под властью императора (280—317). В 317 г. сюнну захватили Лоян и заставили двор бежать в Нанкин.

Цзиньши (Jinshi)

«Выдающийся просвещенный муж» — самая высокая степень правительственных экзаменов.

Цзоу Янь (Zou Yan)

Родился в 350 г., умер в 270 г. до н. э. Уроженец государства Ци, служил у князя Чжао, правителя государства Ян. Управлял государством, как говорят, настолько эффективно, что в холодной и безводной долине стало расти просо. Князь Чжао столь высоко его ценил, что построил для него гранитовый¹ дворец, однако его наследник князь Хуэй прислушивался к клевете завистников и бросил Цзоу Яня в тюрьму. Согласно легенде, Цзоу Янь, попав в беду, смотрел на небо и плакал. Вскоре, несмотря на лето, пошел снег. Цзоу Яню приписывают знаменитые труды по космогонии и теории «пяти элементов».

Цзун Бин (Zong Bing)

Родился в 375 г., умер в 443 г. Происходил из Наньяна в провинции Хэнань. Отказался от официальной должности, несмотря на успешные экзамены, и предпочел вместе со своей супругой, которая разделяла его взгляды, вести богемный образ жизни, посвятив себя искусству.

Вместе с Ранним Ван Вэем (415—443) — один из первых великих теоретиков китайской живописи. Его произведения утеряны.

Цзюй Жань (Ju Ran)

Художник периода Пяти Династий (2-я пол. X в.).

Цзюй жэнь (Ju ren)

Дословно «выдающийся человек» — тот, кто успешно сдал экзамены второго уровня.

Цзянькан (Jian kang)

Древнее название Нанкина, которое было дано ему династией Цзинь в 317 г., когда вторжение варваров в Северный Китай заставило их укрыться к югу от Янцзыцзян, где они основали династию Восточная Цзинь. Цзянькан оставался столицей всех династий Юга, которые сменяли друг друга в этом регионе вплоть до воцарения династии Суй: Южная Сун (420—479), Южная Ци (479—502), Лян (502—557) и Чэнь (557—589).

Ци (Qi)

Государство Ци было расположено на Шаньдуне, к северо-западу от государства Лу. Княжество Ци было особенно могущественным в эпоху «Весен и осеней», особенно в период правления князя Хуаня (685—643).

Цин Хао (Qing Hao)

Художник периода Пяти Династий (1-я пол. X в.).

Цинтань (Qing tan)

«Чистые беседы»¹.

Цинту (Qingtu)

Амидаистская секта «чистой земли», основана в 402 г. Хуэйюанем (334—417).

Цинь (династия)

См. *Цинь Шихуанди*.

Цинь Гуань (Qin Guan)

Родился в 1049 г., умер в 1101 г. Происходил из провинции Цзянсу. Цинь Гуань провалился на правительственных экзаменах. Пресытившись на некоторое время литературой, он всецело предался изучению работ, относившихся к военному искусству. В результате был отмечен Су Дунпо и представлен им Ван Аньши. Цинь Гуань, наконец, сдал экзамены, и ему было доверено составление истории правящей династии. Однако завистники обвинили его в том, что он подделывает документы, которые должен обрабатывать, и Цинь Гуань был сослан на низкую должность в провинцию.

Цинь Шихуанди

(Qin Shihuangdi)

Первый император (правил 221—210 до н. э.). Основал империю, которая стала наследником государств древности.

Цюй Юань (Qu Yuan)

Родился в 343 г., умер в 277 до н. э. Самый знаменитый поэт периода, предшествующего империи. В своих стихах описывал страдания ссылки, горечь от клеветы и людской злобы. Вел свой род от У, правителя варварского происхождения, который стоял во главе южного государства Чу (740—690 до н. э.). Цюй Юаню приписывают множество стихов, которые ему не принадлежат. Со всем иначе дело обстоит с «Ли Сао», большим сборником, где мистическая поэзия, связь которой с древними китайскими шаманскими церемониями очевидна, соседствует с очень личными элегиями, посвященными несправедливости людей и времени. Цюй Юань, т. е. Юань из Цюя, был советником Хуэя (328—299) и Цзинсяна (298—293), правителей государства Чу. В 297 г. он был изгнан, местом его жительства стала селение у реки Мило, где он и умер, побежденный старостью и болезнями.

Ч

Чанша (Changsha)

Именно в Чанша, столице провинции Хунань, к югу от реки Янцзыцзян, были открыты

¹ В китайской литературе III—IV вв. жанр прозаических произведений, в которых речь обычно шла о философских, отвлеченных вопросах, а не об этико-государственных проблемах, излюбленных конфуцианцами. Канонические образцы того времени — «Дао дэ цзин» и «Чжуанцзы», а также древняя гадательная «Книга перемен» («И цзин»), входившая и в конфуцианский канон. «Чистые беседы» приводили к опасному свободомыслию.

¹ Из гранит-порфира, т. е. гранита с порфировидной структурой.

многочисленные и самые красивые лаковые изделия эпохи Бо-рющихся Царств: бронзовые мечи с ножнами из черного лака; кожаные щиты, покрытые черным лаком, с изображением грозных туч и страшных драконов желтого и ярко-красного цвета; резные столы, подголовники, алтари с лаковым покрытием; чаши с ручками, бесчисленные шкатулки и ящички, в том числе вставленные друг в друга. О тщательности и терпении, необходимых для подобной работы, рассказывает одна история, правдивая или выдуманная, в которой выражается любовь, с какой ремесленники отыскивали секреты, чтобы передать богатство жизни: «Один человек получил заказ от правителя Чжоу. Он должен был расписать хлыст. Через три года он принес свою работу, и его хлыст ничем не отличался от обычных лакированных хлыстов. Правитель пришел в ярость, но мастер сказал ему: „Постройте стену высотой в тридцать два чи с окном размером в восемь чи. Посмотрите на хлыст еще раз через это окно в момент, когда будет вставать солнце“. Правитель так и сделал. Взобравшись на стену, через небольшое окно он увидел, что на рукояти хлыста вырезан огромный мир, населенный разнообразными драконами и змеями, птицами и животными, колесницами и лошадьми».

Чанъянь (Changan)

Расположена на территории современной Сиани в провинции

Шэньси, в долине реки Вэйхэ. Чанъянь была важнейшим культурным центром эпохи неолита (культура Яншао), а затем политическим центром. В 1122 г. до н. э. правитель У из династии Чжоу основал в окрестностях современной Сиани свою столицу, которая поучила название Хао. С этого времени она становилась столицей княжеств и маленьких государств, которые сменяли друг друга в этом регионе, и даже единых империй, созданных Цинь Шихуанди, династией Хань и династией Тан. Именно в период правления последней династии, без сомнения, Чанъянь достигла своего блеска. Затем в эпохи Сун и Юань начался долгий период ее упадка, пока город снова не возродился при династии Мин.

Чань, чань-на (Chan, chan-na)

Дхьяна (медитация) по-китайски. Впрочем, в китайской транскрипции это значение имеет только первый иероглиф. Второй иероглиф, обозначающий второй слог слова дхьяна, со временем просто отпал. Именно от понятия чань происходит японский термин дзен.

Чжан Сюй (Zhang Xu)

Родился в Сучжоу, в провинции Цзянсу (VIII в.). Создал каллиграфию «травянистого письма», которая вызвала восхищение Ду Фу (712—770). Чжан Сюй в подпитии вел себя неадекватно с властью имущими, поэтому имел прозвище Безумный Чжан.

Чжан Фэй (Zhang Fei)¹

Умер в 220 г. Происходил из государства Чжили. Был мясником, пока не познакомился с Лю Бэем, родом из династии Хань, который основал маленькое государство Шу (III в.). Лю Бэй даровал ему высокий пост в своем правительстве, чтобы отблагодарить за отвагу и военные таланты. Чжан Фэй был убит двумя своими офицерами.

Чжан Хуа (Zhang Hua)

Родился в 232 г., умер в 300 г. Поэт, государственный чиновник, который служил в эпоху империи Цзинь (265—317). Трагически погиб во время одного из дворцовых мятежей. Его эрудиция была легендарной: говорили, что, когда он переезжал, ему приходилось брать тридцать повозок, чтобы перевезти свою библиотеку.

Чжан Хэн (Zhang Heng)

Родился в 78 г., умер в 139 г. Астроном и математик. Император Ань (106—124) из династии Хань услышал о его обширных познаниях и доверил ему должность великого историографа. Это положение было подтверждено и следующим императором Шаньди (126—144), который повысил его еще на ранг. Чжан Хэн прославился тем, что создал армиллярную сферу, сейсмограф и написал трактат по астрономии.

Чжан Цай (Zhang Cai)

Родился в 102 г., умер в 107 г. Философ, пользовался покрови-

тельством Фань Чжуняня (990—1053). Дядя Чэн Хао (1031—1085) и Чэн И (1032—1107). На протяжении недолгого времени занимал государственный пост (в 1068 г.), но, раздосадованный тем, что Ван Аньши (1021—1086) не прислушивается к его мнению, покинул его.

Чжан Цянь (Zhang Qian)

Знаменитый посол в Центральной Азии императора У (141—87 до н. э.) из династии Хань.

Чжан Юэ (Zhang Yue)

Родился в 667 г., умер в 730 г. Уроженец Лояна, провинция Шаньси. Карьера Чжан Юэ была очень неровной: У Цзэтянь отправила его в ссылку в 703 г. за отказ дать ложное свидетельство против одного из врагов грозной императрицы. Император Чжунцзун (683—710) позднее вернул его, а его наследник император Жуйцзун (710—712) назначил Юэ государственным министром и возложил обязанность редактировать династийную историю. В правление императора Сюаньцзуна (712—756) положение Чжан Юэ было очень неустойчивым, милости сменялись опалой. Впрочем, отмечают, что он был хорошим художником и поэтом.

Чжан Яньюань (Zhang Yanyuan)

Родился около 810 г., умер в 880 г. Коллекционер, автор знаменитого трактата о живописи «Лидаи мин хуа цзи».

¹ Чжан Фэй — прославленный генерал эпохи Троецарствия.

Чжаньго (Zhanguo)
См. Борющиеся Царства.

Чжао Гань (Zhao Gan)
Художник эпохи Пяти Династий (2-я пол. X в.).

Чжао Куаньинь (Zhao Kuangyin)
Родился в 927 г., умер в 976 г. Основатель династии Сун (960—1279). Потомок семьи чиновников периода Тан. В правление императора Шицзуна (954—959) из династии Поздняя Чжоу он занял высокий пост в военном командовании. После смерти правителя назначил себя регентом (т. е. силой занял трон, воспользовавшись поддержкой армии). Сумел на долгое время объединить китайскую империю, которая в период Сун достигла одной из вершин в своем развитии.

Чжао Мэнцзянь (Zhao Mengjian)
Родился в 1199 г., умер в 1295 г. Художник-флорист, двоюродный брат Чжао Мэнфу (1254—1322), знаменитого художника периода Юань

Чжао Янь (Zhao Yan)
Художник начала X в. Умер в 922 г.

Чжи гуань (Zhi guan)
Официальные списки, в которых содержались должностные инструкции для членов правительства. Созданы императором Сюаньцзуном (712—756) из династии Тан.

Чжи Дунь (Zhi dun)
Родился в 314 г., умер в 366 г.

Даосский философ, друг каллиграфа Вана Сичжи.

Чжи (Zhiyi)
Родился в 538 г., умер 597 г. Основатель секты тяньтай.

Чжоу (Zhou)
Третья и последняя древняя династия правителей Китая, после династии Ся, еще мало известной, несмотря на недавние археологические открытия, и династии Шан-Инь. Название Чжоу на протяжении истории Китая имели несколько недолговечных династий: Северная Чжоу, правила в Чанъяни (557—581), была покорена династией Суй; Поздняя Чжоу, правила в Северном Китае (951—960) до победы династии Сун. В 690 г. императрица У Цзэтянь основала династию, единственным представителем которой была она сама, и также дала ей название Чжоу.

Чжоу Дунь (Zhou Dunyi)
Родился в 1017 г., умер в 1073 г. Происходил из провинции Хунань, занимал невысокий военный пост в провинции Цзянси, затем был переведен на судебную должность в провинцию Гуандун. Был учителем двух великих философов Чэн Хао (1031—1085) и Чэн И (1032—1107). Инициатор глобального обновления, которое получило конфуцианство в период правления династии Сун.

Чжоу ли (Zhou Li)
«Ритуал Чжоу». Вероятно, речь идет о произведении, составлен-

ном незадолго до начала периода Хань человеком, который почтиительно относился к ритуалам, выродившимся в эту эпоху. Мнения ученых о «Чжоу ли» очень сильно разнятся: Масперо полагает, что речь идет об административном сборнике IV в.; Б. Карлгрен, напротив, видит в нем ханьский текст. Наконец, стоит отметить, что Цинь Шихуанди был противником ритуалов Чжоу, так как его страна Цинь сохранила древние ритуалы Шан-Инь.

Чжу Даошэн (Zhu Daosheng)
Родился в 365 г., умер в 434 г. Ученик Кумарадживы (344—413). Происходил из региона Сучжоу в Южном Китае.

Чжу Си (Zhu Xi)
Родился в 1130 г., умер в 1200 г. Самый знаменитый философ периода Сун, основатель течения, известного на Западе как неоконфуцианство, а в Китае — «школа ли» («Ли сюэ»).

Чжуанцзы / Чжуан Чжоу (Zhuangzi / Zhuang Zhou)
Один величайших философов даосизма (IV — III в. до н. э.).

Чжугэ Лян (Zhuge Liang)
Родился в 181 г., умер в 234 г. Происходил из Янду, провинция Шаньдун. Состоял на службе у Лю Бя, последнего отпрыска династии Хань. Сражался с армиями Цао Цао, правителя государства Вэй. Умер во время военной кампании 234 г. Он всегда вызывал искреннее народное

восхищение и, без сомнения, был один из самых знаменитых героев романа «Троецарствие». Ему приписывалось не только изобретение тачки (к слову сказать, она существовала и до него), но и лука, который мог стрелять несколькими стрелами одновременно. Он был широко известен как математик, тактик и чародей.

Чжунхэнцзя (Zhonghengjia)
Это термин означает «советник» и обозначает людей самых разных занятий, которые ходили от двора ко двору в эпоху Борющихся Царств. Среди них можно встретить дипломатов, военных, историографов, астрологов, торговцев, шутов и музыкантов. Их выступления, построенные в форме аргументированных диспутов, целью которых было создание единого мнения, назывались лунь нань — «рассуждения о затруднениях».

«Чжушу Цзинянь» (Zhushu jinian)
«Бамбуковые хроники». Составлены хронистом из страны Вэй в эпоху Борющихся Царств. «Бамбуковые хроники» были положены в могилу правителя этой страны в 299 г. до н. э. Некий Бяо Чжунь нашел их почти шестьсот лет спустя, в 280 г. н. э.

Чжэньчжоу (Zhengzhou)
Древняя столица династии Шан-Инь, открытая в 1950 г.

Чи мэй (Chi mei)
См. «краснобровые»

Чу (Chu)

Раскинувшееся у среднего течения Янцзыцзян, Чу было процветающим государством в период «Вёсен и осеней», до тех пор пока не было завоевано государством Цинь в 233 г. до н. э., т. е. за два года до основания империи. Район Чанша тем не менее обычно продолжали называть Чу, и в эпоху Пяти Династий (X в.) там появилось маленькое цветущее государство Южного Китая с тем же названием.

Чу Суйлян (Chu Suiliang)

Родился в 596 г., умер в 658 г. Был знаменитым мастером каллиграфии и чиновником высокого ранга. Отличался храбростью. Начиная с 655 г. находился в жесткой оппозиции растущей власти У Цзэтянь, которая только что выжила официальную императрицу. Чтобы высказать свое осуждение, Чу Суйлян однажды бросился на землю перед тронем Гаоцзуна (правил 649—683). Одетый в церемониальные одежды, он бился лбом о землю и, согласно обычаю, продолжал делать это до тех пор, пока не потекла кровь. В наказание он был отправлен в провинцию, а затем изгнан в Корею, где и умер. Два его сына были казнены.

Чунцин (Chongqing)

Самый большой речной порт Западного Китая, расположенный на скалистом полуострове у слияния рек Цзяилин и Янцзыцзян.

«Чуньцю» (Chunqiu)

См. «Вёсна и осени».

Чэн И (Cheng Yi)

Родился в 1032 г., умер в 1107 г. Вместе со своим братом Чэн Хао (1031—1085) внес большой вклад в обновление конфуцианства в период правления династии Сун.

Чэн Хао (Cheng Hao)

Родился в 1031 г., умер в 1085 г. Вместе со своим братом Чэн И (1032—1107) внес важнейшие новации в конфуцианскую идеологию в период правления династии Сун.

Чэнду (Chengdu)

Столица Сычуани, расположенная на реке Миньхэ.

III**Шан Ян (Shang Yang)**

Первый министр страны Цин с 361 г. до н. э. до своей опалы и смерти в 330 г. до н. э. Его считают первым правителем «легистского» государства. Настоящее имя Гунсунь Ян. Происходил из второстепенной ветви династии правителей государства Вэй. Он многого добился на службе своей родине, а его талант столь высоко оценивал его учитель Гуншу Цзо, что, умирая, рекомендовал князю Хуэю либо возвести Шан Яна на самую высокую должность, либо убить, чтобы его талант не оказался на службе у враждебного государства. Однако именно это и случилось: в 361 г. до н. э. Гунсунь Ян перешел на службу к князю Сяо из государства Цин. Там он установил строгий и эффективный

порядок. В 340 г. до н. э. он начал войну против бывшего хозяина, князя Хуэя из государства Вэй, и завоевал обширные территории для государства Цин. Именно в это время в знак благодарности он получил титул князя Шан и известен в истории под именем Шан Ян. Впрочем, в 338 г., когда князь Сяо умер, Шан Ян хотел покинуть службу, так как он знал, что наследник престола не простит ему строгости обращения. Однако, когда ему не удалось бежать из государства Вэй, он удалился в свои земли, где был убит вместе со всей своей семьей.

Шан-Инь (Shang-Yin)

Первая династия правителей, подлинность которой подтверждается археологическими открытиями. Находилась у власти с 1500 по 1100 гг. до н. э. Среди богатого культурного наследия этой эпохи можно выделить два важных элемента: изготовление бронзовых изделий и появление письменности. Династия Шан-Инь наследовала другой более древней династии, которая называлась Ся. Ее следы сегодня найдены при раскопках в очень тонком археологическом слое, который наконец-то удалось выделить.

Шао Юн (Shao Yong)

Родился в 1011 г., умер в 1077 г. Философ эпохи Сун.

Шестнадцать государств

Маленькие государства, по большей части однодневки, основанные, как правило, варварами, которые разделили Китай между собой с начала IV до середины V вв.

Шесть Династий

Эпоха в истории Китая, которая длилась от падения династии Цзинь (317) до объединения империи под властью династии Суй (581).

Шижэнь хуа (Shiren hua)

«Живопись письма» — так Су Дунпо (1036—1101) определял интеллектуальную живопись, созданную для любителей, которую он противопоставлял живописи профессионалов. Термин использовался и позднее, в эпоху Мин, Дун Цичжаном (1555—1636), который трансформировал его в вэньжэнь хуа. Начиная с эпохи Мин классические и просвещенные художники не переставали влиять друг на друга. Главное различие, таким образом, было не между академизмом и любительством, а между традиционализмом и экстравагантностью.

Шилу (Shilu)

«Правдивые записи» императора¹.

Шу (Shu)

Древнее название Сычуани. Сердце страны Шу — равнина Чэнду,

¹ Династийные хроники, на основе которых составлялась китайская историография. «Правдивые записи» по закону нельзя было передавать другим лицам, в том числе и чужеземцам, они хранились в императорском книгохранилище.

которая была захвачена в 311 г. до н. э. армиями государства Цинь. Горные регионы Сычуани назывались страна Ба.

«Шу цзин» (Shujing)

«Канон истории», или «Книга документов», — собрание текстов, посвященных событиям самого древнего периода китайской истории. Ученые не перестают комментировать «Шу цзин», написанный на архаическом языке, испорченный поздними вставками и крайне многочисленными искажениями. Основными комментаторами «Шу цзин» были Кун Аньго (II в. до н. э.), Чжэн Хуань (II в.), Кун Инда (VII в.) и Цай Чэнь (начало XIII в.). Как и большинство древних книг, «Шу цзин» был сожжен в 213 г. до н. э. по приказу Цинь Шихуанди и его министра Ли Сы. Впрочем, несколько лет спустя, около 178 г. до н. э., император Вэнь-ди из династии Хань начал поиски утраченного произведения. Но только Фушэн, старик слепец из провинции Шаньдун, вспомнил уничтоженный текст и мог восстановить по памяти 28 глав. Позднее, когда в правление императора У-ди из династии Хань (141—87 до н. э.) князь Лу разрушил дом Конфуция, он обнаружил спрятанные в стене рукописи с его печатью, и среди них экземпляр «Ши цзин». Представитель семьи, ведущей свое происхождение от Конфуция, Кун Аньго постарался расшифровать манускрипт. С помощью 28 глав Фушэна он восстановил

первоначальный текст, который также таинственно исчез в IV в. н. э. Однако в конце V в. интеллектуалы ссылались на версию, которую они полагали текстом Кун Аньго. Первым исследователем, который сформулировал свои сомнения относительно подлинности этого текста, был Чжу Си (1130—1200).

Шуовэнь (Shuowen)

Самый древний китайский словарь, построенный по принципу ключей. Он включает в себя около 10 тыс. иероглифов, которые были разделены на 540 ключей («корней»). Составление большей его части приписывают Сюй Шэню (умер в 120 до н. э.).

Шэнь Гуа (Shen Gua)

Родился в 1030 г., умер в 1094 г. Один из самых оригинальных умов своей эпохи, эрудит, друг Су Дунпо (1036—1101). Происходил из Чжоцзяни, сделал блестящую карьеру и стал ректором академии Ханьлинь. Вел борьбу против варваров, которые теснили империю. Однако потерпел от царства Ся тяжелое поражение и был отправлен в ссылку в Шэньси. Особенно известен как автор «Сборника разговоров у пруда о мечтах» («Мэнци битань»).

Шэнь Сю (Shen Xiu)

Умер в 706 г. Возглавлял северную китайскую школу дхьяны (чань).

Шэнь Юэ (Shen Yue)

Родился в 441 г., умер в 513 г. Происходил из Чжоцзяни, сын

наместника Хуэйниани, казненно в 453 г. Занимал высокие посты при правителях династии Лян (502—556), которые наследовали династии Ци (479—502), при которой началась его официальная карьера. Автор истории Цзинь, Лю Сун и Ци. Шэнь Юэ был прежде всего известен тем, что первым определил и классифицировал четыре тона китайского языка.

Э

Экзамены

Организация и усовершенствование системы экзаменов позволяло выбирать чиновников.

Эннин

Родился в 794 г., умер в 864 г. Японский путешественник, который посетил Китай в период самых крупных гонений на буддизм со стороны правительства (842—845). Путешествие Эннина продолжалось почти десять лет, с 838 по 847 г. Монах секты тяньтай (по-японски тендай), он распространил в Японии практику амидаистской медитации, которая в упрощенном виде привлекала огромное количество верующих и сыграла очень важную роль в истории японской цивилизации.

Эршихуанди (Ershi huandi)

Второй император Китая и несчастный сын Цинь Шихуанди. Он прожил не больше четырех лет, а правил не более двух лет,

с 209 по 208 г. до н. э. За его правлением последовало воцарение императора Саньшихуанди (208—207). Эти два периода правления часто путают. В 206 г. до н. э. династия пала.

Ю

Юань Чжэнь (Yuan Zhen)

Родился в 779 г., умер в 813 г. Став первым на правительственных экзаменах (806), он начал блестящую карьеру, которая была неровной, благодаря многочисленным интригам, свойственным жизни двора. Юань Чжэнь был очень талантливым поэтом, его дружбу ценил Бо Цзюйи.

Юй Вэньцай (Yu Wenkai)

Родился в 555 г., умер в 612 г. Один из лучших инженеров династии Суй, особенно прославился тем, что соединил созданные раньше участки судоходных путей, возведя то, что позднее европейцы называли Великим каналом (по-китайски юньхэ).

Юй Хао (Yu Hao)

Архитектор (2-я пол. X в.), автор «Учебника по плотницкой работе» («Му цзин»). Он был знаменит своими пагодами с элегантно изогнутыми крышами. См. *Архитектура*.

Юньган (Yungang)

Знаменитые буддийские пещеры, расположенные недалеко от Датун в провинции Шаньси.

Юньхэ (Yunho)См. *Великий канал*.**Юэ (Yue)**

Древнее название региона, который лежал в северной части Чжоцзяни. Пережив период расцвета в эпоху «Весны и осени», государство Юэ было уничтожено государством У в 473 г. до н. э. Юэ, в свою очередь, было завоевано государством Чу в 334 г. до н. э. Иногда неоправданно забытое, государство Юэ играло очень важную роль в передаче Японии элементов китайской цивилизации, как, например, «трех сокровищ» — меча, жемчужины и зеркала. Через государство Юэ в Японию пришло заливное рисосеяние.

Юэ фу (Yuefu)

Музыкальная палата, созданная в 120 г. до н. э. императором У-ди из династии Хань, чтобы собирать мелодии и слова народных песен. Именно так было сохранено множество мотивов и поэтических размеров государства Чу, которые помогли развитию художественных средств в поэзии.

Юэ Фэй (Yue Fei)

Знаменитый полководец (1103—1141), сторонник отвоевания Северного Китая, захваченного чжурчжэнями.

Юэ яо (Yue yao)

Печи для обжига в стране Юэ (в современной Чжоцзяни), которые производили «протоселадон» (конец III — начало IV вв.).

Я**Ян Ваньли (Yang Wanli)**

Родился в 1124 г., умер в 1206 г. Происходил из провинции Шаньси. Ян Ваньли, семья которого бежала в Южный Китай после вторжения чжурчжэней, имел должность библиотекаря имперской библиотеки. Его противодействие введению в обращение металлической монеты привело к потере благоволения императора. Некоторое время он вынужден был занимать невысокие должности в провинции. Однако это совершенно не повредило его репутации поэта. Он также известен своими комментариями к «И цзин».

Ян Гуйфэй / Ян Юйхуань (Yang guifei / Yang Yuhuan)

Знаменитая фаворитка императора Сюаньцзуна из династии Тан. Ее трагический конец послужил неиссякаемым источником сюжетов для моралистов и поэтов.

Ян Су (Yang Su)

Чиновник высокого ранга, изобретатель эпохи Суй (начало VII в.). Знаменит своим участием в строительстве гигантской галеры с пятью палубами, которые были защищены двумя шарнирными рычагами, предназначенными разбивать нападающие корабли противника во время боев в реках, каналах и озерах. Этот корабль был великопальной машиной, позволяв-

шей подавлять народные выступления.

См. *Архитектура*.**Ян Цзянь (Yang Jian)**

Родился в 540 г., умер в 604 г. Восстановил единую китайской империи, основал династию Суй. В истории известен под своим посмертным именем Вэнь-ди (правил с 590 по 604 г.).

Ян Янь (Yang Yan)

Родился в 727 г., умер в 780 г. Государственный чиновник, создатель «двойного налога» (*ляншуйфа*), названного так, потому что он взимался два раза в год — в шестой и одиннадцатый месяц.

Ян-ди (Yangdi)

Второй и последний император династии Суй (правил в 604—618 гг.). В истории он остался безжалостным тираном. Он был убит в 618 г. во время своего бегства в Южный Китай от войск Ли Юаня и Ли Шиминя.

Янцзыцзян (Yangzijiang)

В переводе с китайского — «Голубая река».

Янчжоу (Yangzhou)

Город в провинции Цзянсу на Великом канале. Там проживал Марко Поло, когда выполнял свои обязанности.

Яншао (Yang-shao)

Термин, обозначающий первый важный период истории китайского неолита. Основным местом находок этой культуры была тер-

ритория Баньпо, около Сиани, в провинции Шаньси. В долине реки Вэйхэ культура, которая называлась Яншао, простиралась одновременно на восток до южных районов Янцзыцзян (например, культура Цинляган) и на запад. Впрочем, вплоть до недавних открытий в провинции Ганьсу, культура Яншао была известна только по глиняным кувшинам со спиральным орнаментом, найденных в Баньшане, недалеко от Ланьчжоу. Сегодня стиль Яншао широко представлен находками из местности Мацзяяо, расположенной к юго-востоку от Ланьчжоу. Их орнамент значительно отличается от того, который мы видели в Баньшане. Глиняные печи там располагаются вокруг деревни. Этот феномен означает, что сословие ремесленников уже существовало, причем оно четко отделялось от других людей, тесно связанных с сельским хозяйством. Обилие и разнообразие керамики провинции Ганьсу позволяет проследить историю развития орнамента, большая часть которого восходит к неолиту: изображения птиц, рыб, земноводных превращаются в простые силуэты. Иногда даже исчезают и они, оставляя только самый простой лентообразный или сетчатый орнамент. В керамике Яншао можно увидеть основу тех элементов, которые проявятся в иконографии бронзового века.

Янь Либэнь (Yan Liben)

Знаменитый художник-портретист периода Тан (VII в.).

Янь Чжэньцин (Yan Zhenqing)
Родился в 709 г., умер в 785 г. Потомок интеллектуала и историка Янь Шигу (581—645). Ярый сторонник императора, Янь Чжэньцин всеми средствами боролся как против усиления мятежного Ань Лушаня, так и против движений, направленных против императоров династии Тан. В итоге это привело его к гибели: он был убит после восстания Чжуцзы (742—784), сына офицера из армии Ань Лушаня. Император Тоцзун (правил в 774—804 гг.) был настолько этим огорчен, что он назначил для всего двора пять траурных дней.

Янь Шигу (Yan Shigu)
Родился в 581 г., умер в 645 г. Чиновник и интеллектуал, который получил от второго императора династии Тан задание руководить составлением нового комментированного издания «Ханьшу». Взгляды, которые он высказал в ходе выполнения этой работы, противоречили ожиданиям правителя. Янь Шигу попал в опалу и умер в 645 г. во время военного похода против татар.

Яо Цзуй (Yao Zui)
Теоретик китайской живописи, сторонник даосизма (конец VI в.).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая.</i> ВВЕДЕНИЕ В КУЛЬТУРУ КИТАЯ.....	5
Язык и письменность.....	14
География.....	17
Доисторический период.....	25
Китайские источники и первая историография.....	38
Исторические ориентиры.....	49
 <i>Глава вторая.</i> ДРЕВНИЙ КИТАЙ.....	81
Шан-Инь.....	81
Чжоу.....	101
Западное Чжоу.....	106
Восточное Чжоу.....	108
Эпоха «Весна и осени» и эпоха Борющихся Царств.....	111
Философы древности.....	117
Основатели китайской философии.....	117
Конфуций, его наследие, его последователи.....	123
Школа законов.....	132
Даосизм.....	135
«Школа имен» («мин цзя»).....	141
 <i>Глава третья.</i> ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОР И ДИНАСТИЯ ХАНЬ.....	144
Цинь Шихуанди и приход к власти династии Хань.....	146
Варвары: отторжение или ассимиляция.....	160
Реформы в китайской армии.....	167
Военные кампании.....	169
Социальная иерархия и экономика.....	177
Ремесленники.....	178
Монополии.....	180
Проблемы сельского хозяйства и рабство.....	183
Жизнь Китая в первые века империи.....	191
Распространение влияния конфуцианства.....	192
Исследования даосизма.....	195
Повседневная жизнь.....	198
Смерть.....	205
 <i>Глава четвертая.</i> РАСПАД ИМПЕРИИ И ВОЗВЫШЕНИЕ ЮГА.....	208
От периода Троецарствия к периоду Шести Династий.....	208

Шу	208
У	211
Вэй	212
Китаизированные варвары и китайцы в изгнании	221
Варварские династии Севера	224
Северная Вэй	225
Эмигранты Южного Китая	228
Философское вдохновение поэзии	232
Цао и поэты эпохи Цзяньань	237
Семь мудрецов из бамбуковой рощи	241
Тао Юаньмин	244
Буддийское мышление и его последствия в искусстве	248
Буддийская скульптура и живопись	263
Живопись: от изображения к символу	275
Пейзаж	280
Глава пятая. ЗАРОЖДЕНИЕ ВТОРОГО КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА	288
Династия Суй	289
Династия Тан	308
Женщины и власть	309
Правление У Цзэтянь	312
Ян Гуйфэй и Ань Лушань	319
Глава шестая. УПРАВЛЕНИЕ И УПРАВЛЯЕМЫЕ: ТЕОРИЯ И ФАКТЫ	328
Административный механизм	328
Кодекс династии Тан	336
Экзамены	339
Ханьлин	342
Экономические изменения	346
Роль буддизма	346
Реорганизация монополий	350
Налоговая система	352
Проблема границ	358
Глава седьмая. ЛИКИ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ТАН	366
Сцены народной жизни	367
Жизненные рамки	367
Экзотика	378
Разнообразие религий	382
Экзамены	389
Духовное развитие	395
Чань-буддизм	396

Хань Юй	399
Историография	406
Лирическая чувствительность	411
Глава восьмая. ИСКУССТВО ЭПОХИ ТАН	423
Декоративные искусства	423
Ювелирное искусство	425
Украшение дома	430
Пластические искусства	438
Каллиграфия	438
Живопись	440
Глава девятая. ОТ ТАН К СУН: ЗАРОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ	453
Армия и варварские тиски	453
Новая система управления	469
Экономическая жизнь	477
Реформы Ван Аньши	477
Сельскохозяйственный вопрос	486
Основы сельскохозяйственной и налоговой экономики	486
Расцвет ремесел	490
Керамика	492
Градостроительство	495
Судоходство	498
Наука и техника	503
Астрономия	507
Физика	508
Медицина	512
Глава десятая. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ХУДОЖНИКИ В ЭПОХУ СУН	515
Философы	516
Закат буддизма	516
Новое китайское мышление, или Обновление конфуцианства	519
Книгопечатание	534
Литература	542
Проза	542
Поэзия	547
Живопись	556
Высшая точка в развитии пейзажа	557
Заключение	571
Справочный индекс	577